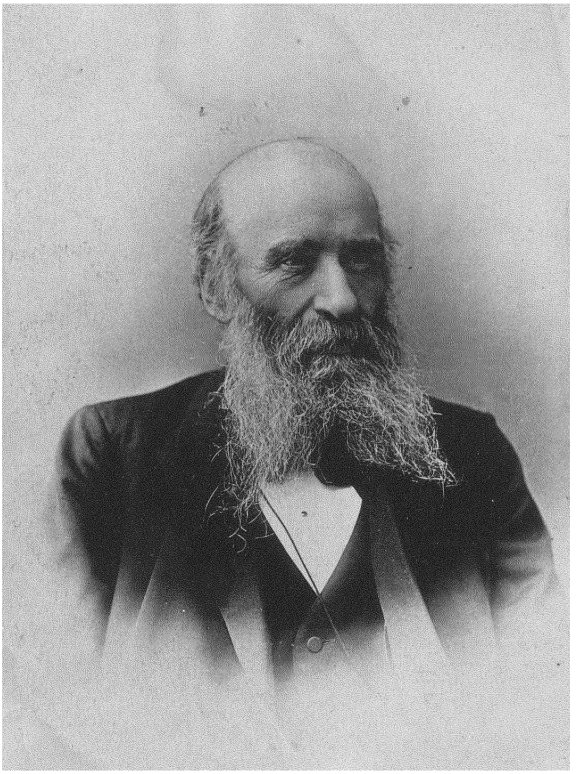
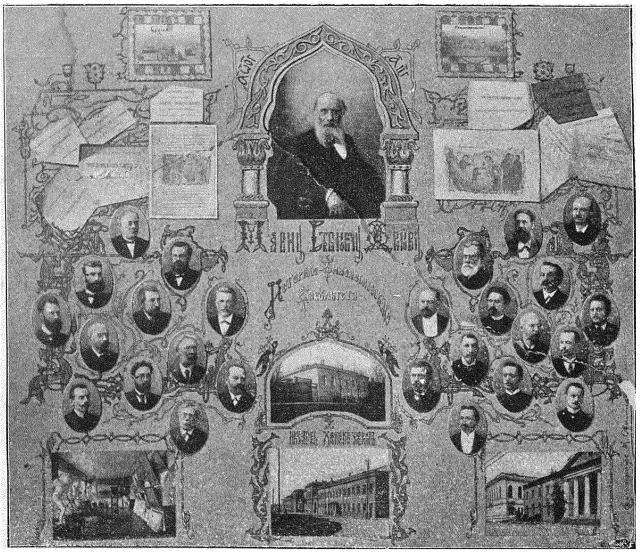


Шереръ, Набгольцъ и Ко. Москва.



ПОЧЕСТЬ

ТИ ПРИНЕСОУТЬ, КТО ЧТО МОЖЕТЬ.
ПОЧЕСТЬ, И ТОГДА ПОГРЕБОУТЬ ЕГО
(Митроп. КИКИФОРЪ. На ЛАТ.)

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

ПО СЛАВЯНОВѢДѢНІЮ,

посвященныхъ профессору Марину Степановичу Дринову его учениками и почитателями.

Сборникъ историко-филологическаго общества, состоящаго при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ.

т. XV.

ИЗД. ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

проф. М. Г. ХАЛАНСКАГО.

ХАРЬКОВЪ.
Электрич. Типо-Литогр. С. А. Шмерковича, Московская, 15.
1908.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран
Предисловіе	I
Чествованіе М. С. Дринова въ день 30 л. юбилея	III—VI.
Очеркъ научной дѣятельности М. С Дринова, **Б. М. Ляпунова**	1— 9.
Списокъ ученыхъ трудовъ М. С. Дринова, **Б. М. Ляпунова**	10— 15.
Къ ученію объ основахъ, **Н. В. Нетушиля**	16— 26.
Ostrograd—Holmgard, **I. Mikkola**	27— 28.
Сербская церковная библіотека, **М. Н. Сперанскаго** .	29— 36.
Сколько бесѣдъ написалъ Козма Пресвитеръ? **В. Н. Златарскаго**	37— 48.
Молитвенникъ Московской типографской библіотеки, **А. И. Соболевскаго**	49— 51.
О нѣкоторыхъ славянскихъ словахъ иноязычнаго происхожденія, **Ѳ. Е. Корша**	52— 62.
Одинъ изъ источниковъ лѣтописнаго сказанія о крещеніи Владиміра, **А. А. Шахматова**	63— 74.
Античные мотивы въ русской литературѣ, **М. А. Маслова** .	75— 78.
Обрядъ омовенія ногъ въ Византіи и на Руси, **В. И. Саввы**	79— 82.
Объ источникахъ Ломоносовскаго ученія о трехъ стиляхъ, **А. П Кадлубовскаго**	83— 89.
Болгарская народная пѣсня объ освобожденіи	90— 96.
Къ вопросу о Параскеви-Пракседисъ, княжны Потоцкой, **В. Е. Данилевича**	97— 99.
Памятники Адули по Индикоплову, **Е. К Рѣдина**	101—110.
Родопского нарѣчіе, **А. Теодорова**	111—127.
Участіе М. С. Дринова въ выступленіи Потебни на ученое поприще, **Н. Ф. Сумцова**	128—141.
Къ характеристикѣ одного изъ чешскихъ романтиковъ **Н. К. Грунскаго**	142—151
Болгарскій орнаментъ эпохи Іоанна Александра, **В. Щепкина**	152—158.

І. Г. Гердеръ, **Г. Ю. Ирмера** . . . . . 159—176
Труды В. Д. Спасовича о западно-европейскихъ писателяхъ **Л. Ю. Шепелевича** . . . . . 154—184.
Возрожденіе византійско-болгарскаго религіознаго мистицизма и славянской аскетической литературы въ XVIII в., **А. И. Яцимірскаго** . . . . . 185—203.
Малорусская дума про Байлу, **М. Е. Халанскаго** . . . . 205—219
Спирантъ Ѵ въ славянскихъ языкахъ, **С. М. Кульбакина** . 220—236
Объ одномъ архаическомъ императивѣ въ русскомъ языкѣ, **Г. А. Ильинскаго** . . . . . 237—246
Христіанская помощь нуждающимся въ древнія времена христіанства, **А. С. Лебедева** . . . . . 247—268.
Вступленіе М. С. Дринова въ Харьковскій университетъ, **Н. Ф. Сумцова** . . . . . 269—276.
Едно глаголическо заглавіе въ кирилски ръкописъ, **Г. Баласчева** . . . . . 277—280
Гдѣ была переведена Александрія первои редакціи, **П. А. Лаврова** . . . . . 281—285
Фр. Миклошичъ **И. К. Симони** . . . . . 286—300

Памяти М. С. Дринова.

(† 28 Февраля 1906 г.)

	стр.
Кончина М. С. Дринова	1
Погребеніе М. С. Дринова	5.
Статья проф. Н. Ф. Сумцова о М. С. Дриновѣ	5.
Статья проф. С. М. Кульбакина о М. С. Дриновѣ	7.
Пріѣздъ болгарской депутаціи	9.
Слово епископа Евгенія	10.
Рѣчь ректора университета Л. В. Рейнгардта	12.
Рѣчь болгар. министра нар. просвѣщ. Шишманова	12.
Рѣчь проф. А. С. Лебедева	13.
Рѣчь проф. В. Ф Левицкаго	14.
Рѣчь проф. Д. Д. Агуры	16.
Рѣчь проф. В. П. Бусескула	17.
Чрезвычайное засѣданіе Ист. Фил. Общества	20.
Рѣчь проф. Н. Ф. Сумцова	20.
Рѣчь проф. Г. Ф. Шульца	22.
Чествованіе болгарской депутаціи	24.
Рѣчь Ф. А. Павловскаго	24.
Рѣчь проф. Н. Ф. Сумцова на украинскомъ языкѣ	25.
Телеграммы и письма, по поводу кончины М. С. Дринова	27.
Рѣчь проф. Л. Г. Милетича	43.
Рѣчь проф. В. Н. Златарскаго	47
Рѣчь проф. М. Г. Халанскаго	51.
Рѣчь проф. С. М. Кульбакина	61.
Рѣчь проф. Е. К. Рѣдина	75.

8-го августа 1903 года исполнилось 30-тилѣтіе научно-педагогической дѣятельности заслуженнаго ординарнаго профессора Императорскаго Харьковскаго Университета по каѳедрѣ славянскоій филологіи Марина Степановича Дринова. Историко-филологическое Общество, состоящее при Харьковскомъ Императорскомъ Университетѣ, въ засѣданіи своемъ 19-го сентября 1903 года постановило чествовать этотъ знаменательный день жизни своего бывшаго предсѣдателя особымъ юбилейнымъ празднованіемъ и изданіемъ сборника ученыхъ статей, посвященныхъ юбиляру его товарищами, учениками и почитателями, поручивъ редакцію этого сборника профессору М. Г. Халанскому.

Чествованіе заслуженнаго ординарнаго профессора Императорскаго Харьковскаго Университета Марина Степановича Дринова

по поводу тридцатилѣтія его научно-педагогической дѣятельности

2-го ноября 1903 года происходило въ г. Харьковѣ чествованіе заслуженнаго ординарнаго профессора Императорскаго Харьковскаго Университета Марина Степановича Дринова по случаю исполненія тридцатилѣтія его научно-педагогической дѣятельности. Въ 1 часъ дня къ уважаемому юбиляру въ собственный его домъ явились студенты-филологи и привѣтствовали его слѣдующимъ адресомъ, который былъ прочитанъ студентомъ И. Я Щербаковымъ·

„Уважаемый нашъ другъ, профессоръ, учитель,
Словъ и древнихъ письменъ всеславянскихъ хранитель!
Мы сюда собрались студенческой дружной семьей
Не за тѣмъ, чтобъ вѣнчать твои вклады въ науку хвалой—
Ихъ давно оцѣнилъ міръ славянскій ученый—
Собрались мы сюда, чтобъ отъ сердца открыто сказать
Въ этотъ день, славной службѣ твоей посвященный,
Какъ глубоко умѣемъ любить, уважать
Мы того, кто въ нашъ вѣкъ, вѣкъ унылый и мутный,
На пути своемъ долгомъ и бодръ и такъ свѣтелъ душой,
Полонъ вѣры въ благую цѣль жизни людской,
Хоть вокругъ насъ такъ горестно все, и такъ трудно,
Человѣка кто любитъ за то, что онъ братъ-гражданинъ,
А не только за то, что онъ нѣмецъ, французъ, славянинъ,—
И въ гордынѣ ученой китайской стѣной
Оградить кто славянство вотще никогда не мечталъ,
Не игралъ, какъ игрушкой дитя, стариной,
Но ученый серьезный—на дѣло серьезное звалъ.
Это ты, нашъ профессоръ, ты жизни учитель,
Лучшихъ дней, упованій славянъ представитель,
Насъ чарующій лаской и дивной своей простотой,
Теплымъ словомъ участья всегда ободряющій
И сіяющій сердца красою—святой добротой,
Другомъ милымъ студента своимъ называющій!
Вотъ зачѣмъ мы явились: чтобъ громко сказать

Только это тебѣ, да отъ сердца тебѣ пожелать
Силъ душевныхъ, поболѣ силъ тѣла,
Чтобы славно и бодро тебѣ, какъ и встарь, продолжать
Твое свѣтлое, важное дѣло!...
Тебѣ привѣтъ—
Жить много лѣтъ!..

Къ 2-мъ часамъ собрались въ домъ юбиляра профессоры историко-филологическаго факультета въ полномъ своемъ составѣ, попечитель учебнаго округа М. М. Алексѣенко, ректоръ университета Н. О. Куплеваскій, инспекторъ студентовъ Н. И. Алякритскій, профессоры другихъ факультетовъ, бывшіе ученики юбиляра и много другихъ его почитателей. М. М. Алексѣенко обратился къ виновнику торжества съ рѣчью, въ которой обратилъ вниманіе на ту великую заслугу, которую оказалъ Маринъ Степановичъ наукѣ и Харьковскому университету, обрисовалъ его педагогическую и научную дѣятельность и привѣтствовалъ его, какъ представитель всего учебнаго округа

Затѣмъ произнесъ отъ лица университета ректоръ Н. О. Куплеваскій слѣдующее привѣтствіе

Глубокоуважаемый
Маринъ Степановичъ!

Съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія, въ качествѣ представителя Императорскаго Харьковскаго Университета, я присутствую здѣсь, въ этомъ обществѣ, собравшемся привѣтствовать Васъ, какъ ученаго, наставника и товарища.

Я пришелъ сюда, чтобы отъ имени университета выразить свою радость о томъ, что чужая, хотя и родственная намъ земля, въ Вашемъ лицѣ дала намъ человѣка, котораго мы давно считаемъ своимъ, дѣятельностью котораго на пользу науки и просвѣщенія мы можемъ гордиться.

Ваши ученые труды, имѣющіе высокій интересъ для науки вообще, для славянства въ частности и для православнаго славянства въ особенности, создали Вамъ громкое имя во всемъ ученомъ мірѣ и сослужили великую службу для развитія въ нашей странѣ и въ нашемъ родномъ университетѣ историческаго знанія и для установленія правильныхъ взглядовъ на современныя отношенія славянства.

Къ тому же клонилась и Ваша многополезная дѣятельность въ качествѣ профессора нашего университета и члена, а затѣмъ предсѣдателя состоящаго при университетѣ Историко-Филологическаго Общества.

Не могу не прибавить къ этому, что въ Вашемъ плодотворномъ вліяніи на лицъ, съ Вами соприкасавшихся, не маловажное значеніе имѣли

мягкость Вашего характера и всегдашняя Ваша готовность оказывать помощь всѣмъ нуждающимся въ Вашихъ совѣтахъ.

Отъ имени университета благодарю Васъ за все то доброе, что Вы намъ сдѣлали, отъ имени университета и отъ себя лично поздравляю Васъ съ исполнившимся 30-лѣтіемъ Вашей ученой и преподавательской дѣятельности и желаю Вамъ, глубокоуважаемый Маринъ Степановичъ, добраго здоровья и полныхъ силъ для продолженія Вашей блестящей дѣятельности на многіе годы

Послѣ рѣчи ректора университета деканъ историко-филологическаго факультета профессоръ В. П. Бузескулъ прочелъ адресъ

отъ Историко-филологическаго факультета Харьковскаго университета:

„Глубокоуважаемый и дорогой Маринъ Степановичъ!

Исполнившееся тридцатилѣтіе вашей служебной дѣятельности въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ даетъ поводъ намъ, вашимъ товарищамъ по факультету, выразить одушевляющія насъ чувства искренняго и глубокаго уваженія къ Вамъ, какъ достойнѣйшему члену нашей факультетской семьи.

Мы высоко цѣнимъ Ваши ученые труды въ области славяновѣдѣнія въ широкомъ смыслѣ этого слова, благодаря которымъ Вы занимаете столь видное и почетное мѣсто въ ряду современныхъ славистовъ Европы.

Обладая обширными и глубокими познаніями въ византиновѣдѣніи, Вы внесли крупные вклады и въ эту смежную со славистикой область, столь важную для изученія исторіи, литературы и просвѣщенія славянскихъ народовъ.

Будучи историкомъ и филологомъ, при отличномъ знакомствѣ съ языками, литературой, исторіей и современнымъ положеніемъ славянскихъ народовъ, особенно юга Европы, Вы, въ качествѣ преподавателя по занимаемой Вами каѳедрѣ, для Вашихъ слушателей-студентовъ—незамѣнимый руководитель.

Но Вы –руководитель не однихъ студентовъ. Изъ другихъ городовъ и странъ къ Вамъ обращаются нерѣдко спеціалисты за совѣтами, указаніями, справками и матеріалами, и Вы щедро дѣлитесь съ ними и Вашими книжными и рукописными сокровищами, и Вашими глубокими научными познаніями и результатами Вашей большой опытности, пріобрѣтенной Вами на поприщѣ Вашей разнообразной и богатой столь осязательными результатами практической дѣятельности.

Какъ членъ коллегіи, для насъ, высокоуважаемый коллега, Вы— „мужъ, исполненный совѣта и разума“, участіе котораго въ засѣданіяхъ нашего факультета значительно содѣйствуетъ спокойному и безпристрастному

обсужденію дѣлъ, а обаятельными качествами Вашей свѣтлой личности: добротой и отзывчивостью Вашего сердца, простотой и привѣтливостью обращенія, нелицемѣрной скромностью, непреклонной честностью—Вы, и независимо отъ вашей факультетской дѣятельности, пріобрѣли себѣ общія симпатіи всѣхъ Вашихъ товарищей по факультету.

Мы любимъ Васъ, дорогой нашъ товарищъ, дорожимъ Вами, гордимся Вами, какъ лучшимъ украшеніемъ нашего факультета, сердечно желаемъ Вамъ добраго здоровья для продолженія Вашей плодотворной дѣятельности на многіе и многіе годы и просимъ принять отъ насъ на память это подношеніе, какъ слабое выраженіе нашихъ чувствъ къ Вамъ".

При этомъ была поднесена прилагаемая при семъ въ копіи фотографія группы профессоровъ историко-филологическаго факультета художественнаго исполненія (фот. Овчинникова). Очень красивы виньетки орнаментальнаго характера, матеріаломъ для которыхъ послужили миніатюры славянскихъ рукописей; весьма интересными и соотвѣтствующими характеру дѣятельности юбиляра являются помѣщенные здѣсь же снимки съ миніатюръ болгарской рукописи Манасіи (крещеніе Болгаръ, Руси) и съ видовъ Софіи, Панагюрища (мѣсто родины Марина Степановича), зданій университета и дома юбиляра.

Вслѣдъ за этимъ профессоръ *Н. Ѳ. Сумцовъ прочелъ адресъ отъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества*

„Глубокоуважаемый Маринъ Степановичъ!

Историко-филологическое Общество при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ съ искренней радостью привѣтствуетъ Васъ съ праздникомъ тридцатилѣтія славной научно-педагогической дѣятельности. Настоящій Вашъ праздникъ является праздникомъ и для Общества. Вы участвовали въ его основаніи, какъ одинъ изъ его учредителей; Вы участвовали въ составленіи перваго устава, опредѣлившаго дѣятельность Общества на цѣлое двадцатипятилѣтіе; Вы являетесь его гордостью, какъ дорогой сочленъ, который всегда былъ искренно преданъ его интересамъ и усердно работалъ для его преуспѣванія. Общество всегда дорожило Вашими глубоко-интересными докладами, въ которыхъ Вы излагали результаты своихъ научныхъ изслѣдованій въ области славяновѣдѣнія; въ Вашихъ бесѣдахъ по поводу докладовъ другихъ сочленовъ Общество находило цѣнныя разъясненія и въ области близкихъ къ славяновѣдѣнію научныхъ дисциплинъ. Общество съ глубокой благодарностью вспоминаетъ о тѣхъ Вашихъ многочисленныхъ трудахъ, которые Вы исполнили для него въ теченіе періода, когда стояли во главѣ его, какъ высокоуважаемый предсѣдатель. Разставаясь, шесть лѣтъ тому назадъ, съ Вами, какъ предсѣдателемъ, Общество утѣшало себя, что сохраняетъ Васъ, какъ почетнѣй-

шаго члена. И такимъ дорогимъ членомъ вы дѣйствительно всегда оставались. Вы по прежнему работали для Общества,—и Вашъ общепризнанный научный авторитетъ и неизмѣнно сердечное отношеніе ко всѣмъ мѣропріятіямъ Общества служили для него важной нравственной опорой.

Въ знакъ уваженія къ вамъ, какъ ученому, профессору и человѣку, Общество издаетъ съ посвященіемъ Вамъ сборникъ статей Вашихъ учениковъ, друзей и почитателей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оно, сердечно привѣтствуя Васъ съ праздникомъ, душевно благодаритъ Васъ за всѣ Ваши труды для него и горячо желаетъ Вамъ здоровья и силъ на многіе годы и сохраненія энергіи и того огня научной пытливости, который всегда такъ ярко горитъ въ Васъ".

Адресъ отъ Педагогическаго отдѣла Харьковскаго Историко-филологическаго Общества прочелъ Н. И. Аляхритенко.

„Глубокоуважаемый Маринъ Степановичъ!

Педагогическій отдѣлъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества, возникшій въ бытность Вашу предсѣдателемъ этого Общества, не только присоединяется къ чествованію Васъ, какъ прекраснаго человѣка, какъ замѣчательнаго ученаго, который глубоко взрываетъ ниву знаній, широко разбрасываетъ сѣмена ихъ и бодро, въ продолженіе многихъ лѣтъ, снабжаетъ духовной пищей всѣхъ, кто нуждается въ ней,—но Педагогическій Отдѣлъ гордится еще и тѣмъ, что Вы не порываете духовныхъ связей съ семьей тружениковъ педагоговъ, отзываясь всегда радушно какъ на запросы научнаго характера, такъ и на требованія повседневной жизни каждаго изъ тѣхъ членовъ въ отдѣльности, которые не разъ прибѣгали къ Вамъ за совѣтомъ и помощью. Для членовъ Педагогическаго Отдѣла, имѣвшихъ счастье быть Вашими учениками, это общеніе несомнѣнно; но и другіе, не ваши непосредственные ученики, также чувствуютъ Вашу духовную силу, всегда отзывчивую, Вашу готовность подѣлиться и своими богатыми знаніями, и своимъ богатымъ житейскимъ опытомъ при Харьковскомъ Университетѣ.

Живите же много лѣтъ, дорогой Маринъ Степановичъ, и помогайте намъ, какъ незамѣнимый труженикъ на нивѣ науки, чтобы и члены Педагогическаго Отдѣла могли зажигать свои свѣчи отъ вашего свѣтильника и нести свѣтъ знаній въ среду учащейся молодежи въ интересахъ общаго блага"

Проф. Н. А. Гредескулъ привѣтствовалъ юбиляра отъ имени юридическаго общества, а проф. *В. А. Стекловъ* отъ имени математическаго общества при Харьковскомъ Университетѣ.

Теплое, трогательное до слезъ привѣтствіе было сказано старѣйшимъ товарищемъ и другомъ юбиляра, проф. А. С. *Лебедевымъ*, воспѣвшимъ, можно сказать, гимнъ сѣдинамъ юбиляра, его честной, разумной, плодотворной для науки и общества дѣятельности.

Проф М. Г. Халанскимъ былъ прочитанъ адресъ отъ Императорской Академіи Наукъ:

Высокоуважаемый

Маринъ Степановичъ.

На празднованіе тридцатилѣтняго юбилея Вашей ученo-литературной и общественной дѣятельности не можемъ мы, сотоварищи Ваши по Императорской Академіи Наукъ, не откликнуться съ глубокимъ сочувствіемъ. Ваши изслѣдованія по исторіи, письменности и языку болгарскому составляютъ важный вкладъ въ Славяновѣдѣніе; съ признательностію вспоминаемъ при этомъ и о цѣнныхъ трудахъ Вашихъ въ изданіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности. Подъ Вашимъ руководствомъ образовалось не мало полезныхъ, даровитыхъ ученыхъ, русскихъ и болгарскихъ. Ваша государственная и общественная дѣятельность въ дорогой Вамъ и издревле намъ близкой родинѣ Вашей принадлежитъ къ лучшимъ страницамъ исторіи свободной Болгаріи.

Отъ души поздравляя Васъ, глубокоуважаемый Маринъ Степановичъ, желаемъ Вамъ здоровья и бодрости на служеніе наукѣ и просвѣщенію.

Н. Дубровинъ.
В. Радловъ.
Баронъ В. Розенъ
А. Лаго-Данилевскій.
Сергѣй Ольденбургъ
Е. Голубинскій.
К. Залеманъ.
И. Янжулъ.
А. Веселовскій.
П. Никитскій.
В. Латышевъ.
Ф. Фортунатовъ.
В. Ламанскій.
А. Пыпинъ.
А. Шахматовъ.
О. Коршъ.
Н. Кондаковъ
А. Соболевскій.

Н. Ѳ. Сумцовымъ и М. Г. Халанскимъ прочитанъ былъ цѣлый рядъ полученныхъ писемъ, адресовъ, телеграммъ съ привѣтствіями отъ различныхъ ученыхъ обществъ, профессоровъ, отъ учениковъ и почитателей М. С. Дринова *)

ОТЪ ИМПЕРАТОРСКАГО
ОБЩЕСТВА
Исторіи и Древностей Россійскихъ
при
Московскомъ Университетѣ

Многоуважаемый
Маринъ Степановичъ!

Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ привѣтствуетъ Васъ по случаю исполнившагося тридцатилѣтія Вашей научной дѣятельности.

Вы 27 лѣтъ состоите дѣйствительнымъ членомъ Общества. Обѣ Ваши диссертаціи, составившія столь цѣнный вкладъ въ литературу славяновѣдѣнія, напечатаны въ трудахъ Общества. Въ лицѣ Вашемъ Общество чтитъ одного изъ лучшихъ работниковъ по исторіи славянства, на которую рядомъ съ исторіей и древностями Россійскими оно всегда обращало усиленное вниманіе. Общество сердечно желаетъ Вамъ еще много много лѣтъ трудиться на избранномъ Вами поприщѣ, которое Вы проходили доселѣ съ такою пользой для литературы и для аудиторіи.

Предсѣдатель *Василій Ключевскій.*

За Секретаря *Сергѣй Бѣлокуровъ*

Отъ Общества Любителей древней письменности въ С.-Петербургѣ.

Императорское Общество любителей древней письменности сердечно привѣтствуетъ своего уважаемаго члена по случаю исполнившагося тридцатилѣтія его плодотворной ученой дѣятельности.

Предсѣдатель *Графъ Шереметьевъ.*

*) Большая часть ихъ помѣщается здѣсь вмѣстѣ съ нѣсколькими присланными позднѣе

Отъ Московскаго Археологическаго Общества.

Императорское Московское Археологическое Общество привѣтствуетъ Марина Степановича Дринова съ его тридцатилѣтней научной дѣятельностью, шлетъ лучшія пожеланія ея продолженію.

Предсѣдатель *Графиня Уварова*

Отъ Историко-филологическаго факультета университета Св. Владиміра.

Историко-филологическій факультетъ Императорскаго университета Св. Владиміра сердечно привѣтствуетъ Васъ съ исполнившимся тридцатилѣтіемъ Вашей славной ученой и профессорской дѣятельности и желаетъ Вамъ еще много лѣтъ трудиться во благо науки и на пользу славянства.

Ректоръ *Бобрецкій.*

Деканъ *Флоринскій.*

Отъ Историческаго Общества Нестора лѣтописца въ Кіевѣ.

Историческое Общество Нестора лѣтописца шлетъ свой сердечный привѣтъ Марину Степановичу Дринову ко дню тридцатилѣтія его достойной дѣятельности на поприщѣ распространенія просвѣщенія и изученія прошлыхъ судебъ многострадательныхъ южныхъ славянъ

Да здравствуетъ уважаемый юбиляръ много лѣтъ еще во благо славянства.

Предсѣдатель Общества Лѣтописца Нестора *Дашкевичъ.*

Отъ Историко-филологическаго факультета Новороссійскаго Университета.

Факультетъ привѣтствуетъ заслуженнаго дѣятеля науки его юбилеемъ.

Деканъ *Кочубинскій.*

Отъ Историко-филологическаго Общества, состоящаго при Новороссійскомъ Университетѣ.

Историко-филологическое Общество при Новороссійскомъ университетѣ горячо привѣтствуетъ Васъ съ исполнившимся тридцатилѣтіемъ почтенной ученой дѣятельности.

Предсѣдатель профессоръ *Ланге.*

Отъ Варшавскаго Общества исторіи, филологіи и права.

Общество исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ, высоко цѣня выдающіяся заслуги на поприщѣ славяновѣдѣнія Марина Степановича Дринова, въ день тридцатилѣтія его ученой дѣятельности шлетъ искреннее привѣтствіе и пожеланія долгихъ лѣтъ на пользу и славу науки.

Товарищъ предсѣдателя *Любовичъ*

Отъ Юрьевскаго учено-литературнаго общества.

Учено-литературное общество горячо привѣтствуетъ профессора Марина Степановича Дринова съ тридцатилѣтіемъ ученой дѣятельности на пользу русской науки.

Предсѣдатель *Красноженъ*.

Секретарь *Алексѣевъ*.

Отъ Нѣжинскаго Историко-филологическаго общества.

Нѣжинское Историко-филологическое общество привѣтствуетъ Васъ, многоуважаемый Маринъ Степановичъ.

Предсѣдатель *Бережковъ*.

Отъ Псковскаго Археологическаго Общества.

Псковское Археологическое Общество, присоединяясь къ чествованію маститаго юбиляра Марина Степановича Дринова, проситъ Васъ въ сей знаменательный день передать привѣтъ юбиляру съ пожеланіемъ ему еще многіе годы продолжать его многополезную дѣятельность.

Предсѣдатель *Графъ Адлербергъ*.

Отъ Нижегородской Архивной коммиссіи.

Нижегородская Архивная Коммиссія привѣтствуетъ Васъ съ исполнившимся тридцатилѣтіемъ Вашей ученой дѣятельности.

Предсѣдатель *Савельевъ*.

Отъ Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ.

(На имя профессора Сумцова).

Félicitations sincères voeux chaleureux à Marine Stepanovitch de la part de l'Institut Archèologique.

Ouspensky.

Отъ Научнаго Товарищества имени Шевченка въ Львовѣ.

До хвального історично-фільольогичного товариства в Харькові.

Украинсько-руське Наукове Товариство ім. Шевченка заспілає Харьківському Історично-фільольогичному Товариству з нагоди юбилею його бувшого председателя професора Дрінова щирий привіт і бажане усього найкрашого юбиляровы.

Мих. Грушевскій. голова Тов.

Володимир Гнатюк. Секретарь.

Отъ Болгарскаго Министра Народнаго Просвѣщенія.

(на имя юбиляра)

Преисполненною чувствъ радости и народной гордости душою присоединяюсь къ русскимъ товарищамъ, которые сегодня чествуютъ въ Вашемъ лицѣ одного изъ достойнѣйшихъ представителей современнаго славяновѣдѣнія, нашего славнаго соотечественника.

Тридцатилѣтіе Вашей плодотворной научно-педагогической дѣятельности вызываетъ во мнѣ самыя дорогія воспоминанія и чувства безпредѣльной признательности къ первому представителю отечественной науки, основателю болгарскаго Книжевнаго Дружества, первому болгарскому Министру Народнаго Просвѣщенія, сдѣлавшему Софію столицею и культурнымъ центромъ свободной Болгаріи. Подношу Вамъ мои почтительнѣйшія привѣтствія и благопожеланія.

Министръ *Шишмановъ.*

Отъ него же

(на имя профессора М. Г. Халанскаго):

Присоединяюсь всею душею къ русскимъ товарищамъ, чествующимъ сегодня тридцатилѣтіе столь плодотворной научно-педагогической дѣятельности нашего славнаго соотечественника, глубокоуважаемаго Марина Степа-

новича Дринова, одного изъ достойнѣйшихъ представителей современнаго славяновѣдѣнія. Пусть этотъ праздникъ славянской науки будетъ новымъ залогомъ будущаго оплодотворенія достопочтенной русской и молодой болгарской славистики—неизсякаемаго источника народнаго самосознанія.

Министръ *Шишмановъ*

Отъ Болгарскаго Книжевнаго Дружества въ Софіи.

Болгарское Книжевное Дружество подноситъ Вамъ свои искреннѣишія благопожеланія по случаю тридцатилѣтія Вашей дѣятельности.

Предсѣдатель *Гешовъ*

Отъ Историческаго Дружества въ Софіи.

Историческое Дружество въ Софіи, высоко цѣня Вашу тридцатилѣтнюю ученую дѣятельность по разработкѣ славянской исторіи вообще и болгарской въ частности, подноситъ Вамъ свои искреннія привѣтствія

Агура, Златарскій, Станевъ.

Отъ Историко-филологическаго факультета Софійскаго Высшаго Училища (нынѣ Университета).

По случаю Вашего торжества и нашъ факультетъ шлетъ Вамъ сердечное привѣтствіе.

Деканъ *Милетичъ.*

Отъ Софійской Духовной Семинаріи.

Учители и ученики Софійской Духовной Семинаріи поздравляютъ съ тридцатилѣтнимъ юбилеемъ лучшаго болгарскаго филолога и исторіографа, автора перваго серьезнаго труда по исторіи болгарской церкви.

Ректоръ *Бакаловъ.*

Отъ Болгарскаго Природоиспытательнаго Дружества.

Преклоняясь передъ Вашей учено-литературной дѣятельностью, Болгарское Природоиспытательное Дружество привѣтствуетъ Васъ въ день заслуженнаго Вами торжества и желаетъ, чтобы Вы еще долгіе годы служили наукѣ и своему роду.

Предсѣдатель *Златарскій.*

Отъ члена Совѣта Министра Народнаго Просвѣщенія кн. Д. П. Голицына.

Примите поздравленія съ тридцатилѣтіемъ плодотворной научной дѣятельности, посвященной Россіи и славянству.

Князь *Голицынъ*

Изъ Москвы.

Сердечно присоединяюсь къ чествующимъ Васъ, какъ высокополезнаго дѣятеля науки. Прошу принять самыя задушевныя поздравленія стараго товарища, горячо Вамъ преданнаго

Андреевъ

Отъ студента 1874—1878 г.г. Д. Е. Архангельскаго.

Благоволите принять сердечное поздравленіе съ знаменательнымъ въ жизни Вашей днемъ и искреннее пожеланіе полнаго благополучія отъ одного изъ многочисленныхъ Вашихъ учениковъ, досель нерѣдко съ пріятнымъ чувствомъ вспоминающаго, что когда-то въ годы студенчества, при началѣ Вашей профессорской дѣятельности, посѣщать Ваши бесѣды со студентами въ квартирѣ Вашей, на углу Бурсацкаго переулка и Рымарской улицы. Да пошлетъ Господь Вамъ здоровье и силы на многіе годы

Отъ Проф. А. В. Богданова (Одесса).

Шлемъ сердечный привѣтъ глубокоуважаемому Маріну Степановичу въ знаменательный день тридцатилѣтія ученой и просвѣтительной дѣятельности, горячо желаемъ здоровья и силъ для дальнѣйшихъ трудовъ на пользу родного университета.

Профессоръ *Богдановъ*.

Отъ профессора А. С. Бріо.

Примите, дорогой и уважаемый товарищъ, мое задушевное поздравленіе въ знаменательный для Васъ день и горячее пожеланіе, чтобы Ваша высокополезная дѣятельность продолжалась еще на многіе годы въ честь родного намъ университета.

Отъ профессора П. Н. Буцинскаго.

(изъ Мерефы).

Поздравляю съ юбилеемъ.

Изъ Ростова.

Отъ Директора Ростовскаго Коммерческаго Училища П. М. Верховскаго.

Въ день тридцатитѣтія Вашей служебной и ученой дѣятельности позвольте, глубокоуважаемый Маринъ Степановичъ, сказать Вамъ спасибо за Ваше доброе вліяніе въ былые годы. Добраго здравія для борьбы за свѣтъ науки и правды

Искренно преданный Вамъ

Верховскій.

Отъ профессора А. С Вязигина.

(изъ Курска).

Сердечно почитаемому юбиляру представителю славяно-русскаго культурнаго единенія привѣтъ и лучшія пожеланія. С л а в а!

Отъ семьи профессора К. Я. Грота.

(С.-Петербургъ).

Примите хоть запоздавшее по незнанію, но не менѣе горячее, сердечное наше поздравленіе со днемъ Вашего ученаго юбилея и усерднѣйшія благопожеланія на долгіе годы.

Гроты.

Отъ профессора К. Я. Грота.

Мои сердечныя чувства и добрыя Вамъ пожеланія по поводу знаменательнаго юбилея Вашего уже теперь дошли до Васъ хотя въ краткой формѣ запоздавшей телеграммы. Досадую очень, что не узналъ объ этомъ во время, но запозданіе мое не сдѣлаетъ моего привѣтствія Вамъ менѣе горячимъ и искреннимъ въ Вашихъ глазахъ —я на это вполнѣ надѣюсь.

Дай Вамъ Богъ здоровья и силъ на долгіе, долгіе годы, чтобы Вы съ прежней энергіей и великой пользой для нашей славянской науки продолжали трудиться и въ области Вашихъ спеціальныхъ ученыхъ изслѣдованій и на университетскомъ педагогическомъ поприщѣ.

Я душевно счастливъ, что судьба позволила мнѣ ближе узнать и сойтись и съ Вами и Вашимъ университетомъ въ годы моихъ командировокъ, и въ полной мѣрѣ оцѣнить Вашу высокополезную дѣятельность, равно какъ личныя качества, снискавшія Вамъ такое глубокое уваженіе и такія сердечныя симпатіи со всѣхъ сторонъ,

Глубоко Васъ почитающій и душевно преданный

К. Гротъ.

Отъ Члена Ученаго Комитета Министра Народнаго Просвѣщенія И. В. Помяловскаго.

Усердно поздравляю Васъ съ славнымъ юбилеемъ. Желаю силъ и здоровья для дальнѣйшей дѣятельности

Помяловскій.

Отъ Директора Одесской Публичной библіотеки М. Г. Попруженко.

(*На имя проф. Рѣдина*).

Передайте мое сердечное поздравленіе глубокоуважаемому Марину Степановичу. Горячо желаю ему еще многихъ лѣтъ на пользу дорогой науки.

Попруженко.

Отъ Профессора Юрьевскаго Университета Е. В. Пѣтухова.

(*Въ Историко-филологическое Общество*).

Привѣтствую глубокоуважаемаго Марина Степанова Дринова съ тридцатилѣтіемъ славнаго служенія наукѣ.

Профессоръ *Пѣтуховъ.*

Отъ г. Ризникова.

(*изъ Пензы*).

Позвольте и мнѣ, можетъ быть поздно, присоединиться ко всеобщимъ пожеланіямъ Вамъ всего лучшаго по поводу Вашего научнаго юбилея

Благодарный бывшій слушатель.

Отъ преподавателя Нѣжинскаго Историко-филологическаго Института В. И. Рѣзанова.

Исполнившееся тридцатилѣтіе Вашей высоко плодотворной ученой дѣятельности даетъ пріятный поводъ сердечно привѣтствовать Васъ пожеланіями продолжать эту дѣятельность многіе и многіе годы.

Рѣзановъ.

Отъ Члена Ученаго Комитета Мин. Нар. Просвѣщенія А. Ѳ. Селиванова.

Глубокоуважаемый

Маринъ Степановичъ!

Искренно поздравляю Васъ съ славнымъ юбилеемъ и отъ души желаю, чтобы Вы еще долго были украшеніемъ дорогого для меня Харьковскаго Университета. Я очень цѣню Ваши всегдашнія добрыя чувства ко мнѣ и очень сожалѣю, что 2 ноября не могъ лично Вамъ выразить свои искреннія поздравленія и самыя лучшія пожеланія Пусть въ Харьковскомъ университетѣ не переводятся такіе свѣточи науки какъ Вы, дорогой Маринъ Степановичъ.

Глубоко Васъ уважающій и искренне преданный

Ал. Селивановъ.

отъ В. Д. Спасовича

(изъ Варшавы)

Настоящее письмо можетъ показаться несвоевременнымъ, запоздалымъ. Переселившись окончательно изъ Петербурга въ Варшаву, я не могъ услѣдить за подходящимъ празднованіемъ тридцатилѣтія Вашей ученой дѣятельности въ Харьковѣ.

Я никогда не забуду, что я имѣлъ честь познакомиться съ Вами еще въ 1878 году въ Пловдивѣ, когда вы были министромъ въ Вашемъ возродившемся отечествѣ—Болгаріи.

Примите выраженіе моихъ сердечныхъ и искреннихъ поздравленій по случаю Вашего славнаго юбилея въ Харьковѣ отъ одного изъ усерднѣйшихъ Вашихъ почитателей, отъ человѣка, задававшагося во всю свою жизнь, подобно Вамъ, цѣлями установленія между всѣми народами славянскими любви, уваженія и душевнаго братства

Вполнѣ преданный Вамъ

Владиміръ Спасовичъ.

Отъ Профессора Нѣжинскаго Историко-филологическаго института М. Н. Сперанского

Шлю сердечный заочный привѣтъ дорогому для всѣхъ насъ Маринову Степановичу въ день его ученаго праздника.

Отъ Профессора Варшавскаго Университета, редактора „Русскаго Филологическаго Вѣстника Смирнова".

Прошу принять мое привѣтствіе.

Проф. *Смирновъ.*

Отъ Профессора Кіевскаго Университета Т. Д. Флоринскаго.

Отъ всей души поздравляю Васъ, дорогой Маринъ Степановичъ, съ тридцатилѣтіемъ Вашего доблестнаго служенія славянской наукѣ и родному Болгарскому народу.

Флоринскій.

Отъ Профессора Софійскаго Университета Цонева.

Поздравляю съ юбилеемъ и желаю отпраздновать слѣдующій въ Болгаріи.

Цоневъ.

Отъ Профессора Харьковскаго университета А. Д. Чирикова.

Сердечно привѣтствую дорогого юбиляра, искренно желая ему сохранить здоровье на многіе годы.

Профессоръ *Чириковъ.*

Отъ Профессора Г. Ф. Шульца.

Искренній привѣтъ достойнѣйшему юбиляру, дорогому товарищу.

Шульцъ

Отъ Н. В. Ястребова.

(*Изъ С. Петербурга*).

Поздравляю Васъ, отъ души желаю здоровья для новыхъ работъ

Ястребовъ.

Отъ полковника генеральнаго штаба Груева и его сослуживца Ванкова:

(*С.-Петербургъ*).

Въ знаменательный день сорокалѣтія Вашей ученой дѣятельности примите горячія, сердечнѣйшія пожеланія долгоденствія и всего наилучшаго въ жизни отъ глубокоуважающихъ соотечественниковъ—

Груева и Ванкова.

Отъ профессора К. Грунскаго.

(*Изъ Юрьева*).

Шлю Вамъ свои поздравленія и пожеланія всего наилучшаго. Привѣтъ Вашей семьѣ.

Грунскій.

Отъ профессора В. Я. Данилевскаго.

Глубокоуважаемый Маринъ Степановичъ! Примите искреннее поздравленіе и пожеланіе всѣхъ благъ; да сохранитъ судьба Ваши силы и бодрость еще на многіе и многіе годы во славу науки, на пользу университета и на радость Вашихъ друзей и почитателей.

Василій Данилевскій

Отъ Преподавателя Таганрогскаго техническаго училища К. Ѳ. Даценко.

Дорогой Профессоръ! Только что прочиталъ въ № 298 „С.-Петерб. Вѣдомостей“ о чествовании тридцатилѣтія Вашей профессорской дѣятельности, исполнившагося 2-го ноября. Глубоко сожалѣю, что, не зная о днѣ минувшаго юбилея, не могъ своевременно принести Вамъ искреннее поздравленіе и сердечныя пожеланія долгой и полезной дѣятельности въ стѣнахъ родного университета. Пусть оправданіемъ моего запоздавшаго привѣта послужитъ то, что онъ бьетъ отъ чистаго сердца. Любящій и уважающій Васъ вашъ ученикъ

Константинъ Даценко

18 Ноября 1903 года

Отъ Ректора Новороссійскаго Университета.

(*На имя профессора Бузескула*).

Дорогому и глубокоуважаемому Марину Степановичу шлю сердечное поздравленіе съ юбилейнымъ торжествомъ и горячее пожеланіе многихъ лѣтъ бодраго служенія наукѣ и университету

Деревицкій

Отъ П. В. Иванова.

(*Изъ Купянска*).

Почтительный привѣтъ и сердечное пожеланіе продолженія Вашей содѣйствующей братству народовъ научной дѣятельности на многіе годы.

П. В. Ивановъ.

Отъ Секретаря Совѣта Харьковскаго Университета М. И. Ильинскаго.

Не рѣшаясь лично безпокоить Васъ, глубокоуважаемый Маринъ Степановичъ, я тѣмъ не менѣе, побуждаемый сердечной преданностью къ Вамъ позволяю себѣ почтительнѣйше просить Васъ принять и присоединить къ числу полученныхъ Вами многочисленныхъ поздравленій и мое душевное поздравленіе съ благополучно и плодотворно протекшею 30-ти лѣтнею дѣятельностію Вашею на поприщѣ науки съ пожеланіемъ Вамъ отъ души здоровья и всего хорошаго. Прошу не лишать меня Вашего расположенія, которымъ я до сего времени имѣлъ счастье пользоваться и которымъ всегда дорожилъ и дорожитъ Вашъ покорнѣйшій слуга

Михаилъ Ильинскій.

Отъ профессора университета Св. Владимира В. С. Иконникова.

Душевно привѣтствую глубокоуважаемаго Марина Степановича, присоединяю пожеланія ему долголѣтія и неизмѣнной плодотворной дѣятельности.

Профессоръ *Иконниковъ*.

Отъ Ю. А. Кулаковскаго.

(*Изъ С.-Петербурга*)

Привѣтствую Васъ въ день юбилея. Душевно желаю многихъ лѣтъ здоровья и дѣятельности на пользу науки и славянства

Кулаковскій.

Отъ профессора Новороссійскаго университета Б. М. Ляпунова.

(*На имя профессора Халанскаго*).

Привѣтствую дорогого Марина Степановича по случаю тридцатилѣтія плодотворной научной дѣятельности, желаю ему побольше здоровья для успѣшнаго продолженія служенія наукѣ и университету.

Старый другъ, ученикъ, почитатель

Борисъ Ляпуновъ

Отъ профессора Гельсинфоргскаго университета Миккола

Cohorte discipulorum et amicorum te, illustrissime Marine tephanides, ob longum laborem, decore peractum, celebrante et discipulus gratissimu ex gelido septentrione salutat

Mikkola.

Отъ Редактора болгарскаго журнала „Свѣтлана“

(*изъ Пловдива.*)

Благоволите принять и мои сердечныя поздравленія по случаю тридцатилѣтняго юбилея Вашей профессорской дѣятельности. По этому же случаю я помѣстилъ Вашъ портретъ въ послѣдней 12-ой книжкѣ Свѣтланы, которую и высылаю Вамъ сегодняшней почтой.

І Михайловъ

Отъ Профессора Мочульскаго

(*изъ Одессы*)

Глубокоуважаемый

Маринъ Степановичъ!

Въ день Вашего юбилея 2 го Ноября сего года я разсчитывалъ привѣтствовать Васъ лично телеграммой, но болѣзнь помѣшала мнѣ выполнить мое намѣреніе. Теперь же вставъ съ постели, поздравляю Васъ съ тридцатилѣтіемъ Вашей ученой дѣятельности и отъ души желаю Вамъ, чтобы на многіе годы Вы оставались тѣмъ же Мариномъ Степановичемъ, разливающимъ свѣтъ вокругъ себя, согрѣвающимъ все, соприкасающееся съ Вами, вдохновляющимъ молодое поколѣніе на трудъ и на движеніе и ободряющимъ всѣхъ и каждаго на трудномъ житейскомъ пути.

Пусть Богъ поддержитъ Ваши силы на благо Васъ окружающихъ и на пользу жаждущихъ свѣта и знаній! Я весьма сочувствую составленію сборника въ ознаменованіе Вашего тридцатилѣтняго юбилея и радъ самъ принять въ немъ участіе Но долженъ сознаться, взялся за сложный вопросъ и врядъ-ли смогу покончить его къ январю.

Если не покончу къ январю мѣсяцу, то помѣщу статью съ посвященіемъ Вамъ въ журналѣ Мин Нар. Просвѣщенія.

Съ искреннымъ почтеніемъ и преданностью остаюсь Вашъ

В. Мочульскій.

Отъ Преподавателя Одесской 4-й Гимназіи. Музыченка:

Привѣтствую дорогого Марина Степановича; желаю многія лѣта служить нравственной поддержкой молодежи.

Музыченко

Отъ Инспектора Народныхъ Училищъ А. В. Ордынскаго.

(Изъ Купянска).

(На имя предсѣдателя Историко Филологическаго Общества).

Не откажите принести сердечное привѣтствіе глубокоуважаемому моему профессору Марину Степановичу Дринову по случаю тридцатилѣтія его служебной и ученой дѣятельности. Служба не позволяетъ мнѣ лично привѣтствовать гуманнѣйшаго своего учителя Марина Степановича, память о которомъ неразрывно связана съ дивнымъ образомъ славнаго ученаго Александра Афанасьевича Потебни.

Ордынскій.

На привѣтствія, обращенныя къ юбиляру, послѣдній отвѣтилъ глубокопрочувствованной благодарственной рѣчью, въ которой высказалъ, что если въ немъ есть тѣ хорошія качества, на которыя ему указывали въ адресахъ, рѣчахъ и привѣтствіяхъ его товарищи и друзья, то этимъ онъ всецѣло обязанъ Харьковскому университету, въ стѣнахъ котораго протекла его педагогическая дѣятельность, и той товарищеской средѣ, въ которой онъ вращался. Богатый запасъ научныхъ знаній также былъ пріобрѣтенъ именно въ этомъ университетѣ.

Принесеніе поздравленій продолжалось до глубокаго вечера. Чествованіе носило въ высшей степени теплый и задушевный характеръ.

На слѣдующій день, 3-го ноября, происходило чествованіе проф. *М С. Дринова* товарищами по историко-филологическому факультету на вечерѣ, устроенномъ въ честь юбиляра деканомъ факультета проф В. П Бузескуломъ.

Въ числѣ гостей на вечерѣ былъ попечитель учебнаго округа М. М. Алексѣенко и ректоръ университета Н. О. Куплеваскій.

За товарищеской трапезой произнесенъ былъ цѣлый рядъ теплыхъ задушевныхъ привѣтствій высокоуважаемому юбиляру, въ которыхъ отмѣчались и его высокія научныя заслуги, и его замѣчательныя качества, какъ товарища, и человѣка. Наилучшее выраженіе чувствъ товарищей по факультету и наиболѣе яркая, живая характеристика заслугъ юбиляра—была сдѣлана В. П. Бузескуломъ въ его прочувствованной рѣчи, произведшей на всѣхъ сильное впечатлѣніе. Въ этой рѣчи среди другихъ заслугъ юбиляра была отмѣчена его высоко—полезная дѣятельность въ пользу Болгаріи, народнаго просвѣщенія ея, въ тѣ годы, когда онъ

былъ тамъ министромъ народнаго просвѣщенія. „Не смотря на ту славу, которую Вы стяжали какъ выдающіяся государственный дѣятель, какъ человѣкъ, занимающій высокое положеніе, Вы предпочли вернуться сюда къ намъ, на Вашу вторую родину, въ нашъ провинціальный городъ, для научной работы и въ этой работѣ Вы сослужили и наукѣ, и нашему Университету великую службу". Въ отвѣтъ на привѣтствія и добрыя пожеланія М. С. отвѣчалъ благодарностью, воспоминаніями о прошломъ своей дѣятельности, о своихъ отношеніяхъ къ Университету, къ нѣкоторымъ изъ своихъ товарищей; теплой благодарностью была вспомянута имъ товарищеская помощь, оказанная ему въ его юные годы старѣйшимъ его товарищемъ А. С. Лебедевымъ.

Товарищеская бесѣда съ выраженіемъ добрыхъ чувствъ, пожеланій юбиляру, родному Университету продолжалась довольно долго, и это товарищеское чествованіе юбиляра носило тотъ же теплый, задушевный характеръ, которымъ отличалось и чествованіе 2 ноября.

Краткій очеркъ научной дѣятельности М. С. Дринова.

Маринъ Степановичъ Дриновъ родился въ 1838 году въ болгарскомъ городкѣ Панагюрище (въ сѣверной Оракіи) [1]), гдѣ и учился до поступленія въ московскій университетъ, въ которомъ окончилъ курсъ въ 1865 г. Время 1865—1873 г. М. С., занимаясь частнымъ преподаваніемъ въ одномъ богатомъ семействѣ, провелъ большею частію за-границей, въ Прагѣ, въ Женевѣ и въ Римѣ. Пребываніе въ Прагѣ и Римѣ дало возможность Дринову посвящать свои досуги изученію древнихъ словянскихъ рукописей, но въ то же время онъ близко принималъ къ сердцу и современную ему судьбу словянства и особенно своей родины. Появившаяся въ 1866 г. его первая статья на болгарскомъ языкѣ имѣла практическій современно-общественный характеръ, а именно подняла вопросъ о злоупотребленіяхъ фанаріотскаго духовенства. Къ этому вопросу М. С. возвращался не разъ и въ послѣдующихъ своихъ статьяхъ на русскомъ и болгарскомъ языкахъ и изслѣдованіяхъ по исторіи болгарской церкви и болгарской литературы (особ. замѣчательна въ этомъ отношеніи статья въ „Бесѣдѣ" 1871 г. „Болгаре и константинопольская патріархія"). Въ концѣ 60-хъ годовъ минувшаго столѣтія М. С. началъ печатать статьи въ различныхъ болгарскихъ изданіяхъ, а въ 1869 г. вмѣстѣ съ Стояновымъ, Жинзифовымъ и Бончовымъ основалъ „Българско книжовно дружество" (см. ст. проф. Сумцова въ Энц. слов.).

Первые ученые труды проф. Дринова были на болгарскомъ языкѣ. Изъ нихъ самые крупные и важные два труда, посвященныхъ вопросу о происхожденіи болгарскаго народа и исторіи болгарской церкви; оба вышли въ 1869 г. За ними послѣдовалъ цѣлый рядъ статей, замѣтокъ, рецензій и обширныхъ изслѣдованій на болгарскомъ, русскомъ и частію нѣмецкомъ и чешскомъ языкахъ. Особенно выдаются двѣ диссертаціи на русскомъ языкѣ, имѣющія предметомъ древнѣйшую исторію южныхъ словянъ.

[1]) Пособіями при составленіи настоящаго очерка мнѣ служили, кромѣ сообщеній самого М. С. Дринова и его собственныхъ ученыхъ трудовъ, также статья Н. Ѳ. Сумцова въ энциклоп. словарѣ Брокгауза и указанія въ сочиненіи акад. Пыпина „Исторія слав. литературъ" (т. I) и въ сочин. К. Пречка „Das Furstenthum Bulgarien" (Wien 1891).

Въ московскомъ университетѣ учителями М. С-ча были проф Бодянскій и Буслаевъ. Но не менѣе сильнымъ вліяніемъ на него, какъ кажется, пользовался, черезъ посредство своихъ столь популярныхъ у русскихъ славистовъ, въ особенности въ Москвѣ, трудовъ, знаменитый чешскій славистъ П. І Шафарикъ Въ этомъ отношеніи Дринову пришлось раздѣлить судьбу многихъ другихъ славистовъ его поколѣнія, между прочимъ и своего славнаго ровесника, теперь вѣнскаго слависта И. В. Ягича, уже въ первыхъ своихъ трудахъ значительно отступавшаго по многимъ важнымъ вопросамъ славистики отъ мнѣній своего учителя Миклошича

Вліяніе Шафарика сказалось между прочимъ на выборѣ темы первой диссертаціи М. С. Дринова „Заселеніе Балканскаго полуострова славянами", вышедшей въ 1873 г. Несмотря на это, здѣсь видна во всемъ самостоятельность мнѣній, основанная на самой тщательной критической провѣркѣ источниковъ и освѣщеніи ихъ данными современной діалектологіи Во многихъ существенныхъ пунктахъ Дриновъ не соглашается съ Шафарикомъ. Если нѣкоторыя положенія свои, высказанныя въ 1873 г, М С и долженъ былъ оставить впослѣдствіи, то во всякомъ случаѣ многія страницы его интересно написанной книги являются и до сихъ поръ цѣннымъ вкладомъ въ науку. Если указанія на діалектическія явленія южнословянскихъ нарѣчій (см. напр. стр. 146—147) при настоящемъ состояніи нашихъ свѣдѣній и настоящемъ освѣщеніи ихъ сравнительно—грамматическими изслѣдованіями кажутся иногда въ частностяхъ не совсѣмъ точными, все таки они свидѣтельствуютъ о рѣдкомъ въ то время знаніи южнословянской діалектологіи и цѣнны въ томъ смыслѣ, что обращаютъ вниманіе изслѣдователей на дѣйствительно замѣчательное разнообразіе особенностей болгарскихъ говоровъ, которое М. С. приводитъ въ доказательство того положенія, что на Балканскій полуостровъ переселялись словянскія племена разныхъ отраслей Главные выводы этой книги слѣдующіе. 1. словяне не были исконными жителями Балканскаго полуострова; 2. словяне начали поселяться на Балканск полуостр. въ концѣ II-го вѣка (с. 83, 145), 3 словянскіе поселенцы Балк. пол. принадлежали къ разнымъ слов. племенамъ какъ восточной. такъ и западной вѣтви. Конецъ послѣдней главы посвященъ описанію различныхъ вѣтвей южныхъ словянъ въ древнѣйшее время

Столь же важенъ и интересенъ не только для историковъ, но и для славистовъ въ широкомъ смыслѣ и другой большой трудъ М. С—его докторская диссертація „Южные Славяне и Византія въ X вѣкѣ" (1876 г). Здѣсь въ пяти главахъ разсказана древнѣйшая исторія болгаръ, сербовъ, хорватовъ и южно-далматинскихъ словянъ. Особенно интересно для насъ приведенное на стран. 9 свидѣтельство мадьярскаго историка о сѣвер-

ныхъ предѣлахъ болгарскихъ владѣній въ IX в, во время появленія мадьяръ: болгарскія владѣнія въ Дакіи, дѣлившіяся на нѣсколько княжествъ, сталкивались непосредственно съ южной границей Моравской державы. Это объединеніе политическое, въ предѣлахъ владѣній одного народа иноплеменнаго происхожденія, нѣсколькихъ не только балканскихъ, но и лѣвобережныхъ (къ сѣверу отъ Дуная) словянскихъ вѣтвей, принявшихъ позднѣе названіе покорившаго ихъ иноплеменнаго народа, дастъ намъ ключъ, при извѣстномъ рѣшеніи вопроса о родинѣ старо-словянскаго языка, къ объясненію рѣзкихъ діалектическихъ особенностей этого старо-словянскаго языка, проявляющихся въ древнѣйшихъ памятникахъ этого языка и необъяснимыхъ однимъ вліяніемъ языка иноязычныхъ переписчиковъ (сравн. весьма интересныя и основательныя соображенія проф. Цонева въ соч „Къмъ историята на българскі езикъ", с. 72, 88, отд. оттискѣ изъ „Сборн. за народни умотв.". .., XIX. 1903 г.)

Въ обоихъ главныхъ трудахъ своихъ М. С. указываетъ на то, что всѣ балканскіе словяне дѣлились на множество небольшихъ племенъ, составившихъ лишь позднѣе, благодаря политическому объединенію въ группы подъ главенствомъ того или другого изъ этихъ племенъ, крупные этнографическіе союзы, извѣстные теперь подъ именемъ сербовъ, хорватовъ и т. д. Напр., въ „Заселеніи" мы читаемъ: „На западъ отъ Моравянъ помѣстились Сербы..... Къ западу отъ сербовъ помѣщались нѣсколько славянскихъ колѣнъ, съ теченіемъ времени вошедшихъ въ составъ сербскаго племени, не первоначально не принадлежавшихъ къ нему, какъ обыкновенно думали и продолжаютъ думать многіе изслѣдователи, утверждающіе, что эти колѣна издревле были вѣтвями сербскаго племени"..... (стр. 157—158). Въ сочиненіи „Южные славяне и Византія въ X в" говорится: „Въ это именно время (возвышеніе Чеслава въ Сербіи) утвердилась теорія, что всѣ южно-далматинскія славянскія племена суть части одного народа, сербскаго, и всегда будто составляли одинъ политическій союзъ, теорія, которую съ особенною заботливостію развиваетъ Константинъ Багрянородный. Теорія эта крайне несостоятельна; главныя положенія ея находятся въ прямомъ противорѣчіи съ показаніями другихъ современныхъ источниковъ".... (стр. 140—141). Не будучи спеціалистомъ по словянской исторіи и тѣмъ болѣе не считая умѣстнымъ вдаваться здѣсь въ критическій разборъ этихъ мнѣній [1]), я нахожу по крайней мѣрѣ часть ихъ весьма

[1]) По этимъ вопросамъ, кромѣ статей историка Рачкаго и проф. Т Д Флоринскаго, упоминаемыхъ проф П. А Лавровымъ въ рецензіи на книгу А. Л. Погодина (Въ Ж. М Н Пр. 1901 г, авг., с 478—495), см. особенно статьи Ягича „Ein Kapitel aus der Geschichte der südslav. Sprachen" (Archiv f sl Phil. XVII, 47—87) и Облака „Eine Bemerkung zur ältesten südsl. Geschichte" (Archiv XVIII, 228—234).

правдоподобной и примѣнимой «mutatis mutandis» къ вопросу объ образованіи и другихъ крупныхъ словянскихъ этнографическихъ союзовъ вспомнимъ мнѣніе акад Шахматова объ образованіи великорусской народности, возникшей благодаря политическому объединенію вокругъ Москвы племенъ сѣверноруссскихъ и части среднерусскихъ. Во всякомъ случаѣ, если теперь мы различаемъ, какъ двѣ строго опредѣленныя крупныя южнословянскія народности, сербохорватскую и словѣнскую (хорутанскую), несмотря на трудность установленія этнографическихъ границъ,—этого строгаго различія могло не быть еще не въ очень глубокой древности вслѣдствіе отсутствія крупныхъ политическихъ и литературныхъ центровъ въ обѣихъ этнографическихъ областяхъ, незамѣтно переходившихъ одна въ другую, и напротивъ это различіе должно было сказываться уже въ доисторическое время въ смыслѣ проявленія нѣкоторыхъ характерныхъ чертъ языка, рѣзко отличавшихъ говоръ серба отъ говора словѣнца, при чемъ этихъ чертъ должно было быть тѣмъ больше, чѣмъ отдаленнѣе географически были расположены другъ отъ друга сравниваемые говоры Въ этомъ пунктѣ, мнѣ кажется, мы вслѣдъ за Ягичемъ и Облакомъ можемъ отступить отъ мнѣнія тѣхъ ученыхъ, которые, основываясь главнымъ образомъ на свидѣтельствѣ Константина Багрянороднаго, выдѣляли сербовъ и хорватовъ изъ массы остальныхъ южныхъ словянъ, поселившихся, по ихъ мнѣнію, на Балканскомъ полуостровѣ ранѣе. Но какъ бы мы ни относились къ гипотезѣ о позднѣйшемъ переселеніи сербовъ [1]) и хорватовъ или только первыхъ сравнительно съ переселеніемъ другихъ словянскихъ вѣтвей на Балканскій полуостровъ, какъ бы ни смотрѣли на взаимное исконное родство словянскихъ вѣтвей, уже осѣвшихъ на Балканскомъ полуостровѣ къ X-му вѣку, несомнѣнно одно—, что образованіе крупныхъ государствъ немало содѣйствовало взаимному сближенію и слиянію въ одинъ народъ нѣсколькихъ мѣлкихъ этнографическихъ единицъ.

Такимъ образомъ, два главныхъ научныхъ труда нашего почтеннаго слависта являются настольными книгами не только словянскихъ историковъ, но и славистовъ въ самомъ широкомъ смыслѣ.

---

[1]) То выдѣленіе именно *сербовъ*, а не *сербо-хорватовъ* изъ массы остальныхъ южныхъ словянъ, которое находимъ уже въ первой диссертаціи М С-ча на основаніи не только историческихъ, но и лингвистическихъ данныхъ, не смотря на слабую разработку сербо-хорватской діалектологіи въ то время,—теперь, на основаніи исключительно данныхъ болгарскихъ, хорватскихъ (чакавскихъ и кайкавскихъ) и словѣнскихъ говоровъ, съ одной стороны, и сербскихъ, съ другой, защищаетъ проф Цоневъ (Къмъ историята на българскиѣзикъ, с 74—75). Но раннее употребленіе имени сербовъ о жителяхъ мѣстностей къ западу и югозападу отъ нынѣшней Сербіи (IX–X в), свидѣтельствующее о ихъ взаимной этнографической близости, кажется, можно считать доказаннымъ (см. брошюру В. Ћ. „О српском имену по западнијем крајевима нашега народа“, у Биограду 1901)

Въ многочисленныхъ трудахъ и статьяхъ М. С. Дринова затронуты и частію рѣшены не только многіе важные вопросы политической, церковной и литературной исторіи болгаръ (о Паисіи и Софроніи), болгарской этнографіи, грамматики и діалектологіи, но и вопросы общеславянской древности, каковы многіе сомнительные пункты исторіи старославянской письменности, дѣятельности славянскихъ первоучителей, древнѣйшей исторіи Балканскаго полуострова, вопросы сравнительной исторіи народныхъ сказаній (напр. этюдъ о мѣдномъ токѣ), повѣрій и обрядовъ, и, какъ мы видѣли, вопросы о взаимномъ отношеніи и образованіи южнославянскихъ нарѣчій и народностей. Какъ историкъ Балканскаго полуострова, онъ пролилъ свѣтъ на многіе темные пункты средневѣковой исторіи Византіи и всего юговостока Европы (кромѣ двухъ диссертацій важенъ его историческій этюдъ о Димитріи Хоматіанѣ и мног. друг.). Своими разносторонними этнографическими изслѣдованіями М. С много сдѣлалъ для выясненія этнографическаго типа славянскаго населенія Македоніи. Особенно замѣчательна его статья «объ языкѣ, народныхъ пѣсняхъ и обычаяхъ дебрскихъ славянъ», написанная въ 1888 г. по поводу сборника пѣсенъ Ястребова и вызванныхъ имъ статей въ «Извѣстіяхъ Славянскаго Благ. Общества» за 1886 г. Здѣсь въ началѣ указаны результаты болѣе раннихъ этнографическихъ трудовъ, касающихся западной Македоніи (Караджича, Григоровича, Верковича, Гильфердинга), сводящіеся къ тому, что славянское населеніе Македоніи и въ частности Дебрскаго округа состоитъ исключительно изъ болгаръ. Затѣмъ идутъ собственныя замѣтки автора статьи сначала о языкѣ изданныхъ Ястребовымъ пѣсенъ (с. 7—21), при чемъ указываются неточности при передачѣ Ястребовымъ помощію новаго сербскаго правописанія дебрскихъ звуковъ, потомъ объ обычаяхъ и обрядныхъ пѣсняхъ (с. 21—44), при чемъ опровергается мнѣніе о томъ, что обычай празднованія «Славы» спеціально сербскій, и указывается на нѣкоторыя подробности празднованія «Славы» дебрянами и даже призренскими сербами, неизвѣстныя или рѣдко встрѣчающіяся въ чисто сербскихъ краяхъ, но существующія въ болѣе полномъ видѣ въ Болгаріи; выводъ автора, показывающій глубокія свѣдѣнія по діалектологіи и этнографіи южныхъ славянъ, сводится къ признанію вѣрности мнѣнія о принадлежности дебрянъ къ болгарской народности и ошибочности мнѣнія Ястребова и нѣкоторыхъ сербскихъ этнографовъ и историковъ. Въ концѣ брошюры (с. 44—61) разсматривается содержаніе нѣкоторыхъ эпическихъ пѣсенъ сборника Ястребова въ связи съ ранѣе извѣстными варіантами. Я остановился нѣсколько подробнѣе на этой брошюрѣ, какъ наиболѣе важной изъ статей М. С-ча по македонскому вопросу. Но свои взгляды на славянское населеніе Македоніи, принятые и получившіе даль-

нѣшнюю разработку въ болѣе новыхъ изслѣдованіяхъ молодыхъ ученыхъ, особенно ученика его, македонскаго уроженца, воспитанника Харьковскаго университета Матова, а затѣмъ извѣстнаго словѣнскаго ученаго Облака, теперь уже, къ сожалѣнію, умершихъ, М. С. развивалъ и высказывалъ во многихъ другихъ своихъ статьяхъ, изъ которыхъ много помѣщено въ болгарскомъ „Периодическомъ [1]) Списаніи“, сборникѣ Офенкова, Извѣстіяхъ слав. общ. и другихъ изданіяхъ.

Слѣдуя традиціямъ славистовъ стараго поколѣнія, находящимъ теперь благодаря новымъ условіямъ научныхъ изслѣдованій, требующихъ большей спеціализаціи, подражаніе лишь у немногихъ изъ молодыхъ представителей науки, М. С. на ряду съ одной спеціальной отраслью славистики изучалъ и другія, что давало ему возможность строить болѣе обоснованные выводы. Изучая спеціально вопросы юго-словянской исторіи, этнографіи и этнологіи, въ которыхъ онъ является полнымъ хозяиномъ, онъ всегда обращалъ вниманіе не только на народные обычаи, обряды, повѣрья и т. д., но и всего болѣе на языкъ; можно сказать, что въ болгарской діалектологіи онъ является столь же глубокимъ знатокомъ, какъ и въ болгарской *исторіи политической*, церковной, литературной и общекультурной.

Изъ лингвистическихъ статей М. С-ча, кромѣ большихъ отзывовъ о словаряхъ болгарскаго языка Дювернуа и Герова, выдѣляется особенно классическая статья о произношеніи глухихъ звуковъ въ болгарскихъ говорахъ, помѣщенная въ V-омъ томѣ Ягичева „Архива“. Въ ней обнаруживается тонкая наблюдательность и интересъ къ фонетическимъ изслѣдованіямъ. По произношенію общесловянскихъ ѫ и ъ въ новоболгарскомъ М. С. дѣлитъ всю массу болгарскихъ говоровъ на 4 группы. Въ первой, обнимающей говоры восточноболгарскіе, ѫ и ъ въ ударяемыхъ слогахъ имѣютъ „сильно—глухое“, въ неударяемыхъ „слабо—глухое“ произношеніе, при чемъ „сильно—глухое“ произношеніе въ этой группѣ является двоякимъ качественно—въ бо́льшей части указанной области оно „широко“ (открыто), подобно англійскому u въ but, въ остальной части болѣе „узко“ (закрыто), подобно русскому ы (у); послѣднее преимущественно въ извѣстныхъ сочетаніяхъ съ *l* и *r*. Во второй группѣ, лежащей вообще къ западу отъ первой, но не представляющей непрерывной области, глухое произношеніе слышится лишь въ ударяемыхъ, иногда только ударяем. коренныхъ слогахъ, во всѣхъ же прочихъ случаяхъ замѣняется произношеніемъ ясныхъ *а* или *о*: ржка, но *ра*чица, сжн (сън), но на́ *са*не; въ этой группѣ встрѣчаются говоры, сохранившіе носовой элементъ при глухомъ гласномъ, если по-

[1]) Весьма любопытна, напр, статья о первой болгарской типографіи въ Солуни (Пер. Сп 1889 г, см въ спискѣ трудовъ М С.).

слѣдній восходитъ къ старому носовому гласному: зъмби [1]), глухое произношеніе въ общемъ тожественно съ „сильно—глухимъ“ произношеніемъ первой группы, только въ говорѣ Тетевена ѫ звучитъ подобно нѣмецкому o; въ македонскихъ говорахъ Сереса и Кратова ѫ всегда звучитъ какъ *a*. Къ третьей группѣ относятся говоры, въ которыхъ какъ ударяемое, такъ и неударяемое ѫ замѣняется чистымъ *a*, а ъ или звучитъ какъ *a*, или какъ *o* (таковы нѣкоторые изъ центральныхъ и сѣверномакедонскихъ говоровъ). Въ четвертой группѣ, представляющей нарѣчія нижнеродопскія съ одной и дебрскія съ другой стороны, является произношеніе *o* на мѣстѣ общеслов. ѫ и ъ въ коренныхъ слогахъ, большею частію *a* въ суффиксахъ, префиксахъ и окончаніяхъ (мока, рока, дожд, но падна*л*, однако отмѣчено рекол, добор, сонот, т. е. *o не въ коренныхъ слогахъ;* что же касается примѣра дошал, то онъ показываетъ, что *a* изрѣдка встрѣчается въ коренномъ слогѣ на мѣстѣ ъ—*ь*). Непослѣдовательности объясняются вліяніемъ однихъ говоровъ на другіе или заимствованіемъ. Намѣченныя въ общемъ въ статьѣ Дринова группы даютъ возможность разобраться въ массѣ діалектическихъ произношеній. Послѣдующія, болѣе детальныя изслѣдованія Облака лишь дополнили общую картину, нарисованную Дриновымъ. Кромѣ того изслѣдованія и наблюденія Облака, Лаврова, Щепкина имѣли задачей поставить явленія болгарскихъ говоровъ въ связь съ наблюдаемыми въ старословянскихъ памятникахъ. Говоря о болгарскихъ рефлексахъ общесловянскихъ ѫ и ъ—*ь*, мы должны замѣтить, что къ нимъ вполнѣ примѣнимо названіе „глухихъ“, характеризующее ихъ *качественную* неопредѣленность, иногда чисто субъективнаго свойства, обусловленную лишь тѣмъ, что въ нашей азбукѣ мы не находимъ для нихъ вполнѣ подходящихъ буквъ, но что вмѣстѣ съ тѣмъ эти звуки, какъ полные въ количественномъ отношеніи, не могутъ быть отожествляемы съ тѣми общесловянскими гласными, которые, какъ неполные въ количественномъ отношеніи, мы называемъ ирраціональными, въ какомъ видѣ они перешли изъ общесловянскаго языка въ отдѣльные словянскіе языки, лишь позднѣе при извѣстныхъ условіяхъ становясь въ нихъ раціональными, т. е. полными въ количественномъ отношеніи. Такимъ образомъ, болгарскіе „глухіе“ ничѣмъ существенно не отличаются отъ звуковъ *o*, *e*, *a*, слышимыхъ въ иныхъ болгарскихъ же говорахъ и въ другихъ словянскихъ языкахъ, такъ какъ всѣ они, какъ и различные качественные оттѣнки болгарскихъ глухихъ, суть результаты измѣненія старыхъ ирраціональныхъ гласныхъ въ

[1]) По А. П. Стоилову (Остатъци отъ назализъма въ Солунскитѣ села Зарово и Висока, с 6) зъмп—зъ̀мбъ, дъмп—дъмбо̀т, по Облаку (Mac. Stud. 19) zmp—zambó, dmp—dambè

раціональные [1]), этимъ объясняется какъ совпаденіе съ ъ стараго ѫ, такъ и то обстоятельство, что болгарскіе глухіе слышатся наиболѣе въ положеніи подъ удареніемъ. Но я не имѣю въ виду здѣсь излагать подробно все, что относится къ этому вопросу, а пользуюсь лишь случаемъ подѣлиться своими мыслями по поводу этого интереснаго явленія, во всякомъ случаѣ до рѣшительныхъ сужденій нуждающагося въ изслѣдованіи по діалектамъ помощію какихъ либо точныхъ приборовъ, опредѣляющихъ долготу звука.

Я не имѣю возможности изложить подробно все богатое и цѣнное въ научномъ отношеніи содержаніе многочисленныхъ трудовъ М. С-ча. Изъ прилагаемаго ниже списка ученыхъ трудовъ и статей его читатель можетъ убѣдиться, сколь обширна и разнообразна его ученая дѣятельность. Здѣсь я долженъ прибавить, что кромѣ чисто научныхъ вопросовъ М. С. никогда не переставалъ интересоваться практическими вопросами о судьбѣ и просвѣщеніи своей родины, представители и дѣятели которой не разъ обращались къ нему за совѣтами. Кромѣ нѣсколькихъ статей конца 60-хъ и 70-хъ годовъ XIX ст. о современномъ положеніи болгарской церкви, въ которыхъ историческими свидѣтельствами М. С старался доказать право на самостоятельность болгарской церкви, кромѣ статей, характеризующихъ въ яркихъ краскахъ тяжелое положеніе Болгаріи до ея освобожденія, М. С какъ своими сочиненіями на болгарскомъ яз., такъ и руководствами для правописанія, начиная съ конца 60-хъ годовъ минувшаго столѣтія до настоящаго времени, очень много сдѣлалъ для созданія болгарскаго литературнаго языка и правописанія. Въ этомъ отношеніи важна дѣятельность Дринова и въ качествѣ администратора въ своей тогда только что освобожденной родинѣ.

Научная дѣятельность М. С. Дринова давно оцѣнена спеціалистами, помѣщавшими свои рецензіи въ „Период. Списанія“, „Časopis“ Чешскаго музея, Archiv für slavische Philologie и другихъ научныхъ журналахъ. Акад. А. Н. Пыпинъ въ своей „Исторіи славянскихъ литературъ“ (т. I, стр. 125) еще въ 1879 г. назвалъ Дринова „важнѣйшимъ и уже вполнѣ по европейски ученымъ историкомъ болгарскимъ“. Съ тѣхъ поръ прошло 25 лѣтъ, въ теченіе которыхъ М. С. успѣлъ написать еще немало цѣнныхъ статей, значительно поднявшихъ его авторитетъ какъ выдающагося ученаго. Ака-

[1]) Только въ извѣстныхъ сочетаніяхъ, соотвѣтствующихъ общеславянскимъ *tъrt—tьrt* и *trъt—trьt* (tъlt и tlъt), и въ сочет. со стогов носовыми въ болгарскихъ говорахъ слышатся ирраціональные, мѣстами (Oblak, Macedon Studien, 38, 19) даже неслоговые звуки ъ: tr̥ n, vl̥ k, bl̥ ha, zmp—zambъ̀.

демія наукъ неоднократно поручала ему разборъ сочиненій, представляемыхъ на соисканіе премій, и почтила его въ 1898 г. избраніемъ въ члены корреспонденты

Внѣшняя біографія М. С-ча несложна. Съ 1873 г. онъ, за исключеніемъ времени 1877—78 г., когда входилъ въ составъ временнаго русскаго управленія Болгарскимъ княжествомъ, учредивъ нѣсколько среднеучебныхъ заведеній въ качествѣ министра нар просв. и дух. дѣлъ [1]), состоитъ профессоромъ харьковскаго университета, при чемъ съ 1890 до 1897 г. состоялъ и предсѣдателемъ историко-филологическаго общества при харьковскомъ университетѣ.

Широкая разносторонность и отзывчивость позволяли М. С-чу поддерживать въ научныхъ стремленіяхъ людей, работавшихъ въ самыхъ разнообразныхъ отдѣлахъ словянской филологіи. Исторія словянскихъ литературъ, словянское право, словянская народная поэзія, словянское языкознаніе привлекали вниманіе М С-ча, благодаря чему онъ охотно и съ успѣхомъ оппонировалъ на диспутахъ по самымъ различнымъ отдѣламъ словяновѣдѣнія. Всегда скромный и строгій къ себѣ, несмотря на свою громадную эрудицію, но мягкій и снисходительный къ другимъ, М. С. и какъ товарищъ, и какъ профессоръ и наставникъ по отношенію къ своимъ ученикамъ и всѣмъ, обращавшимся къ нему за совѣтами при своихъ занятіяхъ, является образцомъ высоко просвѣщеннаго и истинно гуманнаго человѣка.

Пожелаемъ же глубокоуважаемому Марину Степановичу здоровья и силъ для продолженія его многосторонней и полезной научной дѣятельности.

Б. Ляпуновъ.

Одесса, 7 мая 1904 г

[1]) Объ этомъ времени см C Jireček, Das Fürstenthum Bulgarien (1891), s 244, 258, 317, 332, 431.

Списокъ ученыхъ трудовъ М. С. Дринова 1866—1904 г.

1. Іезуити и фанариоти (Константинопол. журн. „Время“ 1866 г.).

2. Погледъ врьхъ происхожданье-то на блъгарскій народъ и начало-то на блъгарска-та исторія. Въ Віенѫ, 8°. VIII и 100 стр, 1869 г. (реценз въ Ć. Č. М. 1871, I, 86—88).

3. Исторически прегледъ на българската цьрква отъ самото ѝ начало и до днесь. Въ Віенѫ, 8°, VIII и 188 стр, 1869 (рец. К Иречка въ Č. Č. М. 1871, III, Пер. Сп. 1872, 244—253).

4. Программа для собиранія матеріаловъ по діалектологіи (подъ псевдон. Божкова, Лѣтоструй Данова 1869—1871 г.). По этой программѣ издалъ свой сборникъ Чолаковъ.

5. За новобългарското азбуке, Пер. Спис. 1870, II, 9—29.

6. Нови паметници за историята на Българетѣ и на тѣхнитѣ съсѣди, Пер. Сп. 1870, I, 36—60 (I и II письма), II, стр. 52—68 (III и IV письма изь Пезаро и Рима). Особенно важно IV-ое письмо (с. 56—68), гдѣ описывается ватиканскій списокъ Манассіиной лѣтописи, свѣдѣнія о которомъ раньше сообщались Ассемани, Бобровскимъ, Шевыревымъ, Палацкимъ и Чертковымъ.

7. Отецъ Паисій, Пер. Спис. 1871 г., кн. IV, с. 3—26. Біографія извѣстнаго дѣятеля болгарскаго литературнаго возрожденія въ XVIII вѣкѣ (помѣч. 1871 г., марта 10).

8. Болгаре и константинопольская патріархія, «Бесѣда» 1871 г., IV, 324—359. Здѣсь подробно разсказывается исторія возникновенія самостоятельной болгарской церкви.

9. Хунни ли сме? Пер. Спис. 1872, кн. V—VI, с. 210—244 (ноемврий 4, г. 1871, Москва). По поводъ на „історія блъгарска съчинена отъ Гавріила Крьстьовича“, ч. I, Цариградъ, 1871.

10. Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами, Москва, 1873 г., стр. 1—174. (Изъ „Чтеній въ О. И. и Др. р.“ 1872, кн. 4).

11. Три грамоти дадени отъ Импер. Василий II на български Охридски архиепископъ Иоанъ около 1020 лѣто, Пер. Спис. 1873, кн. VII—VIII, с. 14—25.

12. Въпросъ за Българската и Сръбската Цьркви прѣдъ сѣдилиштето на Лионский съборъ въ 1274 г. (Пер. Сп. 1873, VII—VIII 25—42, 1872 Септемврий, с. Сенково).

13. Началото на Самуиловата държава, Пер. Сп. 1874. IX—X. с 41—70, XI—XII (1876), 104—124

14. Азбуката на новобълг. книж. дружество и г Мушякъ, П. Сп. IX.—X.

15. Южные Славяне и Византия въ X в, Москва, 1876, 8°, гл I—V, 152 („Чтенія"). Предисловіе написано 28 ноября 1875 г въ Прагѣ.

16. Български народни пѣсни: а) по изговарянье въ Панагюрище, б) по изгов. въ Дебърско, в) по изгов въ Костурско, г) по изговар въ Мало-Търновско, запис. М. Дриновъ (сообщ. о назализмѣ въ костурск говорѣ с. 163—164), Пер. Спис. 1876, XI—XII, с. 147—169.

17. Още една отбрана на новобългарското азбуке (отговоръ на г Кърстьовича, „Училище" и „Знание") заедно съ една поправка въ него, Пер. Сп. 1876, XI—XII, с 197—204.

18. Кириллъ и Методий, български просвѣтители, П. Сп. 1876, с. 205—207 (рецензія).

19. Българска история отъ К. Иречка (писмо до Дружеството), Пер. Спис. 1876, с. 215—227; та же рецензія напечатана въ Časopis Česk. mus 1876, 158—164, и Archiv f. sl. Phil. II, 168—177.

20. Болгарія наканунѣ ея погрома, Слав. Сборн., т. II (1877), с. 23—45.

21. Болгарскій церковный вопросъ и Берлинскій трактатъ, Свештеничко Братство 1879.

22, Записка о дѣятельности временнаго русскаго управленія въ Болгаріи. Терново 1879 (читано въ 1-мъ учредит. болгарск. народн. собраніи).

23 Mittheilungen uber das Neubulgarische, Archiv f. slav. Philol. IV (1880), 694—695.

24. Beitrage zur Kunde der neubulg. Sprache, Archiv V, 370—376. Въ этой статьѣ говорится о произношеніи общеслов. ъ и ѫ въ болг. яз.

25. Разборъ сочиненія Ѳ. Успенскаго „Образованіе второго болгарскаго царства" (Отчетъ о 23-мъ присужд. нагр. гр. Уварова, прилож. къ XXXIX т. „Записокъ" И. Акад. Наукъ, № 8, с. с. 84—113).

26. Рефератъ о соч. Васильевскаго „Совѣты и разсказы византійск. боярина XI в." (П. Спис. I, 126—133).

27. Български лѣтописенъ разказъ отъ края на XVII вѣкъ (като градивце за историята на бълг. езикъ), П. Сп. 1882 (Ср. III), 1—19.

28. Записъ отъ охридски патр. Прохоръ, П. Сп. III, 132—140.

29. Некрологъ Макушева, П. Сп. VI (1883), 41—61.

30. Реценз. на „Памятники болг. народн. творчества“ Вл. Качановскаго (Archiv f. sl. Phil. VII, 109—117).

31 Историческо освѣтление върхъ статистиката на народноститѣ въ източната часть на Бълг. княжество, П. Сп. VII (1884), 1—24, VIII, 68—75.

32. Нѣколко забравени списания на Софрония Врачанскаго, Пер. Спис. 1884, кн. XII, 1—12

33. Лѣтописни бѣлѣжки отъ Разградъ, П. Сп XII (1884), 13—14.

34. Предисловіе къ переводу Матова пространнаго житія Климента (1885 г.)

35. Новый церковнославянскій памятникъ съ упоминаніемъ о славянскихъ первоучителяхъ, С.-Пб 1885, 8°. 32 (отд. отт. изъ Ж М Н пр 1885, апрѣль).

36. Спомень за Ивана Серг Аксакова, П. Сп. 1886, XIX—XX, 1—15.

37. Още нѣколко бѣлѣжки за Паисия и за неговата история, П Сп. 1886, іb. 134—145.

38. Прибавленіе къ статьѣ Славейкова „Нѣкотько думи за Пловдивъ“, Наука II, 4. 355—358

39. Les serbes ont ils eu les colonies ou une autorité quelconque en Macédoine avant le XIII siècle? Comment s'appelaient les slaves qui habitaient la Macédoine avant cette époque, Сборн. Офейкова „La Macédoine“, Philip 1887, с. 158—187.

40. Нѣсколько словъ объ языкѣ, народныхъ пѣсняхъ и обычаяхъ дебрскихъ славянъ, С. Пб. 1888, 16°. 61 (изъ „Извѣстій слав. бл. общества“ 1887 г.).

41. Нѣколко думи за титлитѣ на Костурскии митрополитъ и на нѣкои други гърцки владици въ Македония, Пер. Сп. XXVII (1888), 342—343.

42. Нѣсколько поправокъ къ этнограф. очерку слав. части Македоніи, Извѣстія слав. благ. общ. 1888 г., № 6—7.

43. Първата българска типография въ Сочунъ и нѣкои отъ напечатанитѣ въ нея книги, П. Сп. XXXI (1889), 1—25.

44 Изъ старо-българската книжнина, П. С. XXXI (1889), 113—121.

45. Объ археологическихъ трудахъ братьевъ Шкорпилей, Изв. Слав. благ. общ. 1889 (1890?).

46. Новонайденъ надпись въ Охридската св. София, П. Сп. XXXII—XXXIII (1890), 360—362 (ΑΓΙΑ ΑΡΧΙΕΠΙΣΚΟΠΗ ΒΟΥΛΓΑΡΙΑΣ, по Дринову XI в.).

47. Къмъ бѣлѣжкитѣ на господина Шопова за титлитѣ на Битолскитѣ владици, П. Сп XXXII—XXXIII, 363.

48. Една забравена българска история, П. Сп 1890, XXXIV, 542—568.

49 Нѣколко бѣлѣжки за X Йоакима даскала Кърчовскаго, П. Сп XXXIV, 569—573.

50 Нѣколко бѣлѣжки за тризичната солунска книга, Книжици за прочитъ, Солунъ 1891, кн. VIII—X.

51 Рецензия на словарь болгарскаго яз Дювернуа въ Отчетѣ о присужденни премии Макарія 1892 г., с. 1—57.

52. Рецензия на „Ant. Kalina, Studyja nad historyją jezyka bułgarskiego“, Славянское Обозрѣние 1892, с. 586—593.

53. За правописанието, Мисъль 1894, VIII—IX.

54. Какъ праздновали въ Болгаріи Кирилла и Меѳодія. Юбил Сборн. Фотинова, изд Пер. Спис. 1894.

55. Яковъ Трайковъ отъ София и Кара Трифунъ отъ Скопие (двѣ книжари въ 16-ти вѣкъ), Юбилейенъ сборникъ на славянска бесѣда, София 1895, с 29—36.

56 Сказание о Святогорѣ богатырѣ и о земной тягѣ въ южной народной словесности, Труды 8-го Археолог. съѣзда, т. II. Москва 1895 г

57 За названието на София (въ Софийскомъ жури „Свѣтлина“)

58. Биография Бончова (ibid).

59 О нѣкоторыхъ трудахъ Димитрія Хомагана, какъ историческомъ матеріалѣ, Визант Врем. т. I, с 319—340, II, в. I, с. 1—23

60. Обзоръ ученой дѣятельности И. М. Собѣстианскаго, Сборн. Харьк. Истор.-филолог. Общ. 1896 г. (т. 8), с. 6—16.

61 Рецензія на словарь болг. яз. Герова (Извѣстія II отдѣл. И. Акад. Наукъ, т. I, кн 2, с. 355—381, Записки Харьк. Унив. 1896 г, кн. IV, отд. от. 1897, с. 1—21).

62. Разборъ сочиненія П. А. Сырку „Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV вѣкѣ. Томъ I.—Выпускъ 1-й. Время и жизнь патріарха Евѳимія Терновскаго. С.-Пб. 1899 г., стр. XXXII+602.—Вып. 2-й. Литургическіе труды патріарха Евѳимія Терновскаго. С.-Пб., 1899 г, стр. XCVII+231“. Отдѣльн. оттискъ изъ „Отчета о присужд. Ломонос. премии въ 1899 г.“, с 1—40.

63. Мѣдно (бакърно) гумно, мѣденъ токъ въ словѣнскитѣ и гръчки умотворения, София 1900 (Отпеч. отъ „Сборниче за юбилея на проф М. С Дриновъ“).

64. Этнографическія наблюденія А. Ф. Музыченка надъ болгарскими колонистами Ѳеодосійскаго уѣзда Харьковъ 1902 г. (отд. от. изъ „Записокъ Имп. Харьк. унив“ за 1902 г.), с. 1—7.

Кромѣ того слѣдуетъ упомянуть, что въ засѣданіи 23 февраля 1895 г. М. С. сдѣлалъ докладъ о второмъ изданіи „Сборника Святослава“ 1076 г. Шимановскаго, указалъ на нѣкоторыя неточности и при этомъ сообщилъ, что готовитъ къ изданію южно-слов. параллели къ „Сборн. Святослава“ 1076 г. (Сборн. Харьк. истор.-филол. общ. VIII, с. 7)

Къ ученію объ основахъ.

Никто, конечно, не будетъ отрицать, что нынѣшній фазисъ науки о грамматикѣ индоевропейскихъ языковъ есть только временная ступень ея развитія, а вовсе не окончательное рѣшеніе ея задачъ. какъ въ частныхъ случаяхъ, такъ и въ общихъ положеніяхъ.

Блестящіе успѣхи, достигнутые господствующимъ нынѣ направленіемъ, не могутъ, конечно, заглушить стремленія къ исканію, если не новыхъ путей, то, по крайней мѣрѣ, другихъ точекъ отправленія при объясненіи отдѣльныхъ явленій языка. Преимущественное вниманіе современныхъ языковѣдовъ сосредоточиваетъ на себѣ внѣшняя, звуковая, сторона языковыхъ фактовъ, въ ущербъ ихъ внутреннимъ формамъ. Матерія преобладаетъ надъ духомъ языка.

Высшимъ идеаломъ науки о языкѣ безспорно является философское раскрытіе законовъ человѣческой мысли, воплощенной въ грамматическихъ формахъ,—проникновеніе въ самые тайники того мыслительнаго творчества каждаго народа, которое создаетъ и видоизмѣняетъ внутреннее содержаніе звуковой оболочки слова въ его разныхъ грамматическихъ функціяхъ. Такую высокую задачу ставилъ себѣ незабвенный языковѣдъ-философъ А. А. Потебня, и эти же цѣли преслѣдуетъ нынѣ съ такимъ выдающимся успѣхомъ послѣдователь Потебни, Д. Н. Овсянико-Куликовскій. Моя же работа въ этой области гораздо скромнѣе. Меня привлекаетъ языкъ прежде всего лишь какъ объектъ историческихъ разысканій, какъ явленіе, имѣвшее, наравнѣ съ другими историческими явленіями, свои фазисы развитія, свою жизненную эволюцію, внѣшнюю и внутреннюю.

Историческая грамматика, изслѣдующая судьбы языковъ въ ихъ литературную эпоху, наглядно констатируетъ фактъ постепеннаго ихъ измѣненія. Многочисленные признаки свидѣтельствуютъ о томъ, что нѣчто подобное было и въ праязычное время, въ той стадіи развитія индоевропейскаго языка, которая является конечною цѣлью сравнительнаго языковѣдѣнія. Въ наличныхъ представителяхъ индоевропейской группы языковъ сохранилось много такихъ данныхъ, которыя приводятъ къ заключенію, что

и вообще весь строй индоевропейскаго языка нѣкогда былъ не такимъ, какъ впослѣдствіи

Во всякомъ историческомъ организмѣ, рядомъ съ самоновѣйшими проявленіями жизни, уживаются нерѣдко пережитки самой глубокой старины. Особенно касается это такихъ явленій, въ созданіи которыхъ принимаетъ непосредственное участіе вся народная масса и однимъ изъ которыхъ является и языкъ. Къ сожалѣнію, современная сравнительная грамматика, слишкомъ углубившаяся въ фонетику, удѣляетъ сравнительно мало вниманія такимъ пережиткамъ старины въ наличныхъ языкахъ. А между тѣмъ эти пережитки существенно важны не только для вопроса о праязыкѣ, но также и для объясненія такихъ фактовъ, которые находятся въ какой-либо связи съ остатками болѣе глубокой древности. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Падежи явственно распадаются на двѣ группы, грамматическую и реальную (см. наши „Падежи“ стр. 46 сл.). Къ послѣдней группѣ морфологически принадлежитъ и дат. падежъ, въ то время какъ по своимъ функціямъ онъ является уже почти чисто грамматическимъ падежомъ, и лишь нѣкоторые слѣды показываютъ, что дательный также и въ синтактическомъ отношеніи принадлежалъ прежде къ числу реальныхъ падежей съ локальнымъ значеніемъ (по нашему предположенію, адъэссивнымъ).

Тожество формы въ им и вин средняго рода, противорѣчащее обычному типу индоевропейскаго предложенія, могло установиться только въ такое время, когда этотъ типъ не былъ еще господствующимъ.

Также и различіе грамматическаго рода не составляетъ исконнаго достоянія индоевропейскаго языка. Слова pater mater, frater: soror обнаруживаютъ еще полное безразличіе морфологіи въ отношеніи рода. Остаткомъ этого безразличія являются и мужскія имена по первому склоненію (напр. agricola) и женскія исключенія во 2 и 4 склоненіяхъ, равно какъ и разные случаи колебанія въ родовомъ опредѣленіи отдѣльныхъ словъ (напр. finis) Множ. число средняго рода соприкасается морфологически и семасіологически съ именительнымъ ед. числа собирательныхъ именъ женскаго рода по 1 склоненію.

Имя прилагательное является лишь разновидностью существительнаго; ср. напр. magnanimus (=magnus animus), vetus—Fέτος, ῥοδοδάκτυλος, санскр. sáhas „сила“ и „сильный“, máhas „величина“ и „великій“.

Для этихъ и имъ подобныхъ случаевъ въ области имени и его склоненія имѣются точныя параллели въ другихъ, не индоевропейскихъ, языкахъ. Но въ настоящее время интересуетъ насъ спеціально вопросъ объ основѣ, главнымъ образомъ глагольной.

Наиболѣе наглядным примѣромъ отличія праязыка отъ развившихся изъ него отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ является синтаксисъ слож-

ныхъ предложеній. Наши придаточныя предложенія въ томъ видѣ и объемѣ, въ какомъ они извѣстны изъ новыхъ и древнихъ языковъ индоевропейской группы, развились уже послѣ обособленія этихъ языковъ. Въ эпоху праязыка такихъ придаточныхъ предложеній не было. Большинство союзовъ своимъ этимологическимъ разнообразіемъ подтверждаютъ это положеніе прямо (для греч. и лат. союзовъ ср. наши статьи въ „Фил. Обозр.“). Только по отношенію къ относительнымъ предложеніямъ и тѣмъ старинным союзамъ, которые произведены отъ относительнаго мѣстоименія, возможенъ принципіальный споръ. Дельбрюкъ въ своей Vergleich. Syntax считаетъ относительную функцію корня іо унаслѣдованной еще отъ временъ праязыка. Напротивъ, Э. Германнъ (K. Z. XXXIII: Gab es im Indogermanischen Nebensatze?) отрицаетъ для эпохи праязыка всякія придаточныя предложенія, не исключая и относительныхъ Какъ часто бываетъ, истина находится здѣсь, повидимому, по серединѣ между обѣими крайностями. Съ одной стороны, трудно обойтись безъ предположенія, что зародыши относительной категоріи придаточныхъ предложеній существовали уже въ праязычной стадіи. Но съ другой стороны, конкурренція для обозначенія относительной функціи различныхъ *мѣстоименныхъ* корней въ разныхъ языкахъ, а также и употребленіе всѣхъ этихъ корней не въ одной лишь относительной функціи могутъ быть удовлетворительно объяснены только въ томъ случаѣ, если категорія относительнаго мѣстоименія въ праязыкѣ не составляла еще вполнѣ обособившагося и прочно опредѣлившагося типа. Относительная функція могла быть тогда еще только частнымъ случаемъ употребленія мѣстоименныхъ корней, параллельнымъ съ другими значеніями. Обособленіе и дальнѣйшее развитіе относительной функціи идетъ уже на почвѣ раздѣлившихся языковъ, при чемъ одни изъ нихъ пріурочиваютъ эту функцію къ указательнымъ (точнѣе: анафорическимъ) корнямъ, другіе, напротивъ, къ вопросительнымъ (см. „Фил. Обозр.“ XX, 1, стр. 11—18).

Итакъ индоевропейскій праязыкъ, не знавшій еще нашихъ условныхъ, причинныхъ и прочихъ придаточныхъ предложеній, въ этомъ отношеніи существенно отличался отъ позднѣйшихъ частныхъ языковъ индоевропейской группы. Но, конечно, невозможно думать, что праязыку было совершенно чуждо понятіе условности, причины и пр. Однако для выраженія этихъ отношеній въ его распоряженіи должны были быть другіе способы, отличные отъ нашихъ формъ гипотаксиса. Весьма любопытно, что въ древнеиндійскомъ языкѣ употребленіе относительной конструкціи не совсѣмъ свободно. она допускается только въ извѣстныхъ случаяхъ, въ то время какъ въ другихъ, и притомъ даже болѣе частыхъ, она замѣняется словосложеніемъ. Въ классической санскритской прозѣ манерное, доходящее до вычурности, примѣненіе сложныхъ словъ играетъ подобную стилистическую роль,

какая свойственна придаточнымъ предложеніямъ, полнымъ и сокращеннымъ, въ періодахъ классическои латыни. Заслуживаетъ полнаго вниманія предположеніе Jacobi (Compositum und Nebensatz), что именно словосложеніе въ индоевропейскихъ языкахъ представляетъ собою пережитокъ праязычнаго эквивалента позднѣйшихъ придаточныхъ предложеній, относительныхъ (стр. 25) и обстоятельственныхъ (стр. 96). Причину того, что словосложеніе сохранило особенную живучесть на почвѣ санскрита, можно бы усматривать во вліяніи языка автохтоновъ. Но самая способность къ этому должна была корениться въ языкѣ самихъ индусовъ, какъ она фактически существуетъ и въ прочихъ родственныхъ языкахъ. А шутливые продукты плавтинской музы, въ родѣ turpilucricupidus, nugipolyloquides, отличаются отъ санскритскихъ хитросплетеній только болѣе узкими предѣлами примѣненія. Въ словосложеніи же имѣемъ уже дѣло съ интересующими насъ здѣсь глагольными основами (напр. Ἐχέ-φρων Ἀγ-ήνωρ, Ἀλέξ-ανδρος, Πεισί-στρατος).

Праязыкъ отличался отъ позднѣйшихъ языковъ не въ одной только области гипотаксиса. Также и построеніе простого предложенія въ нынѣшней своей формѣ составляетъ, повидиму, только окончательный результатъ постепенной эволюціи этого дѣла. Присутствіе въ каждомъ предложеніи подлежащаго и сказуемаго представляется намъ теперь столь необходимымъ, что съ цѣлью объясненія такъ наз. безличныхъ выраженій сложилась цѣлая спеціальная литература вопроса (см. „Фил. Обозр.“ XX, 1 стр. 1 сл.). Однако мнѣніе о необходимости двухъ членовъ въ предложеніи—только предразсудокъ. Одночленное предложеніе можетъ состоять не только изъ одного глагола (т. е. сказуемаго безъ подлежащаго), но и изъ одного имени (т. е. подлежащаго безъ сказуемаго). Въ значеніи же сказуемаго не требуется непремѣнно глаголъ. Даже Дельбрюкъ, скрѣпя сердце, допускаетъ предикативность греческихъ предлоговъ—нарѣчій, объясняемыхъ обыкновенно при помощи эллипсиса ἐστί. Согласно съ этимъ также и русскую конструкцію: „онъ здѣсь“ не нужно объяснять пропускомъ связки, необходимой въ другихъ языкахъ: „er ist hier“.

Глаголъ не можетъ быть признанъ обязательнымъ постулатомъ для двучленныхъ предложеній уже потому, что въ большинствѣ языковъ земного шара не существуетъ особой морфологической категоріи глагола. Обычный же типъ индоевропейскаго предложенія, основанный на сочетаніи подлежащаго со сказуемымъ, вызванъ именно присущимъ индоевропейской группѣ различіемъ имени и глагола.

Въ качествѣ особаго морфологическаго образованія, служащаго спеціально для выраженія дѣйствія, какъ предиката, глаголъ составляетъ отличительную особенность индоевропейской и семитической отраслей язы-

ковъ (Fr. Müller, Grundriss der Sprachwissenschaft I, 123). Но семитическій глаголъ не имѣетъ еще временъ въ индоевропейскомъ смыслѣ; тамъ существуютъ только формы совершеннаго и несовершеннаге видовъ дѣйствія, могущія въ предложеніи служить и для обозначенія временъ. И вотъ любопытно, что и въ индоевропейскихъ языкахъ, по крайней мѣрѣ одно время, именно будущее, повсюду появляется еще только въ состояніи созиданія, и притомъ разнаго въ разныхъ мѣстахъ, частью при помощи сложенія со вспомогательными глаголами (санскр. dâtâ—smi, серб уби—ћу, м.-русск. бит—иму, лат. ama—bo и пр.), частью въ видѣ преобразованія старыхъ формъ сослаг наклоненія (греч буд. на—σω, лат. faxo, agam).

Изъ этого слѣдуетъ, что въ праязыкѣ не было еще прочно установившагося будущаго, какъ особой морфологической части глагольной системы (ср. „Фил. Обозр.“ XIX, 1, 12 сл.). А такъ какъ, далѣе, и прошедшее время выражалось при помощи спеціальной частицы (приращенія), то это доказываетъ, что и претеритныя формы сами по себѣ не обозначали времени. Стало быть, праязыкъ находился въ томъ же положеніи, какъ и семитическіе языки: первоначально въ немъ были только виды дѣйствій, но не времена. Также и наклоненія древнѣе временъ. Въ частности желательное наклоненіе послужило образцомъ, у котораго претериты заимствовали свои личныя окончанія. Напротивъ сослагательное, представляющее по своимъ окончаніямъ только разновидность изъявительнаго наклоненія, въ праязыкѣ, а также у Гомера, не обладало еще той законченной морфологіей, которая ему свойственна въ позднѣйшихъ языкахъ (Ind. Forsch. 1900 стр. 161).

Особенно интереснымъ свидѣтелемъ проэтнической подвижности глагольной морфологіи оказывается такъ наз. инъюнктивъ. Въ ригъ-ведѣ встрѣчаются формы, по внѣшнему виду похожія на имперфектъ и аористъ, но по смыслу приближающіяся къ значенію повелительнаго; прогибитивный союзъ „mâ“ (μή) всегда въ ригъ-ведѣ сочиняется съ этой формой въ смыслѣ греч. сослагательнаго. Бругманъ (Morph. Unters. III, 1 сл.), пустившій въ оборотъ терминъ „инъюнктивъ“, расширилъ область наблюденій надъ этимъ явленіемъ также и на другіе языки; такимъ инъюнктивомъ онъ призналъ, напр., форму греч. повелительнаго δός Разнообразіе примѣненія инъюнктива показываетъ, въ какой степени праязычная морфологія глагола была еще мало разграничена: одна и та же форма могла получать различныя функціи въ зависимости отъ синтактическаго построенія предложенія. Общій *строй праязыка основывался, повидимому, болѣе на синтаксисѣ, чѣмъ на морфологіи.*

Къ подобному заключенію приводятъ и наблюденія надъ личными суффиксами („Нѣсколько вопросовъ изъ морфологіи лат. глагола“ Ж. М.

Н. Пр. 1883). По крайней мѣрѣ, личныя формы повелительнаго въ греч. и лат языкахъ не что иное, какъ результатъ дифференцированія одной, первоначально общей для всѣхъ лицъ и чиселъ, формы, сохранившей потомъ специально значеніе 2 ед: φέρε, vehe (Delbrück, Vergl. Synt II, 360 сл.). Нѣкоторыя формы 3 ед. (напр. εἶδε, санскр. vêda) вовсе лишены личной приставки. А форма 3 мн. на—nt и—nti (ferunt. φέρουσι, —bheronti) является собственно основой причастія, лишь слегка приноровленной къ прочей системѣ личныхъ суффиксовъ.

Судя по всему, морфологія индоевропейскаго глагола созидалась на синтактической почвѣ. А если вѣрно воззрѣніе, что флексивные языки вообще проходили нѣкогда черезъ стадію безфлексивности, то и вообще вся *флексія индоевропейскихъ языковъ не что иное, какъ окаменѣлый остатокъ преисторическаго синтаксиса.* При этомъ, однако, не нужно предполагать непремѣнно для всякаго суффикса самостоятельное нѣкогда словечко (какимъ былъ, по всей вѣроятности, суффиксъ—s въ им. ед. числа), а, напротивъ, можно допускать и готовыя уже основы, закрѣпленныя путемъ аккомодаціи въ томъ или другомъ случайномъ употребленіи (Ludwig Infinitiv im Veda).

Глагольная система моложе именной Процессъ созиданія глагольной морфологіи продолжается отчасти на глазахъ исторіи индоевропейскаго языка. Мало того, даже и въ періодъ сложившейся уже системы въ языкѣ замѣчается наклонность къ усиленію грамматическаго значенія глагола. Въ этомъ отношеніи весьма важенъ выводъ Потебни о томъ, что „съ развитіемъ грамматической мысли, съ переходомъ отъ старыхъ языковъ къ новымъ, вся предикативность предложенія стремится сосредоточиться въ глаголѣ. Этотъ постепенный, вѣками совершавшійся процессъ, приведшій къ торжеству глагольности предложенія, Потебня прослѣдилъ въ исторіи языковъ славянскихъ, въ особенности русскаго, а также и литовско-латышскомъ, а Д. Н. Овсянико-Куликовскій дополнилъ это наблюденіями надъ строемъ предложенія въ древнѣйшихъ памятникахъ индоевропейскихъ народовъ (Синтактическія наблюденія. Ст. Петерб. 1899). Согласно терминологіи Д. Н Овсянико-Куликовскаго, съ точки зрѣнія исторіи языка слѣдовало бы также говорить объ „оглаголенныхъ“ именахъ, а не, какъ принято выражаться, „отглагольныхъ“.

Остаткомъ того времени, когда еще не было нынѣшняго торжества глагольнаго предиката, въ области причастій являются разныя „самостоятельныя“ конструкціи, изъ которыхъ особенно любопытенъ такъ наз. nom. absolutus (М. Масловъ Синтактическія замѣтки въ Зап. Х. У.). Что же касается инфинитивовъ, то у Дельбрюка (Vergl. Synt. гл. XXXII, см. Фил. Об. XIX, 1 стр. 32 сл.) дано довольно обстоятельное обозрѣніе вопроса

о томъ, встрѣчаются ли формы неопредѣленнаго наклоненія также и въ значеніи опредѣленныхъ глагольныхъ формъ; и, не смотря на видимую неохоту признать это положеніе, какъ выходящее изъ ряда ходячихъ нынѣ воззрѣній, онъ всетаки оказывается вынужденнымъ допустить хоть нѣкоторые такіе случаи, въ томъ числѣ употребленіе неопред. наклоненія въ значеніи повелительнаго и конструкцію inf hist. Неохота Дельбрюка явно обусловливается сбивчивостью самого термина: „неопредѣленное наклоненіе“, при которомъ очень не легко отрѣшиться отъ того представленія, которое соединяется съ этимъ терминомъ подъ вліяніемъ школы. Это узкое значеніе неопредѣленнаго наклоненія не должно служить исходной точкой или руководящимъ началомъ при рѣшеніи даннаго вопроса. Случаи употребленія неопредѣленнаго наклоненія въ значеніи повелительнаго и въ смыслѣ inf. hist должны быть разсматриваемы не какъ производныя отъ неопред. наклоненія функціи, а какъ параллельныя съ его обычнымъ значеніемъ, т. е. какъ остатокъ отъ того состоянія языка, когда формы неопредѣленнаго наклоненія не были еще таковыми по преимуществу, а, напротивъ, могли еще свободно употребляться и въ томъ, и въ другомъ, и въ третьемъ значеніяхъ. Эту общую синтактическую подкладку данныхъ частныхъ явленій мы и называемъ „инфинитивомъ“ (Къ морфологіи и семасіологіи латинскихъ инфинитивовъ, въ Сборникѣ въ честь Ѳ. Е. Корша).

Такими инфинитивами признаны нами, въ упомянутой статьѣ, также и „слитныя“ формы греч. и лат. повелительнаго (напр. νίκα, amâ, monē audī), причемъ ходячее нынѣ толкованіе этихъ формъ изъ слянія (Brugmann Gr. Gr. 3 изд. стр. 62) отклонено нами, какъ неосновательное. Въ новѣйшемъ изданіи своей лат. грамматики (въ Handbuch-ѣ Ивана Мюллера), Штольцъ, сославшись предварительно на нашу статью, отказывается уже отъ принятаго имъ въ прежнихъ изданіяхъ традиціоннаго толкованія audī изъ + audiie, audīte изъ + audiiete, amāte изъ + amanete. Нашимъ положеніемъ существенно видоизмѣняется и упрощается вопросъ о слитныхъ глаголахъ, составляющій одно изъ наиболѣе слабыхъ мѣстъ сравнительной морфологіи, основанной по преимуществу на фонетикѣ. Мы переносимъ рѣшеніе этого вопроса на почву синтаксиса. Профессоръ Зубатый (въ своемъ рефератѣ о Сборникѣ въ честь Ѳ. Е. Корша въ Listy Filolog. за 1897 годъ), признавъ представленное нами толкованіе заслуживающимъ вниманія, отнесся къ нему скептически въ виду глоттогоническаго, будто бы, характера такого толкованія. Однако, вѣдь, большинство фонетическихъ толкованій несравненно болѣе трансцендентально, не имѣя подъ собою никакой другой почвы, кромѣ теоретическихъ гипотезъ. Мы же основывались въ данномъ случаѣ на наличномъ матеріалѣ, фактически существующемъ въ языкѣ; наша работа уподобляется изысканіямъ археоло-

говъ о вещественныхъ памятникахъ старины, по меньшей мѣрѣ столько же, сколько и фонетика. Новое освѣщеніе слитныхъ глаголовъ тѣмъ болѣе умѣстно, что фонетика въ этомъ дѣлѣ оказалась несостоятельной

На почвѣ принимаемыхъ нами инфинитивовъ получается удовлетворительное объясненіе также и по отношенію къ сложнымъ формамъ amâ-bo и amâ-bam. *Основа этихъ формъ не есть продуктъ грамматическаго отвлеченія, а реальный фактъ языка*, подтверждаемый аналогіей сложныхъ выраженій: vidē-licet sci-licet i-licet. (ср. Buchholtz Priscae latinitatis origines I. 28). Формы неопредѣленнаго наклоненія безъ-re, вытѣсненныя изъ литературнаго языка, ожили впослѣдствіи вновь въ вульгарной латыни, послужившей основаніемъ для діалектовъ италіанскаго языка (Schuchardt Vocalismus des Vulgarlatein II, 391)

Основа въ формахъ ama-bam (любить-|-сталъ) и amâ-bo (любить-|-стану) принята нами въ значеніи обыкновеннаго неопредѣленнаго наклоненія: amâ=amâre. Однако само по себѣ значеніе основы amâ, въ качествѣ общаго глагольнаго инфинитива, *шире значенія неопредѣленнаго наклоненія amâ-re*. Послѣднее, снабженное специальнымъ суффиксомъ, служило по преимуществу только для обозначенія одной изъ функцій общаго инфинитива Конкурренція обѣихъ формъ въ этомъ значеніи однородна съ конкурренціей частныхъ падежей въ ущербъ винительному, какъ общему косвенному падежу („Падежи“ стр 102 сл.). Какъ здѣсь, такъ и тамъ специальная форма брала верхъ надъ общей.

Въ качествѣ общаго инфинитива основа amâ могла конкуррировать и съ спеціальнымъ значеніемъ причастія. Прилагательное errâ-bundus представляетъ собою такое же словосложеніе, какъ и errâ-bo (Sommer Indog Forsch. 1902, 3—4, стр. 44). Формація приставки-bundus однородна съ кждж, а все сочетаніе означаетъ: „блуждая (блуждающимъ)- -будущій (сущій)“. Приставка-bundus служитъ здѣсь поясненіемъ требуемаго специальнаго смысла общей основы-инфинитива errâ.

Поучительно затрудненіе, причиняемое Бругману греч. итеративами на—σκον, напр. φεύγε-σκον (Ind. Forsch. ib. 261 сл.) Также и онъ усматриваетъ здѣсь словосложеніе, подобное слав. имперфектамъ на-ѣахъ (ср. Gebauer Listy Fil. 1898, 1—2, стр. 111 сл.), и толкуетъ приставку —σκον въ смыслѣ глагольной формы ἔσκον. Но что касается основы φεύγε-, то онъ колеблется между неопредѣленнымъ (φεύγε-σκον=φεύγεν +σκον) и причастіемъ (φεύγε-σκων=φεύγων+σκον), допуская въ обоихъ случаяхъ выпаденіе ν. Отдавая предпочтеніе второму толкованію, менѣе правдопододному, потому что, кромѣ выпаденія ν, приходится принимать еще и переходъ о въ е (точь-въ-точь, какъ шутилъ Вольтеръ, назвавъ филологію такой наукой, въ которой согласные мало значатъ, а

гласные не значатъ ничего), Бругманъ мотивируетъ сдѣланный имъ выборъ указаніемъ на то, что ἔσκον можетъ означать только „я бывалъ“, а это годится только для причастія (φεύγων-ἔσκον „я бывалъ бѣгущимъ“), но не имѣетъ смысла при неопредѣленномъ (φεύγειν-ἔσκον „я бывалъ бѣжать“). Какъ видно, Бругманъ исходитъ изъ того же узкаго значенія неопредѣленнаго наклоненія, какъ и Дельбрюкъ. Съ точки зрѣнія нашихъ инфинитивовъ не нужно здѣсь прибѣгать къ выпаденію одного звука и измѣненію другого. Словосочетаніе φεύγε-σκον заключаетъ въ себѣ такую же форму повелительнаго наклоненія φεῦγε, какъ и amâ въ amâ-bam, но въ смыслѣ общаго еще инфинитива, имѣющаго въ данномъ случаѣ такое же значеніе причастія, какъ и errâ въ errâ-bundus.

Нераздѣльныя функціи глагольныхъ инфинитивовъ—основъ дифференцировались при помощи разныхъ приставокъ, могшихъ имѣть, въ первоначальной стадіи развитія глагольной флексіи, только значеніе расширенія основы, т. е. значеніе такихъ же детерминативовъ, какіе встрѣчаются въ основахъ настоящаго времени, въ родѣ, напр., σκ въ греч. ἔσκον лат. escit (также и слав. „еще“, быть можетъ, не что иное, какъ глагольная форма отъ этой же основы).

Явленіе, аналогичное сложнымъ φεύγε-σκον и errа-bundus, съ инфинитивомъ въ значеніи причастія, повторяется и въ области сложныхъ именъ, напр. Μενέ-λαος, φερέ-καρπος, ἐχέ-θυμος ἀρχέ-κακος и др Jacobi (Compositum und Nebensatz стр. 57) объясняетъ первую часть этихъ сочетаній, какъ глагольную основу, имѣвшую первоначально значеніе полной глагольной формы, равное 3-ему ед. числа, и сохранившуюся отъ того времени, когда различіе лицъ въ глагольномъ спряженіи не было еще проведено. По его теоріи, эти сочетанія представляли собою предложенія въ смыслѣ позднѣйшихъ относительныхъ предложеній, причемъ первая часть имѣла значеніе предиката. Но рядомъ съ этимъ допускаетъ онъ и толкованіе изъ повелительнаго (стр. 72). Съ точки зрѣнія нашихъ инфинитивовъ можно бы и здѣсь принимать глагольную основу въ значеніи причастія, такъ что напр. русское „перекати-поле“ восходило бы къ типу, означавшему: „катящееся (то, что́ катится) по полю“. Во всякомъ случаѣ теорія Якоби заслуживаетъ предпочтенія, напр., передъ толкованіемъ Остгоффа (Das Verbum in der Nominalcomposition стр. 141), по которому формы Ἀγέ-λαος, ἀρχέ-κακος произошли путемъ перемѣны о въ ε, изъ Ἀγό-λαος, ἀρχό-κακος съ такой же именной основой въ первой части, какая имѣется въ φιλό-ξεινος

Такимъ образомъ въ основахъ-инфинитивахъ нужно предполагать общность именной и глагольной категорій и признавать ихъ остатками того состоянія языка, когда эти категоріи не были еще разграничены

окончательно. Такая же общность имѣется напр., также въ повелит. nutrī (nutri-re) рядомъ съ nutri-x, представляющимъ собою позднѣйшее расширеніе первоначальнаго nutri, въ которомъ-tri=греч. τρια въ φάλτρια. Въ подобномъ положеніи находятся греч. βορά и лат. пов vorā (отъ vora-re, см Ind Forsch XI, 145 сл.), или греч. δίκη и лат. dicā въ dicā-x и in-dicā-re и т п.

Исходнымъ пунктомъ нашего изслѣдованія объ инфинитивахъ-основахъ служило затруднительное съ точки зрѣнія фонетики слитное спряженіе лат. и греч. глагола, въ области котораго особенно загадочно такъ наз. эпическое растяженіе (напр. αἰτιάασθαι, αἰτιόωνται) Бругманъ (l. c.), вопреки собственному своему толкованію слитныхъ формъ изъ несліитныхъ, въ объясненіи эпическаго растяженія, не скрывая своего недоумѣнія, исходитъ, какъ разъ наоборотъ, отъ слитныхъ формъ (напр. αἰτιᾶσθαι), изъ котораго путемъ растяженія и получилось αἰτιάασθαι, а не путемъ ассимиляціи изъ αἰτιάεσθαι.

Въ подстрочномъ примѣчаніи къ этому мѣсту Бругманъ ссылается на аналогичное явленіе въ сербскихъ пѣсняхъ, въ которыхъ звукъ ѣ появляется то въ видѣ і, то въ видѣ іје, такъ что и здѣсь при переходѣ изъ области одного діалекта въ другую получается нѣчто подобное греческому растяженію. Не поможетъ ли намъ разобраться въ этомъ трудномъ вопросѣ, къ которому примѣшивается и сербская аналогія, нашъ глубокоуважаемый юбиляръ Маринъ Степановичъ Дриновъ?.

И. В. Нетушилъ.

Ostrogard—Holmgardr.

Названіе *Ostrogard* встрѣчается у древненѣмецкихъ анналистовъ XI вѣка. Впервые оно упомянуто у Адама Бременскаго „Ab ipsa urbe (Iumne) vela tendens quartodecimo die descendes ad *Ostrogard* Ruzziae". Какъ уже изъ этого видно, *Ostrogard* не можетъ быть, какъ утверждаетъ Шафарикъ, Slawische Alterthümer II стр. 93, тождественно съ *Austrvegr* древнескандинавской литературы. Послѣднее обозначаетъ *восточную страну* (*Austrvegr*—„восточный путь"), т. е. Россію, въ противоположность къ *Norvegr* („сѣверный путь"), т. е. Норвегіи. Мюлленгофъ, Deutsche Altertumskunde II, 69 пишетъ: Die stadt (Novgorod) hiess bei den Nordgermanen in alterer zeit nicht anders als Holmgardr und selbst noch bei den Deutschen im XI jh. Ostrogard, ehe der andre name nord Nôgardr ndd. Nôgarden mhd. Nougarten üblich wurde. Оставляя въ сторонѣ вопросъ, тождественны ли *Новгородъ* и *Holmgardr* или нѣтъ, я вполнѣ согласенъ съ Мюлленгофомъ въ томъ, что подъ названіями *Holmgardr* и *Ostrogard* разумѣется одинъ и тотъ-же городъ, съ которымъ и скандинавы и нѣмцы съ южнаго берега Балтійскаго моря стояли въ оживленныхъ торговыхъ сношеніяхъ. Я утверждаю что *Holmgardr* и *Ostrogard* идентичны на томъ основаніи, что оба эти названія имѣютъ значеніе „*островный городъ*". Первое—скандинавское слово, составленное изъ *holm-* „островъ" и *gardr* „укрѣпленный городъ", другое—славянское и происходитъ отъ *ostrovo*—и—*gard*. Уже фонетическая наружность послѣдняго съ своимъ характернымъ *ar* тамъ, гдѣ русскій языкъ представляетъ полногласную фонему *oro* указываетъ на языкъ прибалтійскихъ славянъ. Кромѣ того сложныя слова въ родѣ **ostrovogard* свойственны языку полабскихъ и поморскихъ славянъ, ср. встрѣчающіяся въ старыхъ актахъ Померанін названія *Dambagora*, т. е. *dąbogora*, **дубогора*, *Wangromadrsza* отъ *agro-* : *agorь* „угорь" и *mada* „лужа" или въ полабскомъ языкѣ *perandan* „четвергъ" (подражаніе нѣмецкому *Donnerstag*) отъ *perunъ* и *dьnь*. Названіе *Ostrogard* показываетъ намъ, что прибалтійскіе славяне были въ торговыхъ сношеніяхъ съ тѣми славянами, которые жили на югѣ отъ Ладоги.

К. Ѳ. Тіандеръ предполагаетъ въ своей статьѣ „Къ исторіи города Холмогоры" (Извѣстія Отдѣленія русск. языка и словесн. Имп. Ак. Наукъ 1900 г., т. V, 769—787), что на сѣверѣ находился другой городъ, названный скандинавами *Holmgardr* и что именно это скандинавское названіе дало поводъ русскому названію *Холмогоры*. Г-ну Тіандеру хорошо извѣстно, что въ старину писали *Колмогоры*. Отношеніе между мнимымъ скандинавскимъ названіемъ этого мѣста *Holmgardr* и русскими формами *Колмогоры* и *Холмогоры* причиняетъ ему много труда. Для объясненія формы *Колмогоры* онъ прибѣгаетъ даже къ финскому слову *kolme* „три", такъ какъ, молъ, есть въ Финляндіи и рѣка *Kymene*, что по мнѣнію г-на Тіандера происходитъ отъ финскаго *kymmenen* „десять". Но дѣло въ томъ, что *Kymene* шведская, а не финская форма, которая звучитъ *Kymi* и значитъ просто „рѣка", между тѣмъ какъ шведская форма передѣлана изъ финскаго родительнаго падежа *Kymen* (*-joki*). Кромѣ того самая старшая русская форма не *Колмогоры*, а *Калмогары*, какъ замѣтилъ уже не только Я. Гротъ въ своихъ Филологическихъ Разысканіяхъ стр 269 (цитирую по третьему изданію), но еще раньше финскій ученый М. Аксіандеръ, на котораго ссылается Гротъ, (Utdrag ur fyska annaler стр 129 въ журналѣ Suomi 1848). Аксіандеръ предлагалъ слѣдующую догадку: такъ какъ есть поводъ думать, что чудское кладбище находилось близъ Колмогоръ на Куръ-островѣ, то первую половину имени можно производить отъ финскаго слова kalma „трупъ, покойникъ". Другая половина, по его мнѣнію, происходитъ или отъ финск. *kari* или же отъ зырянск. *kar* „городъ". Аксіандеръ несомнѣнно былъ на правильномъ пути, но ошибся въ томъ, что не зналъ, что финское слово kalma первоначально значитъ „могила"; отъ kalma происходитъ и kalmisto „могильникъ", которое встрѣчается и въ грамотѣ Новгородскаго архіепископа Макарія въ Вотскую пятину „объ искорененіи языческихъ требищъ и обрядовъ" 1534 г. въ формѣ *кололищще* „могилище". Что знаменитое своими сокровищами кладбище біармовъ, упомянутое въ скандинавскихъ сагахъ, находилось близъ старыхъ Холмогоръ, никто несомнѣвается. Также не подлежитъ сомнѣнію, что біармы были корелы, что подтверждается и мѣстными названіями финскаго (корельскаго) происхожденія, встрѣчающимися около и особенно на лѣвомъ берегу сѣверной Двины. [1]) Къ этимъ финскимъ названіямъ примыкаетъ и *Калмогары*. Что касается второй части—*гары*, то она несомнѣнно происходитъ отъ финскаго *kari* „мель, островокъ".

I. Миккола.

[1]) См Ahlqvist, Kalevalan karjalaisuus, Г-форсъ 1887, стр. 19 и слѣд.

Сербская церковная библіотека XVII вѣка.

Интересныя наблюденія надъ составомъ древне-русскихъ библіотекъ, сдѣланныя недавно Н. К. Никольскимъ, [1]) невольно вызываютъ желаніе распространить сферу наблюденій надъ составомъ библіотекъ и за предѣлы русской территоріи, попробовать дать себѣ отчетъ, хотя бы приблизительный, о составѣ библіотекъ у южныхъ славянъ, связанныхъ съ нами столь долгое время единствомъ культуры и ея духовныхъ интересовъ. Это тѣмъ болѣе является желательнымъ, что такія наблюденія, болѣе или менѣе правильно поставленныя, могутъ оказать не малую пользу при освѣщеніи отдѣльныхъ фактовъ литературы, хотя, конечно, не будутъ въ состояніи привести насъ къ тѣмъ неутѣшительнымъ выводамъ, къ которымъ пришелъ Н. К. Никольскій, придавшій слишкомъ большое, по моему мнѣнію, значеніе библіотечному дѣлу, при томъ церковно-монастырскому, въ развитіи русской книжности вообще. [2]) Какъ бы мы ни расширяли значеніе церковной и монастырской библіотеки въ развитіи книжности, въ сохраненіи для насъ старой русской книги именно церковной и монастырской практикой, мы никогда не будемъ въ состояніи ими одними объяснить главные моменты въ развитіи этой книжности вообще; даже допуская крупную роль церковнаго и монастырскаго книгохранилища въ дѣлѣ сохраненія памятниковъ старой письменности, мы не можемъ отрицать и другихъ условій того-же, не можемъ все развитіе старой книжности заключать въ тѣсную рамку потребностей церкви и предписаній монашескаго и церковнаго устава Самое понятіе о четьей книгѣ мы не имѣемъ права заключить въ узкую нравоучительную программу чтенія, допускаемую уставомъ или типикомъ. Уровень образованія древняго читателя далеко не такъ легко и опредѣленно мирился съ этой узкой рамкой: самое понятіе о наставительномъ, назидательномъ представляется очень растяжимымъ, если подъ него подхо-

[1]) „Ближайшія задачи изученія древне-русской книжности“.—Пам древн письм CXLVII (Спб. 1902).

[2]) Ср. рецензію А Н. Пыпина по поводу статьи Н. К. Н-аго въ Вѣстн. Евр. 1903 г, II, 862 и слл.: также А. И. Соболевскаго, въ Изв Отд. рус. яз. и слов. И. А. Н., VIII, 2, стр 154.

дитъ и аскетическое поученіе, и поучительное житіе святого, и интересный фантастическій апокрифъ, и историческая компиляція, и грамматическое руководство. Эти общія соображенія, развивать которыя теперь неумѣстно, я привожу лишь для того, чтобы указать, что и для древняго періода нашей книжности въ ея цѣломъ, русской и югославянской, мы не можемъ признать мѣриломъ составъ церковной и монастырской библіотеки, и та статистика, которую кладетъ въ основу своего вывода Н. К. Никольскій, для текстовъ не монастырско-церковнаго обихода едва-ли дастъ намъ правильное понятіе о нашей книжности въ древнее время. Соглашаясь въ идеѣ съ реальными условіями, обусловившими составъ монастырской и церковной библіотеки, соглашаясь и съ тѣмъ, что самое сохраненіе не монастырской и церковной книги стоитъ въ связи, обязано многимъ именно монастырю и церкви, этимъ самымъ мы подчеркиваемъ несоизмѣримость сопоставляемыхъ величинъ: сохраненныя въ силу потребностей церкви и монастыря писанія и сохраненныя случайно или же не церковныя писанія. Если для первыхъ мы до извѣстной степени въ правѣ подводить итоги на основаніи статистики и описей монастырей церковной библіотеки, то для вторыхъ такого права, понятно, мы не имѣемъ. Отсюда ясно, что эти двѣ категоріи явленій нашей книжности должны быть разсматриваемы отдѣльно, и описи монастырскихъ и церковныхъ библіотекъ стараго времени представляютъ матеріалъ для исторіи лишь церковно монастырской письменности и только для нея, если мы признаемъ правильною идею, создавшую монастырское и церковное книгохранилище, а сомнѣваться въ правильности ея нѣтъ основаній. И такъ, уясняя себѣ значеніе описей церковныхъ и монастырскихъ библіотекъ въ такомъ видѣ, я, естественно, этимъ допускаю существованіе и внѣ-церковно-монастырскихъ библіотекъ и значеніе ихъ въ развитіи нашей книжности, въ то же время отдаю должную дань благодарности этимъ церковнымъ библіотекамъ въ сохраненіи не церковной письменности и допускаю существованіе не-церковной письменности въ составѣ имущества церкви и монастыря: она попадала, вѣроятнѣе всего, въ имущество отдѣльнаго лица (напр. монаха), либо не разсматривалась, какъ имущество церковное, какъ не попадали въ число монастырскихъ и церковныхъ книгъ акты, дѣловыя бумаги. Такимъ образомъ нельзя въ концѣ концовъ не согласиться съ Н. К Никольскимъ въ важности ознакомленія съ составомъ церковно-монастырской или, правильнѣе, церковной и монастырской библіотеки, но лишь ограничивъ значеніе этого изученія для письменности церковной и монастырской. Нельзя не согласиться и съ другой его мыслью или, лучше сказать, сожалѣніемъ, что до сихъ поръ древне-русское (прибавимъ отъ себя, и юго-славянское) библіотечное дѣло, представляющее такое обширное поле для изысканій въ области древней книжности, такъ

мало подвергалось изученію: такъ мало для него собрано матеріала (стр. 23). Если для русской книжности, кромѣ трудовъ самого Н. К. Никольскаго (о Кирилло-Бѣлозерской библіотекѣ), сдѣлано очень мало, то для юго-славянской сдѣлано еще меньше. Поэтому, думаю, не будетъ лишнимъ и тотъ матеріалъ, который мнѣ удалось, правда, случайно подобрать для исторіи сербской библіотеки XVII вѣка. Кромѣ того, исходя изъ общности одинаково тяжелыхъ условій развитія книжности и общности началъ этой книжности у обоихъ славянскихъ народовъ Балканскаго полуострова, думаю, что сербскій матеріалъ будетъ не безполезенъ и для освѣщенія библіотечнаго дѣла и у болгаръ. Я имѣю въ виду свѣдѣнія по исторіи и о составѣ библіотеки при старой Сараевской церкви въ XVII вѣкѣ, найденныя мною въ собраніи рукописей и книгъ этой церкви [1]) въ послѣднее мое путешествіе по Боснѣ и Герцеговинѣ въ 1901 году.

Въ числѣ рукописей, сбереженныхъ библіотекой Сараевской старой церкви (она—въ честь архангеловъ Михаила и Гавріила), есть 8 штукъ такъ называемыхъ „тефтер“'овъ, [2]) или „обштак“'овъ : эти записныя книги заключаютъ въ себѣ перечни церковнаго имущества, записи доходовъ и расходовъ церкви, иногда замѣтки, касающіяся исторіи самой церкви; велись эти перечни „клисархами“ (представителями, избранными общиной), которые принимали послѣ выбора своего имущество церкви отъ избравшей ихъ общины, которая и сдавала это имущество по описи. Т. о. эти „тефтеры“ представляютъ, хотя и отрывочный, матеріалъ для исторіи Сараевской церкви, ея имущества, а, стало быть, и библіотеки. Эти документы обнимаютъ собой записи объ имуществѣ и лицахъ, причастныхъ къ дѣлу церкви, начиная съ 1644 года и, конечно, съ большими перерывами, до 1840 года [3]) Ни одна изъ этихъ записей не оказывается современною

[1]) Въ такъ называемомъ Церковномъ музеѣ: онъ устроенъ въ 1890 году при церкви и составился главнымъ образомъ изъ имущества самой старой Сараевской церкви по иниціативѣ одного изъ прихожанъ, адвоката Іефтана Десница Помѣщается музей въ отдѣльномъ зданіи въ церковной оградѣ, содержится въ относительномъ порядкѣ, имѣетъ опись книгамъ и вещамъ, хотя и очень не полную и далеко не всегда точную. часть книгъ, хотя и имѣютъ номера, но въ опись не попали, часть же сложена на полкахъ безъ тѣхъ и другой.

[2]) Отъ греко-турецкаго „дефтер“, т. е. книга полученій и выдачъ, записная книга, ср *Поповичъ*, Турске и друге источанске речи у нашем језику—въ Гласникѣ Ср Уч Др, кн 59, стр. 211.

[3]) Вотъ перечень „этихъ тефтеровъ“: 1) № 26 по помѣтѣ на рукописи—копія, сдѣланная въ 1703 г. со старой рукописи, содержитъ замѣтку о возобновленіи церкви въ 1644 году, старѣйшій изъ перечней церковнаго имущества (1659), доведенъ до 1754 года. 2) № 28—копія, сдѣланная въ 1751 году съ записей 1682 г., 3) № 30—начиная съ 1699 года и кончая 1756 годомъ; 4) безъ №—Помянникъ XVII вѣка, куда внесены и счеты съ 1682 года; 5) № 29—содержитъ счеты съ 1728 г; 6) № 27—счеты съ 1777 по 1804 годъ; 7) безъ №—записи XVIII в о деньгахъ за поминовеніе, 8) безъ №—счеты за 1839—40 гг Послѣдовательности въ веденіи этихъ записей мы не находимъ: характеръ ихъ—скорѣе случайныхъ, время отъ времени дѣлавшихся замѣтокъ

построенію самой церкви: [1]) въ 1556 г. 8 іюня она уже погорѣла, и при епископѣ Исаіи идетъ рѣчь объ ея возстановленіи [2]) Изъ дальнѣйшихъ фактовъ по исторіи Сараевской церкви, извлекаемыхъ изъ нашихъ тефтеровъ, намъ извѣстны (привожу извѣстія въ подлинникѣ):

1) Лѣто.—ҁр҃нв—Како погорѣ мѣсто Сараево и цр҃ковъ хр҃тїан҃ска. Пакн кж҃їею помоцію съградисе [3]).

2) Къ лѣто. ҁр҃зд. нзнїл. ҁ. день 1656, кж҃їи҃ поизшенїемъ погорѣ мѣсто и карѡ҃ и цркѡ҃ хр҃тїан҃ска и цр҃ковъ латнн҃ска [4]).

3) Пакн въ лѣто. ҁр҃ѕs. 1658. апрн҃ а҃. съкрашє҃ хр҃тонменнтн людїе мѣста сараева, пръв҃н й срѣднн й послѣдни вьси кзпно кж҃їнмь пронзволенїемь градитн цр҃ковъ. [5])

4) Къ лѣто. ҁр҃ҁз. дѣ҃ .s҃. како по҃ставн҃смо кнсар҃хе в цр҃квн, йспнсземо сьсѧде ц҃ркок҃нѣ скѣ по нменн. что се са҃ обрѣте ка҃ се цр҃ковъ съградн҃.

Прьвее іеѵ҃лїе окован҃но—а҃	трїоѡ҃ фарнсїевацъ—а҃
іеѵ҃лїа неокован҃на—в҃	трїода хлѣрек҃ца—в҃
летвр҃гїе—в҃	тнпнка—в҃
ап҃лъ—а҃	м҃хабнн҃—а҃
охтон пръ҃вгла҃снн҃—а҃	фалтнръ—а҃
ох҃тон осмогла҃—а҃	пролога—г҃
съборнкъ—а҃	мѧтвънка—в҃

[1]) *Симеонъ Чайкановичъ* (Српско-православна црква св Архангела у Сараеву—Гласн. Зем. Муз. IV (1889) и отд., стр. 3) полагаетъ, что церковь основана вскорѣ послѣ турецкаго завоеванія (1453).

[2]) Шематизамъ дабро-босански за год 1882, стр 46.

[3]) Изъ тевтера № 26, писаннаго съ стараго: лѣто ҁр҃кı. а ѡ҃ ро҃ хр҃ка. а҃ѱ҃г прѣписѣмх оны҃ тефтерх ѡ҃ стараго тефтера цр҃кви сараєв҃ске како є что кн҃ло ѡ҃ почела до дн҃ѣ Многогрѣшни ҳаджи гак҃ро Изъ этого видно, что старшаго тефтера у него не было, почему онъ и считаетъ событіе, первое имъ записанное (1644), „почеломъ“. За этимъ извѣстіемъ часть страницы до края пустая. Слѣдующія свѣдѣнія изъ той же рукописи.

[4]) Повидимому, приведенное выше изъ Шематизма (см. прим. 2), извѣстіе о пожарѣ и есть упоминаемое: авторъ Шематизма съ ошибкой прочелъ годъ и отнесъ событіе на 100 лѣтъ назадъ. Это видно и изъ того, что Исаія, упоминаемый имъ, какъ разъ жилъ въ это время (16-й епископъ: 1622—1656), тогда какъ изъ XVI вѣка Исаіи не извѣстно (см Шематизам, стр. 4). Въ такомъ случаѣ дѣло нѣсколько мѣняется, и 1644 годъ будетъ старшимъ изъ извѣстныхъ, но время перваго перечня будетъ по прежнему не современно основанію церкви.

[5]) Далѣе идетъ перечень клисарховъ, постепенно дополнявшійся, кончая годомъ ҁ҃ѧѕ (1754).

ѿуѣнникъ—
панаѣернкъ—
съкранице—
стихолѡ—
минеи на кожи пара—
слѹжба с томѹ лазарѹ срб комѹ
и покровѹ кѹце и дрѹгаа. то є ѹ сѵе книгаа парда хг. [1])

бдѣниа ѹ сѵе пара—
слѹжба апломъ иѹдрею и
матѳею—
житїе маріе егу—
законникъ ма—
каѳистн пара—

5) Ѯрпи—ахѹол..... й поуесмо исписокати сѵѣ сѣсѹде црковнѣ.

іеуиа ококана— (1) [2])
іеуиа неококана— (2)
летѹргіе— (1)
ипла— (1)
слкорника— (1)
тріодь лазарева— (1)
тріодь фарисіецъ—
пролога—
оутонха—
минеи паре— (3)
лестница—
съкраніе—
молебникъ—
матвиика—
ѹ сѵе книгъ на [3])

стихолѡ—
фалтира— (2)
панаѣерикъ—
канѡи храмѹ—
слѹжба иѹдрею аплѹ—
слѹжба ѹ бдѣниа—
книжица матве—
житіе новаго стефа—
законникъ—а
книжица съ каѳисти—а
житіе славн србскаго—а
слѹжба аѳанасію—а
книжица дѣти ра—а
матки на дверѣ—а

6) Ахѹд. квписмо за црковнѣ аспрн книгѹ кнѣлію й скрижа и книгѹ минеи.

7) При нашествіи Евгенія Савойскаго церковь была ограблена, ея имущество лишь отчасти позднѣе было частью выкуплено назадъ [4]). По этому поводу въ тефтерѣ № 30 записано: Ѧкто ѡ рожа хска 1699. Да се зиаа, како по пороцтвѹ ѡ нѣмаи постакисмо ми сиѣки црковнїи доходи квтіа ради сиротъ ѕѣогих и постакисмо хажи сакѹ миланокиња, и рапча

[1]) Далѣе перечень утвари.
[2]) Въ скобкахъ цифра—сколько прибыло сравнительно съ предшествующей записью. Книги, вновь поступившія, отмѣчаю звѣздочкой
[3]) Далѣе перечень иконъ, утвари, облаченій.
[4]) Шематизам, стр. 46—47

дрангиевића, да они идуће и носе тепсију и когда куће крсме пре рожђества Христова пали пређе клекурење да окаља клишерења крагља сокера остали крагију црквиу, да раздаде сиротам поколико кидо коме приличи и потребно

8) Между годами 1717—1730 церковь перестроена и расширена, въ каковомъ видѣ она и сохранилась доселѣ Больше несчастій съ ней и ея имуществомъ, повидимому, не было, по крайней мѣрѣ, крупныхъ. Послѣднія вещи изъ ограбленныхъ солдатами Евгенія Савоискаго (въ томъ числѣ рука св. Ѳеклы, главная святыня церкви) вернулись въ 1737 году выкупленныя общиной

Этотъ небольшой рядъ фактовъ изъ исторіи церкви Сараевской XVII вѣка показываетъ, что въ описи книгъ 1659 года мы имѣемъ передъ собой первый перечень послѣ возстановленія церкви въ 1658 году, это, вѣроятно, и есть первый фондъ: то, что было раньше, повидимому, погибло при пожарахъ въ 1644 г и особенно большомъ въ 1656 году. Если это такъ, то мы можемъ смотрѣть на первую опись, какъ на образчикъ библіотеки церковной XVII вѣка, по ней судить: что и въ какомъ минимальномъ количествѣ считалось необходимымъ для церкви Это былъ, какъ видимъ, подборъ книгъ богослужебныхъ по преимуществу книга „четья“, при томъ не церковная, отсутствуетъ; книга „четья“—церковная, однако, есть, хотя и въ ограниченномъ числѣ: это—прологъ, отечникъ, панегирикъ, житіе Маріи египетской и, можетъ быть, соборникъ. Къ удивленію своему, мы не находимъ здѣсь кормчей. м. б., пріобрѣсти удалось ее позднѣе [1]). Минеи (разумѣется, служебной) оказался лишь одинъ томъ (одно полугодіе?). Вторая опись (1671 г.) показываетъ, что расширеніе библіотеки идетъ главнымъ образомъ въ тои же программѣ, увеличивая преимущественно количество экземпляровъ тѣхъ же „нормальныхъ“ книгъ; новостью являются четьи книги, но, конечно церковнаго характера: лѣствица Іоанна Синайскаго, свойственная скорѣе монастырскому обиходу, житія Саввы сербскаго, Стефана Новаго, и только обращаетъ на себя вниманіе появленіе книжки „дѣтей ради“; если это какая либо учебная книга, то объяснить этотъ фактъ можно: она пріобрѣтена, дѣйствительно, могла быть для школы, такъ какъ Сараевская церковь, какъ и другія въ этомъ краѣ, была не только центромъ религіознымъ и народнымъ, но и центромъ просвѣщенія: при ней издавна (съ какого времени сказать трудно) существовала школа, почти единственная сербская до

[1]) Ее замѣнятъ, повидимому, „законникъ малый“ Теперь есть кормчая на пергаминѣ XIV в (не XIII-го, какъ полагаетъ П А Сырку: Отчетъ о занятіяхъ въ 1893—4 гг., стр. 17); эта рукоп., хотя и не вполнѣ умѣло, описана *М Живковичемъ* (Глас. Уч Др. 63), отмѣчена и *М. Вукичевичемъ* (Гласн Зем Муз XIII, 1). О времени ея поступленіи узнать не удалось по документамъ.

недавняго времени [1]). Въ 1694 году идетъ приращеніе въ томъ же направленіи. Если, съ другой стороны, мы возьмемъ теперешній составъ библіотеки церковнаго музея, то увидимъ, что до начала XVIII вѣка подборъ книгъ остается съ тѣмъ же основнымъ характеромъ это будутъ, кромѣ печатныхъ б. ч. русскихъ и венеціанскихъ (Божидара) богослужебныхъ книгъ, тѣ самыя книги, съ которыми мы встрѣтились уже въ описяхъ, полчасъ даже тѣ самые экземпляры, которые были въ библіотекѣ по упомянутымъ описямъ [2]). Въ XVIII—XIX в. появляются разнообразныя (преимущ. опять таки духовно-каноническія, наставительно-учительныя) книги этого времени; между ними попадаются и свѣтскія, при томъ латинскія и преимущественно греческія—наслѣдіе господствовавшихъ съ половины XVIII и до 60-хъ годовъ XIX вѣка грековъ-фанаріотовъ [3]).

Такимъ образомъ, вплоть до начала XVIII в и въ теченіи XVII вѣка библіотека Сараевской старой церкви по своему типу можетъ считаться неизмѣнной: необходимый кругъ церковно-служебныхъ книгъ, немного церковно-учительныхъ, „четьихъ", частью употреблявшихся и при богослуженіи (прологъ), и наконецъ—каноническія правила. Мѣстный, сербскій, колоритъ придаютъ этой библіотекѣ служба царю Лазарю и житіе Саввы сербскаго (оно цѣло до сихъ поръ) Такой подборъ библіотеки церковной, повидимому, надо считать типичнымъ не только потому, что онъ сходится въ общихъ (собственно, что касается церковныхъ книгъ) чертахъ съ подборомъ въ Россіи [4]), но и потому, что тотъ же подборъ мы встрѣчаемъ и въ другихъ юго-славянскихъ библіотекахъ, по скольку извѣстія о нихъ дошли до насъ отъ сравнительно стараго времени. Такъ, намъ извѣстна опись книгъ мон. Добриловины XVII—XVIII столѣтій [5]); въ немъ были: 1—евангеліе окованное (напрестольное), 2—не окованныхъ, 11—миней (служебныхъ), 3—тріоди, 3—литургіи, 2—псалтиря, 3—октоиха, 1—типикъ, 2—пролога, 1—Златоустникъ, 1—поученіе Ефрема Сирина. И это—въ монастырѣ, который, руководясь уставомъ, долженъ за-

[1]) Ср Први годишньи извјештај српских основних школа у Сарајеву. (Сар 1899), стр 4 Въ началѣ XVIII в школа уже существуетъ· она въ 1731 году получаетъ даръ въ 10 т аспръ.

[2]) Имѣя въ виду болѣе обстоятельное описаніе рукописей и книгъ Сараевской церкви, подготовляемое мною, ограничиваюсь лишь общимъ указаніемъ, ср также Вукичевича, ук соч, стр. 1—8 (отд. отт).

[3]) Съ 1759 года по 1868 митрополиты дабро-босанскіе—исключительно греки; сараевская же церковь до закладки (1863) и окончанія (1872) новой церкви въ честь Рождества Богородицы, была въ тоже время и митрополичьей, ср Шематизам за год 1882, стр 5—6 и 47—51

[4]) Ср Н К Никольскаго, ук соч, стр. 8, 13—14, ср его-же, Описаніе рукоп. Кирилло-бѣлозерскаго мон, составленное въ концѣ XV в. (Спб. 1897), стр LI—LIII

[5]) *Л Стояновичъ* Стари српски записи и натписи, II (Београ 1903), № 4581.

ботиться и о келейномъ чтеніи правилъ, что не могло не вести къ увеличенію числа книгъ (напр. псалтири) церковныхъ и специально монашескихъ (Отечникъ, особенно Лѣствица), по повидимому монастырь въ XVII — XVIII в. бытъ бѣденъ и средствами и монахами (что не рѣдкость на югѣ славянства, гдѣ монастырская жизнь не получила такого развитія, какъ на Руси). А вотъ опись книгъ монастыря побогаче—Кувеждина, составленная послѣ 1700 года. евангелій 5, апостоль 1, миней 12, октоихов 5, литургій 7, прологовъ 2, тріодей постныхъ (фарисеоваца) 4, пентикостара 2, молитвенника 4, отечникъ 1, типикъ 1, законникъ 1, мытарства 1, книжицъ (какихъ? разнаго содержанія?) 5 [1]. Какъ видимъ, подборъ—тождественный въ главномъ съ Сараевскимъ.

Т. о результатомъ нашего наблюденія, при томъ результатомъ практическаго характера, долженъ быть выводъ: не въ церковныхъ только библіотекахъ развивалась и юго-славянская литература внѣ-церковная; рядомъ съ церковью и даже монастыремъ мы должны предполагать существованіе литературныхъ центровъ въ древнее время. Такіе центры были, и нѣкоторые намъ извѣстны: это—дворы юго-славянскихъ владыкъ, активная роль которыхъ въ развитіи литературы, авторство или меценатство намъ извѣстны Если исключить, въ силу особенныхъ условій жизни, дѣятельность Аѳонитовъ, то за церквами и юго-славянскими монастырями останется роль преимущественно хранителей письменности, и на первомъ мѣстѣ станутъ монастыри, устроенные и покровительствуемые тѣми же свѣтскими сильными людьми-книголюбцами.

М. Н. Сперанскій

---

[1]) *Стояновичъ*, ibid № 4582 Въ неполной описи (ibid, № 4583), составленной около половины XVIII ст., есть дополненія, не вошедшія въ опись 1740 г. прологовъ числится 9, и псалтирей 40 (?) Послѣдняя, книга, необходимо должна была быть во всякой церкви, а въ монастырѣ и подавно.

Сколько бесѣдъ написалъ Козма пресвитеръ?

Такъ называемыя „бесѣды“ Козмы пресвитера извѣстны пока въ двухъ изданіяхъ. Впервые онѣ были изданы въ 1857 г. въ хорватскомъ журналѣ „Arkiv za povjestnicu jugoslavensku“ (кн IV, стр 71—97) подъ двумя заглавіями: „Слово святаго Козмы пресвитера на еретики препреніе и поученіе отъ божественныхъ книгъ“ (стр. 71—82) и „О церковномъ чинѣ слово“ (стр. 82—97); по крайней мѣрѣ въ этомъ изданіи не встрѣчаются другія заглавія или подраздѣленія. Это списокъ русской редакціи XVI стол., находящійся въ одномъ рукописномъ сборникѣ, который хранится въ библіотекѣ Московской Духовной академіи, откуда былъ списанъ А. Ѳ. Гильфердингомъ и доставленъ Ив Кукулевичу-Сакцинскому, который издалъ его въ редактируемомъ имъ тогда „Arkiv'ѣ“. О содержаніи и изданіи этого памятника вотъ что издатель пишетъ: „Цѣлый трудъ Козмы пресвитера раздѣленъ на шесть главъ. Въ первой говоритъ вообще о богомилахъ или еретикахъ. Затѣмъ слѣдуетъ: 2. Слово о церковномъ чину. 3. О мнятущихся (sic) черницѣхъ. 4. О затворницѣхъ. 5. О епископихъ. 6. Отъ патерика. Мы публикуемъ здѣсь только первыя двѣ главы, потому что содержаніе остальныхъ не находится ни въ какой связи ни съ исторіей, ни съ дѣлами богомиловъ и другихъ раскольниковъ, а только просто поученіе: какъ слѣдуетъ жить монахамъ, затворникамъ и епископамъ и какъ они должны слѣдовать по ученію евангелія и апостоловъ“. [1]) И такъ, по мнѣнію Кукулевича, означенныя выше послѣднія четыре заглавія суть заглавія отдѣльныхъ главъ сочиненія Козмы, въ которыхъ говорится о вопросахъ, не имѣющихъ ничего общаго съ богомильской ересью. Насколько этотъ взглядъ перваго издателя сочиненія Козмы вѣренъ, а также и на самомъ изданіи, мы не будемъ останавливаться; здѣсь нужно отмѣтить только, что всѣмъ извѣстныя неудовлетворительность, неполнота и перемѣшанность текста изданія Arkiv'a дали поводъ ко второму изданію, которое явилось на страницахъ „Православнаго Собесѣдника“ за 1864 г., [2]) какъ приложеніе подъ общимъ заглавіемъ „Памятники древне-русской письменности“.

[1]) См. Arkiv, IV, стр 70.

[2]) См. ч. I, стр. 483—500. ч. II, стр. 82—108 198—220, 310—330; 411—426

Трудъ Козмы въ этомъ изданіи обнародованъ по рукописи, которая первоначально находилась въ Соловецкомъ монастырѣ, а теперь хранится въ библіотекѣ Казанской Духовной академіи подъ № 856. Этотъ списокъ, по словамъ издателя, также русской редакціи и написанъ не позже XV стол — дата, опредѣляемая какъ внѣшними, такъ и внутренними признаками,— такъ что онъ является цѣлымъ столѣтіемъ старше списка Arkiv'a [2]) Но важность этого изданія не ограничивается только этимъ. Тутъ самый памятникъ сохраненъ цѣлымъ, безъ деффектовъ и притомъ изданъ безъ пропусковъ. Кромѣ того, изданіе „Правосл Собесѣдника“ отличается своею точностью въ передачѣ текста, своею обдуманной пунктуаціи, что дѣлаетъ самый текстъ довольно яснымъ и понятнымъ. [3]) Такимъ образомъ въ этомъ изданіи мы имѣемъ сочиненіе Козмы въ полномъ видѣ и можемъ составить себѣ вѣрное понятіе и представленіе о его первообразѣ.

По изданію „Правосл. Собесѣдника“ трудъ Козмы представленъ раздѣленнымъ на нѣсколько частей съ отдѣльными, кромѣ общаго, заглавіями, а именно: 1. „0 комканіи“, 2. „0 литургіяхъ“, 3. „0 пророцѣхъ“, 4. „0 ненавидѣніи еретическомъ“, 5. „0 исповѣданіи еретическомъ“, 6. „0 мятущихся черньцѣхъ. 7. „0 хотящихъ отъити въ черныя ризы“, 8. „0 затворницѣхъ“, 9. „0 добрыхъ черньцѣхъ“, 10. „0 вѣрѣ“. 11. „0 богатыхъ“ и 12. „0 епископѣхъ и попѣхъ“. Всѣ эти отдѣльныя заглавія,

---

[2]) На основаніи приписки: „книгу сію взялъ на списокъ (у) владыки, бесѣда на новоявившуюся ересь, а писана на хартіи, есть ей за пятьсотъ лѣтъ“, находящейся въ рукописи, по которой издано сочиненіе Козмы, и написанной того же самой рукой, какъ и рукопись, издатель заключаетъ, что, если Казанская рукопись относится къ XV стол, то подлинникъ, по которому сдѣланъ этотъ списокъ, должно отнести къ началу XI ст (стр. 484, примѣчаніе). Это предположеніе могло бы быть принято, если бы дата приписки была опредѣленнѣе и надежнѣе На основаніи приписки можно сказать только, что подлинникъ списка былъ старше и то несомнѣнно опять русской редакціи. иначе переписчикъ, навѣрное, не пропустилъ бы отмѣтить о переложеніи его съ старо-болгарскаго на русское нарѣчіе

[3]) Не смотря на всѣ преимущества этого изданія, всетаки нельзя признать, что оно удовлетворяетъ требованіямъ возстановительной критики При чтеніи нѣкоторыхъ мѣстъ возникаютъ недоразумѣнія, а потому остается намъ пожелать видѣть новое безукоризненное и по возможности критическое изданіе этого столь важнаго памятника, тѣмъ болѣе что въ настоящее время, кромѣ вышеозначенныхъ двухъ списковъ его, извѣстны еще два. М. Г. Попруженко недавно указалъ (Синодикъ царя Бориса, Одесса, 1899, приложеніе № 1) на одну рукопись, которая находится въ коллекціи покойнаго В. И. Григоровича въ библіотекѣ Новороссійскаго университета и представляетъ списокъ съ „древней Погодинской рукописи“. Это, какъ предполагаетъ г. Попруженко, вѣроятно та же самая рукопись, хранящаяся теперь въ Импер. Публичной библіотекѣ въ коллекціи Погодина № 1589 Судя по показаннымъ г Попруженко параллелямъ изъ изданія „Правосл Собесѣд.“ и рукописи Григоровича, а отсюда и Погодинской, можно думать, что эта послѣдняя относится также къ XV столѣтію

которыя вмѣстѣ съ общимъ восходятъ до тринадцати, были повидимому причиною вскоренившемуся въ литературѣ взгляду, что пресвитеръ Козма написалъ *тринадцать* проповѣдей или бесѣдъ,—взгляду не совсѣмъ вѣрному по нашему разумѣнію, какъ это попытаемся показать анализомъ самаго памятника.

Козма начинаетъ свое сочиненіе короткимъ вступленіемъ, въ которомъ онъ отмѣчаетъ главные тезисы, которые онъ будетъ развивать въ своемъ трудѣ, излагая при этомъ свой взглядъ на возникновеніе вообще ересей и въ частности богомильства, а также и задачу и причины, которыя побудили его взяться за это дѣло. Вступленіе кончается словами: „Мнѣ же наченшу обличати словеса ихъ (еретиковъ) и вещи, мню, яко и воздухъ скверните дѣтесы ихъ и глаголы ихъ христолюбиваго ради народа сповѣдѣ лукавыя рѣчи ихъ, да никтоже не впадетъ въ сѣти ихъ. но да разумѣвше прелесть ихъ, уклонятся отъ ученія ихъ" (488—489)

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію и обличенію ученія богомиловъ, Козма даетъ общую характеристику еретиковъ: описываетъ внѣшній ихъ видъ, обхожденіе ихъ съ простымъ народомъ и чѣмъ они вліяютъ на него для того, чтобы привлечь его къ себѣ, какъ сами еретики на себя смотрятъ и что думаютъ о себѣ и наконецъ излагаетъ вообще главные догматы богомильскаго ученія, не находя при этомъ, чему можно уподобить богомиловъ (489—494); вслѣдъ за этимъ онъ переходитъ къ разсмотрѣнію и опроверженію отдѣльно каждаго догмата и взгляда богомиловъ начиная съ ученія ихъ о крестѣ Господнемъ, и кончаетъ свое опроверженіе словами „Азъ же и еще не остануся обличая безбожныя еретики на возгражденіе церкве Божія еже есть вѣра крестіаньская, юже ти развратити покушаюгся" (494—497). Если разсматривать отмѣченныя выше заглавія, которыя даетъ имъ изданіе „Правосл. Собѣс.", какъ заглавія отдѣльныхъ бесѣдъ, то эти слова Козмы, которыми оканчивается предполагаемая первая „бесѣда," нужно бы считать заключеніемъ этой послѣдней. Однако, если всмотрѣться ближе въ нихъ, то не трудно замѣтить, что они собственно представляютъ собою связь предыдущаго, въ которомъ излагается взлядъ еретиковъ на крестъ Господень, съ послѣдующимъ, въ которомъ говорится о „комканіи", т. е. о взглядѣ еретиковъ на причастіе, другими словами, приведенное выше предложеніе есть не что иное, какъ переходъ съ одного предмета на другой. И дѣйствительно, Козма начинаетъ предполагаемую вторую бесѣду словами: „Что глаголютъ о святѣмъ комканіи?" Если бы Козма начиналъ новую бесѣду. то несомнѣнно, онъ бы началъ ее, какъ и первую, особеннымъ веденіемъ или какими-нибудь вступительными словами, напротивъ, тутъ отъ ставитъ вопросъ, къ разсмотрѣнію котораго онъ хочетъ перейти. Отсюда ясно, что заглавіе „о комканіи" не должно считать заглавіемъ отдѣльной бесѣды.

Эта связь предыдущаго съ послѣдующимъ еще разительнѣе выступаетъ въ слѣдующей третьей бесѣдѣ, носящей заглавіе: „о литургіахъ“ [1]). Стоитъ только обратить вниманіе на содержаніе ея для того, чтобы убѣдиться, что это заглавіе не обнимаетъ всѣхъ вопросовъ, которые подведены подъ него. Такъ, начало бесѣды представляетъ не что иное какъ переходъ отъ частнаго къ общему: въ предъидущемъ говорится о „комканіи“, какъ о части литургіи, а тутъ о самой литургіи, и вообще о церковномъ чину, чѣмъ и устанавливается внутренняя связь бесѣды „о комканіи“ съ бесѣдою „о литургіахъ“, которая и есть продолженіе первой. На это самъ Козма указываетъ словами: „то како глаголете, иѣсть Божіе преданіе комканіе и чинъ церковный и хулите іерея и вся саны церковныя и пр.“ (стр. 83)—изъ чего ясно можно видѣть внутреннюю связь того, что Козма говоритъ „о комканіи“, съ тѣмъ что—„о литургіахъ“. Кромѣ того въ этой бесѣдѣ собственно говорится очень мало о литургіяхъ (82—83): въ ней главный вопросъ составляетъ взглядъ и мнѣніе еретиковъ на церковные саны, на церковную іерархію (83—87) и оканчивается мыслью, что отрицая церковную іерархію и „чины молитвенныя“, еретики этимъ не уничтожатъ церковь Божію, которую покушались „толици сильни древленыи царе и князи и хытреци оборити“ (87 88). Отсюда явно, что, въ 1-хъ, заглавіе „о литургіахъ“, а также и „о церковномъ чину слово“ совсѣмъ не отвѣчаетъ содержанію третьей бесѣды, если ее нужно считать отдѣльной бесѣдой, и, 2-хъ, оно поставлено безъ всякаго смысла.

Бесѣда „о литургіахъ“ собственно оканчивается вопросами: „Кый бо апостолъ, кый ли праведникъ наказа вы, еретици, отметати законъ, данный Богомъ Моисіеви? Кую ли неправду обрѣтше въ пророцѣхъ, хулите я и не пріемлете книгъ, писанныхъ ими?“—вопросами, которые еще менѣе имѣютъ какое-либо отношеніе къ заглавію „о литургіахъ“ Очевидно, ихъ нужно отнести къ вопросамъ, которыми начинается слѣдующая (4-я) бесѣда съ заглавіемъ „о пророцѣхъ“, которое, конечно, не на своемъ мѣстѣ поставлено Но допустимъ, что это случайная ошибка переписчика; тогда посмотримъ, насколько это заглавіе отвѣчаетъ содержанію бесѣды. Судя по заглавію, мы бы ожидали найти въ ней изложеніе мнѣній еретиковъ о пророкахъ и опроверженія Козмы. Однако о пророкахъ тутъ говорится очень немного (88—90); въ остальномъ трактуется о вопросахъ, которые не имѣютъ ничего общаго съ ученіемъ богомиловъ о пророкахъ, а именно: о непочитаніи Божіей Матери (90—92), объ отверженіи иконъ и мощей (92—94); тутъ авторъ обращается опять къ вопросу о проро-

---

[1]) Должно замѣтить, что вмѣсто этого заглавія въ изданіи Arkiv'a и въ спискѣ Григоровича стоитъ: „о церковномъ чину слово“.

ѣахъ и Моисіевомъ законѣ (94—96), но это обращеніе находится въ связи съ вопросомъ объ иконахъ, а не съ тѣмъ, что онъ говоритъ вообще о пророкахъ; далѣе, объ ученіи еретиковъ о дьяволѣ, какъ о творцѣ всего видимаго міра и властелинѣ земномъ (96—101); о непризнаніи брака (101) и неупотребленіи мяса и вина въ пищу и питіе (101—103). Уже разнообразіе этихъ вопросовъ прямо указываетъ на то, что всѣ эти вопросы не могутъ составлять содержанія одной отдѣльной бесѣды, уже не говоря о томъ, что они никоимъ образомъ не могутъ быть подведены подъ заглавіе „о пророцѣхъ“; очевидно, что всѣ эти вопросы входятъ въ рядъ мнѣній и взглядовъ еретиковъ, которые изложены въ предыдущихъ бесѣдахъ.

Пятая бесѣда носитъ заглавіе „о ненавидѣніи еретическомъ“ и начинается словами: „Тѣмъ же, о христолюбци, и мы недостойніи учителіе ваши іерен молимъ вы“ и пр. Эти слова ясно показываютъ, что они не могутъ быть началомъ отдѣльной бесѣды, а напротивъ они являются скорѣе заключеніемъ уже высказанной мысли. Эту мысль мы должны искать въ концѣ предыдущей бесѣды (103—104), именно со словъ. „Речетъ же ми нѣкто отъ таковыхъ: кто тя постави учителя надъ нами? Но да помянуть писаное“ и пр.—въ концѣ, который находится въ тѣсной связи съ началомъ вопросной бесѣды (до 106) и представляетъ, судя по содержанію, увѣщаніе Козмы, направленное къ христіанамъ—своей паствѣ, не поддаваться еретическому ученію, но въ тоже время и является переходомъ къ слѣдующимъ вопросамъ изъ ученія богомиловъ, которые изложены въ бесѣдѣ „о ненавидѣніи еретическомъ“, а именно: объ отверженіи крещенія и отвращеніи отъ младенцевъ (106—107); о непризнаніи чудесъ Христовыхъ (108); о молитвѣ еретиковъ и несоблюденіи ими воскресенія и другихъ праздниковъ святыхъ (198—201); объ отклоненіи еретиковъ отъ ручного труда, стремленіи ихъ жить на чужой счетъ и объ ученіи ихъ не повиноваться земнымъ властямъ и рабамъ не работать своимъ господамъ (201—206). Послѣ этихъ вопросовъ авторъ обращается снова къ увѣщанію и поученію своей паствы тѣмъ, что человѣкъ долженъ дать отчетъ обо всемъ, что говоритъ и дѣлаетъ, и совѣтуетъ жить по закону Божьему и по ученію св. апостолъ (206—207). Изъ всѣхъ вопросовъ, о которыхъ трактуется въ этой бесѣдѣ, ясно можно видѣть, что они не могутъ составлять отдѣльную бесѣду, а еще менѣе могутъ быть поставлены подъ заглавіемъ „о ненавидѣніи еретическомъ“, которое можетъ быть отнесено только къ первому вопросу—о ненависти еретиковъ къ младенцамъ, но никакъ и къ другимъ вопросамъ, не имѣющимъ съ нимъ ничего общаго, слѣдов. должно признать, что и это заглавіе поставлено не на своемъ мѣстѣ, такъ какъ оно не исчерпываетъ содержанія предполагаемой пятой отдѣльной бесѣды.

Шестое заглавіе гласитъ „о исповѣданіи еретическомъ", которое, не смотря на то, что, можетъ быть, поставлено вѣрно, все-таки не стоитъ на своемъ мѣстѣ. Очевидно, слова: „Хощу же вы другую повѣсть еретическую сповѣдати, его же ненависти человѣка діаволъ уставляетъ я. Слышаще бо Іакова, брата Господня, глаголюща: „исповѣдайте другъ другу грѣхы и молите другъ за друга, яко да исцѣлѣете, не разумѣю (ть), яко іереомъ то есть речено", которыми кончается предыдущая бесѣда, по смыслу слѣдуетъ отнести къ тому, чѣмъ начинается бесѣда шестая: „Аще бо боитъ, рече, кто въ васъ, да призоветъ попы церковныя". и пр., такъ какъ самимъ заглавіемъ раздѣленъ одинъ и тотъ же текстъ ап. Іакова (V, 14—16). Если даже допустимъ, что это ошибка переписчика, и что заглавіе „о исповѣдании еретическомъ" должно стоять передъ словами: „Хощу же вы другую повѣсть еретическую сповѣдати..." и пр., которыхъ никоимъ образомъ нельзя считать началомъ особой бесѣды, а только переходными къ другому вопросу словами, все же такое содержаніе самой бесѣды ясно показываетъ, что и это заглавіе не соотвѣтствуетъ ему. И дѣйствительно, то, что говоритъ Козма о способѣ производства исповѣди у еретиковъ, занимаетъ очень немного мѣста (207—208), до словъ: „Си и болши сихъ святіи апостоли о еретицѣхъ человѣкъ дѣля писаша". Остальная часть (209—211) предполагаемой бесѣды представляетъ обращеніе и увѣщаніе Козмы къ своей паствѣ не только не подлаваться еретическому ученію, но и стараться воздѣйствовать на еретиковъ, чтобы они отказались отъ своей ереси. Козма кончаетъ свое увѣщаніе словами ап. Павла „Да ктому не будемъ младенцы, плавающе и порѣваеми всяцѣмъ вѣтромъ ученья, въ лукахъ человѣчьскихъ и мыслѣхъ по художеству льстьному". Между тѣмъ какъ разъ оправданія этихъ словъ апостола Козма не находитъ въ обществѣ современниковъ. Козма указываетъ на то, что въ его паствѣ существовало совершенно противное этимъ словамъ теченіе, которое и выразилось въ различныхъ невѣрныхъ взглядахъ его современниковъ на жизнь и монашество. Однако взгляды эти изложены уже въ слѣдующей (7) бесѣдѣ „о мятущихся черньцѣхъ", что ясно указываетъ на тѣснѣйшую внутреннюю связь того, что говорится въ этой бесѣдѣ, съ тѣмъ, что въ предыдущей. И такъ, и это заглавіе раздѣляетъ одну и ту же общую мысль, а главное, и оно не соотвѣтствуетъ содержанію того отрывка, который подведенъ подъ него. Здѣсь собственно Козма возстаетъ не столько противъ „мятущихся черньцовъ", сколько противъ существовавшихъ въ то время въ Болгаріи убѣжденій: 1. между бѣдными, что „нѣсть мощно въ мірѣ семъ живуще спастися; понеже пещися есть женою, дѣтьми, силою, еще же и работы настоять владыкъ земныхъ, и отъ дружины пакость всяка, и насилье отъ старѣйшихъ", и 2. между богатыми, что „да

пострадати хощю въ монастыри и спасти душу свою въ нищетѣ живя; а здѣ въ мірѣ нельзя спастися, апостолу глаголющу: не любите міра сего, ни яже суть въ немъ", —другими словами противъ тѣхъ, которые, не понимая назначенія и цѣли монашества и не воодушевляясь истиннымъ монашескимъ подвигомъ, видѣли въ немъ только средство для того, чтобы избѣгнуть обязанностей, возлагаемыхъ на нихъ жизнью и общественнымъ строемъ, и не были въ состояніи выдержать всѣхъ лишеній, соблазновъ и превратностей міра сего. (211—216). Указывая на эти превратныя понятія о монашествѣ, Козма совѣтуетъ: „Тѣмже, братіе, вся по закону и съ совѣтомъ вѣдущихъ творимъ, да не въ отишьи (и)стопимся", потому что слѣдствія отъ такого необдуманнаго и неправильнаго поступленія въ монастырь таковы, что „мнози бо отходящихъ въ монастыря, не могущихъ терпѣти сущихъ ту молитвъ и трудовъ, прибѣгаютъ и возвращаются, аки пси на своя блевотины; инии же, въ отчаяніи впадше, и горѣе перваго согрѣшаютъ; ови сквозѣ грады безъ мѣста мятутся, туне ядуще чюжь хлѣбъ, и праздни обоихъ суще трудовъ дни препровождающе, назирающе, гдѣ пирове бываютъ, чреву суще раби, а не Богу; и бываютъ имъ, по апостолу, послѣдняя горши первыхъ". Однако эти слѣдствія, которыя непосредственно вытекаютъ изъ того, что изложено подъ „о молящихся черньцахъ", поставлены подъ другимъ (8) заглавіемъ: „о хотящихъ отъити въ черныя ризы", которое не только поставлено не на своемъ мѣстѣ, но и не исчерпываетъ тѣхъ вопросовъ, которые подведены подъ него. По этому заглавію мы бы ожидали прочитать условія, на которыхъ человѣкъ бы могъ поступить въ монастырь, а между тѣмъ тутъ Козма продолжаетъ развивать ту же мысль, о которой онъ говоритъ въ предыдущемъ „о мятущихся черньцахъ". И въ самомъ дѣлѣ, тутъ онъ даетъ совѣтъ богатымъ и бѣднымъ, какимъ образомъ они бы могли спастись, живя при существующихъ условіяхъ жизни и не поступая въ монастырь (216 - 218). что ясно указываетъ на связь съ предыдущимъ.

Далѣе Козма возстаетъ противъ трехъ типовъ монаховъ, существовавшихъ въ его время въ Болгаріи: 1. противъ тѣхъ монаховъ, которые, не обращая вниманія на внѣшній свой видъ, стремятся къ пустынножительству, подобно преподобному Антонію и Саввѣ; имъ Козма указываетъ, какимъ образомъ и послѣ какого испытанія въ жизни человѣкъ можетъ получить спасеніе въ пустынѣ (218—220), и совѣтуетъ монахамъ не удаляться изъ кельи монастырской и во всемъ повиноваться игумену и монастырскому уставу (310—311);— 2. противъ тѣхъ монаховъ, которые, забывая свое званіе и санъ, предаются всѣмъ страстямъ и соблазнамъ житейскимъ и ведутъ жизнь подобно живущимъ въ мірѣ; порицая ихъ образъ жизни, Козма напоминаетъ имъ, что они должны отказаться отъ

своей грѣховной жизни (311—315;—наконецъ 3. противъ такихъ монаховъ, которые чтобы избѣгнуть монастырскаго устава, не желая трудиться, ни покоряться игумену и не будучи въ состояніи жить въ мирѣ съ монахами, покидаютъ монастырь и запираются въ отдѣльныя помѣщенія, и тутъ „своя воля творятъ“, живя подаяніемъ приходящихъ къ нимъ; „хотяще же на земли честьни быти, завѣты и законы своя даютъ же намъ, исповѣдью рѣшаще и вяжюще не смыслы, сами отъ инѣхъ требующе разрѣшенія .; мнятся бо ся велици суще и святи, вся бо человѣкы чужьша себе дрѣжатъ, сами ся точью мняще угодивше Богу. И гу сѣдяще, чюжая домы строять, своихъ безуміемъ отбѣгше; прикупи же и искупи мнози, и стяжанья нивамъ и селомъ строять . ; нарѣчья же и книгы вся носить, веляще увѣдѣтися, аще мощно, и на инѣхъ странахъ“. Козма порицаетъ ихъ словами ап. Павла за ихъ лѣность, указывая на то, что каждый долженъ трудиться и своими рукамя зарабатывать свой хлѣбъ (315—316). —Этотъ послѣдній типъ монаховъ, по изданію „Прав. Собесѣдника“ означенъ какъ отдѣльная (9) бесѣда съ заглавіемъ „о затворницѣхъ“. чего никоимъ образомъ нельзя принять уже потому, что ея объемъ не допускаетъ этого въ сравненіи съ другими бесѣдами, не говоря о томъ, что по смыслу онъ находится въ тѣсной связи съ предыдущими двумя типами, а отсюда и самое заглавіе, очевидно, стоитъ не на своемъ мѣстѣ.

Тоже самое нужно сказать и о слѣдующемъ (10) заглавіи: „о добрыхъ черницѣхъ“, которое также не обнимаетъ того, что подведено подъ него. Правда, сейчасъ же за этимъ заглавіемъ рисуется образъ истиннаго монаха, однако ему посвящено не много мѣста (316 —317), и Козма несомнѣнно нарисовалъ его въ противоположность предыдущимъ тремъ типамъ монашествующихъ для того, чтобы еще рѣзче выдвинуть идеалъ монаха Кромѣ того и объ остальномъ содержаніи этой бесѣды нужно замѣтить, что оно не имѣетъ ничего общаго съ „добрыми черньцами“. И въ самомъ дѣлѣ, здѣсь Козма снова обращается къ тѣмъ, которые, выходя изъ того, что въ мірѣ семъ невозможно спастись, хулятъ бракъ и покидаютъ семью, не заботясь ни о воспитаніи, ни объ устройствѣ дѣтей. Такого рода мысли Козма считаетъ еретическими, такъ какъ еретики „скверно учатъ сущая мальженствомъ, и мясояденье, и винопитье отлучающе отъ Бога блазнятся“, и затѣмъ опровергаетъ ихъ неправильные взгляды на бракъ (318—323). Итакъ, послѣднія пять (6, 7, 8, 9 и 10) бесѣдъ какъ по формѣ, такъ и по содержанію не могутъ быть разсматриваемы какъ отдѣльныя самостоятельныя; напротивъ, тѣснѣйшая внутренняя связь между ними очевидна, и онѣ представляютъ послѣдовательно продолженіе одна другой.

Нѣсколько отдѣльно повидимому стоитъ слѣдующая (11) бесѣда „О вѣрѣ“, судя, конечно, по заглавію; однако, если внимательно всмотрѣться

въ нее, то не трудно замѣтить, что и ее никонмъ образомъ нельзя считать отдѣльной бесѣдой уже по самой конструкціи предполагаемаго ея начала. Предыдущая бесѣда кончается словами: „Се же указахъ имъ, и заградихомъ уста еретикомъ и всѣмъ хулящимъ истину“, и затѣмъ на новой строкѣ начинается самая бесѣда: „О вѣрѣ, не своя износяще словеса, но Христова вѣщающе ученья“. Тутъ, очевидно, одно и тоже предложеніе раздѣлено на два словомъ „о вѣрѣ“, которое вставлено безъ всякаго смысла, и стоитъ только выбросить это слово, и мы получимъ стѣдующую осмысленную и вполнѣ оконченную фразу. „Се же указахъ имъ, и заградихомъ уста ерстикомъ и всѣмъ храпящимъ истину, не своя износяще словеса, но Христова вѣщающе ученья, да не съ еретикы и съ жидъми осудимся“. По смыслу этого предложенія уже не трудно заключить, что оно не можетъ быть началомъ, а только заключеніемъ ко всему сказанному раньше а отсюда явно, что все изложенное подъ заглавіемъ „О вѣрѣ“ не можетъ составлять отдѣльной бесѣды, а есть продолженіе предыдущаго. Если же теперь обратимся къ содержанію этой предполагаемой бесѣды, то убѣдимся въ томъ же самомъ. Подражая ап. Павлу, Козма формулируетъ въ короткихъ изреченіяхъ все ученіе еретиковъ и предаетъ проклятію каждаго послѣдовавшаго имъ (324—325). Затѣмъ, увѣщевая, что „подобаетъ намъ всегда въ заповѣдяхъ Божихъ ходити и не дати злымъ мыслемъ царствовати въ сердцихъ нашихъ, но знаменьемъ честнаго Креста отгонити всякы соблазны отъ себе“, а главное избѣгать еретическаго ученія, Козма поучаетъ свою паству, какимъ должно быть и что нужно дѣлать (325—328): приглашетъ ее очиститься отъ грѣховъ и указываетъ, какимъ образомъ достичь этого, при чемъ перечисляетъ грѣхи своего времени (328—330, 411—413); совѣтуетъ особенно богатымъ быть смиренными и милостивыми къ бѣднымъ и прощать долги своимъ должникамъ (413—416). Здѣсь Козма прерываетъ свою рѣчь словами „Речеть же мнѣ который отъ нездравыхъ съвѣстью: „вѣмы и мы словеса та, и да и вскую множиши рѣчи своя?“ Азъ же ему отвѣщаю, глаголя: не тебе дѣля износимъ даная ны таланта, но неимѣющихъ и хотящихъ ради къ Богу прити безцѣнный бисеръ“ Это оклоненіе Козмы, кажется, и дало поводъ думать, что этими словами кончается опять отдѣльная бесѣда, и потому поставлено новое (12) заглавіе „О богатыхъ“, тогда какъ то, что подведено подъ него, не что иное какъ продолженіе увѣщаній и совѣтовъ богатымъ, изложенныхъ передъ этимъ заглавіемъ, и представляетъ собою отвѣтъ поставленному выше вопросу. Слѣдов. „О богатыхъ“ поставлено также произвольно и безъ смысла. Тутъ Козма снова упрекаетъ богатыхъ тѣмъ, что они, владѣя книжнымъ богатствомъ и забывая то, что нужно душу свою положить за братію свою, скрываютъ книги и не даютъ другимъ ихъ читать и переписывать для того, чтобы и эти спаслись; сами ихъ не чита-

ютъ, а предоставляютъ „на изѣденіе плѣсни и червемъ на пищу“. или же если и читаютъ книги, то это дѣлаютъ для то, чтобы „мудрящися тѣми высокоумьемь, да тя хытра и честьна вси человѣцы творять: понеже ихже словесь не слышавше, таже у тебе слышать, и видяще тя хытра такого суща, сами бо тобою вину обрѣтше, на горшая съвращаются“ (416—418). Наконецъ, указывая, по словамъ ап Павла, что непросвѣщенный умъ наклоненъ къ всевозможнымъ порокамъ, Козма совѣтуетъ своей паствѣ читать чаще „святыя книгы“. Онъ наставляетъ свою паству, что нѣтъ никакой пользы называться христіанами, если „мнози отъ человѣкъ паче на игры текуть, неже въ церковь, и кощуны и бляди любять паче книгъ“. или „аще съ гусльми и плесканіемъ и пѣсньми бѣсовскыми вино пьють, и срящамъ и сномъ и всякому ученью сотонину вѣрують“. Однако причину всему этому Козма видитъ не только въ нечтеніи „святыхъ книгъ“, но еще и въ „лѣности ерейскыя“. „Откуду же си вся ражаются?“ спрашиваетъ онъ. „Не явѣ ли, яко отъ непочитанья книжнаго и отъ лѣности ерейскыя? Да что противу тому отвѣщаемъ?“—Этими вопросами кончается предполагаемая бесѣда „о богатыхъ“, и слѣдуетъ другая—послѣдняя (13) „о епископѣхъ и попѣхъ“—заглавіе также произвольное и безъ смысла поставленное, такъ какъ подъ нимъ изложены собственно отвѣты на поставленные выше вопросы, слѣдов. связь съ предыдущимъ и здѣсь очевидна, и то, что подведено подъ „о епископѣхъ и попѣхъ“ не только нельзя считать какъ нѣчто отдѣльное, но и никакъ нельзя отдѣлять его отъ предшествовавшаго, какъ видно изъ содержанія. Тутъ Козма, выходя изъ того, что духовныя лица „млеко и волну взимають отъ стада, а о овцехъ не пекутся“, и вообще указывая на „лѣность и грубость пастушескыя“, отъ которыхъ происходятъ „еретическая ученіа“ и „грѣси и неправды“, рисуетъ образъ истиннаго „пастуха словесныхъ овець Божіихъ“; увѣщаетъ духовенство исполнять неуклонно свой долгъ къ просвѣщенію, поученію и заботѣ о пасомыхъ. и наконецъ совѣтуетъ ему подражать святымъ отцамъ и епископамъ—Василію Великому, Григорію Богослову и Іоанну Златоустому, а также и „Ивану прозвитеру новому, бывшему пастуху и ексарху, ихже въ земли болгарстѣй“, и не говоритъ: „не можетъ такъ быти въ си лѣта. вся Богъ можетъ. аще мы хощемъ“.

Трудъ свой Козма оканчиваетъ короткимъ заключеніемъ. въ которомъ онъ обращается со слѣдующими словами:

„Молю же вы о Господи и о семъ, святіи отци и пастуси, и всякого человѣка почитающаго книгы сіа: не зазри никтоже грубости моей и безумью моему; Духъ бо, идѣже хощетъ, дышетъ. Но паче прославите и хвалите Бога предивнаго, иже и въ мя, акы въ Валамле осля, слово человѣчьско вложи; и Содомляномъ же песъ бесѣдова, обличая безстудъство ихъ. Вѣсте бо, вѣсте, братья и отци, знающи мя, яко грубъ и не книженъ

есмь: тѣмже аще се бы философъ или кый хитрецъ вѣщалъ, то нѣкто бы иеистовяся реклъ: „нѣсть отъ Бога ученіе се, но отъ ума хытреца“. Ни пакы блазнися о мнѣ никтоже, мня мя что велико исправивша и востопріимша сій даръ ученіа. Но до славимъ вси всегда святаго Духа въ Троицѣ кланяемаго, иже своихъ рабъ не презрить, но всегда вся здѣ кажеть, дыхая въ нихже хощеть, не въ вѣрныхъ точью, но и въ погаиыхъ. вся влекый къ себѣ на славу, якоже есть писано о Валаамѣ волсвѣ: „бысть бо, рече, Духъ Божій на Валаамѣ“, иже пророче въ злыхъ и невѣрныхъ людехъ о рожествѣ Господни, глаголя: „взыде(ть) звѣзда отъ Іакова, и въстанеть человѣкъ отъ Израиля“ (Числ. 24, 2, 17), человѣкъ плотію, Богъ божествомъ, Іисусъ Христосъ Господь нашь, емуже слава съ Отцемъ и съ святымъ Духомъ и нынѣ, и присно, и въ вѣкы вѣкомъ, Аминь“.

Изъ произведеннаго выше анализа содержанія труда Козмы пресвитера можно сдѣлать слѣдующія положительныя заключенія:

1. Сочиненія Козмы представляютъ нѣчто цѣльное, части котораго и по формѣ, и по смыслу тѣсно связаны между собою:

2. Подраздѣленія, которыя мы находимъ въ извѣстныхъ до сихъ поръ спискахъ его, сдѣланы неправильно и произвольно, а отсюда никоимъ образомъ не льзя ихъ принять за отдѣльныя самостоятельныя бесѣды и главы, и

3. всѣхъ введенныхъ въ него 12 заглавій, исключая общаго, которыя поставлены по случайнымъ выраженіямъ въ самомъ текстѣ, не только нельзя считать заглавіями отдѣльныхъ бесѣдъ, но еще они поставлены почти всѣ не на своемъ мѣстѣ и безъ всякаго смысла.

При такихъ выводахъ вытекаетъ само собою четвертое заключеніе, что какъ подраздѣленія, такъ и заглавія не принадлежатъ перу Козмы. Очевидно, въ оригиналѣ ихъ не было, потому что самъ Козма не могъ дать своему сочиненію такихъ безтолковыхъ заглавій и такого безсмысленнаго дѣленія, слѣдов. они были вставлены въ немъ впослѣдствіи. Но кѣмъ и какъ? При обширности сочиненія Козмы и при большомъ количествѣ вопросовъ, которые развиваются въ немъ, для читателей и переписчиковъ несомнѣнно явилось необходимымъ отмѣчать на поляхъ, гдѣ о чемъ говорится для того, чтобы быстро отыскивать извѣстное мѣсто. Намъ кажется, что и эти заглавія въ трудѣ Козмы такого происхожденія, т. е. что они первоначально были поставлены на поляхъ рукописи. Впослѣдствіи же, быть можетъ, при переложеніи сочиненія Козмы съ болгарской на русскую редакцію, перелагатель или невѣжественный переписчикъ, принимая, что эти отмѣтки на поляхъ не что иное какъ пропуски, вставилъ ихъ въ текстъ подобно тому, какъ вставлены и отдѣльныя слова: Павелъ, Христосъ или Христово, Іоаннъ Златоустъ, Давидово, Матѳей и пр., которыя обозначаютъ, откуда извѣстный текстъ взятъ, и изъ которыхъ нѣкоторыя поставлены на полѣ, но большею частью въ строкѣ. [1]) Этимъ

только, намъ кажется, и можно объяснить безсмысленностью неумѣстность разсмотрѣнныхъ выше заглавій, которыя дали поводъ думать, что это заглавія отдѣльныхъ самостоятельныхъ бесѣдъ. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно выбросить всѣ эти заглавія и увидимъ, что не нарушится не только смыслъ всего сочиненія, но даже и внѣшняя его форма; напротивъ, сразу выступитъ единство труда Козмы, какъ это выше показано.

Наконецъ, если мы обратимся къ общему заглавію сочиненія Козмы, то получимъ тотъ же самый результатъ. Это заглавіе дошло до насъ въ двухъ редакціяхъ. Въ изданіи „Правосл. Собесѣдника“ оно читается: „Недостойнаго Козмы прозвитера бесѣда на новоявившуюся ересь Богомилу“, а въ изданіи „Arkiv'a“, также и въ спискѣ Григоровича, вѣроятно, и въ Погодиновской рукописи, оно гласитъ: „Слово святаго Козмы пресвитера (у Григоровича: прозвитера Козмы) на еретики препреніе (у Григ. препрѣніе) и поученіе отъ божественныхъ (у Григор.: божественныихъ) книгъ“. Едвали можно сомнѣваться, что второе заглавіе позднѣе перваго, т. е. что оно не принадлежитъ перу Козмы, потому что, имѣя въ виду его заключеніе, никакъ не можемъ допустить, что Козма бы самъ назвалъ себя „святымъ“. Очевидно, оно было поставлено кѣмъ нибудь изъ позднѣйшихъ переписчиковъ, который, познакомившись съ трудомъ Козмы, предполагалъ, что старое заглавіе не исчерпываетъ всего содержанія его и счелъ за нужное замѣнить его другимъ съ цѣлью показать, что это сочиненіе содержитъ не только „препреніе на еретики“, но также поученіе отъ божественныхъ книгъ“. Что же касается перваго заглавія, то можно съ положительностью сказать, что оно вышло въ этой же формѣ изъ-подъ пера самого Козмы не только потому, что оно древнѣе второго, но и потому, что выраженіе: „нодостойнаго Козмы“, а еще болѣе „на новоявившуюся ересь“ прямо указываетъ на современность его съ написаніемъ самой бесѣды. По этому заглавію, однако, никоимъ образомъ нельзя заключить, что Козма написалъ нѣсколько бесѣдъ, потому что самъ онъ называетъ свой трудъ „бесѣдою“ на новоявившуюся ересь“; правда, въ другомъ мѣстѣ, въ заключеніи, онъ называетъ его „книгы сіа“, но тутъ едвали можно думать, что Козма имѣлъ въ виду раздѣленіе своего сочиненія на отдѣльныя бесѣды, такъ какъ мы уже видѣли, что оно не принадлежитъ ему.

И такъ, если мы хотимъ, послѣ всего сказаннаго выше, отвѣтить на поставленный въ началѣ этой замѣтки вопросъ, то, мы думаемъ, отвѣтъ долженъ быть такой: Козма пресвитеръ написалъ не *тринадцать*, а *одну* бесѣду и притомъ подъ *однимъ* общимъ заглавіемъ: „Недостойнаго Козмы прозвитера бесѣда на новоявившуюся ересь Богомилу“.

В. Н. Златарскій.

София. 30. XII. 1903.

[1]) См. „Прав. Собесѣдникъ“ ч. I, стр. 488, примѣчаніе.

Молитвенникъ Московской Типографской Библіотеки.

Молитвенникъ Московской Типографской Библіотеки XVI вѣка № 388 (по описанію Погорѣлова № 26), въ малую 8^{о}, по своему составу заслуживаетъ нѣкотораго вниманія.

На л. 55 слѣд. въ немъ находится „Молитва потребна всѣмъ святымъ глаголема на всякъ день", съ начальными словами: Боже великыи, страшный, сильный, створивый вся видимая и невидимая, ты бо еси Богъ нашь и тобѣ ся молимь, къ тобѣ припадаемъ спаси раба своего, имя рекъ, отъ всякыя болѣзни и недуга. Конецъ (л 58 об.): намь грѣшнымъ. Боже, очисти грѣхи наша и помилуй ны Святый Боже, святый крѣпкий, святый безсмертный, помилуй насъ. Аминь. Въ этой молитвѣ обращаетъ на себя вниманіе обращеніе къ святымъ, съ поименованіемъ ихъ въ большомъ числѣ, сходное съ тѣми, которыя читаются въ молитвѣ къ святѣй Троицѣ, изданной А. С. Архангельскимъ (въ „Памятникахъ Древней Письменности" 1884 г.) и въ молитвѣ на дьявола, изданной г г. Успенскими (съ нашимъ предисловіемъ, Спб 1899). Здѣсь между апостолами призывается *Келевей*, между пророками—Софонія, *Варухъ*, Наумъ, между мучениками—Самонъ, Авивъ, *блаженый Витъ*, Лаврентій [1]), между мученицами—Варвара, Ульяна, *Лукія*, Филицата, *Варѣпрогія*, Маргарита, Матрена [2]), во главѣ „папежей" и патріарховъ „уставившихъ *правовѣрную вѣру*"—Селивестръ, Димасъ, Келестинъ, Леонъ, Велегій (т. е. *Вигилій*) Алфонъ, (т. е. Агаѳонъ [3])

На л. 245 Типографскій Молитвенникъ имѣетъ „молитву всѣмъ силамъ", однородную съ предъидущей и имѣющую много общаго съ молитвою къ святѣй Троицѣ. [3]) Начальныя слова: Владыко многомилостиве Господи Исусъ Христосъ Боже нашъ, Сыне единородный невидимаго Бога Отца. Здѣсь также особенно любопытно обращеніе къ святымъ, но между послѣдними нѣтъ святыхъ западной церкви и могутъ быть отмѣчены лишь „трі новии мученици": Антоній, Іоаннъ и Евстафій.

---

[1]) Срв въ молитвѣ на дьявола стр 15

[2]) Срв. тамъ же стр 19

[3]) Списки этой послѣдней молитвы въ разныхъ редакціяхъ довольно многочисленны въ русскихъ рукописяхъ, начиная съ XIV в

Но самая важная часть типографской рукописи — л. 58 сл.

Здѣсь находятся нѣкоторыя изъ тѣхъ статей, которыя до насъ дошли въ церковно-славянскомъ Синайскомъ Требникѣ, и прежде всего—„Слово болящихъ ради“ (сравни въ изданіи Гейтлера стр 70). Здѣсь оно *болѣе полно*, чѣмъ въ Требникѣ, почему мы и приводимъ его цѣликомъ (безъ соблюденія мелочей ореографіи).

Слово болящихъ ради.

Попъ глаголетъ молитву.

Егда человѣкъ болитъ и аще хощетъ взимати молитву у попа, то тако (въ) болѣзни пребудетъ 7 дний, аще будетъ болѣзнь легка, аще тяжка, —3 дни, аще ли зѣло тяжка,—то единъ, аще ли будетъ зѣло страшна, то до обѣда ли до полудне. И яко смѣрится ему лѣго (читай: тѣло) и на умъ наидетъ ему о грѣсѣхъ его, тогда возьметъ молитву отъ попа и грѣхъ своихъ покается [1]). Болѣзнь бо рана есть ослушливымъ; тѣмъ же претерпяще все творимъ, да пріимемъ отъ Бога помощь и помилуваніе. Егда же кто начнетъ болѣти, ли впадетъ въ етеру скорбь ли напасть, да пождутъ его, дажь ся самъ начнетъ молити о грѣсѣхъ своихъ, а не яко противникъ ся творитъ попужающему (читай: попо—), но да явитъ яко Богъ милуя (и) исцѣляя. Но аще кий человѣкъ крестьянъ болитъ, *толи* начнетъ искати врачевъ *мимо святую церковь Божію и мимо святыя книгы и мимо раоы Божья*, како убо начаетъ пріяти милость, не послушая святыхъ книгъ, повѣдающихъ вся исцѣленіе. Человѣче, аще обрящеши си въ часъ положенье (?), [2]) и примеши въ вѣкы мученье, искавь врача мимо Христа. Врачь бо не можетъ отдати грѣхъ, не можетъ отъ всѣхъ недугъ исцѣлити ни отъ смерти избавити, ни да(ти) цѣльбы вящи Христовы цѣльбы. Христосъ же Богъ нашь, *единочадыи* Сынъ Божій, можетъ всѣхъ недугы исцѣлити и отъ смерти избавити То [3]) бо намъ не преобрази, не преда ни единоя врачбы, ни цѣльбы, ни здравья [4]), развѣ ему своего телеси, и *правовѣрьства* не отступающе. Тѣмъ же Тому предадимъ исцѣлити душа наша и телеса, яко спасаетъ душа и телеса наша исцѣляетъ и даетъ здравье многолѣтно То (=тъ) бо крещаетъ (=съкращаетъ?) лѣга нечестивымъ, благымъ же прилѣгаетъ (=прилаг—) лѣта, да владѣетъ живымъ и мертвымъ. Всякъ бо болѣ (=боля) противу жизни своей да принесетъ *приносъ* въ церковь отъ брашьна и свѣщь, да освѣтитъ *обѣтолъ* противу жизни своей, и противу болѣзни своей, и свѣщами же, имже (=и имьже?) можетъ. Яко исцѣтѣетъ, тогда вздастъ обѣты твоя (читай: своя) Богу цѣльбы ради.

[1]) Здѣсь оканчивается текстъ Син. Требника
[2]) Слѣдуетъ читать: поможенье?
[3]) Надо читать: тъ (=тотъ)
[4]) Надо читать: на здравье?

Егда придетъ болящий, хотя приняти молитву отъ попа, тогда [1]) попъ взложитъ нань патрахиль и фелонъ, поставль болящаго предъ олтаремъ, держаща свѣщю и поклоньшася. И вшедъ во олтарь, молится, дабы забылъ Богъ грѣхи си болящаго ради, исдѣлилъ болящаго молитвы его ради. Глаголетъ попъ молитву тай.

Слѣдуетъ двѣ молитвы.

Первая начинается словами: Во имя *единочадаего* Сына твоего .. *молю* тя *и прошю*, Господи... (та же, что въ Синайскомъ Требникѣ, стр. 76). Вторая имѣетъ заглавіе: „Молитва надъ болящимъ младенцомъ". Ея начальныя слова: Спущь пресвятый духъ Свой на крестѣ твоемъ святомъ... (та же, что въ Синайскомъ Требникѣ на стр 55).

Говоря о врачевальныхъ молитвахъ Синайскаго Требника (стр. 54—94), мы признали ихъ за переведенныя на церковно-славянскій языкъ въ Моравіи [2]), но отказались рѣшить вопросъ о языкѣ ихъ оригинала. Дополненіе къ тексту Синайскаго Требника, только что сообщенное нами, своимъ упоминаніемъ о *Божіихъ рабихъ*, т. е. духовенствѣ, еще рѣшительнѣе, чѣмъ прежде, связываетъ ихъ съ „Закономъ суднымъ людемъ" и сказаніемъ объ убіеніи Вячеслава чешскаго, а употребленіемъ слова *приносъ* (извѣстнаго въ значеніи латинскаго oblatio въ Кіевскихъ глаголическихъ отрывкахъ и Бесѣдахъ папы Григорія) наводитъ на мысль о переводѣ съ латинскаго. Сравни въ одной изъ врачевальныхъ молитвъ. *молю и прошу*=лат. oro et rogo.

Спб. А. И. Соболевскій.

[1]) Отсюда начинается текстъ Син. Требника

[2]) См нашу статью въ *Р Филолог. Вѣстникѣ* 1900 г, № 4

О нѣкоторыхъ славянскихъ словахъ иноязычнаго происхожденія.

Предлагаемыя здѣсь замѣтки относятся исключительно къ словамъ, уже обращавшимъ на себя вниманіе этимологовъ, какъ русскихъ, посвятившихъ имъ особыя статьи въ спеціальныхъ журналахъ или касавшихся ихъ болѣе или менѣе случайно, такъ и чужестранныхъ, каковы Миклошичъ, Матценауэръ и Таммъ, разсматривавшіе ихъ въ цѣлыхъ отдѣльныхъ сочиненіяхъ. Совокупными усиліями этихъ ученыхъ собраны чуть-ли не всѣ слова, заимствованныя славянами у другихъ народовъ, только не восточныхъ, не смотря на наличность такого объемистаго и систематическаго труда, какъ Миклошичевы Turkische Elemente in den südost—und osteuropäischen Sprachen съ двумя выпусками дополненій и поправокъ. Правда, „турецкіе элементы“ еще не значитъ „восточные“ вообще, но для славянъ оба эти понятія почти совпадаютъ, потому что и арабскія и персидскія и монгольскія слова проникали къ славянамъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ черезъ ту или другую турецкую среду Тѣмъ болѣе полное обслѣдованіе восточныхъ, особенно сѣверно-азіатскихъ и среднеазіатскихъ, элементовъ въ славянскихъ языкахъ представляетъ собою долгъ русскихъ ученыхъ, и нельзя сказать, чтобы они много или безплодно потрудились на этомъ поприщѣ. Но до сихъ поръ и западныя и восточныя заимствованія рѣдко привлекали къ себѣ вниманіе нашихъ лингвистовъ какъ предметъ спеціальнаго и послѣдовательнаго изученія, которое требуетъ не одного простого знанія тѣхъ или иныхъ чужихъ языковъ, а строго-научнаго знакомства съ цѣлыми группами ихъ, связанными родствомъ или культурой, и кропотливыхъ историческихъ розысканій для выясненія древнѣйшихъ формъ и значеній изслѣдуемыхъ словъ Благодаря почину М. И. Михельсона, пожертвовавшему въ Академію Наукъ значительную сумму для образованія премій за лучшія работы по составленію этимологическаго словаря русскаго языка, настала наконецъ пора, когда можно ожидать окончательнаго собранія и, по возможности, безспорнаго истолкованія всѣхъ чуждыхъ стихій, вошедшихъ въ составъ нашей рѣчи съ древнѣйшихъ временъ, такъ какъ первой задачей, поставленной про-

свѣщеннымъ жертвователемъ, было, конечно, выдѣленіе всѣхъ тѣхъ словъ, которыя не составляютъ прямого индо-европейскаго наслѣдія. Занятія этимъ предметомъ въ связи именно съ оцѣнкой трудовъ, вызванныхъ преміями М. И Михельсона, и навели меня на тѣ соображенія о нѣкоторыхъ западныхъ или считаемыхъ таковыми заимствованіяхъ, которыя я представляю теперь на судъ спеціалистовъ.

1) *Грекъ*. Древнѣйшая форма, къ которой восходятъ и болг. *грък*, серб. *грк*, чеш. *řek*, есть црк.-слав. *грькъ*. Непосредственное сближеніе ея съ лат. graecus едва-ли допустимо въ виду *k*, на мѣстѣ котораго ожидалось-бы *h*; да и вообще сомнительно, чтобы латинскія слова проникали въ црк.-славянскій языкъ прямо отъ Римлянъ, безъ германскаго посредства. А у Германцевъ мы находимъ также долгій гласный звукъ, который у Славянъ отразился-бы въ видѣ того-же *ъ*, и сверхъ того въ тѣ времена не звонкое g, съ которымъ звучатъ теперь нѣм. grieche, англ. greek, швед. grek и др., а, согласно съ закономъ перебоя согласныхъ, глухое *k* или *ch*: гот kreks, др.-в.-нѣм. kriach или chriah И такъ для объясненія древнѣйшаго славянскаго *грькъ* остается лишь подлинное греческое названіе этого народа Γραικός, фонетически *грекъ*, если прочесть это слово по-малорусски. Правда, отсюда естественнѣе было-бы ожидать формы *грекъ*: однако напр. даже при *цѣсарь* отъ др.-в.-нѣм. keisar—лат. caesar есть *цьсарь*. Эти двѣ формы, вѣроятно, различались также удареніемъ, которое въ первой должно было падать на начало, а во второй—на конецъ, т. е. на окончанія падежей, какъ въ словѣ *царь*, сокращенномъ изъ *цьсарь*. Причиной такого переноса ударенія было смѣшеніе латинско-нѣмецкаго окончанія—ar со славянскимъ—*арь*, хотя, можетъ быть, и неполное: по крайней мѣрѣ, серб. *цар* род. п. *цара* съ короткимъ нисходящимъ удареніемъ указываетъ на **цьсáрь* род. п. *цьсáря* (а не **цьсáрь* род. **цьсаря* съ долгимъ *а*). Впрочемъ не слѣдуетъ забывать, что и въ русскомъ языкѣ и въ сербскомъ и даже въ црк.-славянскомъ могли дѣйствовать различныя аналогіи въ направленіи такъ называемаго Systemzwang, т. е. уравненія падежныхъ формъ и подвода одиночныхъ или не установившихся въ грамматическомъ отношеніи словъ подъ утвердившіеся отдѣлы флексій. Какъ-бы то ни было, удареніе въ словѣ *цьсарь* не на первомъ его слогѣ не подлежитъ спору, и оно то конечно, и вызвало сокращеніе звука *ъ* въ *ь*. То-же могло случиться и въ **грекъ* подъ вліяніемъ ударенія въ словѣ Γραικός, откуда у Славянъ должно было произойти **грекъ* род. п. **грекá*. Объяснить попятный переносъ ударенія въ русскомъ *грекъ* род. *грéка* и серб. *грк* род. *грка* съ короткимъ нисходящимъ удареніемъ, правда, нелегко, но и трудность такого рода сама по себѣ еще не доказываетъ ложности предложенной выше догадки, въ пользу которой говоритъ не-

вѣроятность происхожденія славянской формы изъ латинской или германскихъ. Что до употребленія слова Γραικός у самихъ Грековъ, то подъ римскимъ владычествомъ оно распространилось у нихъ и у ихъ сосѣдей, по видимому, путемъ оффиціальной латинской терминологіи, вліяніе которой въ этомъ случаѣ было еще усилено христіанствомъ, придавшимъ слову Ἕλλην ненавистное значеніе язычника. Прямо къ лат graecus, но уже черезъ школу, примыкаетъ польское grek

2) *Доместикъ* есть, очевидно, такая-же механическая передача византійскаго δομέστικος, какъ оно — латинскаго domesticus, но странны русскія формы *деместикъ*, *деместыникъ* и *демественикъ* съ производными *демество* и *демественный* Для объясненія перваго *е* академикъ А И. Соболевскій готовъ думать о вліяніи со стороны δέμας и т п. словъ Но и δέμας „станъ, тѣло" и δέμω „строю" и δέμνιον „кровать"—слова поэтическія и къ византійской эпохѣ давно позабытыя, да и не представляющія никакого соблазна для сближенія, ни съ семасіологической, ни со звуковой стороны ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ ничего общаго съ обязанностями доместика, ни сочетанія δεμε. То-же и въ позднѣйшихъ δέμα, δεμάτιον и δεματικόν „связка, пукъ". И такъ вѣрнѣе искать объясненія этого *е* вмѣсто *о* на русской почвѣ, гдѣ есть напр. *ребенокъ* при *робенокъ*, *теперь* при *топерь* (изъ *топерво*), *Дементій* изъ *Дометій* (Δομέτιος=Domitius) [1]) и наоборотъ—*Нéстеръ* изъ *Нéсторъ* (Νέστωρ)

3) *Жидъ* приводится въ связь съ нт. giudéo, но отсюда было-бы по славянски, вѣроятно, *жудéй* или *жьдéй*. Да и можно-ли предполагать, что Славяне познакомились съ Евреями впервые черезъ Италію, и что затѣмъ это слово распространилось между славянами до самаго восточнаго предѣла занимаемой ими въ то время области? И то и другое въ высшей степени сомнительно. Еврейскія поселенія въ нынѣшней южной Россіи, именно въ Крыму, относятся еще ко временамъ эллинизма, но ближайшее знакомство Славянъ съ Евреями произошло, вѣроятно, черезъ Хазаръ и такимъ образомъ шло съ востока на западъ. Потому при объясненіи слова *жидъ* не мѣшаетъ справиться съ данными восточныхъ языковъ, что впрочемъ уже и дѣлалось неоднократно, но не совсѣмъ точно Еврей по-еврейски *yehūdī*, по-арабски *jahūdī*, по-персидски *джуhуд*, откуда по-турецки *чуфут*, *чывут* или *чывыт*. Послѣдняя форма произошла путемъ уподобленія изъ *чывут*, а *чывут* заставляетъ предполагать *джihуд*, что еще у Персовъ по какому-нибудь говору, напр. хоть-бы хо-

[1]) Ср. *пелементъ* вм. *полиментъ* —П. Симони, Опытъ сборника свѣдѣній по исторіи и техникѣ книго-переплетнаго художества на Руси стр 223

расанскому (себзеварскому), могло звучать *джhiид*, а у Хазарскихъ или сосѣднихъ съ Хазарами Турокъ, такъ какъ *h*—звукъ не исконный турецкій,—перейти въ *джиго* и даже въ *джуд* Османскіе Турки принесли съ собою форму *чъвут* изъ Азіи и, вѣроятно, обозначали этимъ словомъ всѣхъ евреевъ безъ различія происхожденія, между прочимъ и переселившихся изъ Испаніи, какъ Сербы и Болгаре зовутъ до сихъ поръ всякаго Еврея Чивутиномъ Испанскіе Евреи сами себя называютъ Espanjol, и это названіе придаютъ имъ теперь и Турки, но усвоивать его себѣ они начали, вѣроятно, лишь съ XVI в., когда эти „Испанцы" сумѣли заслужить особое покровительство со стороны нѣкоторыхъ султановъ.

4) *Крижь*, сербо-хорв *крйж* род п. *крйжа*, словѣнск krîž, чеш kříž, пол. krzyż—названіе креста, употребительное у славянъ—католиковъ, почему напр. талеръ съ изображеніемъ креста, по сербски *крсташ*, назывался у Далматинцевъ *крижар*, а у Хорватовъ—*крижак* [1]), у Словѣнцевъ—križak. Въ основѣ должно лежать лат. crux съ его др.-в.-нѣм. отраженіемъ chriuz (н.-в.-нѣм. Kreuz), которое однако-же такъ явно отличается отъ *крижь*, что это наводитъ на подозрѣніе, не вторглось-ли здѣсь въ звуковую область иное вліяніе—аналогія, несомнѣнно преобразившая законномѣрное *крыць* или *крычь* въ *крыстъ* по имени *Христо́съ* род п *Христа́*, которое сербскими католиками и теперь произносится *крст*, откуда *крштьанин* (у православныхъ *хришћанин*). При томъ-же χρίω „помазываю", отъ котораго произведено Χριστός „помазанникъ", есть χρῖσμα „помазаніе", откуда црк.-слав *крызма* или *крижма*, словѣн krîžma, чеш. křížmo, польск krzyżmo или chrzyżmo „миропомазаніе", святое масло, сербо-хорв кризма „первое причащеніе" (confirmatio), малор *крижми*, словѣн križemnik „одежда крещаемаго" Другой вопросъ, не пало-ли слово χρῖσμα къ Славянамъ прямо отъ Грековъ или черезъ др.-в.-нѣм. chrismo, chrisamo, которое въ свою очередь восходитъ къ латинской передачѣ этого слова—chrisma. Вѣроятнѣе послѣднее, такъ какъ по замѣнѣ придувнаго х мгновеннымъ к (вмѣсто др.-в.нѣм придыхательнаго k, графически ch напр. въ лат.—нѣм. Christus, что у Нѣмцевъ и теперь звучитъ *христус*,—слав *крьстъ*), такъ и то *ж* изъ з (если др.-в.-нѣм chrismo фонетически=*хризмо*) или изъ с (ср напр. црк.-слав. *жупелъ*

[1]) У Ивана Трискаго есть стихотвореніе „Иво и Іово", гдѣ эти два „Вани" представляютъ собою Хорвата и Серба Начинается оно такъ, „Иво и Іово разлика која" а изъ дальнѣйшаго оказывается, что разница всего одна—„Разлика чудна сиђушне врсти: Иво се крижа, Іово се крсти" Любопытно, что Вукъ признаетъ *крижати* только въ смыслѣ „рѣзать" (ср наше *че-крыжить* и, по Миклошичу, церк.-слав *скрижаль*), а въ смыслѣ „креститься"=осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ приписываетъ и католикамъ *крстити се* (см. подъ словомъ *криж*), что и по-словѣнски krizati se

изъ др.-в.-нѣм. swêbal, вмѣсто чего было, вѣроятно, и ˙ swêphal или swêfal, откуда н.-в.-нѣм. Schwefel). Какъ бы то ни было, для показанія дѣйствія слова *крижма* на слово, обозначающее крестъ, важно очевидное изъ приведенныхъ выше примѣровъ тѣсное соприкосновеніе области перваго слова съ областью второго черезъ понятіе крещенія, которому уподобляется и конфирмація. Хотя близость понятій крещенія и креста ясна сама по себѣ, стоитъ замѣтить, что крещеніе называется у Словѣнцевъ и Хорватовъ просто *крст*, krst, и, конечно, это значеніе установилось не сразу. О борьбѣ двухъ вліяній, восточнаго и западнаго, свидѣтельствуетъ и сербское католическое *Ису(с) Крст*, вмѣсто котораго православные Сербы говорятъ *Исус Христос* согласно съ греч. Ἰησοῦς Χριστός; безъ воздѣйствія съ этой стороны у католиковъ было бы ˙ Jesus изъ лат.-нѣм Jesus.

5) *Москолудъ* „шутъ“ съ производными *москолудить*, *москолудие* и *москолудьство* извѣстно, кажется, только въ русскихъ памятникахъ, но такъ какъ, судя по ссылкамъ въ словарѣ Срезневскаго, его употребленіе ограничивалось областью духовной письменности (у Луки Жидяты и особенно въ житіи Андрея Юрьевскаго), можно съ весьма значительной степенью вѣроятности считать его церковно-славянскимъ Что въ первой его части заключается слово въ родѣ „маска“, легко было докадаться, но во второй, конечно, напрасно предпочитали слово „луда“. У Срезневскаго при словѣ *москолудьство* есть замѣчаніе „Ср москорудство“, но самостоятельно эта форма у него не значится, а потому и не подтверждена ссылками Если-бы она оказалась несомнѣнной, въ такомъ случаѣ безо всякаго колебанія можно было-бы возвести это слово къ византійскому, правда, неизвѣстному, но вполнѣ вѣроятному источнику— μασκαρούδης „носящій маску“, ˙μασκαρούδα или ˙μασκαρούδιν „харя“ отъ μάσκαρα „маска“ съ той наставкой, посредствомъ которой образованы напр. λειχούδης (чаще λειχουδιάρης) „лакомка“ и λειχούδι(ν) „лакомство“ отъ λείχω „лижу“, ἀρκούδα „медвѣдь“ отъ древняго ἄρκτος и др. Впрочемъ такое производство слова *москолудъ* кажется и помимо формы съ *р* вмѣсто *л* самымъ правдоподобнымъ.

6) Дубровницкое *дсаль* Вукъ толкуетъ: „некаква морска риба“. Заимствовано то существительное, къ которому *дсаль*—изъ *осьль*—примыкаетъ въ качествѣ прилагательнаго. црк.-слав. *осьлъ* есть гот. asilus; но своего рода заимствованіе можетъ быть и въ значеніи, и вотъ такой-то случай здѣсь, кажется, слѣдуетъ предположить. Въ средне-греческомъ просторѣчіи оселъ назывался уже не ὄνος, а γάδαρος. Это слово сопоставляютъ съ древнимъ γάδος, названіемъ тоже „некакве морске рибе“, которая иначе называлась ὄνος. Со стороны грамматической это сопоставленіе безупречно: γάδαρος можетъ быть такимъ-же позднѣйшимъ лже-первообразомъ умень-

шительнаго γαδάριον отъ γάδος, какъ напр πόδαρος „ножица“—уменьшительнаго ποδάρι(ον), потерявшаго, какъ и болѣе простое уменьшительное πόδι(ον) отъ πούς, значеніе уменьшительнаго И такъ осетъ назывался еще въ древности у какого-то греческаго племени можетъ быть, варварскимъ, напр. иллирскимъ или оракійскимъ, именемъ γάδος Таково, по крайней мѣрѣ, весьма правдоподобное предположеніе; но дубровницкое *деветь* дѣлаетъ это предположеніе почти безспорнымъ

7) *Римъ* заимствовано Славянами, конечно, не у Римлянъ и не у Грековъ, а у Германцевъ. Но возьмемъ-ли мы лат. Roma, греч Ῥώμη или др.-в.-н Rôma, Rûma, ото всѣхъ этихъ формъ славянская странно отличается въ корнѣ и—на что, кажется еще никто не обратилъ вниманія —въ окончаніи: какъ rûma, такъ и rôma должны были явиться у славянъ въ видѣ *рума* или, можетъ быть, *рюма* (ср др.-сканд. krôkr—*крюкъ*, Hrôrîk—*Рюрикъ*), потому что для перемѣны рода не было ни малѣйшаго основанія. Остается, по видимому, допустить, что *Римъ* не передѣлано изъ нѣмецкихъ формъ этого имени, а выведено изъ прилагательнаго *римьскъ*, въ чемъ не было-бы ничего удивительнаго, такъ какъ Славянамъ, обращаемымъ въ христіанство Нѣмцами отчасти насильно, Rôma или Rûma стала извѣстна позже, чѣмъ diu romiska или rûmiska kiricha=„римьская церьы“, dêr romisko bâbes=„римьскый папежь“ и т. п. Во всякомъ случаѣ разстояніе отъ romisk и особенно отъ rûmisk до *римьскъ* несравненно короче, нежели отъ Rôma или даже Rûma до *Римъ*, при чемъ слѣдуетъ еще принять въ разсчетъ то, что германское и отличается напр. отъ французскаго слабостью губного оттѣнка, почему легко смѣшивается съ i, а славянское *ю*. наиболѣе напоминающее звукъ и, состояло изъ j(*и*)+*у*. Впрочемъ *ю* попало-таки въ одно изъ производныхъ отъ Rôma: уже въ новѣйшее время Русскіе воспользовались своимъ *ю* для передачи о въ нѣмецкомъ Romerglas, изъ котораго они сдѣлали *рюмка*.

8) *Скалья* восходитъ, очевидно, къ лат. scamnum, но не прямо, а черезъ греч. σκαμνίον или. по-просту, σκαμνίν, позже—σκαμνί Изъ славянскихъ передѣлокъ этого слова древнѣйшимъ кажется серб. *скамија*, что ведетъ къ болѣе старому *скамија*. Къ чужимъ существительнымъ на ударяемое *i* или *ы* Сербы всегда прибавляютъ окончаніе *-ја*: *делија* „удалецъ“ изъ тур. *deli*, *комшија* „сосѣдъ“ изъ тур. *комшы* (теперь *комшу*), *капиджија* „привратникъ“ изъ тур. *капуджы*, *дъумрукчија* „таможенный досмотрщикъ“ изъ тур. *гюмрюкджі*, *мисирлија* „Египтянинъ“ изъ тур. *мысырлы* и т. п. Но отсюда не слѣдуетъ, чтобы *скалија* основывалось на позднѣшемъ σκαμνί, что и мало вѣроятно въ виду русскаго *скалья*, которое нельзя признать новымъ: сербская форма можетъ быть легко объяснена, такъ сказать, тематическимъ σκαμνί,—въ им п.

σκαμνίν, род. σκαμνίου, им. мн. σκαμνία (что теперь σκαμνιού=*скамью*, σκαμνιά=*скамья*). То, что древнѣйшее (чакавское) **скамйја* измѣнилось у насъ не въ *скáмья*, какъ Εὐδοκία—въ *Оздóтья*, и не въ *скамéя*, какъ Πελαγία—въ *Палагéя*, а въ *скамья*, можетъ объясняться пріобщеніемъ этого заимствованія къ разряду своихъ *сѣмья*, *статья*, *князья* (собир.) и т. п. и чужихъ, какъ *бадья*, *кутья* и др. Но тур. *iskemle* заставляетъ предположить существованіе еще другой славянской формы— *скамля*, а изъ сопоставленія тѣхъ двухъ особенностей этой предполагаемой формы, что вторичное смягченіе выразилось въ ней звукомъ *ль*, и что ея родина—Балканскій полуостровъ, естественно заключить, что она принадлежитъ сербскому языку. Болг. *скемле* съ турецкаго.

9) Церк.-слав. *хоржгы*, др.-р. *хоругъвь* или *хорюгъвь*, теперь *хоруговь*, сербо-хорв. *хоругва*, пол. *chorągiew*, чеш. *korouhev*—слово, очевидно, обще-славянское. Возведенію его къ гот. hrugga „шестъ“ мѣшаетъ лишнее *о*, и это затрудненіе не устраняется предположеніемъ воздѣйствія мысли о церковномъ хорѣ, какъ объясняетъ вторженіе *о* проф. Р. Ѳ. Брандтъ, потому что къ церковному обиходу слово *хоржгы* было примѣнено, конечно, гораздо позже обще-славянской эпохи, а исключительно въ смыслѣ церковнаго знамени *хоруговь* употребляется чуть-ли не у однихъ Русскихъ, да и то лишь по вытѣсненіи этого слова изъ военнаго быта другими словами—*знамя*, *бунчукъ* (у казаковъ), позже *штандартъ* (у конницы). О турецкомъ *куйрук* „хвостъ“ и говорить не стоитъ. Есть и третья этимологія, также не новая,—отъ монг. *ороγγа* „знамя“. Для принятія ея нужно допустить одно предположеніе, которое впрочемъ и само собою навязывается по причинамъ историко-культурнымъ,—что это слово проникло къ Славянамъ черезъ турецкую среду. Важно это условіе здѣсь потому, что въ турецкихъ языкахъ, именно западныхъ, рѣже въ восточныхъ, мы встрѣчаемъ иногда приставное h; такъ въ *halbatma* „конечно“ изъ ар.-перс. *albatta*, *hиндйр* „высокій“—монг. *hиндйр* или *ондор*, *hирймджак* „паукъ“ отъ *hирмак* „прясть“, *hынчкырмак* „икать“ при *ынчкырмак* и т. п. Изъ возникшаго такимъ образомъ **horγγa* или **horaγγa* (такъ какъ *о* по-тутурецки, кромѣ нѣкоторыхъ нарѣчій, можетъ быть только въ коренномъ слогѣ) въ обще-славянскую эпоху трудно и ждать чего-нибудь иного кромѣ *хоржгы*, потому что древнѣйшіе Славяне тѣмъ заимствованнымъ словамъ, которыя по своимъ окончаніямъ или вслѣдствіе какихъ-либо аналогій казались имъ принадлежащими къ женскому роду, обыкновенно придавали форму основъ на ӯ, напр. *буκы*—гот. *bōka* или *bōk*, *цьркы*—др.-в.-нѣм. *kirichа*, **мъркы* (русск. *морковь*, серб. *мрква*, чеш. *mrkev* и т. д.)—др.-в.-н. *morahа* и т. п. У Латышей *karuok* отъ Славянъ, но полное ис-

чезновеніе наставки -ȳ, какъ и второе *к*, внушаютъ подозрѣніе, что это слово прошло предварительно черезъ какой-нибудь изъ западныхъ финскихъ языковъ. На Литвѣ оно, кажется, не сохранилось, но что оно было и тамъ, можно догадываться по малор. *хорогва*, которое трудно объяснить иначе, нежели смѣшеніемъ литовской формы karuokas (·karōkas) съ русской діалектической *хоругва* (ср. *цѣрква*, *мѣрква*). Малор. и вообще казачье *хорунжий* „прапорщикъ“ есть пол. chorąży.

10) Русск. и болг *шапка*, пол. czapka до сихъ поръ представляетъ собою этимологическую загадку, но, кажется, вслѣдствіе не отсутствія или сомнительности матеріала, а лишь по его скудости. Есть это слово и у Турокъ—*шапка*, на Алтаѣ *шакпа*; но уже звукъ *ш* рѣдкій у нихъ въ началѣ, внушаетъ сильное подозрѣніе, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ заимствованіемъ у Русскихъ, которымъ *шапка* извѣстно, но малой мѣрѣ, съ XIV в. Оттуда-же оно, вѣроятно, зашло и къ Болгарамъ. И такъ надежнѣе другая этимологія—отъ позднѣйшаго лат. *capa* или *cappa* [1]) „плащъ“ и также „родъ головного убора“, а первоначально, можетъ быть, то и другое вмѣстѣ, т. е широкій плащъ („capa quia totum quasi capiat hominem“, какъ говоритъ Изидоръ) съ капюшономъ. Послѣднее, правда, не совсѣмъ согласно съ Изидоровымъ опредѣленіемъ „capitis ornamentum“, но 1) такая одежда была очень употребительна и въ римскія времена (лат. cucullus) и въ средніе вѣка (ср. напр сложенное съ тѣмъ-же словомъ др.-сканд. kāpuhottr „шапка при плащѣ“), 2) если *capa* или *cappa* обозначало плащъ именно съ капюшономъ, то, будучи примѣнено преимущественно къ капюшону, оно легко могло въ семасіологическомъ отношеніи подвергнуться воздѣйствію со стороны слова caput, чѣмъ объясняется то, что производнымъ, означающимъ головной уборъ, усвоенъ мужескій родъ. замѣнившій въ романскихъ языкахъ средній: ит. cappello, франц. chapeau (изъ chapel, „вѣнокъ вмѣсто шапки„) „шляпа“; ит. cappùccio (а capuccio= головка), фр. (съ ит.) capuce и capuchon „капюшонъ“; ит. cappegóne, фр. chaperon „шапка изъ лоскутьевъ, колпачекъ“ (откуда др.-сканд. kapūn). Такимъ путемъ совершилось и превращеніе „капюшона“ при плащѣ въ самостоятельную „шапку“. То-же значитъ и серб. *капа* и англо-сакс. caerpe (*c*=*к*), если не что-то въ родѣ *башлыка* (впрочемъ англ. cap. „шапка, чепецъ вполнѣ какъ *капа*); но др.-сканд. *kāpa*—„плащъ“, хотя, вѣроятно, съ капюшономъ, какъ, повидимому, и нѣм. Карре въ прежнія времена (ср. плащъ-невидимку Tarnkappe). Какъ-бы но ни было, *cappa* въ смыслѣ шапки и пути, которыми это слово могло проникнуть къ Русскимъ,

[1]) На одно p указываетъ, по видимому, др-сканд. kāpa „плащъ“, на pp—не только итальянскія формы, но и французскія, такъ какъ одно p между гласными переходитъ во французскомъ языкѣ въ b и v.

не подлежатъ спору; но—вотъ тутъ-то и недостаетъ посредствующаго члена съ *ш* и со значеніемъ шапки. Нужный намъ звукъ при отсутствіи мѣшающихъ наставокъ (-el,— on и т. п.) мы находимъ во французскомъ отраженіи этого слова chape, но значитъ оно родъ стихаря, что̀ семасіологически примыкаетъ къ понятію плаща (ср. échapper, ит. scapparе, исп. escapar „убѣжать, улизнуть“, собств сбросить съ себя мѣшающій бѣгу плащъ). Однако, если *capра* имѣло значенія плаща и головного убора, мы имѣемъ право предположить то-же и относительно chape. И все-таки трудность не устранена, пока мы не намѣтимъ пути, которымъ французское слово перебралось къ намъ не позже XIV в. Прежде всего, конечно, приходится подумать о германскомъ посредствѣ; но у германцевъ извѣстны только ср.-в.-нѣм schapel, др.-норв sappel, ciapel, ϕjapel, стар. дат. siacpel, seppel „вѣнецъ или вѣнцеобразная шапка“ отъ фр chapel съ непригодной для нашей цѣли наставкой -el. На этой почвѣ намъ остается допустить, что, если къ германцамъ зашло chapel, то могло зайти и chape, и при томъ въ смыслѣ шапки. Но это уже предположеніе, основанное на предположеніи. Или, принявъ chape въ смыслѣ шапки за фактъ, мы выведемъ свое слово прямо изъ Франціи? Но и здѣсь трудно обойтись безъ другого предположенія—что это слово занесено къ намъ еще въ XI. в., въ связи съ брачнымъ союзомъ между Анной Ярославной и Генрихомъ I французскимъ. Невозможнаго въ этомъ нѣтъ, однако есть затрудненіе фонетическое: французское ch до XIII в. звучало какъ наше *ч*. Впрочемъ въ сѣверной Франціи сложныя c=ц, g (передъ e, i) и j=*дж* и ch=*ч* стали утрачивать зубной призвукъ, по видимому, значительно раньше. Во всякомъ случаѣ дальше предположеній мы здѣсь никакъ не зайдемъ, если намъ не помогутъ какія-нибудь новыя открытія въ памятникахъ Вѣрнымъ кажется то, что пол. czapka не можетъ быть звеномъ между формами съ *к* (c) и нашимъ *шапка*. Наоборотъ—скорѣе czapka изъ *шапка*, но въ устахъ не славянскихъ, а мадярскихъ (ср. мад. csajka—серб. *шајка* лодка, также csatangolni шататься, слоняться, если оно изъ шататися съ перестановкой носового звука).

И такъ въ 9 случаяхъ мы видѣли заимствованіе словъ по ихъ внѣшней формѣ и по смыслу, въ одномъ—*осаль*—только по смыслу. Бываютъ заимствованія и звуковыя—не czapka, гдѣ слово могло перейти отъ Мадяръ (csapka) къ Полякамъ цѣликомъ, а напр. измѣненіе *н* въ *л* въ нашихъ *Миколай*, *Микита* и *Мѣлифоръ*. Изъ этихъ именъ употребительно у другихъ славянъ только первое, и его мы находимъ съ *л* у Поляковъ—Mikołaj, у Лужичанъ—Mikławś и у Словѣнцевъ—Miklavś (ср. фамилію Miklosich=Миклошичъ), т. е. у Славянъ, близко соприкасающихся съ Нѣмцами. Это обстоятельство наводитъ на мысль о нѣмецкомъ

происхожденіи такой замѣны. У Нѣмцевъ мы встрѣчаемся прежде всего со слѣдующимъ явленіемъ: распространенное и чтимое на Западѣ имя *Николай* въ Германіи употребляется рѣдко—почему? не потому-ли, что нѣмецкая его форма Nikel смѣшалась съ нѣмецкой-же формой имени *Михаилъ*—Michel и до извѣстной степени была вытѣснена ею? Если такъ, можетъ оказаться на лицо и неизвѣстная мнѣ, но легко допустимая контаминація *Mikel [4]), откуда потомъ и *Mikolaus, отразившееся въ первоначальныхъ пол. Nikołaj и слов. *Nik(o)laus. У насъ вліяніе западныхъ родичей особенно естественно въ имени святого, мощи котораго находятся на Западѣ. Пол. Mikołaj отозвалось въ нашемъ *Мико́лай*, а къ нему примкнули два другихъ очень употребительныхъ имени, начинающіяся также съ *Ник-*. Въ *Никандръ*, *Никаноръ* и *Никонъ* переходу перваго *н* въ *м* помѣшалъ, можетъ быть, второй *н*.

Ѳ. Коршъ.

[4]) Эта форма есть у Лужичанъ, и принадлежитъ она, кажется, къ Mikławs, а не къ Michał.

Одинъ изъ источниковъ лѣтописнаго сказанія о крещеніи Владиміра.

Наша древняя письменность представляетъ любопытное собраніе разнорѣчивыхъ данныхъ о крещеніи Владимира. Древнія лѣтописи умалчиваютъ обо многихъ подробностяхъ, извѣстныхъ лѣтописямъ позднѣйшимъ; нѣкоторыя житія и сказанія не согласуются съ показаніями Повѣсти временныхъ лѣтъ (Лавр., Ипат. и сходныя лѣтописи) и Начальнаго Кіевскаго свода (сохранившагося въ Коммиссіонномъ спискѣ Новгородской 1-й лѣтописи); въ предѣлахъ одной и той же лѣтописи встрѣчаемъ противорѣчивыя сообщенія. Исторической критикѣ предстоитъ разобраться во всемъ этомъ матеріалѣ и прежде всего возстановить, путемъ сравнительнаго изученія дошедшихъ до насъ памятниковъ, первоначальные изводы сказаній о крещеніи Владиміра.

Въ настоящей замѣткѣ рѣшаемся подвергнуть суду Марина Степановича Дринова, знатока и неутомимаго изслѣдователя болгарской церковной исторіи, нѣкоторыя соображенія о зависимости лѣтописнаго сказанія нашего отъ недошедшей, но вѣроятно существовавшей повѣсти о крещеніи болгарскаго князя Бориса

Мы имѣемъ въ виду лѣтописное сказаніе, сохранившееся въ Повѣсти временныхъ лѣтъ и Начальномъ сводѣ, но привлечемъ къ изслѣдованію и тѣ позднѣйшія редакціи этого сказанія, которыя извѣстны по московскимъ сводамъ XV и XVI вѣка. Скажемъ сначала нѣсколько словъ объ отношеніи этихъ сводовъ къ древней лѣтописи и объ отношеніи ихъ между собою Сравненіе лѣтописей Софійской 1-й, Новгородской 4-й, Тверской, Львовской, Воскресенской, Никоновской, а также древняго хронографа, составленнаго въ XV вѣкѣ, Степенной книги, составленной въ XVI, ведетъ насъ къ возстановленію одного общаго для нихъ источника, различнымъ образомъ отразившагося въ каждомъ изъ этихъ памятниковъ и вступившаго въ каждомъ изъ нихъ въ разнообразныя комбинаціи съ другими источниками. Основной источникъ названныхъ выше лѣтописей былъ составленъ, какъ это можно заключать изъ разнообразныхъ указаній, въ 1423 году при дворѣ митрополита всея Руси: онъ назывался великимъ лѣтописцемъ или Владимирскимъ полихрономъ и по характеру своему былъ общерусскою лѣ-

тописною компиляціей [1]). Появленіе полихрона составило видный моментъ въ исторіи нашего лѣтописанія, такъ какъ всѣ послѣдующія лѣтописныя работы должны были тѣснѣйшимъ образомъ примкнуть къ обширному своду, образовавшемуся, благодаря нарочитому собиранію лѣтописей, лѣтописныхъ выборокъ, историческихъ повѣстей и сказаній, предпринятому митрополитомъ Фотіемъ. Въ основаніе древнѣйшей части полихрона положены были извѣстныя намъ лѣтописи: Повѣсть временныхъ лѣтъ и Новгородская лѣтопись (Софійскій владычній сводъ) Вотъ почему и въ Софійской 1-й, и въ Воскресенской, и даже въ Никоновской мы находимъ въ разсказѣ о X—XI в. очень мало нашихъ извѣстій противъ древнѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ. Исключеніе составляетъ разсказъ о крещеніи Владиміра: во всѣхъ названныхъ лѣтописяхъ видимъ рядъ вставокъ, дополненій къ первоначальному разсказу Повѣсти временныхъ лѣтъ и Начальнаго свода, и это наводитъ на мысль, что вставки эти частью восходятъ къ полихрону. Укажемъ здѣсь же на нѣкоторыя изъ подобныхъ вставокъ

Во-первыхъ, *философъ*, присланный греками для обращенія Владиміра въ христіанство, названъ *Кириллом*. Такъ въ Новгородской 4-й читаемъ: по семъ же прислаша Греци к Володимеру Кюрила философа глаголюще сице То же въ Софійской 1-й, Софейской (изд. 1795 г), Воскресенской, Толстовской I № 191 (тождественной съ Типографской, изданной въ части отъ 1206 года въ 1781 году), Тверской, въ лѣтописи Авраамки (XVI, 252), Густынской и др Въ Львовской (Евфиміевской, изд въ 1792 году) вмѣсто Кирилла—Кира (I, 105). Это же чтеніе перешло къ Стрыйковскому (Kira, albo Cirussa: изд. 1846, стр. 129), а изъ Стрыйковскаго къ Татищеву (II, 65; но въ т. I, с 27 находимъ Кирилла).

Во-вторыхъ, подъ 6497 (989), а частью подъ другими годами читаемъ: крестився Владимиръ и взя оу *Фотія* патріарха у Цареградскаго перваго митрополита Кыеву *Леона* (*Леонта*) Ср. Новгородскую 4-ю (къ ней восходитъ Краткій лѣтописецъ новгор. влад.), Софійскую 1-ю, Софейскую, Воскресенскую, Толстовскую I № 191. Тверскую, Хронографъ 1512 года (безъ указанія „перваго“), Никоновскую (992-й годъ), Стрыйковскаго [2]).

Въ-третьихъ, въ Никоновской лѣтописи передъ наставленіемъ о вѣрѣ читаемъ небольшую вставку съ *наставленіемъ о христіанской жизни*, преподаннымъ Владиміру. То же перешло изъ Никоновской въ Степенную.

Въ-четвертыхъ, въ Никоновской (и Степенной) находимъ рядъ извѣстій о сношеніяхъ Владиміра съ *папой* и *Римомъ*, начинающійся съ

[1]) Ср Журн Мин Нар Пр 1900 г. №№ 9 и 11 1901 г № 11

[2]) Стр 132 съ неправильною разстановкою знаковъ и дополненіемъ: „i wziął z Konstantinopola. Facia mitropolita naprerwszego do Kijova, Leoncia do Nowogrodka arcibiskupa“ .

сообщенія о прибытіи въ 6487 году пословъ къ Ярополку изъ Рима отъ папы; подъ 6496 къ Владиміру приходили послы изъ Рима отъ папы и принесли къ нему мощи святыхъ; подъ 6499 опять приходили послы изъ Рима отъ папы съ любовію и съ честію; въ 6502 возвратились послы Владимировы, иже ходиша въ Римъ къ папѣ; подъ 6508 къ Владиміру приходятъ послы отъ папы Римскаго; въ 6509 Владиміръ посылаетъ гостей своихъ, аки въ послѣхъ, между прочимъ въ Римъ.

Всѣ эти вставки заставляютъ предполагать, что составителю полихрона былъ доступенъ какой-то письменный источникъ, излагавшій крещеніе Владиміра иначе, чѣмъ Начальный сводъ и Повѣсть временныхъ лѣтъ. Такимъ источникомъ могла быть какая-нибудь особая повѣсть о крещеніи Владиміра; но быть можетъ, и не особая повѣсть, а та же лѣтопись, только въ другой, болѣе древней редакціи. Вѣроятнѣе мнѣ кажется второе предположеніе. Во-первыхъ, вставки замѣчаются не въ одной части лѣтописнаго разсказа о крещеніи, а на всемъ протяженіи его ср вставку имени Кирилла передъ изложеніемъ бытія всего міра; ср. вставки о посольствахъ изъ Рима послѣ крещенія Владиміра. Во-вторыхъ, мы имѣемъ основаніе предполагать существованіе болѣе древней редакціи лѣтописнаго сказанія о крещеніи Владиміра въ связи съ изложеніемъ другихъ историческихъ событій вообще: такъ древнѣйшее житіе Владиміра, читаемое въ торжественникахъ, основывается на лѣтописномъ разсказѣ, не разбитомъ еще на года [1]), и черпаетъ отсюда такія извѣстія, какъ напр. о походѣ Владиміра къ „порогомъ“ на другое лѣто по крещеніи, о походѣ его на Казаръ еще до крещенія, о вокняженіи Владиміра 11 іюня 6486 года, и др. Такъ проложное житіе Владиміра въ спискѣ Торжественника Рум музея сообщаетъ важныя подробности о взятіи Корсуня и посылкѣ въ Царьградъ пословъ Владиміровыхъ, Такъ Ѳеодосіевская редакція патерика, дошедшая до насъ не въ первоначальномъ видѣ въ Новг.-Соф. рукописи № 1365/578 и Погод. № 1024 (см объ этой редакціи у пр. Макарія въ Извѣстіяхъ V (1855), стр. 134 и сл.; у Абрамовича въ Изслѣдовании о Кіево-печерскомъ патерикѣ, с. 59 и сл.), содержитъ болѣе первоначальный, чѣмъ лѣтопись, видъ сказанія о крещеніи Владиміра, какъ это недавно доказалъ Н. К. Никольскій [2]) между тѣмъ рядъ данныхъ говоритъ въ пользу того, что соста-

---

[1]) См. это житіе въ Христ Чт. 1849, въ Исторіи церкви преос Макарія I [2], въ Ист. русск церкви Голубинскаго I [2], 1, стр 238 и сл., въ изданіи А П Соболевскаго въ Чтеніяхъ Общ Нест лѣт. 1888 г., кн. 2-я. Оно же извѣстно въ соединеніи съ Памятью и похвалою Іакова Мниха, при чемъ вмѣстѣ съ похвалой Ольги вставлено частью въ середину сочиненія Іакова (Блаженный же князь.. . положи и), частью за похвалой, оканчивающеюся словами: „того ради примуть вѣнець красоты отъ рукы Господня“

[2]) Христ чтеніе 1904 года.

витель патерика, Ѳеодосій, извлекъ это сказаніе, озаглавленное имъ „Слово о томъ како крестися Володимиръ возмя Корсунь“, именно изъ лѣтописи. Ѳеодосій имѣлъ въ своемъ распоряженіи тотъ же источникъ, что составитель древняго житія Владимирова, это видно между прочимъ изъ того, что у обоихъ имѣется фраза, отсутствующая въ Начальномъ сводѣ и Повѣсти временныхъ лѣтъ: „и поживе князь Владимеръ по святѣмъ крещеніи 28 лѣтъ“ (см Погод. сп. № 1559—для Слова; изданія Соболевскаго и другихъ—для Житія).

Первоначальную лѣтопись, откуда извлечено составителемъ патерика Ѳеодосіемъ Слово о томъ како крестися Владимиръ, откуда заимствованы историческія данныя въ древнее житье Владимира и въ пространное о немъ сказаніе, мы назовемъ Древнѣйшимъ временникомъ. Этотъ же Древнѣйшій временникъ легъ въ основаніе Начальнаго свода (откуда и Повѣсть вр. лѣтъ), составитель котораго между прочимъ ввелъ въ текстъ лѣтописи точныя хронологическія указанія (въ лѣто такое-то).

Древнѣйшій временникъ содержалъ, повидимому, два противорѣчивыхъ извѣстія о крещеніи Владимира съ одной стороны, Владиміръ крестился въ Корсунѣ, а съ другой—въ Кіевѣ (или Василевѣ) за два года до похода на Корсунь; первое извѣстіе отразилось въ Начальномъ сводѣ, составителю котораго извѣстно было и другое извѣстіе, имъ однако, отвергнутое [1]); второе извѣстіе попало въ древнее житіе, утверждающее что Владиміръ взялъ Корсунь на третье лѣто по крещеніи, при чемъ походъ былъ предпринятъ для того, что бы привести христіанъ и поповъ на всю землю, да научатъ люди на законъ христіяньскый; это же второе извѣстіе сообщало, повидимому, тѣ подробности о Корсунскомъ взятіи, которое читаемъ въ Торжественникѣ Рум. музея. Присутствіе двухъ извѣстій о крещеніи Владиміра въ Древнѣйшемъ временникѣ объясняется внесеніемъ въ него *двухъ разныхъ сказаній* объ этомъ событіи Сказаніе, пріурочивающее крещеніе ко взятію Корсуня—греческаго скажемъ опредѣленнѣе, корсунскаго происхожденія. Доказательства этого положенія завели бы меня слишкомъ далеко: ограничусь ссылкой на то, что авторъ хорошо знакомъ съ топографіей Корсуня, и рѣшительнымъ утвержденіемъ, что по многимъ даннымъ [2]) самое сказаніе было написано по гречески. Другое сказаніе —сказаніе о крещеніи Владимира въ Кіевѣ (или Василевѣ) относило это крещеніе къ 6494 году,

---

[1]) Се же не вѣдуще право глаголютъ, яко крестилъся есть въ Киевѣ, инѣи же рѣша в Василевѣ, друзіи же инако сказающе.

[2]) Но не по тѣмъ, которыя приводитъ Голубинскій для доказательства, что пространное житіе Владимира написано грекомъ, ибо анализъ этого житія, сдѣланный Соболевскимъ, а въ послѣднее время Никольскимъ, доказываетъ, что это компиляція, составленная на основаніи Повѣсти вр лѣтъ (замѣчу,—редакціи не ранѣе XV в.) и, какъ указалъ Никольскій, „Сказанія о грамотѣ русской“

что можно заключать изъ древняго житія, говорящаго, что Корсунь былъ взятъ на третье лѣто по крещеніи, между тѣмъ мы знаемъ, что взятіе Корсуня имѣло мѣсто въ 6496 (988) году.

Отразилось ли сказаніе о крещеніи Владиміра въ Кіевѣ въ Начальномъ сводѣ (и Повѣсти вр лѣтъ)? Думаю, что да, и именно на лѣтописномъ разсказѣ 6494 (986) года. Разсказъ начинается съ прибытія къ Владиміру Болгаръ, затѣмъ Нѣмцевъ и Казарскихъ Евреевъ съ предложеніемъ принять ихъ вѣру. За ними является присланный Греками философъ; онъ держитъ передъ княземъ длинную рѣчь и наконецъ показываетъ Владиміру запону, на ней же бѣ написано судище Господне. Владиміръ, видя одесную праведныхъ въ веселіи предыдущихъ въ рай, а ошуюю грѣшниковъ, идущихъ въ муку, вздохнулъ и сказалъ: добро симъ одесную, горе же симъ ошуюю. Философъ возразилъ: если хочешь стать одесную съ праведными, то крестись.—Мы ожидали бы прочесть непосредственно за этимъ о крещеніи Владиміра: дѣйствительно, могъ ли авторъ того сказанія, куда впервые внесена рѣчь философа, допустить, чтобы рѣчь эта пропала безслѣдно; не ясно ли, что вся аргументація философа направлена къ достиженію прямого, вѣрнаго результата—немедленнаго обращенія Владиміра?

Мы отказываемся отъ всякой попытки рѣшить вопросъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ крестился Владиміръ—въ Кіевѣ, Василевѣ или Корсунѣ [1]) Но утверждаемъ, что до насъ дошло сказаніе о крещеніи его въ Кіевѣ или Василевѣ; дошло оно не въ полномъ видѣ; конецъ сказанія выкинутъ составителемъ Начальнаго свода, которому надо было согласовать испытаніе вѣръ, разсказанное подъ 6494, съ крещеніемъ въ Корсунѣ въ 6496 году. Для этого, вмѣсто опущеннаго конца сказанія, гдѣ говорилось о крещеніи Владиміра, находимъ странную вставку, начинающуюся словами: „Владиміръ же положи на сердци своемъ, рекъ: „пожду еще мало“, хотя испытати о всѣхъ вѣрахъ“. Вставка содержитъ совсѣмъ излишній разсказъ о посѣщеніи Владиміровыми мужами Болгаръ и Нѣмцевъ, вѣру которыхъ Владиміръ отвергъ уже раньше, а также Грековъ. Итакъ рядомъ съ греческимъ сказаніемъ о крещеніи Владиміра въ Корсунѣ, въ Древнѣйшій временникъ было внесено другое сказаніе о крещеніи его въ Кіевѣ (Василевѣ) послѣ проповѣди греческаго философа. Какого же происхожденія это другое сказаніе, какіе литературные его источники?

Оставляю въ сторонѣ самое содержаніе сказанія, составъ знаменитой рѣчи, ея отношеніе къ другимъ памятникамъ древней письменности. Я

[1]) Ср. мнѣніе Голубинскаго, что вѣроятнѣйшимъ мѣстомъ крещенія Владиміра должно считать Василевъ. (Ист. русск. церкви, 2-е изд., т. I, 133).

остановлюсь только на внѣшней оправѣ сказанія и прежде всего на томъ обстоятельствѣ, что Владимірскій полихронъ, какъ указано выше, назвалъ философа Кирилломъ. Было ли это имя въ Древнѣйшемъ временникѣ? Вставлено ли оно только въ XV вѣкѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ зависитъ отъ рѣшенія другого былъ ли Древнѣйшій временникъ доступенъ составителю полихрона? Выше мы утвердительно отвѣтили на него Останемся при прежнемъ отвѣтѣ и допустимъ, что имя Кирилла попало въ полихронъ изъ Древнѣйшаго временника. Что же означаетъ это имя, имя Константина—Кирилла философа въ сказаніи о крещеніи Владимира? Константинъ умеръ въ 869 году. Слѣдовательно, передъ нами грубѣйшій анахронизмъ Допустимъ ли онъ въ древнемъ сказаніи о крещеніи Владиміра? Подобные же анахронизмы, и при томъ вполнѣ однородные, обнаруживалъ по свидѣтельству полихрона Древнѣйшій временникъ и ниже патріархъ Фотій, жившій въ IX столѣтіи, оказывается современникомъ Владиміра; послѣдній получаетъ отъ него митрополита Леонтія. Нельзя не замѣтить, что Кириллъ и его современникъ Фотій ведутъ насъ къ другому крещенію, къ крещенію Болгарскаго князя Бориса Фотій принималъ самое близкое участіе въ обращеніи Бориса въ христіанство: это видно между прочимъ изъ поучительнаго посланія его къ Борису, въ которомъ онъ называетъ князя дорогимъ украшеніемъ трудовъ своихъ, законнымъ чадомъ своихъ духовныхъ болѣзней. [1]) Кириллъ, вопреки дошедшимъ до насъ историческимъ свидѣтельствамъ, умалчивающимъ объ участіи его въ дѣлѣ крещенія и просвѣщенія болгаръ, долженъ быть признанъ учителемъ Болгарскаго языка. Косвенныя указанія извлекаемъ: 1) изъ синодика царя Бориса, гдѣ въ славословіи Кириллу философу сказано, что онъ просвѣтилъ болгарскій родъ [2]), 2) изъ Повѣсти вр. лѣтъ, гдѣ подъ 6406 годамъ, въ сказаніи о грамотѣ Словенской, читаемъ: Констянтинъ же възвратися въспять, и иде учитъ Болгарьскаго языка, а Мефодий оста в Моравѣ, 3) изъ поздняго, правда, но, можетъ быть, отчасти достовѣрнаго извѣстія, приписываемаго Евфимію Терновскому іеросимонахомъ Спиридономъ: „по возвращеніи отъ Арменіи Богорис, царъ болгарскій, прія святое крещеніе, сам Михаилъ кесар воспремникъ ему быст, и даде ему имя Михаилъ, именемъ своимъ, и 53 тысящъ войска его крестися, тамо сущи и Курил философа“ [3]); 4) изъ сообщенія того же Спиридона, что Кириллъ отправился по приказанію царя Михаила и благословенію патріарха Игнатія въ Болгарію, гдѣ онъ и совершилъ переводъ священныхъ книгъ; 5) изъ древней службы св. первоучителямъ на 6-е

[1]) Голубинскій, Кр очеркъ исторіи прав. церквей, с. 241

[2]) М. С. Дриновъ, Новый церковно-слав памятникъ: Ж. М Н Пр. 1885, апр., с 183

[3]) Исторія во кратцѣ о болг. народѣ Славенскомъ, стъкми за изд В Н. Златарски, стр. 42

апрѣля, гдѣ говорится о проповѣди св. братьевъ въ Болгаріи (ср. Вороновъ, Кириллъ и Меѳодій, с. 149, 154, 156); 6) изъ пространнаго житія св. Климента, гдѣ сообщается о просвѣщеніи Болгаріи Кирилломъ и Меѳодіемъ (Вороновъ, с. 157); 7) изъ проложнаго житія Кирилла (посемъ иде въ болгары. проповѣдая христа), и др. Впрочемъ, приводя эти свидѣтельства, мы далеки отъ мысли устанавливать достовѣрность того или другого историческаго событія [1]): мы стоимъ на почвѣ литературныхъ фактовъ, а исходя при нихъ, видимъ, что уже съ начала XII вѣка просвѣщеніе Болгаръ связывается съ именемъ Кирилла. Вполнѣ возможно потому существованіе въ XI или даже X вѣкѣ такого болгарскаго сказанія, гдѣ крещеніе Бориса было поставлено въ непосредственную связь съ проповѣдью великаго славянскаго учителя.

Допустимъ, что это сказаніе стало извѣстно на Руси, гдѣ имя Бориса-Михаила, подвигъ котораго самъ Фотій сравнилъ съ подвигомъ Константина Великаго, пользовалось, конечно, извѣстностью и гдѣ даже, быть можетъ, праздновалась память его [2]); допустимъ, что оно послужило образцомъ для русскаго сказанія о крещеніи Владиміра; что это сказаніе, внесенное въ Древнѣйшій временникъ, отразившійся, съ одной стороны, въ Начальномъ сводѣ (Повѣсти вр лѣтъ), съ другой, во Владимірскомъ полихроніѣ, содержало рядъ анахронизмовъ, зависѣвшихъ отъ того, что русскій компиляторъ довольно слѣпо повторялъ не только нравоучительную часть сказанія, но и фактическія подробности его,—допустивъ все это мы поймемъ:

Во-первыхъ, сходство въ главномъ эпизодѣ, сопровождавшемъ обращеніе Бориса и Владиміра Борисъ, по сказаніямъ византійцевъ (продолжателя Ѳеофана и другихъ), былъ пораженъ изображеніемъ страшнаго суда, сдѣланнымъ на стѣнѣ новаго его дворца художникомъ Меѳодіемъ, приглашеннымъ болгарскимъ княземъ для того, чтобы расписать его палаты сценами изъ охотничьей жизни и ловли звѣрей. Владиміръ былъ пораженъ изображеніемъ страшнаго суда на запонѣ, показанной ему греческимъ философомъ (Кирилломъ). Въ основѣ занесеннаго въ греческія хроники сказанія могло лежать преданіе объ обращеніи Бориса св. Меѳодіемъ: другой вопросъ, на чемъ основывалось само преданіе, но кажется совершенно невозможно отвергнуть тожество живописца Меѳолія и св. Меѳодія

---

[1]) На возможность того, что нѣкоторыя изъ легендъ, приписывающихъ Кириллу просвѣщеніе Болгаріи, отражаютъ дѣйствительность историческую, указываемо было неоднократно. Ср. за послѣднее время трудъ Начова, Врѣме и животъ на св. Борисъ-Михаила, Варна, 1901, стр. 19.

[2]) Въ 1072 году было перенесеніе мощей св. Бориса и Глѣба въ новую церковь; днемъ перенесенія избрано 2-е мая. Не въ память ли Бориса, скончавшагося 2-го мая 6415 (907) года? Ср. запись въ Синод рук. XV в., содержащей Слова св. Аѳанасія противъ Аріанъ (Оп. Горск. и Нев., № 111).

Константинова брата [1]) Сходство разсказа объ обращеніи Владимира съ обращеніемъ Бориса давно обратило на себя вниманіе историковъ. Приведемъ слова Татищева, который, въ примѣчаніи къ лѣтописному извѣстію о запонѣ съ изображеніемъ страшнаго суда, говоритъ: „о сей завѣсѣ съ написаніемъ страшнаго суда выше № 42, 50, 57, показано, что было у Болгаръ, но сіе другое ли, или то же смѣшено, не извѣстно, а болѣе вѣрительно, что нѣкто послѣ вмѣсто философа Кира, Кирилла Сетунскаго и завѣсу внесъ не разсудя лѣтъ, что Кириллъ прежде Владимира умеръ“ [2]). Можно думать, что въ болгарскомъ сказаніи говорилось о завѣсѣ, показанной философомъ Кирилломъ Борису, между тѣмъ какъ въ нѣкоторыхъ народныхъ преданіяхъ обращеніе Бориса приписывалось и св. Меѳодію.

Во-вторыхъ, анахронизмы русскаго сказанія, составленнаго по образцу болгарскаго, объяснятъ намъ нѣкоторыя недомолвки въ Начальномъ сводѣ (и Повѣсти вр. лѣтъ). Такъ послѣ словъ „По семъ же прислаша Грѣци къ Володимеру философа“ легко предположить умышленный пропускъ имени Кирилла, ибо редакторъ Начальнаго свода понялъ, что впадетъ въ анахронизмъ, сохранивъ это имя. Равнымъ образомъ вѣроятно допустить умышленный пропускъ имени митрополита Кіевскаго въ слѣдующемъ извѣстіи Начальнаго свода: „Въ лѣто 6497. Крестися Володимиръ и вся земля Руская и поставиша в Кіевѣ митрополита, а Новуграду архиепископа, а по инымъ градомъ епископы и попы и діаконы; и бысть радость всюду“ (въ Повѣсти вр. лѣтъ это безсодержательное извѣстіе опущено) [3]). Какъ можно заключать изъ Владимірскаго полихрона, въ Древнѣйшемъ временникѣ первыми русскими митрополитами были названы Михаилъ и Леонтій, между тѣмъ какъ составителю Начальнаго свода не были извѣстны эти имена изъ другихъ достовѣрныхъ источниковъ, почему они имъ и опущены (см. ниже).

Въ-третьихъ, подъ 988 годомъ въ Начальномъ сводѣ и Повѣсти временныхъ лѣтъ, послѣ словъ „И крещену же Володимеру, и предаша (Комм. сп. преда) вѣру хрестияньскую глаголюще сице“, читаемъ символъ вѣры, краткое сказаніе о семи соборахъ и полемическую статью противъ латынянъ. Первыя двѣ части этого исповѣданія вѣры сильнѣйшимъ обра-

[1]) Ср. Шафарикъ. Слав. древности, т. II кн. 1, стр. 297; Палаузовъ, Вѣкъ болгарскаго царя Симеона, 22—23.—Весьма любопытна статья о крещеніи Болгаръ, читающаяся въ греческой рукописи Синод. библ. № 263 (по опис. о Владимира № 407), на лл. 237 об.—239. Виновникомъ обращенія Болгаръ названъ εἷς σοφὸς ἄνθρωπος ῥωμαῖος καὶ ζωγράφος, показавшій картину страшнаго суда Болгарскому князю. Καὶ ὁ ζωγράφος ἐγένετο ἐπίσκοπος Βουλγαρίας καὶ ἐτελεύτησε θαυματουργός ἅγιος, читаемъ въ концѣ статьи.

[2]) Книга вторая, прим. 178; а также кн. первая, стр. 26—27.

[3]) Слѣдующее затѣмъ извѣстіе о Іоакимѣ Корсунянинѣ и крещеніи Новгорода восходитъ въ Коммиссіонномъ спискѣ не къ Начальному своду, а къ Новгородской лѣтописи.

зомъ напоминаютъ поучительное посланіе Фотія къ новообращенному Борису-Михаилу [2]), въ началѣ котораго находимъ, во-первыхъ, „священное и богочестное ученіе святой вѣры нашей“ (символъ вѣры), во-вторыхъ, „свѣдѣнія о седми святыхъ и вселенскихъ соборахъ, служащихъ какъ бы оплотами и оградами сего божественнаго и православнаго ученія“ Правда, символъ вѣры, изложенный у Фотія, иной, чѣмъ тотъ полуаріанскій символъ, который читаемъ въ лѣтописи; но сходство между Фотіевымъ словомъ и лѣтописнымъ сказаніемъ отъ этого не уменьшается, тѣмъ болѣе, что есть вѣроятность думать, что полуаріанскій символъ умышленно внесенъ составителемъ болгарскаго сказанія о крещеніи Бориса вмѣсто преподаннаго Борису Фотіемъ [3]). Равнымъ образомъ свѣдѣнія о семи соборахъ восходятъ, какъ это доказалъ А. С Павловъ, къ полемической статьѣ противъ латынянъ, встрѣчающейся въ хронографической части нѣкоторыхъ списковъ Палеи; вѣроятно думать, что они внесены въ лѣтопись русскимъ компиляторомъ; но раздѣленіе свѣдѣній о соборахъ на двѣ части, „изъ коихъ одну—о предметахъ соборныхъ совѣщаній—лѣтописецъ отнесъ къ первой, догматической половинѣ наставленія, преподаннаго Греками Владиміру, другую о личномъ составѣ соборовъ—пріурочилъ къ своей полемикѣ противъ Латинянъ“ (Павловъ), доказываетъ, что въ оригиналѣ, которому слѣдовалъ лѣтописецъ, содержались послѣ символа вѣры—свѣдѣнія о семи соборахъ, т. е. то же, что въ указанномъ Н. К Никольскимъ текстѣ (см. предыдущее примѣчаніе) и то же, что въ поучительномъ посланіи Фотія.

Въ-четвертыхъ, полемика противъ латынянъ, читаемая въ лѣтописномъ разсказѣ о крещеніи Владиміра, восходитъ, какъ указано, къ статьѣ, повторяющейся и въ Палеѣ и въ другихъ сборникахъ; статья эта переноситъ насъ во вторую половину XI вѣка (ср. Павловъ въ Отч. о присужд. Увар. нагр. 1876 года, стр. 195), но поводомъ ко включенію ея въ разсказъ о крещеніи Владиміра могло быть то, что полемическія выходки противъ латынянъ читались и въ разсказѣ о крещеніи Бориса: вспомнимъ ожесточенную полемику противъ нихъ со стороны Фотія. Во всякомъ случаѣ греческому духовенству приходилось сильно бороться съ Римомъ при Борисѣ, между прочимъ изъ за той же Болгаріи.

Въ-пятыхъ, какъ мы видѣли, полихронъ пользовался Древнѣйшимъ временникомъ для дополненія по нему разсказа о крещеніи Владиміра, извѣстнаго изъ Повѣсти врем. лѣтъ. И вотъ, мы видимъ, что въ Никоновской (и Степенной), въ которой отразился полихронъ, передъ символомъ вѣры помѣщено послѣ приведенныхъ нами выше словъ „Крещену же сущу

[2]) См. Духовная бесѣда, т. V

[3]) Н. К Никольскому въ упомянутой выше статьѣ принадлежитъ еще одно важное открытіе: это болѣе первоначальный полный видъ символа вѣры, читаемаго въ лѣтописи

Володимеру въ Корсунѣ, предаша ему вѣру христіанскую, сице глаголюще“ —поученіе, преподанное Владиміру относительно христіанской жизни. Это поученіе нельзя не сопоставить съ третьею частью Фотіева посланія къ Борису, гдѣ онъ внушаетъ ему назидать „на правой своей вѣрѣ благія дѣла и святую жизнь“. Въ краткомъ поученіи Никоновской лѣтописи и Степенной книги можно найти нѣсколько мѣстъ, сходныхъ съ обширными наставленіями Фотія.

Въ-шестыхъ, внесеніе въ полихронъ имени Кирилла, греческаго философа, вполнѣ понятно: это имя могло сохраниться въ Древнѣйшемъ временникѣ, куда оно перешло изъ сказанія о крещеніи Владиміра.

Въ-седьмыхъ, такъ же объясняется внесеніе съ полихронъ имени патріарха Фотія (и взя у Фотія патріарха у Царьградскаго .), современника Борисова.

Въ-восьмыхъ, согласно полихрону и слѣдовательно Древнѣйшему временнику, Владиміръ взялъ у Фотія митрополита Леонтія Составитель Начальнаго свода (ср. также Повѣсть вр лѣтъ) опустилъ извѣстіе о Леонтіи. Вслѣдствіе этого о Леонтіи митрополитѣ русскомъ мы въ лѣтописяхъ не встрѣчаемъ извѣстій до самаго XV в, т. е. до появленія полихрона Особенно важно отмѣтить, что въ древнѣйшихъ спискахъ митрополитовъ, составленныхъ по лѣтописямъ, нѣтъ ни Леонтія, ни Михаила, ни даже Іоанна: списокъ начинается съ Θеопемпта: ср напр такой списокъ въ Комм. и другихъ спискахъ Новгородской 1-й лѣтописи подъ 989 годомъ (изданіе, стр. 69). Почему же составитель Начальнаго свода опустилъ имя Леонтія, отвергъ свидѣтельство Древнѣйшаго временника? Думаю потому, что Леонтій (Леонтъ, Леонъ) попалъ въ разсказъ о крещеніи Владиміра по недоразумѣнію, опять таки вслѣдствіе рабскаго подражанія автора этого разсказа болгарскому сказанію о крещеніи Бориса. Леонтій былъ однимъ изъ древнѣйшихъ патріарховъ (митрополитовъ, архіепископовъ) Прѣславскихъ· синодикъ царя Бориса (составленный въ 1210 году) называетъ Леонтія первымъ въ ряду патріарховъ Прѣславскихъ [1]). Голубинскій считаетъ патріарховъ Леонтія, Димитрія, Сергія и Григорія современниками Бориса и Симеона [2]). Отсюда можно заключить, что Леонтій былъ однимъ изъ первыхъ митрополитовъ болгарскихъ [3]). Достовѣрныхъ свидѣтельствъ о существованіи русскаго митрополита Леонтія не имѣемъ. церковные уставы Владиміра, содержащіе имя Леонтія, могли

[1]) Палаузовъ во Временникѣ О. ист и др. росс., кн. 21-я; Дриновъ въ Журн Мин Нар. Пр. 1885 г., апр, стр. 181, М Г. Попруженко, Синодикъ царя Бориса, стр. 106.

[2]) Кр. очеркъ ист. правосл церквей, с. 37.

[3]) По Дринову при Борисѣ три епископа носили архіепископское званіе: однимъ изъ нихъ (Прѣславскимъ) могъ быть Леонтій, другимъ (Моравскимъ или Тиверіопольскимъ)—Іосифъ.

основываться частью на полихронѣ (напр. списки, читаемые въ приложеніи къ Комм. списку Новгор. 1-й лѣтописи, изд. 1888 г., стр. 452, также стр. 449, далѣе въ Соф. 1-й лѣтописи, см. Полн. Собр. Р. Л. VI, 82), частью на Древнѣйшемъ временникѣ (Кормчая второй половины XIII в.): синодики, поминавшіе Леонтія, повидимому, и до XV в. (ср. Срезневскій, Др. пам. р. письма и языка[2]), могли также основываться на Древнѣйшемъ временникѣ, гдѣ, какъ указано, Леонтій былъ названъ русскимъ митрополитомъ по недоразумѣнію. Греческіе списки, надписывающіе извѣстную полемическую статью противъ латынянъ, принадлежащую Прѣславскому Леонтію· Λέοντος μητροπολίτου τῆς ἐν Ῥωσίᾳ Πρεσθλάβας, не могутъ служить доказательствомъ существованія русскаго митрополита Леонтія, ибо ἐν Ῥωσίᾳ могло быть позднѣйшею вставкою, позднѣйшимъ комментаріемъ. Допустивъ, что авторомъ этой статьи былъ русскій митрополитъ, мы не поймемъ, какимъ образомъ онъ могъ называться Переяславскимъ. Ссылка на свидѣтельство Повѣсти вр. лѣтъ въ разсказѣ о постройкахъ Ефрема митрополита Переяславскаго подъ 1089 годомъ, гдѣ читаемъ: „бѣ бо преже в Переяславли митрополья“, мнѣ кажется неумѣстной, ибо при Владимірѣ Переяславль, только что построенный (по Древнему временнику на пятое лѣто по крещеніи), не могъ стать митропольей. Временно Переяславль митрополией могъ стать именно при Ефремѣ, построившемъ тамъ и соборный храмъ во имя святаго Михаила [1]).

Въ-девятыхъ, въ полихронѣ, судя по Никоновской (и Степенной), сообщалось о цѣломъ рядѣ посольствъ отъ папы изъ Рима ко Владиміру, а также о посольствахъ Владиміра къ папѣ. Въ полихронъ эти извѣстія могли быть внесены изъ Древнѣйшаго временника. Но вѣроятно ли допустить достовѣрность этихъ извѣстій? Между Греческою церковью и Римскою въ X вѣкѣ не было уже единенія: поэтому присылка къ Владиміру, уже крестившемуся отъ Грековъ, святыхъ мощей отъ Римскаго папы болѣе чѣмъ сомнительна. Совсѣмъ иное было во времена крещенія Бориса: между обѣими церквами происходило соревнованіе по вопросу о томъ, кому должно быть подчинено духовное управленіе Болгаріей—Константинополю или Риму. До насъ дошелъ рядъ свидѣтельствъ объ оживленныхъ сношеніяхъ Бориса съ Римомъ, о постоянныхъ посольствахъ къ нему отъ папъ Николая и Адріана, о многочисленныхъ посольствахъ Бориса и въ Римъ и въ Царьградъ для улаженія церковнаго вопроса [2]).

---

[1]) Въ томъ, что Прѣславъ существовалъ при Борисѣ, врядъ ли можно сомнѣваться, не смотря на свидѣтельство одной сербской лѣтописи, что великы градь Прѣславь созданъ Симеономъ. Ср. Сырку, Къ ист испр. книгъ въ Болгаріи, с 25.

[2]) См. Дриновъ, Ист. прѣгледъ на българска-та цьрква, с 15 и сл., и др.

Поэтому весьма вѣроятно допустить, что объ этихъ посольствахъ повѣствовало и сказаніе о Борисовомъ крещеніи. Отсюда свѣдѣнія о нихъ перенесены въ русскую компиляцію, въ русское сказаніе о Владимировомъ крещеніи.

Указанные нами девять пунктовъ настолько сближаютъ сказаніе о крещеніи Владимира съ предполагаемымъ болгарскимъ сказаніемъ о крещеніи Бориса, что вопросъ о литературномъ источникѣ русскаго сказанія представляется мнѣ рѣшеннымъ. Русское сказаніе переписало болгарское, русскій компиляторъ поступилъ почти такъ же, какъ Несторъ, воспользовавшійся для составленія житія Осодосія — болгарскимъ переводомъ Житія Саввы, почти такъ же, какъ писецъ Изборника 1073 года, замѣнившій въ послѣсловіи имя болгарскаго Симеона именемъ князя Изяслава (Святослава).

А. А. Шахматовъ.

27 Декабря 1903 г.

Античные мотивы въ русской литературѣ.

Настоящая замѣтка посвящена вопросу о заимствованіяхъ. Рѣшить, заимствованъ ли извѣстный типъ или мотивъ въ народной литературѣ, иногда бываетъ совершенно невозможно. Очень трудно сдѣлать это и въ томъ случаѣ, если дѣло идетъ о новомъ или даже современномъ поэтѣ и если самъ авторъ не указываетъ прямо на заимствованіе („Гамлетъ Щигровскаго уѣзда", „Степной Король Лиръ", типы Молчалина, Глумова у Салтыкова). На двухъ примѣрахъ мотивовъ, сходныхъ у Грибоѣдова и Лермонтова съ мотивами античными, я и остановлюсь

I.

Знаменитая тирада Молчалина (Горе отъ ума, актъ 5, явл. 12 [1]):

Мнѣ завѣщалъ отецъ
Во-первыхъ, угождать всѣмъ людямъ безъ изъятья—
Хозяину, гдѣ доведется жить,
Начальнику, съ кѣмъ буду я служить,
Слугѣ его, который чиститъ платье,
Швейцару, дворнику, для избѣжанья зла,
Собакѣ дворника, чтобъ ласкова была.—

по мнѣнію проф. А. Н. Веселовскаго (Этюды о Мольерѣ. Мизантропъ, стр. 177) если не вся, то послѣдній стихъ заимствованъ изъ Femmes savantes Мольера. Генріета (Acte I, Scène 4) учитъ Клитандра, какъ попасть въ милость къ ея матери, которая вертитъ всѣмъ домомъ, начиная съ мужа, и на замѣчаніе Клитандра: „Я слишкомъ прямъ, чтобъ льстить кому нибудь", возражаетъ:

Un amant fait la cour où il s'attache son coeur;
Il veut de tout le monde y gagner la faveur;
Et pour n'avoir personne à la flamme contraire,
Jusqu' au chien du logis il s'efforce de plaire
(Влюбленный человѣкъ всѣмъ долженъ угождать;
И здѣсь поспѣть, и тамъ не опоздать,

[1]) Изд. подъ ред. Шляпкина

И даже, наконецъ, обязанъ для потачки
Быть въ домѣ въ милости у комнатной собачки).

Но дѣло въ томъ, что эта тирада не оригинальна; изъ античной литературы Мольеръ заимствовалъ не только сюжеты двухъ пьесъ (L' Avare и Amphitryon); онъ заимствовалъ цѣлыя сцены, отдѣльныя тирады, даже выраженія, если они казались ему мѣткими и остроумными. Вся тирада Эліанты въ Мизантропѣ (актъ II, сцена 5):

L' amour pour l' ordinaire, est peu fait à ces loix,
Et l'on voit les amans vanter toujours leur choix.
Jamais leur passion n'y voit rien de blâmable,
Et dans l' objet aimé, tout leur devient aimable:
Il comptent les défauts pour des perfections
Et savent y donner de favorables noms.
La pâle est aux jasmins en blancheur comparable,
La noire à faire peur, une brune adorable.
La maigre a de la taille et de la liberté etc —

есть почти буквальный переводъ ст. 658 сл. второй книги „Искуства любви“ Овидія: „Недостатки можно смягчать словами. Зовется смуглянкой та, у которой кровь чернѣе иллирійской смолы; если толста— похожа на Венеру; сердита—сама Минерва. Пусть будетъ стройной та, которая чуть жива отъ худобы. Называй ловкой малорослую“ и т. д. Надо замѣтить, что Овидій только облекъ въ изящную форму то, что было выражено въ тяжелыхъ и неповоротливыхъ гекзаметрахъ Лукреція (De nat. rerum 4, 1153 sq.) „Черная называется янтарной (въ текстѣ melichrus, т. е. „цвѣта меда“); неопрятная и съ дурнымъ запахомъ—незанимающаяся собой (acosmos); худая, кожа да кости—газель“. Соль этихъ словъ пропадаетъ при переводѣ: въ оригиналѣ влюбленный для смягченія грубыхъ латинскихъ словъ употребляетъ греческія, т. е. по современному какъ бы французскія; сказать о женщинѣ acosmos все равно, какъ теперь отозваться о ней c' est une beauté negligée. Это все только къ слову, а главное то, что и выраженіе Генріеты въ „Ученыхъ женщинахъ“ тоже заимствовано у Плавта, котораго Мольеръ зналъ хорошо. У Плавта есть комедія Asinaria (Оселъ); въ ней выведенъ молодой человѣкъ, Аргиринпъ, возлюбленная котораго, Филенумъ, находится во власти Клеэреты, разрѣшающей ему свиданія только за деньги. На его замѣчаніе: „Ты бы меня наградила, чтобъ пользоваться много подольше“, Клеэрета отвѣчаетъ: „Какъ ты этого не понимаешь? Кто изъ насъ щадитъ влюбленнаго, та не щадитъ себя. Вѣдь влюбленный для насъ все равно что рыба: годенъ только въ свѣжемъ видѣ. Только такой и соченъ и вкусенъ: можно приготовлять подъ какимъ угодно соусомъ, и жаренымъ и вареным. Онъ хо-

четъ давать, хочетъ, чтобъ его объ этомъ просили; вынимаетъ изъ кармана деньги полными горстями; не считаетъ, сколько даетъ и сколько тратитъ, заботится только о томъ, чтобы угодить возлюбленной, мнѣ, провожающей горничной (pedisequa), слугамъ, рабынямъ. и даже къ моей собачкѣ подольщается новый влюбленный, чтобъ она выражала удовольствие при видѣ его".

Сравнивая тирады Клеэреты и Генріеты, можно видѣть, что и у Плавта и у Мольера онѣ поручены женщинамъ, и что у обоихъ дѣло идетъ о характеристикѣ влюбленнаго; но Мольеръ взялъ только два крайнихъ пункта (мать и собачка), оставивъ въ сторонѣ среднія звенья, тогда какъ у Плавта такая постепенность соблюдена: сначала идетъ сама Филеніумъ, затѣмъ Клеэрета, потомъ служанка, провожавшая Филеніумъ при выходахъ, носившая за нею принадлежности туалета, зонтикъ и т. п., слѣдовательно, приближенное къ ней лицо: для Аргирина эта pedisequa важная особа: черезъ нее можно записочку передать, она и отойдетъ въ сторону и замедлитъ шагъ, когда нужно. Далѣе слѣдуютъ famuli. рабы мущины, всякаго рода janitores, coqui, lecticarii, а за ними уже толпа ancillae.

Грибоѣдовъ отошелъ отъ Мольера и Плавта: тираду онъ вложилъ въ уста Молчалина и придалъ ей иное значеніе: не пылкій любовникъ предъ нами, не страсть, затемняющая разсудокъ, руководитъ имъ, а холодный разсчетъ. Грибоѣдовъ подмѣтилъ самостоятельно психологическую черту и облекъ ее въ существовавшую уже форму. Сходство съ Мольеромъ несомнѣнно, но есть и различіе: Мольеръ взялъ крайности, у Плавта есть цѣлая лѣстница, кончающаяся „собакой дворника". Кромѣ того, у Грибоѣдова есть выраженіе „чтобъ ласкова была", котораго нѣтъ у Мольера, но есть у Плавта (se ut quom videat gaudeat). Не значитъ ли это, что Грибоѣдовъ имѣлъ предъ собою Плавта? Извѣстно, что онъ въ московскомъ университетѣ, подъ руководствомъ проф. Буле, спеціально занимался драмой, особенно Плавтомъ, Теренціемъ и Мольеромъ.

II.

У Лермонтова есть „Экспромтъ" (Соч., т. 2, стр. 101, изд. 4, 1880 г., ред. Ефремова):

Три граціи считались въ древнемъ мірѣ;
Родились вы.... все три, а не четыре!

Хариты, граціи и прочій миѳологическій аппаратъ въ то время былъ не новостью. Однако стоитъ отмѣтить фактъ существованія въ античной литературѣ эпиграммы со схожимъ содержаніемъ. Anth. Pal. IX, 515:

Τρεῖς εἰσ' αἱ Χάριτες σὺ δὲ δὴ μία ταῖς τρισὶ ταύταις
γεννήθῃς, ἵν' ἔχωσ' αἱ Χάριτες Χάριτα

„Три было Хариты; ты родилась еще одна къ нимъ тремъ, чтобъ у Харитъ была еще Харита".

Anth Pal. 5, 145 (приписывается Каллимаху):

Τέσσαρες αἱ Χάριτες ποτὶ γὰς μία ταῖς τρισὶ κείναις
ἄρτι ποτεπλάσθη κἤτι μίροισι νοτεῖ
εὐαίων ἐν πᾶσι ἀρίζηλος Βερενίκα,
ἃς ἄτες οὐδ' αὐταὶ ταὶ Χάριτες Χάριτες

„Четыре всѣхъ Харины: ибо къ тремъ прежнимъ недавно присоединилась еще одна, замѣтная среди всѣхъ, счастливая Береника, благоухающая, безъ которой и Харины—не Харины".

Первой изъ эпиграммъ подражалъ Авзоній (p. 425 Peiper):

Tres fuerant Charites, sed, dum mea Lesbia vixit,
Quattuor. At periit: tres numerantur item.

„Три было Харины, но при жизни Лезбіи ихъ было четыре. Умерла она, считается ихъ опять три".

Такимъ образомъ, мы имѣемъ установившійся мотивъ (cf. Anth. Graeca, VII, 136: Τέσσαρες αἱ Χάριτες, Πάφιαι δύο, καὶ δέκα Μοῦσαι. Δέρκυλις ἐν πάσαις Μοῦσα, Χάρις, Παφίη)· три Харины (=Граціи), къ нимъ присоединяется смертная красавица Въ греческой антологіи отъ этого выигрываютъ богини: „безъ тебя и Харины—не Харины", или „чтобъ у Харитъ была Харита". Надо замѣтить, что это мѣсто допускаетъ другой переводъ: „чтобъ Харины получили прелесть" У Авзонія говорится только, что послѣ смерти Лезбіи осталось по прежнему три Граціи. Изъ эпиграммы античной Лермонтовъ, измѣнивъ окончаніе, сдѣлалъ эпиграмму въ современномъ значеніи слова Разумѣется, что и Граціи, и Харины, и весь классическій антуражъ были въ модѣ въ то время Однако совпаденіе мотивовъ антологіи съ лермонтовскимъ можетъ возбудить вопросъ объ источникѣ „Экспромпта" и о посредникахъ, потому что невѣроятно, чтобы Лермонтовъ читалъ антологію или Авзонія въ подлинникѣ. Можетъ быть, онъ читалъ ихъ въ переводѣ или взялъ этотъ мотивъ готовымъ у какого-нибудь нѣмецкаго или французскаго поэта.

М. Масловъ.

Обрядъ омовенія ногъ въ четвергъ страстной недѣли въ Византіи и на Руси.

Въ сочиненіи „О чинахъ Константинопольскаго двора и должностяхъ Великой церкви", приписываемомъ Кодину, писателю, который, по выраженію В. Г. Васильевскаго, до Гоара „былъ труднымъ и темнымъ не вслѣдствіе к. л. своей древности, а именно вслѣдствіе новизны своей, для воскрешенія обрядовъ, нравовъ, обычаевъ, одеждъ, погребенныхъ подъ недавними развалинами, а еще болѣе подъ необычнымъ и недоступнымъ для непосвященныхъ языкомъ описанія" [1]), находится описаніе омовенія ногъ императоромъ двѣнадцати нищимъ въ четвергъ страстной недѣли [2])

Такое омовеніе по описанію Кодина, относящемуся къ послѣднимъ временамъ Византійской имперіи, совершалось слѣд. образомъ: „Предъ литургіей того же самаго великаго четверга происходитъ омовеніе ногъ такимъ образомъ: предуготовляютъ двѣнадцать нищихъ и одѣваютъ ихъ въ иподамисы [3]) или хитоны, куртзубракіи [4]) и папутзіи [5]). По установленіи лохани въ покоѣ императора, протоіерей [6]), находясь внѣ, у двери, творитъ начало. благословенъ Богъ нашъ и т. д. [7]) и говоритъ Трисвятое. Затѣмъ, когда онъ, читая евангеліе, произноситъ „влія воду во умывальницу", императоръ вливаетъ воду въ лохань. Потомъ вводятъ предуготовленныхъ нищихъ, по одному, (каждаго) съ заженною свѣчою въ рукахъ, и когда введенный садится, протоіерей, какъ сказано, читаетъ евангеліе и произноситъ: „началъ Іисусъ умывати ноги ученикомъ" и (произ-

[1]) „Обозрѣніе трудовъ по Визант исторіи", вып. I, 80. С-Пб 1890 г.

[2]) Nec Orientis tantum reges et imperatores hoc die (четвергъ страстной недѣли) pauperum pedes lavabant, sed et Occidentis, ut pluribus exemplis ostendi in iam dicto opusculo (Comment. ad Codin, pag. 318, ed. Bon.). Къ сожалѣнію, это opusculum—Pedilavium я не могъ достать и поэтому не сравниваю обряды, совершавшіеся государями на Востокѣ и на Западѣ

[3]) Ὑποκάμισον—subucula, ὑποχίτων (Glos. Du—Cange, sub v. καμίσιον).

[4]) Κουρτουζβράκια—braccae breviores, curtae (Du—Cange), curtzobraccia—kurze hosen (Comment ad Codin., pag 318).

[5]) Παπούτζιον—calceus, ὑπόδημα. Ex voce Turcica, Paputz (Du—Cange).

[6]) Πρωτοπαπᾶς—primus inter presbyteros, seu in ordine presbyterorum, πρωτοιερεύς (Du—Cange) ᶜΟ πρωτοπαπᾶς—ἔκδικος καὶ πρῶτος τοῦ βήματος, καὶ φέρων τὰ δευτερεῖα τοῦ ἀρχιερέως (Codini de Officiis, cap I, pag 6).

[7]) Εὐλογητός—antiphona Benedictionis, a qua apud Graecos Officia quaevis initium ducunt (Du—Cange)

носитъ) это многократно, пока не будутъ омыты всѣ, (а) императоръ омываетъ правую ногу каждаго и, оттирая обмытую ногу полотенцемъ, спереди его висящимъ, цѣлуетъ ее. По совершеніи этого кончается послѣдованіе омовенія ногъ. Каждому изъ этихъ (нищихъ) даются по три золотыя монеты, и послѣ этого начинается литургія“ [1]).

Омовеніе ногъ въ четвергъ страстной недѣли, которое въ Византіи совершали и императоры при чтеніи соотвѣтствующаго евангельскаго текста, въ Московскомъ государствѣ совершалось только духовными лицами [2]). Въ рукописномъ „Чиновникѣ“, принадлежащемъ Петербургской Духовной Академіи [3]), изложенъ слѣд обрядъ омовенія ногъ, совершавшійся

[1]) Codini De Officiis, cap XII, pag 70, ed Bon.

[2]) Проф. А А Дмитріевскій указываетъ, что омовеніе ногъ на Руси совершалось не только при епископскихъ каѳедрахъ, но и въ монастыряхъ Въ послѣднемъ случаѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ архимандритъ или игуменъ („Богослуженіе въ русской церкви въ XVI в “, ч I, 211, Казань, 1884 г.) Чинъ омовенія ногъ архіереемъ въ Новгородѣ въ великій четвергъ по списку XVII в описанъ пр Макаріемъ (Чтен въ М О И и Д 1861 г. I, стр 36) Такой же чинъ, совершавшійся архіереемъ, описанъ въ „Чиновникахъ Хотмогорскаго Преображенскаго собора“, изд А П Голубцовымъ („Чтенія въ Моск Об И и Д “, 1903 г IV, стр 98 и 239) Постъ ованіе омовенія ногъ изложено у Гоара (Εὐχολόγιον sive Rituale Graecorum, pag 745, ed. Lutetiae Parisiorum, an 1647). Чины омовенія ногъ изданы проф А А Дмитріевскимъ („Богослуженіе страстной и пасх седмицъ въ Іерусалимѣ“, „Правосл Собесѣдникъ“, изд Каз Дух Ак, 1891 г., май—іюнь, стр 109 и слѣд, іюль—августъ, стр 113 и слѣд, 1892 г. сентябрь, стр 343 и слѣд, 1893 г. декабрь, стр 315—350), проф А А Дмитріевскій отмѣчаетъ чинъ омовенія ногъ, по которому и патріархъ, какъ императоръ по описанію Кодина, цѣлуетъ у каждаго изъ 12 омытую ногу и даваетъ каждому по 3 золоты. монеты Чинъ омовенія ногъ патріархомъ по Типиконамъ Святогробскому и Великой церкви изданъ проф А А. Дмитріевскимъ въ „Трудѣ Кіевск Дух Ак,“ (1901 г, сентябрь, стр 62)

[3]) „Чиновникъ Указъ о звону и о чину въ постъ великій и въ пятидесятницу, до недѣли всѣхъ святыхъ“ („Описаніе рукописей С-Пб Духовной Академіи“, составленное г. Родосскимъ, № 127) Рукопись эта относится къ XVII в Точнѣе время составленія „Чиновника“ можно отнести ко второй четверти XVII в на томъ основаніи, что въ текстѣ „Чиновника“ послѣднія по времени указанія на совершавшіеся ранѣе обряды, сколько я замѣтилъ, относятся къ тридцатымъ годамъ XVII в (см л 32 (1628 и 1629 гг), л 37 об (1626 г), л 47 (1629 г), л 48 (1630 г), л 53 (1632 г), л. 60 об (1629 и 1630 гг), л 63 об (1632 г), л 93 (1629 г.) и 96 об (1629 г), л. 97 (1630—1632 гг), л. 101 (1631—1633 гг) и т. д) Въ послѣдней трети „Чиновника“ (съ л 85 по 135 т) замѣчается во многихъ мѣстахъ почти буквальное сходство съ „Уставомъ церковныхъ обрядовъ, совершавшихся въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ“ (съ 120 стр), изданнымъ въ III т „Русск Истор Библ“ (изд. Археограф Ком). время составленія „Устава“ отнесено издателемъ къ 1634 г. Въ 1681 г. „Чиновникъ“ былъ изъятъ изъ пользованія: „189 іюля мѣсяца великій господинъ святѣйшій Іоакимъ патріархъ Московскій и всея Россіи сіи Чиновникъ указалъ взять изъ соборныя апостольскія церкви въ правилню, что въ ево домѣ, и быть ему въ книгохраниліщѣ, а въ соборною церковь безъ имянного указу святѣйшаго патріарха неотдавать для того, что сново исправленными книгами въ уставѣ и въ чиньхъ не сходится, и сей указъ святѣйшій патріархъ указалъ записать ризничему іеродіакону Иакинфу“ (л 3 об.).

патріархомъ въ Успенскомъ соборѣ въ присутствіи царя: „И потомъ, после большаго выхода после переноса, ключари повелятъ сторожемъ скамьи поставити врядъ двѣ долгие по лѣвой странѣ по одной, а на нихъ ковры.., а отъ мѣста патріархова поставляютъ, три шахи отмѣривъ, Петрово мѣсто, а на немъ посланъ коверъ..., а поставятъ Петрово мѣсто отъ скамей немножко отдвинувъ и по косо, а Иудино мѣсто поставляютъ отъ царскихъ дверей, а на немъ коверъ , а поставити бы прямо, чтобы на патріарха зрѣти ему, да налой поставятъ ключари с наволокою и с пеленою золотною, что на амбонѣ стоитъ близъ патріархова мѣста, на чемъ архидіякону чести святое еуангелие, три шахи жъ отмѣривъ, чтобъ стать противъ Петрова мѣста И какъ причастны начнутъ пѣти, и патріархъ пошлетъ крестоваго діяка большаго к Государю царю с вѣстью, и Государь царь придетъ в церковь и к ево приходу благовѣсту и звону не бываетъ, и царское мѣсто не отворяется, а вшедъ Государь царь в церковь и прикладывается ко святымъ иконамъ и станетъ у столба противъ патріархова мѣста на своемъ подножии, и по заамбонной молитвѣ выходитъ патріархъ, и Государь царь отъ патріарха приметъ благословение отъ руки его, и станетъ на своемъ мѣсте у столпа, а патріархъ на своемъ мѣсте стоитъ, а ученицы в олтарѣ сядутъ за престоломъ поряду, а патріархъ сядетъ на своемъ мѣсте, и приходятъ архидіяконъ и протодіяконъ и поклонятся патріарху, и входятъ в олтарь архидіяконъ да протодіяконъ и возмутъ учениковъ по два и глаголютъ: идѣте, учитель Васъ глашаетъ, Петръ же и со другимъ ученикомъ из олтаря изыдутъ. ихъ же ведутъ подъ руки, и поклонятся преже Государю царю и потомъ патріарху и сядутъ на своихъ мѣстѣхъ, идѣже имъ уготованны, и всѣ ученицы изыдутъ по два, ведоми подъ руки, и поклоняются такоже Государю царю и патріарху и сядутъ кождо на своемъ мѣсте, и бываетъ умовение ногамъ по уставу, а патріархъ лентіемъ препоящется и вливаетъ воду во умывальницу и умываетъ преже ноги Июдѣ и поряду всѣмъ, а Петру послѣ всѣхъ, и по умовении псаломъ: Буди имя Господне и конечный отпустъ литоргие, и ключари выносятъ просвиру на сребряномъ блюдѣ, и патріархъ благословляетъ Государя просвирою. и Государь, принявъ отъ патріарха благословение и приложився к образомъ, и поидетъ в домъ свой, а патріархъ на мѣсте своемъ разоблачается и прикладывается ко образомъ и поидетъ такожъ в домъ свой“ [1]).

Обрядъ омовенія ногъ, совершенный патріархомъ Питиримомъ, подробно изложенъ въ Треодіонѣ 1668 г., изданномъ Н. И. Новико-

[1]) „Чиновникъ“, по описанію г. Родосскаго № 127, лл. 65—67.

вымъ [2]). Въ этомъ Треодионѣ, подъ 1682 г., отмѣчено: „а въ Іудино мѣсто никого не было. отставилъ Святѣйшій Іоакимъ Патріархъ, о семъ должны благодарити свѣта нашего живота вѣчнаго Іисуса Христа, что вразумилъ Архипастыря нашего такихъ ни велъ исторгнути отъ среды Соборныя великия церкви“ [3]).

В. Савва.

---

[2]) „Древн Рос Вивл“, ч XI, 83 изд 2. Совершеніе обряда патріархомъ Питиримомъ ошибочно отнесено къ 1725 г Патріархъ Питиримъ занималъ патріаршую каѳедру одинъ годъ—1673 (Знаменскій, „Руководство къ русской церковн исторіи“, стр. 209, прим 1, изд 5)

[3]) „Древн Рос Вивл“, ч XI, 89 Вопросъ о времени появленія на Руси обряда омовенія ногъ ставитъ проф Голубинскій Онъ указалъ, что для рѣшенія этого вопроса мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ данныхъ и высказалъ предположеніе, что обрядъ омовенія ногъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими обрядами, перешелъ на Русь въ домонгольское время, одновременно съ самымъ общественнымъ богослуженіемъ („Ист. рус церкви“, 1, 2, 327).

Объ источникахъ Ломоносовскаго ученія о трехъ стиляхъ.

Общеизвѣстно значеніе, какое имѣло для русской литературы, для русскаго литературнаго языка въ частности, ученіе Ломоносова о трехъ стиляхъ, изложенное имъ въ знаменитомъ разсужденіи „О пользѣ книгъ церьковныхъ въ Россійскомъ языкѣ“ [1]) напечатанномъ впервые въ 1757 году [2]); извѣстно, какъ долго сохраняло свое вліяніе это ученіе, лишь послѣ значительной борьбы уступившее другимъ, болѣе новымъ, взглядамъ [3]). Въ своихъ историко-литературныхъ примѣчаніяхъ къ названному разсужденію академикъ М. И. Сухомлиновъ указалъ на то, что различеніе трехъ стилей не было вполнѣ изобрѣтеніемъ Ломоносова, но что въ немъ „наглядно выражается вліяніе древнихъ писателей, допускавшихъ три способа выраженія для трехъ основныхъ требованій и цѣлей ораторской рѣчи. Такое же раздѣленіе находимъ и въ риторикахъ пятнадцатаго, семнадцатаго и восемнадцатаго столѣтій“. [4]) Далѣе ак. Сухомлиновъ приводитъ соотвѣтствующія выдержки изъ 1) Квинтиліана (Inst. Or. XII, 10), 2) Авла Геллія (N. A. VII, 14), 3) Rollin'a, „De la manière d'enseigner et d'étudier les belles lettres“, 1736 (II, 64 sqq.), 4)Buffier, „Grammaire françoise“, 1714. (p. 50, 93, 325), 5) рукописной латинской риторики 1734 г. (Рум. Муз № 279, л. 78), 6) рукописной же риторики на русскомъ языкѣ 1733—34 г. (И. И. Б. № 1663, л. 195 об. слѣд.) и 7) „Теоріи краснорѣчія“ Галича, 1830 г. (64—66). Авторъ примѣчаній не указываетъ однако, видитъ ли онъ ближайшій и непосредственный источникъ Ломоносова въ положеніяхъ, высказанныхъ античными теоретиками, или въ западно европейскихъ сочиненіяхъ по риторикѣ, или наконецъ въ русскихъ риторикахъ (независимо отъ того, на латинскомъ или русскомъ языкѣ онѣ писаны); не говоря, конечно, здѣсь о Галичѣ, какъ писателѣ много позднѣйшемъ, который и самъ могъ быть подъ вліяніемъ Ломоносова въ данномъ случаѣ, замѣчу, что и нѣкоторыя другія указанія ак. Сухомлинова не могутъ быть поняты въ смыслѣ ука-

[1]) Сочиненія Ломоносова, изд Ак. н., IV, 225—232.
[2]) Написано „не ранѣе 1755 г.“ См тамъ же
[3]) Примѣчанія акад. М. И. Сухомлинова, 235.
[4]) Тамъ, же 238

занія такого непосредственнаго источника, такъ какъ приводимыя въ нихъ положенія не вполнѣ совпадаютъ съ ломоносовскими: различеніе античными грамматиками трехъ стилей (*uber*, *gracilis*, *mediocris* иначе: *subtilis*, *grandis* или *robustus* и *medius* или *floridus*) довольно близко, но не совсѣмъ то, что дѣленіе на *высокій*, *средній* и *низкій* стиль, и вытекаетъ изъ другого принципа [1]). не достоинства предмета рѣчи, а ея цѣли (научать, трогать или услаждать: docere, movere, delectare); именно въ новое время мы встрѣчаемъ тоже дѣленіе, что и у Ломоносова; сюда относятся 3, 5 и 6 цитаты ак. Сухомлинова; онѣ свидѣтельствуютъ объ извѣстности тѣхъ положеній, которыя мы находимъ у Ломоносова, въ его пору и на Западѣ и у насъ, въ преподававшихся въ духовной школѣ риторикахъ. Но цитаты ак. Сухомлинова изъ риторикъ довольно случайны; а къ тому же приведенныя мѣста изъ этихъ риторикъ и изъ Rollin'a опять таки не вполнѣ совпадаютъ съ Ломоносовскимъ ученіемъ. Они говорятъ спеціально о краснорѣчіи (стало быть о прозѣ) и не касаются поэзіи. Вообще акад. Сухомлиновъ указалъ только на сочиненія по риторикѣ и на значеніе, которое имѣю правило о трехъ стиляхъ для ораторской рѣчи и для ея теоріи [1]). Подобнымъ образомъ и, кажется, независимо отъ акад. Сухомлинова, о старой школьной риторикѣ, какъ источникѣ Ломоносовскаго ученія, вспомнилъ П И Житецкій [2]): „Весьма можетъ быть, что и самое раздѣленіе «Россійскаго языка» по стилямъ составилось подъ вліяніемъ риторики Ѳеофана Прокоповича, который въ Кіевской Академіи излагалъ своимъ слушателямъ ученіе о высокомъ, среднемъ и низкомъ слогѣ“ (почему только риторики именно Прокоповича? Школьныя руководства вообще другъ съ другомъ очень сходны, а указаній на то, что Ломоносовъ изучалъ именно его курсы, кажется, нѣтъ). Но разсужденіе Ломоносова имѣло значеніе и для теоріи поэзіи. Дѣло въ томъ, что Ломоносовъ распредѣлилъ по тремъ стилямъ различныя формы словесныхъ произведеній, и прозаическихъ, и поэтическихъ, и говоритъ о поэзіи больше, чѣмъ о прозѣ. Этими замѣчаніями о поэтическихъ формахъ разсужденіе Ломоносова входитъ въ исторію поэтики въ Россіи и является однимъ изъ первыхъ сочиненій на русскомъ языкѣ, касавшихся вопросовъ поэтики; перечень же литературныхъ формъ представляетъ одну изъ первыхъ попытокъ классификаціи этихъ формъ на русскомъ языкѣ. Я говорю: „на русскомъ языкѣ“, потому что латинскихъ курсовъ, преподававшихся въ духовныхъ школахъ, было и до Ломоносова

---

[1]) Хотя и есть термины grandis, medius, но они смѣшаны съ другими, которые занимаютъ болѣе видное мѣсто въ системѣ

[2]) Къ исторіи литературной русской рѣчи въ XVIII в (Изв Отд Р. яз. и слов Ак Н.,VIII [1903], 2, 31—32).

много (впрочемъ и эти курсы не печатались до изданія Георгіемъ Конисскимъ курса Ѳеофана Прокоповича). Въ виду этого мнѣ представляется правильнымъ сопоставить ученіе Ломоносова и съ предшествовавшими ему изложеніями теоріи поэзіи. Именно въ латинскихъ курсахъ старой теоріи поэзіи находило себѣ мѣсто и ученіе о трехъ стиляхъ, которое такимъ образомъ еще до Ломоносова входило въ составъ не только теоріи ораторской рѣчи, но и теоріи поэзіи. Не безъинтересно отмѣтить, что этой старой теоріи знакомо было и пріуроченіе стилей къ опредѣленнымъ поэтическимъ формамъ. Въ нѣкоторыхъ латинскихъ рукописныхъ курсахъ піитики, преподанныхъ въ свое время въ нашихъ духовныхъ школахъ, мы находимъ и ученіе о стиляхъ и указанное ихъ пріуроченіе.

Соотвѣтствующія положенія мы встрѣчаемъ въ школьной піитикѣ или въ связномъ изложеніи въ общей части курса или разбросанными среди разсужденій объ отдѣльныхъ поэтическихъ формахъ. Упомяну сперва о второмъ. Но прежде, для удобства сличенія, вкратцѣ напомню распредѣленіе, сдѣланное Ломоносовымъ. Высокимъ „стилемъ, по его теоріи, составляться должны Героическія Поэмы, Оды, прозаичныя Рѣчи о важныхъ матеріяхъ,“ среднимъ „театральныя сочиненія, въ которыхъ требуется обыкновенное человѣческое слово къ живому представленію дѣйствія [1]), стихотворныя дружескія письма, сатиры, склоги и елегіи. .; въ прозѣ... описанія дѣлъ достопамятныхъ и ученій благородныхъ;“ низкимъ—„комедія, увеселительныя епиграммы, пѣсни; въ прозѣ дружескія письма, описаніе обыкновенныхъ дѣлъ“ [2]).

Въ школьныхъ піитикахъ, какъ русскихъ, такъ и польскихъ (служившихъ для русскихъ образцомъ), мы находимъ указанія на многія изъ отмѣченныхъ Ломоносовымъ формъ, съ пріуроченіемъ къ нимъ и опредѣленнаго стиля (школьныя піитики и разсматривали литературныя формы по преимуществу со стороны внѣшней, стиля, стиха); стиль при этомъ и характеризуется между прочимъ по степени „высоты“. Укажу нѣсколько примѣровъ. Рукописный курсъ піитики 1687 г., „Curiae Bethleemicae“ [3]), говоритъ, напримѣръ, объ эпопеѣ, что въ ней elocutio *sublimior*; „Lyra“ [4]) (1696) по поводу комедіи: “elocutio comica nec ad Tragicam sublimitatem erigitur nec mimica humilitate praemitur, sed medium inter utrumque tenet, scilicet est facilis, apta, suavis, pura elegans, ornata, simplex, est *mediocris*“; по той же піитикѣ въ одахъ „elocutio debet esse sublimis,

[1]) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ эти произведенія допускается и высокій стиль.

[2]) Соч., IV, 228

[3]) Р-сь Кіево-Михайловскаго м-ря № 1729 (Н И Петровъ, Опись. р-сныхъ собраній, находящихся въ г Кіевѣ, II, № 499).

[4]) Того же собранія № 1719 (тамъ же, № 501].

tropicaplena motu". Въ XVIII. в. пиитика Лаврентія Горки [1]), „Idea artis poeseos" (1707) учитъ, что комедія пишется verbis tritis, тогда какъ трагедія—verbis *sublimibus*, въ одѣ, по ученію пиитики 1749 г., „Doctrina de arte poetica" [2]) стиль, какъ и въ эпопеѣ, *sublimis*, а въ сатирѣ —non est *sublimis* По пиитикѣ Митрофана Довгалевскаго, „Hortus poeticus" (1737), комедія „conficitur verbis jocosis, *vilibus*, usitatis figuraque infirma: tragedia vero verbis *sublimibus*, metaphoricis et figuris praestantissimis". по его же словамъ „elocutio lyricae poeseos" (т е оды) „debet esse *sublimis*, tropica, plena motu" (cfr „Lyra"); въ элегіи „debet esse tersa, lenis, ingenua, perspicua, *moderata*", въ буколической поэзіи— также *moderata* [3]). Я беру умышленно примѣры изъ различныхъ пиитикъ не позднѣе первой половины XVIII вѣка [4]); число примѣровъ можно бы умножить; но большій интересъ представляютъ, на мой взглядъ, тѣ курсы, которые даютъ систематическое и связное изложеніе ученія о стиляхъ примѣнительно къ поэзіи. Его я также могу указать въ нѣкоторыхъ школьныхъ пиитикахъ XVII и начала XVIII вѣка Такъ, „Methodus vulgata Poeticae" даетъ это изложеніе въ обстоятельномъ видѣ, въ главѣ „De genere et stylo loquendi metrice" (l. I., c 9.). стиль различается *sublimis*, *infimus*, *medius*; sublimis употребляется тогда, „quando poeta in describenda aliqua re gravi utitur selectis usque sonantioribus verbis et sententiis gravioribus". infimus „fere a trito et vulgari loquendi modo non recedit": medius—„inter sublimem et infimum medium tuetur" [5]): этотъ стиль—„plerisque tum oratoribus cum poetis usitatissimus" [6]). Примѣры изъ болѣе раннихъ курсовъ дадутъ ученіе о стиляхъ вмѣстѣ съ ихъ пріуроченіемъ къ опредѣленнымъ формамъ поэзіи. Въ Кіевской пиитикѣ конца XVIII вѣка, „Rosa inter spinas" [7]), въ первомъ же отдѣлѣ (pars I, aculeus 1., folium 1.) находимъ разсужденіе De stylo; въ немъ говорится, что стиль можетъ быть троякій: 1) *humilis*, иначе tenuis, infimus;

---

[1]) Р-сь К Дук. Акад, о 4. 7 (Н II *Петровъ*, Опис. р-сей Церк.-Археол. Музея при К. Д. Акад., № 420)

[2]) Р-сь И. П. Б-ки, разнояз, Q XIV № 66 (И. А. *Бычковъ*, Каталогъ собранія р-сей П. И Савваитова, II, № 76).

[3]) Р-съ Кіевск Дух. Семин. VIII 1. 91 (тамъ же, I, № 261)

[4]) Въ болѣе позднее время мы продолжаемъ встрѣчаться въ пиитикахъ съ этими положеніями Байбаковъ, наприм, въ своихъ „Правилахъ пиитическихъ" (1774), писанныхъ для Московской Академіи, но принятыхъ и въ другихъ школахъ, говорилъ объ элегіи, что она „стиль должна имѣть *средственный*, ни чрезмѣрно *высокій*, ниже весьма *низкій*" (изд. 4, 1790 г., 53).

[5]) Припомнимъ, что и у Ломоносова не вполнѣ ясно опредѣлены особенности именно *средняго* стиля

[6]) Р-сь Кіево-Печерской Лавры № 100 (Н. И. *Петровъ*, н. соч, II № 323)

[7]) Р-сь Кіевск Дух Сем VII 1 83 (тамъ же, I, № 237)

2) floridus, иначе *medius*, mediocris, temptatus (срв. выше терминъ moderatus); 3) *sublimis*, иначе *supremus*, maximus Это дѣленіе, какъ и у Ронсленя, соединяется съ античнымъ: низкій слогъ употребляется, гдѣ нужно docere, средній—delectare, высокій—movere (срв и 5-ю изъ указанныхъ цитатъ М. И Сухомлинова. Къ этимъ замѣчаніямъ добавлены указанія на сферу примѣненія каждаго стиля: сферу перваго составляютъ „fabulae leviores, eclogae, comediae, epigrammata, epistulae“. для средняго назначаются „laudes [1]), gratulationes, narrationes rerum laetarum, elegiae, georgica, epistulae aliquae selectiores, historiae, fasti“; для высокаго tragicae res, tristes, magni momenti. Но еще большую близость къ Ломоносовскому изложенію представляетъ самый старый изъ дошедшихъ до насъ школьныхъ курсовъ пиитики, пиитика 1637 г [2]). во 2-й ея главѣ устанавливаются три стиля *humilis*: *sublimis* et floridus, *mediocris*. „Ratione styli, говоритъ авторъ, trifaria discreta videas poemata alia siquidem scribuntur stylo humili, qualem in Eclogis videre est: alia sublimi et florido, quo Virgilii Aeneis et Thebais Statii conscripta, alia demum mediocri, quo Epistolae, Odae, Elegiae, Epigrammata constant“.

Такимъ образомъ несомнѣнна широкая извѣстность теоріи трехъ стилей. съ указаннымъ пріуроченіемъ, въ старой духовной школѣ, хотя и не всѣ школьныя пиитики развиваютъ ее систематически.

Что касается вопроса объ источникѣ, откуда почерпнули это ученіе школьные теоретики, то его слѣдуетъ искать у западныхъ теоретиковъ не XVII, а XVI вѣка, въ такъ наз. „піитикѣ Возрожденія“ [3]) (поздняго, конечно); на относящіеся сюда трактаты и ссылаются очень часто школьные теоретики: нѣмецкіе, польскіе, потомъ, по слѣдамъ послѣднихъ, русскіе. Такъ у іезуита Понтана мы читаемъ „de tribus dicendi characteribus, sublimi, infimo et medio“ [4]). Правда, упомянувъ о стиляхъ, Понтанъ не развиваетъ систематически ученія о нихъ, но ниже, при изложеніи теоріи отдѣльныхъ поэтическихъ формъ, онъ пріурочиваетъ къ нимъ извѣстные стили. по поводу комедіи мы читаемъ, что „dictio comica nec ad tragicam *sublimitatem* assurgit, nec ad *humilitatem* mimicam descendit.... facilis,

---

[1] Эти „laudes“ объясняются изъ словъ Ломоносова: вѣроятно, это не оды или похвальныя слова, а „описанія дѣлъ достопамятныхъ и ученій благородныхъ“

[2]) Р-сь Кіев Софійскаго собора, № 482.

[3]) О ней свѣдѣнія, напр, въ книгѣ: K. *Borinski*, Poetik d Renaissance u. die Anfange d. literarischen Kritik in Deutschland Berl 1886.

[4]) Poeticarum Institutionum lib. I, c. 11 (ed. 2, Ingolstadii, 1597, p 36) Правда, идея различныхъ стилей перешла и въ позднѣйшую литературу: мы встрѣчаемъ понятія благороднаго и высокаго, какъ и низкаго стиля въ теоретическихъ и критическихъ сочиненіяхъ так наз. ложно-классическаго направленія, укажу для примѣра хотя бы L' Art Poétique Буало или, позднѣе, примѣчанія Вольтера къ трагедіямъ Корнеля.

aperta, suavis, pura, elegans, simplici et *mediocri* ornatu“ [1]): трагедія „dictionem habebit a quoti diana loquendi consuetudine remotam, magnificam...., sublimem“ [2]); въ элегіи—„oratio tersa..., morata, tenera“ [3]). Названный авторъ является однимъ изъ главныхъ авторитетовъ для учебниковъ піитики, какъ польскихъ, такъ и русскихъ. послѣдніе, по слѣдамъ первыхъ, читали и цитировали его и непосредственно.

Въ классической литературѣ отдаленный источникъ даннаго ученія скорѣе, чѣмъ въ указанныхъ цитатахъ изъ Квинтиліана, можно предполагать въ посланіи Горація „De arte poetica“, въ которомъ мы хотя и не найдемъ систематическаго ученія о стиляхъ и ихъ распредѣленіи, не найдемъ и указанія на три именно стиля, но подобно нѣкоторымъ поименованнымъ выше школьнымъ курсамъ найдемъ указанія на понятіе высоты слога, какъ критерій его различія, и притомъ именно въ примѣненіи къ извѣстнымъ видамъ поэзіи.

Versibus exponi tragicis res comica non vult
Indignatur item *privatis*, ac *prope socco*
Dignis carminibus narrari coena Thyestae...
Interdum tamen et vocem comoedia *tollit*
Iratusque Chremes *tumido* delitigat ore;
Et tragicus plerumque dolet sermone *pedestri*
Telephus, et Peleus .

Авторитетъ Горація въ теоріи поэзіи и Возрожденія, и ложно-классической, и школьной—дѣло общеизвѣстное; онъ былъ непререкаемъ едвали не до Лессинга

Приведенныя выдержки достаточно, думаю, свидѣтельствуютъ о близости указанныхъ теоретическихъ положеній Ломоносова къ старой теоріи словесности, и риторикѣ и піитикѣ: для героической поэмы вездѣ, и у Ломоносова, и въ старой піитикѣ, назначается высокій стиль: для оды—почти вездѣ высокій: для элегіи—средній; для буколической поэзіи—средній; для трагедіи—у Ломоносова высокій и средній, въ школьной піитикѣ—высокій. для комедіи—низкій; для эпиграммы—низкій; для эпистолярной формы—средній и низкій, смотря по содержанію. Тѣмъ самымъ мы получаемъ право указать съ бо́льшей точностью ближайшій источникъ Ломоносова въ данномъ случаѣ. Ломоносовъ самъ прошелъ духовную школу, въ которой именно и излагались и внушались соотвѣтствующіе взгляды: тамъ, конечно, онъ и усвоилъ ихъ. Правда, указанные мною курсы почти

[1]) O c l II, c. 14 (p. 99). Эти слова почти буквально повторены въ приведенной выше выдержкѣ изъ курса піитики „Lyra“.

[2]) Ibid, c. 19. (p. 111—112); въ 20-й главѣ упоминаются „verba sublimia“ трагедіи.

[3]) Ibid, d, c. 25 (p. 124).

всѣ—южно-русскаго происхожденія; но извѣстна зависимость московской Академіи, въ которой учился Ломоносовъ, и вообще духовной школы сѣверно-русской отъ кіевской; сохранившіяся руководства сѣверныхъ школъ держатся вообще тѣхъ же понятій, что и южныя. Н. С. Тихонравову принадлежала рукописная піитика, подъ заглавіемъ „Clavis Poetica“, представляющая курсъ, читанный въ Московской Академіи учителемъ Ломоносова, Ѳедоромъ Квѣтницкимъ [1]) Къ сожалѣнію, я не могъ ознакомиться съ этою рукописью, такъ какъ библіотека Тихонравова пока еще не стала общественнымъ достояніемъ. Но краткихъ указаній Тихонравова достаточно, чтобы заключить о согласіи курса Квѣтницкаго (содержащаго риторику и піитику) съ кіевскими руководствами Возможно, что и съ ученіемъ о стиляхъ познакомилъ Ломоносова именно этотъ наставникъ: вліяніе его на „Риторику“ Ломоносова достаточно ясно охарактеризовано Тихонравовымъ.

Если впослѣдствіи Ломоносовъ читалъ подобныя же мнѣнія въ сочиненіяхъ западно-европейскихъ писателей, то въ этомъ случаѣ онъ встрѣчался съ ними, какъ съ давно ему уже знакомыми. Такимъ образомъ, мы можемъ думать, что въ своемъ ученіи о стиляхъ, въ частности въ примѣненіи этого ученія къ теоріи поэзіи и въ пріуроченіи стилей къ извѣстнымъ и прозаическимъ и поэтическимъ формамъ Ломоносовъ стоялъ на почвѣ старой теоріи, усвоенной имъ въ духовной школѣ и излагавшейся въ школьныхъ и риторикахъ и особенно піитикахъ.

Отсюда отчасти объясняется и вліяніе Ломоносовской теоріи: онъ освятилъ своимъ громаднымъ авторитетомъ и укрѣпилъ нѣчто такое, что уже было признаваемо и входило въ обиходъ литературныхъ понятій. Оттого этой теоріи легко было утвердиться въ нашей литературѣ, и утвердилась она вмѣстѣ съ тѣми уже оригинальными чертами, которыми была осложнена она у Ломоносова, эти собственно черты и составляютъ его заслугу. Какъ извѣстно, оригинальность Ломоносова заключается въ томъ, что онъ 1) примѣнилъ теорію трехъ стилей къ русскому языку, 2) различіе стилей обусловилъ лексическимъ составомъ рѣчи, разнообразнымъ отношеніемъ между церковно-славянскими и русскими „реченіями“.

А. П. Кадлубовскій.

[1]) *Тихонравовъ*, Соч. II, 151, III [2], 304—306.

Болгарская народная пѣсня объ освобожденіи.

Въ 1 № газеты „Марица“ (Пловдивъ, вторникъ 25-го Іюня 1878 г.), первой газеты, возникшей въ только-что освобожденной Болгаріи и издававшейся Хр Дановымъ подъ редакціей Г. Д. Начевича, была напечатана нашимъ дорогимъ и высокоуважаемымъ юбиляромъ записанная имъ лично съ голоса пѣвицы народная пѣсня, воспѣвающая освобожденіе Болгаріи Россіей и вступленіе русскаго войска въ Софію Какъ сложенная подъ живымъ впечатлѣніемъ дѣйствительныхъ событій, пѣсня эта представляетъ большой интересъ для изслѣдователей народнаго устнаго творчества. Здѣсь извѣстенъ авторъ пѣсни (Екатерина Божилова) и отмѣченъ взглядъ автора на возникновеніе въ его душѣ пѣсни (ей приснилась пѣсня) Въ высшей степени замѣчательно также то, это мысль пѣвицы, воспѣвавшей наличный фактъ, была настолько подавлена образами традиціоннаго творчества, что оказалась не въ силахъ отрѣшиться отъ нихъ. Подъ этимъ вліяніемъ дѣйствительность въ фантазіи пѣвицы преобразилось: явились на сцену герои стараго эпоса: Марко, „дитя,“ кузнецъ, семь королей и даже городъ Легенъ-Ледянъ, замѣнившій Софію. Послѣднія 18 строкъ интересны въ другомъ отношеніи Это народный гимнъ освободителямъ; поэтически описаны страданія, причинившіяся болгарамъ турками, впечатлѣніе, произведенное вступленіемъ русской гвардіи въ Софію, а въ заключеніе высказывается благодарность освободителямъ, соединенная съ молитвеннымъ обращеніемъ къ Богу

Перепечатываемъ эту пѣсню, согласно разрѣшенію М С. Дринова, вмѣстѣ съ его письмомъ къ редактору Марицы, съ напечатанными въ „Маріцѣ“ дополненіями, съ нѣкоторыми прибавленіями и съ сообщеннымъ М. С. Дриновымъ дополненіемъ одного стиха, пропущеннаго при печатаніи текста пѣсни въ „Маріцѣ“.

Господине Редакторе!

Пращамъ ви една нова народна пѣсень, която ми се случи да чуя прѣзъ миналий мѣсецъ Априлъ на хорото въ село Драголевци, край София и която незабавно си и записахъ тамъ. Проказа ми я една Драголевска

пѣснопойка на име Катерина Божилова. Като попитахъ пѣснопойката, дѣ е научила тая пѣсень, она ми отговори: „на сънѣ ми дойде“. Въ това ново произведение на нашата народна поезия, съ една достозабелѣжителна епическа сила се воспѣватъ съврѣменни събития, изказватсе съврѣменни народни чувства, та ми се чини, че обнародванието му би си имало мѣстото въ Вашия почтенъ Вѣстникъ. Ако благоизволите да го обнародвате, прѣдстойте, моля Ви, да се напечата така, както е написано, за да може да служи и като единъ паметникъ за запознаванье съ езикътъ на Софийскитѣ Българе.

Пловдивъ 1878.
Юлия 22.

Вашъ слуга
М. Дриновъ.

Нова народна пѣсень.

Рано рани Марко [1]) у неделя,
Рано рани на ковач да иде;
Среща му е дете премалено,
Па си Марку дете проговори
„Леле варяй, Марко добар юнак!
„Да каде си толку рано раниш,
„Рано раниш у света недѣля,
„Не си ишел у честита церква,
„Рано раниш пъти да си бпеш,
„Опште не си ручок обедовал?“
А Марко му потихо говори:
— Леле варяй дете премалено!
— Рано раним на ковач да идем,
— Да си стегнем мои тънки пушки,
— Да си надем моя остра сабля. —
— Девет годин кръви не е пила,
— А сега ке кръви да си пие:
— На Турци се царство достанало,

[1]) Въ 1876 г, во врѣмето на срѣднегорското възстание, по югозападнитѣ поли на Родопската планина се е приказвало, че нѣкакъвъ старецъ Марко ходилъ по тамошнитѣ села и проповѣдвалъ на селянетѣ да се вдигатъ срѣщу Турци, като имъ показвалъ нѣкакви си книги, въ които се ужъ писало, че на турското царство днитѣ са биле довършиле. За тоя легендаренъ Марко, види се, тука е рѣчьта.

— Девет годин [1]) ка се достанало, —
— И ним и нам у слово казува,
— На Турците царство да земеме,
— Да си стане се Бугарско царство,
— Да си стане редом кральевина . . .
Измина се десета година,
На Турци се царство не узима!
Проговори Марко добар юнакъ:
— Леле варяй дете премалено!
— Я си слези у Русийска земля,
— Та подкани до седем кральове, [2])
— Да си каниш и жалби да жалиш
— Да си каниш и сълзи да рониш,
— Што ни Турци на мъка туриха,
— Што ни Турци мъка измъчиха:
— Живи люгье у земля копаха,
— Живи люгье на огинь пекоха,
— Живи люгье на скелье сушиха,
— У година два даноци зимат, —
— Се си робье на мъка умреха.
Подканиха до седем кральове,
Подкани ги дете премалено,
Еден до друг хабер си пратиха,
За неделя войска испишаха, —
А я! За две—през Дунав минаха,
Та дохода у Легена града.
Конье им се—огледало лащат,
Със калпаци стрехи истрошиха,
Със маждраци чаршии разбиха,
Със бутуши калдаръм строшиха.
Ка видоха проклетите Турци,
Се бегаха у дол Саръмеше. [3])

---

[1]) „Девет годин“ е епическо опредѣление на едно много отдавнашно време. Наумѣте си, че съ подобенъ начинъ народната пѣсень опредѣлява и едно много далечно мѣсто:

Прѣз девет гори високи,
Прѣз девет води дълбоки.

[2]) Примѣненіе эпическаго образа 7-ми королей вызвано, вѣроятно, присутствіемъ на театрѣ военныхъ дѣйствій кромѣ Царя—Освободителя нѣсколькихъ великихъ князей.

[3]) Саръмеше е една долина, която се намира на югозападъ отъ София, край селото Владай.

Даде Господ слана и студове
Измързнаха Турци день до пладне
Проговори сичка Хрискяния.
„Да съ живи до седем краљове!
„Да съ живи до седем кральици!
„Што ни они на лесно туриха:
„Кой е горен, сега е оздравел,
„Кой е копан, низ земля пзлезнал,
„Кой е сушен, сега е оздравел
„Сетихме се у църква да идем,
„Сетихме се Бога да молиме,
„Сетихме се свещи да палиме".

Присоединяемъ и переводъ этой пѣсни, сдѣланный любезно М. П. Савиновымъ.

Очень рано Марко въ воскресенье
Къ кузнецу изъ дому путь направилъ.
Повстрѣчалъ онъ мудраго мальчика,
И мудрецъ тотъ съ нимъ разговорился:
„Марко, добрый молодецъ, послушай;
Ой зачѣмъ такъ рано ты проснулся,
На зарѣ въ честное воскресенье,
Не пошелъ ты во святую церковь,
А чуть свѣтъ пошелъ топтать дороги,
Не отвѣдавъ даже хлѣба-соли?"
И тихонько Марко такъ отвѣтилъ:
— „Ай, послушай ты меня, младенецъ!
Къ кузнецу иду я на разсвѣтѣ
Починить свое вооруженье,
Закалить свою острую саблю.
Девять лѣтъ она не знала крови,
А теперь ея напьется вдоволь:
Вѣдь конецъ пришелъ господству Турокъ,
Много-много лѣтъ оно тянулось..
Но не можно было предсказанье:
Царство Турокъ мы своимъ замѣнимъ,
У Болгаръ опять возникнетъ царство,
Вездѣ будетъ свое королевство".
Но вотъ уже десять лѣтъ проходитъ,
А у Турокъ царства не отняли.
Вновь промолвилъ слово юнакъ Марко:

— „Ай, послушай ты меня, младенецъ!
Во Святую Русь ты снаряжайся,
Королей семь ты зови на помощь,
Преклоняй ихъ жалобами, плачемъ,
Говори всѣмъ, проливая слезы,
Что насъ Турки вѣчно угнетаютъ,
Что насъ Турки предали мученьямъ:
Тѣхъ—живыми въ землю закопали,
Тѣхъ—живыми побросали въ пламя,
Тѣхъ—живыми жарили на солнцѣ
И каждый годъ брали по двѣ дани,
Всѣ рабами въ мукахъ умирали.“
Тронулись короли—семь ихъ было,
Послушались слезныхъ просьбъ младенца,
Разсылали вѣстниковъ другъ другу,
За недѣлю всѣ войска собрались,
А въ другую за Дунай перешли
И прибыли въ славный Легенъ городъ...
У нихъ кони блестятъ какъ зеркала,
А шапками посбивали крыши,
Копьями разнесли всѣ лавки.
Какъ видѣлъ то окаянный Турокъ,
Побѣжалъ въ долину Сарымеше.
И послалъ Господь тогда морозы,-
Турки всѣ до полдня позамерзли.
Христіане такъ тогда сказали:
„Да здравствуютъ крали многи лѣта!
Да здравствуютъ крали, королевы,
Что они намъ долю облегчили:
Кто горѣлъ изъ насъ, теперь сталъ здравымъ,
Кто въ землѣ закопанъ былъ,—поднялся,
Кто былъ въ пыткѣ, тотъ теперь очнулся.
Всѣ бросились во святую церковь,
Всѣ бросились благодарить Бога,
Всѣ бросились свѣчи святымъ ставить.

Къ вопросу о Параскевѣ-Пракседисъ, княжнѣ Полоцкой.

„Къ мѣстнымъ преданіямъ относится извѣстіе о княжнѣ Параскевѣ-Пракседисъ“, говоритъ г. И. А. Тихомировъ: „это передѣлка въ католическомъ духѣ житія преп. Евфросиніи Полоцкой“ [1]). Эти слова извѣстнаго изслѣдователя русскихъ лѣтописей вызываютъ невольное недоумѣніе, такъ какъ заключаютъ въ себѣ явное противорѣчіе. Дѣйствительно, если извѣстіе полнаго свода представляетъ мѣстныя преданія о Параскевѣ, то оно не можетъ быть „передѣлкой въ католическомъ духѣ житія преп. Евфросиніи Полоцкой“, а должно содержать совершенно самостоятельныя данныя, отсутствующія въ житіи преп Евфросиніи Если-же „это передѣлка въ католическомъ духѣ житія преп. Евфросиніи Полоцкой“ то отсюда прямо вытекаетъ, что извѣстіе о Параскевѣ отнюдь не представляетъ изъ себя мѣстнаго преданія, а является произведеніемъ какого-то позднѣйшаго книжника. Такимъ образомъ мы должны разрѣшить вопросъ, какое изъ приведенныхъ нами предположеній г. И. А. Тихомирова вѣрно и можетъ быть принято?

Мы не станемъ воспроизводить сдѣланное раньше сравненіе житій Евфросиніи и Параскевы, а напомнимъ только, что они почти тождественны между собой въ разсказѣ объ обстоятельствахъ жизни обѣихъ святыхъ [2]). Второе житіе отличается отъ перваго лишь въ слѣдующихъ пунктахъ

Житіе преп. Евфросиніи [3]).	Житіе св. Параскевы [4]).
Е.—дочь Святослава-Георгія.	П.—дочь Рогволода-Василія.
Е подъ конецъ жизни отправилась въ Іерусалимъ.	П. подъ конецъ жизни „зобралася до Рима“.
Е. умерла въ Іерусалимѣ	П. умерла въ Римѣ.
Е. похоронена въ монастырѣ Пресв. Богородицы.	П. погребена въ костелѣ Параскевы-Пракседисъ, построенномъ въ ея честь.

[1]) О составѣ западно-русскихъ, такъ-называемыхъ литовскихъ лѣтописей (Жур Мин. Нар Пр, 1901 г, ч 334, с. 29, пр. 1). Ссылка автора на цитируемую ниже мою работу меня удивляетъ,—у меня нѣтъ ни слова о „мѣстныхъ преданіяхъ“.

[2]) А Сапуновъ Католическая легенда о Параскевѣ, княжнѣ Полоцкой. Витебскъ 1888, с. с 35—42 и наша работа-Очеркъ исторіи Полоцкой земли до конца XIV столѣтія К 1896, с. с. 241—244.

[3]) Памятники старинной русской литературы, изд. гр. Кушелевымъ-Безбородко В. IV. Спб 1862, с с 172—179. Книга Степенная царскаго родословія. Ч. I. М. 1775, с с. 269—282.

[4]) T. Narbutt Pomniki do dziejów Litewskich. Wilno. 1846, p. 5. Stryikowski Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiéj Rusi. Warszawa 1846, t I, p p. 242—243 u t II, p. 540.

Конечно, несомнѣнная склонность западно-русскихъ лѣтописей изображать судьбы Литвы и Зап. Руси въ католическомъ духѣ вполнѣ объясняетъ, какъ житіе Параскевы разошлось въ концѣ со своимъ первоисточникомъ-житіемъ преп. Евфросиніи. Но здѣсь остаются неясными нѣкоторые вопросы относительно другихъ источниковъ житія Параскевы, если таковые были у составителя полнаго свода. Мнѣ кажется, что составитель полнаго свода пользовался, кромѣ житія преп. Евфросиніи, еще однимъ источникомъ, сходство съ которымъ отмѣтилъ уже Стрыйковскій Въ житіи Параскевы сказано, что она умерла въ Римѣ, погребена въ костелѣ, построенномъ въ ея честь и почитается святой подъ именемъ Пракседисъ. Но уже Стрыйковскій указалъ, что о Параскевѣ-Пракседисъ Полоцкой, которая умерла бы въ Римѣ, онъ ничего не могъ узнать, но зато ему извѣстна распространенная легенда о преп Пракседисъ, дочери Прудента Римлянина [1]) Врядъ ли будетъ смѣлостью предположить, что составитель житія Параскевы-Пракседисъ, заимствовавшій его содержаніе почти цѣликомъ изъ житія преп. Евфросиніи, въ концѣ воспользовался распространенной въ католическомъ мірѣ легендой о преп. Пракседисъ Римской, чтобы придать своему произведенію желательный ему характеръ. Правда, не совсѣмъ ясно, откуда составитель полнаго свода заимствовалъ имя Параскевы. Но на это имѣются указанія въ его житіи Параскевы Полоцкой: онъ отождествляетъ Пракседисъ съ Параскевой, считая послѣднее имя русскимъ переводомъ перваго [2]). Между тѣмъ память Пракседисъ Римской чтится 26 іюля [3]), и въ тотъ-же день православная церковь чтитъ память прпдмуч. Параскевы [4]). Поэтому нѣтъ необходимости объяснять имя Параскевы, вслѣдъ за г. Сапуновымъ, изъ Евпраксіи, встрѣчающейся въ житіяхъ преп. Евфросиніи Полоцкой и блгв. Евпраксіи Псковской [5]), такъ какъ оно могло произойти отъ отождествленія прпдмуч. Параскевы съ преп. Пракседисъ Римской. Такимъ образомъ мы считаемъ себя въ правѣ повторить высказанное нами раньше мнѣніе, что данныя полнаго свода о Параскевѣ Полоцкой, служащія источникомъ всѣхъ другихъ извѣстій о ней, представляютъ въ основной части передѣлку житія преп. Евфросиніи, которое пополнено немного позаимствованіями изъ легенды о преп. Пракседисъ Римской, благодаря чему житіе Параскевы получило уніатскій характеръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ житіе Параскевы Полоцкой, какъ явствуетъ изъ сказаннаго сейчасъ, не содержитъ никакихъ мѣстныхъ преданій, представляя

[1]) Stryjkowski, p p. 242—243.
[2]) Narbutt, p 5
[3]) Stryjkowski. p 243
[4]) Полный мѣсяцесловъ всѣхъ празднуемыхъ православною греко восточною церковью святыхъ. Изд. 14. Спб. 1831, с 54 Ср. также А Сапуновъ, ор с, с с 29—34.
[5]) А. Сапуновъ, с с. 38—39

просто одинъ изъ позднѣйшихъ книжныхъ вымысловъ [1]). Конечно, появленіе подобнаго произведенія въ эпоху составленія полнаго свода [2]) станетъ вполнѣ понятнымъ, если вспомнить, что въ это время католическая пропаганда въ Литвѣ и Зап. Руси постепенно возрастаетъ, подготовляя умы православныхъ къ уніи.

Теперь остается только отвѣтить на вопросъ, существовала-ли въ дѣйствительности Параскева, княжна Полоцкая, или она является столь-же вымышленной личностью, какъ и ея житіе? Уже характеръ житія Параскевы невольно наводитъ на мысль, что это-вымышленное лицо, такъ какъ у составителя полнаго свода очевидно не было никакихъ свѣдѣній о ней. Еще важнѣе въ этомъ отношеніи указаніе Стрыйковскаго, что о Параскевѣ Полоцкой ему не удалось добыть никакихъ подробностей [3]), причемъ столь-же безрезультатны были попытки и другихъ лицъ узнать что-нибудь большее объ этой святой [4]). Не пользовалась она, повидимому, почитаніемъ не только въ другихъ мѣстахъ Руси, но и въ Полоцкѣ [5]). Принимая во вниманіе все сказанное нами выше, мы полагаемъ, что Параскева, княжна Полоцкая, въ дѣйствительности никогда не существовала и вымышлена составителемъ полнаго свода, какъ и тѣ полоцкіе князья, которыхъ перечисляетъ онъ въ качествѣ ея предковъ.

В. Е. Данилевичъ.

Харьковъ.
17 января 1904 года.

---

[1]) Очеркъ ис Пол. зем., с. 244, ср также А Сапуновъ, с.с. 41—42. Н Дашкевичъ Замѣтки по исторіи Литовско-русскаго государства К 1885, с.с. 20—21

[2]) И А Тихомировъ, с с. 27—28 В. Б Антоновичъ Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи. К. 1885, с. 14.

[3]) Stryjkowski, p. 242.

[4]) А Сапуновъ, с с. 7—26.

[5]) Въ извѣстныхъ трудахъ по агіографіи г Барсукова и арх Леонида ея нѣтъ совсѣмъ Правда, она упоминается въ 1-мъ изданіи „Полнаго Мѣсяцеслова Востока“ архіеп Сергія (2-го изданія я не имѣлъ подъ руками), но въ качествѣ сомнительной святой, на основаніи труда Папеброхія „Ephemerides Greco-Moscae“, свѣдѣнія котораго восходятъ въ въ концѣ концовъ къ тому же первоисточнику-западно-русской лѣтописи.

Историческіе памятники города Адули (въ Африкѣ) въ лицевыхъ рукописяхъ сочиненія Козьмы Индикоплова.

Сочиненіе Козьмы Индикоплова имѣетъ весьма важное значеніе, какъ выдающійся спеціальный памятникъ въ исторіи византійской литературы, а по миніатюрамъ, украшающимъ его и извѣстнымъ намъ по дошедшимъ до насъ греческимъ рукописямъ и русскимъ—въ исторіи византійскаго и древне-русскаго искусствъ, но онъ имѣетъ такое же значеніе и по нѣкоторымъ спеціальнымъ матеріаламъ, заключающимся въ немъ Въ настоящей статьѣ мы обратимъ вниманіе только на матеріалъ одного рода--это описаніе и иллюстраціи замѣчательныхъ и имѣющихъ выдающійся историческій интересъ памятниковъ, извѣстныхъ только благодаря сочиненію Козьмы Индикоплова, который ихъ видѣлъ и описалъ, такъ какъ они не дошли до насъ, или по крайней мѣрѣ еще не открыты. Мы разумѣемъ памятники города Адули (въ Африкѣ).

Описаніе ихъ имѣется во второй книгѣ сочиненія Козьмы [1]), гдѣ онъ, между прочимъ, сообщаетъ интересныя свѣдѣнія объ южной Африкѣ, восполняющія тѣ, что извѣстны были, благодаря другимъ путешественникамъ, посѣтившимъ эту страну ранѣе Козьмы [2]). Наряду съ этими свѣдѣніями находимъ и тѣ, которыя трактуютъ о памятникахъ Адули.

„Въ Адулѣ [3]), приморскомъ городѣ Эѳіопіи, на разстояніи двухъ миль отъ моря, въ гавани принадлежащей народу Аксомитовъ, гдѣ также торгуемъ мы (говоритъ Козьма), купцы изъ Александріи и Элы, находится стоящее въ началѣ города на западной сторонѣ, *подлѣ дороги Аксомиса, мраморное кресло* одного изъ царствовавшихъ здѣсь Птоломеевъ, изъ отличнаго цѣннаго бѣлаго мрамора, изъ какого бываютъ бѣлые столы, не изъ проконесскаго. Основаніе оно имѣетъ квадратное и четыре тонкихъ малыхъ колонны на четырехъ углахъ и одна побольше посерединѣ, отдѣланная на подобіе веревки и поверхъ этихъ колоннъ сѣдалище и позади трона спинка, и справа и слѣва ручки; все кресло и основаніе и

[1]) *Migne*, Patr curs. Coml., Ser. gr, t. 88 (Κοσμα Αιγυπτιου μοναχου χριστιανινη τοπογραιφια), lib II, p. 101—109

[2]) *Gelzer*, Kosmas der Indienfahrer, Jahrbücher fur Protest. Theologie, 1883, 108 и сл

[3]) Теперь Цулла, южнѣе Массавы.

пять колоннъ, и сидѣніе и спины, и боковыя ручки—все изъ одного камня выдѣлано, имѣя всего $2^1/_2$ локтя; на подобіе такъ называемыхъ у насъ каѳедръ Сзади же сѣдалища стоитъ другой мраморъ изъ Бассанитскаго камня трехъ локтей, четырехъ-угольный какъ статуя, голова которой по срединѣ остра, а по сторонамъ немного ниже, такъ что имѣетъ фигуру буквы Λ, все же тѣло четырехъ-угольное. Эта статуя теперь упала сзади сѣдалища; нижняя часть ея побилась и погибла. Весь же мраморъ и сѣдалище исписаны эллинскими письменами".... „Мы нашли сзади сѣдалища изсѣченными (изображенія) Геркулеса и Гермеса". Весьма важны для опредѣленія времени написанія имъ 2-й книги—хронологическія указанія, которыя дѣлаетъ Козьма по поводу описанныхъ памятниковъ. По словамъ Козьмы, онъ былъ въ этихъ мѣстахъ 25 лѣтъ тому назадъ въ началѣ царствованія Юстина, когда царь Аксомитовъ Елесбанъ задумалъ итти войной на Гомеритовъ [1]); по порученію начальника Адулы Козьмою и его спутникомъ монахомъ въ Раифу были списаны надписи для Елесбана; копіи съ этихъ надписей Козьма сохранилъ для себя и передаетъ ихъ въ данной книгѣ. На статуѣ надпись говоритъ о походахъ и завоеваніяхъ знаменитаго Птоломея, сына царя Птоломея и царицы Арсинои, потомка Геракла Зевсова съ отцовской стороны и Зевсова—Діониса—съ материнской. Указываются завоеванія въ Азіи (Мессопотаміи), подчиненіе Вавилона, Сузіаны, Персіи, Мидіи, и всего пространства до Бактріаны. Надпись на статуѣ, по словамъ Козьмы, не вся сохранилась, такъ какъ небольшая часть статуи была отбита. По мнѣнію Козьмы, надпись на креслѣ составляетъ какъ бы продолженіе надписи на статуѣ. Во второй надписи [2])

---

[1]) Въ примѣчаніяхъ, имѣющихся у Монфокона,—указывается, что походъ Елесбана, царя Аксомитовъ, на Гомеритовъ по Пагію (Pagi ad ann. 522 § V) былъ въ 522 году и если прибавить, какъ указываетъ авторъ, 25 лѣтъ, то книга оказывается написанной въ 547 году (*Migne*, 10) По *Caussin de Perceval*, Essai sur l'histoire des Arabes, I, 134, указанный походъ былъ въ концѣ 524 г. и т. о Козьма могъ написать 2-ую книгу въ 549/550, а не въ 547. *Gutschmid*, Kleine Schriften I, Lpzg. 1894 612 [2] *Vivien de saint Martin* въ ст Eclaircissements géographiques et historiques sur l'inscription d'Adulis et sur quelques points des inscriptions d'Axoum (*Journal Asiatique*, VI série, II, 1863, p. 342) полагаетъ, что время пребыванія Козьмы въ Адули можетъ варьировать между 519 и 521 г.г., Юстинъ вступилъ на престолъ въ 518 г. а Елесбанъ, король Эѳіопіи (Эла Атзбахъ), судя по хроникамъ, 518—521.

[2]) Объ надписи впервые изданы по Ватиканской рукописи Львомъ Аллаціемъ-Ptolomaei Eurgetae monumentum Aduliitanum, Romae 1631, переизданы во фрагментахъ Стефана Византійца Беркеліемъ въ 1674 году. По Лаврепіанской рукописи изданы Тевенеціемъ, Relation de divers voyages curieux, Paris, 1666, т I, повторены Споніемъ, Miscell erud. antiq. 1685, 358, переизданы далѣе нѣсколько разъ; имѣются въ Corpus inscriptionum graecarum, т. III (1848 г.), p. 508, № 5127 A и B, съ подробной библіографіей и примѣчаніями. Вторая надпись воспроизведена съ присовокупленіемъ перевода въ вышеуказанной статьѣ *Vivien de s Martin*, 345—347.

рѣчь уже идетъ не въ третьемъ лицѣ, а какой то владыка говоритъ отъ своего имени о своихъ завоеваніяхъ: „Затѣмъ, возмужавъ и приказавъ умиротворить ближайшіе къ моему царству народы, я началъ войну и покорилъ въ сраженіяхъ нижеименованные народы". Далѣе идетъ перечисленіе ихъ: Газа, Агама, Ава, Тіамо и т. д.—всего 23 народа, жившіе въ верхнемъ Нилѣ и отъ границъ его царства до Египта; перейдя Красное море, покорилъ многочисленные арабскіе народы. Владыка далѣе благодаритъ Ареса, и разсказываетъ, что, умиротворивъ всю подчиненную ему землю, онъ отправился въ Адулу принести жертву Зевесу, Аресу и Посейдону за находящихся въ плаваніи: „собравъ же свои войска на этомъ мѣстѣ, замѣчаетъ онъ, поставилъ это кресло, памятникъ Аресу въ лѣто царствованія моего 27". Пояснивъ въ примѣчаніи названіе нѣкоторыхъ народностей, упомянутыхъ въ надписи, онъ прибавляетъ, что предъ кресломъ казнятъ преступниковъ, что изъ всего сообщеннаго имъ можно познать въ точности относительно ширины земли отъ гиперборейскихъ мѣстъ до Сазу и ладоносной Барбаріи и что она не болѣе 200 ночлеговъ.

Слѣдующее затѣмъ примѣчаніе Козьмы посвящено Птоломею, о которомъ, по его мнѣнію, рѣчь идетъ въ обѣихъ надписяхъ. „Этотъ Птоломей, говоритъ онъ, одинъ изъ тѣхъ Птоломеевъ, которые царствовали послѣ Александра Македонскаго. Это—одинъ изъ прежде царствовавшихъ: или Филометоръ, или младшій Евергетъ, или царствовавшій передъ послѣдней Клеопатрой, прозванный сыномъ Діониса, ибо тѣ царствовали болѣе 27 лѣтъ и сами они потомки первыхъ царей Птоломеевъ" [1]).

---

[1]) Мнѣніе Козьмы о томъ, что надпись на креслѣ составляетъ продолженіе надписи на столбѣ не принимается новѣйшими изслѣдованіями одной и другой До Салта и Нибура именно держались его мнѣнія и это возбуждало рядъ недоумѣній: въ первой надписи король –отпрыскъ Геракла и Вакха, во второй Ареса; по общему признанію Птоломеи 1-ой надписи—Птоломей III Эвергетъ, который управлялъ съ 247—222, т е. 25 лѣтъ, а во 2-й надписи указываются событія въ 27-й годъ его правленія.

Въ 1809 г было издано путешествіе виконта Валенція вмѣстѣ съ дневникомъ Салта изъ его абессинскаго путешествія; здѣсь находится копія съ одной греческой надписи, (Lord *Valentia*, Travels in India etc. vol III, p 192. У *Bek'a*, Corpus inscriptionum graecarum, III, 1853, p. 515 См подробно у *Vivien de S. Martin*, O с. 364), найденной въ Аксуми, древней резиденціи Негуса Негести Эѳіопскаго; въ ней замѣчается удивительное сходство съ надписью на тронѣ. Айзанасъ, король Аксомитовъ и Гомеритовъ (горныхъ Арабовъ) носитъ тотъ же титулъ, какъ и Адулитскій король и называетъ себя сыномъ непобѣдимаго Ареса. Послѣ счастливой экспедиціи противъ народа Бугаитовъ онъ воздвигаетъ непобѣдимому Аресу одну золотую, одну серебряную и три мѣдныхъ статуи „для хорошаго успѣха". Указанная надпись объясняетъ достаточно, что надпись на креслѣ не составляетъ продолженія надписи на столбѣ, и что она принадлежала абессинскому королю, имя котораго, съ сожалѣнію, неизвѣстно Vivien de S Martin полагаетъ возможнымъ отнести надпись къ королю Ела-Аудѣ, правившему отъ 101—131 г. по Р. Х. (ук ст, 361,

Кромѣ этого, Козьма говоритъ, что это одинъ изъ тѣхъ Птоломеевъ, о которыхъ Даніилъ пророчествовалъ во „снѣ Навуходоносора“ [1]) и „видѣніи четырехъ звѣрей“ [2]).

Памятники, описанные такъ подробно Козьмою, изображены слѣдующимъ образомъ въ рукописяхъ.

Въ Ватиканской рукописи (л. 12 об.) иллюстраторъ (см. рис. 1-й) прежде всего обозначилъ границы Аксомитскаго царства въ Эѳіопіи, помѣтивъ согласно указанію текста, слѣва (т. е. на западѣ) море [3]) (красное), въ видѣ голубой полосы, расширяющейся по направленію къ низу: темно-голубая и темно-зеленыя струи словно пряди волосъ; выше, у начала моря, онъ помѣщаетъ городъ, собственно таможню Габадзу, не указанную въ текстѣ— „Τελωνον Γαβαζας“ въ видѣ ограды, съ башнями и воротами и внутри ея купольное зданіе. Ниже, недалеко отъ моря городъ Αιδουλις, и въ самомъ низу Σαμιδι, также не указанный, какъ и Габадзосъ. На правой сторонѣ представлена столица Аксомитскаго царства—Αξωμις въ томъ же типѣ города. Для того же обозначенія границъ вверху указанъ между предѣльными городами Адулисомъ и Аксомисомъ путь, отмѣчаемый въ текстѣ; но это обозначеніе сдѣлано главнымъ образомъ при посредствѣ надписи. οδος απαγουσα απο αδουλεως εις αξωμιν; иллюстраторъ не представилъ почвы и эѳіопы, идущіе по этому пути, изображены на естественномъ фонѣ рукописи; ступни ихъ ногъ поставлены въ воздухѣ, но они какъ будто ступаютъ по землѣ—пріемъ живописи, ведущей свое происхожденіе отъ античнаго искусства [4]).

Два эѳіопа держатъ у праваго плеча копья и простираютъ впередъ лѣвую руку; третій передній несетъ на плечѣ копье съ знаменемъ.

Указавъ т. о. границы мѣста, гдѣ находились памятники, художникъ, сообразно съ показаніями автора, помѣщаетъ въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ эти памятники, не далеко отъ дороги: по неумѣнію справиться съ требованіями перспективы онъ изображаетъ ихъ внизу дороги, и при этомъ придаетъ имъ несоотвѣтствующую остальнымъ предметамъ величину,

363). *Dillmann*, Ueber die Anfange des Axumitischen Reiches (Abhandl. der Konigl. Akademie der Wissenchaften zu Berlin. Berlin, 1879, 200 и сл.) выводитъ изъ надписи, что виновникъ ея не былъ первымъ королемъ Аксумы, но основателемъ Аксумитскаго царства. Авторъ не соглашается съ мнѣніемъ Вівіена де С. Мартена и полагаетъ, что памятникъ древнѣе извѣстнаго Перипла, показанія котораго относительно Африки имѣютъ рѣшающее значеніе въ вопросѣ о времени Адулитанской надписи; время же Перипла относится къ 75 г до Р. Х (стр. 194). Высказывавшіяся сомнѣнія въ достовѣрности первой надписи, переданной Козьмой о Птоломеѣ III-мъ, болѣе не повторяются (*Geltzer*, Kosmas der Indienfahrer 120).

[1]) II, 31—44.

[2]) VII глава

[3]) Изображеніе его пояснено надписью.

[4]) *Д. Айналовъ*, Эллинистическія основы, 29.

Рис. 1. Адулитанскіе памятники на миніатюрѣ Ватиканскаго списка Козьмы Индикоплова (л. 12 об.).

явно тѣмъ указывая, что они собственно составляютъ главную задачу данной его иллюстраціи.

Слѣва ближе къ Адулису изображенъ прямоугольникъ, уголъ котораго внизу справа неправильной формы, ущербленъ, что отмѣчено и Козьмою въ словахъ „нижняя часть статуи побилась и погибла".

Вверху прямоугольникъ заканчивается треугольникомъ; т. е. тѣмъ что имѣетъ, по описанію Козьмы, фигуру буквы Δ.

Такимъ образомъ передъ нами, очевидно, плита посвятительная, оканчивающаяся на передней сторонѣ треугольникомъ. Авторъ довольно неясно описываетъ внѣшнюю форму памятника; послѣдній, по его словамъ, четырехъугольный, и похожъ на статую, голова которой вверху остра, а по сторонамъ ниже, такъ что имѣетъ фигуру буквы Δ.

Если бы иллюстраторъ передалъ въ своемъ рисункѣ только эту плиту, (весьма обычную по формѣ въ извѣстныхъ памятникахъ этого рода [1]), то описаніе его не вызывало бы недоумѣній, но въ рисункѣ кромѣ плиты представлена поверхъ ея статуя и такимъ образомъ указанное замѣчаніе о формѣ верхней части плиты можетъ быть относится къ статуѣ. Указаніемъ на то, что статуя была въ дѣйствительности, могутъ служить слова автора передъ рисункомъ: „вотъ каково сѣдалище, вмѣстѣ съ нимъ *мраморъ и самъ Птоломей*" [2]· подъ мраморомъ здѣсь разумѣется, полагаемъ, плита, а подъ Птоломеемъ статуя. Надпись, сдѣланная въ рисункѣ на плитѣ· Βασιλευς μεγας Πτολεμαιος, можетъ столько же относиться къ обозначенію изображеннаго въ статуѣ лица, сколько и къ началу той большой надписи, которая была изсѣчена на плитѣ.

Статуя представляетъ собой пожилого человѣка, стоящаго на плитѣ; онъ повернулъ голову немного вправо, держитъ въ приподнятой правой рукѣ копье и опирается на него, а въ лѣвой малиноваго цвѣта щитъ; туловище его не прикрыто одеждой, за исключеніемъ ногъ, на которыхъ короткіе брюки и обувь; на головѣ родъ повязки изъ платка. Лицо и тѣло шеколаднаго цвѣта, какъ у эѳіоповъ; фигура тушевана перспективно съ разсчетомъ на рельефъ и съ обозначеніемъ мускулатуры. На сколько рисунокъ вѣрно передаетъ оригиналъ, трудно сказать, но изображеніе императора въ такомъ видѣ, какъ здѣсь, повидимому, не обычно въ памятникахъ античнаго искусства; скорѣе въ этомъ рисункѣ можно видѣть шаблонное воспроизведеніе „языческихъ" статуй, усвоенное византійскимъ искусствомъ, чѣмъ точную передачу оригинала.

---

[1]) *Latischew* Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Petropoli, 1885, I, tab II, № 8.

[2]) Ἔστιν οὖν ὁ δίφρος καὶ τὸ μάρμαρον ἅμα οὕτως, καὶ αὐτὸς ὁ Πτολεμαῖος (*Migne*, 103).

Изъ изображеній въ миніатюрѣ городовъ наилучше сохранился Адулисъ. Онъ, какъ говорили уже, представленъ въ видѣ ограды, состоящей на переднемъ планѣ изъ воротъ, двухъ прямоугольныхъ башенъ по сторонамъ и купольнаго зданія внутри ограды, ниже купола стѣна съ окнами въ два этажа, изъ коихъ нижній длиннѣе, опирается отчасти на башни; надъ башнями, повидимому, небольшіе купола. Башни голубымъ цвѣтовъ, начиная съ права: блѣдноголубого, среднеголубого, среднеголубого и блѣдноголубого съ примѣсью чернила. Сплошнымъ золотомъ отмѣченъ чердакъ, окна, наличники дверей.

Полихромность зданій отмѣчается, какъ увидимъ, въ другихъ рукописяхъ Козьмы съ изображеніемъ городовъ: въ Лавренціанскомъ Адулисъ—голубого цвѣта, Аксомисъ—розоваго, въ Смирнской одинъ желтаго, другой краснаго (съ синимъ верхомъ).

Впереди плиты со статуей изображенъ другой Адулитанскій памятникъ—мраморное кресло, неправильно называемое Козьмой Индикоплювымъ „кресломъ Птоломея“ (θῤρος Πτολεμαικος), надпись котораго онъ считалъ продолженіемъ надписи на „статуѣ“. Какъ указывали выше, въ научной литературѣ доказано, что оба памятника не представляютъ между собой ничего общаго для пріуроченія ихъ къ одному имени. 1-й памятникъ возвигнутъ въ честь Птоломея 3-го Евергета и при томъ, вѣроятно, не имъ самимъ, а по иниціативѣ какого либо начальника той экспедиціи, во главѣ которой, по порученію Птоломея, стоялъ и о которой идетъ рѣчь въ надписи. „Сказанная надпись, говоритъ Дройзенъ, упомянувъ о великихъ завоеваніяхъ въ Азіи по ту сторону Евфрата и Тигра, затѣмъ продолжаетъ: „царь отправилъ несмѣтную добычу въ Египетъ и послалъ войска по каналамъ“ (Евфрата и Тигра): тутъ не сказано, куда именно, можно только предполагать, что они были посланы въ Персидскій заливъ и кругомъ Аравіи какъ разъ къ упомянутымъ мѣстамъ Эѳіопскаго берега: такимъ образомъ само собою объяснилось бы, почему именно здѣсь встрѣтилась такая надпись, по тону которой видно, что ее начерталъ не царь, а вѣроятно начальникъ экспедиціи“ [1]). 2-й памятникъ какъ указывалось раньше, воздвигнутъ ассумитскимъ корольком II-го, или I-го вѣка до Р. Х. въ воспоминаніе о его походахъ и завоеваніяхъ. Памятникъ, судя по замѣчанію Козьмы Индикоплова, находился на выдающемся мѣстѣ въ городѣ, такъ какъ предъ нимъ, по крайней мѣрѣ въ его время, совершалась казнь преступниковъ. Согласно описанію Козьмы—мраморное кресло въ иллюстраціи Ватиканской рукописи имѣетъ въ основаніи квадратъ, т. е. въ самомъ сидѣніи и внизу четырехъ ножекъ, которыя соединены между собой мраморными же перекладинами; пятая ножка, большая, витая, согласно

[1]) Исторія эллинизма, перев Цимермана, М 1893, III, 436.

Къ стр. 107.

Рис. 2. Адули́танскіе памятники на миніатюрѣ Лавренціанскаго списка Козьмы Индикоплова (л. 38а).

тому же описанію, представлена по срединѣ, какъ главная опора сидѣнія; ножки, за исключеніемъ центральной, какъ можно судить по рисунку, вверху украшены капителями коринѳскаго ордена; сидѣнье имѣетъ спинку между двумя ножками—колоннами, составляющими какъ бы продолженіе двухъ ножекъ основанія соотвѣтствующей стороны; и справа и слѣва по ручкѣ спускающіеся покато къ сидѣнію и образующей съ линіей колонны спинки и перекладиной основанія треугольникъ. О стѣнкахъ между ножками въ описаніи не говорится и они не изображены въ миніатюрѣ; въ описаніи указывается, что сзади сѣдалища, т. е. на задней сторонѣ спинки, изображены—„изсѣчены", иными словами представлены въ барельефѣ, Геркулесъ и Гермесъ; миніатюристъ для ясности читателя и для того, чтобы не упустить ничего изъ описанія—изобразилъ двѣ человѣческихъ фигуры на внутренней сторонѣ спинки; изъ нихъ одна представляетъ *юношу* въ экзомисѣ, другая воина въ каскѣ и съ копьемъ. Это, какъ понялъ Козьма, представлены Геркулесъ и Гермесъ. Но правильно-ли онъ понялъ? Полагаемъ, что неправильно, если принять во вниманіе, что кресло, какъ сказано въ самой надписи, было посвящено Аресу, и что изъ двухъ изображенныхъ фигуръ одна—именно та, которая представлена съ копьемъ и съ шлемомъ [1]) на головѣ, можетъ быть принята за Ареса.

Итакъ, полагаемъ, одна фигура представляетъ Ареса. Надпись говоритъ о военныхъ подвигахъ князька и въ силу этого трудно понять, почему онъ долженъ былъ помѣстить на креслѣ изображеніе Гермеса. Жертва—вновь указывается въ надписи—принесена была имъ Зевсу, Аресу и Посейдону и потому во второй фигурѣ скорѣе можно видѣть Посейдона, чѣмъ Гермеса, хотя въ памятникахъ древняго искусства не извѣстно изображенія Посейдона въ типѣ *юноши* въ одеждѣ экзамисъ. Памятникъ, какъ упоминали, воздвигнутъ въ честь эѳіопскаго князька, но онъ произведеніе греческаго искусства, какъ видно по капителямъ, по изображеніямъ божествъ. Самыя надписи на немъ упоминаніе греческихъ божествъ, свидѣтельствуютъ, что владыки Аксомитскаго государства находились подъ сильнымъ вліяніемъ греческой культуры, что и отмѣчается историками его [2]).

Въ лавренціанскомъ (Л. 38а) (см. рис. 2-й) и Синайскомъ спискахъ (Л. 23а) вышеописанные Адулитанскіе памятники изображены тождественно, но съ нѣкоторыми отличіями въ деталяхъ, сравнительно съ тѣмъ, какъ они представлены въ Ватиканской рукописи.

Изъ предметовъ обстановки опущены: съ лѣвой стороны миніатюры: море и города Габадзасъ и Самиди. Адули и Аксоми изображены на од-

---

[1]) *Roscher*, Ausführliches Lexicon der griechischen und romischen Mythologie. Lpzg 1884, I, 488, 492

[2]) *Dillmann*, O. c, 201—202.

ной линій, но также на противуположныхъ сторонахъ, и вверху миніатюры. Самые города изображены здѣсь также нѣсколько иначе: πόλις Ἀβούλη въ видѣ квадрата съ треугольникомъ вверху [1]), π Ἀξώμη въ видѣ круглой башни [2]) съ воротами. Между городами, какъ и въ Ватиканскомъ, съ тождественными надписями дорога, идущіе по ней эѳіопы: три человѣка съ темнымъ цвѣтомъ лица и тѣла, въ небольшихъ сапогахъ, преопоясанные по чреслу небольшимъ передникомъ [3]), они несутъ на лѣвомъ плечѣ палку, у средняго на ней флагъ [4]).

Изображеніе эѳіоповъ извѣстно въ памятникахъ эллинистическаго искусства, въ которыхъ они представляются почти такъже, какъ Индѣйцы [5]) и затѣмъ въ памятникахъ ранне и поздне-византійскаго искусства [6]); иллюстраціи Козьмы въ изображеніи египтянъ, вѣроятно, находятся въ зависимости отъ мѣстныхъ памятниковъ съ подобнаго рода изображеніями, напр. египетскими тканями [7])

Илита со „статуей" почти тождественна съ той, что въ Ватиканской рукописи, въ Лавренціанской—она голубого цвѣта. статуя—краснаго, обувь голубого, на головѣ желтая повязка: въ рукѣ желтый щитъ.

Кресло въ верхней своей части по формѣ также тождественно; сидѣніе въ основаніи квадратное, только ручка съ лѣвой стороны передана въ рисункѣ неправильно: миніатюристъ вмѣсто того, чтобы продолжить ее до соотвѣтствующаго угла основанія сидѣнія, протянулъ ее до середины той же перекладины, которой касается правая ручка. Сходная же неправильность допущена и въ отношеніи нижняго основанія: миніатюристъ помѣстилъ одну колонну не въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ, сдѣлавъ нижнее основаніе не четырехъ угольнымъ, а пятіугольнымъ; это для него оказалось, повидимому, необходимымъ для того, чтобы симметрично расположить между колоннами [8]) тѣ двѣ человѣческія фигуры, которыя въ Ватиканской рукописи изображены на спинкѣ кресла; такимъ образомъ у него такое распредѣленіе изображенныхъ предметовъ между колоннами, начиная съ лѣваго угла: между 1-й и 2-й человѣческая фигура, между 2-й и 3-й витая колонна; между 3-й и 4-й человѣческая фигура. Обѣ изображенныя фигуры юныя, одѣты въ патриціанскій костюмъ—хламиды съ табліонами.

[1]) Въ Лавр. голубого цвѣта.
[2]) Въ Лавр розоваго цвѣта.
[3]) Въ Лавр краснаго цвѣта.
[4]) Въ Лавр чѳрный.
[5]) *Graeven*, Die Darstellung der Inder in antiken Kunstwerken, *Jahrbuch des K. Deutschen Archaolog Instituts*, XV (1900), 197 и др.
[6]) *Д Айналовъ*. Эллинистическія основы, 114 (Каѳедра Максимиана); *Graeven*, O. c, 215 (Мученіе Ѳомы въ Ватиканскомъ Менологіи),
[7]) *В Голенищевъ*. Археологическіе резузьтаты путешествія по Египту зимою 1887—1889 г СПБ. 1890, т. V, 4. (Записки Вост. отд И Р. А. О, т V), *Д Айналовъ*, Эллинистическія основы, 16.
[8]) Всѣ колонны-голубыя, капители желтыя, дорическаго ордена.

Къ стр. 109.

Рис. 3. Пиръ боговъ у Тантала—миніатюра въ рукописи рѣчей Григорія Назіанзена библ. м. св. Пантелеймона на Аѳонѣ (л. 164 об.).

Въ этомъ изображеніи „Геркулеса, Гермеса“ подъ видомъ двухъ патриціевъ—существенное отличіе миніатюры Ватиканской рукописи отъ миніатюръ Лавренціанской и Синайской рукописей. Миніатюристъ послѣднихъ, очевидно, съ умысломъ видоизмѣнилъ тотъ древній оригиналъ, которымъ онъ пользовался. Въ самомъ дѣлѣ, какъ объяснить то обстоятельство, что „Геркулесъ и Гермесъ“ переданы въ типѣ и одеждахъ патриціевъ, извѣстныхъ въ памятникахъ и ранне, и поздне византійскаго искусства? [1])

Ватиканская рукопись, какъ это признано изслѣдователями, должна уже въ силу своей древности близко передавать оригиналъ Козьмы, и какъ мы видѣли, рисунки ея, очевидно, близко воспроизводили тѣ памятники, которые описаны Козьмой Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что „Геркулесъ и Гермесъ“ не могли быть въ дѣйствительности изображены византійскими патриціями и ясно, что миніатюристъ XI—XII в. руководствовался въ данномъ случаѣ тѣми же соображеніями, какими художники эпохи возрожденія руководствовались, изображая Христа, Апостоловъ въ современныхъ имъ костюмахъ; тѣми же соображеніями какими руководствовались другіе византійскіе миніатюристы XI—XII в в., изображая античныхъ боговъ и героевъ въ царскихъ византійскихъ одеждахъ; укажемъ на характерный въ этомъ отношеніи примѣръ—миніатюру въ рукописяхъ рѣчей Григорія Назіанзена въ библіотекѣ монастыря св. Пантелеймона на Аѳонѣ, № 6, (см. рис. 3) и Парижской Національной Библіотеки, Coisl. № 239: Зевсъ, Афродита, Деметра, Гермесъ, Аресъ, Артемида въ костюмахъ византійскихъ императоровъ и императрицъ сидятъ за столомъ на пиру у Тантала, который подноситъ большую чашу съ отрубленными руками и ногами Пелопса, Тантал въ царской діадемѣ, въ красныхъ сапожкахъ съ жемчугомъ. (Л. 164 об., Л. 122) [2]).

---

[1]) Въ мозаикахъ ц св. Виталія въ Равеннѣ: св Ваталій (Е. *Рѣдинъ*, Мозаики Равенискихъ церквей, 158 рис. 38); въ мозаикѣ ц свв Космы и Дамиана: св. Ѳеодоръ и въ ц св Ѳеодора въ Римѣ (*Garrucci*, 253, 252,3), въ моз св Виталія въ Равеннѣ въ выходѣ Юстиніана-патриція (Е. *Рѣдинъ*, О с. рис 39), въ Вѣнской Библіи-Іосифъ, въ барельефахъ диптиха изъ колекціи Карранъ начальникъ острова (*Gar.* 452,3), въ мозаикѣ капеллы св. Венанція Лагеранской крещальни, въ мозаикѣ св. Аполлинарія Новаго Пилатъ, въ миніатюрахъ Россанскаго кодекса и др. (см. Е *Рѣдинъ*, о с. 5) Далѣе изъ поздневизантійскихъ памятниковъ укажемъ на изображенія въ мозаикахъ монастыря Дафни (*Gabr Millet*, Le monastère de Daphni, Paris 1899, 131 (рис. 59), 131 (рис 60), 132, 185, 107, (рис. 49), (рис. 51) и др. См. въ памятникахъ изъ слоновой кости X—XI в: триптихѣ Луврскаго музея: свв. Ѳеодоръ, Дмитрій, Прокофій (*Schlumberger*, L' epopée byzantine à la fin du dixième siècle Paris 1896, p 25, 64); въ мозаикѣ Императорскаго Эрмитажа. св. Ѳеодоръ (*Schlumberger*, О с., 309) и др.

[2]) Е. К. *Рѣдинъ*. Античные боги (планеты) въ лицевыхъ рукописяхъ сочиненія Козьмы Индикоплова (Записки Классич. Отд. Импер Археол Общ, т. I. (1901), отд. оттис., 7.

Итакъ изображеніе Адулитанскихъ памятниковъ въ рукописяхъ Лавреціанской и Синайской—весьма отлично отъ изображенія Ватиканской; иллюстраторъ первыхъ такимъ образомъ или самостоятельно измѣнилъ бывшій у него древній оригиналъ, или слѣдовалъ другой редакціи того же оригинала

Отрывокъ иллюстраціи къ Козьмѣ Индикоплову въ Смирнскомъ физіологѣ представляетъ собою, повидимому, еще новую редакцію (л. 91; по Стржиговскому 183). Въ этомъ отрывкѣ находится также иллюстрація Адулитанскихъ памятниковъ, но послѣднихъ, судя по описанію Я. И. Смирнова и Стржиговскаго, [1]) не имѣется въ миніатюрѣ, а лишь „путь изъ Адули въ Аксоми"; здѣсь имѣется таже надпись, какъ во всѣхъ вышеуказанныхъ рукописяхъ, не заимствованная изъ текста, какъ полагаетъ Стржиговскій, а спеціально предназначенная для обозначенія миніатюры. Налѣво на высокой, красной (передъ которой желтая) горѣ желтая круглая зубчатая башня. По горѣ внизъ идутъ три черныхъ (темно-коричневыхъ) юныхъ эѳіопа, первый въ синей экзомидѣ, второй въ красной, третій—одного цвѣта съ тѣломъ; они несутъ на правомъ плечѣ, желтыя палки съ тканями красными и синею (у средняго). Внизу вправо красный городъ съ синимъ верхомъ съ сводчатыми воротами изъ фіолетоваго мрамора.

Весьма важно отмѣтить, что при сохраненіи въ текстѣ русскихъ переводовъ сочиненія Козьмы описанія вышеупомянутыхъ памятниковъ города Адули ни въ одной русской лицевой рукописи не имѣется воспроизведенія иллюстрацій этихъ памятниковъ, заключающихся въ византійскихъ лицевыхъ рукописахъ: очевидно, что для русскихъ иллюстраторовъ сочиненія Козьмы памятники Адули не имѣли интереса.

Е. Рѣдинъ.

---

[1]) *Strzygowski*, Der Bilderkeis des griechischen Physiologus des Kosmas Indicopleustes und Oktateuch nach Handschriften der Bibliothek zu Smyrna Lpzg 1899, 61—62.

Родопското нарѣчие.

(име и положение между източното и западното)

„*Родопско нарѣчие*“ като понятие въ българската диялектология е сравнително ново и още неустановено; ала то се налага вече тъкмо подъ това име възъ основа на обнародуванитѣ досега податки

Изпърво за българския езикъ се поставяха двѣ нарѣчия: източно и западно, които се схващаха откъмъ твърдѣ всеобщи и широки чърти. Въ по́ново врѣме биде изтъкнато между тѣхъ и третьо нарѣчие, отъ една страна свързано съ източното, отъ друга съсъ западното, и все пакъ отлично отъ първото и второто по твърдѣ характерни свойщини. Разни книжовници разно именуваха това нарѣчие изцѣло или по купове негови говори. Найзастѫпени са имената „родопско нарѣчие“ (или „родопски говори“) и „рупски говори“. Обаче отъ тия двѣ имена е по́вече оправдано първото—„*родопско нарѣчие*“.

Първи поменъ за езиковни бѣлѣзи източнобългарски и западнобългарски, смѣсени ведно, намираме у Григоровича, Очеркъ путешествія по европейской Турціи (1848) 165. Мѣстото на тая смѣша са източнитѣ и западни склонове на Доспатъ, сир. на западна Родопа. Между тая и съсѣдния Пиринъ протича рѣка Мѣста, край която лежи Неврокопъ. Въ Неврокопско—каже Григоровичъ (166)—„бугаритѣ“ се наричатъ „мървaци“. За „*мървашко нарѣчие*“ говори Верковичъ въ Описаніе быта македонскихъ болгаръ (вмѣстено въ Москв. универс. изв. 1868), бълг. прѣводъ 3, 4, 51, 52, като смѣта за негови свойщини тянка, пярсть [1]), *ше*, *ружни*, кравъ. До „мървашкото нарѣчие“ Верковичъ поставя по́източно нарѣчие „*помашко*“, у Тракіи на родопской планини“ (Веда словена I 1874. XVI). Двѣтѣ „нарѣчия“ ги дѣли Мѣста. Отличатъ се взаимно особито така, че мървашкото изговаря затворено *а* (писано ѫ) въвъ

[1]) Ако тия двѣ думи въ българския прѣводъ са вѣрно прѣнесени отъ русския оригиналъ, тоя подирнятъ ще бъде допусналъ грѣшка съ буквата *я* за искано ѫ Види се къмъ тая грѣшка се отнасятъ думитѣ на Верковича отъ Веда словена I. XVI: „ѫ дакле.. не значи *я* као што су неки погрешно мислили, већъ затворено *а*“

пâрва, рâка, а помашкото *о* (порва, рока). По тия забѣлѣжки на Григоровича и Верковича излиза, че отъ двѣтѣ страни на западна Родопа се слушатъ въ посока отъ изтокъ къмъ западъ „помашки“ говоръ до Мѣста и „мървашки“ въ Неврокопско, които сподѣлятъ чърти на двѣтѣ български нарѣчия, източно и западно.

Изъ области, които съсѣдятъ откъмъ изтокъ съ „помашкия“ говоръ на Верковича, или пъкъ са негли и на самия този говоръ, понеже показватъ негови отлики и гъсто население помашко, обнародува напнапрѣжъ словесни творения сборникътъ на Чолакова, 1872. Твореннята (пѣсни, приказки) са отъ селата Устово и Карлуково въ Ахърчелебийско (или Ахъчелебийско). Редомъ стои нѣщо и отъ село Скребатно, Неврокопско. Върху *„ахърчелебийско нарѣчие“* изнесе повечко забѣлѣжки урожденецътъ и добъръ познавачъ на краината Ахърчелеби Х. Константиновъ на 1882. г. въ Българска илюстрация II. 191—2; забѣлѣжкитѣ, сподирящи народни пѣсни отъ селата Пятково и Карлуково (116—18, 191), са прѣкъсани поради спирането на списанието. Същата година напечата стариятъ български самоукъ-филологъ Петко Славейковъ разправка „Рупското или рупаланското българско население и нарѣчие“ въ пловдивското списание Наука II. 463—73, а къмъ разправката придаде (559—70) народни пѣсни отъ селата Широка-лъка, Хвойна, Павелско въ краината Рупчосъ, на сѣверъ отъ Ахърчелеби въ централна Родопа, и една „мървачка“ пѣсень отъ нѣкойси разложанинъ. Отъ тогава се заговори въ българското езикознание за *„рупски говори“*, па се роди насетнѣ и терминътъ *„родопско нарѣчие“*.

Разправеното отъ Славейкова въ доста охолнъ вървежъ за областитѣ на „рупци“ и „рупалани“ иска да опрѣдѣли: 1) че *рупцитъ* захващатъ южно отъ Бургасъ, та прѣзъ южна Тракия (съсъ сѣвернитѣ и южни Родопи посрѣдъ и надлъжъ) и източна Македония стигатъ отъ Черно-море до Струма, като се мѣркатъ и по южнитѣ краища на Одринско, Бабаесвийско и Люлебургаско; 2) че *рупалапитъ* се навъртатъ въ Старозагорско, по двата брѣга на Марица въ Чирпанско, по дѣсния брѣгъ въ Хасковско, Чирменско, Димотишко, па се простиратъ дори край Архипелагъ (или Бѣло-море) между Марица и Струма; 3) че къмъ Струма рупцитѣ са познати повече подъ име *мървацн*, а въ Димотишко, Узункьоприйско и Енеско край Марица рупаланитѣ се прѣкарятъ отъ гърци и турци *рупалиш*; 4) че имената „рупци“ и „рупалани“ са придѣвки за присмѣхъ отъ външни люди. Обаче като засѣга нарѣчието на „рупцитѣ или рупаланитѣ“, Славейковъ нито подържа, че „рупско“ и „рупаланско“ са едно и също, нито пъкъ посочва изрично взаимни отлики помежду имъ, но зато изтъкнува въ отдѣлни краини ту „рупско“,

„рупченско“, ту „рупаланско нарѣчие“, и то тъй, че намѣстѣ „рупци“ говорятъ „рупалански“ и обратно! По Славейкова въ пловдивската околия „Рупчосъ“ отъ западна страна „нарѣчието“ (разбира се *„рупченско“*) е размѣсено съ *„чепинското“*, което освѣнъ Чепино владѣе и въ Скребатно, и въ Широка-лъка; ала „рупченското нарѣчие“ борави и въ пбмалкитѣ доспатски села отъ Неврокопско. Къмъ сѣверъ, по склоноветѣ на западна Родопа наддѣлява *„разложко* нарѣчие“; а къмъ югъ въ Неврокопско, Мелнишко, Драмско, Демирхисарско и Сѣрско (дѣто имаме „рупци“ или „мърваци“) наддѣлява *„рупаланско* нарѣчие“! Съ чепинското нарѣчие отъ една страна и съ рупченското отъ друга е свързано *„ахъчелебийското* нарѣчие“. *„Рупченското нарѣчие“* (отъ Рупчосъ ли? или на рупцитѣ?) е повлияло и върху „тракийското“ българско (къмъ Марица ли, дѣто стануватъ рупалани?), и върху чепинското, разложкото; ала и въ него има отлики отъ българскитѣ нарѣчия източно и западно. Найчисто и особито е то въ срѣдата (въ централна Родопа—Рупчосъ, Широка-лъка, Ахърчелеби, Даръдере) и къмъ приморието на югъ (дѣто пакъ имаме рупалани!). Всичко това, разправено отъ Славейкова, не дава ясно разграничени прѣдстави за рупци и рупалани отъ становище географско и диялектоложко. Само едно е въ него ясно—именно, че става дума за българско население, което по особити бѣлѣзи на езика си се прибира въ нарѣчие отдѣлно отъ източното и западно, и че особититѣ бѣлѣзи са: троякъ членъ (*с,-т,-н*) и характерни отмѣници за назвучни ѫ-ѧ и ѫ-ѣ.

Възъ основа на разправката отъ Славейкова направи късо съобщение за простора и диялектичнитѣ особности на „Rupci oder Rupalani in Thracien und Macedonien“ В. Ягичъ въ Archiv fur slavische Philologie VII. 320-4. Въ края на съобщеннето са поемени и податки отъ П. Сырку за нѣкои рупалански чърти въ Старозагорско. Сырку споходилъ прѣзъ 1879. г. селата Опанъ и Кючуклери, чието население, както и на други още 6 села (Търново, Гечерли и Узунджа въ Старозагорско, Караатлии Куза и Меричлери въ Чирпанско—все недалечъ отъ Марица) носи прѣкори *„рупаланци“* и *„упралковци“*—и двата въ смисълъ на „простаци“. А. Илиевъ бѣлѣжи въ сборника си отъ народни умотворения и пр. 1889. 59, че на селото Кайматлии, близу до Чирпанъ къмъ югоизтокъ, жителитѣ се казватъ *„рупци“*. По набранитѣ на мѣсто вѣсти и по онова, що е намѣрилъ у Славейкова, Сырку състави своя разправка „Рупаланы или рупци, замѣтка по болгарской діалектологіи“ (печатана въ Филологическія записки IV, 1. и отдѣлно, Воронежъ 1883). Той повтаря всичко, щото и както е казалъ Славейковъ за областитѣ и говоритѣ на „рупци или рупалани“, По него тия прѣкори не са яко раз-

пространени нито между самото прѣкаряно съ тѣхъ население, нито между ония, които го прѣкарятъ така за присмѣхъ; а езикътъ на рупцитѣ образува *особно* българско *нарѣчие*.

И. К Иречекъ държи изобщо посоченитѣ отъ Славейкова прѣдѣли на рупското или рупаланското население и нарѣчие Вече въ своята исторня на българитѣ (чешки 1875, руски 1878 стр. 745) той говори за българи *„рупци“* по цѣла източна Родопа, като поставя помаци *„аряни“* (сир. *ахряни*) по висинитѣ между Татарпазарджикъ и Неврокопъ, а отъ тукъ до Сѣръ и Валовища (=Демирхисарь) *„мърваци“*. Послѣ въ съобщението си „Помашки пѣсни отъ Чепино“ (Периодическо списание на БКД=ПС 1884, VIII 76—94) изтъкмява по́добрѣ просторитѣ на споменатитѣ населения или племена, къмъ които добавя и *„чечилии“* (сир *чечилии, че́ченци*) отъ областьта „Чечко“ между долна Мѣста и доспатскитѣ висини (около 50 помашки села). Имената „рупци“ или „рупалани“ се чуятъ найвече край Марица, а въ ватрѣшностьта на Родопитѣ, особито на западъ малко се знаятъ. Говоритѣ въ Родопитѣ съставятъ единъ *самостоенъ клонъ* отъ българския езикъ Напчисто *„рупско нарѣчие“* се говори въ краинитѣ Рупчосъ, Ахърчелеби и часть отъ Неврокопско Още по́тъкмо прѣдставя Иречекъ името „рупци“ въ разправката си „Der Ursprung des Namens der Rupci in der Rhodope“ (Arch. f. sl. Phil. 1885, VIII. 96—9), дѣто го ограничава найвече съ Рупчосъ и отдава разпространението му къмъ изтокъ на селби. За скупностьта на говоритѣ на „рупци и рупалани“ (по сѣвернитѣ Родопи—западна или Доспатъ, централна или срѣдна и източна—и по южна Родопа) употрѣбя изразъ *„родопско нарѣчие“*. „Рупалии“ е турска форма къмъ „рупалани“, която има присмѣшно значение (срв българа́нъ, готова́нъ). „Рупченци“, „рупци“ „рупалани“, „рупалии“—обявява Иречекъ въ Cesty po Bulgarsku 1888. 285- са имена, давани отъ съсѣди на всички българи въ Родопитѣ отъ Перущица до Еносъ. Нарѣчието на тия българи е *третя група* между източното и западното, простирайки се отъ Пиринъ-планина и Сѣръ до Димотика, а съ по́нова селба и до Бургасъ на Черно-море (все тамъ 290). Часть отъ говорещитѣ „родопско нарѣчие“ жители на Странджа въ Бургаския окръгъ се прѣкаря *мърваци*, също както и родопскитѣ староселци въ Брацигово (C. Jireček, Das Fürstenthum Bulgarien 1891, бълг. прѣв. 67).

Вѣститѣ на Славейкова и на Иречека за просторитѣ на родопскитѣ говори и за племеннитѣ прѣкори на тѣхнитѣ говорачи служатъ за изходище и на нѣколцина български книжовници, които набавиха цѣнни приноси къмъ българската диялектология. Изподъ приноситѣ на тия книжовници и ученн доби още по́изгодна освѣта както самото име „рупци“ (ед.

ч. „рупецъ“), така и разнообразието на говоритѣ, що съставятъ третьото българско нарѣчие—*южното*, ако можемъ и тъй да го наречемъ покрай даденитѣ вече източно и западно.

Така въ описа на селото „Устово, ахъ-челебинский окръгъ“, отъ С. Н. Шишковъ 1885, е изтъкнато, че „извѣстното родопско нарѣчие“ е запазено въ това село и въ окръга твърдѣ старински и вѣрно, и то найвече между помацитѣ, и че найважни отлики на родопското отъ другитѣ български нарѣчия са троякиятъ членъ и отмѣницитѣ за ѫ—ѧ и ѫ—ъ. „Това измѣнение въ произношението на думитѣ, до толкова е коренно, щото мъчно може человѣкъ да накара родопчанинъ да произнесе тъмногласнитѣ ъ, ь и ѫ“ (22). Същото се завтаря пакъ отъ Шишкова въ книгата му „Животътъ на българитѣ въ срѣдня Родопа“ 1886, 14. Тукъ авторътъ родопчанинъ обажда, че ще разправи на друго мѣсто за нарѣчието на всички жители въ Родопитѣ, които са българи православни ($^1/_3$) и българи мухамедани ($^2/_3$). Мухамеданитѣ се казватъ въ Неврокопско *мървaци*, а въ Рупчоско, Ахърчелебийско, Ксантийско (=Скеченско), Даръдерско и Иридерско съ общо име *ахряни* или *помаци*: православнитѣ пъкъ, безъ да се именуватъ сами нѣкакъ, прѣкарятъ се отъ други съсъ името *рупци* (срв. и Х Константиновъ, Непокорнитѣ села въ Родопитѣ 1887, кн. I. 3—4), което обаче ахърчелебинецътъ прилага само спрѣмо българитѣ отъ Рупчосъ. Обѣщанието си за родопското нарѣчие Шишковъ изпълня постъпенно, като обнародува езикословни бѣлѣжки и градиво въ своитѣ списания „Родопски старини“ (1887,=РС), „Славиевъ гори“ (1894,=СГ), „Родопски напрѣдъкъ“ (1903,=РН) и въ отдѣлнитѣ книги на „Сборникъ за народни умотворения и пр.“ (=СНУ), издаванъ изпърво отъ българското министерство на просвѣщението, а сега отъ Българското книжовно дружество. Въ РС четемъ, че самостойното нарѣчие „*родопско* или *рупско* (*рупаланско*)“—найинтересно, а наймалко издирено—се простира отъ ихтиманската котловина до Еносъ, отъ коритото на Марица до бѣломорската равнина; то се врѣзва или примѣсва чакъ до Старозагорско и Бургасъ, дѣто стои подъ влиянието на източното нарѣчие, па въ Неврокопско, Драмско, Зъхненско (или Зиляховско), Сѣрско, Демирхисарско и Мелнишко, дѣто е подъ влиянието на западното нарѣчие. Колкото по̀навътрѣ въ Родопитѣ, толкова е родопското нарѣчие по̀чисто; а найчисто го срѣщаме въ Ахърчелебийско, Даръдерско, Иридерско, Ксантийско, частимъ и въ планинскитѣ села неврокопски, драмски и зъхненски (зиляховски). Ксантийскитѣ села Габрово и Еникьой наричатъ ахърчелебийцитѣ *ахряки*, а подирнитѣ имъ отвръщатъ съсъ „*шонги*“. По̀вече подробности дава РН подъ наслова „Градиво къмъ географията на родопскитѣ говори“, 161 слд. Шишковъ изповѣда, чи въ широкитѣ

родопски планини живѣятъ много родопски говори и подговори, що образуватъ отдѣлното родопско нарѣчие; а та отъ всички тѣхъ е събрано и обнародувано толкова малко диялектоложко градиво, че още не е възможно да се опрѣдѣлятъ напълно говоритѣ и подговоритѣ по особности и граници и да се покаже влиянието на родопското нарѣчие извънъ родопскитѣ планини. Сравнително е най-пълно засега градивото отъ западна и централна Родопа, именно отъ Неврокопско и отъ краищитѣ Чепино, Рупчосъ, Ахърчелеби, и то зачерпено въ по-голѣмъ дѣлъ отъ християнско население, нежели отъ помашко; а пъкъ нищо комай нѣма събирано отъ населението на източна и на южна Родопа. Доколкото позволява Шишкову неговото собствено познание на диялектичнитѣ отношения въ Родопитѣ, той може да отличи въ родопскотото нарѣчие, възъ основа на отмѣницитѣ за ѫ—ѫ, единъ *говоръ централенъ* (най-чистъ въ Ахърчелебийско) и въ него *подговоритъ* (освѣнъ тѣсно ахърчелебийския)—1. рупски, 2. иридерски, 3. даръдерски, 4. скеченски, 5. гюмюрджински, 6. ортакьойски. РН тъкми да развѣщае редомъ на всички тия подговори особноститѣ, като е почналъ вече съ рупския.

„Родопски говори“, „рупаланско нарѣчие“ като особитъ клонъ между българскитѣ нарѣчия поддържа и Л. Милетичъ въ дисертацията си O (lanu u bugarskom jeziku 1889, 14—15. Той приема за истински граници-тѣ на клона, както са оправено наличени отъ Иречека по Славейкова. Обаче въ СНУ X. 41 (1894) Милетичъ настоява вече само за *„родопска половина“* (спр. южна) отъ източното българско нарѣчие. Подъ видъ на такава половина се схващатъ у него нататъкъ изкупъ говоритѣ отъ родопското нарѣчие въ прѣдварителнитѣ отчети за диялектоложкитѣ му издирвания по източна България (вж. Vorlaufige Berichte der Balcan-Commission 1900, I) та и въ свършеното съчинение Das ostbulgarische, 1903 (Schriften der Balcancommission linguistische Abtheilung II). Въ това съчинение, съ което са начъртани твърдитѣ основи за общо познание на цѣлото източно българско нарѣчие, именуваното отъ Славейкова „рупско или рупаланско нарѣчие“ е обзето като втори купъ отъ южния дѣлъ (*ѣ*—Dialekt) на източното, подъ означение „Rupcische Mundarten“—*рупски говори*“ (10, 207 слд.). Тия говори се дѣлятъ отъ своя страна на *източенъ купъ* отъ Черно-море до Родопитѣ съ Хасковско и *западенъ* въ осталитѣ родопи. Западниятъ купъ издѣля отъ себѣ три найважни говора: *рупски* (Рупчосъ), *ахърчелебийски* и *чепински*. Найхарактеренъ за западния купъ рупски говори е ахърчелебийскиятъ.

„*Родопски*“ са тия говори по Б. Цоневъ, и стоятъ откъмъ отмѣницата за ѫ между всички други български посрѣдъ (СНУ XIX. 1903. 59). Откъмъ отмѣницата за ѣ *рупчоскиятъ* говоръ предстявя усамотенъ островъ

между югоизточнитѣ говори; а тия подирнитѣ откъмъ същата отмѣница се движатъ на двата края, източенъ и западенъ, между източното и западно българско нарѣчие (срв. СНУ XVIII 1901. 373 слд.).

Всички тия вѣсти, изнесени отъ 1882 година насамъ за кръстенитѣ отъ Славейкова „руйско или рупаланско население и нарѣчие“ установяватъ еднакво, че въ южна Тракия се шири прѣзъ всички Родопини бърда къмъ тракийската равнина, Черно-море, Пиринъ, Струма и Бѣломоре българско, дѣ християнско, дѣ мухамеданско население съ една редица говори, които въ своитѣ краища се свързуватъ съ говоритѣ на извѣстнитѣ източно и западно българско нарѣчие. Това е въ същность нататъшно развитие и изтъкмяване на мисъльта, що бѣха скромно метнали въ нивата на българската диялектология Григоровичъ и Верковичъ На второ мѣсто вѣститѣ установяватъ горѣ-долу пакъ еднаьво, че срѣдището на родопскитѣ говори, пъпътъ имъ е въ областьта Ахърчелеби между централна и южна Родопа, въ лѣвия горни водоемъ на Арда. Къмъ това срѣдище, около което се трупатъ пóвече помаци, сочатъ пóказитѣ на Верковича, когато спомену̀ва „помашко нарѣчие“. Обаче на третьо и четвѣрто мѣсто рѣченитѣ вѣсти все пóлчко се разпиждатъ, като изтъкнуватъ основитѣ за скупното или подѣлно именуване на родопскитѣ говори и като имъ присъждатъ ту самостойность посрѣдъ нарѣчията източно и западно, ту подчиненость подъ източното.

Прѣкоритѣ „мърваци“ и „помаци“, взети отъ Верковича за основа на общо означение на два голѣми дѣла отъ родопскитѣ говори, не бидоха възприети отъ никого пóкъсно, както не се употрѣбиха съ подобна цѣль и прѣкоритѣ „ахряни“, „шонги“, „чеченци“, „упралковци“, или „канковци“ (прѣкоръ на приполкитѣ българи по Гюмюрджинско РН). Всѣкой отъ тия прѣкори може да почива върху такива първични условия (племенни, географски, политически, социялни и др.), които са прѣдполагали изначало или докарвали изпослѣ у отдѣлни цѣлости отъ населението говорно единство; ала въ днешното си присмѣшно значение, дѣто играе намѣстѣ своя рола и вѣрската и племенна противa между означаванитѣ съ тѣхъ цѣлости, приведенитѣ прѣкори взаимно не изглеждатъ да са годни за техническа употрѣба. Тѣ могатъ да разкриватъ на диялектолога разни тайни на живота и старината, и все пакъ по съврѣменното си значение да не отговарятъ на неговитѣ искания за диялектоложка терминология. Отъ прѣкоритѣ „руйци“ и „рупалани“ (тур. форма „рупалии“), използувани отъ Славейкова, вториятъ не намѣри одобрение, било затуй, че вече формално си носи присмѣшния бѣлѣгъ, а инакъ се поставяше нѣкакъ равнозначенъ съ първия, или пъкъ затуй, че наистина не е извѣстенъ именно тамъ, дѣто лежи ядката на прѣдмета за означение. Едничъкъ

прѣкорътъ („рупецъ“)—„рупци“ сѣкашъ биде аресанъ за произвоство на диялектоложки терминъ „рупско нарѣчие“, „рупски говори“, „Rupci-sche Mundarten“. Ала и той ще трѣба свършено да отстъпи прѣдъ термина „родопско нарѣчие“, „родопски говори“, който възникна успоредно съ него, а притежава по́съществени прѣдимства.

Двамата родопчани Х. Константиновъ и С. Шишковъ, прилежни описувачи на селищата, живѣйката и прѣданията на българи въ Родопитѣ, съгласно признаватъ, че прѣкорътъ „рупецъ“, „рупци“ се дава на християнитѣ българи по Родопитѣ отъ околнитѣ имъ съсѣди, ала въ същото врѣме твърдятъ, че съ него самитѣ родопски християни, специално пъкъ ахърчелебийци покрусно прѣкарятъ само свои сънародници въ Рупчосъ, и то подъ Чепеларе надолу („Изъ Родопитѣ—Рупчосъ“ ПС. LVIII. 581, РН. 201 слд.). Потеклото на „рупецъ“ бифърлило негли свѣтлина върху отношението на тия два обема на значението му. По Славейкова тая дума не иде отъ „Родопа“ (понеже рупцитѣ, каже, не живѣятъ само по нея, па и самата Родопа тѣ наричатъ „Доспатъ“), нито отъ „рупъ“ (=10 пари, плащани харачъ), но ще да иде отъ „ропа“ (въ западна България „рупа“)—яма, трапъ, низина. Падината въ Рупчосъ, дѣто са селата Павелско, Хвойна, се казва „Ропката“. „Рупци“ ще рече горци, жители на покрити ями, троглодити. Къмъ прѣдположенията за потекло отъ „рупъ“, „ропа“ Х Константиновъ добава още двѣ: възъ основа на едно прѣдание „рупци“ще да е отъ „робци“—роби, а възъ основа на друго отъ „рудо(ко)пци“. Самъ е наклоненъ да приеме подирното, като възразива противъ производството отъ „ропа“ („Ропката“) съ това, че има колиби „Ропата“ въ Даръдерско (по Шишкова пещера „Рупитѣ“ РС, IV. 13), безъ да се казва населението имъ „рупци“. Иречекъ каже произвожда „рупци“, отъ „Рупчосъ“, а това отъ „Меропи“; ала въпросъ е, дали „Рупчосъ“ е родило „рупци“, или по́скоро наопаки (вж. ПС XXIII—XXIV. 655 слд.) Тоя въпросъ бѣ поставилъ така вече Сырку, който приима етимологията на Славейкова отъ „ропа“, грц. ῥοπή, алб. dhrópe, рум drópă, старотракийски *rupa, и смѣта формата „рупалани“ по́стара отъ „рупци“, или „Рупчосъ“. Срѣщу тия лингвистични тълкувания на „рупци“ Иречекъ се опита да постави свое, исторично. И по византийски извори той посочва какъ прѣзъ XI—XIII в. цѣла Родопа, или часть отъ нея се именувала Ἀχριδός (може отъ слав. Хрид-скала), отъ дѣто ще да са останали днешнитѣ имена „Ахърчелеби“ и „ахряни“. [1]) Прѣзъ това врѣме съще-

[1]) По́кѣсно Иречекъ изказа догадката (Cesty, 290), че ‚ахряни‘ ще да произлиза отъ библийското име „агряни“, съ което православнитѣ изобщо прѣкаряли въ срединѣ вѣкове мусулманитѣ, турцитѣ, Да бѣше това така, все щѣше да се упази и другадѣ у християнитѣ българи такъвъ прѣкоръ за потурченитѣ имъ съплеменници, а не само тамъ, дѣто нѣкога съществували планина и область Ἀχριδός

ствувала въ горна Арда область τῶν Σμολένων съсъ срѣдище сегашнията Смилянъ, а въ срѣдна и долна Арда область Ἀχριδός; въ XIV вѣкъ на мѣстото на първата възниква область Μερόπη, а вмѣсто втората се вѣсти областъ Μόρρα (ПС X. 22 слд.). Меропи обзимала и сегашния Рупчосъ, та се простирала до Конушко. Отъ нейното име е произлѣзло **меропци-рупци* и *Рупчосъ*. Въ 1553 г. Враничъ зачулъ въ Пловдивъ, че изобщо Родопитѣ се казвали Rupcza. Това тълкуване на Иречека въ сравненіе съсъ всички други има за себѣ найголѣма достовѣрность. И като си припомнимъ-а) че близостьта на хридоветѣ отъ Рупчосъ до Пловдивъ е могла да придаде на Rupcza за Враничча значение изобщо на Родопа; б) че имената „рупци“ и „Рупчосъ“ са произлѣзли въ прѣдѣлитѣ на областьта Меропи; и в) че истинското приложение на прѣкора „рупци“ въ Родопитѣ е днесъ ограничено само въ околнята Рупчосъ и за християнитѣ българи съ центъръ Павелско-Хвойна-Малево-Орѣхово, ще трѣба да заключимъ, че понятията „рупски“ и „родопски“ не могатъ да се покриватъ нито за населението на Родопитѣ, нито за неговитѣ говори, понеже и въ двата случая „рупски“ е само малъкъ дѣлъ отъ „родопски“.

Населението, което обитава крайната Рупчосъ и се знае само́ на се нарича и отъ околнитѣ краини „рупци“, е задѣлено отъ Шишкова и съсъ свой особенъ *подговоръ* „рупски“, чиито прѣдѣли са дадени отъ сѣвернитѣ склонове на централна Родопа надолу до свършка имъ въ полето (тракийско) и отъ вододѣла на рѣка Въча (или Кричимъ, отъ върха Персенкъ) до планинския проходъ при Тополово на истокъ. Тоя подговоръ „рупски“ се отлича отъ други 6 въ централна и южна Родопа, съ които безъ да сподѣля отъ коя да било страна своето име за означеніе, образува заедно единъ *централенъ говоръ*, като дѣлъ отъ купъ родопски говори, пърснати по всички клонове на Родопитѣ и по съсѣдни съ тѣхъ равнини. Отдѣленъ *говоръ* въ Рупчосъ отлича и Милетичъ; ала редомъ съ него поставя другъ „ахърчелебийския (въ тѣсенъ смисълъ), даръдерския, скеченския и гюмюрджинския—па може би и иридерския (у Шишкова „източенъ“) като пети. Седмиятъ отъ централнитѣ подговоръ на Шишкова, „ортакьойски“, влиза сѣкамъ у Милетича като найзападенъ клинъ въ наречения отъ него *K'e*-Mundart (отъ Сакаръ-планина къмъ югъ до Димотика и отъ западъ прѣзъ Марица до Лозенградъ и Бунархисаръ). Не е посочилъ ясно Милетичъ, дали брои говора-*ж'е* къмъ оня купъ говори, дѣто спадатъ ахърчелебийскиятъ, говоритъ въ Рупчосъ, павликянскиятъ въ Пловдивско и други по́назападъ (въ Чепинско, Банско, Неврокопско, Мелнишко), или пъкъ го дружи къмъ купа, дѣто отлича говори въ Хасковско, въ Малотърновско (Странджа-планина) и край морето (южно отъ Бургасъ). Втория купъ го́вори той означава като източенъ

срѣщу първия западенъ, а двата заедно именува съ общи терминъ *рупски говори*. Западнияѣ купъ дава оправдание на термина „рупски“ само въ истинската область на рупцитѣ, сир. въ Рупчосъ; а тая область нито по простора на своя говоръ, нито по значението му между другитѣ отъ същия купъ не е призована да даде общо име на купа, а камо ли и на двата-източенъ и западенъ-заедно. Наистина Милетичъ бѣлѣжи, че южно отъ Бургасъ живѣятъ въ 6 села (Саръмуса, Аланкаракъ, Старо-Паничарево, Кърхарманъ, Кайраккьой, Урумкьой, Мехмечкьой) „рупци“ и че така се наричатъ помежду си; ала въ тая область надолу стануватъ и мърваци, както се учимъ отъ Иречека. И докѣ са рупци и мърваци по говоръ отъ една челядь, нѣма основа да се означава челядьта съ името на рупцитѣ. Основата все по́вече и по́вече вѣтрѣе, колкото вървиме отъ истокъ къмъ Родопитѣ, дѣто живѣятъ найважнитѣ членове на същата челядь, а се знаятъ взаимно по разни области и подъ други още имена.

Ако бъде достовѣрно, че отъ името на византийската область Меропи се е прозвало нейното българско население „рупци“, па са произлѣзли означенията Rupcza и Рупчосъ; и ако часть отъ същинскитѣ рупци е отстъпила въ южни Рупчосъ мѣста за доселяне на други жители (напр. изъ Ахърчелебийско въ Широка-лъка), тогава разпространението на името рупци и съ рупски говоръ извънъ централна Родопа трѣба безъ друго да се отдаде на селби, като се допусне, че и селбитѣ изобщо изъ Родопитѣ могли да минуватъ все за „рупски“. Вече въ Archiv für Sl Phil. VII. 98 Иречекъ се изказа въ такъвъ смисълъ и повтори сащото въ Cesty 293—4, па въ разправката си за „етнографскитѣ промѣни въ българското княжество слѣдъ основанието му (бълг прѣводъ въ СНУ V. 1891, 503). Обаче дѣто и да се мѣркатъ прѣселенци „рупци“ извънъ родопскитѣ области, тѣ нийдѣ не образуватъ ни по прѣкоръ, ни по говоръ такава маса, каквато е останала въ самитѣ Родопи. „Рупцитѣ“ въ 6-тѣ села бургаски трѣба да се смѣтатъ и по Милетича откъснати отъ население, което безъ прѣсѣклици се протака между източна и южна Родопа къмъ Лозенградъ (Das Ostbulgarische, 23). Насамъ сочи по говора си и населението въ Еркечъ (Анхиялско, отъ него заселена и Гулица, Провадийско); ала то носи прѣкоръ „*вайковци*“ (вж. все тамъ, 150—2), Прѣди Милетича забѣлѣза Г. Димитровъ, какъ „въ планинскитѣ села Еркечъ, Голица и Паницово (Анхиалско), жителитѣ, види се, да са прѣселени одавна врѣме изъ рупчоско, които, освѣнъ че са спазили облѣклото си, нъ и нарѣчието не са изгубили“ (Княжество България, ч. I. пловдивско издание 1895. 23—4). А пъкъ за нѣкои села въ крайната Хасекия (Бургаско), дѣто по Славейкова стануватъ „рупци“, по Иречека „мърваци“ и „тронковци“ Cesty, 575), сащиятъ Димитровъ казва, че говорѣли нарѣчие близко до

онова, което се говори въ приполскитѣ села около Кюстендилъ, а мъжетѣ имъ носѣли облѣкло също както въ тия кюстендилски села, отъ дѣто ги изкарва едно мѣстно прѣдание (срв. и ПС XXXVII—XXXVIII. 124). И по други села и краини, дѣто се посочватъ „руски“ чърти въ говоръ и носия, диренията откриватъ, че има селба откъмъ Родопитѣ. А тия всички податки за обширнитѣ родопски простори като първа отечина на всѣко „руско“ население и говоръ изискуватъ и да се именува скупностьта на това население и говори само *родопски*, но не *руски*— rupcisch, което правилно може да се отнася единичко къмъ рупцитѣ въ Рупчосъ, или къмъ рупцитѣ въ Бургаско, въ Койматлии. Терминътъ „*родопски*“ ще бъде за всички говори отъ същата челядь изобщо диялектоложки, а за мнозинството и за найважнитѣ отъ говоритѣ и терминъ географски.

Родопскитѣ говори образуватъ по Славейкова, Сырку, Иречека, Шишкова и Облака („Einige Capitel aus der bulgarischen Grammatik“ въ Archiv f. sl. Phil. XVII. 157, 163) самостойно нарѣчие въ областьта на българския езикъ. Въ книгата си „Das Fürstenthum Bulgarien“ (бълг. прѣводъ, 72—3) Иречекъ призна право на ония, които прѣди него бѣха отдѣлили „чудния езикъ на Родопитѣ отъ източната група като третьо нарѣчие“ и за свой пай разграничи географски (съ добавени диялектоложки забѣлѣжки) нарѣчията източно, „руско“ и западно. По него не спадатъ въ „руското нарѣчие (руски езикъ)“ мѣстноститѣ Разлогъ, Батакъ и Доспатъ (сир. Чепино), като се отнася първата къмъ западното нарѣчие, а другитѣ двѣ къмъ източното. Другояче схваща работата Б. Цоневъ. По него чепинскиятъ говоръ е откъмъ новобългарската отмѣница за старо ѣ западенъ, ако и инакъ да е „родопски говоръ“, сир. отъ югоизточния дѣлъ на източното нарѣчие; срѣщу това разложкиятъ говоръ еднаково е западенъ, югоизточенъ и сѣвероизточенъ. Тукъ Цоневъ употрѣбя изразъ „тритѣ главни български говори“, отъ дѣто би могло да се заключава, че и той приима три нарѣчия, ала все пакъ ги смѣстя въ двѣ половини. Въ южната половина отъ източното нарѣчие той отлича пакъ откъмъ отмѣницата за ѣ два купа: единъ югоизточенъ или „родопски“, и другъ—негли югозападенъ; ала неговитѣ купове никакъ не съвпадатъ съ куповетѣ „източенъ“ и „западенъ“ отъ рупскитѣ говори у Милетича, като се теглятъ комай изключиво подъ западния. Разложкиятъ говоръ се лъчи у Цонева отъ другитѣ сѣвероизточни и югоизточни говори откъмъ отмѣницитѣ за *шт и *жд. По тая основа той вече изрично намира *три нарѣчия*: общобългарско, сѣверозападно и югозападно, като събира въ „общобългарското“ отличенитѣ възъ основа на ѣ нарѣчия източно и по̀голѣма часть отъ западното. Нагледно е прѣдставилъ Поневъ подѣлата си

на българския езикъ по купове откъмъ три разни основи (ѣ, шт-жд, назвучна система) въ особната карта, приложена къмъ СНУ XIX за разправката му тамъ „Къмъ историята на българския езикъ“. На картата източната половина на българския езикъ, дѣлена отъ западната по отмѣницата за ѣ (границата върви край р. Видъ прѣзъ Еледжикъ въ Срѣдна-гора и Елидере въ западна Родопа къмъ Струма при Кресна и Солунъ), лъчи по прѣгласа на същата отмѣница сѣверозточнитѣ говори отъ югозточнитѣ (прѣдѣлътъ върви отъ Бургасъ къмъ Саранбей надъ Чирпанъ и Татарпазарджикъ) Първитѣ се отличатъ отъ вторитѣ и по назвучната система така, че докдѣ показватъ и двата купа говори „неопрѣдѣлено-подвиженъ“ назвукъ, първиятъ купъ комай нѣма „о́тмѣтъ“ (прѣдѣлътъ горѣдолу съвпада съ оня, който лъчи куповетѣ откъмъ прѣгласа на отмѣницата за ѣ), а вторият има отметъ найсиленъ (вж. СНУ XIX. 11—2). Откъмъ тая разлика югозточнитѣ говори се дружатъ съсъ съсѣдни части отъ сѣвероизточнитѣ (малка ивица) и отъ западната половина (доста голѣмъ просторъ до Враца, София, Кюстендилъ, Струмица, Демирхисаръ). Общо земено картата на Цонева показва, че откъмъ тритѣ му дѣлилни основи двата купа говори отъ източната половина на българския езикъ, сѣверенъ и южен, речи никакъ не се кърстосватъ (както става това съ говоритѣ области на западната половина), и че същитѣ два купа откъмъ отмѣницата за ѣ съвсѣмъ слабо заничатъ въ западната половина на езика. И споредъ това българскиятъ езикъ добрѣ се дѣли отъкъмъ ѣ на *двѣ* половини, които бива да именуваме *нарѣчия*, а пъкъ източното нарѣчие откъмъ прѣгласа на отмѣницата за ѣ и о́тмета на назвука гладко се разпада на *говори* сѣверозточни и югозточни.

Обаче въ диялектоложката карта на Цонева е пропусната подѣла на българския езикъ откъмъ отмѣницата за ѫ; а тъкмо по тая отмѣница той присъжда на „родопскитѣ говори“ неутрално мѣсто между всички други. Нова дѣлилна основа—не фонетична, но вече морфоложка—приложи върху източната половина на българския езикъ Л. Милетичъ. И той дѣли найнапрѣжъ езика по отмѣницата за ѣ на *двѣ* половини, източно и западно *нарѣчие*, между които границата горѣдолу се покрива съ оная у Цонева, ала въ самото източно нарѣчие отлъча възъ основа на формата на члена за мъж. р. ед. ч. два купа говори, *о* и *ът* (*о*-Dialect и *ъt*-Dialect), които не съвпадатъ съсъ говоритѣ у Цонева „сѣверозточни“ и „югозточни“, при все че се означаватъ съсъ същитѣ имена. Диялектоложката карта на Милетича въ книгата му „Das Ostbulgarische“ дава на „сѣвроизточнитѣ говори“ (сир. *о*-Dialect) просторъ найвече въ Дунавската равнина, за да отстъпи всичкото землище къмъ югъ на „югозточнитѣ

говори“ (сир. ѣ-Dialect), които пъкъ дѣли на „балкански“ (16 на брой, или 17 съ говора на Сопотъ-Карлово-Калоферъ) и „рупски“ (9). А за „балканскитѣ“ говори по отношение къмъ „рупскитѣ“ бѣлѣжи, че тѣ повече клонятъ къмъ сѣвероизточнитѣ, безъ да сподѣлятъ съ рупскитѣ най-важнитѣ имъ отлики. Ако се простреше новата дѣлилна основа на Милетича и прѣзъ границата на двѣтѣ български нарѣчия, тя би съединила немалки говорни области на западното нарѣчие особито съсъ сѣвероизточнитѣ и съ рупскитѣ говори. Мъчно е било за Милетича да държи балканскитѣ говори заедно съ *о*-говоритѣ откъмъ прѣгласа на отмѣницата за ѣ (както прави Цоневъ), а лесно му се сторило да ги съедини съ „рупскитѣ“ откъмъ формата на члена за мъж. р. ед. ч., когато Цоневъ нито откъмъ тоя бѣлѣгъ, нито откъмъ прѣгласа на отмѣницата за ѣ, нито пъкъ откъмъ отмѣницата за ѫ не би могълъ да сдружи родопскитѣ говори съ балканскитѣ. И съглежда се и отъ книгата на Милетича, и отъ разправката на Цонева, какъ тия „рупски“ или „родопски“ говори въ състава на източното българско нарѣчие все се теглятъ съ нѣщо особито свое по́вече настрана, отколкото всички други говори отъ същото нарѣчие.

Нѣма другъ бѣлѣгъ, по́сгоденъ за подѣла на българския езикъ въ съвсѣмъ опредѣлени говорни групи и за систематично изложение на говоритѣ, отколкото е отмѣницата за ѣ, вѣрно казва Милетичъ, както и Цоневъ; ала доклѣ и двамата разпознаватъ възъ основа на тоя бѣлѣгъ единъ дѣлъ говори съ *е* за ѣ, а други дѣлъ ту съсъ *'а—е*, ту пъкъ само съ *'а* за ѣ, защо да не кажатъ по́добрѣ, че при единъ дѣлъ говори съсъ *'а* (което е общобългарско изходище) за ѣ, има втори дѣлъ съсъ *'а—е* и трети дѣлъ съсъ *е*? Такава троедѣлба наистина се оправдава и отъ страна на други бѣлѣзи, които въ двоедѣлбитѣ на Цонева и Милетича явно са имъ прѣчили, па свърхъ всичко би намѣрила оправдание и въ почетъка и историята на българския езикъ и книжнина.

За по́пълна подкрѣпа на двоедѣлбата Милетичъ поставя (извънъ дѣлилната основа ѣ) ii точки, по които характеризува дѣлътъ говори източни за отлика отъ дѣлътъ западни. Една по́близка оцѣнка на същностьта на тия точки ни поучава, че нѣколко отъ тѣхъ са просто изразъ на звукословната система, създадена въ говоритѣ съ новобългарската отмѣница за ѣ; че въ областьта на източнитѣ говори не всѣка отъ точкитѣ се радва на наддѣляващо разпространение; и че комай за всѣка отъ тѣхъ се обажда и въ областьта на западнитѣ говори съответѣтна успоредица въ по́малъкъ или по́голѣмъ обемъ. Така *прѣгласътъ* на *а* въ *е* слѣдъ небни съгласни (точка 6 у Милетича) е хармонична поява къмъ прѣгласа *'а—е* за ѣ, въ *о*-говоритѣ и въ балканскитѣ (въ „сѣвероизточнитѣ“ на Цонева) и не личи въ рупскитѣ говори, понеже тѣ не прѣгласятъ *'а* за

ѣ, па я нѣма и въ западния дѣлъ, понеже той не познава *'а* за ѣ. Отъ присъщието на *'а* за ѣ въ източния дѣлъ (т. 7) сама по себе възниква *побройна неблость* на съгласнитѣ му. Обаче при характеристика на говоритѣ се гледа не на причинитѣ на своиствени тѣмъ бѣлѣзи, но на самитѣ бѣлѣзи като готови резултати. *Небнията слаботъмен* звукъ *ъ* (т. 5) е оня, който въ свое врѣме азъ прѣдставихъ подъ буква *ь* (вж. „За звука *ь* въ новобългарския езикъ“, ПС 1883, кн. IV и V) и за който държа, че има глассжа на старобългарския ѣ;—той е непознатъ на западния дѣлъ, а пъкъ въ източния се срѣща подъ назвукъ въ твърдѣ ограниченъ размѣръ, а безназвученъ дори не въвъ всички ония говори, които редуцирать изговора на извѣстни самогласки. *Редукция* на безназвучни самогласки (т. 1) липсува въ източния дѣлъ толкова малко, колкото малко съществува въ западния дѣлъ. *Съпадежъ на отлъжницитъ* за ѫ и ѧ (т. 4) е бѣлѣжито свойственъ на рупскитѣ говори, като е прокаранъ въ другитѣ източни и въ западния дѣлъ само въ 3 л. мн. ч. на имперфекта и аориста (върху морфоложка основа). При *отлъжницата за* ѫ въ източния дѣлъ (т. 2) не бива да се взима отдѣлно „слаботъмното ъ“ въ безназвучни срички, та да се изтъква като *всеобщи* фонетиченъ бѣлѣгъ на тоя дѣлъ говори срѣщу западния, дѣто все пакъ се признава еднаква частична отмѣница; защото въ безназвучнитѣ срички на изтокъ речи изобщо не само ъ, но и всѣко *а* гласи като слаботъмно ъ (спр. *а*), което еднъжъ е вече посочено за характеристика на тия говори (вж. т. 1), а пъкъ въ рупскитѣ говори тъкмо за безназвучно ѫ отмѣницата е *а* и за назвучно ѫ не е нито ъ, нито *а*, както въ други източни говори, но досущъ особита, сродна съ отмѣницата *о* за ѫ въ Дебърско на западъ. Същитѣ особити отмѣници стоятъ въ рупскитѣ говори (съ ограничени изятия) и за ѫ безъ назвукъ и подъ назвукъ; та отъ това, че може да са вторични появи вмѣсто нѣкое първично ъ, не бива да се вади печалба за доводъ, че *старобългарскиятъ* ѫ остая всъдѣ въ източния дѣлъ освѣнъ въ члена за м. р. на *о*-говоритѣ) непзмѣненъ (т. 3). Картата на Цонева показва, какъ по *отлъжницитъ* за шт, жд (т. 8) добра половина отъ западния дѣлъ не се отлича отъ източния и какъ по *назвучната система* (т. 11) рупскитѣ говори се отдѣлятъ отъ *о*-говоритѣ и балканскитѣ, за да се съединятъ съ наречнитѣ отъ Цонева „централни говори“, които и по Милетича спадатъ въ западния дѣлъ. Напоконъ отъ всички източни говори само рупскитѣ иматъ въ 1 л. ед. ч. сег. вр. вмѣсто източната отмѣница за ѫ *завършъкъ—м* (т. 9) подобно на западнитѣ говори и не токо тъй „частимъ“ (theilweise), но по едно правило, което има връзка съ историята на формата за бъдно врѣме. А въ 10 точка Милетичъ посочва една източна конструкция съ

помощьта на *остатъкъ отъ инфинитивъ*, незнайна (или инакъ знайна) въ западнитѣ говори.

Прѣгледаме ли сега реченото за същностьта на 11-тѣ точки на Милетича отъ становище на значението имъ за двоедѣлбата на българския езикъ по отмѣницата за ѣ, ще забѣлѣжимъ слѣдното: а) точкитѣ 7 (небность на съгласкитѣ) и 8 (шт жд) не принасятъ нѣщо нито самостойно, нито изключиво за отлика на „източни говори“ отъ „западни“; б) точката 6 (прѣгласъ *'а—е*) по́скоро помага да се раздвоятъ източнитѣ говори на сѣверни и южни или родопски; в) съ точкитѣ 2, 3 и 4 (отмѣници за ѫ, ѧ, ѧ) се възбуждатъ нови доводи въ полза на отлъчането на родопскитѣ говори отъ сѣвернитѣ източни; г) точкитѣ 1 (редукция на самогласкитѣ), 5 (*е*) и 10 (конструкция съ инфинитивъ) привързуватъ наистина пъкъ родопскитѣ говори къмъ сѣвернитѣ източни; ала д) точкитѣ 9 (-*м* въ 1 сд. сег.) и 11 (назвучна система) изново ги отдѣлятъ отъ подирнитѣ, за да ги привържатъ къмъ западнитѣ. Ще рече, докатѣ сѣвернитѣ източни говори се свързуватъ специално съ родопскитѣ по главния бѣлѣгъ *'а* за ѣ и 3 други точки, родопскитѣ се дѣлятъ отъ тѣхъ по отсътствіе на прѣгласа *'а—е* и по 5 други точки, съ 2 отъ които клонятъ къмъ западнитѣ говори Между туй въ полза на отлъчането на родопскитѣ говори отъ сѣвернитѣ източни биха могли да се приведатъ и други бѣлѣзи, напр отмѣницата за назвучно и безназвучно ь, троякиятъ членъ заедно съ цѣла мѣстоименна система, архаично склонение—бѣлѣзи, които заедно съ приведенитѣ вече са напълно стиѫни да урекатъ самостойно мѣсто на родопскитѣ говори срѣди западнитѣ и сѣвернитѣ източни. По краищата, дѣто родопскитѣ говори се шарятъ или кръстосватъ съсъ сѣверни източни и западни, тѣхнитѣ характерни бѣлѣзи линѣятъ или отстъпятъ на други; ала това същото чини и за западнитѣ и сѣвернитѣ източни говори като цѣлости, таче и за отдѣлни подго́вори.

Като се оставятъ настрана онія нарушения, каквито селбитѣ са докарали у насъ въ единството на извѣстни по́голѣми говорни области, и се прибератъ една до друга областитѣ на цѣлия български езикъ откъмъ характерни бѣлѣзи главно фонстични, а послѣ и нѣкои морфоложки и спнтактични, ще се обяви ясно, какъ тия области, доклѣ се прѣливатъ говорно една въ друга по слоговетѣ, запазватъ помежду си по единъ сборъ особитости, възъ основа на конто можемъ да ги разглеждаме като отдѣлни единици. Отъ сбороветѣ на такива особитости, се е фърляла досега наймного въ очи една, именно отмѣницата за ѣ, та по нея са се разпознавали двѣ голѣми области въ българския езикъ, източна съ отмѣница *'а—е* и западна само съсъ *е*. Обаче при това съвсѣмъ се е зазирало, че въ единъ сборъ особитости борави отмѣница не *'а—е*, но само *'а*,

и че въвъ всички сборове покрай отмѣницата за ѣ има и други непо́малко лични особитости, които съвмѣстно съ отмѣницата за ѣ биха по́правилно и по́пзнѣкало очъртали областитѣ на езика ни. Б. Цоневъ е обърналъ погледъ и къмъ такива особитости, ала по́вече отъ становище статистично, нежели систематично. За систематиката на българскитѣ говори освѣнъ отмѣницата за ѣ подъ тритѣ вида *'a*, *'a—e*, *e* се показватъ смалъ не отъ хомогенно значение отмѣницитѣ за старобългаритѣ носовки и ерове. Важенъ приносъ въ тая посока притежаваме отъ М. Дриновъ, „Die Wiedergabe des altslovenischen ѫ und ѧ im Neubulgarischen“ въ Archiv f. slav. Phil V, 1881. 370—6. „Das Ostbulgarische“ отъ Милетича систематизува говоритѣ на една източна половина на българския езикъ, като имъ изтъкнува поотдѣлно и всички фонетични и морфоложки свойщини, ала въ системата са подцѣнени типичнитѣ особитости на „рупскитѣ“ говори, за да могатъ се прибра въ една цѣлость съсъ „балканскитѣ“ и другитѣ сѣверни до Дунава. А скупното дѣйствие на всички особитости на говоритѣ, що се прибиратъ къмъ една область родопска, налага да се лъчатъ тѣ отъ говоритѣ на областитѣ къмъ сѣверъ и къмъ западъ.

Отдѣляйки „чудния езикъ на Родопскитѣ“ отъ говоритѣ къмъ сѣверъ и къмъ западъ, Иречекъ, който е изтънко наблюдавалъ и изучвалъ българския народъ и езика му, казва, че „родопското нарѣчие“ е старо. Таково мнѣние би се досѣщало и отъ думитѣ на В Облакъ, когато приседа на отмѣницата за ѣ въ родопскитѣ говори голѣмо значение за опредѣляне отечината на „старословѣнския“ езикъ. И подобно на Иречека Облакъ издѣля въ българския езикъ родопскитѣ говори като самостойно нарѣчие, тъкмо възъ основа на отмѣницата за ѣ. Откъмъ тая отмѣница, каже той, нареченитѣ източни говори (*'a—e*) частимъ се изра́внятъ съсъ западнитѣ (*e*), и все пакъ се лъчатъ отъ тѣхъ въ особито нарѣчие; защо тогава се съединяватъ въ едно нарѣчие съ родопскитѣ говори, когато и съ тѣхъ се изравнятъ откъмъ отмѣницата имъ за ѣ (*'a*) само частимъ? Както е западното нарѣчие едностройно откъмъ *e* за ѣ, така са и родопскитѣ говори откъмъ *'a* за ѣ, та имъ се пада затуй положение на особито нарѣчие не съ по́малко право, отколкото на сѣвернитѣ спрѣмо тѣхъ говори, които иматъ за ѣ ту *'a*, ту *e*. Родопскитѣ говори (ако и безъ „горна Родопа“, въ политѣ и сѣвернитѣ бърда) е отлъчилъ въ найдалеченъ купъ (Д) отъ говоритѣ къмъ сѣверъ отъ тѣхъ (купъ А) и Дриновъ по отмѣницата за ѫ—ѧ.

И така нѣма доста оправдание нито откъмъ особитоститѣ на родопскитѣ говори изкупъ, нито откъмъ главното дѣлило на българския езикъ да се сдружаватъ родопскитѣ говори въ едно нарѣчие съ говоритѣ „балкански“ и отъ дунавската равнина, та да се противупоставятъ на

друго нарѣчие западно;—наопаки, родопскитѣ говори еднакво съсъ западното нарѣчие настояватъ да образуватъ за себе нарѣчие, срѣдно между западното и осталитѣ говори на досегашното източно. По главното, обширно и изходно мѣсто на своето разпространение —сѣверна и южна Родопа въвъ всичкитѣ имъ клонове и издънки—тѣ умѣстно са били вече именувани *„родопско нарѣчие“*. Несполучливо ги е означавалъ като „централни говори“ Облакъ. Ако искаме да си служимъ съ еднородна географска термпнология, ще можемъ при „западно“ и „източно“ нарѣчие да именуваме родопското *„южно“*; тогава разбира се досегашнятъ термпнъ „източно“ ще стѣсни своя обемъ между Черно-море, Дунава, Витъ и Марица.

Всички особитости на *„южното“* или *„родопско нарѣчие“* въ неговитѣ прѣдѣли тукъ не излагаме.

София. А. Теодоровъ.

Выступленіе А. А. Потебни на ученое поприще и участіе въ этомъ дѣлѣ М. С. Дринова.

Въ исторіи русской филологической науки, въ исторіи Императорскаго Харьковскаго Университета имя профессора Александра Аѳанасьевича Потебни занимаетъ видное мѣсто, какъ имя глубокаго и оригинальнаго мыслителя, человѣка высокихъ нравственныхъ убѣжденій, принципіальнаго и убѣжденнаго сторонника свободнаго развитія личности и народности. Вліяніе его, какъ показываютъ многочисленныя о немъ воспоминанія и многочисленные отзывы о его трудахъ, было велико, и послѣ его преждевременной кончины въ 1891 г. не только не умалилось, но съ посмертными изданіями его капитальныхъ трудовъ по русскому языку и теоріи словесности все болѣе и болѣе возрастаетъ.

При несомнѣнномъ и, такъ сказать, очевидно важномъ значеніи ученой дѣятельности Потебни, естественно возникаетъ интересъ къ его талантливой личности. Въ удовлетвореніе этого интереса вполнѣ умѣстно будетъ выяснить первые его шаги на ученомъ поприщѣ, его научное крещеніе, его диссертаціи и вызванныя ими первыя по времени рецензіи. Университетскій архивъ даетъ по этому поводу любопытный матеріалъ, до сихъ поръ неизданный и никѣмъ неиспользованный. Обращеніе къ этому матеріалу въ сборникѣ, посвященномъ проф. М. С. Дринову, тѣмъ болѣе естественно и умѣстно, что, какъ это далѣе будетъ выяснено, многоуважаемый Маринъ Степановичъ принималъ дѣятельное участіе въ научномъ крещеніи славнаго лингвиста и былъ однимъ изъ наиболѣе доброжелательныхъ пріемныхъ его отцовъ, въ положеніи оффиціальнаго рецензента докторской диссертаціи А. А. Потебни и оффиціальнаго его оппонента на диспутѣ при публичномъ ея защищеніи.

Въ маѣ 1851 г. 16-ти лѣтній Потебня окончилъ Радомскую гимназію съ блестящимъ аттестатомъ. По всѣмъ 19 предметамъ была одна отмѣтка—отлично, и тутъ же было прописано, что во всѣхъ пройденныхъ ранѣе классахъ отъ 1-го до 6-го Потебня за благонравіе, прилежаніе и успѣхи получалъ похвальные листы и, кромѣ того, награды за успѣхи по русскому языку.

Въ Харьковскій университетъ А. А. Потебня поступилъ въ авг. 1851 г. на юридическій факультетъ, по экзамену, отмѣтки котораго далеко не отвѣчаютъ блестящей успѣшности гимназическаго аттестата. На вступительномъ экзаменѣ Потебня получилъ по Закону Божію 3, русской словесности 4, латинскому языку 3, нѣмецкому 5, французскому 3, географіи 3, исторіи 3, физикѣ 3 и математикѣ 2.

Въ августѣ 1852 г. Потебня перешелъ со второго курса юридическаго на первый курсъ историко-филологическаго факультета, какъ значится въ его прошеніи ректору, „по волѣ родителей“, но въ своей автобіографіи Потебня говоритъ, что онъ перешелъ „отчасти по совѣту“ студента медика Нѣговскаго. Въ университетскомъ дипломѣ, выданномъ ему въ 1856 г. за подписью бывшаго въ то время ректора Фойхта и декана ист.-фил. фак. Рославскаго—Петровскаго, отмѣчено, что Потебня слушалъ философію, греческую и римскую словесность, исторію русской литературы, славянскія нарѣчія, русскую исторію, политическую экономію, статистику, педагогію, нѣмецкій языкъ—всѣ эти предметы съ отличными успѣхами, а богословіе, всеобщую исторію и церковную исторію—съ хорошими. Во время нахожденія въ университетѣ Потебня былъ поведенія отличнаго. Кстати, со словъ покойнаго профессора, добавимъ, что онъ былъ казеннокоштнымъ студентомъ и въ преклонномъ возрастѣ отзывался съ удовольствіемъ и съ похвалой о своемъ пансіонерскомъ бытѣ. При окончаніи курса Потебня представилъ сочиненіе на тему: „Первые четыре года войны Хмельницкаго, изложенные на основаніи соч. Пасторія Bellum Scythico—Cosacicum и лѣтописей Велички и Грабянки“, и, по одобреніи его факультетомъ, былъ утвержденъ въ степени кандидата 12 дек. 1856 г

Тема, взятая изъ малорусской исторіи, быть можетъ, подсказанная почитателемъ всего украинскаго проф. Метлинскимъ, свидѣтельствуетъ о томъ, куда склонялись въ то время наклонности и симпатіи Потебни. Симпатіи эти были сильно укрѣплены въ Потебни его дружбой съ способнымъ, рано умершимъ студентомъ медицинскаго факультета Нѣговскимъ, любителемъ и умѣлымъ собирателемъ малорусскихъ народныхъ пѣсенъ. Нѣкоторыя думы, записанныя имъ, напечатаны у Антоновича и Драгоманова. „Въ завѣдываніи Нѣговскаго, говоритъ Потебня въ своей автобіографіи (нап. въ III оп. „Ист. рус. этнограф.“ Пыпина), была небольшая библіотека, состоявшая изъ сочиненій на малорусскомъ языкѣ и относящихся къ Малороссіи. Этою библіотекою я пользовался, что не осталось безъ вліянія на позднѣйшія мои занятія“.

„Какъ казеннокоштный и за неимѣніемъ незанятыхъ учительскихъ мѣстъ, говоритъ далѣе Потебня, я былъ назначенъ комнатнымъ надзирателемъ въ 1-ю харьковскую гимназію. Черезъ полгода я получилъ воз-

можность замѣстить себя другимъ, отказавшись отъ жалованья и, по совѣту П. А. Лавровскаго, сталъ готовиться къ магистерскому экзамену по славянской филологіи. До этого я не думалъ ни о математическихъ занятіяхъ, ни о профессурѣ. Выдержавъ этотъ экзаменъ, благодаря снисходительности П. А. и Н. А. Лавровскихъ, я оставленъ при университетѣ"...

Итакъ, по свидѣтельству самого Потебни, мысль о научныхъ занятіяхъ и о профессурѣ явилась у него лишь по окончаніи курса въ университетѣ въ 1856 г., благодаря совѣтамъ братьевъ Лавровскихъ, которые такимъ образомъ и должны быть признаны первыми крестными отцами лингвиста Потебни, особенно Петръ Алексѣевичъ Лавровскій, отношенія котораго къ Потебнѣ сначала были въ высокой степени доброжелательныя. П. А. Лавровскій, со свойственной ему энергіей, оказалъ молодому ученому на первыхъ порахъ его дѣятельности большую и разностороннюю поддержку.

Справедливость требуетъ отмѣтить, что кромѣ Лавровскихъ на Потебню, во время его пребыванія въ университетѣ, судя по его автобіографіи, въ дѣлѣ расширенія знаній и развитія любви къ изученію литературы и философіи, благотворно повліяли Рославскій-Петровскій, Зернинъ и Метлинскій Потебня говоритъ, что лекціи Рославскаго-Петровскаго, при всей ихъ стереотипности, „возбуждали движеніе мысли довольно самостоятельное". А. П. Зернинъ говорилъ дѣльно и свободно.... Составленіе записокъ по русской исторіи, имъ читанныхъ, по словамъ Потебни, было ему лично полезно во многихъ отношеніяхъ". Хотя Потебня и называетъ Метлинскаго слабымъ профессоромъ, но тутъ же замѣчаетъ, что изданный имъ сборникъ „Южно-рус. народ. пѣсни" былъ первой книгой, по которой онъ учился присматриваться къ явленіямъ языка", добавимъ языка малорусскаго, который, при всемъ богатствѣ лингвистическихъ познаній Потебни, пользовался его особеннымъ расположеніемъ.

Какъ бы то ни было, вліяніе бр. Лавровскихъ на Потебню было наиболѣе крупнымъ и наиболѣе плодотворнымъ въ ученомъ отношеніи.

Посмотримъ сначала что говоритъ объ этомъ вліяніи самъ Потебня въ автобіографіи и что затѣмъ говорятъ архивныя документальныя данныя 50-хъ годовъ.

П. А. Лавровскій читалъ фонетику славянскихъ нарѣчій. Онъ познакомилъ Потебню съ грамматикой Миклошича и трудами Караджича. „Благодаря П. Лавровскому, говоритъ Потебня, я сталъ заниматься славянскимъ языкознаніемъ и оставленъ при университетѣ". Потебня не считалъ себя послѣдователемъ П. А. Лавровскаго, что онъ и оговариваетъ прямо въ своей автобіографіи, но, не смотря на всю рѣзкость столкновенія въ половинѣ 60-хъ годовъ и полный послѣдовавшій разрывъ, Потебня

всегда считалъ себя лично многимъ обязаннымъ П. А. Лавровскому, открыто выразился о томъ въ своей автобіографіи, сохранилъ портреты братьевъ Лавровскихъ въ альбомѣ своихъ друзей, по кончинѣ П. А. Лавровскаго, прочиталъ докладъ о его научныхъ трудахъ и предложилъ почтить его память вставаніемъ.

Съ Н. А. Лавровскимъ Потебня сохранилъ наилучшія личныя отношенія до самой его кончины. Н. А. Лавровскій указалъ Потебнѣ на „Мысли объ исторіи русскаго языка“ Срезневскаго, эту небольшую, но въ исторіи русской науки „epochenmachende“ книгу. На магистерскомъ (1860) и докторскомъ (1874) диспутахъ Потебни Н. А. Лавровскій былъ оффиціальнымъ аппонентомъ.

Обратимся къ архивнымъ дѣламъ, 22 ноября 1857 г. историко-филологическій факультетъ возбудилъ ходатайство о прикомандированіи Потебни къ университету, для приготовленія къ магистерскому экзамену, съ порученіемъ преподаванія нѣкоторыхъ отдѣловъ изъ курсовъ, входящихъ въ составъ каѳедръ русской словесности и исторіи литературы славянскихъ народовъ, подъ руководствомъ соотвѣтствующихъ профессоровъ, съ вознагражденіемъ по 350 руб. въ годъ—изъ суммъ, собираемыхъ за слушаніе лекцій. Министерское разрѣшеніе послѣдовало лишь 18 декабря 1858 г., съ назначеніемъ жалованья въ 400 руб. Къ этому времени Потебня уже выдержалъ магистерское испытаніе и представилъ магистерскую диссертацію „О нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи“, для напечатанія которой П. А. Лавровскій исходатайствовалъ субсидію въ 250 руб. Одновременно П. А. Лавровскій представилъ свой отзывъ о диссертаціи Потебни. Приводимъ его въ цѣлости, какъ въ своемъ родѣ интересный памятникъ, по аргументаціи и изложенію (сохранился при Дѣлѣ Совѣта 1858 г. № 149).

„Изслѣдованіе о символахъ народной поэзіи славянской составляетъ предметъ новый, вовсе нетронутый филологами славянскими, если не принимать въ соображеніе тѣхъ отдѣльныхъ фактовъ, до которыхъ касались иногда ученые въ своихъ сочиненіяхъ, съ цѣлью уяснить посредствомъ символа то или другое условіе быта народнаго или какое-либо явленіе въ историческомъ развитіи внутренней стороны языка. Но, понятно, что въ этомъ случаѣ, во первыхъ, символъ имѣлъ значеніе посредствующее: не самъ онъ былъ цѣлью, а служилъ только средствомъ для цѣлей постороннихъ, во вторыхъ, что самое главное и что обусловливается несамостоятельностью цѣли при разъясненіи символовъ, ученые останавливались лишь на тѣхъ символическихъ выраженіяхъ, которыя казались имъ наиболѣе важными и необходимыми для рѣшенія своей задачи Отсюда, крайняя неприготовленность матеріала по части символики славянской, въ такой же мѣрѣ темнота ея характера и неопредѣленность значенія въ поэзіи народной, какъ въ главномъ ея средоточіи Вотъ точка зрѣнія, съ которой прежде всего и смотришь на

трудъ Потебни о нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи. Здѣсь символы взяты основною и исключительною цѣлью всего разсужденія; источникомъ для нихъ принята народная поэзія; объемъ распространенъ на всѣ народы славянскіе Послѣднее обстоятельство—объемъ изслѣдованія о символахъ вноситъ новую свѣтлую сторону въ значеніе разсматриваемаго разсужденія: только при пособіи сравнительнаго изученія возможенъ правильный взглядъ на дѣло Жизнь народа такъ ушла далеко отъ древнѣйшаго быта: выраженія символическія, восходящія къ этому быту и имъ вызванныя въ поэзіи, такъ затемнились для потомства, приняли такой непредѣленный, технический характеръ, что узнать ихъ настоящій символъ возможно только по случайно иногда уцѣлѣвшей частности въ поэзіи какого-нибудь одного поколѣнія славянскаго Я не говорю уже о томъ, что совокупный взглядъ на символику всего племени предлагаетъ одно изъ прочныхъ средствъ опредѣлить единство въ воззрѣніи на внѣшнюю и духовную природу всѣхъ поколѣній славянскихъ, какъ въ свою очередь раскрыть и тѣ личныя свойства, какія успѣло каждое изъ нихъ выработать въ слѣдствіе отдѣльной жизни исторической.

Но нерѣдко и знакомство съ поэзіей всѣхъ вѣтвей племени не въ силахъ уяснить коренной смыслъ символа: до такой степени иногда выраженіе его потеряло всюду свою прозрачность и первобытную пластичность. Тогда у филолога осталось другое средство дойти до кореннаго значенія—обратиться къ языку, въ частности къ слову, заключающему въ себѣ символъ и опредѣлить путемъ историко-сравнительнымъ его основное значеніе. Это средство тѣмъ надежнѣе, чѣмъ мысль тѣснѣе связана съ словомъ, и тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ менѣе современное значеніе слова можетъ ручаться за древность, съ которой стоитъ оно иногда въ прямой противоположности, и чѣмъ непогрѣшительнѣе можно достигнуть древнѣйшаго значенія съ помошью внѣшней стороны слова, при пособіи историко-сравнительнаго метода. Вотъ почему при большей внимательности къ языку и при правильномъ его пониманіи чаще и чаще обнаруживаются промахи въ заключеніяхъ ученыхъ и относительно частныхъ фактовъ въ символикѣ. И это средство не забыто молодымъ авторомъ разсужденія: языкъ идетъ у него, хотя, къ сожалѣнію, и непостоянно, наряду съ предлагаемыми символами.

И такъ уже по новости предмета, по включенію въ изслѣдованіе всего славянства, по значенію, какое дано въ немъ языку, диссертація Потебни не можетъ не обратить на себя благосклоннаго вниманія и не возбудить горячаго къ себѣ сочувствія. Но это вниманіе и сочувствіе должны усилиться еще больше при соображеніи результатовъ, до которыхъ дошелъ авторъ въ своемъ изслѣдованіи.

Странно было бы ожидать той полноты и той систематичности въ собраніи матеріала по части символовъ, какихъ въ правѣ требовать ученое сословіе при обработкѣ предмета, болѣе-менѣе извѣстнаго, имѣющаго достаточную уже литературу, значительными частями и со многихъ сторонъ входившаго въ ученые труды спеціалистовъ Предметъ, избранный Потебнею, не таковъ; тѣмъ не менѣе выраженіе въ оглавленіи о нѣкоторыхъ символахъ скорѣе указываетъ на скромность автора,

чѣмъ на точность опредѣленія объема матеріала: количество послѣдняго слишкомъ велико, чтобы не оставить далеко позади себя объемъ понятія нѣкоторый и чтобы не признать удовлетворительною услуги для науки автора, если бы даже рѣшился онъ ограничиться только предложеніемъ этого матеріала по той системѣ, въ какой онъ сгруппировалъ его. Система эта основана на важнѣйшихъ понятіяхъ въ воззрѣніи народа на жизнь и ея условія и касается существенныхъ сторонъ этого воззрѣнія въ эпоху, недосягаемую исторіей. Къ такимъ-то понятіямъ сведено разнообразное множество примѣровъ, извлеченныхъ изъ сборниковъ поэзіи славянской, по всѣмъ ея нарѣчіямъ Конечно, относительно надлежащаго пониманія примѣровъ не всегда можно согласиться съ авторомъ; точно также относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ придется, быть можетъ, перемѣнить и самую систему, но тамъ, гдѣ пролагается на цѣлинѣ путь, подобныя уклоненія отъ прямизны неизбѣжны: послѣдующему труженику, при той же любви къ дѣлу, какая высказалась въ трудѣ Потебни, при томъ же трудолюбіи, какое проникаетъ весь трудъ, весьма легко будетъ сгладить неровности и устранить отступленія.

Но Потебня не остановился на подборѣ матеріала и на его группировкѣ въ систему; онъ коснулся и самаго происхожденія, и кореннаго характера символовъ, раскрывая ихъ въ связи съ послѣдовательнымъ развитіемъ языка. Многое въ рѣшеніи этихъ вопросовъ доведено до несомнѣнной положительности и должно войти въ науку, какъ факты очищенные, многое снабжено такими догадками и обставлено такими соображеніями, которыя не могутъ не послужить облегченіемъ для окончательнаго рѣшенія другимъ Нельзя не замѣтить, однакожъ, въ этой сторонѣ изслѣдованія и увлеченій, заведшихъ кое-гдѣ молодого автора слишкомъ далеко, давъ просторъ фантазіи, при нѣкоторыхъ сближеніяхъ. Но, въ глазахъ знакомаго съ подобными работами, недостатокъ этотъ не можетъ не показаться слабымъ, особенно, когда проглядываетъ онъ только изрѣдка, какъ, съ другой стороны, не можетъ не уясниться и причина его, почти устраняющая отъ обвиненія личности молодого ученаго и направленная вообще на слабое распространеніе у насъ сравнительнаго языкознанія и, въ частности, на отсутствіе по этой наукѣ особой каѳедры Какъ бы то ни было, но проблески увлеченія въ сочиненіи Потебни не въ состояніи затемнить слишкомъ видныхъ его достоинствъ: скорѣе сами они блѣднѣютъ и исчезаютъ отъ вниманія къ послѣднимъ.

Въ короткихъ словахъ мнѣніе мое о диссертаціи таково: по предмету она нова, по матеріалу богата, по пріемамъ современна, по результату во многихъ случаяхъ составляетъ пріобрѣтеніе въ наукѣ. Съ моей стороны остается только желать, чтобы она сдѣлалась достояніемъ всѣхъ, кому дорогъ каждый самостоятельный трудъ, и жалѣть, если судьба заставитъ остаться его въ рукописи“

Благодаря хлопотамъ Лавровскаго, судьба оказалась болѣе милостивой. Книга была напечатана Магистерскій диспутъ состоялся 28 февраля 1860 г.; оффиціальными оппонентами были Ник. Лавровскій и Лукьяновичъ 15 апрѣля Потебня былъ утвержденъ въ званіи магистра „славянской словесности“.

Потебня въ автобіографіи замѣтилъ, что сочиненіе Н. И. Костомарова „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи“ ему, Потебнѣ, въ „нѣкоторыхъ отношеніяхъ не нравилось“, но имѣло на него вліяніе, равно какъ и статья Ѳ. И. Буслаева „Объ эпической поэзіи“. Магистерская диссертація написана подъ вліяніемъ Костомарова и, въ ряду другихъ произведеній Потебни, представляетъ интересъ, какъ показатель тѣхъ ученыхъ интересовъ и стремленій, кооторымъ Потебня остался вѣренъ всю жизнь—живого его интереса къ народной словесности и желанія опредѣлить ея формальное и символическое значенія. Нѣкототые этнографическіе элементы, затронутые въ соч. о символахъ лишь слегка, были гораздо глубже и обстоятельнѣе разработаны Потебней въ позднѣйшихъ его произведеніяхъ. Въ диссертаціи даны объясненія къ символическимъ представленіямъ, связаннымъ въ народной словесности съ понятіями питья, ѣды, сладости, огня, дыма, пыли, цвѣтовъ краснаго, чернаго и др., слезы, облака, дороги, поля, горы и др.

Въ 1865 г. вышелъ непріятный эпизодъ съ диссертаціей Потебни о миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и нарѣчій. П. А. Лавровскій далъ о ней обширный и весьма суровый отзывъ, напечатанный въ Чт. моск. общ. ист. и древ. 1866 г. кн. 2. Хотя Потебня и написалъ возраженіе, которое не было напечатано, и сохранилось въ его посмертныхъ бумагахъ, тѣмъ не менѣе онъ призналъ основательность нѣкоторыхъ укоровъ Лавровскаго, и принялся за другую диссертацію чисто лингвистическаго характера. Работалъ надъ ней онъ долго; много работъ серіознаго научнаго значенія было имъ издано въ промежуткѣ времени съ 1865 по 1874 г. Н. А. Лавровскій, М. С. Дриновъ и А. И. Кирпичниковъ предлагали Потебнѣ степень доктора до защиты, но строгій къ себѣ и хорошо сознававшій свои силы Потебня рѣшительно отклонилъ эту любезность, и въ 1874 г. представилъ докторскую диссертацію „Записки по русской грамматикѣ“, капитальный трудъ, вызвавшій въ области русской филологіи цѣлую ломку. Первая часть изслѣдованія печаталась въ воронежскихъ Филол. Запискахъ, вторая въ Харьковѣ; при второмъ исправленномъ изданіи обѣ части вышли совмѣстно. О „Запискахъ“ Потебни въ печати есть много похвальныхъ отзывовъ, данныхъ авторитетными спеціалистами, Срезневскимъ, Ягичемъ, Ламанскимъ, Ляпуновымъ, Нетушиломъ и др.; большинство ихъ сгруппировано въ книгѣ „Памяти А. А. Потебни“, изд. харьк. истор. филол. общ. въ 1892, и здѣсь нѣтъ надобности повторять ихъ.

Всѣ отзывы и рецензіи вышедшія въ печати, предварены были оффиціальнымъ отзывомъ М. С. Дринова, представленнымъ въ свое время въ факультетъ, и такъ какъ этотъ отзывъ послужилъ опорой для

сужденія факультета и связанъ непосредственно съ диспутомъ, то вполнѣ умѣстно будетъ извлечь его изъ архива въ цѣлости.

Представленныя А А Потебнею два сочиненія для полученія степени доктора славянорусской филологіи, содержатъ въ себѣ два отдѣла изъ его записокъ по русской грамматикѣ Одно изъ этихъ сочиненій есть „Введеніе“, другое —обширное изслѣдованіе о составныхъ членахъ предложенія и ихъ замѣнахъ въ русскомъ языкѣ“ Введеніе только отчасти примыкаютъ къ изслѣдованію автора о составныхъ членахъ,—оно отличается общимъ характеромъ и можетъ быть названо Введеніемъ въ грамматику вообще. Въ немъ говорится о словѣ и его корнѣ, о грамматической формѣ о формахъ синтактическихъ и грамматическихъ, о созданіи и разрушеніи грамматическихъ формъ, объ отношеніи грамматики къ логикѣ, о членахъ предложенія и частяхъ рѣчи. Въ виду разнообразія этихъ вопросовъ, я нахожу неудобнымъ останавливаться на сколько нибудь обстоятельной передачѣ разсужденій автора объ нихъ Замѣчу вкратцѣ, что въ этихъ разсужденіяхъ авторъ имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, опроверженіе нѣкоторыхъ господствующихъ и доселѣ въ русской ученой литературѣ мнѣній относительно помянутыхъ вопросовъ Задачу эту авторъ съ своей точки зрѣнія рѣшаетъ вполнѣ: онъ обнаруживаетъ всю несостоятельность этихъ мнѣній, ихъ отсталость относительно новѣйшихъ успѣховъ языкознанія, изученныхъ авторомъ съ такою основательностью, которая даетъ ему возможность критически относиться и къ нимъ Опровергая господствующія доселѣ мнѣнія по означеннымъ вопросамъ, г. Потебня старается по возможности, замѣнить ихъ новыми, стоящими въ полномъ соотвѣтствіи съ послѣдними выводами науки. Эта положительная сторона его „Введенія“ особенно полна въ послѣдней, 10-той главѣ, занимающейся опредѣленіемъ членовъ предложенія и частей рѣчи и имѣющей ближайшее отношеніе ко второму, обширному изслѣдованіи автора. Изслѣдованіе это посвящено извѣстному кругу синтактическихъ явленій, группирующихся около составныхъ членовъ предложенія. Оно раздѣляется на слѣдующія четыре части 1) Составное сказуемое и приложеніе, 2) Вторые косвенные падежи или составное дополненіе, 3) Неопредѣленное наклоненіе, 4) Творительный падежъ

По опредѣленію г Потебни, не согласному съ опредѣленіями Востокова, Буслаева, отчасти Миклошича и другихъ, *составное сказуемое* есть сказуемое, состоящее изъ двухъ частей, глагола и имени, изъ коихъ ни одна сама по себѣ не можетъ быть названа сказуемымъ. Имя, входящее въ составъ составнаго сказуемаго, есть аттрибутъ, грамматическое опредѣленіе, представляющее только ту особенность, что присоединяется къ своему опредѣляемому не прямо, подобно опредѣленію въ тѣсномъ смыслѣ, а черезъ посредство глагола. Предикативное имя, будучи опредѣленіемъ, должно въ чемъ нибудь обнаружить свою мыслимость въ опредѣленіи, т. е не можетъ стоять внѣ законовъ согласованія Если подлежащее есть всегда именительный падежъ, то и предикативное имя всегда стоитъ въ томъ же падежѣ. Исходя изъ этого опредѣленія второй части составнаго сказуемаго, авторъ, вопреки многимъ, не считаетъ творительнаго падежа въ „былъ солдатомъ“ и родительнаго

въ „Петръ Великій былъ высокаго роста“ ни сказуемымъ, ни частью сказуемаго. Въ составное сказуемое, кромѣ имени, входитъ и предикативная связка Такою связкою могутъ быть не только глаголы, означающіе бытіе въ покоѣ (sein) и движенія (wenden), какъ думаетъ Миклошичъ, но и всѣ глаголы, допускающіе или требующіе предикативнаго именительнаго. Весьма справедливо авторъ считаетъ безплодною попытку Миклошича опредѣлить глаголы составнаго сказуемаго ихъ отвлеченностью сравнительно съ конкретностью остальныхъ: „такое опредѣленіе могло бы имѣть мѣсто только по отношенію къ глаголамъ *не* и *бы*, да и то лишь въ позднѣйшій періодъ развитія языка“ Чѣмъ далѣе въ древность, тѣмъ болѣе сходства представляютъ глаголы *не* и *бы* съ остальными и тѣмъ труднѣе различать ихъ роли въ предложеніи

Особенный видъ составнаго сказуемаго получается тогда, когда въ предложеніи находится аппозитивное причастіе. настоящ или прешедшаго времени (ъ, въ) дѣйствительнаго залога Аппозиція вообще—болѣе самостоятельна по отношенію къ опредѣляемому, чѣмъ аттрибутъ „она стоитъ на переходѣ отъ предиката къ аттрибуту“. Но когда на мѣстѣ ея находится одно изъ названныхъ причастій, предикативность ея увеличивается до того, что функція ея дѣлается сходной съ функціей главнаго (глагольнаго) сказуемаго Это проявляется, между прочимъ, въ отдѣленіи аппозитивнаго причастія отъ сказуемаго союзомъ Такая аппозиція есть *второстепенное сказуемое*, и если она происходитъ отъ глаголовъ, требующихъ второго именительнаго, то она сама можетъ имѣть при себѣ второй именительный,—въ такомъ случаѣ мы получаемъ *составное приложеніе.*

Составное дополненіе является въ тѣхъ случаяхъ, когда составное сказуемаго невозможно, т. е. когда въ предложеніи находится одинъ изъ глаголовъ, недопускающихъ второго именительнаго. Въ предложеніи съ составнымъ дополненіемъ первый косвенный падежъ соотвѣтствуетъ субъекту предложенія съ составнымъ сказуемымъ, второй же-его предикативному аттрибуту. Г. Потебня приводитъ два соотвѣтственныхъ предложенія, одно съ составнымъ сказуемымъ, другое съ составнымъ дополненіемъ и на этихъ примѣрахъ наглядымъ образомъ поясняетъ свою мысль

Неопредѣленное наклоненіе, по мнѣнію г Потебни, вноситъ въ языкъ особое составное сказуемое, состоящее не изъ глагола и имени, а изъ двухъ видоизмѣненій глагола. Вопреки общепринятому почти обычаю въ русской грамматической литературѣ объяснять синтактическія особенности неопредѣленнаго наклоненія изъ его именнаго значенія, нашъ авторъ объясняетъ эти особенности изъ его глагольнаго значенія. Не отрицая падежнаго происхожденія неопр накл., онъ весьма убѣдительно доказываетъ, что въ синтактическомъ отношеніи давно перестало быть именемъ, превратилось въ родъ глагола и стремится къ полному сліянію съ нимъ, какъ показываютъ языки сербскій и болгарскій, въ которыхъ неопред. накл. вытѣснено личнымъ глаголомъ. „Особое назначеніе неопред. искл. есть служить второстепеннымъ, зависимымъ сказуемымъ“,—вотъ почему разсмотрѣніе его нашло себѣ мѣсто въ изслѣдованіи о составныхъ членахъ предложенія Такъ, говоря въ

общихъ чертахъ, г. Потебня опредѣляетъ тѣ члены предложенія, которые отъ избралъ предметомъ своего изслѣдованія.

Составные члены предложенія суть принадлежность древняго славянскаго языка, за немногими исключеніями, общая ему съ другими древними индоевропейскими языками. Въ позднѣйшемъ языкѣ эти древнія синтактическія формы частью замѣняются другими, новыми, частью же измѣняютъ свой видъ и значеніе. Въ своемъ изслѣдованіи г. Потебня разсматриваетъ подробно всѣ примыкающія сюда синтактическія явленія, не исключая даже мельчайшихъ. Для каждаго изъ этихъ явленій у него съ необыкновеннымъ трудолюбіемъ и добросовѣстностью подобраны примѣры не только изъ древнеславянскаго и русскаго, но и изъ другихъ славянскихъ нарѣчій, въ исторіи и современномъ состояніи которыхъ онъ обнаруживаетъ основательныя свѣдѣнія. Тамъ, гдѣ казалось нужнымъ, онъ сопоставляетъ съ славянскими примѣрами примѣры изъ другихъ родственныхъ языковъ, греческаго, древне-нѣмецкаго и особенно литовскаго. Богатый матеріалъ, хорошо подобранный и мѣтко сопоставляемый, даетъ объясненіямъ автора основательность и убѣдительную силу. При объясненіи многихъ отдѣльныхъ явленій авторъ расходится со взглядами на нихъ прежнихъ изслѣдователей и весьма часто вступаетъ въ полемику съ Востоковымъ, Срезневскимъ, Буслаевымъ, Некрасовымъ, Шлейхеромъ, Миклошичемъ и др. Основательность мнѣній, отстаиваемыхъ имъ въ этой полемикѣ, въ большинствѣ случаевъ, доказана съ достаточною ясностью,—этого нельзя сказать только относительно весьма немногихъ спорныхъ вопросовъ, къ которымъ, между прочимъ, принадлежитъ вопросъ о происхожденіи дательныхъ самостоятельныхъ. Я вполнѣ согласенъ съ доводами г Потебни противъ объясненія Миклошича, производящаго этотъ оборотъ изъ весьма сомнительнаго дательнаго мѣста, но не могу вполнѣ согласиться и съ его объясненіемъ, производящимъ дательный самостоятельный изъ перваго зависимаго дательнаго, т. е. изъ дательнаго, служащаго дополненіемъ главнаго сказуемаго.—На мой взглядъ такое объясненіе вѣрно только по отношенію къ тѣмъ оборотамъ, въ которыхъ представляется какая нибудь возможность возстановить ихъ зависимость отъ главнаго сказуемаго, какъ въ напр. „попови крестяще (=ю) дитя, къ себѣ ищемъ (ему, попови) обратити“, „бѣбо клятвой клялся... яко, добывше ему землѣ нѣмецкая, дати ему всю Романови“. Но принять это объясненіе и для тѣхъ случаевъ дательнаго самостоятельнаго, въ коихъ невозможно отыскать никакого слѣда зависимости отъ главнаго сказуемаго, каковы: „епископу слезы проливаючи и молящюся ему.... онъ же не восхотѣ“, сѣдячю же Глѣбови Юрьевичю въ Кіевѣ.... приде множество половець“ Г. Потебня находитъ возможнымъ такое удаленіе этого дательнаго самостоятельнаго отъ главнаго сказуемаго, но онъ не доказываетъ этой возможности фактами. да и врядъ ли бы могъ ее доказать Тоже самое можно замѣтить и относительно предположенія его касательно происхожденія родительнаго самостоятельнаго, который, по этому предположенію, произошелъ изъ зависимаго родительнаго.

Касаясь синтактическихъ явленій въ другихъ языкахъ, нашъ авторъ съ точки зрѣнія славянскаго языка находитъ объясненія нѣкото-

рыхъ изъ нихъ неосновательными Это вводитъ его въ полемику съ Гриммомъ по отношенію къ чешскому языку, съ Курціусомъ по отношенію къ греческому, съ Биленштейномъ и Шлейхеромъ по отношенію къ латышскому и литовскому. Мнѣнія, которыя г. Потебня защищаетъ въ этой полемикѣ, заслуживаютъ полнаго вниманія.

Разсмотрѣніе составныхъ членовъ предложенія и ихъ замѣнъ въ новомъ языкѣ приводитъ автора къ слѣдующимъ выводамъ касательно отличій новаго языка отъ древняго: Въ древнемъ языкѣ существуетъ недостаточное синтактическое различеніе и даже безразличіе глаголовъ служебныхъ и знаменательныхъ и такое господство въ предложеніи началъ согласованія, при которомъ члены предложенія слишкомъ однородны. Употребленіе причастія, формы промежуточной между именемъ въ тѣсномъ смыслѣ и глаголомъ, было гораздо обширнѣе въ древнемъ языкѣ, чѣмъ въ новомъ, и причастіе могло имѣть такую степень относительной самостоятельности и предикативности, какая въ новомъ возможна лишь въ личномъ глаголѣ и отчасти въ неопредѣленномъ наклоненіи. Вслѣдствіе этого въ древнемъ предложеніи, заключающемъ въ себѣ причастіе, нѣтъ еще рѣшительнаго преобладанія глагола и вытекающаго отсюда строгаго единства. Такое предложеніе отличается недостаткомъ связности: между частями его замѣтны еще несросшіеся швы, которые языкъ старается укрѣпить союзами. Въ новѣйшемъ же языкѣ согласуемость ограничивается разложеніемъ составнаго сказуемаго на два предложенія, связанныя союзомъ, образованіемъ дѣепричастія, увеличеніемъ употребленія нарѣчія на счетъ согласуемаго прилагательнаго, случаями замѣны причастія неопредѣленнымъ наклоненіемъ, замѣною вторыхъ согласуемыхъ падежей частью падежами съ предлогомъ, частью творительнымъ падежемъ. Число глаголовъ, входящихъ въ составное сказуемое, уменьшается, что, вмѣстѣ съ другими явленіями, приводитъ къ выдѣленію чисто формальной связки Явленія эти при всемъ своемъ разнообразіи имѣютъ то общее, что составляютъ результатъ стремленія къ дифференцированію членовъ предложенія. Въ предложеніи, какъ въ животномъ организмѣ, связь частей увеличивается по мѣрѣ увеличенія различенія ихъ функцій.

Особенная важность одной изъ замѣнъ вторыхъ сказуемыхъ падежей, именно замѣны ихъ творительнымъ падежомъ, побудила автора посвятить ей особенную главу. Въ планъ этого изслѣдованія входитъ одинъ лишь творительный предикативный. Но въ виду связи его съ другими способами употребленія творительнаго авторъ нашелъ нелишнимъ разсмотрѣть и эти послѣдніе въ своемъ изслѣдованіи въ видѣ отступленія Такое отступленіе тѣмъ умѣстнѣе, что русская ученая литература не предетавляетъ никакихъ изслѣдованій, которыя могли бы сколько нибудь облегчить трудъ нашего автора. Этими побужденіями вызвано обстоятельное изслѣдованіе всѣхъ способовъ употребленія творительнаго падежа, которое по своей обширности могло бы составить отдѣльную монографію. По мнѣнію г. Потебни, творительный предикативный, это своеобразнѣйшее явленіе славянскаго и латинскаго языковъ, есть явленіе сравнительно новое: оно слагалось и образовывалось до послѣдняго времени, было вытѣсняющимъ, а не вытѣсняемымъ. Отста-

ивая это мнѣніе, нашъ авторъ становится противникомъ Шлейхера, въ особенности Миклошича, утверждающаго, что тв пред есть очень древняя особенность славянскихъ языковъ, что первоначально онъ былъ свойственъ всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ и что употребленіе его въ нихъ съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе ограничивается въ пользу вторыхъ предикативныхъ падежей подъ вліяніемъ синтаксиса классическихъ языковъ. Мнѣніе г. Потебни, выведенное изъ болѣе обширнаго круга наблюденій, изъ болѣе глубокихъ основаній, намъ кажется болѣе близкимъ къ истинѣ Жаль только, что авторъ не остановился на ближайшемъ опредѣленіи времени возникновенія тв пред., упущеніе это внесло нѣкоторую неясность, неопредѣленность, дало поводъ къ нѣкоторымъ натяжкамъ Повидимому, онъ не допускаетъ никакой связи между развитіемъ разсматриваемаго явленія въ славянскомъ и литовскомъ языкахъ и полагаетъ, что оно развилось совершенно самостоятельно какъ въ томъ, такъ и въ другомъ уже послѣ обособленія ихъ. Не находя присутствія тв. пред въ Остром Ев. и Саввиной книгѣ, нашъ авторъ заключаетъ отсюда, что его не было въ славянскомъ языкѣ и во время начала слав. письменности А между тѣмъ Миклошичъ находитъ его въ другихъ слав. рукописяхъ, столь же древнихъ, какъ Остром Ев и Сав. Кн, именно въ Супрасльской рукописи и въ рукописи, содержащей въ себѣ XIII словъ Григорія Богослова. Случаи употребленія тв. пред въ Супр. рук. извѣстны г. Потебнѣ, но онъ устраняетъ ея показанія замѣчаніемъ, что Остр. Ев. и Сав Кн по характеру языка древнѣе Супр рук, „относимой къ XI ст“ и что „присутствіе въ ней тв. пред между прочимъ служитъ указаніемъ на то, что языкъ ея, по характеру, позднѣе языка Остр. Ев“ Для меня это замѣчаніе не совсѣмъ ясно Если авторъ хотѣлъ сказать, что Супр рук. позднѣе XI в, то я съ нимъ никакъ не могу согласиться. Если же онъ только увѣренъ, что въ Остр. Ев. мы имѣемъ точный списокъ съ болѣе древняго списка и на этомъ основаніи заключаетъ о сравнительной древности его языка по отношенію къ языку Супр рук., то ему слѣдовало бы доказать это болѣе убѣдительными доводами. Присутствіе или отсутствіе въ этихъ рукописяхъ тв пред., древность которыхъ еще не доказана, не можетъ быть такимъ доводомъ. Кромѣ Супр. р мы имѣемъ еще другую рук. XI в съ слов. Григорія Богослова, въ которой также встрѣчается тв пред Показанія этой рукописи оставлены нашимъ авторомъ безъ вниманія

О нѣкоторыхъ другихъ недосмотрахъ, замѣченныхъ мной въ разсматриваемомъ изслѣдованіи, считаю излишнимъ распространяться Замѣчу только, что они нѣсколько не уменьшаютъ важности этого труда, который безспорно составляетъ важное пріобрѣтеніе для науки о русскомъ языкѣ, уже обогащенной авторомъ и другими капитальными грамматическими трудами: разумѣю его „Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка“, „Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи“ и рядъ критическихъ статей по поводу книгъ Гейтлера, Колосова Разсматриваемый новый трудъ автора тѣмъ важнѣе, что предметъ его взятъ изъ области синтаксиса, самой необработанной части грамматики. Излишнимъ считаю прибавлять, что трудъ этотъ вполнѣ достигаетъ той цѣли, для ко-

торой онъ представленъ въ факультетъ. Подлинный подписалъ доцентъ Дриновъ".

Этотъ отзывъ М. С. Дринова о диссертаціи Потебни дѣлаетъ честь самому рецензенту. Нужно сказать, что проф. Дриновъ занялъ въ Харьковскомъ университетѣ каѳедру славяновѣдѣнія въ 1873 г., и, очевидно, историко филологическій факультетъ, имѣвшій тогда во главѣ своей такого солиднаго слависта, какъ проф. Н. А. Лавровскій, уже въ то время, на другой годъ харьковской службы проф. Дринова, высоко оцѣнилъ его ученую компетентность, поручивъ ему составленіе отзыва о такомъ глубокомъ изслѣдованіи, какъ „Записки" Потебни. М. С, надо отдать ему справедливость, вполнѣ справился съ своей трудной задачей. Потебню, какъ извѣстно, трудно читать, и еще труднѣе рецензировать. Неоднократно спеціалисты отмѣчали эту особенность изслѣдованій Потебни. Такъ, проф. И. В. Нетушилъ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ синтаксиса, писалъ, что „искусное сочетаніе историко-сравнительнаго и философскаго направленія, какое рѣдко встрѣчается въ исторіи языковѣдѣнія, придаетъ синтаксическимъ изслѣдованіямъ пр. П. особый интересъ, хотя и требующій со стороны читателя серіознаго углубленія". Проявивъ вполнѣ такое „серіозное углубленіе", М. С. сохранилъ ясность мысли и стройность построеній и вмѣстѣ съ тѣмъ проявилъ полемическую сдержанность и доброжелательство личнаго отношенія, свои обычныя, дорогія черты, сообщающія М. С. Дринову, какъ ученому судьѣ, симпатичный образъ хорошаго человѣка.

24 Ноября 1874 въ аудиторіи № 1 состоялся докторскій диспутъ А. А. Потебни. Оффиціальными оппонентами были Н. А. Лавровскій и М. С. Дриновъ Въ печати не сохранилось указаній. Единственная выходившая въ то время въ Харьковѣ газета Харьк. Губ. Вѣд. о диспутѣ умолчала. Мѣстный отдѣлъ въ то время въ этой газетѣ почти вполнѣ отсутствовалъ. Впрочемъ, для газеты и поживы тутъ не было. Диспутъ имѣлъ строгій академическій характеръ; возраженія и защита вращались въ кругѣ мало кому доступныхъ спеціальныхъ вопросовъ и съ обѣихъ сторонъ проведены были вполнѣ серіозно. Публики, однако, было много; аудиторія была полна, и докторская степень была объявлена факультетомъ при громкомъ одобреніи публики.

Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ.

Въ характеристикѣ одного изъ чешскихъ романтиковъ.

Съ невольной и понятной отрадой останавливается взоръ историка славянскихъ литературъ на времени славянскаго возрожденія. Сквозь мракъ, царившій въ литературѣ, начинаютъ пробиваться свѣтлые, точно солнечные лучи. Видны новые побѣги мысли, освободившейся какъ бы отъ тяжелыхъ цѣпей, отъ той ржавчины, которая начала уже сильно покрывать ее. Поэзіи выпадаетъ теперь настоящая задача—оживлять, подкрѣплять ослабѣвающія силы, учить вѣрить и надѣяться. Литература обращаетъ вниманіе на то, что до сихъ поръ забывалось, на меньшую братію, на простой народъ; она указываетъ, что въ этомъ народѣ сохранились наиболѣе свѣжіе, чистые источники, которыми она и пользуется. Высоко поднимается было опустившееся знамя поэзіи. Раздаются новые звуки, простые и чудные въ своей простотѣ. Въ новой, романтической поэзіи прозвучали струны души стосковавшейся, души, долго находившейся въ мрачномъ заточеніи. И нельзя обвинять романтиковъ, что они беря у народа для себя источники, не обратили вниманія на то, чтобы поднять этотъ народъ до себя: имъ было не до того... Съ исторической точки зрѣнія они были также правы—они не могли видѣть всей ненормальной жизни этого народа,—сами больные, они искали здѣсь для себя лѣкарства. Идеализмъ находитъ себѣ тогда богатую почву. Возвысить нашу жизнь, возвысить человѣческое достоинство и постоянно держать человѣка на высотѣ его призванія, облагородить его душу, сердце—вотъ какими цѣлями задавались кружки пылкой молодежи. Сердце, чистое сердце, умъ, незапятнанный ничѣмъ порочнымъ, умъ, питаемый поэзіей, всегда влекущей человѣка къ красотѣ, добру—вотъ чистый источникъ, изъ котораго забила новая поэзія прекраснымъ ручьемъ. Но часто здѣсь были только порывы, хотя и высокіе, искренніе порывы; жизнь же не выработала стойкости, а задача была трудная. И многіе начали замыкаться въ скорлупкѣ собственнаго „я“ и немногимъ уже удавалось выйти изъ этого узкаго, замкнутаго міра и возродиться къ новой жизни.

Въ исторіи чешскаго романтизма одно изъ видныхъ мѣстъ принадлежитъ К. Махѣ. Теперь при имени Махи какъ-то невольно вспоминается главнымъ образомъ поэма „Май“, до сихъ поръ читаемая и до сихъ поръ

оказывающая немалое впечатлѣніе особенно на чешскую молодежь. Другія произведенія Махи почти забыты.

До сихъ поръ мы не имѣемъ полной научной біографіи Махи и подробной оцѣнки его литературныхъ трудовъ. Первая біографія Махи, принадлежащая перу Сабины, цѣнна скорѣе тѣмъ, что представляетъ воспоминанія современника, близко стоявшаго къ поэту, бывшаго его другомъ. Такимъ образомъ это не научный трудъ, а лишь матеріалъ для біографіи, матеріалъ при томъ, къ которому нужно относиться съ большой осторожностью. Біографія эта издавалась два раза: 1-й разъ, въ 45 году, при начатой и неоконченной печатаніемъ поэмѣ „Май“ и 2-й разъ въ 62 году, при изданіи сочиненій Махи. Первое изданіе біографіи стоитъ гораздо выше второго. Біографія изд. въ 45 г. содержитъ нѣкоторыя важныя частности, которыя для сокращенія выпущены въ дальнѣйшемъ изданіи, а между тѣмъ эти частности важны для обрисовки характера Махи и общества, окружавшаго его. Правда, изъ этой біографіи можно было бы выпустить нѣкоторыя мѣста, которыя явились лишь результатомъ привычки распространяться На матеріалѣ, сообщаемомъ Сабиной, основана главнымъ образомъ біографія Махи, составленная Арбесомъ. Біографія эта издана въ 1886 г., въ юбилейный годъ (50) со дня смерти поэта и написана болѣе въ формѣ фельетона. Заслуга Арбеса, по отношенію къ изученію личности Махи собственно не въ этой біографіи, а въ рядѣ мелкихъ статей, послѣдовавшихъ за біографіей, въ которыхъ онъ опубликовывалъ разные новые матеріалы и свѣдѣнія, касавшіеся личности поэта и отчасти его произведеній. Статьи эти разбросаны по различнымъ журналамъ и самъ Арбесъ не воспользовался еще этимъ новымъ матеріаломъ для болѣе полной и всесторонней характеристики Махи. Вотъ и все, что мы имѣемъ въ чешской научной литературѣ, спеціально посвященное Махѣ. Изданными біографіями и нѣкоторыми матеріалами Арбеса воспользовался польскій изслѣдователь Здѣховскій, написавшій этюдъ о Махѣ и его послѣдователяхъ. Статья эта, помѣщенная первоначально въ Rozprawach Крак. Ак. Наукъ, а затѣмъ вошедшая въ извѣстное изслѣдованіе Здѣховскаго „Bygon a jego wiek“ [т. II), можетъ служить лучшимъ пособіемъ для знакомства съ главнѣйшими біографическими данными и, что особенно важно, съ литературной дѣятельностью поэта. Есть и въ русской научной литературѣ небольшая статья Степовича [„Маха, какъ предтеча чешскаго новороматизма“ въ книгѣ „Очерки изъ исторіи слав. литературъ“ К. 93 г.], не обрисовывающая, къ сожалѣнію, личности поэта и въ основной своей части представляющая выборки изъ „Мая“ и ихъ переводъ.

Въ своей небольшой статьѣ я хочу подѣлиться тѣмъ впечатлѣніемъ, которое производитъ на меня личность Махи по всѣмъ тѣмъ матеріаламъ,

которые сдѣлались извѣстными. Я хочу также выдвинуть при характеристикѣ Махи и нѣкоторые литературные источники, съ одной стороны забытые, съ другой—намѣренно оставленные безъ вниманія.

Жизнь Махи такова, какъ жизнь многихъ тысячъ людей. Въ ней нѣтъ особенно яркихъ, занимательныхъ для посторонняго глаза фактовъ. И не смотря на это, очень интересны отрывки изъ дневника поэта, которые сообщаетъ Сабина, интересны письма Махи: въ нихъ рисуется богатый душевный обликъ, ярко отражается жизнь мыслей и особенно чувствъ. Когда читаешь эти отрывки и письма, когда вспоминаешь многія дѣйствительно поэтическія строки „Мая“, проникнутыя замѣчательной любовью къ природѣ и обнаруживающія удивительную впечатлительность ихъ автора, его умѣнье проникаться красотой, какъ то невольно рисуется въ воображеніи симпатичный образъ поэта Но вотъ начинаете знакомиться детальнѣе съ біографіей Махи, узнаете характерныя мелочи, привыкаете вчитываться въ письма и открываете иной разъ только красивую фразу. Изъ за красивой фразы, изъ за искусно задрапированнаго плаща Чальдъ-Гарольда начинаетъ выглядывать подчасъ человѣкъ съ мелкимъ эгоизмомъ и пошлымъ самолюбіемъ, натура доходящая до почнаго жестокосердія. Вы начинаете видѣть, что человѣкъ этотъ вращался лишь въ своемъ „я“, что поглощеніе этимъ „я“ мѣшало ему проникнуться извѣстными высокими идеями. И мѣняется созданный нашей фантазіей симпатичный образъ поэта... Говорятъ, что Маха рано умеръ, что не выросли у него орлиныя крылья, чтобы летѣть къ солнцу. Нѣтъ: орлиныхъ крыльевъ никогда не было бы у Махи!

„Съ сердцемъ полнымъ томленія вступилъ я въ свѣтъ, въ надеждѣ, что золотые сны первой моей молодости найдутъ въ немъ исполненіе; я готовъ былъ весь этотъ свѣтъ принять въ свои объятія; но увы, прежде чѣмъ открылась завѣса, я понялъ, что былъ обманутъ... Хотѣлъ я сорвать цвѣтокъ на нивѣ, освѣщенной луной, но, какъ холодная слеза, окропила ночная роса пылающую руку мою; склонился надъ розой.... и увидѣлъ, что она изъ гроба растетъ; смотрѣлъ на людей, люди какъ во снѣ мнѣ являлись, и видѣлъ я пустыя маски, безъ сердца, оскалившіяся на меня—словомъ, желая обнять рай, прижалъ я къ своей полной любви груди только хладную землю. Оплакивалъ я утраченные сны и только заря вечерняя, серебристая Влетава, только темныя тѣни родныхъ лѣсовъ откликались мнѣ, раздѣляли мое несчастье....“

Такъ начинается одно изъ писемъ Махи. Разочарованность Махи исходила изъ личныхъ источниковъ—изъ условій его собственной жизни и окружавшаго его общества. И увлеченіе Байрономъ лишь придало извѣстный оттѣнокъ этой разочарованности. Сыну бѣднаго мельника, Махѣ съ

первыхъ лѣтъ дѣтства пришлось видѣть бѣдность. Эта бѣдность не покидала поэта во всю его недолгую жизнь—она сопровождала Маху и тогда, когда онъ поступилъ въ гимназію, затѣмъ въ университетъ, не оставила его, когда онъ вышелъ въ жизнь. За нѣсколько дней до своей смерти Маха писалъ: „Сегодня я не завтракалъ и не ужиналъ, обѣдать буду имѣть возможность завтра и въ воскресенье; а въ понедѣльникъ, можетъ, и того не буду, а если во вторникъ не достану отъ своего хозяина денегъ .., тогда умру съ голода“. И эта сторона жизни играла не малую роль въ отчужденности Махи отъ общества. Друзей у Махи было очень немного. Особенно характеренъ изъ этихъ друзей – Покорный. Замкнутый, молчаливый, казавшійся вполнѣ чудакомъ, этотъ совершенно больной человѣкъ былъ проникнутъ горячей любовью къ родинѣ. Все его богатство было нѣсколько чешскихъ книгъ и между ними первое мѣсто занимали Краледворская рукопись и „Дочь Славы“ Коллара. его задушевныя мечты—обойти всѣ уголки родной земли, гдѣ раздавалось еще чешское слово. Покорный совершенно неизвѣстенъ въ литературѣ, но ему должно быть отведено мѣсто въ исторіи чешскаго возрожденія. Маху также сильно занимали вопросы этнографическаго характера, касавшіеся главнымъ образомъ чеховъ, а затѣмъ вообще славянъ. Онъ даже думалъ предпринять нѣчто вродѣ этнографическаго повременнаго изданія, но остановился только на предисловіи, въ которомъ говорилъ о необходимости всесторонняго знакомства съ народомъ, о желаніи подѣлиться своими собственными наблюденіями, сдѣланными во время путешествій. Любовь къ простому народу является одной изъ свѣтлыхъ чертъ характера Махи и самъ онъ говорилъ, что, когда освободится отъ демоническихъ образовъ, овладѣвшихъ его фантазіей, онъ посвятитъ свое творчество этому народу. Но отъ „демоническихъ образовъ“ Махѣ не удалось освободиться, и Маха, отдаляясь отъ людей, находилъ успокоеніе въ природѣ и ея красотахъ. Каждый человѣкъ, писалъ Маха въ дневникѣ, и посреди огромной толпы, въ сущности, одинокъ, т. к. только самъ можетъ понять себя. Настоящая жизнь проявляется въ природѣ, хотя въ то же время эта природа мертва, равнодушна. „Природа-большой гробъ, и въ этомъ гробу вѣчная жизнь“. До такихъ противорѣчій доходила мысль Махи, любившаго во всемъ видѣть и проводить контрастъ. „Проза жизни у насъ усиливается, но не удается ей уничтожить поэзіи, покуда надъ нами это голубое небо, покуда будутъ горѣть звѣзды.... покуда рѣка не перестанетъ шумѣть и съ шумомъ лѣса не перестанетъ смѣшиваться журчанье ручейковъ. Найдется всегда, кто поймѣтъ все это и другимъ передать о томъ, что говоритъ этотъ шумъ“.... И здѣсь невольно вспоминаются первыя строки поэмы „Май“, въ которыхъ описывается поздній майскій вечеръ. Что же сказалъ поэту этотъ трепетъ, „шумъ“ природы?

Былъ поздній вечеръ—первый май.....
Въ спрени голубъ ворковалъ,
Къ любви голубку призывалъ,
И о любви дремучій боръ
Велъ съ рощей тайный разговоръ;
Шепталъ любовью сѣрый мохъ.
То шелестъ слышался, то вздохъ
Въ лѣсу; то тише, то живѣи [1])

Непередаваемая прелесть звучитъ въ первомъ двустишіи, которое затѣмъ нѣсколько разъ повторяется:

Byl pozdní večer—první maj-
Večerní maj—byl lásky čas

Во всемъ этомъ началѣ поэмы, описывающемъ майскій вечеръ, чувствуется страстная напряженность, точно звуки пѣсни соловья, грустные, какіе то надорванные раздаются въ темную майскую ночь. Льется волшебная пѣснь, чаруя своими серебристыми звуками. Музыкальность нѣкоторыхъ мѣстъ „Мая“ заставляетъ забывать, насколько узко содержаніе поэмы, насколько бѣдна здѣсь исторія человѣка. А между тѣмъ на „Маѣ“ сильно отразилась личность поэта, его задушевныхъ думъ, тѣхъ „демоническихъ“ образовъ, о которыхъ онъ говорилъ. Кругозоръ поэмы неширокій: онъ не даетъ нашей мысли толчковъ. Герой поэмы—разбойникъ. Сдѣлался онъ разбойникомъ, потому что отецъ выгналъ его изъ дому. Влюбился онъ въ дѣвушку, и вдругъ узнаетъ, что она пала. Онъ мститъ виновнику, которымъ оказывается его отецъ. Убійцу заключаютъ въ тюрьму и присуждаютъ къ смертной казни. Вся эта мрачная исторія разыгрывается на свѣтломъ фонѣ майской природы. Самъ Маха говорилъ: „настоящая жизнь моя.... —это поэма „Май“. Я коснулся вскользъ содержанія „Мая“, потому что въ этой поэмѣ наряду съ важными частностями, имѣющими значеніе при обрисовкѣ характера Махи, прежде всего должно броситься біографу въ глаза присутствіе той общей идеи, которая такъ болѣзненно отражалась на всемъ духовномъ обликѣ поэта и отравила, можно сказать, послѣдніе годы его жизни.

Для выясненія ея приходится остановиться на отношеніяхъ Махи къ женщинѣ.

Маха принадлежалъ къ увлекающимся людямъ. Въ женскихъ лицахъ Маха, по словамъ Сабины, искалъ отблеска поэзіи, но вполнѣ очарованъ онъ будто бы не могъ быть, т. к. замѣчалъ несоотвѣтствіе между внѣшнимъ обликомъ и внутреннимъ міромъ женщины. Маха приходилъ будто бы

[1]) Приводимъ этотъ отрывокъ, правда, въ очень вольномъ переводѣ Берга, но въ переводѣ этомъ все же передается духъ подлинника.

къ убѣжденію, что подъ прекраснымъ образомъ скрывается обыкновенная пошлость, что женщина не можетъ возвыситься до тѣхъ мыслей, которыми проникается мужчина. Весьма вѣроятно, что подобныя мысли и высказывались въ періоды наибольшаго разочарованія и тоски. Нѣкоторыя же данныя показываютъ и нѣчто иное. Вотъ Маха на одномъ изъ танцовальныхъ вечеровъ знакомится съ молодой дѣвушкой очень привлекательной наружности. Поговоривши съ этой дѣвушкой, Маха, по словамъ Сабины, находитъ въ ней полную посредственность. И что же? Поэтъ пишетъ этой дѣвушкѣ письмо, въ которомъ излагаетъ свою страстную любовь Отрывокъ изъ этого письма я привелъ, въ дальнѣйшемъ мы находимъ слѣдующее. „Такъ съ разбитымъ сердцемъ, непонимаемый никѣмъ, одиноко жилъ я въ шумѣ свѣта, не любимый никѣмъ, и ничего не любя, какъ изгнанникъ, который скрылся на уединенную скалу и непроглядная ночь покрыла его своимъ чернымъ покровомъ ... Здѣсь Вы взошли, какъ денница, горя надъ темными морскими валами и первая заря явилась въ моей темной, пустой, безжизненной ночи. Счастливые сны молодости вернулись, съ горячей любовью обнялъ я опять найденный идеалъ своей жизни ... И вотъ рѣшился Вамъ написать, чѣмъ запечатлѣно каждое дыханіе мое, чѣмъ загораются глаза мои, и что уста мои робѣютъ Вамъ сказать..... что я люблю Васъ; такъ горячо люблю, какъ никто въ свѣтѣ еще не любилъ!“ Но это увлеченіе скоро прошло, наступило новое .., Наконецъ Маха, повидимому, дѣйствительно полюбилъ, и въ исторіи этой своей послѣдней любви ему пришлось выказать неособенно привлекательныя стороны своего характера. Здѣсь я обращусь къ одному источнику—новеллѣ Тыля Rozerwanec. Этой новеллѣ до сихъ поръ не придавали никакого значенія и Арбесъ обходилъ ее, считая это произведеніе актомъ непристойнымъ со стороны Тыля по отношенію къ Махѣ. Между тѣмъ сами матеріалы, изданные Арбесомъ, подтверждаютъ то, что говорилось Тылемъ и эта статья Тыля (затрудняемся ее назвать новеллой) проливаетъ свѣтъ на многое въ жизни Махи. Послѣднее увлеченіе Махи была красивая 17-лѣтняя дѣвушка, дочь ремесленника. Она не могла быть, какъ справедливо указываетъ Тыль, идеаломъ поэта; это невинная овечка, олицетвореніе женской терпѣливости и не болѣе того; она могла осчастливить другого, но не Маху. Маха называлъ ее своей „Беатой“. Беата (ея имя было Елеонора) познакомилась съ Махой на любительскомъ спектаклѣ, устроенномъ Тылемъ. Беата не могла совладать съ своей ролью. И эта неспособность изображать другое лицо заинтересовала, даже чуть ли не привела въ энтузіазмъ Маху. Онъ взялся самъ съ ней разучивать роль. Но она не играла. Говорили, что Беата заболѣла, а оказалось, что Маха хотѣлъ, чтобы она сказалась больной—его мутила ревность. Тыль

описываетъ затѣмъ сцену ревности, когда Маха засталъ его въ бесѣдкѣ съ Беатой. Характерны жалобы матери Беаты. Она жаловалась Тылю, что Маха какъ дома, распоряжается у нихъ. Свою дочь она называла мученицей: весела ли она, захочется ему—должна плакать, печалиться—смѣяться и пр. Даже одѣваться она не смѣла въ тѣ платья, которыя ему не нравились. Въ простыхъ словахъ матери Беаты рисуется, какъ говоритъ Тыль, живой образъ Махи, его желаніе властвовать, которое было такъ извѣстно его друзьямъ. И что все это не было преувеличеніемъ, могутъ доказать письма Махи. „Лори! какъ ты осмѣлилась поступить противъ моего приказанія и пошла... къ своему отцу. Для того ли я взялъ тебя къ нашимъ., хочешь ли окончательно все испортить? Мнѣ это легко. Соберу свои пожитки и уѣду изъ Литомерицъ. Куда—никогда не узнаешь, будешь ли поступать противъ моего приказанія—*приказанія*, говорю—и ты меня больше не увидишь. И я тебѣ приказываю, строго приказываю—не выходить никуда изъ нашего дома, ни подъ какимъ предлогомъ—ни къ обѣднѣ, ни къ исповѣди... никуда—а не то, клянусь, никогда не увидишь меня. Осмѣлишься ли и пойдешь изъ дому къ своему ли отцу, или въ церковь или куда-нибудь, клянусь Богомъ, я покину тебя у алтаря. Оставайся постоянно при Людвигѣ, а если будутъ хотѣть, чтобы бы шла куда, говори, что нездорова—ровно, какъ никто не долженъ приходить къ тебѣ. Прихожу въ неистовую ярость, когда подумаю, что кто-либо изъ вашихъ былъ у тебя и видѣлъ мальчика... На свадьбѣ никто не будетъ кромѣ тѣхъ, кого я самъ позову. Если кто изъ твоихъ родныхъ, кромѣ твоего отца, будетъ въ церкви, покину тебя у алтаря. Клянусь Богомъ, такъ сдѣлаю, ты меня знаешь". Это писалъ Маха послѣ того, какъ Беата беззавѣтно отдалась ему, послѣ того какъ у нихъ уже былъ сынъ. Писалъ тотъ человѣкъ, который отмѣчалъ въ своемъ дневникѣ: „каждый человѣкъ любилъ бы другого, когда бы понялъ его, когда бы могъ заглянуть въ его сердце". Переходя снова къ „новеллѣ" Тыля, я отмѣчу то характерное мѣсто, въ которомъ Тыль описываетъ сцену безумной ревности Махи сцену, невольнымъ свидѣтелемъ которой былъ Тыль. За городомъ, въ уединенномъ мѣстѣ Маха заставлялъ свою возлюбленную присягать въ вѣрности, клясться въ томъ, что она не измѣнила ему. Что Маха подозрѣвалъ свою возлюбленную въ измѣнѣ, это подтверждаютъ его письма и, повидимому, эти подозрѣнія были плодомъ болѣзненной лишь фантазіи. На это указываетъ Тыль. На это указываетъ сравненіе приведеннаго описанія Тылемъ съ одной не большой работой Махи, приготовленной къ печати еще въ 1833 году, когда Маха не зналъ своей Лоры, статьи обнародованной Арбесомъ—Pří saha. „Слушай же присягу мою, что никогда не забывала я чести твоей, чести своей и что вѣрность моя оставалась

всегда твердой; и пусть дитя мое будетъ уродомъ, пусть будетъ такимъ же страшнымъ, какъ страшна эта бурная ночь, пусть погибнетъ и все, что я любила, и часъ его рожденія пусть будетъ послѣднимъ въ моей жизни, если лживо я присягаю тебѣ". Развѣ не такой почти страшной клятвы требовалъ Маха отъ своей бѣдной Лоры? Маха, какъ замѣтилъ Тыль, съ охотой вошелъ бы въ роль Отелло, но не имѣлъ Яго, который сообщилъ бы о винѣ Дездемоны, такъ онъ самъ сдѣлался этимъ Яго

Называя Маху rozerwanc'емъ, Тыль говоритъ, что это такой человѣкъ, который постоянно воображаетъ себя несчастнымъ, думаетъ, что все для него пропало, когорый при каждомъ случаѣ говоритъ объ утраченныхъ надеждахъ, самъ себѣ не довѣряетъ, не довѣряетъ и другимъ Тыль не отрицалъ таланта Махи, но находилъ, что талантъ его не на истинной дорогѣ, что постоянное поглощеніе собственнымъ „я" не принесетъ пользы чешской литературѣ, нуждающейся совсѣмъ въ другомъ. Онъ указывалъ на крупный недостатокъ поэзіи Махи—монотонность. Въ постоянной скорби онъ видѣлъ маску, желаніе быть интереснымъ. И Тыль высказывалъ, что съ такимъ талантомъ можно было бы многое сдѣлать на родной почвѣ, быть вождемъ—поэтомъ народа, воспламенять его сердце, и жалѣлъ онъ, что тратились эти силы даромъ.

Многое въ сужденіяхъ Тыля было справедливо. Замѣчу, что по натурѣ это былъ человѣкъ совершенно противоположный Махѣ, и онъ сумѣлъ оттѣнить нѣкоторыя отрицательныя стороны характера своего бывшаго пріятеля.

„Кажется мнѣ, говорилъ Маха, что я самъ смотрю въ себя и вижу страшную пустоту; настоящій хаосъ развертается предо мною и сливается онъ затѣмъ въ непроницаемый мракъ. Этотъ мракъ давитъ меня, какъ олово. Думаю, что за нимъ что-то лежитъ, но не знаю—что".

Kdo sdrci takému utechy jaké da?
Bez konce láska je! zklamana t' láska má.

Да! трудно было дать утѣхи, радости такому сердцу, но не потому что разбита была безконечная любовь этого сердца, а потому, что въ сердцѣ этомъ загорались искры, возбужденныя болѣзненной фантазіей и искры эти обращались въ пламя.. ..

Отмѣчу здѣсь еще нѣкоторые факты передаваемые Сабиной, очень любопытные для характеристики Махи. Маха стремился вкладывать въ 2—3 слова цѣлую огромную картину, 2—3 словами символически выразить цѣлое происшествіе. Въ словахъ: „O Krali dobrou noc" въ Kŕivoklate, по его словамъ, заключалась цѣлая сокровищница мыслей, цѣлая картина исторіи чешской—конецъ стараго времени и начало новаго.... И правъ Сабина, когда говоритъ. что врядъ ли кому изъ читателей приходило на

умъ подобное. Характерно, что и самъ Маха поэтому стремился раскрывать смыслъ въ произведеніяхъ другихъ авторовъ, смыслъ, котораго они и не вкладывали Маха *вдумывался иногда въ мелочи* и забывалъ иногда о главной цѣли произведенія. Въ дневникѣ Маха отмѣчаетъ, что какой-то его знакомый, нѣмецкій поэтъ, сказалъ, что онъ, т. е. Маха, обладаетъ богатой фантазіей, прекрасный живописецъ, но главный недостатокъ его трудовъ—какое-то отсутствіе идеи. Маха не могъ понять этого, такъ какъ въ каждомъ его произведеніи есть извѣстная идея. Отзывъ этого писателя онъ и объяснялъ себѣ тѣмъ, что тотъ искалъ философіи въ поэзіи; но для поэзіи, замѣчалъ Маха, философія не нужна Между тѣмъ, дѣло шло здѣсь не о философіи и отзывъ этотъ былъ отчасти справедливъ.

Откладывая пока характеристику литературнаго творчества Махи, я въ заключеніе укажу на нѣкоторыя данныя, которыя можно отмѣтить о Махѣ въ Zapiskach starégo komedianta (Кашки—Rodinna Kronika 64 г.) Первая встрѣча Кашки съ Махой была въ обществѣ любителей сценическаго искусства, гдѣ главнымъ распорядителемъ былъ Тыль. Противъ принятія скромнаго портного Кашки никто не высказался, кромѣ Махи. Онъ встрѣтилъ Кашку очень мрачно. Это удивило послѣдняго и заставило обратиться къ Тылю за разъясненіями. Тыль отвѣтилъ, что такова манера Махи и не стоитъ на это обращать вниманія. Затѣмъ на репетиціи Маха громко, въ присутствіи Кашки, высказалъ Тылю свое негодованіе, что въ ихъ обществѣ принимаются люди, ничѣмъ себя не зарекомендовавшіе. Кашка рѣшилъ послѣ этого выйти изъ общества—такъ болѣзненно отозвались на немъ эти слова. Но случилось иначе. Кашка имѣлъ большой успѣхъ и Маха подошелъ къ нему послѣ окончанія пьесы, просилъ извиненіе за безтактность и предложилъ ему свою дружбу. Кашка даже расплакался, а Маха получилъ одобреніе отъ общества.....

Н. К. Грунскій.

Болгарскій орнаментъ эпохи Іоанна Александра.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Бѣлградскій профессоръ Томичъ, нынѣ умершій, былъ командированъ Сербской Академіей въ Македонію для изученія тамошнихъ говоровъ Томичъ вывезъ изъ этого научнаго путешествія обширное собраніе записанныхъ имъ произведеній народной словесности и нѣсколько древнихъ рукописей. Богатый и достовѣрный лингвистическій матеріалъ, собранный Томичемъ, ждетъ еще обнародованія Самой замѣчательной изъ найденныхъ имъ древнихъ рукописей посвящены эти строки. Уже одно открытіе цѣннаго памятника славянскаго искусства составляетъ заслугу передъ наукой. Память Симы Томича имѣетъ прямыя права на нашу признательность. Было бы желательно, чтобы вывезенная имъ рукопись навсегда сохранила названіе *Псалтыри Томича.*

Достаточно бѣглаго взгляда, чтобы догадаться, какого рода памятникъ удалось ему спасти: полный, болгарскаго извода, текстъ псалтыри, писанный очень крупнымъ красивымъ почеркомъ, съ золотыми и киноварными строками заглавій; прекрасныя большія заставки византійскаго стиля; прекрасные и многочисленные инпціалы, исполненные въ краскахъ и золотомъ, и наконецъ болѣе ста миніатюръ, по большей части хорошей сохранности и часто значительныхъ размѣровъ. Драгоцѣнный памятникъ писанъ не на пергаментѣ, а на древней бумагѣ, прекрасно выдѣланной, чѣмъ объясняется и самая сохранность миніатюръ [1]) По этимъ признакамъ можно безошибочно опредѣлить мѣсто и время возникновенія рукописи: она должна быть отнесена къ срединѣ XIV вѣка, къ блестящей школѣ царя Іоанна Александра, при сынѣ котораго Шишманѣ надъ Болгаріей навпсла и разразилась Турецкая невзгода Школа Іоанна Александра дошла до насъ въ значительномъ количествѣ памятниковъ, среди нихъ—лицевыя рукописи: Ватиканскій Манассія и два Евангелія, Лондонское и Елизаветградское, всѣ три—рѣдчайшія произведенія болгарскаго искусства. Теперь къ нимъ присоединяется четвертый памятникъ, псалтыръ Томича.

---

[1]) Водяные знаки бумаги: груши съ двумя листками, два шара, три горы, корона, грушевидный цвѣтокъ—всѣ въ варіантахъ не позднѣе средины XIV вѣка Н. П. Лихачевъ принялъ на себя трудъ лично изслѣдовать эти знаки при осмотрѣ нашего памятника.

Она соединяетъ въ своихъ миніатюрахъ воинскія сцены Ватиканскаго Манассіи (въ рисункахъ, относящихся къ жизни Давида) и евангельскую иконографію Лондонской и Елизаветградской рукописей (въ псалмахъ пообразовательныхъ) А въ вопросахъ орнамента псалтырь Томича занимаетъ рѣшительно единственное мѣсто. Можно сказать безъ преувеличенія, что славянская наука ждала подобнаго памятника и ждала долго и терпѣливо. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, при оцѣнкѣ Альбома орнамента, изданнаго Стасовымъ, извѣстный славистъ Ягичъ отмѣтилъ, что югославянскій отдѣлъ Стасовскаго альбома составилъ своего рода открытіе; но Ягичъ долженъ былъ оговориться, что и послѣ Стасовскаго труда оставался существенный пробѣлъ въ исторіи болгарскаго орнамента—Тырновская школа средины XIV вѣка не могла быть представлена Стасовымъ: извѣстныя въ то время рукописи этой школы позволяли судить главнымъ образомъ только о миніатюрѣ, а не объ орнаментѣ. Этотъ пробѣлъ впервые заполняется псалтырью Томича.

Заставки ея, прекрасно исполненныя, представляютъ византійскій стиль XIII—XIV вѣка, вернувшійся къ блестящимъ традиціямъ X вѣка. Славянскій фантастическій орнаментъ звѣринаго стиля (тератологическій) совершенно отсутствуетъ въ заставкахъ нашей псалтыри, и это составляетъ палеографическую дату, до сихъ поръ неизвѣстную. Начальная заставка (л. 4) и другія безподобно воспроизводятъ древніе мотивы византійскаго стиля—монументальные узоры мозаическаго характера, исполненные золотомъ и свѣтлыми красками. Заставка листа 130 характерна для стиля неовизантійскаго, ибо представляетъ новыя комбинаціи, удаляющія насъ отъ старыхъ образцовъ X вѣка. Судя по тому, что мотивы этой заставки вѣкомъ позднѣе повторяются въ русской письменности вмѣстѣ съ чертами болгарскаго вліянія, надо думать, что вся эта заставка составляетъ славянскій варіантъ неовизантійскаго стиля, возникшій въ школѣ Іоанна Александра. Византійцы уже въ цвѣтущемъ періодѣ своего искусства при случаѣ пользовались рогомъ изобилія, какъ мотивомъ рукописнаго орнамента [1]). Но въ качествѣ основы для связной гирлянды, заполняющей своими извивами цѣлую заставку, рогъ изобилія впервые появляется въ нашей псалтыри. на заставкѣ л. 130, въ ея главной, центральной части, рогъ непрерывно выходитъ изъ рога, образуя какъ бы колѣнчатый стебель съ раструбами пазушныхъ листьевъ. Извивы этого стебля оставляютъ по срединѣ прямоугольной заставки четыре свободныхъ клейма. Обратимъ вниманіе на простодушный, вѣроятно, болгарскій натурализмъ изображеній,

[1]) Буслаевъ въ „Матеріалахъ для исторіи письменъ“ издалъ инициалъ этого рода и выяснилъ его значеніе при изслѣдованіи Троицкой псалтыри XV вѣка.

заполняющихъ эти клейма: въ верхнихъ двухъ изображены сливы, въ нижнихъ—груши, то и другое на простыхъ плоскихъ тарелкахъ съ невысокимъ поддономъ.

Эта заставка содержитъ цѣнную дату: она позволяетъ свести какъ въ фокусъ къ школѣ Іоанна Александра ея разрозненные художественные отголоски, находимые въ орнаментѣ сербскомъ, молдаво-влахійскомъ и русскомъ, что относится и къ инициаламъ. Самый яркій примѣръ этого рода—только что упомянутая троицкая псалтырь XV вѣка, изслѣдованная Буслаевымъ среди другихъ поразительныхъ новшествъ мы находимъ въ одной заставкѣ этого памятника и непрерывную гирлянду изъ роговъ изобилія.

Перейдемъ къ инициаламъ. Если не считать мелкихъ инициаловъ конечной части рукописи, крытыхъ однимъ золотомъ по киноварному грунту, то остальные, крупные инициалы рукописи позволятъ различить тѣ-же два стиля, которые были указаны нами въ заставкахъ: одни изъ нихъ росписные (золото и голубая краска господствуютъ) стараго византійскаго типа, замѣчательны только по мастерству исполненія; другіе, бѣлые въ золотыхъ контурахъ (инициалы писаны бѣлилами; золото, какъ и всюду въ псалтыри Томича, ярко-червоннаго отлива вслѣдствіе киноварной грунтовки), нѣжно выступаютъ на желтоватомъ фонѣ бумаги, плотной и гладкой, какъ слоновая кость. Этой мягкой свѣтовой гаммой отлично умѣряется вычурный и роскошный стиль рисунка такихъ инициаловъ. Основу этого послѣдняго составляетъ плетенье, но плетенье во-первыхъ сложное, разложимое на нѣсколько различныхъ мотивовъ и множество варіантовъ, во вторыхъ исполненное съ строгою правильностью, какой не знаетъ ни болгарское плетенье народнаго характера, ни его болѣе художественная молдаво-влахійская разновидность. Внѣшній манерный признакъ всѣхъ инициаловъ этого рода составляютъ: очень краткіе завитки вдоль контура буквъ, иногда замѣняемые простыми округлостями вдоль наружнаго контура буквъ, а на верхней оконечности буквъ Б, Г и др.—узелъ, изъ котораго свѣшивается сердцевидный листокъ или очень правильный трилистникъ (листки совсѣмъ круглые). Отдѣльные мотивы плетенья: прямая рѣшетка, жгутъ, узелъ, петля и спираль—рѣдко даются врозь: отличительная черта стиля—комбинаторный характеръ, изъ котораго вытекаютъ порою схемы чрезвычайной сложности. Здѣсь мы займемся главнымъ образомъ анализомъ мотивовъ, содержащихъ дату.

Прежде всего слѣдуетъ упомянуть, что тератологическіе мотивы, совершенно отсутствующіе въ заставкѣ, еще не вытѣснены окончательно изъ инициала школы Іоанна-Александра. По большей части—это лишь красивая голова орлинаго типа, выбрасывающая вѣтку изъ пасти и украшающая верхнія конечности такихъ буквъ, какъ Б, Г, Д, Х. Этотъ те-

ратологическій мотивъ уже утратилъ свой фантастическій, смутно зловѣщій характеръ: онъ набрасывается въ тонѣ византійскаго художественнаго реализма. Такой характеръ носитъ этотъ мотивъ даже при явномъ желаніи изобразить змѣю, таково одно очень сложное Г узловое плетенье вверху и внизу оканчивается головой, выбрасывающей вѣтку, а по срединѣ оно дастъ отростокъ въ видѣ головы, кусающей штамбъ буквы Старый тератологическій смыслъ имѣетъ звѣриная голова только однажды, голова помѣщается на срединѣ штамба буквы, къ низу змѣиное туловo оканчивается сложнымъ узломъ, къ верху пасть животнаго извергаетъ стебель и слѣдитъ его движеніе глазомъ, стебель оканчивается узломъ, изъ котораго свѣшивается вѣтка. Но въ этомъ образцѣ, хорошо извѣстномъ изъ предыдущей эпохи, тератологическая голова мала по размѣрамъ и почти незамѣтна сразу. Прибавимъ, что клѣтчатое плетенье (рѣшетка), употребляемое въ тератологическую эпоху въ низахъ такихъ буквъ, какъ Б и В, въ нашихъ инициалахъ въ чистомъ видѣ уже отсутствуетъ, гдѣ оно еще есть, ремни прежней рѣшетчатой схемы получили закругленія или въ одну сторону, и тогда образуютъ подобіе жгута, или въ разныя стороны, и тогда походятъ на болѣе или менѣе запутанное сочетаніе петель. Все это легче понять на рисункѣ, нежели въ описаніи. Я уже упомянулъ о художественномъ, легкомъ исполненіи уцѣлѣвшихъ тератологическихъ мотивовъ Въ этомъ отношеніи наша псалтырь далеко оставляетъ за собою не только народную тератологію македонскихъ рукописей XII—XIII вѣка, но также и технически разработанный тератологическій стиль Болонской псалтыри. Въ этомъ отношеніи нашъ памятникъ можно сравнить развѣ только съ Норовской псалтырью XIII вѣка (конца), находящейся теперь въ собраніи гр. Уварова. Этотъ памятникъ, заключаетъ только одну заставку, но самую совершенную изъ всѣхъ тератологическихъ югославянскихъ, и только одинъ тератологическій инициалъ, но говорящій объ очень художественномъ оригиналѣ. Норовская Псалтырь по свидѣтельству языка—восточно-болгарскій памятникъ, какъ и Псалтырь Томича,—вѣроятный признакъ того, что технически-разработанный тератологическій стиль процвѣталъ въ XIII вѣкѣ въ Восточной Болгаріи, и лишь оттуда былъ занесенъ въ Македонію, которая сама производила только самые примитивные мотивы этого стиля.

Среди мотивовъ плетенья нашей псалтыри я назвалъ петлю и спираль. Это также явленія, заключающія палеографическую дату. Въ псалтыри оба мотива являются тѣсно слитыми и въ такомъ видѣ употребляются весьма часто; комбинація петли и спирали—самая яркая особенность разсматриваемыхъ инициаловъ. Можно различно опредѣлять и описывать возникающій отсюда лабиринтъ. Послѣ анализа всѣхъ относящихся сюда

инициаловъ, я предложилъ бы слѣдующую формулу, примѣнимую ко всѣмъ варіантамъ: основа сложнаго мотива состоитъ въ спирали, которая путемъ петли соединяетъ свой конецъ съ своимъ началомъ, при чемъ по общему принципу славяно-византійскаго орнамента число возможныхъ варіантовъ этого начертательнаго мотива—значительно: мотивъ, во первыхъ, усложняется количественно, во вторыхъ, получаетъ незначительныя украшенія, которыя, не нарушая стиля, маскируютъ его основу. Обыкновенно этотъ мотивъ имѣетъ круглую площадь, и съ успѣхомъ можетъ быть изслѣдуемъ при помощи діаметральныхъ сѣченій. Перечислимъ главные варіанты.

1. Спираль, совершивъ одинъ обходъ, возвращается своимъ концомъ къ своему началу и при этомъ образуетъ петлю. Получается фигура, напоминающая „крендель“, ее можно называть и узломъ

2. Спираль дѣлаетъ два обхода и потомъ при помощи петли возвращается къ своему началу, т. е. къ центру схемы.

3. Спираль дѣлаетъ одинъ обходъ, но ранѣе чѣмъ вернуться къ своему началу при помощи петли, дѣлаетъ другую петлю. Эти двѣ петли заходятъ другъ за друга

4. Спираль образуетъ двѣ петли и два обхода.

При этомъ возможны слѣдующіе орнаментальные аксессуары.

1. По внѣшней окружности расположены обычные короткіе завитки или кружки, на внутреннихъ обходахъ—только кружки и гораздо рѣже.

2. На внѣшней окружности обычные короткіе завитки могутъ замѣняться небольшими петлями, направленными наружу.

3. Такія петли могутъ перекручиваться и образуютъ въ такомъ случаѣ „восьмерку“.

4. Отъ внутреннихъ обходовъ къ периферіи могутъ направляться особые отроги, оканчивающіеся короткимъ завиткомъ наружу. Но этотъ пріемъ появляется рѣдко и въ зачаточномъ видѣ.

Для спеціалистовъ должно быть очевиднымъ, что мы имѣемъ дѣло съ сложнымъ мотивомъ, который ранѣе не встѣчается въ славянскомъ орнаментѣ и, по видимому, не былъ найденъ и въ Византіи. Обратимъ вниманіе на то, что въ наиболѣе типичныхъ и сложныхъ формахъ родственные мотивы втеченіе XII—XIII вѣка господствуютъ въ рукописяхъ Западной Европы, особенно въ рукописяхъ Италіи. Однако на Западѣ мы находимъ только матеріалъ для этого стиля; сердцевидный листокъ, круглый трилистникъ, петлю, спираль, „крендель“, отростки къ периферіи. Изъ нихъ западная художественная фантазія строитъ совершенно иные орнаменты—восхитительно красивую систему, одновременно чрезвычайно сложную и ясную въ своихъ основахъ. Разсматриваемые иниціалы школы Іоанна Александра даютъ какъ бы схематическое упрощеніе этого запад-

наго орнамента. Надолго славянскій каллиграфъ, воспитанный въ византійскихъ традиціяхъ архитектурнаго стиля, не можетъ слѣдовать за свободнымъ вдохновеніемъ запада: онъ насильственно прерываетъ грацюзные извивы, всегда замыкая спираль петлею, но при этомъ создаетъ оригинальнѣйшій начертательный, или геометрическій мотивъ, вполнѣ византійскій по духу,—неизмѣнную схему всегда ясную для самого каллиграфа, но для зрителя почти неуловимую, ибо принципіально она допускаетъ безчисленные варіанты, крайне несходные между собою по своему непосредственному художественному дѣйствію Вотъ совершено новая и любопытная черта болгарскаго орнамента XIV вѣка, которая вводится въ науку псалтырью покойнаго Томича.

Остановимся въ заключеніе на двухъ инпціалахъ, которыми начинаются псалмы 102 и 103: это два варіанта буквы К; верхній навѣсъ обѣихъ замѣненъ изображеніемъ благословляющей руки. Это самостоятельная славянская переработка стараго византійскаго мотива, какую рѣдко удается установить съ такою очевидностью, какъ въ данномъ примѣрѣ. И греческіе инпціалы любили изображать благословляющую руку, всего чаще —въ *этой* іотѣ, въ томъ числѣ и въ нашихъ псалмахъ, которые начинаются словомъ Εὐλόγει („Благослови душе моя Господа....“). По условіямъ языка славянину пришлось приспособить этотъ символическій мотивъ къ каркасу иной буквы, отсутствующей въ греческомъ алфавитѣ; и надо сознаться, что эта задача исполнена и отчетливо и интересно. Обратимъ вниманіе на тонкій рисунокъ руки въ двухъ различныхъ поворотахъ Разсматривая рукопись, Н. П. Лихачевъ обратилъ мое вниманіе на знаменательное различіе въ перстосложеніи двухъ этихъ рукъ, стоящихъ почти рядомъ. Въ XVII вѣкѣ въ Россіи эти самыя различія стали поводомъ ожесточенной розни, въ XIV вѣкѣ, въ Болгаріи, стоявшей тогда во главѣ православнаго славянства, унаслѣдованные отъ Византіи различія въ перстосложеніи какъ будто уже останавливали на себѣ каноническую мысль, но вопросъ разрѣшался въ пользу равноправности варіантовъ, которые какъ бы съ умысломъ изображались рядомъ.

Другой, не менѣе любопытный примѣръ славянской переработки представляетъ инпціалъ Р въ словѣ ржцѣ (л. 208): двѣ руки, незамѣтно выростая изъ орнаментальнаго вьющагося стебля, держатъ штамбъ буквы, словно рукоятку сѣкиры.

В. Щепкинъ.

Іоганнъ Готфридъ Гердеръ.

(По поводу столѣтія со дня смерти его).

Сто лѣтъ тому назадъ, а именно 18-го декабря 1803 года, отошелъ въ вѣчность одинъ изъ геніальнѣйшихъ писателей Германіи—Іоганнъ Готфридъ Гердеръ. Онъ принадлежитъ къ писателямъ единственнымъ въ своемъ родѣ; его можно сравнить только съ Лессингомъ, хотя сходство между обоими не въ ихъ дарованіяхъ, а въ ихъ разносторонности Онъ соединялъ такое рѣдкое богатство ума и изобиліе разнообразнѣйшихъ познаній, какія рѣдко находятся въ такомъ счастливомъ соединеніи въ одномъ лицѣ. Онъ былъ не только поэтомъ и философомъ, онъ стоялъ не только во главѣ періода „бури и натиска“, но онъ былъ также эстетикомъ и педагогомъ, историкомъ и критикомъ, языковѣдомъ и богословомъ въ теоретическомъ и практическомъ отношеніи, знатокомъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Во всѣхъ этихъ научныхъ отрасляхъ онъ былъ или піонеромъ или, по крайней мѣрѣ, внесъ массу новыхъ идей, при чемъ, если его живой, горячій умъ иногда заставлялъ его заблуждаться, то его врожденное чувство истиннаго и прекраснаго вскорѣ возвращало его на надлежащую дорогу. Онъ былъ однимъ изъ духовныхъ вождей не только для Германіи, но и для всего культурнаго развитія того времени, и не въ одной какой либо научной отрасли, но почти во всѣхъ областяхъ знанія. Особенно глубоко было его вліяніе на развитіе интереса къ народности и народной поэзіи у разныхъ народовъ. Стремленіе понять и признать народныя права и особенности передалось потомъ всѣмъ *славянамъ-патріотамъ* эпохи *славянскаго* возрожденія. І. Добровскій помѣщаетъ въ своемъ сборникѣ „Slavin“ (1808) цѣликомъ разсужденіе Гердера о славянскихъ народахъ [1]); Копитаръ въ своей „Грамматикѣ славянскаго языка“ публикуетъ гердеровскую характеристику славянъ въ сокращенномъ видѣ [2]); Колларъ называетъ Гердера въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ

[1]). J Dobrowsky „Slavin,“ Beitrage zur Kenntniss der slavischen Literatur, Sprachkunde und Alterthumer, nach allen Mundarten Prag 1808 I Slavische Volker

[2]) Kopitar, „Grammatik der slavischen Sprache in Krain, Karnten u. Steyermark“. Laibach XI—XII, XVII—XVIII. (1808).

„Slávy dcera“, *другомъ* славянъ [1]); Шафарикъ въ концѣ 20-хъ годовъ переводитъ нѣсколько главъ изъ „Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit“ въ своей книгѣ „Slowanské Starožitnosti“ [2]); Челяковскій частью подражаетъ, частью переводитъ „Stimmen der Volker in Liedern“ Гердера [3]) и т. д. Въ болѣе позднее время имя Гердера стало извѣстнымъ въ Россіи и идеализація всего народнаго дала развитіе и русскому народничеству. Изъ русскихъ писателей Гердеромъ увлекался Карамзинъ [4]); на его сочиненіяхъ воспитался отчасти Надеждинъ: лекціи Шевырева по исторіи теоріи поэзіи написаны въ значительной степени на основаніи трудовъ Гердера; точно также Максимовичъ, Метлинскій и другіе знали его и имъ отчасти были возбуждены къ дѣятельности [5]).

Іоганнъ Готфридъ Гердеръ родился 25-го августа 1744 г. въ Морунгенѣ, маленькомъ городкѣ восточной Пруссіи. У его отца, Готфрида Гердера и матери, Анны Елизаветы, дочери кузнеца Пельса въ Морунгенѣ, было три дочери и два сына, изъ которыхъ одна дочь и одинъ сынъ умерли очень рано. Отецъ серьезный, но добродушный человѣкъ, по профессіи ткачъ, бросилъ свое ремесло и былъ впослѣдствіи пѣвчимъ въ одной изъ тамошнихъ церквей и учителемъ школы для дѣвушекъ.

Первое образованіе Іоганнъ Гердеръ получилъ въ городскомъ училищѣ, которымъ завѣдывалъ ректоръ Гриммъ, основательный ученый, но мрачный и ворчливый человѣкъ О познаніяхъ, которыя мальчикъ усвоилъ здѣсь, особенно о познаніяхъ въ древнихъ языкахъ Гердеръ въ позднѣйшіе годы, будучи уже человѣкомъ зрѣлыхъ лѣтъ, говорилъ съ величайшею благодарностью и уваженіемъ. Законъ Божій Гердеру преподавалъ пасторъ Вильямовіусъ, кроткій, любезный, гуманный человѣкъ, къ которому Гердеръ былъ привязанъ всей душой, и которому онъ, послѣ своихъ родителей, безспорно, былъ обязанъ своимъ религіознымъ чувствомъ и любовью ко всему прекрасному. Кромѣ пастора, въ молодомъ Гердерѣ принялъ участіе діаконъ Себастіанъ Фридрихъ Трешо, который предложилъ ему сдѣлаться его помощникомъ, за что обѣщалъ дать ему даровую квартиру. Чтобы отблагодарить его за это, Гердеръ переписывалъ аскетическія сочиненія, которыя издавалъ Трешо. Въ это время, именно около 1762 г., пробудился поэтическій талантъ Гердера. Трешо [6]) разсказываетъ объ этомъ слѣдующее: „Мнѣ надо было отпра-

[1]) IV Auflage, Ofen, 1845

[2]) П. Собѣстіанскій: „Ученія о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ“ Харьковъ 1892.

[3]) Brockhaus (русск. изд. т. 15).

[4]) Карамзинъ, „Письма русскаго путешественника“. СПБ. 1848 стр. 138—148

[5]) Brockhaus (русск. изд т. 15)

[6]) „Einige Charakterzuge aus dem Leben S. F Treschos“, Richter, Konigsberg, 1807.

вить книгопродавцу Кантеру въ Кенигсбергѣ брошюру „Исторія моего сердца“. Молодой Гердеръ взялся ее переписать, запечатать и отправить Чрезъ нѣсколько дней Кантеръ написалъ мнѣ, что онъ въ пакетѣ нашелъ стихотвореніе: „Киру, внуку Астіага“ Предметъ этого стихотворенія составляетъ обратный вызовъ Императоромъ Петромъ III, внукомъ Петра Великаго, изъ Сибири нѣкоторыхъ сосланныхъ вельможъ. Это стихотвореніе онъ нашелъ настолько разумнымъ и возвышеннымъ, что тотчасъ напечаталъ его и издалъ съ большимъ одобреніемъ со стороны знатоковъ. Кто же, кромѣ Гердера, могъ написать его! Онъ не отрицалъ этого, только покраснѣлъ и улыбнулся“.

Болѣе всѣхъ другихъ препятствій, которыя мѣшали Гердеру поступить въ университетъ, его мучило опасеніе, что онъ будетъ взятъ въ военную службу, потому что по тогдашнимъ военнымъ законамъ Пруссіи онъ долженъ былъ служить Но, вѣроятно, его маленькій ростъ и нѣжное тѣлосложеніе, какъ и больной глазъ (у него на 5-мъ году отъ рожденія образовалась фистула слезной железы у праваго глаза), избавили его отъ этого, такъ какъ до 18-го года его не потребовали въ рекруты. Тѣмъ не менѣе онъ нѣсколько лѣтъ находился въ страхѣ и опасеніи, что отчасти, можетъ быть, также было причиной его робости. Подобному настроенію мы обязаны однимъ изъ самыхъ раннихъ его стихотвореній: „Грудной младенецъ.“ Во время этого мучительнаго безпокойства случилось событіе, которое неожиданно дало другое направленіе судьбѣ Гердера. Полкъ русскихъ солдатъ, который возвращался послѣ семилѣтней войны, остановился на зимнія квартиры въ Морунгенѣ. Польковой врачъ, шведъ, по имени Шварцерло, посѣщалъ Трешо [1]), съ которымъ случайно познакомился, кромѣ своей настоящей профессіи, онъ охотно бесѣдовалъ о литературѣ. Гердеръ понравился ему; онъ освѣдомился о его житейскихъ обстоятельствахъ и предложилъ ему ѣхать съ нимъ, при чемъ онъ говорилъ, что сначала на свой счетъ дастъ ему возможность изучить хирургію въ Кенигсбергѣ, а тамъ предприметъ мѣры къ излѣченію болѣзни его глаза и, наконецъ, для окончанія образованія возьметъ его съ собою въ С.-Петербургъ. Какъ взаимную услугу, Гердеръ, о познаніяхъ котораго въ латинскомъ языкѣ онъ узналъ, долженъ былъ перевести на латинскій языкъ нѣсколько его медицинскихъ сочиненій. Хотя Гердеръ не чувствовалъ никакой склонности къ хирургіи, однако съ живѣйшею благодарностью принялъ это предложеніе, такъ какъ оно избавляло его отъ во многихъ отношеніяхъ невеселаго и мучительнаго положенія, и лѣтомъ 1762 г. онъ уѣхалъ со своимъ новымъ другомъ навсегда изъ Морунгена. Но какъ мало Гердеръ былъ пригоденъ для хирургіи, это обнаружилось

[1]) Richter „Lexicon der Liederdichter“.

вскорѣ по его прибытіи въ Кенигсбергъ. Однажды, когда польовой врачъ взялъ его съ собою на вскрытіе трупа, Гердеръ упалъ въ обморокъ, и впослѣдствіи подобные припадки угрожали ему всякій разъ, когда онъ слышалъ разговоръ объ операціяхъ.

Въ боязливомъ опасеніи онъ открылъ свою душу одному товарищу по училищу, Эммериху, съ которымъ случайно встрѣтился въ Кенигсбергѣ. Эммерихъ былъ канторомъ въ одной изъ церквей, и, по его ходатайству, Гердеру удалось исполнить свое завѣтнѣйшее желаніе бросить хирургію и отдаться изученію богословія. Онъ вскорѣ, къ общему удовольствію, сдалъ экзаменъ и былъ принятъ въ число студентовъ. Хотя благосклонные къ нему моруненские друзья помогали ему въ матеріальномъ отношеніи, и его товарищъ Эммерихъ старался подержать его, насколько могъ, Гердеръ сначала жилъ въ очень стѣсненныхъ условіяхъ, пока въ 1763 г. не былъ назначенъ учителемъ въ „Collegium Fridericianum.“ Шварцерло и Трешо были, конечно, очень недовольны тѣмъ, что онъ промѣнялъ хирургію на богословіе и всевозможными способами старались отсовѣтовать ему это, но напрасно Гердеръ въ Кенигсбергѣ слушалъ лекціи догматическаго богословія у Лиціенталя, философіи у Кипке, логики, метафизики, морали, математики у Канта и физики у Теске. Изъ этихъ преподавателей онъ больше всѣхъ любилъ Канта и Лиценталя.

Знакомство съ нѣсколькими образованными семьями въ Кенигсбергѣ, въ которыхъ онъ былъ принятъ, способствовали тому, что Гердеръ отбросилъ свою робость и стремленіе къ уединенію, которыя ему были свойственны въ юности Къ друзьямъ юности Гердера, кромѣ Гарткноха и Вильперта, преимущественно принадлежалъ Гаманнъ [1]), который отличался живѣйшей воспріимчивостью ко всему великому и прекрасному, сильнымъ умомъ и глубокимъ сердцемъ. Чрезъ Гаманна, который давалъ Гердеру уроки англійскаго языка, онъ познакомился съ англійской литературой, особенно съ Шекспиромъ, котораго ставилъ выше всѣхъ драматическихъ писателей. Благодаря знакомству съ Оссіаномъ и „Reliques of ancient English poetry“ Персіи, у него развилась любовь къ простотѣ народныхъ пѣсенъ, которыя онъ впослѣдствіи издавалъ въ переводахъ съ различныхъ языковъ или воспроизведеніяхъ подъ заглавіемъ: „Stimmen der Volker in Liedern“, т. е. „Голоса народовъ въ пѣсняхъ“.

Осенью 1764 г. Гердеръ, по рекомендаціи Гаманна [2]), былъ приглашенъ въ соборную церковь въ Ригѣ. Прежде чѣмъ оставить Кенигсбергъ, прусскія военныя власти потребовали отъ него присяги въ томъ,

[1]) Haym, „Herder nach seinem Leben u seinen Werken dargestellt,“ Berlin, 1877

[2]) Hamanns Schriften, herausg v Fr. Roth, Berlin, 1822, III T 295 S

что онъ вернется, если его потребуютъ въ солдаты. Онъ исполнилъ это требованіе съ негодованіемъ.

Въ Ригѣ началась настоящая дѣятельность Гердера, не только какъ учителя и проповѣдника, но и какъ писателя [1]), при чемъ его первыя творенія, которымъ онъ обязанъ тѣмъ, что его имя быстро пріобрѣло значеніе въ обществѣ, были изданы здѣсь. Пріѣхавши въ концѣ ноября 1764 г. въ Ригу, 7-го декабря Гердеръ былъ назначенъ помощникомъ учителя въ школѣ при Рижскомъ соборѣ и только въ іюнѣ слѣдующаго года былъ оффиціально утвержденъ преподавателемъ. Въ Ригѣ единогласно одобряли его превосходный методъ преподаванія и его гуманное обращеніе съ учениками. Такое же одобреніе заслуживали его проповѣди, полныя горячаго воодушевленія и дышащія истинной религіозностью. Обезпеченное матеріальное положеніе дало Гердеру возможность совершенно отдаться своимъ обязанностямъ преподавателя и проповѣдника, равно какъ и любви къ наукамъ. Въ свободные часы вокругъ него всегда собирался кружокъ избранныхъ друзей, въ обществѣ которыхъ онъ проводилъ счастливѣйшіе часы своей жизни. Желаніе Гердера получить мѣсто пастора городскія власти Риги исполнили тѣмъ поспѣшнѣе, что не желали лишиться его, потому что онъ въ 1767 г. былъ приглашенъ въ С.-Петербургъ директоромъ церковной школы при церкви св. апостола Петра и назначили его адъюнктомъ и послѣобѣденнымъ проповѣдникомъ при церкви св. Гертруды въ Ригѣ. Въ то время Гердеръ въ первый разъ выступилъ въ качествѣ писателя и тотчасъ обратилъ на себя вниманіе общества. Сильный переворотъ, который въ то время произвели Лессингъ, Винкельманъ и др., такъ вдохновили Гердера, особенно воодушевленнаго „Письмами о литературѣ“ Лессинга, что онъ издалъ свои „Отрывки о нѣмецкой литературѣ“. Его главной цѣлью при этомъ было сравнить нѣмецкую литературу съ греческой и римской, въ то же время принимая во вниманіе и восточную. Благодаря нѣкоторымъ мѣткимъ и остроумнымъ сужденіямъ, встрѣчающимся въ этихъ „Отрывкахъ“, Гердеръ вскорѣ пріобрѣлъ извѣстность. Но вмѣстѣ со многими новыми и смѣлыми мнѣніями въ этомъ сочиненіи было и строгое порицаніе по адресу нѣкоторыхъ лицъ, которое навлекло на Гердера не одно непріязненное сужденіе и подало поводъ къ спору съ профессоромъ философіи Клотцемъ въ Геттингенѣ [2]). Слѣдствіемъ спора съ Клотцемъ, который обвинялъ автора въ полномъ незнаніи греческаго и латинскаго языковъ, было изданіе „Kritische Wälder“ [3]) т. е. „Критическихъ лѣ-

[1]) R. Haym „Herder nach seinem Leben u seinen Werken“, Berlin 1880.

[2]) Deutsche Bibliothek der schonen Wissenschaften Bd I 161—180 Bd III 119—138

[3]) Gadebusch, Livländische Bibliothek, Riga 1777 T 2.

совъ“ въ 1768 и 1769 г.г. Страстный, презрительный тонъ, господствующій во 2-мъ и 3-мъ „Лѣсочкѣ“, обращенномъ къ Клотцу, порицался почти всѣми, что пробудило въ Гердерѣ желаніе оставить Ригу [1]), такъ какъ онъ въ душѣ сознавалъ, что въ этомъ спорѣ дѣйствовалъ съ самымъ чистымъ намѣреніемъ посильно способствовать улучшенію науки и облагороженію вкуса. Далѣе, его живая ненависть къ несправедливости не позволяла ему обращать на кого бы то ни было вниманіе, когда онъ считалъ своей священною обязанностью высказать правду, и вслѣдствіе своего сана считалъ себя вдвойнѣ обязаннымъ сдѣлать это.

Его желаніе посредствомъ путешествія за границу дать другое направленіе своему уму и расширить свой кругъ дѣятельности вскорѣ исполнилось, такъ какъ рижскіе друзья, особенно Гарткнохъ, помогли ему матеріально. Гердеръ намѣревался ознакомиться съ Франціей, Голландіей, Англіей, Германіей, и, если возможно съ Италіей и, обогатившись знаніями, по возвращеніи въ Ригу, благодаря благосклонности тамошняго городского управленія и съ помощью своего покровителя Кампенгаузена, открыть институтъ для воспитанія юношества. 9-го мая 1769 г Гердеръ получилъ отъ рижскаго городского управленія желаемую отставку и 24-го числа того же мѣсяца выѣхалъ изъ Риги въ Нантъ во Францію, въ сопровожденіи своего друга Густава Беренса. Риги и своихъ тамошнихъ друзей онъ болѣе не видѣлъ, но воздвигъ имъ прекрасный памятникъ въ одѣ „Взгляни, другъ, вотъ они несутся въ непогодѣ!“ .. Великолѣпный видъ открытаго моря оставилъ въ его душѣ глубокое, неизгладимое впечатлѣніе. Передъ нимъ проходили прошедшее и будущее, и въ этомъ настроеніи онъ написалъ превосходное стихотвореніе „Геній будущаго“. Гердеръ прибылъ въ Нантъ 19-го іюля 1769 г. Благодаря рекомендаціямъ, которыя Гердеръ имѣлъ къ тамошнему купцу Бабуту, очень богатому и пользовавшемуся уваженіемъ человѣку, онъ вскорѣ получилъ доступъ въ образованное общество. Своеобразная наивность и веселость французскаго характера, которыя въ провинціи выступали далеко менѣе извращенными, чѣмъ въ столицѣ, очень понравились Гердеру. Онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы усовершенствоваться въ французскомъ языкѣ, прежде чѣмъ отправиться въ Парижъ. Поѣздка туда состоялась 4-го ноября того же года, и, нѣсколько дней спустя, Гердеръ прибылъ въ Парижъ. Здѣсь онъ познакомился съ Арно, Дидро, Даламберомъ, Дюкло и другими учеными и писателями. Общество Дидро нравилось ему больше всего. Эти дружескія отношенія съ самыми выдающимися учеными дали ему возможность видѣть все достопримѣчательное въ Парижѣ и Версалѣ, особенно

[1]) „Herders Lebensbild Sein chronologisch geordneter Briefwechsel“; herausg v s. Sohne E Herder Erlangen 1846—1848

въ тамошнихъ библіотекахъ, собраніяхъ художественныхъ предметовъ и т. д. Къ французской сценѣ, которую Гердеръ часто посѣщалъ, онъ не могъ относиться вполнѣ благосклонно, хотя онъ отдавалъ полную справедливость художественной игрѣ актера Ле-Кэнъ и актрисъ Клеронъ и Дюмениль. Французской сценѣ недоставало естественной простоты и истины, которыя встрѣчаются въ характерѣ греческой трагедіи и у Шекспира [1]). Долгое пребываніе въ Парижѣ не входило въ цѣли Гердера. Судя по письмамъ [2]), онъ испытывалъ нѣкотораго рода пустоту, которую не могли наполнить ни общество его друзей, ни полная движенія и блеска жизнь столицы. Тѣмъ болѣе желательнымъ явилось для него предложеніе пастора Резевица въ Копенгагенѣ, съ которымъ онъ познакомился во время своего путешествія,—предложеніе въ теченіе трехъ лѣтъ сопровождать въ путешествіи шестнадцатилѣтняго принца Петра Фридриха Вильгельма, сына князя-епископа голштинскаго герцога въ Эйтинѣ, въ качествѣ руководителя и проповѣдника во время путешествія, въ обществѣ обергофмейстера принца фонъ-Каппельманна. Обдумавши серьезно, Гердеръ рѣшился принять это мѣсто. Въ письменномъ условіи, помѣченномъ 11-мъ января 1770 г., Гердеру вмѣняется въ обязанность въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ церкви евангелическаго исповѣданія, говорить проповѣди, повторять съ принцемъ уроки философіи, если онъ будетъ слушать таковые, читать съ нимъ латинскихъ авторовъ и вырабатывать его нѣмецкій слогъ. За это онъ будетъ имѣть квартиру и содержаніе, ежегодно получать жалованье въ 300 рейхсталеровъ по гамбургскому курсу, а чрезъ 3 года герцогъ обѣщалъ доставить ему чрезъ свои связи мѣсто пастора или профессора въ Килѣ Гердеръ оставилъ Парижъ и поѣхалъ чрезъ Брюссель и Антверпенъ въ Амстердамъ съ тѣмъ, чтобы на кораблѣ отправиться въ Киль, гдѣ находился молодой голштинскій принцъ вмѣстѣ со своимъ обергофмейстеромъ. При переѣздѣ въ Амстердамъ корабль, на которомъ находился Гердеръ, сильной бурей былъ выброшенъ на мель у голландскаго берега, и Гердеръ съ товарищами не безъ опасности для жизни съ помощью нѣсколькихъ рыбачьихъ лодокъ достигъ берега, самый же корабль потонулъ [3]). Къ знакомствамъ, которыя Гердеръ сдѣлалъ въ Гамбургѣ, гдѣ пробылъ нѣкоторое время, принадлежитъ знакомство съ Лессингомъ, Реймарусомъ, Іоганномъ Мельхіоромъ Геце и другими. Изъ нихъ онъ выше всѣхъ ставилъ Лессинга, котораго давно зналъ по его сочиненіямъ и глубоко уважалъ. Голштинскіе герцогъ и герцогиня встрѣтили Гердера при его при-

---

[1]) Herders Werke zur schönen Literatur u. Kunst. Bd XII 223—287.
[2]) „Herders Lebensbild Sein chronologisch geordneter Briefwechsel". herausg von seinem Sohne E Herder, Erlangen 1846—1848.
[3]) „Herders Werke zur Philosophie u. Geschichte", Bd. XIII S. 120

бытіи въ Эйтинъ съ уваженіемъ и довѣріемъ, и здѣсь, какъ почти вездѣ, признали его выдающіяся умственныя способности Немногіе мѣсяцы, которые Гердеръ провелъ въ Эйтинѣ предъ началомъ своего путешествія, очень пріятно прошли для него въ кругу княжеской семьи и среди образованнаго голштинскаго дворянства Путешествіе, въ которомъ Гердеръ сопровождалъ принца, направляясь чрезъ Гамбургъ, Ганноверъ, Геттингенъ, Кассель, Ганау, Дармштадтъ, Карлсруэ до Страсбурга. При дармштадтскомъ дворѣ, гдѣ принцъ пробылъ 14 дней, Гердеръ познакомился съ членомъ военнаго суда Меркомъ, о которомъ Гете вспоминаетъ, какъ о человѣкѣ, который имѣлъ величайшее на него вліяніе [1]) Здѣсь Гердеръ впервые встрѣтился со своей будущей женой Маріей Каролиной Флаксландъ, младшей дочерью придворнаго поставщика вюртембергскаго герцога, Іоганна Фридриха Флаксландъ, которая жила въ Дармштадтѣ, въ домѣ своей сестры, жены тайнаго совѣтника Гессъ [2]). Незадолго до своего отъѣзда изъ Дармштадта съ принцемъ, онъ вторично получилъ приглашеніе отъ графа Вильгельма Бюкебургскаго пріѣхать къ нему Первое приглашеніе графа было отправлено въ Ригу и не попало въ руки Гердера. Непріятности, происшедшія чрезъ гофмейстера Кампельманна въ отношеніяхъ Гердера съ принцемъ, должны были бы побудить его послѣдовать этому приглашенію. Но онъ никакъ не могъ рѣшиться на это сразу: въ его характерѣ вообще была черта при неожиданной рѣзкой перемѣнѣ своей судьбы возлагать свое упованіе на руководство свыше. Наконецъ онъ отправилъ въ Бюкебургъ письмо [3]), въ которомъ писалъ, что принимаетъ предложеніе графа, но дальнѣйшія подробности и свое вступленіе въ должность опредѣлитъ позже, и послѣ этого онъ 27-го августа 1770 г. уѣхалъ съ принцемъ въ Страсбургъ. Первое время своего пребыванія здѣсь онъ былъ въ дурномъ расположеніи духа, причину котораго надо искать въ томъ, что его здѣшнее положеніе совершенно противорѣчило намѣреніямъ Эйтинскаго двора и его назначенію; онъ понималъ, что долженъ бросить все, если хочетъ остаться самимъ собою. Поэтому онъ принялъ рѣшеніе просить объ отставкѣ, которую и дали ему, хотя очень неохотно Ему жаль было разставаться съ принцемъ. „Я только-что возвратился отъ принца“, говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ [4]), „я со слезами на глазахъ объявилъ ему о нашей разлукѣ. Онъ былъ также тронутъ, какъ и я, при чемъ оставилъ его блѣднымъ, какъ смерть. Онъ старается отсрочить разлуку на недѣли и мѣсяцы, но чувствуетъ также какъ и я, побу-

[1]) Goethes Werke „Aus meinem Leben.“ III T. XII B.
[2]) Goethes Werke „Aus meinem Leben“ III T. XII B.
[3]) „Herders Lebensbild. Sein chronologisch geordneter Briefwechsel“, herausg. v s Sohne E. Herder Erlangen 1846—1848.
[4]) „Herders Lebensbild“, E. Herder, Erlangen 1846—1848

дительныя причины моего образа дѣйствій“ Во время этого пребыванія въ Страсбургѣ Гердеръ познакомился съ Юнгъ-Штиллингомъ и Гете [1]). Такъ какъ глазная болѣзнь Гердера, которой онъ страдалъ уже съ дѣтства, все ухудшалась, то онъ воспользовался своимъ пребываніемъ въ Страсбургѣ, чтобы сдѣлать операцію слезной железы у тамошняго знаменитаго доктора Лобштейна [2]). Къ несчастію операція не удалась. Весной 1771 г. Гердеръ писалъ: „Мое лѣченіе теперь окончено; но имѣйте ко мнѣ состраданіе! Послѣ всѣхъ болей, расходовъ, досады и оскорбленій болѣзнь хуже, чѣмъ какова была прежде. Лѣченіе не удалось.. Куда дѣвалась вся веселость жизни послѣ того, какъ полгода былъ запертъ въ четырехъ стѣнахъ [3])!“ Гете, который каждый день, а иногда нѣсколько разъ въ день навѣщалъ его въ этомъ уединеніи, продолжавшемся съ октября 1770 г. до апрѣля 1771 г., и который вмѣстѣ съ русскимъ, по фамиліи Неговымъ [4]), познакомившимся съ Гердеромъ въ Ригѣ, присутствовалъ при операціи, описывалъ непоколебимое мужество и присутствіе духа Гердера, а также удивляясь его большой стойкости и терпѣнію, какія онъ всегда выказывалъ при часто повторявшихся болѣзненныхъ перевязкахъ, нисколько не приходя въ дурное расположеніе духа [5]). Во время пребыванія въ Страсбургѣ, Гердеръ написалъ статью „О происхожденіи языка [6]),“ въ которой онъ далъ отвѣтъ на вопросъ, за который Берлинская академія назначила премію: „Comment est-il à expliquer, que des hommes abandonnés à leurs facultés se forment une langue?“ т. е. „Какъ объяснить то, что люди, предоставленные своимъ собственнымъ способностямъ, образуютъ свой разговорный языкъ?“ и получилъ отъ академіи назначенную премію Цѣлью трактата Гердера было показать, какъ человѣкъ можетъ и долженъ собственными силами составить себѣ разговорный языкъ [7]). Здѣсь же вмѣстѣ съ Гете были написаны статьи: „О нѣмецкомъ нравѣ и искусствѣ“. Что касается дальнѣйшихъ научныхъ занятій Гердера въ этотъ періодъ жизни, то онъ занимался преимущественно англійской литературой, а именно Шекспиромъ, что видно изъ нѣсколькихъ его писемъ тогдашняго времени, въ которыхъ онъ, между прочимъ, сообщаетъ, „какимъ его конькомъ сдѣлался Шекспиръ“, именно „что онъ его не читалъ, а изучалъ“; „каждая изъ его драмъ есть философія той страсти, о которой она трактуетъ“, и т. д.

---

[1]) Goethes Werke „Aus meinem Leben“ II T. X B.
[2]) Goethes Werke „Aus meinem Leben“ II T. X B
[3]) „Herders Lebensbild“ v. E. Herder, Erlangen 1846—1848
[4]) Goethes Werke „Aus meinem Leben“ II T. X B.
[5]) Goethes Werke „Aus meinem Leben“ II T. X B
[6]) Allgemeine deutsche Bibliothek Bd. XIX S. 439—451. u Wielands deutscher Merkur 1773, Februar.
[7]) Goethes Werke „Aus meinem Leben“ II T. X B

Въ маѣ 1771 г. Гердеръ пріѣхалъ въ Бюкебургъ. Но его положеніе здѣсь не вполнѣ соотвѣтствовало его ожиданіямъ. Графъ былъ умный и всесторонне образованный человѣкъ, особенно благодаря знакомству съ извѣстнымъ писателемъ Юмом Аббтомъ. но нѣсколько горд, серьезенъ и сдержанъ [1]) Онъ искалъ не только научной бесѣды, но желалъ, чтобы предъ нимъ преклонялись. Аббтъ сумѣлъ соединить то и другое, вся же индивидуальность Гердера была неспособна къ тому, чтобы подобнымъ образомъ заискивать расположенія графа Лесть и лицемѣріе были противны его природѣ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не могъ надѣяться провести свое мнѣніе, онъ считалъ себя обязаннымъ открыто высказать его, какъ свое личное свидѣтельство въ пользу истины Какъ характеры, такъ и мнѣнія ихъ были различны въ отношеніи самыхъ существенныхъ вопросовъ. Гердеръ никакъ не могъ исполнить желанія графа, чтобы онъ посвятилъ себя преимущественно литературѣ а не своему духовному званію (онъ былъ приглашенъ въ качествѣ проповѣдника и совѣтника консисторіи) Точно также онъ не удовлетворялся созерцательной жизнью, въ которую такъ желалъ вовлечь его графъ. Такого рода отношенія для него, никогда не умѣвшаго выказывать великимъ міра сего низкопоклонной преданности, были чрезвычайно непріятны и тяжелы. Въ качествѣ духовнаго лица онъ только мало по малу пріобрѣлъ любовь со стороны своихъ прихожанъ, но въ улучшеніи школьнаго дѣла ему также препятствовали личныя убѣжденія графа [2]). Въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ Гердеру принесла пользу его вѣра въ руководство свыше, которое, какъ онъ надѣялся, и всѣ эти обстоятельства обратитъ во благо; и оказалось, что Провидѣніе *въ тиши дѣйствительно позаботилось о немъ*, именно близкое знакомство съ супругой графа, графиней Маріей, чрезвычайно деликатной дамой и проникнутой религіозными убѣжденіями, духовникомъ которой онъ былъ, постепенно примирило Гердера со всѣми печальными испытаніями, которыя онъ пережилъ въ Бюкебургѣ въ своихъ отношеніяхъ съ графомъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ пишетъ объ этомъ слѣдующее: „Постѣдніе 14 дней въ Бюкебургѣ я начинаю жить, и все для меня *измѣнилось вслѣдствіе измѣненія одной души*. Если вы хотите представить себѣ въ одномъ лицѣ милосердіе, кротость, любовь и смиреніе, то представьте себѣ здѣшнюю графиню. Судьба ея очень странна. Она урожденная графиня фонъ-Липпе-Бистерфельдъ, но сирота съ самаго дѣтства. Она сперва жила въ домѣ родныхъ въ Магдебургѣ, потомъ въ Силезіи. гдѣ она попала въ руки піэтистовъ. Нашъ государь женился на ней увидѣвъ ея портретъ. Я думалъ, что согласно съ ея образомъ мыслей

[1]) F Nicolai, „Ehrengedachtniss Herrn Th Abbts“. Berlin 1767

[2]) Zimmermann: „Ueber die Einsamkeit“ u Th Schmalz. „Denkwürdigkeiten d Grafen *Wilhelm zu Schaumburg-Lippe*“. Hannover 1783

ни я, ни мои проповѣди не могли ей нравиться... и, вообразите, какъ я ошибся, когда въ началѣ этого года она сама стала искать случая написать мнѣ. И письмо свидѣтельствовало о такомъ высокомъ образѣ мыслей, такомъ разумѣ и такомъ добромъ сердцѣ, что меня все это удивило и обрадовало.... Я тотчасъ отвѣтилъ ей, при чемъ высказалъ ей мое мнѣніе о значеніи моего пребыванія здѣсь.... Послѣ этого я отъ графа выслушалъ длинную проповѣдь философско-нравственнаго содержанія, однимъ словомъ, онъ сталъ относиться ко мнѣ совсѣмъ иначе“ [1]) Такимъ образомъ Гердеръ постепенно сдѣлался не только учителемъ графини, но также ея лучшимъ другомъ и утѣшителемъ въ тяжелые часы, какіе иногда переживала графиня. Благодаря этимъ близкимъ отношеніямъ и перепискѣ, которую графиня показывала своему мужу, отношенія Гердера къ графу, какъ выше было сказано, сдѣлались лучше и сердечнѣе. Послѣ этого много вечеровъ проходило въ интересныхъ разговорахъ о поэзіи и другихъ искусствахъ, или же небольшой оркестръ, который держалъ при себѣ графъ, доставлялъ музыкальное развлеченіе. Это побудило Гердера написать кантаты. „Брутъ и Филоктетъ“, „Воскресеніе Лазаря“, „Чужестранецъ на Голгоѳѣ“, „Побѣда архангела Михаила“ [2]) и другія, которыя явились между 1772 и 1775 годами, и къ которымъ музыка составлена капельмейстеромъ графа Іоганномъ Фридрихомъ Бахомъ. Что касается дѣятельности Гердера въ другихъ отрасляхъ литературы, то нужно сказать, что онъ занимался собираніемъ матеріаловъ для сочиненій: „Древнѣйшіе памятники рода человѣческаго“, „Философія исторіи человѣчества“, „Еврейская поэзія“ и другихъ. Далѣе, онъ, кромѣ римскихъ и греческихъ классиковъ въ это время изучалъ еще „Reliques of ancient English poetry“, при чемъ написалъ значительное количество подражательныхъ балладъ и пѣсенъ.

Въ 1772 г. Гердеръ для своего развлеченія предпринялъ путешествіе въ Геттингенъ, гдѣ имѣлъ свиданіе съ Маріей Каролиной Флаксландъ, слѣдствіемъ чего было бракосочетаніе съ ней въ Дармштадтѣ 2-го мая 1773 г. Бракъ былъ заключенъ по взаимной любви, сходство же характеровъ еще болѣе обезпечивало прочность супружескаго счастья. Возвратившись изъ Дармштадта въ Бюкебургъ, Гердеръ серьезно занялся осуществленіемъ нѣкоторыхъ плановъ, выполненіе которыхъ онъ, по собственному признанію, откладывалъ только вслѣдствіе дурного расположенія духа.

„Древнѣйшій памятникъ рода человѣческаго“ [3]), который содержитъ въ себѣ разсматриваніе начальныхъ главъ первой книги Моисея,

[1]) „Herders Lebensbild“ v. E Herder, Erlangen 1846—1848.
[2]) Herder, „Werke zur schonen Literatur u. Kunst“ Bd. VI u. XVI
[3]) „Deutscher Merkur,“ Marz 1776, S. 203—228, „Die allgem deutsche Bibliothek,“ Bd. XXV S 23—61

былъ написанъ въ августѣ и сентябрѣ 1773 г. Первый томъ его появился въ 1774 г., а второй въ 1776 г. По плану Гердера должно было послѣдовать еще нѣсколько частей его Это сочиненіе составило опытъ объясненія исторіи сотворенія міра, но оно не было вполнѣ свободно и отъ яростныхъ нападокъ, особенно на Михаэлиса, профессора богословія въ Геттингенѣ (1745 г). Главной причиной этого было, вѣроятно, отвращеніе Гердера къ новому толкованію св. Писанія, которое старалось принизить все святое и божественное въ Библіи. При этомъ его индивидуальность играла не маловажную роль: онъ не былъ въ состояніи вполнѣ спокойно и безстрастно изучать и размышлять. На него слишкомъ сильно вліяла противоположность чувства и разума Онъ слишкомъ легко увлекался и не былъ достаточно осмотрительнымъ человѣкомъ [1]).

Въ это же время было написано главное твореніе Гердера, его „Идеи къ философіи исторіи человѣчества“ [2]), къ составленію котораго былъ данъ главный толчекъ императрицей Екатериной II, на которую онъ смотрѣлъ какъ на возсѣдающую на престолѣ представительницу гуманной философіи, какъ на мудрую и кроткую богиню мира [3]), и въ которомъ всѣ лучи его ума сосредоточились, „какъ радіусы круга въ центрѣ“. Онъ старался въ этомъ произведеніи, главнымъ образомъ, доказать единство человѣка со всей природой, установить единство и гармонію міра людей и человѣческой жизни. Согласно съ этою точкою зрѣнія „онъ слѣдилъ за образомъ мыслей народовъ“, прислушивался къ самымъ раннимъ движеніямъ поэтическаго воображенія въ Эддѣ, къ миѳологическимъ стихотвореніямъ древнихъ, къ извѣстіямъ о народахъ всѣхъ временъ, всѣхъ поясовъ Онъ стремился открыть человѣчеству сознаніе его времени, чтобы оно видѣло, какъ самыя отдаленныя страны міра людей соединены присущей имъ всѣмъ чертой „человѣчности“, что всѣ онѣ необходимы для гармоніи цѣлаго.

Лѣтомъ 1774 г. Гердеръ въ Пирмонтѣ познакомился съ Глеймомъ [4]), который со свойственной ему общительностью и безпристрастнымъ признаніемъ всего великаго и превосходнаго, искренно привязался къ Гердеру. И въ позднѣйшіе годы Гердеръ навѣщалъ Глейма въ Гальберштадтѣ, при чемъ дни, которые онъ проводилъ здѣсь въ обществѣ Доротеи Глеймъ, Луизы Аренсъ и Вильгельма Керте, племянника Глейма, считалъ за самые пріятные дни своей жизни. Ихъ дружба продолжалась до смерти, при чемъ Гердеръ только на 10 мѣсяцевъ пережилъ своего друга [5]).

[1]) „J. G Herders Leben“ v. H. Doering S. 153.
[2]) Herder, „Werke zur Philosophie u. Geschichte Bd. III—VI
[3]) Прим. 27 Гайма I 124—125.
[4]) „J. W. Gleims Leben“ v. W. Korte, Halberstadt 1811.
[5]) Глеймъ умеръ 18-го февраля 1803 года

Въ апрѣлѣ 1775 г. Гердеръ занялъ мѣсто суперъ-интенданта, которое освободилось по смерти суперъ-интенданта Мейера; но это мѣсто доставило ему много хлопотъ; онъ съ большой строгостью старался устранить многочисленные споры деревенскихъ пасторовъ съ ихъ прихожанами. Къ Пасхѣ того же года Гердеръ издалъ статью подъ заглавіемъ: „Причины паденія изящнаго вкуса у различныхъ народовъ, гдѣ онъ процвѣталъ“; эта статья была отвѣтомъ на вопросъ, поставленный Берлинской академіей „Quelles sont les causes de la décadence et de la corruption du gout?“ т. е. „Каковы причины паденія и испорченности вкуса [1])“ Гердеръ удостоился преміи.

Въ это время онъ получилъ нѣсколько предложеній изъ другихъ государствъ, на которыя отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ Такъ, между прочимъ, ему предлагали мѣсто придворнаго пастора въ Эйтинѣ, профессора и пастора при университетѣ въ Гиссенѣ, то же самое мѣсто при университетѣ въ Геттингенѣ и т. д. Наконецъ ему чрезъ Гёте былъ сдѣланъ запросъ, не желаетъ ли онъ принять мѣсто генералъ-суперъ-интенданта въ Веймарѣ. Переговоры продолжались отъ марта до іюня 1776 г. и окончились тѣмъ, что Гердеръ въ день архангела Михаила занялъ это мѣсто. Трогательно было его прощанье съ графомъ, который вслѣдствіе смерти своей жены, послѣдовавшей 16-го іюня, чувствовалъ себя вдвойнѣ покинутымъ. Вслѣдствіе своей болѣзненности и по причинѣ ипохондріи, графъ не долго пережилъ эту потерю и умеръ въ слѣдующемъ году, 10-го сентября 1777 года. Послѣ сердечной прощальной проповѣди, въ которой Гердеръ увѣщевалъ своихъ прихожанъ повиноваться своимъ учителямъ и не противиться имъ, онъ оставилъ Бюкебургъ и 2-го октября 1776 г. прибылъ въ Веймаръ, гдѣ 15-го того же мѣсяца былъ представленъ мѣстному обществу въ качествѣ совѣтника консисторіи. Его вступительная проповѣдь встрѣтила всеобщее одобреніе, вообще онъ съ самаго начала пріобрѣлъ здѣсь любовь и расположеніе со стороны всѣхъ, такъ что вскорѣ могъ написать Гарткноху [2]) слѣдующее. „Я здѣсь любимъ всѣми, и при дворѣ меня почитаютъ, какъ народъ, такъ и высокопоставленные меня уважаютъ; одобреніе же превосходитъ всякую мѣру.“ Во внѣшнихъ дружественныхъ отношеніяхъ, полныхъ обоюднаго уваженія, (о дружбѣ въ настоящемъ значеніи слова у великихъ людей, замкнутыхъ въ самихъ себѣ не можетъ быть рѣчи), Гердеръ находился съ Гете, съ которымъ познакомился еще въ Страсбургѣ, и главнымъ руководителемъ котораго онъ сдѣлался впослѣдствіи. Далѣе, сходившись съ Гердеромъ Кнебель и нѣж-

[1]) „Deutscher Mercur“, „Mai 1776 u Herders„ Wissenschaften zur schonen Literatur u. Kunst, Bd. VII. S. 1—64.

[2]) „Herders LebensBild,“ herausg v. E Herder, Erlangen, 1846—1848

ный, добродушный Виланд, къ которому первый чувствовалъ особенное влеченіе, тѣмъ болѣе, что онъ былъ единственнымъ человѣкомъ, раздѣлявшимъ его тогдашнее неголованіе на философію Канта [1]). Пользоваться этимъ пріятнымъ обществомъ мѣшала Гердеру лишь его болѣзненность, которая началась зимой 1776 г. и заключалась преимущественно въ страданіяхъ печени. Поэтому онъ былъ вынужденъ весной 1777 г. поѣхать на воды въ Пирмонтъ, при чемъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы навѣстить графа въ Бюкебургѣ; но это было его уже послѣднее посѣщеніе, такъ какъ графъ вскорѣ умеръ. По возвращеніи въ Веймаръ, Гердеръ принималъ самое живое участіе въ празднествахъ, драматическихъ представленіяхъ и другихъ общественныхъ увеселеніяхъ, которыя въ то время устраивали для герцога и его молодой жены герцогиня-мать Амалія, Гете, Кнебель и другіе. Онъ также участвовалъ въ кружкѣ людей выдающагося ума, которыхъ собирала вокругъ себя герцогиня Амалія Онъ здѣсь встрѣтилъ и уваженіе и расположеніе Къ тогдашнимъ литературнымъ работамъ Гердера принадлежатъ первая часть „Народныхъ пѣсенъ,“ „Пѣсни любви,“ сочиненіе: „О познавательной и чувствовательной способностяхъ души человѣка,“ „Пластика“ и статья. „О вліяніи поэзіи на нравы народовъ древняго и новаго временъ“ [2]): эта послѣдняя была удостоена преміи со стороны Баварской академіи наукъ. Въ слѣдующемъ году появилась вторая часть „Народныхъ пѣсенъ,“ изъ которыхъ нѣкоторыя фонъ-Зеккендорфъ положилъ на музыку и въ двухъ сборникахъ издалъ подъ заглавіемъ: „Народныя и другія пѣсни.“ Въ 1781 г. Гердеръ снова получилъ отъ мюнхенской академіи премію за статью. „О вліяніи словесности на высшія науки“ [3]).

Весной 1783 г. Гердеръ предпринялъ путешествіе чрезъ Гальберштадтъ въ Вандсбекъ, гдѣ навѣстилъ поэта М Клаудіуса и познакомился съ Клопштокомъ, который встрѣтилъ его очень сердечно Въ Брауншвейгѣ онъ познакомился съ Іерузалемомъ, который достаточно извѣстенъ по сочиненію Гете „Страданія молодого Вертера“. Странная неожиданность выпала на долю Гердера въ 1788 г вслѣдствіе полученія письма, которое было написано неизвѣстной рукой, и къ которому былъ приложенъ подарокъ въ 2 000 гульденовъ. „Не отвергните,“ гласило письмо, „ничтожной жертвы величайшаго почтенія, не воздайте презрѣніемъ за мое доброе намѣреніе и не отнимите у меня прекраснаго утѣшенія, что и я могъ чѣмъ нибудь способствовать успокоенію и удовлетворенію великаго человѣка. Не считайте себя обиженнымъ, потому что мое желаніе и моя цѣль чи-

[1]) „C M. Wieland,“ J G. Gruber, Leipzig 1816, Bd. II S 422
[2]) „Allgemeine deutsche Bibliothek“ Bd 37, 41, 49
[3]) „Heinzmanns“ Literarische Chronik“ Bd I S 137—162.

сты. Забудьте незнакомца, который пишетъ это письмо, и поводъ къ нему. Вы никогда не узнаете, кто я. Молчите, потому что я буду вѣчно молчать". Имени этого неизвѣстнаго доброжелателя Гердеръ никогда не узналъ [1]). Вскорѣ послѣ этого онъ получилъ отъ великаго герцога веймарскаго ежегодную прибавку въ 300 рейхсталеровъ,—прибавку, которая, несмотря на его значительное жалованье, была очень кстати, потому что какъ его обстановка въ Веймарѣ, такъ и его болѣзненность и соединенныя съ нею путешествія требовали сравнительно большихъ расходовъ.

Въ это же время осуществилось одно изъ его задушевнѣйшихъ желаній—путешествіе въ Италію [2]), куда онъ отправился 6-го августа 1788 г. Италія, предметъ самаго горячаго стремленія Гердера, была для него, согласно съ его собственными словами, величайшей школой образованія. Чтобы узнать, каково было впечатлѣніе, которое произвели произведенія древняго искусства на его воспріимчивую душу, намъ стоитъ только прочесть, что онъ самъ объ этомъ говоритъ въ 5-мъ сборникѣ писемъ о споспѣшествованіи гуманности [3]). Уваженіе и деликатное сочувствіе, которыя герцогиня-мать выказывала ему, имѣли чрезвычайно благотворное вліяніе на его расположеніе духа, и лица, которыя были съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ, не помнятъ, чтобы видѣли его гдѣ либо такимъ веселымъ, какъ въ Италіи, особенно въ Неаполѣ, куда онъ пріѣхалъ въ 1789 г. въ обществѣ герцогини Амаліи.

Но, кажется, въ душѣ Гердера вскорѣ пробудилось сильное желаніе возвратиться на родину, что видно изъ слѣдующаго мѣста его письма отъ 27-го февраля 1789 г.: „Я сильно желаю оставить Италію," говорится въ немъ, „и желалъ бы уже быть на границѣ Германіи ... Я отчасти боюсь за свое здоровье, отчасти же мнѣ надоѣло жить придаткомъ, между людьми, хотя бы и между хорошими людьми, и я сильно тоскую по своей родинѣ" [4]). Въ маѣ 1789 г. Гердеръ покинулъ Италію и чрезъ Инсбрукъ, Мюнхенъ, Нюрнбергъ возвратился въ Веймаръ.

Послѣ своего возвращенія изъ Италіи, Гердеръ былъ назначенъ вицепрезидентомъ оберконсисторіи, чрезъ что былъ освобожденъ отъ многихъ обязанностей по своей прежней должности и надѣялся, что будетъ имѣть болѣе свободнаго времени для литературныхъ занятій, но его надежды не осуществились вслѣдствіе его болѣзни въ теченіе зимы 1789—1790 г. Хотя онъ отчасти и укрѣпилъ свое здоровье поѣздкой на воды въ Карлсбадъ и Аахенъ, но все же чувствовалъ себя физически настолько слабымъ, что принужденъ былъ между Рождествомъ 1791 г. и Пасхой

[1]) „J. G Herders Leben", v. H Doering, S. 182
[2]) „Herders Reise nach Italien", herausg v. Duntzer u. F. Herder, 1859
[3]) Herder, „Werke zur schonen Literatur u Kunst", Bd. VII S. 162—250.
[4]) „Herders Lebensbild", herausg. v E Herder, Erlangen 1846—1848

1792 г. въ постели приготовить къ печати второе изданіе перваго сборника „Zerstreute Blatter“ „Разрозненные листы“, т. е. „Различныя статьи“. Кромѣ того онъ работалъ, между прочимъ, надъ сочиненіями: „О воскресеніи“ и „О посланіи языковъ въ первый день христіанскаго праздника Св. Троицы“, которыя появились въ печати въ 1793 г. [1]). Нѣсколько лѣтъ спустя, онъ издалъ „Письма о споспѣшествованіи гуманности“, въ которыхъ онъ опять, но еще больше, чѣмъ въ своей „философіи исторіи человѣчества“ развиваетъ свои идеи о „человѣчности [2]); для него „человѣчность“ должна быть и цѣлью: необходимо все болѣе возвышать общечеловѣческое, все болѣе развивать и совершенствовать просвѣщеніе, чтобы ни одна человѣческая способность не оставалась неразвитой, и чтобы каждый человѣкъ и каждый народъ показалъ бы то совершенство и ту гармонію, которыя господствуютъ во всемъ мірѣ и жизни человѣческой. Кромѣ того онъ написалъ нѣсколько небольшихъ статей „Собственная судьба,“ „Гомеръ, любимецъ времени,“ „Праздникъ грацій“ и другія, которыя были предназначены для журнала „Die Horen“ Шиллера Отъ другихъ работъ онъ былъ отвлеченъ своимъ споромъ съ Кантомъ и нападками на его критическую философію. Его статья: „Разумъ и опытъ. Метакритика на критику чистаго разума“ имѣло слѣдующее происхожденіе [3]) Хотя Гердеръ съ благодарностью относился къ Канту, какъ своему учителю, и цѣнилъ его, какъ философа, но не могъ безусловно соглашаться со всѣми его мнѣніями. Чѣмъ больше появлялось на свѣтъ сочиненій Гердера, тѣмъ болѣе Кантъ убѣждался въ томъ, что Гердеръ намѣренъ идти своимъ собственнымъ путемъ, не признавая себя приверженцемъ какой нибудь школы. Когда сочиненіе Гердера: „Идеи къ философіи исторіи человѣчества“ попало въ руки Канта, послѣдній написалъ статью: „Идея къ всеобщей исторіи въ космополитическомъ отношеніи,“ въ которой указываетъ каѣъ разъ противоположный путь тому, по которому шелъ Гердеръ [4]). Рецензія Канта [5]), высокомѣрно написанная, чувствительно огорчила Гердера, но онъ молча перенесъ оскорбленіе. Когда, однако, критическая философія вскорѣ пріобрѣла значительное число страстныхъ приверженцевъ, особенно между молодежью, а главнымъ образомъ, послѣ того, какъ Фихте въ Іенѣ публично высказалъ, что чрезъ пять лѣтъ болѣе не будетъ христіанской религіи и что разумъ будетъ единственной религіей, Гердеръ счелъ своей обязанностью противодѣйствовать Канту.

---

[1]) Herder, „Werke zur Religion u Theologie“ Bd XI u XII.

[2]) „Weltkunde“ v. Posselt, 1798, № 207

[3]) „Herder gegen Kant, oder die Metakritik im Streite mit der Kritik der reinen Vernunft“ v Ratze, Leipzig 1800

[4]) Die Berliner Monatsschrift, November 1784.

[5]) Allgemeine Literatur-Zeitung 1785 Iena.

Гердеръ въ своей „Метакритикѣ“ назвалъ „Критику чистаго разума“ Канта хитросплетеніемъ нелѣпостей, и его „Критику разсудка“ изобразилъ какъ ученіе безвкусія, подобнаго которому еще не было, и которое въ интересахъ чести здраваго разсудка человѣка должно быть уничтожено до основанія.

Какъ споръ съ Кантомъ, такъ и его служебныя отношенія въ Веймарѣ, которыя были вовсе не легки, отразились сильно на его и такъ слабомъ здоровьѣ. Въ то время, именно, между его сослуживцами по духовному вѣдомству еще господствовали тѣ ограниченныя воззрѣнія на богословіе, которыя лучше всего обозначить названіемъ правовѣріе буквы [1]). Поэтому, естественно, что правила. которыя высказывалъ Гердеръ. какъ наприм., что нужно читать библію, какъ всякую другую книгу, написанную людьми, а также и проповѣди, которыя онъ произносилъ, и въ которыхъ не выражалась рѣшительно никакая опредѣленная система вѣры, принимались небчагопріятно.

Къ работамъ послѣднихъ лѣтъ Гердера принадлежатъ его легенды, его переводъ или скорѣе—обработка поэмы о Сидѣ [2]), по искаженной „Poema del Cid“, въ которой описывается жизнь и подвиги испанскаго національнаго героя Родриго Діаза, графа фонъ-Виваръ, и журналъ „Адрастея“, тенденціей котораго было представить изображеніе и оцѣнку всего важнаго, сдѣланнаго въ XVIII столѣтіи по части политики, религіи и науки. Нѣсколько плановъ занимало Гердера въ одно и тоже время; но особенно его умъ, не знавшій покоя, стремился содѣйствовать образованію вѣка и въ будущемъ: онъ хотѣлъ издать съ примѣчаніями Горація и Пиндара, собралъ много матеріаловъ для исторіи поэзіи и греческой миѳологіи, которые хотѣлъ обработать; коснулся и сѣверной миѳологіи, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ его статья: „Идуна“ [3]); но къ сожалѣнію, эти работы не всѣ осуществились, такъ какъ сильная слабость глазъ мѣшала ему работать. Поэтому онъ поѣхалъ въ Аахенъ, откуда вернулся въ Веймаръ въ октябрѣ 1802 г. довольно укрѣпленнымъ. Въ маѣ слѣдующаго года его постигло несчастье: онъ былъ выброшенъ изъ экипажа. Испугъ и позже присоединившаяся къ нему простуда имѣли на его здоровье самое неблагопріятное вліяніе; слѣдствіемъ ихъ была большая нервная слабость, излѣченіе отъ которой онъ надѣялся получить на водахъ въ Эгерѣ. Казалось, что онъ дѣйствительно оправился тамъ, но уже 17-го октября чувствовалъ себя настолько нездоровымъ. что могъ работать только съ большими перерывами. Онъ страдалъ подагрой и силь-

[1]) „Herder als Theolog“ v. Werner Berlin 1871
[2]) „Cid“, herausg. v J Schmidt, Leipzig 1868
[3]) Schillers „Horen“, 1796

ными нервными припадками, на которыя никакія средства не оказывали благотворнаго дѣйствія. Физическія силы постепенно оставляли его, и въ воскресенье 18-го декабря 1803 г. онъ впалъ въ глубокій сонъ, который продолжался весь день, а въ 11 часовъ вечера скончался.

Погребеніе Гердера происходило 21-го декабря 1803 г. въ 9 часовъ вечера, въ веймарской городской церкви свв. Петра и Павла, при звонѣ всѣхъ колоколовъ и живѣйшемъ участіи всѣхъ сословій. Небо до тѣхъ поръ покрытое тучами, во время погребальнаго шествія прояснилось, и звѣзды ласково смотрѣли на гробъ усопшаго.

Хотя Гердеру едва ли нуженъ другой памятникъ, кромѣ того, который онъ самъ себѣ воздвигъ своими сочиненіями и своею практическою служебною дѣятельностью, тѣмъ не менѣе дружба и любовь, какъ внѣшніи знакъ воспоминанія о немъ, поставили на его могилѣ памятникъ, на которомъ его вѣра, его надежда, его любовь, характеръ и цѣль его жизни выражаются символическимъ образомъ. Онъ сдѣланъ изъ блестящаго желѣза съ чернымъ отливомъ, съ золотыми буквами и изображаетъ змѣю, которая держитъ свой хвостъ во рту,—символъ вѣчности. Внутри находятся буквы A и Ω, т. е альфа и омега, начало и конецъ, и вокругъ нихъ слова: „Licht, Liebe, Leben“, т. е. „свѣтъ, любовь, жизнь“. То мѣсто, гдѣ соприкасаются голова и хвостъ змѣи, окружено сіяніемъ, и это означаетъ, что начало и конецъ отъ Бога.

Г. Ю Ирмеръ.

Харьковъ 1903 г

Труды В. Д. Спасовича о западно-европейскихъ писателяхъ.

(Шекспиръ. Гете, Шиллеръ и Байронъ).

Желая внести свою лепту въ сборникъ, составляемый въ честь глубокоуважаемаго М. С. Дринова его учениками, друзьями и почитателями, я затруднялся въ выборѣ темы ужъ потому, что, не будучи славистомъ по спеціальности, я отсталъ и отъ тѣхъ немногихъ вопросовъ по славянскимъ литературамъ, которые меня интересовали много лѣтъ тому назадъ Изъ этого затрудненія я нашелъ, какъ мнѣ кажется, удовлетворительный выходъ: я намѣренъ представить характеристику трудовъ, посвященныхъ западноевропейскимъ писателямъ и произведеніямъ, принадлежащихъ перу В Д. Спасовича Его съ М. С Дриновымъ сближаютъ давнее личное знакомство, взаимное глубокое уваженіе, горячая любовь къ славянству, общность нѣкоторыхъ политическихъ и общественныхъ воззрѣній, обусловленная трезвостью и опытомъ этихъ ученыхъ и общественныхъ дѣятелей. Общая оцѣнка трудовъ В. Д. Спасовича еще ждетъ критиковъ по разнымъ отдѣламъ. Небольшой уголокъ я отдѣляю для себя.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ настоящее время въ Россіи мы переживаемъ періодъ упадка по крайней мѣрѣ въ сферѣ литературныхъ вкусовъ и критики. Можно назвать десятки выдающихся сочиненій, о которыхъ критика или замолчала или ограничилась банальными сужденіями. Не перечисляя именъ, которыми можетъ гордиться Россія, замѣтимъ, что эту несчастную участь раздѣлилъ вмѣстѣ со многими В. Д. Спасовичъ. Ни его историческіе, ни юридическіе труды не подверглись надлежащей оцѣнкѣ русской критики. А между тѣмъ вопросы, имъ обсуждаемые, почти всегда имѣютъ первостепенное общественное и научное значеніе. До обмѣна мыслей по этимъ существеннымъ вопросамъ, очевидно, никому нѣтъ дѣла. Статьи по всеобщей литературѣ составляютъ небольшую долю писательской дѣятельности В. Д. Спасовича. Ихъ слѣдуетъ поставить послѣ его юридическихъ трактатовъ, изслѣдованій по польской исторіи и литературѣ, послѣ этюдовъ о русской и славянской литературахъ. Однако и работы В. Д. по западнымъ литературамъ полны глубокаго интереса. Этотъ интересъ обусловливается не только личностью автора, почтеннаго дѣятеля шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, но и той своеобразной и

свѣтлой струею, которую внесъ въ побочную для него отрасль изслѣдования этотъ живой и глубокій умъ Для историка литературы въ высокой степени любопытно присмотрѣться, какими путями приходитъ маститый спеціалистъ по другой спеціальности къ своимъ интереснымъ выводамъ въ историко-литературныхъ вопросахъ Такія наблюденія весьма поучительны въ методологическомъ отношеніи, такъ какъ область литературной монографіи должна считаться неразработанной, и новые, оригинальные пріемы изслѣдованія литературныхъ явленій могутъ привести къ новымъ и интереснымъ результатамъ. Къ тому же у большинства историковъ литературы отсутствуетъ та спеціальная подготовка,—юридическая и публицистическая— какой обладаетъ почтенный авторъ, насъ интересующій. Попытаемся познакомить читателя съ поучительными пріемами изслѣдованія В. Д. въ примѣненіи къ нѣсколькимъ первостепеннымъ явленіямъ всемірной литературы.

Сочиненія В. Д Спасовича изданы, какъ извѣстно, на русскомъ и польскомъ языкахъ. Примѣняясь къ требованіямъ и запросамъ публики, сообразно съ состояніемъ литературы вопроса, авторъ печатаетъ свои статьи въ различныхъ редакціяхъ. Въ польскомъ изданіи, напр., мы имѣемъ двѣ лекціи о Гамлетѣ; въ русскомъ—одну. В. Д. имѣлъ въ виду знакомство русской публики съ вопросами о нѣмецкой литературѣ о Шекспирѣ, о значеніи сонетовъ Шекспира, благодаря трудамъ главнымъ образомъ Дружинина и пр. Стороженка, а потому на русскомъ язъ напечаталъ лишь оригинальную часть своихъ чтеній

Статья В. Д. о *Гамлетѣ* начинается изображеніемъ состоянія датскаго общества во время Гамлета. Дѣйствіе драмы перенесено въ переходное время, на рубежѣ двухъ различныхъ эпохъ. Послѣ періода войны и дѣятельности наступилъ періодъ отдыха и бездѣйствія. „Варвары немножко пообтесались и преобразовались, но только на видъ, вліяніе культуры остановилось на поверхности, не проникая внутрь". Вся Данія похожа на огромный кабакъ, весь дворъ представляетъ сборище всевозможныхъ пресмыкающихся, глупыхъ и неразвитыхъ,... или пріученныхъ всячески ломаться и сгибаться лакеевъ". Наиболѣе ярый примѣръ такого паденія В. Д. основательно видитъ въ Полоніи. Высокій комизмъ типа, изображеннаго въ лицѣ Полонія, заключается въ ничѣмъ непоколебленномъ самомнѣніи, въ полной увѣренности въ превосходствѣ своего ума, практичности и таланта. ,Старый Полоній до конца жизни не въ состояніи былъ отличить фразу отъ мысли и нравственность отъ свѣтскихъ приличій. Это смѣшеніе понятій сдѣлалось основаніемъ воспитанія вполнѣ достойнаго его сына Лаэрта". Послѣ вполнѣ вѣрной характеристики Лаэрта, Спасовичъ дастъ превосходную характеристику Офеліи, исходя изъ поло-

женія Гете, что все ея существо погружено въ зрѣлую, сладкую чувственность. „Такіе красивые, граціозные цвѣтки, какъ Офелія, могутъ произрастать на общественной почвѣ, среди почнѣйшаго разложенія общества.“ Не менѣе правдива характеристика Клавдія. „Нельзя не признать, что этотъ король, хотя не воинъ, а только дипломатъ,—мастеръ править, что хотя и не по своей волѣ, а по необходимости, онъ способенъ встрѣчать лицомъ къ лицу опасность“. „Божество, которому онъ поклоняется, есть чисто эгоистическій интересъ, исповѣдуемый имъ въ случаѣ надобности открыто и ясно“.

Переходя къ Гамлету, Спасовичъ слѣдитъ за развитіемъ его характера, принимая за доказанное положеніе многихъ критиковъ, что и „Шекспиръ старался изобразить въ Гамлетѣ сочетаніе ослѣпительной и обольстительной геніальности съ полнымъ практическимъ безплодіемъ, и безсиліемъ въ дѣйствіи, на которое указалъ уже Гете“. В. Д приходитъ къ выводу, „Вся драма ни что иное, какъ изображеніе развивающагося умственнаго и нравственнаго паденія принца“. „Мышленіе Гамлета не похоже на то, что мы называемъ этимъ именемъ; оно—мышленіе особаго рода или лучше сказать мечтательство, или еще иными словами поэзія, никогда не касающаяся стопами земли“ Лучше всего, по мнѣнію Спасовича, характеризуетъ Гамлета его монологъ въ IV д „Великъ тотъ истинно, кто безъ великой цѣли не возстаетъ, но за песчинку бьется на смерть, когда задѣта честь. Какъвъ же я? Когда меня ни матери безчестіе, ни смерть отца, ни доводы разсудка, ни кровь родства не могутъ пробудить? Гляжу съ стыдомъ, какъ двадцать тысячъ войска идутъ на смерть и за видѣніе славы въ гробахъ, какъ въ лагерѣ, уснутъ. За что? За клокъ земли, гдѣ даже нѣтъ и мѣста сражаться всѣмъ, гдѣ для однихъ убитыхъ нельзя довольно накопать могилъ“. По справедливому замѣчанію критика, здѣсь „Шекспиръ соціологъ сравнился съ Шекспиромъ психологомъ“

Спасовичъ полагаетъ, что Гамлетъ въ сущности лишенъ гражданскаго чувства; если ему и случится исполнить гражданскій долгъ то, „по одному артизму, по одной любви къ искусству, по интересу, который возбуждаетъ въ немъ самъ процессъ дѣйствія независимо отъ цѣлей его и содержанія“.

Въ отношеніи принца къ жертвамъ, которыя такъ или иначе падаютъ у его ногъ, критикъ видитъ проявленіе процесса нравственнаго паденія. Гамлетъ безжалостенъ къ Офеліи, жестокъ съ Полоніемъ и не знаетъ состраданія къ Розенкранцу и Гильденштедту. На свою борьбу съ королемъ Гамлетъ перестаетъ смотрѣть какъ на несеніе тяжелаго долга, котораго требуетъ отъ него неумолимый рокъ: это родъ азартной игры двухъ равносильныхъ игроковъ Розенкранцъ и Гильденштедтъ должны погибнуть, ибо они

стали между Клавдіемъ и Гамлетомъ: „Плохо, если слабый бросается въ средину межъ мечей бойцовъ сильнѣйшихъ“. „Нравственная порча въ Гамлетѣ, замѣчаетъ Спасовичъ, далеко подвинулась, и добрый благодушный племянникъ подъ конецъ сталъ немногимъ лучше дяди“. Критикъ увѣренъ, что Гамлетъ не совладалъ бы, еслибы сдѣлался правителемъ, „ни съ какими болѣе сложными практическими задачами“.

В. Д. Спасовичъ видитъ въ Гамлетѣ поэта, чуждаго практическаго и трезваго міросозерцанія, чуждаго чувства гражданскаго долга и способнаго, подъ вліяніемъ своихъ поэтическихъ иллюзій, уклоняться въ сторону отъ намѣченной цѣли. Мы не будемъ оспаривать этого взгляда, хотя не вполнѣ къ нему присоединяемся. Намъ кажется, что сфера гражданскаго долга дѣйствительно не существуетъ для Гамлета, но его колебанія объясняются не только фантазіей поэта, а и многими другими сторонами его сложной психологіи (голосъ совѣсти, желаніе убѣдиться въ виновности матери и вотчима и пр.) В. Д. Спасовичъ считается съ Гамлетомъ, какъ съ цѣльнымъ произведеніемъ, не касается вопросовъ о составѣ пьесы и вліяніи источниковъ на ея композицію Взглядъ В. Д. на Гамлета отличается новизною и оригинальностью. впервые, сколько мнѣ извѣстно, критика въ лицѣ г. Спасовича, взглянула на пьесу съ соціально-общественной точки зрѣнія и пролила много свѣта на необстѣдованныя черты психологіи героя. Перехожу къ другой пьесѣ Шекспира, разобранной г. Спасовичемъ, *„Коріолану“*.

Статья г. Спасовича о Коріоланѣ представляетъ собой введеніе къ этой пьесѣ въ собраніи сочиненій Шекспира, изданной фирмою Брокгауза и Ефрона подъ ред. г. Венгерова. Въ собраніи соч. Спасовича эта статья перепечатана почти безъ измѣненій. Несмотря на небольшой объемъ, эта статья весьма содержательна и даетъ всестороннюю характеристику трагедіи и ея героя. Авторъ знакомитъ читателя со значеніемъ жизнеописаній Плутарха и особенностями міросозерцанія этого автора. Далѣе мы находимъ прекрасно нарисованную картину отношеній римскихъ сословій въ эпоху Коріолана; критикъ основательно указываетъ, что Шекспиръ смѣшиваетъ плебсъ съ чернью. Анализируя характеръ Коріолана, Спасовичъ видитъ въ немъ много чертъ, лично присущихъ Шекспиру, относившемуся съ презрѣніемъ къ демократической черни и переживавшему въ эпоху созданія „Коріолана“ періодъ пессимизма. Спасовичъ отмѣчаетъ, что честолюбіе Коріолана исключительно воинское, а не гражданское, честолюбіе борца, подвизавшагося въ неравной борьбѣ. Прекрасно отмѣчена роль матери Коріолана и ея вліяніе на сына. Волумнія идетъ въ своей надменности несравненно дальше сына; въ значительной степени ей обязанъ Каріоланъ своей безумной гордостью. Причины уклоненія Шек-

спира отъ Плутарха объясняются критикомъ вполнѣ отчетливо. Для насъ изъ изложенія г. Спасовича вполнѣ ясно, что, стремясь къ драматическому эффекту, Шекспиръ совершенно игнорировалъ неблаговидную роль Коріолана, какъ измѣнника, и самой измѣнѣ не далъ никакой мотивировки. Къ тому же измѣна, по понятіямъ современниковъ Шекспира и вообще эпохи Возрожденія, значило нѣчто иное, чѣмъ въ настоящее время, такъ какъ само понятіе объ отечествѣ было отлично отъ понятій нашего времени.

Характеристика Менепія Агриппы вышла у г. Спасовича особенно удачной.

Съ истинно поэтическимъ чутьемъ г. Спасовичъ указываетъ читателямъ, что обояніе трагедіи „Коріоланъ“ зависитъ исключительно отъ главнаго героя трагедіи. Послѣдній легко доступенъ нашему пониманію, будучи несложнымъ и даже элементарнымъ характеромъ. Почти непонятно то очарованіе, въ которое приводитъ насъ изображеніе этой грубой, сложной, мужественной и страстной натуры, чуждой лести и притворства.

II.

„*Шиллеръ и Гете въ періодѣ ихъ дружбы (1794—1805)*“ и по объему (130 стр.) и по содержанію—цѣлое изслѣдованіе. Сколько мнѣ извѣстно, и въ нѣмецкой литературѣ нѣтъ этюда, столь законченнаго по данной темѣ, какъ настоящій. Извѣстная монографія Минора о Шиллерѣ доводитъ изложеніе дѣятельности Шиллера до Донъ-Карлоса включительно. Новѣйшія біографіи двухъ великихъ поэтовъ не разсматриваютъ знаменитаго десятилѣтія съ такой глубиной и обстоятельностью, какъ авторъ разсматриваемаго нами этюда. Въ виду этого настоящій очеркъ пріобрѣтаетъ особенный интересъ.

Изслѣдованіе начинается прекраснымъ описаніемъ Веймара, жилищъ Гете и Шиллера и воспроизведеніемъ послѣднихъ моментовъ жизни Шиллера. Спасовичъ отмѣчаетъ впечатлѣніе на Гете, произведенное смертью Шиллера, и—въ послѣдующемъ изложеніи—моменты первыхъ соприкосновеній великихъ поэтовъ. Весьма подробно анализируетъ критикъ извѣстную рецензію Шиллера на „Эгмонта“ Гете и отмѣчаетъ ея критическія достоинства. Но и послѣ рецензіи Гете не переставалъ чуждаться Шиллера. Личныя сношенія завязались случайно, въ Іенѣ, на почвѣ научныхъ (ботаническихъ) вопросовъ и сразу обнаружили противоположность міросозерцаній поэтовъ. Послѣ этой встрѣчи Шиллеръ пишетъ Гете знаменитое письмо, убѣдившее послѣдняго въ томъ, что Шиллеру лучше его самого извѣстны особенности его пьесъ, и установившее взаимное отношеніе поэтовъ. Отвѣтъ былъ полученъ не менѣе интересный и радушный. Съ этого момента отношенія поэтовъ стали на твердую почву.

Вполнѣ вѣрно и отчетливо характеризуетъ Спасовичъ направленіе ума Шиллера до знакомства съ Гете; не менѣе удачна характеристика ума Гете. Г. Спасовичъ прекрасно уясняетъ, какъ положительно вліяло на двухъ поэтовъ ихъ взаимное общеніе. Это разъясненіе мы находимъ въ главахъ, посвященныхъ эстетикѣ Шиллера и поэтикѣ Гете. Чтобы сдѣлать понятными читателю эстетическія теоріи Шиллера, критикъ знакомитъ насъ съ ученіемъ Канта о нравственности и эстетикѣ. Формулировка ученія великаго философа сдѣлана ясно и отчетливо. Столь-же хорошо уяснено отношеніе Шиллера къ Канту въ вопросахъ морали и эстетики. Далѣе указаны точки соприкосновенія поэтики Гете и эстетики Шиллера. Этой главой читатель подготовляется къ воспріятію поэтическихъ результатовъ взаимнаго общенія двухъ геніальныхъ, но противоположныхъ другъ другу умовъ.

Послѣдовательно излагается въ этюдѣ В. Д. Спасовича общая дѣятельность Гете и Шиллера, взаимное участіе въ поэтическомъ творчествѣ каждаго изъ нихъ. Такъ подробно изложены отзывы Шиллера о *Фаустѣ*, *Вильгельмѣ Мейстерѣ*, сотрудничество поэтовъ въ *Ксеніяхъ*. отзывы *Шиллера* о *Германіи* и *Доротеѣ*, *Ифигеніи*, *Побочной дочери*, баллады обоихъ поэтовъ, участіе Гете въ созданіи *Валленштейна*, *Маріи Стюартъ*, *Орлеанской Дѣвы*, *Вильгельма Телля*, *Мессинской невѣсты* и др. На заключительныхъ страницахъ подводятся итоги вышеизложенному и высказывается нѣсколько интересныхъ замѣчаній о задачахъ искусства и поэтическаго творчества. Изложеніе богатаго по содержанію этюда В. Д. Спасовича даетъ намъ слабое представленіе о количествѣ труда, въ него вложеннаго. Критику пришлось проштудировать произведенія обоихъ поэтовъ, обширную переписку ихъ между собою и мемуары современниковъ. Экскурсіи въ область изслѣдованія философіи и эстетики Канта и Шиллера также требовали немалаго труда. Весь этотъ обширный матеріалъ продуманъ и изслѣдованъ Спасовичемъ, какъ собраніе документовъ, и изъ него критикъ безпристрастно извлекъ все, что необходимо для преслѣдуемой цѣли. Изслѣдованіе ведется отъ частнаго къ общему; получаются лишь строго логическіе выводы. Дѣятельность Гете и Шиллера и ихъ взаимное общеніе получили въ разсматриваемый періодъ всестороннее освѣщеніе.

Творцу „Фауста“ посвящена книга Эдуарда Рода, по поводу которой В. Д. написалъ обстоятельную рецензію. Книга Рода о Гете въ общемъ слабая книга и не оправдала репутаціи этого критика; она поражаетъ непропорціональностью составныхъ частей, умолчаніемъ обо многомъ существенномъ, непомѣрнымъ развитіемъ деталей и, что особенно прискорбно, тенденціозностью, стремленіемъ во чтобы то ни стало умалить значеніе Гете не только какъ человѣка, но и какъ писателя. В. Д. Спасовичу не

трудно было изобличить тенденціозность и слабыя стороны книги Рода; Спасовичъ отрицаетъ преобладаніе въ Гете эгоизма, -на что указываетъ французскій критикъ. Не вдаваясь въ анализъ рецензіи Спасовича, въ которомъ критику приходится имѣть дѣло съ общеизвѣстнымъ матеріаломъ, ложно освѣщаемымъ Родомъ, мы всецѣло присоединяемся къ заключительнымъ словамъ рецензіи: „мы убѣждены, что Родъ ошибся, не сообразивъ средствъ, которыя онъ избралъ, съ цѣлью, которой хотѣлъ достигнуть, онъ насъ не переубѣдилъ, онъ не доказалъ необходимости понизить господствующее нынѣ и раздѣляемое нами представленіе о Гете“

III.

Статья г. Спасовича о Байронѣ составляетъ объемистый этюдъ (130 стр.), богатый содержаніемъ, оригинально составленный, чуждый какого либо шаблона Этотъ этюдъ является, безъ всякаго сомнѣнія, результатомъ вполнѣ самостоятельнаго изученія поэта и его предшественниковъ. Познакомимся съ общими положеніями этого замѣчательнаго этюда

В. Д. Спасовичъ указываетъ, что не Шатобріанъ былъ главнымъ источникомъ вдохновенія Байрона, а Руссо. Чтобы сдѣлать писателю понятнымъ вліяніе на Байрона этого философа, Спасовичъ посвящаетъ Руссо обширный экскурсъ (20 стр.), гдѣ формулируетъ, на основаніи сочиненій Руссо, основныя положенія его міросозерцанія и отмѣчаетъ его громадное и многостороннее вліяніе на европейскую мысль. Отношенія къ Руссо Гете, Шиллера, Мицкевича отчетливо указаны нашимъ критикомъ. Далѣе В. Д. указываетъ общія черты міросозерцанія Шатобріана и Байрона и вліяніе René на поэзію творца Чайльдъ-Гарольда. Изложенію жизни и дѣятельности Байрона посвящено почти $^2/_3$ этюда (80 стр). Генеалогія поэта разсмотрѣна настолько, насколько это необходимо для объясненія характеристическихъ чертъ его темперамента. Ясно указана тѣсная связь между жизнью Байрона и его произведеніями; критикъ слѣдитъ за развитіемъ таланта поэта въ связи съ особенностями темперамента и характера. Мизантропія Байрона превосходно выяснена сопоставленіемъ ея съ пессимизмомъ Руссо, а литературная дѣятельность распредѣлена, согласно духовному развитію поэта, на періоды. Весьма подробно анализируется бракоразводное дѣло Байрона, имѣвшее столь сильное и рѣшительное на него вліяніе. Религіознымъ, этическимъ и политическимъ идеаламъ Байрона критикъ даетъ весьма удачную и оригинальную формулировку. Отношеніямъ Байрона къ женщинамъ, особенно къ гр. Гвиччіоли, отведено подобающее мѣсто. Анализомъ Донъ-Жуана оканчивается критическій этюдъ г. Спасовича. Въ заключеніи критикъ пытается опредѣлить объективное значеніе Байрона, независимо отъ неумѣренныхъ похвалъ и порицаній, вызываемыхъ его дѣятельностью.

Краткій перечень главныхъ моментовъ этюда В. Д. Спасовича о Байронѣ едва-ли могъ дать наглядное представленіе о богатствѣ его содержанія. Авторъ стремится не къ художественнымъ эффектамъ, а упорно, съ различныхъ сторонъ, доискивается истины. Стремленіе къ истинѣ является преобладающей наклонностью автора въ вышеразсмотрѣнныхъ изслѣдованіяхъ, какъ и, внѣ всякаго сомнѣнія, во всей его дѣятельности. Это стремленіе заставляетъ Спасовича трудиться много и упорно съ рискомъ не всегда окупить достигнутыми результатами потраченныя усилія.

Во всякой строкѣ изслѣдованія В. Д мы видимъ, что имѣемъ дѣло съ человѣкомъ, обладающимъ устойчивыми, оформленными и чистыми, какъ кристаллъ, общественными и гражданскими идеалами, очень для него дорогими и завѣтными, но не ослѣпляющими его въ вопросахъ критики. На многихъ страницахъ вы видите сіяніе поэтической искры, добываемой изъ кремня, поражающей читателя непосредственностью и свѣжестью вдохновенія. Это поэтическое чутье, эта живая искра поэзіи—несомнѣнно одно изъ драгоцѣннѣйшихъ качествъ нашего литературнаго критика.

Наши строки посвящены не литературной дѣятельности В. Д. Спасовича вообще, а немногимъ его критико-литературнымъ статьямъ. Въ этихъ статьяхъ мы отмѣтили оригинальность метода изслѣдованія, уравновѣшенное, проникнутое высокими гражданскими идеалами міросозерцаніе критика, воодушевленіе и пафосъ одареннаго неугасимымъ огнемъ поэзіи человѣка, честнаго и усерднаго искателя истины, которую онъ во многихъ случаяхъ постигаетъ. Со снѣговыхъ вершинъ спокойно глядятъ другъ на друга горные великаны,—такъ и высокіе умы, благородные ревнители истины на разнообразныхъ поприщахъ человѣческой дѣятельности сближаются между собою на почвѣ высокихъ общечеловѣческихъ идеаловъ. Среди людей съ благородными общественными и гражданскими идеалами, высокими умственными запросами и большой эрудиціей—В. Д. Спасовичъ всегда будетъ своимъ и близкимъ человѣкомъ.

Л. Шепелевичъ.

Возрожденіе византійско-болгарскаго религіознаго мистицизма и славянской аскетической литературы въ XVIII вѣкѣ.

Аскетизмъ никогда не прекращался. Правда, по временамъ онъ какъ бы замиралъ, о немъ переставали говорить и писать, имъ никто уже не интересовался и, казалось, наступалъ конецъ этой своеобычной формѣ христіанской мысли. Но за реакціей слѣдовало новое возрожденіе, и аскетизмъ снова воскресалъ, словно легендарный фениксъ. Во главѣ новаго движенія стояли обыкновенно великіе люди, убѣжденные дѣятели Среди нихъ не послѣднее мѣсто занимаетъ „молдавскій старецъ“ Паисій Величковскій, возродившій аскетизмъ въ формѣ византійско-болгарской исихіи, столь характерной для XIV вѣка.

Все, что мы знали до сихъ поръ о Паисіи, ограничивалось свѣдѣніями, внесенными въ книгу „Житіе и писанія молдавскаго старца Паисія Величковскаго“, изданную Оптиной пустынью. Эта книга представляетъ переводъ „Житія“, составленнаго монахомъ Нямецкаго монастыря Григоріемъ на румынскомъ языкѣ и напечатаннаго въ типографіи того же монастыря въ 1836 году. Первое русское изданіе вышло въ Москвѣ въ 1847 году, при содѣйствіи извѣстнаго оптинскаго старца Макарія и братьевъ Кирѣевскихъ, которые обратились къ митр. Филарету за разрѣшеніемъ выпустить въ свѣтъ переводы Паисія Величковскаго, какъ книги, „служащія надежнымъ руководствомъ къ дѣятельной христіанской жизни“. Филаретъ разрѣшилъ изданіе, которымъ и занялась цѣлая коммиссія ученыхъ изъ духовенства, тяготѣвшихъ къ Оптиной пустыни. Затѣмъ послѣдовали два другія изданія Житія, которое сразу же нашло много читателей. Недавно нами открыта неизвѣстная до сихъ поръ автобіографія Паисія на славянскомъ языкѣ, проникнутая аскетической тенденціей, написанная очень живо и вполнѣ правдиво. Рукопись принадлежитъ Императорской Академіи Наукъ и поступила сюда изъ собранія свящ. о Θеофила Гепецкаго въ Бессарабіи. Есть основаніе думать, что эта автобіографія была подъ руками у нямецкаго монаха Григорія; но онъ выбиралъ изъ нея факты такъ осторожно и не умѣло, что въ концѣ концовъ совершенно обезличилъ фигуру замѣчательнаго старца, и изъ живого и симпатичнаго человѣка далъ какой-то обстрактный образъ сухого подвижника

со всѣми книжными и строго каноническими чертами Въ то же время, автобіографія Паисія даетъ намъ очень много данныхъ, сближающихъ его дѣятельность съ тѣмъ мистическимъ и литературнымъ движеніемъ, которое имѣло мѣсто въ Византіи и Болгаріи въ XIV вѣкѣ

Можно даже думать, что это именно мистическое движеніе Византіи, Болгаріи и отчасти Западной Европы, замолкшее въ концѣ XIV вѣка, съ новой силой возродилось черезъ четыре столѣтія Побывавъ на Аѳонѣ, неизбѣжной школѣ для монашества старой формы, старецъ Паисій вдохновился высокимъ образомъ исихастовъ стараго времени, и все это движеніе религіозной мысли перенесъ въ Молдавію. Отсюда уже оно перешло въ Россію. Отраженіе аѳоно-молдавскаго мистицизма XVIII вѣка мы видимъ также въ какомъ-то не вполнѣ еще выясненномъ движеніи, появившемся въ той же Оптиной пустыни въ первой половинѣ прошлаго вѣка. Вліяніе о. Матѳея на Гоголя, Кирѣевскихъ, о Макарія на нихъ же, на Шевырева, Погодина, Максимовича, Норова, Леонида (Кавелина), Т. Филиппова, Климента (Зедергольма) и другихъ повидимому, также обязано традиціямъ Паисіевой школы Припомнимъ, что въ началѣ XIX вѣка въ Россію уходятъ наиболѣе даровитые и дѣятельные иноки Нямецкаго монастыря Изъ нихъ назовемъ слѣдующихъ:

I Архимандритъ Софроніевой пустыни въ Курской губерніи Ѳеодосій, ученикъ старца Василія и товарищъ Паисія Въ 1767—1787 годахъ онъ былъ настоятелемъ валашскаго Мерополянскаго монастыря а послѣ второй турецкой войны приглашенъ Потемкинымъ въ Россію

II Старецъ Клеопа, настоятель Островской пустыни, въ которой имъ былъ введенъ аѳонскій уставъ старца Паисія знакомаго ему лично по Аѳону и Молдавіи.

III Іеромонахъ Клеопа малоруссъ, постриженникъ Паисія въ Нямецкомъ монастырѣ Въ 1801 году онъ перешелъ въ Россію, сначала въ Бѣлобережскую пустынь орловской губ, а затѣмъ—на Валаамъ († 1816).

IV. Схимонахъ Ѳеодоръ, уроженецъ г. Карачева, постриженъ въ Нямецкомъ монастырѣ Въ 1801 году онъ покинулъ Молдавію и скитался по русскимъ обителямъ, живя въ Бѣлобережскомъ, Палеостровскомъ, Валаамскомъ и Александро-Свирскомъ монастыряхъ († 1822 г) Житіе его, составленное на основаніи автобіографическихъ записокъ, напечатано въ 1839 году

V. Схимонахъ Аѳанасій, извѣстный переписчикъ при Паисіи, бывшій ротмистръ какого-то гусарскаго полка Съ 1777 года онъ жилъ во Флорищевой пустыни и другихъ монастыряхъ († 1825)

VI Другой Аѳанасій, бывшій секретарь одного изъ сенатскихъ департаментовъ. Жилъ онъ и на Аѳонѣ, и въ Молдавіи, и въ Свѣнскомъ монастырѣ орловской губ. († 1811). Въ 1791 году онъ принесъ въ Петербургъ новый переводъ „Добротолюбія“, сдѣланный Паисіемъ по порученію С.-Петербургскаго митр Гавріила, и работалъ надъ исправленіемъ приготовлявшейся къ печати этой книги.

VII. Монахъ Павелъ, постриженникъ Паисія въ Нямецкомъ монастырѣ Въ началѣ XIX столѣтія Павелъ ушелъ въ Москву и жилъ въ Симоновомъ монастырѣ. Онъ принесъ изъ Молдавіи житіе Паисія, переведенное на славянскій языкъ, и въ 1842 году оно было переписано симоновскимъ монахомъ Иларіономъ Ремизовымъ

VIII Монахъ Герасимъ, постриженникъ того-же Паисія, жилъ въ Софроніевой пустыни

IX Монахъ Ѳеофанъ, въ мірѣ казакъ Ѳеодоръ Тулунинъ, также постриженъ Паисіемъ Въ 1800 году онъ ушелъ въ Оптину пустынь. О его воздержаніи разсказываютъ, между прочимъ, слѣдующее Однажды Ѳеофанъ рѣшилъ ничего не ѣсть втеченіе всего великаго поста и только по воскресеньямъ пить теплую воду „отъ сухости“ Когда братія замѣчала ему, что онъ умретъ отъ истощенія, то подвижникъ отвѣчалъ

—Нѣтъ! Христосъ Спаситель пролилъ всю Свою кровь до послѣдней капли, а во мнѣ еще много крови

Кончина Ѳеофана († 1819) сопровождалась очень трогательными сценами, описанными его сподвижниками

Кромѣ этихъ девяти непосредственныхъ учениковъ Паисія, въ Россіи извѣстны были и другіе духовные дѣятели, замѣчательные по своимъ книжнымъ и аскетическимъ трудамъ, напр., намѣстникъ Новоспасскаго мон-ря Александръ, впослѣдствіи архим Арзамасскій, и его духовный другъ іером Филаретъ—ученики учениковъ Паисія; извѣстный настоятель Оптиной пустыни Моисей, ученикъ упомянутаго свѣнскаго схимника Аѳанасія (VI); другой настоятель, оптинскій старецъ Леонидъ, ученикъ упомянутаго схимонаха Ѳеодора, который въ то время жилъ въ Челнскомъ монастырѣ (IV); третій настоятель, Макарій, ученикъ схимонаха Аѳанасія (V), жившаго въ Площанской пустыни, издатель сочиненій и переводовъ Паисія, четвертый настоятель о Амвросій, издавшій переработанный переводъ „Лѣствицы“ Паисія, и т. д

Популярность Величковскаго въ Россіи видна также изъ множества записей, сдѣланныхъ его учениками и почитателями на старыхъ славянскихъ рукописяхъ. Въ одной изъ нихъ говорится, что старецъ почилъ о Господѣ съ миромъ 1794 года ноября 15 дня и погребенъ тамъ, „гдѣ гробъ его и поднесь зрится. Братіи у себя имѣлъ болѣе пяти сотъ человѣкъ. Сей бѣ великій учитель и ревнитель монашескаго безмолнаго житія“.

Такимъ образомъ, будущему изслѣдователю представится задачей прослѣдить связь между монашескими завѣтами Паисія и нѣкоторыми проявленіями русскаго религіознаго мистицизма въ прошломъ столѣтіи. Особенно интересной является какая-то смутная связь между религіознымъ настроеніемъ Паисія и извѣстнаго дѣятеля А. С. Стурзы, обязаннаго несомнѣнно молдавскому вліянію. Впрочемъ, эта тема далека отъ круга нашихъ интересовъ теперь ясно только то, что русскій мистицизмъ не обошелся безъ вліянія Величковскаго и его школы.

Насъ занимаютъ, главнымъ образомъ, тѣ черты въ дѣятельности Паисія, благодаря которымъ онъ является какъ-бы продолжателемъ дѣла

Григорія Синаита и Григорія Паламы, Ѳеодосія и Евѳимія Тырновскихъ, ихъ предшественниковъ и послѣдователей. Паисій оставилъ послѣ себя до 300 рукописей, содержащихъ какъ разъ тѣ самыя произведенія аскетическихъ писателей, которыя рекомендовались греко-болгарскими исихастами и довольно полно представлены въ рукописяхъ XIV вѣка Греческій мистицизмъ чрезъ Аѳонъ проникъ въ Болгарію, а болгарское движеніе, продолжавшее существовать, по крайней мѣрѣ, въ рукописной литературѣ на томъ же Аѳонѣ, нашло себѣ пріютъ въ Молдавіи во второй половинѣ XVIII вѣка. И тамъ, и здѣсь была сравнительно бѣдна литература оригинальная: она ограничивается твореніями патріарха Евѳимія и старца Паисія. За то особенно оживленной является литература переводная; кое-что изъ нея было извѣстно въ Болгаріи и раньше, по старымъ переводамъ, теперь списки размножились въ огромномъ количествѣ, прежній переводъ подновлялся, свѣрялся съ греческими текстами, которые пріобрѣтали особенный авторитетъ, исключались собственно болгарскія черты, однимъ словомъ, въ школѣ Паисія дѣлалось то же самое, что въ Болгаріи въ XIV вѣкѣ Въ силу этого, языкъ и правописаніе Паисія было нормировано подобно требованіямъ грекофила Евѳимія. При установленіи орѳографіи имъ приняты во вниманіе четыре начала. русскіе церковные тексты, затѣмъ южнорусскіе, отчасти старые болгарскіе и наконецъ греческіе. Въ основу новыхъ переводовъ клались средне-болгарскія рукописи, частью найденныя имъ въ нѣмецкой библіотекѣ, частью вывезенныя съ Аѳона, изъ монастырей Зографа, Пантократора, св. Павла и Ксенофа. Подновленіе славянскихъ текстовъ шло одновременно со свѣркой съ греческими оригиналами. Въ рукописяхъ Паисія находимъ цѣлый рядъ греческихъ глоссъ на поляхъ, иногда—непереведенныя слова. Приверженность къ буквѣ служитъ главнымъ отличіемъ и предшественниковъ Евѳимія, и Паисія съ его учениками. Въ обоихъ случаяхъ были выработаны даже особые почерки, необыкновенно устойчивые, въ значительной степени скрадывавшіе индивидуальныя особенности отдѣльныхъ писцовъ. Однимъ словомъ, нѣмецкій монастырь послѣдней четверти XVIII вѣка представлялъ собой подобіе тырновской обители св. Троицы, гдѣ сосредоточивалась главная литературная дѣятельность болгарской литературы и монашества въ XIV вѣкѣ.

Кромѣ того, цѣлый рядъ характерныхъ отличій исихастовъ этого именно времени подходитъ къ самому Паисію. Достаточно ознакомиться съ открытой нами автобіографіи, и мы найдемъ, что литературно-историческая критика должна покопться на сравненіи „Житія“ и реальной дѣятельности Паисія съ немногочисленными памятниками грекo-болгарской агіографической литературы XIV вѣка—житіями Григорія Синаита, Ѳеодосія, Евѳимія, Ромила и другихъ. Итакъ, на основаніи автобіографическихъ запи-

сокъ Паисія перескажемъ вкратцѣ главные моменты его жизни и дѣятельности.

Автобіографія начинается разсказомъ о рожденіи Паисія: „Азъ, монашества и священничества недостойный іеросхимонахъ Паисій, рожденъ и воспитанъ есмь въ преславномъ малороссійстемъ градѣ Полтавѣ отъ благочестивыхъ и православныхъ родителей". „Родихся азъ на концѣ 1722 лѣта декемврія 21 и отъ купели божественнаго крещенія дано мнѣ имя Петръ, на память отца нашего Петра митрополита Кіевскаго и всея Россіи. Отецъ мой бѣ Іоаннъ Величковскій, протопопъ полтавскій. Мать же—Ирина, яже во иночествѣ переименована бысть Іуліана монахиня. Прѣпрадѣдъ мой бѣ по отцу Симеонъ, знатный и богатый казакъ; прадѣдъ же, Лука Величковскій,—протопопъ полтавскій. По матери же прадѣдъ мой бѣ славный и богатый купецъ еврейскаго рода, прозываемый Мандя, иже и крестися въ Полтавѣ, въ приходѣ Преображенія Господня со всѣмъ домомъ своимъ Дѣдъ же—Григорій Манденко." Уже это одна подробность, еврейское происхожденіе одного изъ предковъ Паисія, для насъ очень драгоцѣнна. Она объясняетъ намъ органическое стремленіе будущаго аскета къ созерцательному направленію.

Четырехъ лѣтъ мальчикъ лишился отца и вмѣстѣ съ братомъ своимъ Іоанномъ, впослѣдствіи настоятелемъ Успенской церкви въ Полтавѣ, воспитывался подъ надзоромъ матери. Семи лѣтъ онъ отданъ былъ въ ученіе грамотѣ, но черезъ два года вышелъ изъ школы и продолжалъ учиться дома у старшаго брата. Подъ вліяніемъ чтенія аскетическихъ книгъ и житій святыхъ, въ душѣ мальчика зараждается ревность „къ оставленію міра и воспріятію святого монашескаго образа." Въ 1735 году умираетъ братъ Петра, Іоаннъ, и мать отправляется къ извѣстному кіевскому митрополиту Рафаилу Заборовскому съ рекомендаціей отъ крестнаго отца мальчика, полковника Василія Васильевича Кочубея. По обычаю времени, мальчикъ произноситъ предъ преосвященнымъ „стихи нѣкія, отъ учена мужа сотворены." Передъ посѣщеніемъ митрополита мальчикъ очень грустилъ, потому что ему никакъ не удавалось сказать стихотвореніе громко и ясно. Но когда его ввели въ покои преосв. Рафаила, то Петръ почувствовалъ такой нервный подъемъ, что произнесъ стихи „со всякимъ дерзновеніемъ и подобающимъ произношеніемъ велегласно." Архіерею понравился бойкій мальчикъ. Онъ отдалъ матери грамоту на право замѣщенія имъ впослѣдствіи прихода его покойнаго отца, но сначала велѣлъ отдать Петра въ Кіевское духовное училище, гдѣ тотъ и пробылъ три года.

Одновременно съ ученіемъ идетъ чтеніе книгъ, и монашескій идеалъ не только всецѣло поглощаетъ самаго Петра, но увлекаетъ еще нѣ-

скольких его товарищей по училищу Особенное вліяніе имѣлъ на Петра схимникъ Пахомій изъ Брагскаго Богоявленскаго монастыря: у него было нѣсколько „отеческихъ“ книгъ, и нѣкоторое время онъ самъ проводилъ жизнь въ традиціонномъ странствованіи и пустынѣ Рѣшительный поворотъ въ пользу аскетическихъ убѣжденій Петра совершается тогда, когда онъ былъ уже на послѣднемъ курсѣ Случилось это слѣдующимъ образомъ Два товарища куда то исчезли изъ школы Петръ сейчасъ понялъ, что они ушли „монашества ради“ въ Китаевскую пустынь Предположенія его оправдались. Въ свободное отъ занятій время онъ отправился туда, получилъ благословеніе настоятеля о. Осодосія и провелъ въ скитѣ два дня, все время бесѣдуя съ молодыми послушниками, которые убѣждаютъ его оставить міръ. Впечатлѣніе отъ ихъ бесѣдъ получилось неотразимое Петръ перестаетъ учиться съ прежней охотой, на каникулы не ѣдетъ къ матери и цѣлыми днями посѣщаетъ кіевскіе монастыри, церкви и пещеры. Наконецъ онъ отправляется въ Китаево, славившееся строгостью жизни схимниковъ, и тамъ сподобляется увидѣть „священнотѣпотныя сѣдины, блѣдожелта и измождала отъ поста и воздержанія лица“ нѣсколькихъ монаховъ. Подъ вліяніемъ этого, Петръ объявляетъ о своемъ намѣреніи постричься настоятелю Китаевской пустыни Тотъ призываетъ юношу въ свою келію, садится самъ и обращается къ Петру со словами:—

Брате, сяди здѣ,—указуя рукой и мѣсто оно, идѣже повелѣваше ми сѣсти

Но Петръ не исполняетъ приказанія и вмѣсто того низко кланяется Настоятель повторяетъ приказаніе три раза Петръ продолжаетъ стоять молча Очевидно, это былъ первый искусъ молодого подвижника въ послушаніи.

—О брате,—говоритъ игуменъ, ты молилъ мя, да пріиму тебе во святую обитель нашу монашества ради. И се, въ души твоей не вижду ни слѣда монашескаго устроенія Не вижду въ тебѣ смиренія Христова. Не вижду въ тебѣ послушанія и отсѣченія воли твоея и разсужденія, но сопротивное все Вижду въ тебѣ устроеніе и мудрованіе міра сего, вижду въ тебѣ гордыню діавола

Затѣмъ автобіографъ влагаетъ въ уста настоятеля пространное по ученіе на тему о монашескомъ смиреніи. Какъ впослѣдствіи оказалось, троекратное приказаніе сѣсть было лишь испытаніемъ. Узнавъ, что у Петра есть мать, которая можетъ разыскать сына и взять изъ обители, настоятель рѣшительно отказываетъ ему въ посвященіи, и опечаленный юноша возвращается въ Кіевъ.

Въ это время въ Кіевѣ остановился пріѣхавшій послѣ турецкой войны въ Россію молдавскій митрополитъ Антоній, вмѣстѣ съ нѣсколькими

ми церковнослужителями. Въ Кіевѣ они совершали служеніе на молдавскомъ языкѣ. „Колікія радости душа моя исполняшеся, услышавши и симъ благословеннымъ языкомъ Богу славословіе возсылаемо.—вспоминаетъ Паисій —И дивны судьбы Божія, яко оттолѣ начатся въ души моей немало любы къ благословенному сему молдавскому языку и народу и къ богохранимой сей земли.“ Петръ подружился съ однимъ изъ іеромонаховъ, Пахоміемъ, но ученіе продолжалось очень вяло. Петръ рѣдко посѣщалъ училище, и въ концѣ января съ нимъ случилось первое „искушеніе“

Одинъ изъ его товарищей донесъ начальству, что Петръ совсѣмъ не хочетъ учиться, и что мать его напрасно только тратитъ на него свои средства. Призванный къ отвѣту, Петръ открыто объявляетъ ректору о своихъ аскетическихъ намѣреніяхъ Что же касается „внѣшняго ученія,“ то, по словамъ юноши, отъ него онъ не ожидаетъ никакой пользы, „слыша бо въ немъ часто вспоминаемыхъ боговъ и богинь елинскихъ и басни піитическія, возненавидѣхъ отъ души таково ученіе“.

Рѣчь Петра напоминаетъ полемическіе трактаты христіанскихъ проповѣдниковъ противъ елинства и не обходится безъ обычнаго наставительства Онъ рѣшается даже сдѣлать выговоръ ректору по поводу того, что напрасно въ училищѣ мало вниманія удѣляютъ изученію твореній святыхъ отцовъ. Безплодны были увѣщанія ректора, Сильвестра Кулябки, продолжать ученіе, и наставникъ хотѣлъ было уже дать приказаніе высѣчь ученика. Это подѣйствовало на Петра, и онъ остался въ школѣ, хотя попрежнему учился безъ всякой охоты

Въ концѣ концовъ будущій подвижникъ бросаетъ ученіе и рѣшается уйти въ Черниговъ къ своему другу іеромонаху Пахомію, такъ-какъ бывшій молдавскій митрополитъ Антоній въ это время былъ митрополитомъ Черниговскимъ (1740—42). Путешествіе было сопряжено съ большими затрудненіями. Приходилось ѣхать въ лодкѣ по рѣкѣ. Былъ октябрь, погода холодная. Петръ не имѣлъ теплой одежды; слабый отъ рожденія, онъ съ трудомъ управлялъ лодкой. Его спутники обходились съ нимъ довольно сурово. За нѣсколько дней бѣлье его покрылось вшами, и во время остановокъ онъ долженъ былъ стряхивать ихъ въ огонь костра.

Пахомій посовѣтовалъ Петру постричься въ Любечскомъ монастырѣ, куда тотъ и обратился. Монахи приняли Петра очень ласково, а монастырь произвелъ на него сильное впечатлѣніе своей скромностью и воздержаніемъ иноковъ. Настоятель опредѣлилъ послушника на кухню, гдѣ ему пришлось нести тяжелую службу. Здѣсь онъ подружился съ іеромонахомъ Іоакимомъ, который далъ ему для чтенія Лѣствицу Іоанна Схоластика. Творенія Синайскаго аскета пришлись по душѣ Петру, и онъ рѣшился переписать ихъ для себя. Такъ-какъ свѣчей у него не было, то

онъ долженъ былъ работать при свѣтѣ самодѣльной длинной лучины, вты-кая ее въ скважину стѣны. Эта подробность очень интересна.

Переписка шла,—вспоминаетъ Паисій въ своей автобіографіи,—„съ великимъ неудобствомъ дыма ради; не имѣя бо нигдѣ прохода, низпуща-шеся внизъ и наполняше келію мою. Егда же схождаше и ниже главы моея, отнюдь не можахъ болѣе писати, но отверзахъ окно коморки тоя, вхождахъ въ велику келію и ждахъ, дондеже поднимашеся дымъ вгору. И вшедъ въ коморку, затворяхъ окно и писахъ дондеже и паки попол-няшеся дыма. И тако на всяку нощь творя, немалое неудобство къ дѣлу сему имѣхъ. Послѣжде же, стяжавъ кандило и вливая въ не огнѣю, пи-сахъ при немъ мало удобнѣе“. Вскорѣ въ Любечскій монастырь былъ на-значенъ новый игуменъ, человѣкъ строгій. У Петра съ нимъ произошло недоразумѣніе изъ за выданной имъ монахамъ капусты безъ разрѣшенія игумена, и молодой послушникъ ушелъ изъ монастыря странствовать по разнымъ обителямъ и скитамъ Малороссіи.

Посвященіе въ рясофоръ Петръ получилъ въ Медвѣдовскомъ Нико-лаевскомъ монастырѣ Кіевской митрополіи, находящемся на островѣ рѣки Тясмины. причемъ при нареченіи ему дано было имя Парѳеніи. Но не-большое обстоятельство заставило его перемѣнить это имя. Одновременно съ нимъ, посвятили другого послушника, котораго назвали Плагономъ. При выходѣ изъ церкви монахи перепутали эти два имени и Парѳенія стали называть Платономъ, а Платона Парѳеніемъ. Паисій не желалъ поднимать исторіи изъ за имени, и такъ навсегда остался съ именемъ Платона. Такъ-какъ Медвѣдовскій монастырь вскорѣ былъ закрытъ, то Платону-Парѳенію поневолѣ пришлось уйти изъ него. Онъ опять приходитъ въ Кіевъ и опредѣляется въ Печерскую лавру, гдѣ въ видѣ послу-шанія ему указано было состоять при управляющемъ печерской типогра-фіей іеромонахѣ Веніаминѣ, а также при типографіи у іеросхимонаха Ма-карія [1]), „рукодѣлію учитися иконы изображати на мѣди“. Одновременно съ работами по гравированію, Платонъ подвизается въ монашескихъ добро-дѣтеляхъ, поетъ и читаетъ на клиросѣ, описываетъ, между прочимъ, жизнь подвижниковъ пещеръ, свидѣтельствуя, что истинная аскетическая жизнь была въ то время очень развита среди печерскихъ иноковъ.

Затѣмъ въ автобіографіи слѣдуетъ вводная глава: „Повѣсть о ма-тери моей, что случися ей по отшествіи моемъ отъ нея.“ Оказалось, что старушка сначала скорбѣла о томъ, что сынъ постригся въ монахи, но затѣмъ съ ней случился припадокъ умопомѣшательства: ее мучили бѣсы,

[1]) Повидимому, Макарій Синицкій, іеромонахъ черниговскаго Ильин-скаго монастыря; послѣдняя его работа датирована 1738 годомъ, *Ровин-скій,* Словарь русскихъ граверовъ, 592—593.

она сильно страдала, и всѣ ожидали ея кончины. Чтобы отогнать бѣсовъ, она попросила читать надъ ней акаѳистъ, и во время чтенія съ ней произошло чудо. Неожиданно для всѣхъ, она вдругъ сказала громко, что больше уже не жалѣетъ о сынѣ. Какъ оказалось впослѣдствіи, въ это самое время у ней было видѣніе, и она только повторяла слова ангела. Затѣмъ она сама постриглась въ Святопокровскомъ монастырѣ, въ 5 верстахъ отъ Полтавы, гдѣ подвизались ея родственницы, и вскорѣ скончалась.

Послѣ смерти матери-инокини, Платонъ не былъ привязанъ къ какому нибудь опредѣленному мѣсту, и съ тѣхъ поръ начинаются скитанія его по монастырямъ южной Россіи, традиціонное монашеское peregrinatio academica. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ встрѣчалъ начитанныхъ въ святоотеческихъ твореніяхъ старцевъ или монаховъ, хорошо знакомыхъ съ Молдавіей и Валахіей, дававшихъ ему книги для прочтенія. Одинъ изъ нихъ, Игнатій, къ этому времени хотѣлъ возвратиться въ Валахію въ свои скиты Трейстены, возлѣ города Фокканъ. Онъ предложилъ Платону уйти изъ Россіи, на что тотъ согласился Скоро они пришли въ скитъ Долхоуды Здѣсь жили строгіе подвижники, уединившіеся въ самыя глухія и пустынныя мѣста. Одинъ изъ нихъ, іеромонахъ Рафаилъ, упражнялся въ переписываніи отеческихъ книгъ и „оттуду нуждная къ тѣлесному окормленію стяжаваше“. Всѣ они подчинялись своему старцу Василію. Отсюда наши странники перешли въ скитъ Трейстены, гдѣ игуменомъ былъ іеромонахъ Дометій. Здѣсь Платонъ впервые познакомился съ церковнымъ правиломъ по чину Аѳонской горы и встрѣтился, между прочимъ, съ землякомъ, схимонахомъ Протеріемъ, малороссіяниномъ изъ Полтавскаго полка, изъ города Решетиловки.—Въ мірѣ сей художествомъ бѣ златарь,—говоритъ Паисій.—Сей въ монашествѣ зѣло прекрасныя ижицы дѣлая и продая, съ неисповѣдимою любовію странныхъ иноковъ пріемля, угощаваше“.

Жизнь Трейстенскихъ подвижниковъ описана очень подробно, и Паисій не разъ даетъ великолѣпныя жанровыя картины. Престарѣлый схимникъ кормитъ птицъ, которыя довѣрчиво влетаютъ къ нему въ келію. А когда старецъ шелъ въ церковь, птицы садились ему на голову, на плечи, летали вокругъ него и весело щебетали Когда онъ входилъ въ церковь, птицы садились на крышу и ждали его выхода. Затѣмъ тѣмъ же порядкомъ провожали его обратно до самой келіи. Кромѣ него, въ монастырѣ былъ схимонахъ Іоаннъ великороссъ, который кормилъ братію на свои собственныя средства, причемъ передъ трапезой омывалъ имъ ноги и лобызалъ ихъ. „Прочіе же изъ нихъ,—говоритъ Паисій,—преписующе книги отеческія, отъ сего пропитаніе себѣ имѣяху“; вообще, монахи много трудились, воздѣлывали землю, строили новыя келіи и т. д.

Платона сдѣлали поваромъ, но онъ стрянялъ настолько неудачно, что братія открыто выражала свое недовольство Впослѣдствіи дѣло уладилось, и онъ научился даже печь хлѣбъ, при чемъ очень комично разсказываетъ о своихъ неудачныхъ опытахъ въ печеніи хлѣба вмѣсто хлѣба у него вышла тягучая замазка. Одновременно съ этимъ идутъ упражненія въ аскетическихъ подвигахъ, и идеалъ строгой жизни вырастаетъ передъ нимъ въ недосягаемую высоту. Въ это время въ Валахію пришелъ старецъ Василій, извѣстный Платону по Россіи, человѣкъ необыкновенно книжный и строгій подвижникъ. Автобіографъ сожалѣетъ, что не имѣлъ возможности пользоваться его совѣтами и жить вмѣстѣ съ такимъ мужемъ, такъ какъ Василій вскорѣ уѣхалъ въ свою обитель.

Однажды въ Трестены прибылъ іеромонахъ Осія съ Аѳона Во время его пребыванія въ монастырѣ не случилось ничего особеннаго, но при прощаніи, обращаясь къ тремъ молодымъ послушникамъ, онъ сказалъ:

—Оставайтеся съ Богомъ и вы, святіи тріе отроци!

Монаховъ поразило совпаденіе начальныхъ буквъ именъ трехъ послушниковъ—Алексѣя, Алексѣя и Михея—именъ трехъ вавилонскихъ отроковъ—Ананіи, Азаріи и Мисаила. Поэтому, когда ихъ постригли въ рясофоръ, имъ дали имена библейскихъ ревнителей праотцевой вѣры.

При описаніи своей жизни въ этомъ валашскомъ монастырѣ Паисій останавливается на іеромонахѣ Михаилѣ, который имѣлъ такой обычаи. „Въ недѣльные и праздничные дни, по трапезѣ немногу прошедшу времени, исхождаше изъ келіи и сѣдяше близъ церкве на травѣ зеленѣи подъ древесы садовными, яже бяху окрестъ церкве. Приходяще же и братья, сѣдяху близь старца, и начинаше старецъ бесѣдовати къ братіи". Такія душеспасительныя бесѣды бывали не только по праздникамъ, „ни и по ночамъ, егда случахуся луною просвѣщаемы бывати, собирающеся съ старцемъ братія на томжде мѣстѣ бесѣдовахуу до полунощи, съ сими же и азъ послѣднѣйшій, сѣдя и слушая прилежнѣ слушая глаголемыхъ".

Величковскому было опредѣлено послушаніе смотрѣть за скитскимъ виноградникомъ, который находился на горѣ, въ верстѣ отъ монастыря. Игуменъ далъ ему заповѣдь—не ѣсть винограда до трапезы Но сочныя гроздья казались ему такими соблазнительными, что онъ наѣдался до обѣда, и на трапезѣ почти ничего не ѣлъ. Отъ этого онъ заболѣлъ, исхудалъ, спалъ съ лица. Впрочемъ, по сборѣ винограда онъ опять поправился Платону была отведена келія далеко отъ церкви, и однажды онъ не услыхалъ клепанія въ било на утреню. Когда онъ проснулся и пришелъ въ церковь, то уже прочли Евангеліе. Платонъ очень скорбѣлъ по этому поводу, „и толико объятъ мя срамъ неисповѣдимый, яко на божественную литургію отнюдъ не могохъ пойти, но отошедъ далѣе отъ келіи,

сѣдяхъ на земли и плакахъ". Игуменъ замѣтилъ, что братъ Платонъ не приходилъ въ церковь, и послалъ разузнать о немъ монаха Аѳанасія. Происходитъ трогательная сцена, полная драматическаго движенія. Платонъ плакалъ, рыдалъ, упалъ на землю передъ старцемъ, ничего не могъ говорить и т. д. „И оттолѣ, донелѣже тамо пребывахъ, не дерзахъ на одрѣ лежа спати въ нощи, бояся подобнаго случая, но сѣдя на лавѣ, спахъ мало".

Въ октябрѣ съ скитъ Трейстены пришелъ схимонахъ Онуфрій изъ Архангельскаго скита Кырнула на рѣкѣ Бузеу, до этого живший втеченіе долгаго времени на высокихъ горахъ Валахіи. Въ бесѣдѣ съ братіей онъ повѣдалъ имъ „красоту мѣста онаго, и здравіе воздуха и воды, и прочія угодія къ житію". Разсказъ Онуфрія подѣйствовалъ на Платона, и вмѣстѣ съ нѣсколькими монахами онъ отправился на нѣкоторое время въ Кырнульскій скитъ. „Пройдохомъ,—говоритъ онъ,—въ предлежащій намъ путь превеликими лѣсами и полями и прекрасными высокими горами".

Опять черта, связывающая возрожденіе мистицизма въ XVIII вѣкѣ съ византійско-болгарскими исихастами XIV вѣка, любовь къ пейзажу, чувство красоты въ природѣ. Въ памятникахъ агіографической литературы другого времени мы не найдемъ подобной любви къ внѣшней природѣ.

Платонъ занялъ одну келію вмѣстѣ съ отцомъ Азаріей, а затѣмъ переселился въ келію болѣе отдаленную. Затѣмъ Паисій описываетъ церковь и монастырь Кырнулъ, созданный валашскимъ господаремъ Мирчей воеводой, воды, садъ съ фруктами, аѳонскій чинъ и обычаи монастыря. Особенно близокъ онъ былъ къ іеромонаху Алексію, „иже овогда убо чтяше намъ отъ книгъ отеческихъ и сказоваше намъ силу словесъ чтомыхъ пространнѣйшею бесѣдою, овогда же бесѣдоваше къ намъ по богоданному разуму своему и наставляше насъ совѣтомъ своимъ духовнымъ".

Иногда Платонъ навѣщалъ пустынника Онуфрія, пребывавшаго въ безмолвіи въ своей келіи, на разстояніи одного часа ходьбы отъ монастыря. „Путь бѣ прекраснымъ лѣсомъ, и келія его бѣ на концѣ горы оныя, отъ неяже далече видяхуся прекрасныя пустыни, горы, холми и раздолія, всѣ преисполнени великими лѣсами. И низше келіи его бѣ источникъ воды приснотекущій, къ немуже степеньми схождаше почерпати воду и восхождаше". Рукодѣліе Онуфрія состояло въ производствѣ деревянныхъ ложекъ, тарелокъ, чашъ, малыхъ и большихъ коробокъ изъ липоваго дуба, съ крышками. Онъ съ охотой пересказывалъ молодой братіи разные эпизоды изъ жизни восточныхъ анахоретовъ, „и азъ немалу отраду въ души моей сподобляхся имѣти,"—прибавляетъ автобіографъ.

Пребываніе въ Кырнулѣ продолжалось недолго, такъ какъ Алексѣй получилъ приказаніе отъ своего духовнаго отца, старца Михаила, возвратиться въ Трейстены для того, чтобы отсюда вмѣстѣ идти въ Пояноворон-

скую обитель. Платонъ остался одинъ Вскорѣ и Кырнульскій игуменъ ушелъ куда-то. Новый игуменъ, по имени Варѳоломей, былъ ученикомъ старца Стефана іеромонаха, „много лѣтъ пожившаго въ пустыни въ предѣлахъ Черниговскихъ Егда же возбранено бѣ въ Россіи по пустыни монахомъ жити, тогда со всечестнѣйшимъ старцемъ отцемъ Василіемъ схимонахомъ и съ прочими ревнители во Угровалахійскую землю пришелъ, вселися во единъ скитъ, именуемый Валя Штіоцуци, идѣже и жизнь свою сконча". Новый игуменъ оказался опытнымъ и добрымъ „старцемъ" Онъ выстроилъ новую просторную келію специально для собесѣдованій и общей трапезы и, между прочимъ, разрѣшилъ монахамъ ѣсть кислое молоко и сыръ, приносимые богомольцами. Рыбы въ томъ скитѣ не было

Здѣсь прерываются автобіографическія записки Паисія, и для дальнѣйшаго изложенія мы должны пользоваться Григоріевымъ пересказомъ, выбирая изъ него наиболѣе характерныя подробности.

Въ Валахіи Паисій пробылъ немного болѣе трехъ лѣтъ, съ цѣлью изучить румынскій языкъ Въ это время ему было 24 года, и, какъ необходимую ступень къ подвижническои жизни, молодои монахъ долженъ былъ совершить путешествіе на Аѳонъ. Это было въ 1746 году.

Раньше мы указали, какую память по себѣ оставилъ Паисій въ Россіи. То же самое можно сказать и относительно Аѳона. Такой же популярностью пользуется память о Паисіи и на Аѳонѣ, въ особенности въ возобновленномъ имъ Ильинскомъ скитѣ. Очень возможно, что благодаря давнишней враждѣ аѳонскихъ монаховъ разныхъ націй, въ глазахъ малорусскихъ иноковъ Ильинскаго монастыря образъ Паисія получилъ какой-то націоналистическій характеръ. Теперь Паисій считается борцомъ за малорусскихъ монаховъ противъ греческихъ притязаній

Первый изъ посѣщенныхъ имъ монастырей была лавра св. Аѳанасія, далѣе—Пантократоръ, гдѣ кромѣ грековъ были и славянскіе монахи. Авторъ „Житія" описываетъ высокіе монашескіе подвиги Платона, его воздержаніе, умерщвленіе плоти, молитву, безмолвіе и т. д. Въ то же время онъ читалъ книги, которыя бралъ изъ болгарскихъ монастырей. Прошло еще три съ половиной года Изъ Валахіи прибылъ на Аѳонъ извѣстный уже намъ старецъ Василій изъ Мерлополяны. Молодой анахоретъ проситъ опытнаго въ постническихъ добродѣтеляхъ старца посвятить его въ мантію, что и было совершено въ 1750 году.

Черезъ четыре года слухъ о новомъ подвижникѣ разнесся по св. Горѣ, и къ Паисію стали приходить ревновавшіе о безмолвномъ житіи иноки, среди которыхъ были, между прочимъ, и изъ Валахіи Всѣмъ имъ Паисій говоритъ о трудности монашеской жизни, и біографъ влагаетъ въ уста старца пространныя поученія на аскетическія темы

Новыхъ учениковъ принималъ Паисій не особенно охотно и выдерживалъ ихъ на предварительномъ испытаніи по 3 и по 4 года. Когда около него набралось 8 учениковъ „молдавскаго языка“, то пришлось пріобрѣсти келію св. Константина съ церковью; за ними явились еще 4 ученика но уже „словенскаго языка“. Это было незадолго до 1757 года.

„И начаша чести и пѣти молдавскимъ и словенскимъ языкомъ правило въ церкви,—читаемъ въ Житіи. Естественно, братія нуждалась въ священникѣ и духовникѣ, но Паисій долго отказывался принять священство, говоря, что изъ-за этого только онъ и ушелъ изъ Валахіи. Въ концѣ концовъ имъ удалось упросить его, и Паисій сдѣлался іеромонахомъ.

Наконецъ, монахамъ стало тѣсно въ прежней келіи и, получивъ благословеніе пребывавшаго на Аѳонѣ патріарха Серафима, Паисій переселился въ пустовавшую келію прор. Иліи, принадлежавшую тому же Пантократорову монастырю, и началъ строить собственный скитъ. Общими усиліями создана была церковь, трапеза, пекарня, поварня, странноприимница и 6 келій, такъ-какъ старецъ рѣшилъ не принимать больше 15 братій. Монахи ревностно соблюдали правила святой вѣры, при чемъ опять румыны были отдѣлены отъ славянъ. Но братіи прибывало; чинное служеніе, смиреніе и молчаніе монаховъ новаго скита,—все это привлекало новыхъ учениковъ. Братія непрестанно трудилась, „и самъ старецъ книги отеческія (вся убо жизнь его во бдѣніи всенощномъ бяше, и болѣе трехъ часовъ не можаше спати), переводя я съ греческаго на славенскій языкъ. Изучися бо помощію Божіею вскорѣ не точію простого греческаго, но и еллинскаго, отъ общаго своего брата, именемъ Макарія, добрѣ вѣдяща той языкъ, и въ началѣ подъ руководствомъ онаго преводяше“. Между прочимъ, Паисій пользовался расположеніемъ патріарха Серафима, который часто пріѣзжалъ къ нему на ослѣ и подолгу бесѣдовалъ о духовныхъ и душеспасительныхъ предметахъ или же приглашалъ Паисія совершать богослуженіе въ Пантократоровомъ монастырѣ.

Опять черта, сближающая Паисія съ исихастами XIV вѣка. „И тамо служаше греческимъ языкомъ,—разсказываетъ Григорій,—не спѣшно и благоговѣйно со страхомъ Божіимъ, непрестанно слезами ланитѣ свои омочая: никогда же бо можаше безъ слезъ святую литургію прослужити во всей жизни своей. Святѣйшій же патріархъ, стоя со слезами, глаголаше: слава Тебѣ, Господи, слава Тебѣ! А стоящіи въ олтарѣ, видяще его тако всего ко Богу простерта, паки измѣненна и плачуща, едва могуща возгласы глаголати, толико умиляхуся и плакаху, яко инѣи, не могше и стоятіи во олтарѣ слезъ ради, исхождаху“.

Подобно тому, какъ у Григорія Синаита былъ противникъ, извѣстный калабрійскій монахъ, такъ и у Паисія оказался такой же завистникъ

въ лицѣ престарѣлаго монаха Аѳанасія, молдованина, изъ скита Капсокалива. Онъ хулитъ ту самую умную молитву, которую проповѣдывалъ Паисій Аѳанасій пишетъ Паисію посланіе, въ которомъ рядомъ съ дружелюбными наставленіями были хулы, укоризны и многія несправедливыя мудрованія Соборъ духовниковъ приказалъ Паисію отвѣтить Аѳанасію и обличить его Такимъ образомъ появилась первая редакція трактата Паисія объ умной молитвѣ въ 14 главахъ, повторявшаго многія мѣста извѣстныхъ Словъ противъ ереси Акиндина и Варлаама Забытливый монахъ познавалъ въ концѣ концовъ свою ошибку и просилъ прощенія у старца.

Между тѣмъ число братіи настолько увеличилось, что пришлось переселиться въ монастырь Симонопетру, а затѣмъ подумать о переселеніи въ Валахію. Происходитъ трогательное прощаніе съ патріархомъ, и Паисій отплываетъ съ Аѳона. Монахи раздѣлились на двѣ партіи: на одномъ кораблѣ ѣхали славяне съ самимъ Паисіемъ, на другомъ—молдоване съ отцомъ Виссаріономъ. Они вышли на берегъ въ Галацѣ и остановились въ скитѣ Варзарештахъ. Но ни въ одномъ изъ валашскихъ монастырей не оказалось свободнаго мѣста, и Паисій уходитъ въ Молдавію.

Когда въ монастыряхъ сѣверной Молдавіи появился старецъ Паисій съ цѣлой школой переводчиковъ и переписчиковъ и обновилъ упавшее молдавское монашество,—старой славяно-румынской культуры, можно сказать, здѣсь уже не существовало Одновременно съ греческимъ вліяніемъ и началомъ возрожденія румынскаго народа на національной почвѣ, было поднято сильное гоненіе на всѣ слѣды славянства, которое не находило уже защитниковъ въ лицѣ самихъ румынскихъ книжниковъ и должно было искать поддержки извнѣ. Такимъ дѣятелемъ и былъ Паисій Величковскій, принадлежавшій къ той семьѣ замѣчательныхъ духовныхъ дѣятелей, которыми такъ была богата старая Малороссія.

Молдавскій митрополитъ Гавріилъ и господарь Григорій Каллимахъ приняли Паисія съ радостью и отдали ему пришедшій въ упадокъ монастырь Драгомирну со всѣми угодьями, освободивъ его, согласно старинному обычаю, отъ всякихъ налоговъ и даней. Но такъ какъ Драгомирна принадлежала радовской епархіи, то митрополитъ Гавріилъ просилъ епископа радовскаго, „да вручитъ Паисію монастырь со всею любовію и подобающею честью“. Однимъ изъ первыхъ событій въ жизни обновленнаго монастыря было посвященіе Паисія въ схиму, но съ оставленіемъ прежняго имени. Затѣмъ было учреждено общежитіе по чину святой Горы, по уставу Василія Великаго, Ѳеодосія Великаго и Ѳеодора Студита. Идеаломъ монашества, по мнѣнію Паисія Величковскаго, должна быть киновія со всѣми атрибутами этой строгой аскетичестой организаціи. Уставъ Паисія интересенъ еще и тѣмъ, что на основаніи его мы можемъ составить нѣкото-

рое представленіе о монашескомъ бытѣ болѣе отдаленныхъ временъ, быть можетъ, тѣхъ монастырей XIV вѣка, въ которыхъ подвизались византійскіе и болгарскіе мистики. Несомнѣнно, Паисій собралъ во время своего пребыванія на Аѳонѣ всѣ свѣдѣнія объ устройствѣ монастырей той эпохи, которую желалъ воскресить въ Молдавіи.

Намъ кажется, что Паисій могъ привести въ исполненіе свой завѣтный идеалъ древняго монашества только въ одномъ изъ мало популярныхъ монастырей сѣверной Молдавіи. Въ этомъ отношеніи Молдавія представляла необыкновенно благопріятную почву Сюда стекались монахи изъ разныхъ мѣстъ, начиная съ Россіи, главнымъ образомъ, Украйны, и кончая Греціи. Монастырская жизнь стояла въ сторонѣ отъ начинавшагося уже тогда чисто румынскаго возрожденія, и „славянскій“ характеръ реформы Паисія не нашелъ себѣ тѣхъ противниковъ, которые, естественно могли бы быть во всякой другой странѣ Характерно и то, что только въ интернаціональной Молдавіи Паисій могъ создать довольно архаичный книжный славянскій языкъ, правда, съ преобладаніемъ русскихъ чертъ. Итакъ, все благопріятствовало обновленію монастырской жизни и старой церковно-учительной славянской книжности Прежде всего было обращено вниманіе на внѣшнее благоустройство монастыря Начальникомъ надъ больницей былъ поставленъ опытный въ этомъ дѣлѣ старецъ Онорій Усиленныя занятія Паисія по переводу книгъ съ греческаго на славянскій и молдавскій чередовались съ поученіями неутомимаго старца за трапезой и чтеніемъ новыхъ переводовъ Результатомъ такихъ необычныхъ уже для XVIII вѣка книжныхъ и аскетическихъ трудовъ явилось умноженіе братіи и преуспѣяніе ея въ монашескихъ подвигахъ, что несказанно радовало старца Особенно предостерегалъ онъ своихъ учениковъ отъ любостяжанія, при чемъ предсказывалъ разореніе общежительнаго устава именно отъ „любоимѣнія“. Пророчества Паисія напоминаютъ намъ черты византійскихъ и болгарскихъ мистиковъ XIV вѣка. Между прочимъ, онъ предсказалъ лютую смерть господарю Григорію Гикѣ, увидѣвъ нѣсколько разъ во снѣ мечъ, висящій надъ головой молдавскаго правителя на одномъ волоскѣ; и дѣйствительно, по приказанію султана, Гикѣ отсѣкли голову. Другой разъ, Паисій долго увѣщевалъ одного изъ своихъ монаховъ исправиться. Но тотъ не слушался и на третій день утонулъ. Третьему онъ предсказалъ смерть въ дорогѣ.

Одновременно съ началомъ русско-турецкой войны, въ 1768 году Молдавію постигли и другія бѣдствія—моръ и голодъ, а когда въ 1774 году, послѣ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, русскія войска ушли изъ Молдавіи, то Австрія предъявила къ Портѣ свои притязанія на Буковину. Монастырь Драгомирна отошелъ къ Австріи, и монахи впали въ печаль, жалуясь

господарю и митрополиту на то, что не могутъ теперь жить записками пребывати", прося дать имъ Секульски монастырь. Господарь согласился и въ 1775 году Паисій, вмѣстѣ съ 350 монахами, переселяется въ Секулъ, причемъ переноситъ сюда и созданный имъ общежительный уставъ. Но вскорѣ и Секутъ сталъ тѣсенъ для многочисленной братіи Паисія, и онъ снова обращается съ просьбой къ господарю Константину Мурузи о предоставленіи ему болѣе помѣстительнаго монастыря. Сенатъ указалъ господарю на Нямецкій, какъ на монастырь, наиболѣе удобный для переселенія Паисія.

Получивъ разрѣшеніе перенти въ Нямець, по свидѣтельству Житія, Паисій горько плакалъ, болѣзненно и неутѣшно рыдалъ; онъ предвидѣлъ гибель „душевнаго устроенія" своей братіи, такъ-какъ въ богатый монастырь, навѣрное, будутъ пріѣзжать гости и знатныя лица и своимъ пребываніемъ нарушатъ мирное теченіе монашеской жизни. Старецъ пересталъ ѣсть и спать, такъ-что братія боялась даже, чтобы онъ не умеръ отъ безмѣрной печали. Но дѣлать было нечего, и въ навечеріе Успенія 1779 года Паисій покинулъ Секульскій монастырь. Очевидецъ этого переселенія, Митрофанъ описываетъ трогательную сцену прощанія великаго старца съ монастыремъ и торжественно-простого передвиженія монаховъ въ Нямецъ. Предъ нами великолѣпная картина, словно выхваченная изъ какого-нибудь древняго восточнаго Патерика. Престарѣлый и больной Паисій не можетъ итти и долженъ ѣхать на повозкѣ, а братія окружаетъ его со всѣхъ сторонъ, словно пчелы матку, слушая духовныя бесѣды своего наставника.

Преобразованія въ Нямецкомъ монастырѣ были такого же характера, какъ и въ двухъ предыдущихъ. Опять особое вниманіе было обращено на больницу, гигіеническія условія которой были поставлены очень высоко, и на широкое странопріимство, что даетъ поводъ автору Житія назвать Паисія вторымъ Авраамомъ. Число братіи увеличилось уже до четырехсотъ. Разъ въ годъ Паисій посѣщалъ Секульскій монастырь, гдѣ жилъ по 9 дней, поучая монаховъ на славянскомъ и молдавскомъ языкѣ. Во время второй турецкой войны, въ 1790 году въ Нямецкій монастырь пріѣхалъ архіепископъ Амвросій Серебренниковъ. Онъ посвятилъ Паисія въ санъ архимандрита. Съ этого пріблизительно времени начинается то паденіе строгой жизни монаховъ, которое еще раньше предвидѣлъ прозорливый старецъ: по словамъ автора Житія, причинами была „молва, пѣшество, мятежъ и коемуждо свое его о себѣ попеченіе и сихъ ради божественныхъ и отеческихъ писаній чтенія и себѣ вниманія оставленіе". Тѣмъ не менѣе, самъ Паисій не оставлялъ трудовъ по переводу и перепискѣ книгъ, и составитель Житія по этому поводу восклицаетъ: „О, безстрашнѣйшаго

и свята мужа! О души чистыя, соединенныя съ Богомъ! Весь любовію прилѣпленъ бѣ къ Богу, весь и ко ближнему разливавшеся любовію". Наконецъ силы стали измѣнять старцу, онъ не могъ уже переводить что нибудь вновь и только просматривалъ свои прежніе труды, не могъ онъ выходить изъ келіи, и 15 ноября 1794 года, на 72 году отъ рожденія тихо скончался, оплакиваемый всею братіей. Погребеніе было совершено всѣмъ соборомъ, такъ-какъ приглашенный для этого епископъ гушскій Вениаминъ опоздалъ.

Похороненъ Паисій въ Вознесенскомъ храмѣ Нямецкаго монастыря, у правой стѣны. Надъ его могилой виситъ большой портретъ почившаго, писанный масляными красками. Надпись на мраморной могильной плитѣ до сихъ поръ не издана. Она писана очень красивой вязью, типичной и для XVII вѣка; тѣвый столбецъ занятъ славянской надписью, правый румынской. Приведемъ славянскую часть:

„Здѣ почиваетъ блаженный отецъ нашъ іеросхимонахъ и архимандритъ старецъ Паисій малоросіянинъ, иже отъ Аѳонской горы съ 60 учениками въ Молдавію пришедъ и ту множество братій собравъ и общежитіе собою обновивъ, ко Господу отиде 1794 года ноемврія 15, во дни благочестиваго господаря Михаила Сутула воеводы и преосвященнаго митрополита Іакова".

Память о Паисіи до сихъ поръ жива въ Нямецкомъ монастырѣ, не смотря на то, что монастырь пережилъ тяжелый антиславянскій кризисъ въ половинѣ XIX вѣка, что все славянское теперь изъ него изгнано, что уставъ Паисія замѣненъ болѣе легкими обычаями греческихъ монастырей, а богослуженіе совершается только на румынскомъ языкѣ. Первые старцы Нямецкаго монастыря послѣ Паисія были малороссы. Благодаря имъ заведена типографія, изъ которой вышло много цѣнныхъ изданій славянскимъ шрифтомъ, а живыя сношенія съ южной Россіей поддерживались до 50 годовъ прошлаго столѣтія. Изъ румынскихъ іерарховъ особенно почиталъ Паисія извѣстный митрополитъ молдавскій Вениаминъ Костаки.

Паисій замѣчателенъ не только какъ аскетъ и администраторъ, но и какъ неутомимый писатель. О книжныхъ трудахъ Паисія извѣстно было до сихъ поръ очень немногое. Инвентарь оставшейся послѣ него въ Нямецкомъ монастырѣ библіотеки показываетъ уже кругъ книжныхъ интересовъ нашего переводчика; подробное изслѣдованіе рукописей Паисія и его пріемовъ при переводѣ можетъ послужить темой для очень интереснаго самостоятельнаго труда. Изъ одного только списка вновь переведенныхъ Паисіемъ аскетическихъ твореній видно, что возрожденіе монашества и славянской письменности въ Молдавіи во второй половинѣ XVIII вѣка во

многихъ чертахъ было повтореніемъ того религіознаго и культурнаго движенія, которое имѣло мѣсто въ XIV вѣкѣ въ Византіи и Болгаріи.

Скажемъ поэтому нѣсколько словъ о Паисіи, какъ книжникѣ. Мы видѣли уже, что списываніемъ книгъ юноша Петръ занимался еще въ Россіи, когда ему было около 17 лѣтъ. Но это были лишь случайные труды. Первымъ толчкомъ къ сильному аскетическому перелому въ его настроеніи и къ систематическимъ книжнымъ работамъ онъ обязанъ знакомству съ валашскими монахами. На Аѳонѣ онъ образовываетъ уже цѣлую школу переводчиковъ и переписчиковъ. Почеркъ Паисія передался и ученикамъ его. Съ каждой переведенной и исправленной имъ рукописи дѣлалось по нѣсколько копій, изъ которыхъ нѣкоторыя попали въ русскія библіотеки. Усиленная работа въ этомъ же направленіи начинается со времени переселенія Паисія въ Молдавію, а именно, въ монастырѣ Драгомирнѣ, вскорѣ послѣ 1763 года. Въ Григоріевомъ Житіи старца Паисія слѣдующимъ образомъ объясняется цѣнь книжныхъ трудовъ Паисія: „Таже, дни и нощи пождивая со братьями молдавскаго языка, вышереченнымъ Макаріемъ и Иларіономъ даскаломъ и прочими вѣдущими еллино-греческій языкъ,—отецъ нашъ трудящеся въ переводѣ на молдавскій и словенскій языки отеческихъ и богословскихъ книгъ. И егда собирахуся вся братія отъ внѣшнихъ послушаній въ зимнее время, и наступаше постъ Рождества Христова, тогда начинаше изъ оныхъ преведенныхъ книгъ соборнѣ поученіе творити отъ первыя седмицы поста и продолжаше до суботы Лазаревы. На всякій бо день, кромѣ недѣли и праздниковъ, собравшимся всѣмъ братіямъ въ вечеръ въ трапезу, и заженнымъ бывшимъ свѣщамъ, приходаше отецъ нашъ. И сѣдъ на обычнѣмъ своемъ мѣстѣ, чтяше или книгу святаго Василія Великаго постническую, или святаго Іоанна Лѣствичника, или святаго Дороѳея, или святаго Ѳеодора Студита, или святаго Симеона Богослова, или иныхъ богоносныхъ отецъ. Въ единъ убо вечеръ славенскимъ языкомъ поученіе бываше, въ другой же молдавскимъ. И егда бываше кіимъ языкомъ поученіе, тогда другаго языка братія чтяху навечеріе. Старецъ же поученіе творя, абіе толковаше, приводя свидѣтельство отъ святаго писанія обоего завѣта и отъ богоносныхъ отецъ ученія“. Дѣйствительно, на поляхъ всѣхъ рукописей—автографовъ Паисія находимъ отрывки изъ греческаго текста, съ которымъ онъ свѣрялъ свои переводы.

Біографъ Паисія разсказываетъ, что свои книжные труды старецъ не оставлялъ и въ послѣдніе годы жизни. „Тѣмже и самъ даже до смерти своея зѣло прилежаше къ переводу съ еллино-греческаго на славянскій языкъ отеческихъ и богословскихъ книгъ,—говоритъ Григорій,—да оставитъ пользу и окормленіе душъ хотящимъ и нынѣ подвизатися, рев-

новати же и внимати ученію богоносныхъ отецъ нашихъ. Како же писаше—и удивлятися подобаетъ: немощенъ бо тѣломъ отнюдъ бяше, и во всемъ правомъ боку бяху ему раны. На одрѣ убо, идѣже почиваше, окрестъ облачаше себе книгами: ту положены бяху словари разноязычни, Библія греческая и словенская, Грамматика греческая и словенская, книга, изъ нея же преводъ творяше, посредѣ же свѣщи Самъ же яко малое отроча, ѣдя согнувшеся, всю ночь писаше, забывая и немощь тѣла, и тяжкія болѣзни и трудъ". Совершенно больной, почти не вставшій съ постели, старецъ все-таки продолжалъ писать. За нѣсколько дней до смерти онъ перечитывалъ свои переводы и кое гдѣ дѣлалъ исправленія

Такимъ образомъ, Величковскій замыкаетъ собой длинный рядъ писателей-славянъ, работавшихъ на книжномъ поприщѣ въ придунайскихъ господарствахъ Молдавіи и Валахіи съ конца XIV и до конца XVIII вѣка. Но вся его дѣятельность не оставила почти никакихъ слѣдовъ въ Молдавіи и прошла какъ-то безслѣдно. Быть можетъ, это объясняется тѣмъ, что вся дѣятельность Паисія стоитъ какъ-бы внѣ времени и пространства Его обращеніе къ старымъ византійско-болгарскимъ книжнымъ традиціямъ уже само по себѣ носило искусственный характеръ, чуждый всякой національности и эпохи На румынское монашество онъ не могъ влять, и его обаяніе не перешло за стѣны Нямецкой обители. Для болгарскихъ иноковъ его направленіе не могло подходить ни въ одномъ отношеніи. Оставался одинъ сѣверъ. И вотъ, значительная часть учениковъ Паисія ушла въ Россію, а небольшая группа его послѣдователей, убѣжденныхъ аскетовъ, въ половинѣ прошлаго столѣтія основала на югѣ Бессарабіи Ново-Нямецкій монастырь, гдѣ до сихъ поръ сохраняются завѣты великаго старца во всей ихъ первоначальный чистотѣ

А. И. Яцимирскій.

Малорусская дума про Байду.

Издатели „Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа“, снабдившіе обстоятельными историческими комментаріями думу про Банду (I. стр 145—159), далеко не исчерпали сравнительныхъ данныхъ, относящихся къ основному ея сюжету, между тѣмъ сравнительные материалы, доставляемые, съ одной стороны, южно-славянскимъ творчествомъ, а съ другой великорусской народной сказкой о Байдакѣ—представляютъ значительную цѣнность. ими, съ одной стороны, подтверждается мнѣніе издателей и комментаторовъ думы про Банду относительно традиціоннаго характера основного ея сюжета и образнаго происхожденія самаго собственнаго имени героя Байды; съ другой стороны, расширеніе поля сравнительныхъ наблюденій въ область южно-славянскаго народнаго эпоса даетъ возможность предложить новый немаловажный еще фактъ въ защиту положенія о существованіи живой устно-поэтической взаимности между южными славянами и русскими въ казацкій періодъ жизни малорусскаго народа, въ XVI—XVII в.в

В Царіграді на риночку
(v. Ой у пві, v в Берестечку, v. въ коршомкѣ)
Та пье Банда мед, горілочку,
Он пье Байда та не день, не два,
Не одну нічку, та й не годиночку,
Ой пье Байда тай кивається,
Та на свого цюру поглядається:
„Ой цюрож мій молодесенькій!
„Та чи будеш мені вірнесенькій?“
Царь турецькій к нему прислае,
Банду к собі підмовляе:
— Он ти, Байдо, та славнесенькій!
— Будь мені лицарь та вірнесенькій,
- Возьми в мене царівночку,
— Будешь паном на всю Вкраиночку!“
(v. Ой, аж приіхав цар турецькій:
„Здоров, здоров, Байда— молодецькій:
„Покинь, Байдо, пить, гуляти.
„Бери мою дочку, та йди царювати!“)

-- Твоя, царю, віра проклятая,
— Твоя царівночка поганая
Он крикнувъ царь на свої гайдуки:
— „Возьмить Байду добре в руки,
— „На гак ребром зачепите!
Ой висить Байда та и не день, не два,
Не одну нічку, та и не годиночку,
Ой висить Байда, та и гадає,
Та на свого цюру споглядає,
Та на свого цюру молодого,
І на свого коня вороного.
„Ой цюро ж мій молодесенький!
„Подай мені, мені лучок та тугесенькій,
„Подай мені тугий лучок
„І стрічочок цілий пучок!
„Ой я бачу три голубочки,
„Хочу я убити для его дочки.
„Де я мірю, там я вцілю,
„Де я важу, там я вражу".
Ой як стрілив,—царя вцілив,
А царицю в потилицю,
Его доньку в головоньку
— „От то ж тобі, царю,
— „За Байдину кару!
— „Було тобі знати,
— „Як Байду карати:
— „Було Байди голову зняти,
— „Его тіло поховати,
— „Вороным конем їздити,
— „Хлопця соби зголубити.
(v. „Не хтів, цару, Байду карати,
„Тепер, цару, будеш пропадати'
„Не хтів, цару, Байду вчити,
„Тепер, цару, будеш в спрі земли гнити)

Какъ видимъ, дума про Байду состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣльныхъ эпизодовъ, взаимная связь которыхъ въ началѣ думы не достаточно ясна:

a) Появленіе или пребываніе Байды въ Царьградѣ на рынкѣ.

b) Предложеніе Байдѣ со стороны турецкаго султана принять исламъ, причемъ за ренегатство султанъ обѣщаетъ Байдѣ руку своей дочери,- царство, или царство, или панство на Украйнѣ.

c) Отказъ Байды отъ этихъ предложеній и порицаніе мусульманской вѣры

d) Гнѣвъ султана, приказъ поймать Байду и казнить его.

e) Исполненіе приказанія султана и повѣшеніе Банды.

f) Месть Байды султану: убійство султана, жены его и дочери —

Южно-славянскія пѣсни, излагающія этотъ мотивъ (за исключеніемъ эпизода повѣшенія за ребро), пріурочены къ личности Секулы или Кулевича бана. Разсмотримъ ихъ содержаніе.

Болгарская пѣсня—Царь Солиманъ, Кулевичъ банъ и Марко (Сборникъ за нар умотвор. т. III, стр. 103—106). Насилія чинитъ царь Солиманъ въ городѣ Стамбулѣ, отуречиваетъ дѣвицъ, молодаекъ и парубковъ Дошла объ этомъ вѣсть до гор. Кулева Юный банъ Кулевичъ отправляется въ Стамбулъ, чтобы высказать Солиману свое и общее недовольство по поводу этихъ насилій Мать, отправляя неопытнаго бана въ походъ, предупреждаетъ его объ опасностяхъ, которымъ онъ можетъ подвергнуться со стороны хитрыхъ и жестокихъ турокъ. Кулевичъ пріѣзжаетъ въ Стамбулъ, обманываетъ турокъ притворно высказаннымъ намѣреніемъ принять исламъ и допускается ими ко двору царя Солимана. У входа въ сераль Кулевичъ встрѣчаетъ кралевича Марка и съ нимъ вмѣстѣ входитъ на высокій балконъ дворца. Солиманъ спрашиваетъ Марка о незнакомцѣ, самовольно пришедшемъ къ нему въ гости Марко отказывается дать прямой отвѣтъ. Солиманъ предлагаетъ Кулевичу потурчиться и стать его зятемъ. Въ отвѣтъ на это Кулевичъ порицаетъ турецкую вѣру, хвалитъ вѣру православную и предлагаетъ самому Солиману стать болгариномъ и жениться на сестрѣ бана Кулевича. Разсерженный Солиманъ приказываетъ стражѣ схватить Кулевича и отрубить ему голову. Марко переводитъ Кулевичу приказъ Солимана и совѣтуетъ ему заблаговременно уйти изъ дворца. Только-что Кулевичъ успѣлъ сѣсть на своего коня „Кулушанче“, какъ окружили его 500 гавазовъ царя Солимана съ намѣреніемъ схватить его. Но Кулевичъ всѣхъ ихъ изрубилъ своей дамасской саблей. Солиманъ приказываетъ четыремъ пашамъ съ 90-тысячнымъ войскомъ догнать Кулевича и изловить его. Марко уходитъ отъ Солимана, догоняетъ бана Кулевича, сообщаетъ ему о погонѣ, становится рядомъ съ нимъ и вдвоемъ оба нападаютъ на турецкое войско Турки разбиты, паши взяты въ плѣнъ, герои подѣлили добычу и разъѣхались по домамъ: Марко въ Прилѣпъ, а Кулевичъ въ Кулево.

Источникъ этой болгарской несомнѣнно сербскій. Собств имя героя *Кулевичъ* и его родного города *Кулево* выясняются въ связи съ соотвѣтствующими сербскими пѣснями о *Секулѣ*. Сербскіе варіанты этой пѣсни стройнѣе, полнѣе и цѣльнѣе и вообще интереснѣе по многимъ эпическимъ

подробностямъ Болгарская пѣсня уже заключаетъ въ себѣ несомнѣнныя слѣды искаженія. Всего ближе къ изложенной болгарск. и стоитъ сербскій вариантъ, найденный въ черновыхъ матеріалахъ Караджича—„Дијете Секула и цар Отмановић“ (Срп. нар. п. кн. VI држ. изд. Б. погр. 1899 № 31).

Султанъ шлетъ фирманъ въ Сибиньградъ (Германштадтъ) къ сибиньскому выводѣ Яньу, которымъ требуетъ выдачи Секулы, и немьинина Янка Секула самъ рѣшается ѣхать въ Стамбулъ и явиться къ Султану Янко, отправляя Секулу въ Царьградъ, совѣтуетъ ему, по прибытіи туда, взять къ себѣ въ толмачи Марка Кралевича, котораго онъ можетъ найти среди Царьграда въ корчмѣ пьющимъ вино:

. . . . . насрд Цариграда
Ту ћеш наћи хана царевога,
Пред ним сједи једна дједчина,
Он за вратом црне брке вежс.

(ст. 32—35)

Сравните съ этимъ указаніемъ мѣста свиданія Марка съ Секулой передъ отправленіемъ ихъ обоихъ съ султану указанія думы про пьянство Байды со слугой въ Царьградѣ на риночку, откуда и начинаются переговоры султана съ Байдой.

Секула привязываетъ въ Стамбулѣ, находитъ Марка и ѣдетъ съ нимъ вмѣстѣ ко дворцу султана. Когда Секула ѣхалъ по Стамбулу, всѣ турки дивились глядя на него. Султанъ предлагаетъ Секулѣ принять исламъ и въ награду за ренегатство свою дочь въ жены. Секула въ отвѣтъ на это порицаетъ исламъ и хвалитъ вѣру христіанскую. Это мѣсто гораздо лучше сильнѣе въ серб. п. и мы его приведемъ здѣсь in extenso:

Па Секули царе проговара:
„Диван ли си, бановац-Секула,
„А би ли се, момче, потурчио,
„Да ти дадем ћерцу за љубовцу,
„Да т' оградим дворе код мојијех,
„Код мојијех љепше од мојијех,
„И даћу ти блага без хесапа,
„И ставит те вељега везира.
„Све да сједиш и да господујеш?“

Сравн. въ думѣ про Байду:

Ой ти, Байдо, та славнесенький!
Будь мени лицарь та вірнесенький,
Возьми в мене царівночку,
Будеш паном на всю Вкраіночку!

Или въ вар Б:

Покинь, Байдо, пить, гуляти,
Бери мою дочьу, та йди царувати!

Или въ вар. Д:

Візми мою дочку царуночку,
А будеш паном, будеш гатманом,
Будеш мої землі государом.

Въ сербской пѣснѣ далѣе слѣдуетъ:

Секуле му тада бесједно:
„Пројсе, царе, турски господару,
„Глава мудра, изъ нье ријеч луда.
„Ја сам мнѣнва да си, царе, мудар,
„А ти ума ни памети немаш.
„Није ми се часно потурчити.
„Од мојега рода хришћанскога
„И у моје дневи и године
„Стотина се, царе, посветило,
„Свуј се цркве и олтари граде,
„И црковне кубе у висину,
„А на кубе од злата јабуке,
„А у цркве црковне закладе
„Све су златни крсти и пконе.
„Србаль моли Бога на помоћи.
„А ти, царе, жалосна ти мајка!
„Који немаш свеца ни једнога,
„До једнога Мухамеда *грдна*
„И нега је *шога попанула*;

Сравн. въ думѣ про Байду:

Твоя, царю, віра проклятая!

„Који нигдје богомојства немаш,
„До джамије од камена градиш,
„И она ти сама празна трјби.
„Но би ли се, царе, прекрстио,
„И да постиш постах све четворо,
„И хришћанску вјеру да испуњаш,
„Да те водим у Сибињу граду,
„И дађу ти секу за лубовцу,
„И дариват двије пушке мале,
„Што их ни ти, царе, такве немаш.

(ст. 65—102).

Разгнѣванный царь даетъ знакъ начачамъ схватить Секулу и убить его. Но Секула самъ убиваетъ начачи, стражу султана и двухъ его сыновей, бросается съ мечемъ даже на самого султана, но Марко удерживаетъ Секулу и выпроваживаетъ его домой.

Еще болѣе интересныя въ другихъ отношеніяхъ подробности встрѣчаются въ вариантѣ, изданномъ Матицей Хорватской: Junaštvo Sekulino (Hrvatske narodne pjesme. Skupila i izdala Matica Hrvatska Zagr. 1896 т I №76) Царь Отмановичъ шлетъ письмо Янку изъ Сибиня, заключающее въ себѣ требованіе выдать ему три его добра коня крылатаго, саблю кованную, разсѣкающую панцырь, и племянника его бановича Секула. Послѣдняго жаждутъ видѣть дочери султана.

Njega źude dvije ke'eri moje,
Dvije ke'eri, sultanije mlade.
Rada bi ga nagledat se mlade
U mojemu carskome divanu.

Въ случаѣ неисполненія приказа султанъ грозитъ нашествіемъ своего войска на Сибинь. огнемъ, плѣномъ и всякой бѣдой (объ этомъ еще въ п. Вука т VI № 32 Воjвода Јанко и царь Отмановић). Секулъ настойчиво желаетъ самъ ѣхать въ Стамбулъ и явиться къ султану. Янко и сестры Секула отговариваютъ его отъ этого намѣренія; но Секулъ не слушаетъ ихъ и уѣзжаетъ къ султану, красно нарядившись какъ бы на свадьбу. Янко на прощаньи совѣтуетъ ему найти въ стамбульской механѣ Марка Кралевича и слушаться его совѣтовъ.

Въѣхавъ въ Стамбулъ, Секулъ забылъ предостереженія своего дяди. разгорячилъ себя и коня, сталъ разбивать стекла въ домахъ стамбульскихъ жителей, избивать молодыхъ цѣловальниковъ (ducandžije mlade) и вѣстовщиковъ (djeci klevetari), и этимъ обратилъ на себя вниманіе турчанокъ, столпившихся у оконъ домовъ и смотрѣвшихъ на Секула. Въ механѣ корчмарки Мары Секулъ нашелъ Марка Кралевича, разсказалъ ему о томъ, что онъ сдѣлалъ и просилъ совѣта въ томъ, какъ поступать далѣе. Марко совѣтуетъ ему какъ можно скорѣе бѣжать изъ Стамбула. Секулъ не слушается его и на слѣд утро отправляется ко дворцу султана. Вмѣстѣ съ нимъ ѣдетъ и Марко Стража дворцовая, устрашенная угрозой Секула, пропускаетъ его къ султану Когда Марко и Секула поклонились султану, послѣдній спросилъ Марка о незнакомцѣ. Марко сказалъ, что это племянникъ сибиньскаго Янка Секула бановичъ. Султанъ начинаетъ склонять Секула принять исламъ сначала обѣщаніями богатства, почестей, женитьбы на дочери султана, а потомъ и угрозами:

O Sekule, vesela ti majka!
Poturci se u dvoru mojemu,

Dat c'u tebi tri tovara blaga,
Sve no blago zucena cekina,
Bjelu c'u ti kulu sagraditi.
Pokraj mene kano i u mene.
Ja imadem dvije c'eri moje.
Dvije c'eri sultanije mlade,
Pa no biraj, koju tebi drago
Dat c'u tebi nad Bosnom vezirsto
Bez promjene za dvanest godina
Ti naplacuj danke i harace,
Pa ostale te carske esape
Kad to cuje dijete Sekule,
Pa je caru rijec' besjedio:
Ne c'u, care, zivota mi moga!
Ne bi tebi vjerom prevrnuo,
Da mi davas butum carevinu.
Al je care njemu besjedio:
„Poturci se, Banovica mladi!
„Poturci se, zalosna ti majka!
„Dat c'u tebi po bijela blaga,
„Bjelu c'u ti kulu sagraditi,
„Pokraj mene, ljepsu neg u mene,
„Zenit cu te sultanijon mladom,
„Sultanijom, kojom tebi drago,
„Dat c'u tebi polu carevine,
„Bit c'es vezir nada svih vezira.
„Ako li se poturciti ne c'es,
„Kunem ti se i Boga ti dajem,
„Zaklinjem se na citapu mome,
„Ja cu zvati do osam dzelata,
„Da ti rusu osijeku glavu,
„Jl te metnuit u mrklu tavnicu,
„Morit c'u te i gladom i zedjom,
„Dok te care smrti i umorim“

Секулъ въ отвѣтъ на это говоритъ султану, что онъ скорѣе умретъ, чѣмъ перемѣнитъ вѣру; богатство ему не нужно, у него своего вдоволь; жениться на дочери Султана онъ не хочетъ, тюрьмы не боится, палачей не страшится. Впрочемъ, если позволитъ султанъ ему сѣсть на сво-

его коня погулять по Стамбулу да посмотрѣть турчанокъ и царскихъ дочерей, то можетъ быть какая-либо дѣвица понравится его сердцу и онъ перемѣнитъ вѣру и останется въ Стамбулѣ. Султанъ вѣритъ словамъ Секула и позволяетъ ему погулять по Стамбулу. Секулъ снова идетъ въ механу и находитъ въ ней Марка Кралевича Марко опять совѣтуетъ Секулу скорѣе бѣжать изъ Стамбула. Секулъ не слушаетъ совѣта Марка, пьетъ вино, отдыхаетъ, а на утро снова начинаетъ избивать въ Стамбулѣ молодыхъ цѣловальниковъ, разбивать стекла въ окнахъ домовъ и бить мальчишковъ—клепальщиковъ „djeci klevjetare,“ которыхъ обязанность была поднимать тревогу ударами въ била. Клепальщики подняли крикъ, стали проклинать Марка. Повыходили на улицы турчанки, но прельщенные наружностью Секула ударяли его вѣтками по юнацкимъ плечамъ, забрасывали его платками и наперерывъ просили его обратить на нихъ вниманіе и выбрать изъ нихъ любую. Еще болѣе рѣзко выражали свои симпатіи Секулу царскія дочери, когда онъ приблизился къ царскому дворцу·

Na saraje izlazile mlade,
Vidjose ga sultanije mlade,
Jz njedara izmetale dojke,
Te Sekulu besjedit stanule:
„O Sekule, nas ocinjivide,
„Nu pogledaj sultanije mlade!
„Da su bolje nego cobanice,
„Pa izbiraj, koju tebi drago“

Эта же сцена трижды повторяется съ постепенной градаціей въ изображеніи кокетства дочерей султана: (въ третій разъ).

Vidjose ga sultanije mlade,
Na saraj su obje isetale,
Jz njedara izmetale dojke.
Zagrnule skuce uz koljeno.
Ukazase b'jele noge svoje,
Pa otkrise l'jepo svoje lice
J Sekulu besjedit stanule:
„O Sekule, kukala te majka!
„Ti pogledaj sultanije mlade,
„Bolje su nego cobanice mlade,
„Pa izbiraj, koju tebi drago.

Секулъ вызываетъ дочерей Султана „на росистый лугъ“, схватываетъ самую красивую изъ нихъ, сажаетъ на коня позади себя и быстрѣй вѣтра мчится съ ней изъ Стамбула. Старшая дочь султана сама бѣжитъ

за Секуломъ, желая быть хотя его рабыней въ Сибинѣ. Достигнувъ городскихъ воротъ, Секулъ избилъ стоявшую тамъ стражу и выѣхалъ изъ города. Въ Стамбулѣ поднялся шумъ, тревога; малый и большой, 100 тыс. конницы и несмѣтное число пѣхоты погнались за Секуломъ. Секулъ бѣжитъ „на ровное поле Кіево“, „на Кіево-высокую планину“. Тамъ въ горныхъ тѣснинахъ онъ встрѣчаетъ своего дядю Янка, пришедшаго съ войскомъ противъ турокъ. Янко убѣждаетъ Секула ѣхать въ Сибинь съ дочерью султана, а самъ вступаетъ въ бой съ турками, разбиваетъ турецкое войско „на томъ ровномъ полѣ Кіевѣ“ и преслѣдуетъ его до самаго Стамбула Возвратившись въ Сибинь, Янко привѣтствуетъ Секула:

Al aferim, moj sestric'u dragi!
Al aferim, ko te i rodio.
Tako su ti i stari cinili,
Spomen jesi i ti ostavio,
A na svjetu, dokle je svijeta.
Vazda c'es se sjominati, sinko.

Въ сокращенномъ вар. Стоилова (Сборн отъ български нар. умотвор. № 11 София 1895 г.) „Секула дѣтенце и царь Сулиманъ“ Секула представленъ внукомъ Марка Кралевича; царь Солиманъ предлагаетъ Секулѣ руку своей дочери Зуберы и наслѣдованіе престола:

Слушаі вамо, Секула детенце,
Кье те права чирак на столника,
Кье ти дада моіа мила кьерка.

Секулъ отвѣчаетъ обратнымъ предложеніемъ султану руки своей сестры Ангелины, королевства, если Солиманъ приметъ христіанство.

Въ вар. Милутиновича (Пѣванія црногорска и херцеговачка № 156) нѣтъ двухъ подробностей вар. Матицы Хорватской: сраженія на Кіевомъ полѣ и описанія впечатлѣнія, производимаго Секуломъ на турецкихъ женщинъ.

На нѣкоторыхъ чертахъ и подробностяхъ изложенныхъ южно-слав. пѣсенъ намъ нужно остановиться ранѣе выясненія отношенія ихъ къ малорусской думѣ про Байду.

1. Султанъ Сулиманъ или Солиманъ, повидимому, Солиманъ или Сулейманъ „Великій“ или „Великолѣпный“, прославившійся своими военными подвигами въ особенности въ Венгріи, овладѣвшій Бѣлградомъ въ 1521 г., разбившій венгровъ при Могачѣ въ 1526 г, овладѣвшій Пештомъ въ томъ же году и осаждавшій Вѣну въ 1529 г. Угрозы Султана въ пѣсняхъ итти къ Сибиню отражаютъ, конечно, общій характеръ враждебныхъ отношеній Солимана къ Венграмъ.

2. Воевода Янко есть знаменитый Янъ Гунади, переведенный въ эпосѣ изъ XV вѣка (1400—1456 г.) въ XVI-ый

3. Секулъ v. Секула—герои цикла пѣсенъ про Яна Гунади Измѣненіемъ соб им *Секулъ*, осложненнаго суффиксомъ *ов-ич-*, объясняется имя героя *Кулевичъ* банъ, даваемаго Секулу болгарск. вариантомъ соотв. сербскихъ пѣсенъ Въ *Секулѣ* пѣсенъ видятъ племянника Яна Гунади бана Ивана Селеки, принимавшаго участіе въ битвѣ венгровъ съ турками на Косовомъ полѣ въ 1448 году Но само по себѣ соб. имя *Секулъ* или *Секула* означаетъ происхожденіе отъ *Секулосъ*, *Шкипетаровъ* v. *Секлеровъ* [1]). секульски, секлерски, шкипетарски Упрочение въ южно-слав. эпосѣ имени героя на основаніи его происхожденія напоминаетъ имя Муровца, Муромца, Мравленина, Бравленина въ рус эпосѣ, какъ прозвища Ильи.

4. Градъ Кулево есть метонимическое образованіе отъ Кулевичъ т е. Секуловичъ, Секулъ Аналогичныхъ образованій много: градъ Арватъ отъ сл. Арватскъ градъ, Арбанашъ отъ Арбанашка земля (Сборникъ за нар умотвор. X, стр 82, 86, 94 Отд. пѣсень), градъ Муромъ, Моровъ въ рус эпосѣ, и др.

5. Описаніе впечатлѣнія производимаго красотой Секула на турецкихъ женщинъ Стамбула и особенно на дочерей султана-эпическій пріемъ, заимствованный сербскимъ эпосомъ новѣйшему изъ болѣе древняго традиціоннаго творчества: онъ встрѣчается въ в-русскихъ былинахъ, описывающихъ аналогичными чертами появленіе красавцевъ Чурилы и Дуная въ Кіевѣ:

Поѣхалъ Чуривушко по городу по Кіеву,
Заглядѣлись на Чурилу всѣ люди—тѣ;
Гдѣ дѣвушки глядятъ,—заборы трещатъ,
Гдѣ молодушки глядятъ,—лишь окоченки звенятъ,
Гдѣ стары глядятъ,—манатьи на сѣ дерутъ.
Кирѣевск IV 2, 87

Нѣтъ молодцовъ походкой, поступкой
Противъ Чурилища Опленковича:
Идетъ-то Чурилище по Кіеву,
Дѣвки-бабы въ окошка по поясу бросаются
(Рыбн I. 195)

Ходитъ щапилъ (Чурило по городу по Кіеву,)
Красныя тѣ дѣвки вѣтъ стекла рвутъ,
Смотрючись на Чурилову на красоту,

[1]) Секулы мн ч, Секутъ ед ч.—племя мадьяръ, живущее на восточ Карпатскихъ горъ въ Седмиградіи, пользующееся особыми привилегіями и прежде употреблявшееся для охраненія границъ

На его ли на дороднее дородинство,
Молоды молодьи въ голенища с. тъ,
Старыя старухи вѣдь клюки тѣ грызутъ,
Смотрючись да на Чурилову на красоту
На его ли на дороднее дородинство.

Гильферд № 309

Ише (Дунаи съ товарищемъ) шли оны по городу по Кіеву
Дѣвки, жонки по плечь въ окно металися,
„Ише гдѣ эдаки молодцы да спорожалися?“

(Кар. III, стр 63)

Акад А. Н. Веселовскій отмѣтилъ сходныя черты въ греч романѣ Ѳедора Продрома въ описаніи впечатлѣнія производимаго красотой Досиклея. (Южно-рус. был II, 101).

Ср. двѣ лирическія великорусскія пѣсни про Мигача у Соболевскаго В. н п. VII, № 202—203.

Сравненіе русскаго и сербскаго описаній впечатлѣнія, производимаго красотой героя на женщинъ, оказывается не въ пользу перваго: сербскія описанія кокетства султанскихъ дочерей изящнѣе, граціознѣе русскихъ, на которымъ лежитъ печать пошлости и грубости, илитого, что акад Веселовскій назвалъ „деревенскимъ шаржемъ“ (Южнорус. был. II, 68).

6. Кіево равно поле, Кіево высокая планина, о которыхъ упоминаетъ варіантъ Матицы Хорватской есть unicum южно-славянскаго эпоса. Село Кіево теперь находится къ западу отъ Косова поля: но о немъ не упоминается ни въ историческихъ памятникахъ, ни въ пѣсняхъ, относящихся къ эпохѣ борьбы Гуніада съ турками и къ битвѣ на Косовомъ полѣ 1448 г Не взято ли собств имя *Кіево* изъ книжнаго источника, развивавшаго мотивъ побѣдоносной борьбы христіанъ съ невѣрными, изъ апокрифическаго сказанія объ императорѣ Михаилѣ, сраженіи его съ невѣрными и побѣдѣ надъ ними при „Кіевѣ столденцѣ“, входящаго въ содержаніе „Видѣнія Даніила“.? Проф Истринъ не отвергаетъ факта распространенія этого апокрифа у южныхъ-славянъ. „Повидимому, „Видѣніе Даніила“, говоритъ онъ: было менѣе распространено у южныхъ славянъ, чѣмъ „Откровеніе Меѳодія“ (Видѣніе Даніила 328). Вотъ мѣсто Видѣнія, подходящее къ хорватской пѣснѣ о сраженіи Яна Гуніади на „Кіевомъ ровномъ полѣ“:

А се тлькованіе Даніилово.

. . . . Вьстанеть Михаиль каганъ вь бльгарѣхь. нѣс же дано црство бльгаромь нь по насилію прѣіеше. тогда вьстанеть братъ на брата и градь на градь. землѣ на землю. Семеонь дрьжить л. лѣт а по немь Петрь.

и вьстаноут по сихъ вѣ. цара. и начноуть рещи азь іесьмь а дроугы азь іесьмь ти бо соуть мчтелиіе. и вьзмоуть се вон. срѣдѣ земле. вь славнѣ градьѣ име имь роусые брады. и съразеть се и пролѣютъ крьвь многоу. и будеть метежь великь и вьстанеть црь ѿ слоуи'ча грда вь іегры и придеть с ними и прѣиметь в'се грады и вьземлють вь нихь злага и саньникы съставлае. и оумреть з лѣт и лежить до того жде года. по бжию повелѣнию. и вьстанеть из гроба іако спавь и породить се юношею. класынъ ѡкомь іего же иметь іако мрьтва. томоу бо іесть дрьжати цр'ство лг. лѣт име іему Михаиль. ть вьстанеть ѿслоунча града. и поидеть іедно на десето лѣто. и посіеть богь ід'ного англа. вьзбоудити іего и речет іемоу вьстани! тобѣ дасть богь црствовати всѣми языкы коудѣ же слоунце обьдрьжит. и вьсѣдь на конь.... поидеть..къ римоу. и не ѿврьзеть се іемоу. нь нач'ноутъ глаголати: ѡнь се льстьць ходить и ѡнь вьдарить вь капице мѣдѣное и скроушить се іако прахь и вьнидеть вь градь. и сьнидоуть се патріярси. іепископи. и дііаци и книгы слагающе. прѣти же се вьчноуть ѡ вѣньць и изьидь днякь прость прѣприть іеи начнеть глаголати: се іесть ц'рь и вьзьмьше книгы вьдареть и лежить г. дн'и мрьтьвь. и вьставь идеть вь цр'квь петрову иде же лежить вѣньць и порфира въ гробѣ скрьвено и бжіемь повелѣніемь ѿврьзеть се гробь и вьзметь рече ложьноую порьфироу и вьзметь скифетрь ц'рьскы на главоу и видѣвьше римлане великоую яростъ іего начноуть же злато сыпати. бича стоіеща и копія стоіеща начноуть врѣтища класти и поидетъ из рима и. моужи и. товар' идеть же на южноу страноу главьнице и оукротить русые брады. и вьстанетъ в. моучителѣ ѿ вьстока и спрьвымь срѣщеть се на ѡв'чи поли изьбиіеть скопьски воіе. *на кіевъ стоудеици* тоуже вьзвратитьсе и тоу пакы приде двѣ чести из'маньтѣнь и поплѣнить всоу землю бльгарскую и шьдь кагань съставить іе на срѣдьци и тоу створитъ сѣча два и речетъ оубо іа нѣоставите тоу плѣнь, идѣте же домомь. и начноуть глаголати измаильте. не да имь мы нь биіемь се и тоу створеть разбой великъ и іесть же тоу студенць двоіа врата имы и боудеть пролитіе крьви мнозѣ. яко оутоноути оу крьви ж'дрѣбьцоу трилѣтьноу. и тоу оудолѣють іемоу іегры избиютъ іемоу воіе а самъ оубѣжить вь вельблоужьдь и тоу пакы сбереть сироты и попе и дііакы и мніхы вь витоши горѣ идѣже соуть сьбрани мнози светіи ѡ всѣхь земль. и поидоутъ сь кресты на измаила, патріарьхь поидеть прѣдь ними. нач'ноуть боіати се іегры и ѿмоутъ плѣнь. и вьселитьсе кагань въ солоунь. гі лѣт. придоутъ іегры сь силою всею на солоунъ. и третія честь останетъ на крьщенніе. поніеже любить господь изьмаила. и даіе іемоу силоу и изидоуть солоунане на іегры изьбьють іе. и ижделоуть ор жия г. лѣтъ и боудоутъ лѣта

добра въ того царя и будетъ жизнь. іакоже не была николиже ни имать быти. (Споменик. V стр 12—13).

Возвращаемся теперь къ вопросу объ отношеніи разсмотрѣнныхъ южно-славянскихъ пѣсенъ о Секулѣ къ малорусской думѣ про Байду Основной мотивъ этихъ пѣсенъ одинъ общій имъ всѣмъ—о подвигѣ христіанскаго героя, прославившаго христіанскую вѣру, унизившаго исламъ и турокъ отказомъ отъ богатства, чести и славы, предлагавшихся самимъ турецкимъ султаномъ Въ южной Россіи и Польшѣ этотъ мотивъ, въ пріуроченіи къ Вишневецкому, былъ занесенъ въ книжную повѣствовательную литературу въ XVI—XVII в. (См. разсказы Трембецкаго и Несецкаго о пѣнѣ Вишневецкаго у турокъ и его казни. Антоновичъ и Драгомановъ стр. 153—154).

И въ подробностяхъ изложенія этого мотива южно-слав пѣсни про Секула и мрус дума про Банду во многихъ отношеніяхъ совпадаютъ Въ обѣихъ группахъ пѣсенъ говорится о появленіи героя въ Царьградѣ, питьѣ вина, о предложеніяхъ со стороны султана власти, богатства, руки дочери за перемѣну вѣры и переходъ на службу султана, объ отказѣ героя отъ всѣхъ этихъ предложеній, о прямомъ или косвенномъ порицаніи ислама и султана, гнѣвѣ послѣдняго, приказаніи казнить героя и о мести со стороны послѣдняго султану и туркамъ. За указанными чертами сходства есть и разница между обѣими группами произведеній

Содержаніе южно-славянскихъ пѣсень отличается стройностью, полнотой, эпической плавностью, обиліемъ подробностей, мотивирующихъ отдѣльные детали содержанія и послѣдовательностью изложенія Малорусская дума излагаетъ свой основной мотивъ сухо, коротко, схематически, въ началѣ даже не ясно мотивируя детали содержанія Въ общемъ она производитъ впечатлѣніе укороченной передачи содержанія какого-то образца, при чемъ при этой передачѣ содержанія утерялась опредѣленность показаній оригинала: мрусская дума не знаетъ имени султана и собственное имя героя замѣнила нарицательнымъ названіемъ гуляки и лѣнтяя—„Байда“. Не произошла ли эта послѣдняя замѣна подъ вліяніемъ сказки о Балдѣ, говорившей о поѣздкѣ героя въ Царьградъ и о посрамленіи турецкаго султана? Эта сказка излагаетъ сюжетъ частію былинъ про Вольгу, частію былинъ про Васильа пьяницу, а частію книжныхъ сказаній про Соломона; религіозная тенденція въ ней совершенно отсутствуетъ. Содержаніе ея состоитъ въ слѣдующемъ. Князь Владимиръ на пиру спрашиваетъ у своихъ богатырей, кто бы изъ нихъ могъ съѣздить къ турецкому султану увести у него златогриваго коня, убить кота-бахаря и самому султану въ глаза наплевать. По совѣту дочери Владимира избирается для поѣздки въ Царьградъ

семилѣтній богатырь Ба-дакъ Борисовичъ Балдакъ ѣдетъ къ султану, уводитъ его коня, убиваетъ кога-бахаря, плюетъ въ глаза султану, рубитъ, вяжетъ и выжигаетъ садъ султана и пишетъ невинности его дочерей Султанъ отдастъ приказъ повѣсить Ба дака Передъ висѣлицей Балдакъ проситъ позволенія поиграть въ рожокъ На звукъ рожка прибѣгаютъ товарищи Ба дака, избиваютъ турокъ и освобождаютъ его Ба дакъ отдастъ приказъ повѣсить самого султана, дочь его и нашу—любимца султана (Аѳанасьевъ Рус. нар сказки кн. 6). Съ именами *Балдакъ—Балда* сравн литовскія слова: *Balda*—хожденіе безъ цѣли, гуляніе и *Baldùti*—портить, сдѣлать изъ хорошаго худымъ (Литовскій словарь Юшкевича).

Одна подробность малорусской думы остается принадлежностью только малорусскихъ варіантовъ даннаго сюжета, именно —повѣшеніе героя на крюкъ за ребро Эта подробность обязана своимъ происхожденіемъ дѣйствительнымъ историческимъ событіямъ эпохи войнъ казаковъ съ султаномъ Селимомъ II, можетъ быть, даже дѣйствительному факту страдальческой кончины князя Дмитрія Вишневецкаго (Антоновичъ-Драгомановъ Историческія пѣсни мр. нар. стр 159)

При несомнѣнно традиціонной основѣ главнаго своего сюжета малорусская дума про Байду и изложенныя южно-славянскія пѣсни про Секула въ Царьградѣ стоятъ между собой въ болѣе тѣсной связи, чѣмъ съ великорусской сказкой про Ба дака: кромѣ многихъ чертъ содержанія ихъ сближаетъ идея борьбы съ турками за религіозные и національные идеалы Дума про Байду и пѣсни про Секулу, очевидно, сложились въ средѣ проникнутой одинаковыми поэтическими и морально-религіозными идеалами и приблизительно въ одно время. Такой средой было казачество у насъ и гайдучество и ускочество у южныхъ славянъ, а время—XVI—XVII вѣка, эпоха народной борьбы съ турками за вѣру и народность. Взаимодѣйствіе между казаками и южными славянами несомнѣнно существовало: южно-славянскихъ выходцевъ было много среди казаковъ; съ другой стороны, и казаки принимали участіе въ военныхъ операціяхъ южныхъ славянъ (о казакахъ въ отрядахъ Новака Дебелаго и Михаила Влахозаплапинскаго см у Ранча, Исторія IV, 5—55) На почвѣ этихъ близкихъ отношеній возникли какъ данный, такъ и многіе другіе факты сходства мотивовъ и образовъ поэзіи южно-славянской и малорусской. Вѣроятность этого предположенія можно усилить тѣмъ обстоятельствомъ, что размѣръ думы про Байду въ нѣкоторыхъ стихахъ тождественъ съ южно-славянскимъ десятисложнымъ эпическимъ метромъ 4—6.

Та чи будеш мені вірнесенькій.
Царь турецкій к нему присилае.
Будеш паном на всю Вкранночку.
Твоя, царю, віра проклятая.
Ой крикнув царь на свои гайдуки.
Та на свого цюру споглядае
Та на свого цюру молодого,
И на свого коня вороного.
Було Байды голову ізтяти и друг.

М. Халанскій.

Спирантъ v въ словянскихъ языкахъ.

Спирантъ v, какъ извѣстно, по своей физіологической природѣ можетъ быть двоякаго характера: рядомъ съ губно-зубнымъ спирантомъ, образующимся приближеніемъ нижней губы къ зубамъ (v), существуетъ чисто-губной шумный, артикулируемый сближеніемъ обѣихъ губъ (w).

Этотъ послѣдній губной согласный w документируется, какъ данными словянской діалектологіи, такъ и нѣкоторыми фонетическими процессами, имѣвшими мѣсто въ исторіи отдѣльныхъ словянскихъ языковъ. Въ сравнительно недавнее время А. И. Беличъ отмѣтилъ явленія, указывающія на w, въ сербскомъ языкѣ (рецензія на грамматику сербо-хорватскаго языка Маретича, отдѣльный оттискъ 10, 21, 22 с с.) Еще раньше въ 1896 г. касаясь этого вопроса въ своихъ „Македонскихъ этюдахъ“ покойный Облакъ

Наконецъ, въ послѣдней книжкѣ „Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности“ (VIII т 2 кн. 325 и сл.) находимъ рядъ интересныхъ и цѣнныхъ соображеній по вопросу о спирантѣ v въ словянскихъ языкахъ А. А. Шахматова. Указанія на извѣстность словянскимъ языкамъ въ большихъ или меньшихъ предѣлахъ губного спиранта w рядомъ съ губно-зубнымъ v являются безспорными. Остается лишь вопросъ, въ какихъ именно предѣлахъ эти указанія должны быть приняты, и какія именно явленія въ фонетикѣ словянскихъ языковъ должны быть сюда относимы. Не претендуя на полноту обзора, какъ и на полноту библіографическихъ указаній, имѣю въ виду лишь высказать здѣсь по поводу поставленныхъ выше вопросовъ нѣсколько соображеній, явившихся при чтеніи статьи А. А. Шахматова.

Изъ этой статьи, какъ ближайшаго повода къ возникновенію настоящей замѣтки, и буду исходить въ своемъ изложеніи.

Основное положеніе А. А. Шахматова заключается въ томъ, что по отношенію къ спиранту v словянскіе языки дѣлятся на двѣ группы: въ южнословянскихъ языкахъ и русскомъ А. А. Шахматовъ находитъ рядъ указаній на чисто губной спирантъ w, тогда какъ западно-словянскіе языки указываютъ на губно-зубное v.

1) Современныя сербскія звуковыя группы цави— сави - завр—,болгарскія цвят—,съви, средне-болгарскія цьві—,дьвр- ,сьві изъ первоначальныхъ цвьт,—свьи—,дьвр. свьт— А. А Шахматовъ возводитъ непосредственно къ cvt—,svn,- -dvr' въ виду выпаденія ъ, ь несложовыхъ v становилось слоговымъ и позже выдѣляю ъ, становясь само несложовымъ. Между тѣмъ, въ чешскомъ языкѣ kvьi дало kti, svьi sti, zvьi zvi Различіе между южно-словянскими и зап.-словянскими языками заключалось въ томъ, что въ первыхъ v было способно къ вокализаціи, а во вторыхъ-нѣтъ Эту способность v вокализироваться А. А. Шахматовъ склоненъ объяснять чисто губнымъ произношеніемъ v (328 стр.)

2) Извѣстно различіе, представляемое западнословянскими языками съ одной стороны и южнословянскими и русскимъ съ другой по отношенію къ судьбѣ первоначальныхъ группъ kv, gv въ положеніи предъ ѣ: ср. р и южнослов. цв, зв (изъ dzv) и зап.-слов. kv, gv

Это различіе А. А Шахматовъ остроумно объясняетъ предположеніемъ, что въ южнословянскихъ и русскихъ говорахъ общеславянскаго языка—kv, gv было съ чистогубнымъ w, а въ зап.-словянскихъ говорахъ съ губнозубнымъ v: kwo (изъ kwoi), gwo и kvo, gvo; губнозубное v не передавало смягченія предшествующему согласному, тогда—какъ w измѣнялось въ u,—группа kwo—давало kuo, а u само собою смягчало предшествующее k, g. Предположеніе, что v не смягчилось предъ o въ однихъ діалектахъ, тогда какъ въ другихъ смягчилось, кажется А. А. Шахматову ошибочнымъ. „такъ какъ врядъ ли вообще возможно допустить смягченіе гортанныхъ предъ мягкой или полумягкой согласной: ср. сочетанія kr, kl, gl, gr, kn, gn, предъ k, i, e, ѣ“... . (327 стр).

3) Далѣе А. А. Шахматовъ отмѣчаетъ переходъ vь, vь въ u въ сербскомъ и болгарскомъ (у име, унук), въ говорахъ малорусскихъ, бѣлорусскихъ и нѣкоторыхъ сѣверно-великорусскихъ: 4) чистогубное произношеніе v въ западномъ нарѣчіи словинскаго языка; сѣверно-великорусское овторникъ, ю.-великорусское авторникъ (331 стр.), бѣлор. аторакъ, авторникъ. авчера, малорусское івторок, «указывающее на івторок» (ов, ав изъ ув т. е. uu ср. малорос и бѣлорус увесь, увошь, увздѣть, увзышдешь); 5) часто встрѣчающееся въ древне русскихъ памятникахъ написаніе всь, объясняющееся тѣмъ, что в произносилось въ языкѣ писца, какъ несложовое у; 6) устойчивость ъ послѣ в въ древне-русскихъ памятникахъ; написаніе ьв вм вь въ тѣхъ же памятникахъ, параллельное сходнымъ написаніямъ сербскихъ и болгарскихъ памятниковъ; 7) древне-русскія формы иванове, труфанове и т. п (въ двинскихъ грамотахъ) изъ *petrowъ, trufanowъ съ нефонетически явившимся на слоговомъ w ударѣніемъ; 8) ви изъ вь со слоговымъ w и несложовымъ ь въ малорусскомъ,

бѣлорусскомъ и южновеликорусскихъ говорахъ: въ малорусс дзвинити изъ zwьneti, бѣлорус цвисти, цвиту, смоленскія звиѣть, твигеть (тогда какъ по правилу предъ ударяемымъ слогомъ съ ѣ, е стоитъ я на мѣстѣ е, ѣ, я: тяперь, на зямлѣ и т. п.)

Всѣ ли указанныя А. А. Шахматовымъ явленія доказываютъ его основное положеніе?

По отношенію къ объясненію различной судьбы группъ kv, gv+e въ зап.-словянскихъ, южнословянскихъ и русскомъ языкахъ отвѣтъ врядъ ли можетъ быть данъ утвердительный

А. А. Шахматовъ объясняетъ смягченіе k, g чистогубнымъ характеромъ v (w, u̯): зубно-губное v не передаетъ смягченія предшествующему небному, какъ не передаетъ его смягченный согласный l напр. въ р клѣтка и klatka. Между тѣмъ наблюденіе надъ произношеніемъ группъ kv, kl+смягч гласный въ современномъ польскомъ языкѣ заставляетъ усумниться въ вѣрности соображенія А. А. Шахматова: въ современномъ польскомъ языкѣ v—губнозубное (ср Rozwadowski Mat. i prace Komissyi jezykowej I 1, 111 с) и съ точки зрѣнія А. А. Шахматова всегда было таковымъ, между тѣмъ въ современномъ польскомъ произношеніи слышится ясно k' въ словѣ k'v'at, g'—въ словѣ g'v'azda, ch' въ словѣ ch'v'ila, тогда какъ напримѣръ въ klatka-k твердое, ') т. е. губнозубное v' передаетъ предыдущему k, g, ch смягченіе, тогда какъ его не передаетъ сонорное l. Современное польское k'v'at, g'v'azda при klatka даетъ намъ возможность понять отношеніе русскаго цвѣтъ, звѣзда и клѣтка и соотвѣтствующихъ южнословянскихъ формъ, не прибѣгая къ мысли о чистогубномъ w, измѣнившемся въ u̯ предъ o: между тѣмъ именно противоположность формъ клѣтка и цвѣтъ вызвала у А. А Шахматова мысль объ w въ группѣ ~ kvo.

Вѣроятно, сохраненіе группы kv, gv или смягченіе ея въ cv, dzv завис̀ѣло отъ того, какъ тѣсно примыкалъ спирантъ v къ предшествующему k, g, а не отъ природы этого v. Прибавимъ, что, еслибы р. и южнослов. цвѣ, звѣ—и указывало бы на kwo, gwo, то это еще не поддерживало бы мысли о томъ, что южнословянскіе и русскій языки знали вообще w, а не v, такъ-какъ въ данномъ случаѣ w могло бы явиться подъ вліяніемъ слѣдующаго o.

Сильныя сомнѣнія возникаютъ и по отношенію къ сѣв.-великор. авторникъ, ю.-в. р. авторникъ, бѣлор ауторокъ, авторникъ и малороссійск. вівторок. Сочетаніе ов, ав А. А. Шахматовъ выводитъ изъ ув. т. е. изъ u̯u̯. Насколько естественно и вѣроятно измѣненіе слогового w въ u̯, настолько же искусственнымъ и невѣроятнымъ представляется выведеніе формъ овторок, авторок чрезъ посредство u̯u̯ (путемъ диссимиляціи) изъ

w слогового. Непонятно, почему это w, обычно измѣнявшееся въ малорусскомъ въ у, даетъ въ одномъ случаѣ iв (івторок), а въ бѣлорусскомъ ав: авторник, почему не находимъ въ бѣлор. какого нибудь ався, авдова, но уся, удова. А. А. Шахматовъ, выводя ав изъ w, долженъ былъ во всякомъ случаѣ выяснить *условія, въ какихъ w давало и, въ какихъ —aw*. Между тѣмъ всѣ эти явленія допускаютъ иное, болѣе естественное, объясненіе: сѣв.-великор. овторник явилось вслѣдствіе неправильнаго дѣленія сочетанія во вторникъ (в—овторник: в—четвергъ и т. д.) [1]) южновеликор. авторник—та-же форма съ аканіемъ, то же въ бѣлорусск. аторок, авторник—у Носовича: ср. тамъ же арганъ, ажина, ачкуръ (малорос. очкуръ). Точно также въ бѣлорусскомъ авчера (Studien Огоновскаго) начальное а представляетъ скорѣе остатокъ какого либо соединенія или же явленіе аналогическаго происхожденія, чѣмъ фонетическое. Малор. івтóрок представляетъ форму нарѣчія, образовавшуюся изъ сліянія предлога *въ* и асс. s. второкъ; если эта форма нарѣчія употребляется гдѣ либо рядомъ съ уторокъ въ значеніи им. п. ед. ч. существительнаго, то такое значеніе ея, вѣроятно, вторичное Въ формѣ івторокъ і явилось на мѣстѣ ъ путемъ нефонетическимъ. Извѣстно, что въ малор. находимъ і не только на мѣстѣ о въ закрытомъ слогѣ, но и на мѣстѣ первоначальнаго ъ: ср. кірт, ріт, ліб, івк при пэс, дэнь, лоб, рот и т д (А. А. Шахматова „Къ исторіи звуковъ 112 и слѣд.): эти новообразованія явились тамъ, гдѣ при gen. s. рта, лба подъ вліяніемъ nom. s. рот, лоб явились ф. ф. gen s. рóта. лóба (ніс : носа=x : лоба, откуда x=лб), такія новообразованія съ і на мѣстѣ первоначальнаго ъ находимъ и въ предлогахъ: ср. візьме вм. возьме, розірвати, розібрати; подъ вліяніемъ долготы въ предлогѣ под, от (‿вод—мене) могла явиться долгота и въ воз (візьме), во съ о изъ ъ, въ виду чего і въ формѣ івторокъ не можетъ считаться необъяснимымъ. Предполагаемое А А. Шахматовымъ ув изъ w не можетъ быть доказано приводимыми имъ формами *увесь, увошь, увздъхъ, увзыйдешь: увесь, увошь* есть форма им. п. *весь, вошь*, подвергшаяся вліянію косвенныхъ падежей *усего, уши* и т. п. изъ wьsego, wьsi; точно такъ-же формы, какъ *увздъхъ* мало убѣдительны: ихъ происхожденіе путемъ контаминаціи врядъ ли не вѣроятнѣе, чѣмъ фонетическое: uzdeti изъ *wьz—deti и wozdeti изъ wъzъ—deti. На сомнѣнія наводитъ и объясненіе А. А. Шахматовымъ формъ двинскихъ грамотъ, какъ „иванове“: слоговое w

[1]) Мои наблюденія надъ литературнымъ выговоромъ поляковъ подтверждаетъ краковскій лингвистъ проф. Розвадовскій, которому приношу за любезное сообщеніе своего наблюденія сердечную благодарность: въ Галиціи произносятъ „k'f'at, g'v'azda. ch v ila, но klatka“.

[1]) Вереду. вовторник=среду: x, откуда x=овторник

подъ ударенiемъ перешло бы въ y: форма iwanowъ да ia бы иваноу. Бѣлорус. форма цвисти не должна удивлять: это старая форма infinitiva при настоящемъ цвьтѫ, ср. чьтѫ—чисти; подъ вліяніемъ цвисти явилось и цвиту. Если исключить изъ аргументаціи А. А Шахматова разсмотрѣнные факты, то мысль, что говоры праславянскаго языка, изъ которыхъ развились южно-славянскіе и русскій языки, знали w чисто губное, все же остается вполнѣ вѣрной: ее поддерживаетъ цѣлый рядъ фактовъ. Является лишь вопросъ, дѣйствительно ли всѣ западно-славянскіе языки можно противопоставить южно-славянскимъ и русскому, какъ незнавшіе w чисто-губного Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, сдѣлаемъ обзоръ всѣхъ явленій южно-славянскихъ языковъ и русскаго, которыя можно поставить въ связь съ чисто-губнымъ произношеніемъ въ нихъ v, и затѣмъ посмотримъ, не встрѣчаются ли нѣкоторыя изъ этихъ явленій въ области западно-славянскихъ языковъ.

Прямыя указанія на w представляютъ языки сербскій, болгарскій, словинскій. Въ большинствѣ современныхъ сербскихъ говоровъ въ настоящее время находимъ губно-зубное v. Однако въ восточной Сербіи, по свидѣтельству А. И. Белича, до сихъ поръ сохранилось чисто-губное w притомъ съ пассивной артикуляціей губы, сближаясь, не образуютъ полнаго затвора, и звукъ, произносимый такимъ образомъ, производитъ акустическое впечатлѣніе u: naprauі, urba, cruiua, kru и т. п. [1]).

Провести точную границу между артикуляціей w и u, какъ извѣстно, вообще нельзя. Въ сѣверо восточныхъ говорахъ Болгаріи проф. Милетичъ датируетъ не только uoda, uol, но (въ говорахъ Разградскомъ и Шуменскомъ): uraŧa, ureme, ucera, въ говорѣ Эркечь: dua, kakua, zdrâu [2]).

Въ верхнекраинскомъ нарѣчіи словинскаго языка v всюду выговаривается билабіально,—какъ u.

Что касается русскаго языка, то можно отмѣтить чисто-губную артикуляцію v,—напр.—въ угро-русскомъ говорѣ села Убли: duoch, korbua, usytkoi, chuora, duêri (при dvêri, vody, novoho) [3]). Рядомъ съ этими прямыми указаніями южнословянскіе языки представляютъ рядъ явленій, которыя то съ большей, то съ меньшей увѣренностью могутъ также быть поняты, какъ указанія на чисто-губное произношеніе v.

---

[1]) Пользуюсь любезно присланными А И. Беличемъ чистыми листами его печатающейся въ настоящее время работы „Дијалекти источне и јужне Србије“.

[2]) „Das Ostbulgarische“ Schriften der Balkancommission. Linguistische Abtheilung 1903 г. 82, 89, 155 с. с

[3]) „Изслѣдованія по русскому языку“ Изданіе Имп. Акад. Наукъ II т 1 выпускъ, 76 и слѣд

О переходѣ vъ, vь въ u въ сербскомъ, болгарскомъ, въ говорахъ малорусскихъ, бѣлорусскихъ и нѣкоторыхъ сѣверно-великорусскихъ говоритъ А. А. Шахматовъ.

Въ сербскомъ языкѣ, а также въ области болгарскаго языка въ извѣстныхъ случаяхъ наблюдается полное исчезновеніе стараго спиранта v. Въ сербскомъ языкѣ, въ говорахъ и въ памятникахъ,-находимъ такіе примѣры, какъ ладати=владати, ласи-власи, одовальа=водовальа, учац=вучац [1]), въ словинскомъ ladati [2]).

Исчезновеніе въ этихъ случаяхъ, какъ и въ положеніи предъ плавными и спирантами, v—А. И. Беличъ объясняетъ измѣненіемъ v въ w; [3]) но самое появленіе w на мѣстѣ v, конечно, могло бы быть объясняемо вліяніемъ слѣдующаго o, u, l, первоначально небнаго (l, произносившагося съ губнымъ округленіемъ); слѣдовательно эти примѣры не могутъ еще имѣть доказательнаго значенія. Однако нельзя того же сказать относительно такихъ сербскихъ фактовъ, какъ испральу—исправльу, устальам—уставльам, гдѣ l было искони смягченнымъ.

Нельзя того же сказать и относительно тѣхъ случаевъ, когда v исчезло между гласными, не всегда родственными съ v по образованію.

Въ дебрскомъ говорѣ (Македонія) Облакъ отмѣтилъ ćoek, goedo, glaa-ta, sonoi, d'enoi, ognoi и т. п. (Maced. Stud 76 c) Важно отмѣтить, что въ тѣхъ же говорахъ, изъ которыхъ Облакъ взялъ свои примѣры, находимъ другія указанія на чисто-губное w: въ говорѣ села Обоки, гдѣ—ćoek, goedo, ognoi и т. д.—„u Solun“, „cutet“ съ сочетаніемъ cut изъ cvьt (cwь-cw-cu) Maced. Stud 17 c. Весьма, поэтому, вѣроятна мысль Облака ib. 18 c., что это исчезновеніе v между гласными основано на произношеніи его, какъ w [4]).Только Облакъ склоненъ былъ объяснять это w вліяніемъ сосѣдняго o и поэтому удивлялся, что „губно-зубное v и предъ ясными e, i, измѣнилось въ w“. [5]) Между тѣмъ нѣтъ ничего удивительнаго въ данномъ явленіи, если признавать w первоначальнымъ произношеніемъ v въ этихъ говорахъ, на что указываетъ „u Solun, cut-“. Такіе примѣры, какъ glaa-ta, не могутъ быть поняты иначе, какъ при предположеніи чисто-губного произношенія v, первоначально во всѣхъ положеніяхъ. Сходные примѣры находимъ въ Охридскомъ говорѣ: чоек, глаа, напрает [6]). Въ словинскомъ языкѣ Облакъ же отмѣчаетъ: gwaa при gwabe (dat. s.)—въ Гайльтальскомъ

---

[1]) Ср у Белича въ рецензіи на серб.-хорв. грамматику Маретича.
[2]) Флоринскій Лекціи I 431 c
[3]) Рецензія на грамм. Маретича 21 c.
[4]) „Auch der im Bulgarischen weit verbreitete Schwund des intervocalischen v beruht wahrscheinlich auf der Aussprache des v, als w“
[5]) ibid 75 c.
[6]) Сборникъ за нар. умотвор. XVI—XVII т II ч (материалы) 343 c.

говорѣ Maced. Stud. 75 с. Тоже находимъ въ русскомъ языкѣ, въ великорусскихъ и нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ говорахъ, но здѣсь исчезновеніе v ограничено положеніемъ предъ гласнымъ у, и потому w можетъ быть объяснено вліяніемъ этого у: Дѣулино, Кріуха, Лѣушино, Плоушино (А. И. Соболевскій „Лекціи по исторіи русс. яз.“ 3 изд. 140 с.): ср. въ угорусскомъ говорѣ села Убли: kõrõ[u]û-съ u, исчезающимъ въ обычной рѣчи и выступающимъ лишь при медленномъ темпѣ.

Обратимся къ примѣрамъ пропуска v въ группѣ согласныхъ. Извѣстна двойственность судьбы группы вс-въ сербскомъ языкѣ: она даетъ или съ перестановкой группу св-:свего, свему и т. д., сваки въ штокавщинѣ. или же съ отпаденіемъ в-с: se, saki въ чакавщинѣ; ср. sa въ кайкавскихъ говорахъ [1]). Таже двойственность въ болгарскомъ: ср. въ македонскихъ говорахъ: сѣъде [2]), се=все [3]), секој [4]), сака [5]): въ восточныхъ говорахъ: сичьи (сичкуту Ловча [6]), съ другой стороны све, сви напр. въ дебрскомъ говорѣ (Македонія) [7]), или въ Кюстендилѣ (сеф, указывающее на св. [8]). Перестановку вс-въ св-находимъ параллельно явленіямъ, указывающимъ на w чисто-губное (штокавское нарѣчіе сербскаго языка или такіе говоры Македоніи, какъ дебрскій). Поэтому нѣтъ ничего неестественнаго, что А. И. Беличъ выводитъ сербское свего, свему и т. п. изъ usego, usemu и т. д. [9]).

Что касается упрощенія группы vs въ-s, то по отношенію къ этому процессу взгляды изслѣдователей расходятся: А. И. Беличъ чакавское sega выводитъ изъ usega, какъ форму предлога въз-z изъ uz. (рец. на грамм. Маретича 10 стр.) Б. М. Ляпуновъ кайкавское sa выводитъ изъ usь (Изслѣдованіе о языкѣ синодальнаго списка 1 новгородской лѣтописи 1900 г. 281 с.) [10]). Наоборотъ, Облакъ полагалъ, что „v въ vs въ началѣ слова исчезаетъ главнымъ образомъ въ тѣхъ словянскихъ нарѣчіяхъ,

---

[1]) Приморскій говоръ Rad jugosl. Akad. CXV, CXVI, CXVIII 1894: 24, 92 с.с.)
[2]) Novo selo Mac. Stud 74 с.
[3]) Воденъ Сборн. за нар ум. XVI—XVII II ч. 55 с.
[4]) Прилепъ ibid 107 с.
[5]) Кайлярскій ibid 64 с
[6]) Сборн. за нар. ум. IV 514 с.
[7]) Maced. Stud 74 с
[8]) В Н. Щепкинъ Савв книга 127 с.
[9]) Рецензія на грамм. Маретича 10 с
[10]) Можно было бы исходить и изъ *suega ср. въ описываемыхъ А. И. Беличемъ восточносербскихъ говорахъ s^{u}akoga, s^{u}e, s^{u}ла, s^{u}edoсіја съ u неполнаго образованія, которое въ тѣхъ же говорахъ можетъ исчезать совершенно: „utornik“ и „tornik“, „urba“ и „rba“.

которыя не имѣютъ w или u̯: въ западныхъ говорахъ словинскаго языка use, въ восточныхъ, гдѣ нѣтъ w или u̯,-se (Ormuž-Friedau); въ малор. и бѣлор., гдѣ начальное v измѣнилось въ u̯, uw,—use, въ южночешскомъ нарѣчіи, гдѣ v не измѣняется въ u̯, исчезновеніе v распространено " Maced Stud 74 с. Если бы наблюденіе Облака было вѣрно, то въ выпаденіи v въ группѣ vs пришлось бы видѣть указаніе на губнозубное произношеніе v Однако наблюденію Облака противорѣчатъ факты даже тѣхъ македонскихъ говоровъ, которые онъ описалъ: въ Novo Selo онъ отмѣчаетъ udovica 15 с. и въ томъ же говорѣ sèkъde, soti (omnes:) 74 с. Въ чакавскомъ нарѣчіи находимъ udovica, unuk и se, saki и т п. Въ сѣв. восточн. болгарскихъ говорахъ, въ которыхъ находимъ urata, ureme или utornik, uz вм. vъz,—встрѣчается и se изъ vьse (Милетичъ „Das Ostbulgarische" 89, 99 с.с.) Уже сопоставленіе этихъ фактовъ дѣлаетъ несомнѣннымъ, что отпаденіе v въ группѣ vs *по крайней мѣрѣ* не противорѣчитъ предположенію w чисто губного въ тѣхъ говорахъ, гдѣ это отпаденіе находимъ. Очевидно, то же должно сказать и о выпаденіи v въ положеніи предъ иными согласными; сюда относятся: измѣненіе группы vz въ z,—ср чакавское z изъ vъz (въ краснцкомъ говорѣ Arch. V, 181 и сл) или zimala при uzet, uzali въ хорватскомъ говорѣ Lussin piccolo [1]) восточноболгарское зел, зеш (Ловча), македонск земе, земет, зело (Дебра [2]), Охрида [3]), Кайяръ [4]), отпаденіе v въ группѣ vn: нъ тре въ Охридѣ. [5]) въ группѣ vc· болгарское чера [6]), сега въ рабскомъ говорѣ [7]), въ группѣ vs: gre skolu изъ gre u̯ skolu въ краснцкомъ говорѣ [9]), въ группѣ vd-:болг. діалектическое довица [10]). Что всѣ эти примѣры выпаденія v предъ согласнымъ не противорѣчатъ предположенію w чистогубного въ говорахъ, гдѣ они имѣютъ мѣсто, показываютъ восточные сербскіе говоры, описываемые А. И. Бѣличемъ. въ этихъ говорахъ v произносится какъ u̯, причемъ оно можетъ становиться звукомъ неполнаго образованія и далѣе совсѣмъ исчезать: въ этихъ говорахъ находимъ u̯odi, u̯odite, u̯las, u̯rat, u̯rapci, u̯zeli, u̯nuk и далѣе ou̯čar, ou̯ca, zazeli (zau̯z) tornik (изъ u̯tornik), na rbi (u̯rbi) [11]). Здѣсь же находимъ и параллели

[1]) Anzeiger d phil-hist Classe d Wiener Akad 1900 XVIII.
[2]) Сбор за нар умотвор. IV 514 с.
[3]) Сбор за нар умотвор XVI—XVII, II ч 57 с.
[4]) Ibid 343 с
[5]) Ibid 64 с.
[6]) Сбор. за нар. умотворен. XVI—XVII, II ч. 344 с.
[7]) Флоринск лекціи I 95 с.
[8]) Rad CXVIII 7 с
[9]) Arch V 184 с.
[10]) Лавровъ „Обзоръ" 105 с
[11]) „Дијалекти источне и јужне Србије" 153 и слѣд

нѣсколько выше приведеннымъ примѣрамъ исчезновенія v предъ l̥ и меж, ду гласными, ясно указывающіе, что выпало именно u̯: do^{u}edu, zapo^{u}edu co^{u}ek, zabora^{u}i, pra^{u}i и napral'ase, stalas, zaboralas, ziite, zoe, prai. prae, napredoase.

Такіе факты, какъ ftori. fnuk, ofcar въ говорѣ Ново Село, ofde, fcera въ говорѣ села Гредабор (Maced. Stud 75 с.) не говорятъ о первоначально губно-зубномъ произношеніи v въ этихъ говорахъ: v, откуда f, вѣроятно, возникло изъ w подъ вліяніемъ стѣдующаго зубного согласнаго: ср. въ сѣверно-восточныхъ говорахъ Болгаріи ftidoh изъ otidoch, которое можно объяснять лишь чрезъ посредство utidoch Быть можетъ выпаденіе v въ приведенныхъ выше группахъ vs, vz, vš, vč, vž vn, vl, легче всего объяснить именно чистогубнымъ характеромъ w, неудобствомъ сочетанія чистогубного w или u̯ съ зубнымъ s, z, n, или плавными r, l. Параллелями являлись бы въ такомъ случаѣ серб. шеница=пшеница, чела. Выпаденіе w въ группѣ wl ср. съ болгарскимъ лошо=плошо [1]). Указанные уже случаи выпаденія v могутъ быть дополнены еще нѣкоторыми группами Выпаденіе v въ группѣ stv: македонское сторити [2]), словинское storiti [3]), въ группѣ skv: словинское skoz [4]), средне-болгарское скозѣ [5]), въ группѣ sv верхне-крайнское soj=svoj [6]); въ группѣ tv верхне-крайнское toj=tvoj [7]) въ группѣ dv: болг дигом [8]), серб. дигнути; въ группѣ gv: болгар. гозди [9]) Въ параллель можно указать исчезновеніе u̯ въ восточно-сербскихъ говорахъ, датируемое А И. Величемъ: stori, carsto crku (ср. скозѣ), g^{u}ozdeno [10]). Иного характера выпаденіе v въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ v рядомъ съ губнымъ b, какъ въ словинскомъ obaliti изъ obvaliti: здѣсь имѣемъ дѣло съ полной ассимиляціей и слияніемъ согласныхъ Косвенное указаніе на то, что языку сербскому уже въ первые вѣка его исторической жизни было извѣстно w чисто-губное, служитъ древне-сербская форма instr. s. fem: руковь, женовь и т. п. изъ *rukoiu̯, *zenoiu̯ и т. п. [11]); это v, возникшее изъ u̯ могло быть первоначально лишь чисто-губнымъ u̯ и затѣмъ w. Такого же характера согласнымъ

[1]) Сборн. за нар. умотв XVI—XVII, II ч. 344 с.
[2]) Ibid 69, 71, 348 с с.
[3]) Флоринскій „Лекціи“ I 431 с.
[4]) Ibid 431 с
[5]) Лавровъ „Обзоръ“ 105 с.
[6]) Изв. Казанск. Универс. 1877 г. XIII т. 185 с
[7]) Ibid.
[8]) Лавровъ „Обзоръ“ 106 с.
[9]) Ibid 106 с.
[10]) Дијалекти источне и јужне Србије 155 и слѣд.
[11]) Ср. А. И. Величъ: рецензія на грамматику Маретича 10 с.

было в, развившееся въ качествѣ переходнаго звука послѣ выпаденія ch въ сербск. и болгарск. (Дебра) уво, пазува и т. п. На чисто-губное w указываетъ, вѣроятно, западно-словинское измѣненіе v въ h въ положеніи предъ губными: h-petek, h-pih изъ v-petek, vbiti и т. п. [1]); въ этомъ измѣненіи имѣемъ дѣло съ процессомъ диссимиляціи, замѣной губного придыханія язычно небнымъ.

На чисто губное w указываетъ македонское cutet изъ cwtet, отмѣчаемое Облакомъ (Дебра Maced Stud. 17 c) Должно остановиться еще на одномъ явленіи, на взаимной мѣнѣ согласныхъ v, p, b, m, нерѣдко наблюдаемой въ южно-словянскихъ языкахъ: ср напр. ramnu=ravno въ македонскомъ говорѣ Ново Село, mnuk въ говорѣ Сухо. oddamna въ говорѣ села Вардаровцы [2]), мнука въ Охридѣ [3]), misoko=visoko, domumnica=domovnica, guvenète=plur. отъ gumno. zapovn'am - zapomn'am, dremni=drebni въ сѣверовосточномъ болгарск нарѣчіи [4]) словинское bino-=vino [6]). Если примѣры взаимной мѣны v и b или v и m *не указываютъ всегда и безусловно* на w чистогубное: ср utkramna [5]), гдѣ mn вм. dn,— то во всякомъ случаѣ *легче* исходить изъ чистогубной артикуляціи w по крайней мѣрѣ въ объясненіи такихъ фактовъ, какъ bino или misoko, guvene. Что касается древнерусскихъ написаній всь и устойчивости ѣ въ положеніи послѣ *в* въ др.-русскихъ памятникахъ, то представляется весьма вѣроятнымъ, что и тотъ, и другой фактъ объясняется слоговымъ произношеніемъ чистогубного w, какъ принимаетъ А. А. Шахматовъ (334—335 с.с. Извѣст. VIII, 2). По отношенію ко второму факту, устойчивости ѣ послѣ в, параллели древне-русскимъ показаніямъ можно найти въ среднеболгарской письменности Изъ старо-словянскихъ памятниковъ послѣдовательнымъ сохраненіемъ группы вьс отличается—Маріинское Ев. и Glagolita Clozianus, тогда какъ въ Зографскомъ Ев. преобладаютъ примѣры съ пропускомъ полугласнаго въ открытомъ слогѣ; въ Саввиной книгѣ также находимъ за рѣдкими исключеніями группу вс-; въ среднеболгарской письменности сохраненіе группы вьс находимъ въ Боянскомъ Ев. XII—XIII в. [7]), въ Григоровичевомъ отрывкѣ Четвероев. XIII—XIV в. [8]), въ Софійскомъ Синодикѣ [9]), въ Паремейникѣ Григоровича, въ Слѣпченскомъ апостолѣ, судя по отрывкамъ, напечатаннымъ въ „Памятникахъ юсового письма“

[1]) Флоринскій „Лекціи“ I 428 с.
[2]) Maced Stud 74 c
[3]) Сборн за нар ум XVI—XVII т II, 342 с
[4]) Мигетичъ „Das Ostbulgarische“ 89, 98 с с.
[5]) Ibid 200 c
[6]) Флоринскій „Лекціи“ I 428
[7]) Извѣстія Отд р яз. и сл. IV, 3, 829 с
[8]) Ibid V, 3, 891 с.
[9]) Ibid VI, 3, 1026 с.

Срезневскаго, въ Златоустѣ, напечатанномъ И. В. Ягичемъ. Наоборотъ написаніе вс-предпочитается въ Охридскомъ апостолѣ [1]), Погодинской псалтыри, Болонской псалтыри, судя по изданію ак. Срезневскаго („Памятники юсового письма“). На первый взглядъ, написаніе вьс—въ среднеболгарскихъ памятникахъ какъ будто является особенностью памятниковъ, отражающихъ восточные говоры или македонскіе, представлявшіе сходство съ восточными: ср. сохраненіе ъ въ закрытомъ слогѣ въ Боянскомъ Ев, въ отрывкѣ Григоровичевскаго четвероеванг., въ Паремейникѣ Григоровича, въ Златоустѣ, изданномъ Ягичемъ, и вс-въ Охридскомъ апостолѣ. Болонской псалтыри (ъ вокализируется въ о), хотя Погодинская псалтырь, судя по отрывкамъ, изданнымъ у Срезневскаго, чаще сохраняетъ ъ въ закрытомъ слогѣ и въ то же время пропускаетъ полугласный въ группѣ вьс.-Во всякомъ случаѣ трудно рѣшиться придавать различію въ написаніи вс и вьс въ среднеболгарскихъ памятникахъ какое либо фонетическое значеніе, такъ какъ указанія на чистогубное произношеніе w находимъ и въ восточныхъ, и въ западныхъ, и въ македонскихъ парѣчіяхъ, и формы сваки и саки могутъ быть возводимы къ одной и той же формѣ wsaki или usaki, если *вьси* въ одной группѣ памятниковъ обозначало usi или wьsi, то и подъ *вси* другихъ памятниковъ мы не можемъ предполагать что либо иное, ибо современные болгарскіе говоры не даютъ права предполагать между восточными, македонскими или западными говорами какого либо различія по отношенію къ произношенію v. Слѣдовательно, обозначеніе wsi написаніемъ вьси или написаніемъ вси могло быть лишь графическимъ пріемомъ.

Обратимся къ западно-словянскимъ языкамъ. Есть ли въ нихъ какія либо указанія на чистогубное w? Польскій яз. не даетъ вполнѣ устойчивыхъ указаній, которыя бы представляли твердую почву для предположенія первоначально чистогубного произношенія v. Однако можно отмѣтить нѣкоторые факты, склоняющіе къ такой мысли. Въ мазурскихъ говорахъ находимъ нерѣдко измѣненіе v' смягченнаго въ j: chjilka, kjat, jecor, jim=vim, jino=vino, josna=wiosna, ojes=ovies [2]); измѣненіе это легче всего объяснить, если исходить изъ чистогубной артикуляціи v; какъ извѣстно, палатализація губныхъ согласныхъ заключается въ одновременной артикуляціи губного согласнаго и i; если v въ данныхъ говорахъ артикулировалось съ сильновыраженнымъ губнымъ характеромъ, съ значительнымъ округленіемъ губъ, приближающимъ его къ u, то соединеніе этого губного округленія съ i было особенно неудобно; w' или u' было бы именно такимъ звукомъ, отъ котораго языкъ стремился избавиться. Въ результатѣ

[1]) Ibid VI. 1, 191 с.
[2]) Флоринскій „Лекціи“ II 533 с

редукціи губного округленія являлось l или j, редукція могла имѣть мѣсто въ эпоху, когда ˇ w еще не перешло въ v въ иныхъ положеніяхъ. Изъ чистогубного w удобно было бы исходить и при объясненіи въ тѣхъ же говорахъ формы n. pl. на-oje вм —ov'e [1]) и формы dat. s. m —oju вм. ov'i [2]); —oju вм. oji могло явиться подъ вліяніемъ формъ dębu, stolu и т. и Чисто-губнымъ характеромъ w можно было бы далѣе объяснять отпаденіе v въ такихъ діалектическихъ примѣрахъ. какъ stowac', skˇiseni, въ силезскомъ нарѣчіи [3]) или syćko, syćko, sędy, schȍd. pochalony у горалей [4]) и въ малопольскихъ говорахъ [5]), ср. эти примѣры съ южнословянскими се, саки, сички, školu (изъ —v-školu). Ср. далѣе польское литературное goz'dz', изъ gwoz'dz', діалектическое pèdà изъ powieda (Пышница) [6]), куявское viskup=biskup [7]).

Переходя къ ближайше—родственной польскому языку кашубской языковой области, слѣдуетъ остановиться на нѣкоторыхъ фактахъ нарѣчія словинцевъ. Здѣсь находимъ: głouka=польское główka, krou изъ праславянскаго korvъ. srouka, louka, prouda, но эти факты, быть можетъ, не имѣютъ значенія въ виду положенія v послѣ гласныхъ o, u Болѣе интересны такіе факты, какъ kroleistvo изъ *korlevьstvo, ksązeistvo, bȍrdaica ср серб bradavica, rąkeica=n rękawica (вѣроятно, чрезъ посредство rąkaica), jałoica=n jałowica, Pavloic=*Pavlovitjь, groboisco=n. grobowisko, словинское окончаніе—oju dat. s. изъ —ovi ср съ вышеприведеннымъ діалектическимъ польскимъ—oju [8]) Предлогъ vъz измѣняется въ нарѣчіи словинцевъ въ z· zgoura, zruosc, zdvjigąc. Приведя всѣ эти факты польскаго и кашубскаго языковъ, какъ матеріалъ для соображеній, я не считаю ихъ опредѣленными указаніями на первоначально чистогубное произношеніе v въ данныхъ языкахъ. Болѣе опредѣленными должно признать указанія чешскаго языка. Однимъ изъ наиболѣе ясныхъ указаній на w чисто-губное въ южно-словянскихъ языкахъ является измѣненіе *вь* въ *ў* Отсутствіе этого перехода въ западно-словянскихъ языкахъ приводитъ А. А Шахматова къ мысли, что эти языки знали v—губно-зубное. Въ чешскомъ языкѣ находимъ переходъ v въ u, сходный съ южно-словянскимъ и русскимъ, но этотъ переходъ, какъ указалъ Гебауэръ (Histo-

[1]) Флоринскій „Лекціи II 534 с.
[2]) Ibid.
[3]) Флор. „Лекціи“ II 527 с
[4]) Ibid. 544 с
[5]) Ibid. 510 с.
[6]) Флор. „Лекціи“ II 513 с.
[7]) Ibid 540 с.
[8]) D-r Lorentz „Slovinzische Grammatik“ 1903 г 123 с

rická Mluvnice I 251, 428 с. с.) ограниченъ положеніемъ предъ губными согласными: u vode, u poli, u boju, u moři и т. п.,— „и это въ связи съ предположеніемъ, что предъ губными v дольше сохраняло свой губно-губной характеръ, подтверждаетъ мысль о зависимости перехода v въ u отъ губно-губного свойства этой согласной", заключаетъ А. А. Шахматовъ (328 стр.). Если А. А. Шахматовъ въ указанномъ явленіи видитъ *сохраненіе* чисто-губного характера v предъ губными согласными, то, стало быть, онъ признаетъ, что чешскій языкъ искони зналъ лишь w чисто-губное, но въ такомъ случаѣ уже уничтожается то различіе, которое онъ устанавливаетъ относительно v между зап.—слов. языками и южно-словянскими, русскимъ. Выходитъ, что южно-словянскіе языки лишь дольше сохраняли вообще w во всѣхъ положеніяхъ, чѣмъ чешскій. Однако можно объяснять w въ древнечешскихъ примѣрахъ, какъ новое, явившееся изъ v предъ губными согласными. Правда, при такомъ пониманіи фактовъ является затрудненіе: если въ случаяхъ, какъ w—vecer, w—vesti w явилось изъ v подъ вліяніемъ слѣдующаго v, то это слѣдующее v было чисто-губное, слѣд., мы вездѣ приходимъ къ мысли, что чешскій языкъ зналъ w чисто-губное, независимо отъ положенія; если же примѣры, какъ u—vecer, uvesti явилось подъ вліяніемъ u—poli, upasti и т. п., то отчего такому вліянію подверглись лишь случаи съ v—v и не подверглись случаи съ v—k, t, d и т. д.? Можно было бы отвѣтить и на этотъ вопросъ: нефонетическое появленіе w или u въ сочетаніяхъ v—v было вызвано неудобствомъ этого сочетанія, чего не было въ сочетаніяхъ v—k, t, d и т. п. Встрѣчаются и такіе примѣры, какъ u kletvu, но, по свидѣтельству Гебауэра (Hist. Ml. I 429 с.),—очень рѣдко Этимъ рѣдкимъ примѣрамъ нельзя было бы придавать значенія, если бы не было иныхъ указаній на то, что чешскій языкъ зналъ чисто-губное w, независимо отъ положенія предъ губными согласными. Въ старыхъ памятникахъ находимъ: prawdu, zakonstwa, blaznowstwye, hawran (Hist. Ml. 429 с). Въ современныхъ сѣверовосточныхъ говорахъ: kauka, kou, dousi, borowka, krew, vevsi, zevsi, polivka (ibid); въ чешско-моравскихъ говорахъ: krew, vowsa, zrowna (Janovici) [1]). Въ образцахъ Бартоша [2]) по келецкому говору (валашское нарѣчіе, наболѣе консервативное нарѣчіе Моравіи)· lilikou kuň= lirikov kuň (bis); въ словацкомъ нарѣчіи: lew, dievka, prawda, rodicow, tovarisow и т. п. [3]). Такіе примѣры, какъ чешское и моравское krew, vevsi, ze—usi, polivka или словацкое lew, dievka, prawda, равно какъ и др.—чешское prawda, hawran можно считать уже болѣе или менѣе опредѣленными

[1]) Rozpravy чешской академіи III отд VIII (1900 г.) № 1, 29—30 с.
[2]) Dialectologie moravská 355 с.
[3]) Флоринскій „Лекціи" 271, 329, 333 с. с.

указаніями на w чисто-губное. Древне-чешскіе примѣры не позволяютъ говорить о позднемъ происхожденіи этого w; могутъ возразить, что это w лишь діалектическое явленіе въ области чешскаго языка, но и въ области русскаго языка не всѣ говоры знаютъ переходъ в въ у, и А. А. Шахматовъ полагаетъ (330 с.), что „еще до исчезновенія глухихъ w во многихъ русскихъ говорахъ перешло въ v“. Такое же измѣненіе могло имѣть мѣсто въ болѣе широкихъ размѣрахъ и въ чешско-словацкомъ языкѣ. Особенно интересно и изъ w въ народной рѣчи консервативнаго въ своемъ звуковомъ строѣ словацкаго языка Наконецъ, важно было бы признаніе. что чешско-словацкому языку было, повидимому, извѣстно w чисто-губное, хотя бы съ ограниченіемъ—„діалектически“.

Разъ мы признаемъ нѣкоторые слѣды w чисто-губного въ словацкомъ языкѣ несомнѣнными, получаютъ значеніе косвенныхъ указаній и другіе факты. Выше мы отмѣтили цѣлый рядъ примѣровъ выпаденія v въ южно-словянскихъ языкахъ, какъ предъ согласными, такъ и между гласными. Рядъ параллельныхъ фактовъ можно указать и въ области чешскаго языка; сербское чадати изъ владати и т. п. ср. съ чешскимъ Ladmerice= Vladimerice [1]) Сѣверо-восточн. болгарское ol, uda (vol, voda) [2]) ср. съ юго-чешскимъ ol, ojak [3]); чакавское se или školu. болгарск. зел=взел, довица и т. п. ср. съ юго-чешскимъ dova=vdova, ceras'=vceras', zacny= vzacny, zdycha=vzdycha, stat=vstat, stoupit=vstoupit, zdycky=vzdycky, secko=vsecko [4]), съ горно островскими (смѣшанный чешско-польскій говоръ) sak=vsak, stovac'=vstovac' [5]), чешско-моравскими (полянское) zhuru. dycky stat=vstat [6]). Въ параллель южно-словянскимъ примѣрамъ пропуска v между гласными, которые Облакъ объяснилъ произношеніемъ v, какъ w, можно указать такіе факты чешскаго языка, какъ (von to) poi=povi, jalojicka, rukaice [7]), kraloi, panoi dat s., prai (въ опавскомъ нарѣчіи) [8]). Замѣна v черезъ h, ch: horsila, hastermanek=wassermann въ юго-чешскихъ говорахъ [9]) также указываетъ на w или u; ср. чешское voko, cernovoky и cernohoky [10]): въ voko, cernovoky v изъ придыхательнаго, такъ

[1]) Rozpravy чешск акад III отд. 1899 г. № 3, 24—26 с. с.
[2]) „Das Ostbulgarische“ проф Милетичъ 200 с
[3]) Rozpravy чешской акад. III отд 1894 г. № 3, 27 с
[4]) Ibid 27 с.
[5]) Rozpravy чешской акад. III отд. 1899 г № 1, 21 с.
[6]) Rozpravy чешск. акад 1900 г. № 1, 29—30 с. с.
[7]) Rozpravy чешск. акад. 1894 г. № 3, 24—26 с.
[8]) Bartos Dialekt. Mor I 363 с.
[9]) Rozpravy чешск акад. 1894 г. № 3, 27 с.
[10]) Флоринскій „Лекціи“ II, 81 с.

назыв. „приставного“ u̯ во всякомъ случаѣ первонача льно было звукомъ чисто-губной артикуляціи; ср. еще vochce=vovce ibid. На w число-губное указываетъ чешская флексія род. п. мн ч. ů изъ ov и то же окончаніе прилагательныхъ притяжательныхъ (pan Tomku, Janku, Petru и т. п.), какъ вѣрно замѣтилъ Облакъ Maced. Studien 18 с. Наконецъ, должно отмѣтить и взаимную мѣну v и звуковъ чисто-губныхъ, какъ b или m: можно не придавать значенія такимъ случаямъ, какъ народное чешское mn'oucek=внукъ (напр. въ говорѣ крконошскомъ), гдѣ m могло быть вызвано слѣдующимъ носовымъ согласнымъ n, но такіе примѣры, какъ словацкое klebetu [1]), или моравское bidlice. klobat [2]) легче понять, исходя изъ w; ср. еще южно-чешск.: bule=vule. hriba=hriva. hovorit=hovorit, pabouk, barhany, jabor [3]) или bred, breteno, brabec, serous. Bablk=Pavlik, mrtohlavej=vrto . . . [4]); brstev, klebety, dz'ebucha skobrunek, въ горно островскомъ нарѣчіи [5]); что касается примѣровъ, какъ fus вм vus. kafka =kavka—въ тѣхъ же говорахъ, гдѣ и bred, klebeta и т. п., то значеніе этихъ фактовъ не можетъ быть вообще опредѣлено, такъ какъ изслѣдователи, сообщающіе ихъ, не опредѣляютъ точно этого f: оно можетъ быть и чисто-губнымъ Что касается перестановокъ и упрощеній, которымъ подверглись въ западно-словянскихъ языкахъ праславянск. сочетанія tvьl, tvьl, послѣ выпаденія ъ и ь, то эти перестановки и упрощенія отнюдь не могутъ указывать на губно-зубное v неспособное вокализироваться, какъ склоненъ думать А. А. Шахматовъ (326, 328 с с. Изв. VIII, 2). Въ сербскомъ изъ вьс и получилось не уси, но сви, и эта перестановка не указываетъ конечно на губно-зубное v. Совершенно правъ А. И. Беличъ (рецензія на грамм. Маретича 10 с.) полагая, что форма сви *въ тѣхъ говорахъ, гдѣ вь перешло въ у* можетъ быть понята не иначе, какъ при мысли, что перестановка въ группѣ us въ этомъ словѣ произошла раньше, чѣмъ u̯ перешло въ u: изъ vьsi съ v губно-зубнымъ нельзя исходить въ говорахъ, гдѣ вь перешло въ у. Точно также ранѣе перехода u̯ въ u, изъ uz (vъz -) могло получиться чакавское (красицкое) z (ср. чакавское unuk, udovica [6]). Чешское ktwe можно, такимъ образомъ, объяснять и изъ kwьte: kute—ktue—ktve (wьsi—usi—sui—svi). Въ лужицкомъ языкѣ можно указать нѣкоторыя явленія, параллельныя чешскимъ и

[1]) Флоринскій „Лекціи“ II 271 с.

[2]) Bartos Dialekt Moravska I 52 с.

[3]) Rozpravy чешск акад. 1894 г.

[4]) Ibid.

[5]) Rozpravy чешск акад 1899 № 1, 21 с.

[6]) Что касается др.-сербск. усега, приводимой А. И. Беличемъ ibid, то у могло обозначать и u̯.

южно-словянскимъ Сюда относятся исчезновеніе v предъ согласнымъ и между гласными: в.—лужиц. rjec'eno, н.—луж. rjes'eno, rjod, robel, sen, so, saki, sy, jacor [1], (ср. вышесказанное объ исчезновеніи v' смягченнаго); случай, какъ saki, sy ср. съ исчезновеніемъ p въ лужицкихъ же struha, cola [2]). Примѣры исчезновенія v между гласными: lojic, prajic, domoj изъ domovi, synojo, krej=krev (в.—л.), ksej (н.—л.), rukajica, clojek, doloj (н—луж) [3]). Эти формы возникли вслѣдствіе исчезновенія v, послѣ чего между гласными развился переходный j; въ krej, kśej этотъ j развился въ сочетаніи словъ предъ гласнымъ

Сдѣланный обзоръ фактовъ хоть въ нѣкоторой мѣрѣ оправдываетъ мысль, что чисто-губное w было извѣстно не только южно-словянскимъ и русскому языку, но по крайней мѣрѣ діалектически и нѣкоторымъ изъ западно-словянскихъ языковъ. Быть можетъ, уже въ эпоху праславянскую w чисто-губное было болѣе распространеннымъ среди праславянскихъ говоровъ варіантомъ Вытѣсненіе его губно-зубнымъ варіантомъ сперва въ такихъ положеніяхъ, какъ напр. предъ зубными согласными, а затѣмъ и въ иныхъ шло постепенно и, быть можетъ, быстрѣе въ зап.-словянскихъ языкахъ, чѣмъ въ юго-словянскихъ и въ русскомъ; однако спорадическіе слѣды въ видѣ звуковзмѣненій, имѣвшихъ мѣсто до полнаго вытѣсненія w, сохранились донынѣ и въ западно-словянскихъ языкахъ. Признавъ w чисто-губное первоначальнымъ въ западно-словянскихъ языкахъ, напр. въ чешскомъ, само собою разумѣется нельзя объяснять западно-словянское сохраненіе k, g въ группахъ kv—gv—зубно-губнымъ произношеніемъ v. [1])

С. Кульбакинъ.

Одесса, 7 января 1904 г.

[1]) Авторъ извиняется въ нѣкоторыхъ неточностяхъ обозначенія звуковъ различныхъ словянскихъ языковъ, вызванныхъ типографскими затрудненіями: такъ напр л смягченное сербское передано двумя буквами-ль, значокъ надъ чешскими шипящими напоминаетъ римскую V и т. п

[1]) Флоринскій „Лекціи“ II 626 с.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid II 631 с.

Объ одномъ арханческомъ императивѣ въ русскомъ языкѣ.

Кажется, ни одна частица въ русскомъ языкѣ не пользовалась такимъ постояннымъ и упорнымъ вниманіемъ ученыхъ, какъ скромная частица *ста*.

Неясной по происхожденію считалъ ее еще Миклошичъ Vrgl. Gr. IV 952; однако, судя по тому, что онъ включилъ ее въ число мѣстоименныхъ частицъ, онъ склонялся къ мысли о ея мѣстоименномъ происхожденіи

Даль въ своемъ „Толковомъ Словарѣ“ также не даетъ опредѣленной этимологіи слова. Онъ видитъ въ ней частицу, означающую вводную рѣчь или усиливающую слово.

Потебня Изъ зап. 251 находитъ возможнымъ объяснять *ста* какъ отвлеченное отъ формы 2 или 3 л. двойств. ч. глагола ѣсть. „Это *ста*, повидимому, еще сохраняетъ отношеніе къ двойств. ч. въ загадкѣ „два *ста* (т. е. ѣсть) бодаста (рога), четыреста ходаста (ноги), одинъ хлебестунъ“ (хвостъ) и теряетъ его въ „здорово-ста“, „спасибо-ста“, „пожалуй-ста“, гдѣ оно сообщаетъ оттѣнокъ вѣжливости. Подобнымъ образомъ, родственную *ста* частицу *сте* онъ объясняетъ изъ ѣсте („кушайсте“, повидимому съ оттѣнкомъ вѣжливости подобно множ. числу мѣст. и глаг. вм. единств.“).

Въ 1897 г. въ ноябрьской книжкѣ ЖМНП выступилъ съ новой гипотезой Соболевскій (стр. 64). Онъ полагаетъ, что *ста* возникло изъ *сда*, которое, въ свою очередь, сократилось изъ *осударь*.

Эта гипотеза, конечно, не могла разсчитывать на сочувствіе ученыхъ, и вызвала, кромѣ небольшой замѣтки Будде ИОРЯ III 931, два обширныхъ изслѣдованія о нашей частицѣ. Одно изъ нихъ принадлежитъ перу г. Шлякова: „Частицы *ста, стани, сте, съ, съмъ, су* и *съ*“ РФВ XL 125 и слл., а другое—проф. Харьковскаго университета М. Г. Халанскому „Изъ замѣтокъ по исторіи русскаго литературнаго языка. I. О присловьяхъ:—*стани*,—*ста*,—*сте* и *су* (-съ) ИОРЯ IV 265 и слл.

Въ первомъ изъ нихъ авторъ, послѣ многословныхъ и часто нейдущихъ къ дѣлу разсужденій, приходитъ къ очень оригинальному выводу о происхожденіи частицы *ста* и родственной ей *сте*. Именно, онъ видитъ въ ней не что иное, какъ сочетаніе *съ та*, гдѣ *та* обозначало Ас$_{\text{п}}$—та-

кой же, какъ и *ся* въ русс. *по-ся*: подобнымъ образомъ, соединеніе предлога съ Ac^1_n представляется част. *сто*; част. *сте* возникла изъ сокращеннаго сочетанія *сѣте*, гдѣ первая часть есть извѣстная эмфатическая частица, а вторая част. *те*, отвлеченная „отъ 2 л. мн. ч. желательнаго накл. (*на-те, пойдем-те, здорово-те*)“. Что касается до част. *стани*, то г. Шляковъ разлагаетъ ее на *ста-ни*, при чемъ въ част. *ни* видитъ морфему, соотвѣтствующую греч. *ναί*, лат. *nae*, лит. *nei*, усиливающую „указаніе ссылкой на точность—*станй*=да, такъ, такъ точно, такъ именно“.

Изъ этихъ этимологій послѣднія двѣ до такой степени искусственны и произвольны, что едва-ли нуждаются въ опроверженіи. Но даже если согласиться съ объясненіями г. Шлякова въ принципѣ, все-таки онъ долженъ былъ привести хоть одинъ разъ изъ памятниковъ форму *сѣте*, изъ которой будто-бы возникла част. *сте*, а также хоть одинъ достовѣрный примѣръ срощенія част. *ни* съ какой-нибудь другой неизмѣняемой частью рѣчи. Напротивъ, гораздо болѣе правдоподобными представляются намъ этимологіи г. Шлякова част. *сто* и *ста* (хотя мы были бы склонны въ случаѣ ея вѣрности въ част. *ста* видѣть сочетаніе съ предлогомъ не ф. Ac^3, а G^1, ср. наши Сложныя мѣст. [2], стр. 87 и слл.), однако, противъ нихъ говоритъ, все-таки, кромѣ невозможности вывести изъ того же принципа част. *стани* и *сте*, еще то обстоятельство, что на ихъ мѣстѣ почти никогда не встрѣчаются—плеонастическія част. *такъ*, *этакъ*, *столь*,— част., которыя бы, конечно, чередовались съ ними, если бы онѣ были дѣйствительно эквивалентны имъ по происхожденію. Не смотря на всѣ эти недостатки, статья г. Шлякова представляетъ крупный шагъ впередъ въ изученіи частицы, какъ богатымъ подборомъ примѣровъ частицы изъ памятниковъ XVIII в. и народныхъ говоровъ, и притомъ въ синтаксическомъ контекстѣ, такъ и нѣкоторыми синтаксическими и семасіологическими наблюденіями. Изъ числа послѣднихъ мы считаемъ особенно цѣннымъ тотъ выводъ автора, что част. *ста* обыкновенно сообщаетъ рѣчи оттѣнокъ *рѣшительности*, част. *сте* оттѣнокъ *вѣжливости*, а част. *стани* —оттѣнокъ *плавности, спокойствія*.

Если г. Шляковъ склоненъ, подобно Миклошичу, объяснять наши частицы изъ мѣстоименій, то проф. Халанскій, наоборотъ, подобно Потебнѣ, рѣшительно стоитъ за ихъ отглагольное происхожденіе. Этотъ выводъ тѣмъ интереснѣе, что проф. Халанскій пришелъ къ нему по основаніи, отчасти, того же матеріала, что и г. Шляковъ, хотя и привлекъ его совершенно самостоятельно. Большая заслуга проф. Халанскаго, что онъ приводитъ многочисленные примѣры нашихъ частицъ, обращая тщательное вниманіе на значеніе ихъ въ контекстѣ. Такимъ путемъ онъ пришелъ къ мысли о *множественности* происхожденія част. *ста*: она

могла возникнуть и изъ аориста, и изъ прошедшаго времени (т. е. изъ *стало* или *стало-быть*), и изъ условнаго наклоненія, и изъ повелит. накл. *стани*, и изъ окончанія дѣйств. з., и изъ неопредѣл. накл. Болѣе опредѣленнаго мнѣнія держится проф. Халанскій о происхожденіи част *стань* и *сте*. Именно, въ первой онъ видитъ форму 2-го л. ед. ч. отъ глагола *станути*, а вторую объясняетъ отчасти изъ ф. 2 л. мн. ч. *сте* (т. е. какъ Потебня), отчасти изъ формы 3 л. вспомогательнаго глаг. *есть*. Въ доказательство послѣдней гипотезы, проф. Халанскій привелъ изъ сборника былинъ Гильфердинга нѣсколько интересныхъ случаевъ употребленія формы 3 л. ед. ч *есте* (стр. 12 отд. отт.). Въ другомъ мѣстѣ („Къ вопросу о происхожденіи и синтактическомъ значеніи част. — *ста* РФВ XLV 339) проф. Халанскій цитируетъ еще нѣсколько стиховъ изъ „Онежскихъ былинъ“ Гильфердинга, въ которыхъ употребляется част. *ста*, сокращенная, по его мнѣнію, изъ аор или прич.

Изъ всѣхъ этихъ этимологій наиболѣе вѣроятною представляется намъ этимологія част. *стани*. въ самомъ дѣлѣ, и форма и значеніе этой частицы вполнѣ соотвѣтствуютъ тому, что обыкновенно мы понимаемъ подъ повелительнымъ наклоненіемъ, и отрицать это совпаденіе значило бы впадать въ гиперкритицизмъ. Что касается до остальныхъ этимологій, то онѣ имѣютъ два главныхъ недостатка:

Во первыхъ, всѣ онѣ исходятъ изъ предположенія о *множественности* происхожденія частицъ: одну част. *ста* проф. Халанскій выводитъ изъ 6 формъ! Конечно, теоретически это возможно, но въ виду того, что оттѣнки значенія част. *ста* не настолько разнообразны, чтобы ихъ нельзя было объяснить ихъ одной формы, оно не совсѣмъ вѣроятно.

Во вторыхъ, этимологіи проф. Халанскаго прибѣгаютъ къ принципу „сокращенія“. Но такое объясненіе, если оно не сопровождается указаніемъ опредѣленной причины (фонетической или психологическо-морфологической) „сокращенія“, всегда носитъ нѣсколько произвольный и потому не совсѣмъ убѣдительный характеръ.

Статьи г.г Шлякова и Халанскаго вызвали въ 1900 г. на страницахъ того же РФВ (XLIII, стр. 29—42) этюдъ А. Ветухова „Еще къ вопросу о частицахъ или присловьяхъ: *стани (стало)*, *ста (сто)*, *сте*, *осу (су)*, *съ*, *се (съ, съмь)*.“ И этотъ ученый не согласенъ съ Соболевскимъ, чтобы част. *ста* произошла сокращеніемъ изъ *сударь*. „Неужели, спрашиваетъ онъ, можно безъ усиленной натяжки читать „Пора милый-ста жениться“ какъ „Пора, милый сударь, жениться?“ Вѣдь сочетаніе „милый сударь“ въ народной рѣчи рѣзало бы ухо. А обращеніе старосты къ мужикамъ со словомъ „судари“ (какъ у Пушкина: „Всѣ ли ста здѣсь?“) не менѣе странно“. Изъ семасіологическихъ соображеній от-

вергаетъ г. Ветуховъ и этимологію Шлякова, но зато вполнѣ присоединяется къ гипотезѣ проф. Халанскаго, дѣлая къ ней нѣсколько комментарій и дополненій общаго характера.

Въ своемъ отвѣтѣ г.г. Халанскому и Ветухову (РФВ 1900 г. № 3—4, стр. 131—145) Шляковъ, хотя и позволяетъ себѣ нѣсколько рѣзкихъ выраженій по адресу своихъ полемистовъ, однако дѣлаетъ двѣ весьма существенныхъ уступки: 1) онъ готовъ вмѣстѣ съ проф. Халанскимъ, по крайней мѣрѣ, въ части примѣровъ видѣть въ част. *cta* не только сочетаніе *съ та*, но и аористъ (точнѣе 3 л. ед. ч. injunktiv'a) и 2) онъ согласенъ признать, что этимологія проф. Халанскаго част. *станги* какъ Imper. убѣдительнѣе этимологіи его.

Таковы главныя мнѣнія, предложенныя о нашихъ загадочныхъ частицахъ. Мы нарочно изложили ихъ съ нѣкоторою подробностью не только для того, чтобы наглядно показать, какъ сложенъ и запутанъ вопросъ, но и для того, чтобы въ исторіи мнѣній почерпнуть болѣе правильную точку зрѣнія на интересующее насъ явленіе И прежде всего ясны *отрицательныя свойства*, какими должна обладать эта точка зрѣнія: 1) она не должна объяснять наши формы „сокращеніемъ“ и 2) она должна исходить, по возможности, не изъ многихъ формъ, а изъ одной.

Но оба эти постулата исполнимы лишь при томъ условіи, если мы отправной точкой нашего изслѣдованія сдѣлаемъ не част. *cta* (какъ наши предшественники), а част. *станги*, императивное происхожденіе которой такъ убѣдительно показано проф. Халанскимъ. И нѣтъ нужды даже объяснять част. *cta* изъ *станги* „сокращеніемъ“, какъ это дѣлаетъ харьковскій профессоръ. Какъ извѣстно, въ арію-европейскомъ яз. *именно* въ 2 л. ед. ч. дѣйств. зал. функцію императива отправляетъ чистая глагольная основа. Ср. греч. ἔξ-ει, лат. *ei*, *exi*, лит. *ei-k* къ * *ei-ti*. Греч ἵστη при ἵστη-σι: лат. *hia*, лит. *zióḱ*; лат. *planta*, гот. *salbo* „*salbe*“; *vide*, лит. *pa-vydé-k*; др.-инд. *gṛhṇá*. И т. д. Вг. KVG § 730. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тотъ же самый императивъ мы имѣемъ въ первомъ слогѣ дблг. ф. да-ждь, которая восходитъ, какъ извѣстно, къ прасл * *da-dь* (ср. лит *dù-d*), гдѣ мѣст. част. *dь* (ср. наши Сложныя мѣст. 29) измѣнилась въ *zdь* подъ вліяніемъ орt *dad-ie*. Вг. ib. § 731 По аналогіи, мы вправѣ заключить, что императивъ праслав. глаг. * *stati* звучалъ, по крайней мѣрѣ, въ первую эпоху жизни праславянскаго языка * *sta*. Правда, въ болѣе поздній періодъ его развитія этотъ императивъ былъ почти всецѣло вытѣсненъ Орt. глаг. стоіати въ видѣ * *stojь*, однако въ извѣстныхъ случаяхъ, гдѣ онъ занималъ болѣе или менѣе изолированное положеніе (какъ въ нарѣчіяхъ или част.), онъ могъ

и сохраниться... Импер. * *sta* еще въ другомъ отношеніи интересно сопоставить съ импер. * *da*,—именно въ томъ, что обѣ формы въ праславянскую же эпоху подверглись аналогіи глаголовъ V кл. и образовали формы *daj* (ср. блг. *дай*, срб. *daj*, слв. *daj*. чш. *dej* и т. д.) и * *staj*. Послѣдняя, встрѣтивъ сильнаго конкурента въ видѣ импер. * *stoj*, вѣроятно, тогда же подверглась изоляціи, и окаменѣла въ нарѣчіе. Послѣднее сохранилось въ серб. стан stàtim „тотчасъ", которое встрѣчается въ одномъ изъ древнѣйшихъ сербскихъ памятниковъ (именно въ Студеницкомъ Типикѣ 1210—1215 г.), въ формѣ: да да имь стан к ракетника (Šafařik, Serb. Les. 89) Это стан. по всей вѣроятности, тождественно съ первою частью слвц. нар. *stajmo* и *stujme*, образованныхъ, безъ сомнѣнія, по аналогіи *stimo* и *stime* и т. д. нар. (ср. наши Сч. мѣс., VI гл. I).

Итакъ, част. *cta* отличается отъ част. *стани* только тѣмъ, что представляетъ импер. не глаг. станѫти, а глаг. стати. Такъ какъ первый глаголъ несовершеннаго вида, а второй совершеннаго, то этимъ и объясняется, почему, какъ отмѣтилъ уже Шляковъ, част. *стани* употребляется преимущественно въ плавной, спокойной рѣчи, а част. *cta* въ энергичной, взволнованной. Само собой разумѣется, что первоначальное императивное значеніе част. съ теченіемъ времени должно было, такъ сказать, вывѣтриться, и изъ морфемы съ весьма опредѣленнымъ *реальнымъ* значеніемъ она снизошла на степень морфемы чисто-формальныхъ функцій: усиленія, подтвержденія, указанія и т. п. Въ виду этого, было бы a priori совершенно безнадежнымъ дѣломъ, если бы мы всѣ случаи употребленія част. *cta* стали бы въ семасіологическомъ отношеніи втискивать въ формулу импер. Впрочемъ, иногда можно указать случаи, гдѣ древнее значеніе импер. просвѣчиваетъ довольно ясно. Такова, напр., фраза, приведенная Халанскимъ (т. ж. 10): *слава-cta Богу* въ смыслѣ „да будетъ слава Богу".

Ослабленіе реальнаго значенія част. *cta* повело къ образованію въ русс. яз. еще одной част.,—*cte*. Происхожденіе ея мы объясняемъ себѣ слѣдующимъ образомъ. Однимъ изъ наиболѣе древнихъ случаевъ употребленія импер. *cta* было употребленіе его въ соединеніи съ другимъ импер. (точнѣе Optat.) *пожалуй*. Правда, еще Срезневскій Мысли 69 находилъ возможнымъ видѣть въ нашей частицѣ остатокъ двойств. числа, причемъ въ подтвержденіе указывалъ на древне-польское *pozalujszta*; но это мнѣніе противорѣчитъ элементарнымъ правиламъ грамматики, которыя знаютъ только одну форму 2 л. ед. ч. импер. * *pozalujta*, а не *pozalujsta*. Конечно, гипотезу Срезневскаго можно было бы поддержать предположеніемъ вліянія аор., но не значило-бы это громоздить на гипотезу? Съ нашей точки зрѣнія

част. *сте* можно объяснить очень просто, если сопоставить ее именно съ формой *пожалуйста*, на что даетъ право уже одинъ тотъ отмѣченный еще Потебней фактъ, что част. *сте* употребляется съ оттѣнкомъ вѣжливости. Древній импер. въ сочетаніи *пожалуй-ста*, во всякомъ случаѣ, уже забылся въ народномъ сознаніи. Поэтому, *пожалуйста* могло легко вступить въ контаминацію съ родственной формой *пожалуй-те* и образовать форму *пожалуй-сте*. А отсюда част. *сте* съ теченіемъ времени была перенесена въ такіе случаи, какъ *кушай-сте* и т. п.

Такимъ образомъ, част. *сте* есть новообразованіе сравнительно съ двумя архаизмами *стани* и *ста*. Послѣдняя форма представляетъ не единственный въ слав. яз. примѣръ 2 л. ед. ч. импер, оканчивающагося на чистую основу. Сюда же можно отнести, вѣроятно, и част *чу!* Обыкновенно (ср. Соб. Лекціи ^{3}231) въ ней видятъ форму аор. 2 л, употребляемую въ значеніи наст. времени. Ср. да, *чу*, и къ завтренѣ звонятъ. Однако, то обстоятельство, что эта частица употребляется *исключительно* въ значеніи 2 л. и при томъ не прошедшаго времени, а настоящаго, даетъ намъ достаточное основаніе разсматривать междометіе какъ импер. Въ пользу такого предположенія говоритъ и употребленіе част. *чу* въ томъ же значеніи въ сербскомъ пѣсенномъ языкѣ: „ој, *чу* ли ме“ слышишь ли меня? (Соб. т. ж.).

Г. А. Ильинскій.

26 ноябр. 1904 г.

Христіанская помощь нуждающимся въ древнія времена христіанства.

Въ противоположность эгоизму, который былъ преобладающимъ мотивомъ человѣческихъ отношеній въ мірѣ языческомъ, христіанство возвѣстило міру начало любви и братства. Естественнымъ выраженіемъ этого начала, такъ искренно, такъ полно воспринятаго первыми христіанами, является благотворительность—всегдашняя готовность и потребность служить своими средствами нуждающимся.—Задача предлагаемой статьи—изложить, въ какихъ именно формахъ выражалась эта благотворительная помощь нуждающимся, какъ организовалась она у древнихъ христіанъ въ два начальные періода христіанской исторіи—періодъ гоненій и періодъ торжества христіанства, изъ которыхъ въ каждомъ практика благотворительности имѣла свой отличительный характеръ *)

I.

Практика благотворительности въ первые три вѣка христіанства—періодъ гоненій.

Экономическое состояніе первой христіанской общины въ Іерусалимѣ изображается въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ въ слѣдующихъ чертахъ: „У многочисленнаго общества вѣрующихъ было одно сердце и одна душа, и никто изъ нихъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее. Не было между ними никого бѣднаго, ибо всѣ владѣльцы полей или домовъ продавали оныя, приносили цѣну проданнаго къ апостоламъ, и каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду.“ (Дѣянія IV, 32). Эти слова ясно показываютъ намъ тотъ духъ единенія и братства, который господствовалъ между христіанами въ Іерусалимѣ и по которому они вмѣсто того, чтобы однимъ пользоваться своимъ имуществомъ, охотно дѣлали участниками въ немъ своихъ ближнихъ. Не видно однако же, чтобы общество при этомъ какими нибудь постановленіями отнимало у своихъ членовъ свободу въ распоряженіи имуществомъ. Когда Ананія и Сапфира—

*) При составленіи статьи у меня имѣлись подъ руками: *Chastel*, Etudes historiques sur l'influence de la charité durant les premiers siècles chrétiens, ouvrage couronné par l'Academie Française, 1853; *Ульгорнъ*, Христіанская благотворительность въ древней церкви, 1900 (переводъ Лопухина съ нѣмецкаго. Die christliche Liebesthatigkeit in der alten Kirche, 1898); *Lallemand*, Histoire de la charité, 1902., въ двухъ томахъ.

разсказывается далѣе въ той же книгѣ Дѣяній—сказали, что принесли къ ногамъ апостоловъ полную цѣну проданнаго ими имущества, тогда какъ на дѣлѣ принесли только часть ея, то апостолъ Петръ прямо говоритъ имъ, что они властны были сохранить свое имущество или оставить при себѣ его цѣну—онъ упрекаетъ ихъ только въ обманѣ и лицемѣріи (Дѣян. V, 4, 9,) Но то несомнѣнно, что это добровольное отреченіе отъ собственности въ пользу нуждающихся было до такой степени въ духѣ общества, что отдѣльное лицо, не подчинявшееся этому началу, чувствовало себя одинокимъ среди такого общества, чувствовало, что оно хотя молчаливо, но тѣмъ не менѣе чувствительно обличалось самымъ строемъ общества и потому, если хотѣло оставаться въ обществѣ, должно было лицемѣрить,—дѣлать видъ, что и оно живетъ также, какъ и другіе — Нравственныя наставленія христіанамъ, изложенныя въ посланіяхъ апостольскихъ, не оставляютъ мѣста сомнѣнію въ такомъ добровольномъ характерѣ благотворенія, существовавшаго въ церкви апостольской. „Пусть каждый удѣляетъ по расположенію сердца не съ огорченіемъ и не съ принужденіемъ, ибо доброхотно дающаго любитъ Богъ“, заповѣдуетъ апостолъ Павелъ.

Это начало свободной благотворительности, дѣйствовавшее въ церкви апостольской, неизмѣнно дѣйствовало въ ней и въ послѣдующія времена. Лактанцій въ числѣ основныхъ заблужденій, къ которымъ привело философа Платона незнаніе истиннаго Бога, поставляетъ безусловный коммунизмъ, какой проповѣдуемъ былъ этимъ философомъ: „система отвратительная, говоритъ онъ, относительно женщинъ; болѣе терпимая, но всеже несправедливая относительно имуществъ, потому что она покровительствуетъ лѣнтяю и расточителю на счетъ человѣка воздержнаго и трудолюбиваго“ (Epit. inst. divin. c. 38). „Богатые у насъ, говоритъ св. Іустинъ философъ, даютъ, когда хотятъ и сколько хотятъ“ „Каждый изъ насъ, говоритъ Тертулліанъ, представляетъ свое скромное приношеніе разъ въ мѣсяцъ и когда хочетъ, если только хочетъ и можетъ, ибо у насъ никого не принуждаютъ, каждый дѣлаетъ это по доброй волѣ.“ Св. Ириней Ліонскій изображаетъ съ особенной силою эту черту добровольности, которая отличаетъ благотворительность христіанскую и въ которой онъ указываетъ ея высокое превосходство. „Были, говоритъ онъ, жертвы и приношенія у народа іудейскаго, есть онѣ также и въ церкви, но съ тою разницею, что тамъ приносившіе были рабы, а здѣсь свободные. Іудеи были обязаны регулярно платить десятину, христіане, освобожденные Іисусомъ, посвящаютъ все свое имущество Господу, давая свободно и отъ добраго сердца еще болѣе, чѣмъ Іудеи“.

Собственно общеніе имуществъ, въ смыслѣ полнаго отреченія отъ своей собственности на общую пользу, было только въ Іерусалимской об-

щинѣ, да и въ ней существовало недолго. Но благотворительныя вспомоществованія нуждающимся были повсюду самымъ обыкновеннымъ дѣломъ во всѣхъ христіанскихъ обществахъ—дѣломъ, которое настоятельно требовалось самымъ духомъ христіанства. „Мы жившіе прежде для благъ земныхъ, говоритъ св. Іустинъ философъ, теперь охотно дѣлаемъ бѣдныхъ участниками въ томъ, чѣмъ владѣемъ". Тертуллианъ свидѣтельствуетъ, что домъ каждаго христіанина, его столъ, его житницы гостепріимно были открыты для всѣхъ собратій, что жены христіанскія на перерывъ стремились во всѣхъ мѣстахъ подавать помощь бѣднымъ и посѣщать самыя смиренныя жилища," По этимъ отзывамъ личныя дѣла милосердія, непосредственно каждымъ христіаниномъ оказываемыя нуждающимся, представляются какъ дѣла, свойственныя каждому христіанину того времени. Но хотя эти частныя или личныя вспомоществованія нуждающимся составляли, безъ всякаго сомнѣнія, бо́льшую часть благотворительныхъ дѣлъ того времени, однако, по самому существу и характеру этихъ дѣлъ, они естественно не такъ намъ извѣстны, какъ дѣла благотворительности общественной.

Въ числѣ этихъ послѣднихъ на первомъ планѣ являются такъ называемыя *агапы*, или вечери любви—братскіе обѣды, обыкновенно устроявшіеся послѣ литургіи изъ добровольныхъ приношеній вѣрующихъ.—Такія вечери, возникшія первоначально въ церкви іерусалимской въ связи съ существовавшимъ тамъ общеніемъ имуществъ, распространились изъ нея и въ другія церкви и равно были приняты обращенными къ вѣрѣ какъ изъ язычниковъ, такъ и изъ іудеевъ. Впрочемъ уже со 2-го вѣка агапы совершались не каждый день, и сама евхаристія не всегда сопровождалась ими. Впослѣдствіи онѣ были и совсѣмъ отмѣнены Но бѣдные и при отмѣнѣ агапъ не забывались. Забота доставлять хлѣбъ и вино для таинства евхаристіи предоставлена была самимъ вѣрующимъ, и въ этомъ случаѣ было въ обычаѣ приносить къ богослуженію гораздо болѣе, чѣмъ сколько нужно было для совершенія таинства—этотъ излишекъ и поступалъ въ пользу бѣдныхъ.

Сверхъ приношеній къ богослуженію, было еще въ обычаѣ, чтобы вѣрующіе каждую недѣлю или каждый мѣсяцъ приносили діакону или епископу посильное приношеніе—деньгами или вещами—въ пользу бѣдныхъ (какъ это видно, между прочимъ, изъ выше приведеннаго свидѣтельства Тертуллиана).

Самые посты древняя церковь обращала въ средство благотворительности. Вотъ замѣчательное наставленіе на этотъ счетъ въ одномъ древнемъ памятникѣ христіанской письменности („Пастырь" Ермы): „Относительно поста поступай такъ: въ тотъ день, въ который постишься, ничего не вкушай, кромѣ хлѣба и воды, и исчисливши издержки, которыя ты сдѣ-

лалъ бы въ этотъ день на пищу, по примѣру прежнихъ дней, остающееся отъ этого дня отложи и отдай вдовѣ. сиротѣ, бѣднымъ."

Для этой благотворительной цѣли, сверхъ опредѣленныхъ дней поста, назначались еще и особые посты по усмотрѣнію епископа, когда требовали того особыя нужды церкви. „Епископы—говоритъ Тертулліамъ— назначаютъ у насъ дни постовъ для вѣрныхъ—это служитъ средствомъ увеличивать сокровищницу бѣдныхъ."

Наконецъ источникомъ средствъ благотворительности служили чрезвычайныя приношенія. которыя дѣлали въ пользу церкви отдѣльныя богатыя лица по поводу какихъ либо знаменательныхъ событій ихъ жизни. Такъ Кипріанъ, еп. Карѳагенскій, когда обратился въ христіанство, продалъ свои имѣнія въ пользу бѣдныхъ. Тоже дѣлали многіе изъ проповѣдниковъ евангелія, отправляясь на свое миссіонерское служеніе (Евсевій Церк. ист. III, 37).

Изъ этихъ то добровольныхъ и всегда усердныхъ приношеній составлялась общая церковная касса которая употреблялась на вспомоществованіе нищимъ, больнымъ, вдовамъ, сиротамъ, преклоннымъ старикамъ, вообще всѣмъ тѣмъ, положеніе которыхъ требовало этой помощи и которые признавались достойными ея. На это послѣднее обстоятельство, то есть— чтобы помощь оказывалась достойнымъ, обращалось особенное вниманіе. „Способному къ работѣ-работа, а неспособному къ работѣ—состраданіе"—вотъ изреченіе, которое хотя встрѣчается въ одномъ еретическомъ сочиненіи (въ т. назыв. *Клементинахъ*), но выражаетъ обще-церковное правило, которымъ руководствовались тогда при оказаніи помощи нуждающимся.—Праздность не поощрялась. Постановленія Апостольскія съ особою настойчивостію призываютъ способныхъ трудиться къ труду, „дабы не обременять собою церкви божіей... Лѣность есть стыдъ и кто не трудится, тотъ не долженъ у васъ и ѣсть, потому что празднолюбцевъ ненавидитъ Господь, и всякій, кто почитаетъ Бога, не долженъ быть лѣнивымъ (II, 63.) „Кто самъ можетъ работать и однако принимаетъ милостыню, тотъ крадетъ хлѣбъ у дѣйствительно бѣдныхъ, и Господь накажетъ его за то" (IV, 3.). Итакъ способнымъ къ работѣ и не желавшимъ работать отказывалось въ пособіи. Зато, истинно бѣдные, которые, по престарѣлости или болѣзни, не въ состояніи были заработывать себѣ хлѣбъ, пользовались любвеобильнымъ вниманіемъ общества. Имена ихъ вносились въ особые реестры, такъ называемыя матрикулы, въ которыхъ, на основаніи свѣдѣній, доставляемыхъ діаконами, обозначались возрастъ, полъ, занятіе, положеніе каждаго, и соотвѣтственно этому каждому подавалась та ими другая помощь. Такого рода бѣдняки, и вообще нуждающіеся, составляли истинную сокровищницу церкви. По этому, когда въ гоненіе Валеріана префектъ

города Рима потребовалъ отъ архидіакона римской церкви Лаврентія выдачи ея сокровищъ, то Лаврентій, хотя не безъ остроумія, (за которое и пришлось ему поплатиться жизнію—его изжарили на раскаленной желѣзной рѣшеткѣ), но совершенно основательно могъ указать ему на нищихъ и убогихъ, именно: потребовавъ три дня для исполненія требованія префекта, архидіаконъ представилъ ему тогда собранныхъ имъ нищихъ, слѣпыхъ, хромыхъ, увѣчныхъ всякаго рода и сказалъ: „вотъ наши сокровища, пользуйся ими, если хочешь, для Рима, для императора и для тебя самого.“ (Ambros. Die offic min.).

Таковы были дѣйствія христіанской благотворительности въ первые три вѣка христіанства. Это было время наивысшей жизненности и дѣйственности христіанской вѣры, а соединенно съ нею и любви въ сердцахъ вѣрующихъ. Эта любовь была тогда всецѣло душею благотворенія. Призиравшіе нищихъ и убогихъ были въ постоянномъ братскомъ общеніи съ призираемыми, хорошо знали ихъ нужды и каждому изъ нихъ, сообразно съ его состояніемъ, подавали ту или другую помощь, подавали не ради того, чтобы получить себѣ отъ того какую нибудь пользу, хотя бы то и царство небесное, а просто—изъ одного состраданія къ страждущимъ, съ цѣлію облегчить ихъ участь, вывести несчастныхъ изъ нужды.

II.

Измѣненіе въ духѣ и направленіи благотворительности въ періодъ торжества христіанства.

Со времени торжества христіанства въ Имперіи, картина жизни христіанской измѣняется. Во время гоненій, когда не было никакихъ расчетовъ держаться христіанства, кто принималъ его, принималъ по глубокому убѣжденію въ его истинности, а потому и въ жизни старался всецѣло проводить правила христіанства; теперь же, когда держаться язычества было такъ же невыгодно, какъ прежде невыгодно было держаться христіанства, въ христіанское общество вошло много христіанъ ложныхъ, которые, по выраженію одного епископа того времени (V вѣка—Астерія Амасійскаго), готовы были мѣнять вѣру, какъ одежду, по мѣрѣ житейскихъ выгодъ. Лица эти и по переходѣ въ христіанство оставались въ сущности язычниками. Вступая въ церковь, они вносили съ собою тѣ же склонности, какія присущи имъ были и въ язычествѣ. Такимъ образомъ среди христіанъ явились эти позорившіе христіанское имя жестокосердые богачи, которые, по выраженію Амвросія Ме-

діоланскаго, одѣвая стѣны домовъ, оставляли раздѣтыми бѣдняковъ, и предаваясь увеселеніямъ, думали о своихъ собакахъ и лошадяхъ болѣе, чѣмъ о своихъ братьяхъ христіанахъ. Явились эти утопавшія въ роскоши знатныя дамы, носившія столь дорогія украшенія, что, по выраженію Златоуста, насущный хлѣбъ многихъ семействъ висѣлъ въ ухѣ или на шеѣ одной матроны. Явились богачи, которые самыми несчастіями ближнихъ готовы были пользоваться для своихъ выгодъ. Златоустъ въ одной изъ своихъ проповѣдей напоминаетъ своимъ слушателямъ слѣдующій случай, показывающій, до какой степени могло доходить жестокосердіе такихъ богачей: „Однажды градъ нашъ, говоритъ проповѣдникъ, постигло бездождіе; всѣ страшились крайнихъ бѣдствій, умоляли Бога положить конецъ сей опасности. Наконецъ—слава всемилостивому Богу!—пролилъ сильный и продолжительный дождь. Всѣ радовались и торжествовали. Но, при общемъ всѣхъ весельи, одинъ изъ людей весьма богатыхъ ходилъ по городу печальный, съ поникшей головой, полумертвый отъ унынія. И когда многіе спрашивали, почему онъ одинъ сѣтуетъ, когда другіе радуются, онъ не въ состояніи былъ скрыть своей лютой страсти и объяснилъ причину, сказавъ: у меня столько-то мѣръ пшеницы и теперь мнѣ некуда сбыть ее.—Что ты говоришь, человѣкъ!—восклицаетъ ораторъ, мысленно обращаясь къ этому богачу, скорбишь о томъ, что не всѣ погибли и потому не имѣешь возможности собрать золото? Видишь ли, какъ золото не позволяетъ человѣку быть человѣкомъ, а дѣлаетъ его звѣремъ и демономъ? И это сказано мною, добавляетъ Златоустъ, не объ этомъ только человѣкѣ, а о всякомъ, кто страждетъ такимъ недугомъ, кто возвышаетъ цѣны на жизненные припасы и доводитъ ближняго до нищеты, а о человѣколюбіи не имѣетъ и понятія“. И такихъ, чуждыхъ христіанскаго духа, христіанъ, какъ видно, было немало. „Я вижу церковь—говорилъ св. Златоустъ, оплакивая нравственный упадокъ христіанскаго общества—вижу церковь, лежащую подобно трупу; я вижу ея тѣло, глаза, руки, ноги, голову, но ни одинъ изъ этихъ членовъ не исполняетъ своего назначенія. Всѣ присутствующіе имѣютъ вѣру, но вѣру мертвую *огонь любви погасъ*“.

Однакоже, какъ ни широки были захваты антихристіанскаго духа въ христіанскомъ обществѣ, было бы ошибочко и несправедливо думать, что этотъ враждебный христіанству духъ совершенно возобладалъ и поработилъ себѣ всѣхъ и все въ христіанствѣ. Вмѣстѣ съ христіанами ложными, язычествующими, не было недостатка въ христіанахъ истинныхъ, глубоко проникнутыхъ духомъ христіанства; наряду съ проявленіями возмутительнаго своекорыстія видимъ высокіе образцы христіанскаго человѣколюбія, правда въ жизни и дѣятельности меньшинства, но меньшинства, полнаго нравственной силы, съ могущественнымъ вліяніемъ даже на растлѣн-

ное общество.*) Наиболѣе видными представителями этого меньшинства являются знаменитые пастыри церкви того времени, которые словомъ и дѣломъ проповѣдывали любовь евангельскую и на всѣ времена остаются свѣтлыми образцами исполненія этой заповѣди. Изъ нихъ нѣкоторые уже при самомъ избраніи на епископство отказывались отъ своего имущества, иногда очень значительнаго, въ пользу бѣдныхъ (Амвросій Медіоланскій, Августинъ). Затѣмъ, и въ епископствѣ, ведя самую скромную жизнь, всѣ свои доходы также обращали на нужды своей паствы; въ крайнихъ же случаяхъ не стѣснялись продавать даже и церковныя вещи въ пользу нуждающихся. Такъ напримѣръ поступилъ Амвросій Медіоланскій, употребивъ церковныя сокровища на выкупъ плѣнныхъ, и когда аріане по этому случаю упрекали его въ святотатствѣ, онъ отвѣчалъ имъ вопросомъ: „что они считаютъ драгоцѣннѣе—церковные сосуды или души христіанскія? И неужели дѣйствительность таинства зависитъ отъ золотой чаши?" Точно также другой епископъ—Акакій Амасійскій, желая выкупить 7 тысячъ плѣнныхъ персовъ, которые захвачены были римскою арміею и, не получая свободы, находились въ самомъ плачевномъ положеніи,—собравъ свой клиръ, обратился къ нему съ такою рѣчью: „Богъ нашъ не имѣетъ нужды ни въ чашахъ, ни въ блюдахъ, такъ какъ онъ ни ѣстъ, ни пьетъ; употребимъ же золотые и серебряные сосуды, которыми владѣетъ церковь, на то, чтобы выкупить и напитать этихъ несчастныхъ плѣнныхъ". Объяснивъ клирикамъ это, онъ расплавилъ сосуды и, отдавъ воинамъ плату за плѣнниковъ, далъ плѣнимымъ возможность возвратиться въ Персію (Сокр. Церк. Ист. VII, 21.)

Дѣйствуя сами такимъ образомъ, человѣколюбивые пастыри церкви внушали такія же мысли и своимъ пасомымъ. „Не будемъ думать, гов. св. Златоустъ, что для спасенія нашего достаточно, если мы, забывъ о вдовахъ и сиротахъ, пожертвуемъ въ храмъ золотые, драгоцѣнными камнями украшенные сосуды .. Богу нужны не сосуды, а души золотыя. Если же душа твоя остается хуже свинца и черепка, а сосудъ будетъ золотой, какая отъ того будетъ польза? Церковь не складочное мѣсто золотыхъ или серебряныхъ вещей, а соборъ ангеловъ... Тѣло Господне, находящееся на жертвенникѣ, нуждается не въ драгоцѣнныхъ покровахъ, а въ чистыхъ душахъ, которыя могли бы достойно принимать его. Я не запрещаю вамъ дѣлать приношенія къ алтарю, но настаиваю, что прежде всего у васъ должны быть заботы о бѣдныхъ. Могутъ ли быть ваши жертвы пріятны

*) Этотъ *относительный* только, а не безусловный упадокъ нравственности въ періодъ торжества христіанства прекрасно отмѣченъ въ словахъ блаженнаго Іеронима: ecclesia nunc potentia et divitiis major, virtutibus *minor*. —Добродѣтели въ церкви *умалились*, но отнюдь не исчезли.

Христу, когда жертвенникъ его будетъ покрытъ дорогими сосудами, а самъ онъ будетъ алчущимъ и жаждущимъ въ лицѣ нищихъ? Напитайте прежде Его, алчущаго и жаждущаго, и затѣмъ, если останутся средства, украшайте жертвенникъ" (*Migne*, т. 58, ser. gr. Homil. in. Math. pag. 507—509).

Особаго вниманія заслуживаютъ пастырскія наставленія относительно нелицепріятной помощи бѣдствующимъ—изъ чистаго человѣколюбія. Константинопольскій епископъ Аттикъ (V в.), посылая пресвитеру никейской церьви триста золотыхъ монетъ для раздачи пострадавшимъ отъ голода, писалъ ему: „Когда будешь давать, не обращай вниманія на вѣроисповѣданіе, но имѣй въ виду только одно—напитать алчущихъ, не разбирая, по нашему ли они мыслятъ" (Церк. Ист. Сократа, VII, 23). Св. Левъ, папа римскій, училъ: „Хотя прежде всего мы должны помогать нашимъ братьямъ по вѣрѣ, но и невѣрующіе не должны лишаться нашей помощи. Ближній, котораго намъ заповѣдано любить, это—всѣ люди" (Serm. de jejun. dec. mens...)—Въ томъ же смыслѣ и вышеупомянутый епископъ Акакій настаивалъ на продажѣ церковныхъ драгоцѣнностей для выкупа плѣнныхъ персовъ.

Вообще отцы и учители церкви разсматриваемаго времени съ особымъ удареніемъ указывали на дѣла человѣколюбія, какъ дѣла наиболѣе угодныя Богу и наиболѣе обязательныя для христіанина, въ которыхъ самъ Христосъ полагалъ всю суть его нравственнаго ученія, причемъ въ противодѣйствіе корыстолюбивымъ и безсердечнымъ богачамъ, высказывали иногда очень смѣлыя иден, кажущееся противорѣчіе которыхъ съ первоначальною свободою христіанской благотворительности требуетъ особаго разсмотрѣнія.

„Кому я дѣлаю обиду, удерживая при себѣ свою собственность?" спрашивали Василія Великаго. „Что твоя собственность?—возражалъ на это знаменитый учитель церкви. Не походишь ли ты съ своей собственностью на человѣка, который, прійдя въ театръ и занявъ тамъ извѣстное мѣсто, думаетъ, что это мѣсто единственно для него и приготовлено. Точно также и богачи, захвативъ въ ненаполнимыя нѣдра любостяжательности то, что должно быть общимъ достояніемъ, считаютъ это захваченное своею неотъемлемою собственностію. Ты думаешь, что никому невредишь, лишая необходимаго столь многихъ?... Кто же и вредитъ, если не тотъ, кто присвояетъ чужую собственность. Называютъ воромъ того, кто снимаетъ съ другого платье. Но не слѣдуетъ ли назвать такъ и того, кто можетъ прикрыть наготу ближняго и не дѣлаетъ этого? Хлѣбъ, который ты прячешь, принадлежитъ голодному; одежда, которая имѣется у тебя въ излишествѣ, есть собственность нагого, деньги которыя имѣешь сверхъ

мѣры твоихъ надобностей, принадлежатъ бѣдному". (Бесѣда на текстъ: *разорю житницы моя* ..)

Тоже выражаетъ Златоустъ, говоря о зломъ богачѣ—въ евангельской притчѣ о богатомъ и бѣдномъ Лазарѣ: „я признаю, что онъ не сдѣлалъ никакого зла Лазарю; но онъ ничего не удѣлилъ ему изъ своего богатства, а это—грабительство. Отказывая въ помощи нуждающимся, мы также будемъ наказаны, какъ тѣ, которые грабятъ".

Также и св. Григорій Двоесловъ: „Тѣ, которые никому не даютъ и ни у кого не отнимаютъ, пусть знаютъ, что земля, изъ которой они созданы, щедро производитъ блага *для всѣхъ*. Пусть же и не считаютъ себя невиновными тѣ, которые сами только пользуются благами, опредѣленными отъ Бога для всѣхъ. Давая бѣднымъ необходимое, мы только возвращаемъ имъ ихъ собственность, а не удѣляемъ имъ что нибудь изъ своего, въ этомъ случаѣ мы скорѣе платимъ только долгъ справедливости, чѣмъ совершаемъ дѣло милосердія—вотъ почему священные писатели даютъ милостынѣ имя правды". (Greg. Magn. Reg. Pastoral.)

Еще прямѣе и рѣшительнѣе выражается по сему предмету св. Амвросій Медіоланскій: „Примѣръ птицъ небесныхъ, приводимый въ евангеліи, показываетъ, что единственная причина бѣдности-скупость, ибо если птицы небесныя ни сѣютъ, ни жнутъ, и тѣмъ не менѣе имѣютъ въ изобиліи все, что нужно имъ для существованія, это потому, что ни одна изъ нихъ не присвояетъ себѣ плодовъ, назначенныхъ для всѣхъ. Присвояя земныя блага исключительно себѣ, мы тѣмъ самымъ разрушаемъ благо общее. Земля дана всѣмъ людямъ въ общее пользованіе, никто не можетъ считать себя собственникомъ того, что онъ насиліемъ отторгъ отъ общаго достоянія,—кромѣ того, что нужно ему для жизни... Природа произвела право общаго владѣнія, злоупотребленіе создало право частное (Natura igitur jus commune generavit, usurpatio jus fecit privatum.).

Сила и рѣзкость сейчасъ приведенныхъ упрековъ богачамъ, конечно, объясняется самымъ свойствомъ этихъ богачей. У этихъ богачей, судя по ихъ характеристикѣ, слухъ былъ также грубъ, какъ сердце. Нужно было говорить громко, чтобы они слышали. Силу нападенія нужно было соразмѣрять съ силой сопротивленія. А чтобы понять внутренній смыслъ самаго воззрѣнія, лежавшаго въ основѣ этихъ упрековъ, нужно имѣть въ виду религіозную точку зрѣнія, съ которой названные отцы смотрѣли на предметъ. „Земля и все, что на ней, принадлежитъ Богу" вотъ исходный пунктъ ихъ воззрѣнія. Исходя изъ этого начала, они различаютъ, въ обладаніи богатствомъ, отношеніе богача къ ближнимъ и отношеніе его къ Богу.

Въ отношеніи къ ближнимъ богачъ есть полноправный обладатель своего имущества, никому необязанный давать отчета въ его употребленіи. Земная доля его въ обладаніи благами міра утверждена на волѣ самого распорядителя нашихъ судебъ—Бога.

Въ отношеніи же къ Богу богачъ есть только управитель ввѣренныхъ ему благъ съ извѣстнымъ назначеніемъ. Онъ получилъ отъ Бога эти блага не для своей только пользы, но и для пользы своихъ братій, и потому если одинъ пользуется дарами, назначенными и для другихъ, то преступаетъ свою обязанность въ отношеніи къ Богу—также, какъ преступаетъ обязанность въ отношеніи къ своему господину вѣроломный домоправитель, удерживающій у себя деньги, полученныя для раздачи; это —воровство, но воровство какъ преступленіе противъ закона божескаго, а не человѣческаго. Въ этомъ именно смыслѣ св. Златоустъ и поучаетъ богачей: „Распоряжайтесь своими богатствами такъ, какъ будтобы они были не ваши. Удѣляйте изъ нихъ бѣднымъ,—такъ, какъ дѣлаетъ это въ большихъ домахъ домоправитель, который обязанъ отдать отчетъ въ томъ, что онъ получилъ, и раздать полученное такъ, какъ угодно господину“.

Такимъ образомъ отцы въ своихъ проповѣдяхъ противъ богатыхъ возставали собственно не противъ богатства, а противъ неправильнаго, себялюбиваго пользованія имъ. „То, что я сказалъ противъ богатыхъ, замѣчаетъ Златоустъ послѣ обличительныхъ словъ на нихъ, относится не къ богатымъ, а къ скупымъ, рабамъ своихъ богатствъ Богачъ и скупецъ не одно и тоже. Ты богатъ—я не противъ этого. Ты скупъ—вотъ за что я тебя порицаю.“

Съ такою силою отцы и учители церкви призывали къ благотворенію. И призывъ этотъ не былъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ —Благотворительность, такъ широко практиковавшаяся въ первые три вѣка христіанства, не оскудѣвала и теперь, только сообразно съ обстоятельствами времени должна была измѣнить свою форму. Въ первые три вѣка благотворительность христіанская (и личная и общественная) существовала въ формѣ индивидуальныхъ вспомоществованій—каждому нуждающемуся порознь. Въ это тяжелое для христіанъ время гоненій общество христіанское, сравнительно еще немногочисленное и всегда угрожаемое хищничествомъ язычниковъ, не заботилось особенно ни о недвижимой собственности, ни объ основаніи благотворительныхъ учрежденій. Была въ церкви (вообще, или въ отдѣльныхъ церквахъ), какъ мы видѣли, общественная касса, удовлетворявшая скромнымъ нуждамъ неимущихъ, но еще болѣе, можетъ быть, эти нужды удовлетворялись тѣмъ человѣколюбивымъ усердіемъ всѣхъ могущихъ благотворить, о которомъ мы слышали такое выразительное свидѣтельство Тертулліана и которое другой писатель того же

времени (Климентъ Александрійскій) прекрасно сравниваетъ съ источникомъ, который постоянно поитъ жаждущихъ и постоянно восполняемый никогда неоскудѣваетъ.

Со времени торжества христіанства это *человѣколюбивое* усердіе въ общемъ замѣтно ослабѣваетъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ самая настойчивость проповѣдническихъ увѣщаній къ подаянію милостыни, при томъ съ особымъ, характернымъ для этого времени, мотивомъ, котораго не знало предшествующее время. Именно: въ проповѣдяхъ разныхъ проповѣдниковъ этого періода, вмѣстѣ съ призывомъ къ благотворенію изъ чистаго человѣколюбія, проводится еще, въ качествѣ мотива къ тому же благотворенію, и та, не имѣющая уже ничего общаго съ человѣколюбіемъ, мысль, что подавая милостыню мы даемъ взаймы Богу, Его дѣлаемъ своимъ должникомъ, который возвратитъ намъ долгъ съ лихвою, и такимъ образомъ хорошо помѣщаемъ свой капиталъ на небесахъ. „Ты имѣешь меня подателомъ тебѣ имущества, говоритъ у блаж. Августина въ одной изъ его проповѣдей Богъ, призывая христіанина къ благотворенію,—теперь сдѣлай меня и должникомъ. Ты даешь мнѣ мало, я заплачу тебѣ много. Ты даешь мнѣ предметы земные. Я вознагражду тебя предметами небесными“. И еще въ другой проповѣди тотъ же Августинъ: „Помѣщай свои деньги на небесахъ. Довѣряй ихъ Богу. Богъ хочетъ имѣть тебя своимъ кредиторомъ“. „Куплю обезпечена, говоритъ другой проповѣдникъ (Сальвіанъ марсельскій V в.), развивая ту идею, какъ путемъ благотворенія можно пріобрѣсти царство небесное,—и нѣтъ нужды опасаться убытка, потому что Богъ надежный воздаятель“. Даже Златоустъ, вообще ревностный проповѣдникъ любви христіанской, иногда усиленно развивалъ такой утилитарный взглядъ на благотвореніе. „Сегодня начинается торгъ милостыней, говоритъ онъ въ одной изъ проповѣдей, ибо мы видимъ нѣнныхъ и бѣдныхъ, мы видимъ блуждающихъ по рынку, мы слышимъ, какъ они плачутъ, рыдаютъ и сѣтуютъ, мы имѣемъ чудесную ярмарку предъ своими глазами. На ярмаркѣ есть однако одинъ предметъ; у дѣловаго человѣка нѣтъ другой цѣли, какъ купить товары дешево, а продать ихъ дорого. Такую ярмарку открылъ намъ Богъ: покупайте дѣла праведности дешево, чтобы въ будущемъ получить болѣе высокую цѣну. Здѣсь праведность продается дешево, продается за незначительный кусокъ хлѣба, за бѣдную одежду, за чашку холодной воды. Пока длится рынокъ, купимъ милостыню, или лучше—пріобрѣтемъ спасеніе посредствомъ милостыни“ (Бесѣда о пок. VII, 6). *) Этотъ мотивъ награды дѣлалъ свое дѣло въ

*) Примѣровъ такого проповѣданія у тогдашнихъ проповѣдниковъ можно бы привести много больше—они въ большомъ количествѣ собраны въ цитированномъ выше сочиненіи Ульгорна: „Христіанская благотворительность“ стр. 259 и слѣд.; но для нашей цѣли и приведенныхъ достаточно

сердцахъ, неспособныхъ къ воспріятію болѣе высокихъ побужденій— онъ привлекалъ множество благотворительныхъ жертвованій, но эти жертвованія, совершаемыя не въ духѣ любви, а въ расчетѣ пользы, едва ли много сближали благотворителей съ благотворимыми. Бѣднякъ становился для богача не объектомъ любви, а объектомъ выгодной купли.

Итакъ можно ли было теперь, когда общество христіанъ такъ разрослось, а любовь, связующая членовъ общества, значительно ослабѣла, найти опору для всякой вдовы, покровителя для всякой сироты, гостепріимное пристанище для всякаго странника, пріютъ для всякаго нищаго, нуждающагося въ немъ; гдѣ было найти служителей и врачей для всякаго немощнаго старика и всякаго больного, если бы захотѣли лечить ихъ и ходить за ними въ ихъ собственныхъ жилищахъ? При мысли объ этихъ неудобствахъ, св. Златоустъ въ одной изъ своихъ проповѣдей, въ своемъ глубокомъ состраданіи къ бѣднымъ, выразилъ желаніе, конечно несбыточное, обратить весь Константинополь въ обширный фаланстерій. Описавъ общину первыхъ христіанъ въ Іерусалимѣ, онъ говоритъ: „Въ какомъ изобиліи жили бы мы, если бы слѣдовали ихъ примѣру? Дайте мнѣ мысленно насладиться этою жизнію, если не соглашаетесь на нее въ дѣйствительности. Положимъ, всѣ продадутъ свои имущества и вырученную отъ нихъ сумму сдѣлаютъ общимъ достояніемъ. Какъ велика должна быть эта сумма, по вашему мнѣнію? Можетъ быть милліонъ фунтовъ золота, если не вдвое или втрое больше. Какія богатыя средства для насущнаго пропитанія бѣдныхъ! Не правдали, что это было бы болѣе, нежели достаточно на издержки для общественнаго стола? Кто невидитъ, что раздѣленіе имуществъ, увеличивающее издержки, есть одна изъ причинъ бѣдности? Предположимъ, что въ семействѣ живутъ десять человѣкъ дѣтей при отцѣ и матери—не истратятъ ли они, живя вмѣстѣ въ одномъ домѣ, гораздо менѣе, чѣмъ живя порознь, потому что въ послѣднемъ случаѣ имъ нужно было бы десять домовъ, десять слугъ и т. д. Нынѣ въ монастыряхъ живутъ такъ, какъ жили члены церкви въ первыя времена, и никто еще —слава Богу—не умираетъ тамъ голодною смертію.“ (Homil. in Acta ap. c. 3.)

Но св. Златоустъ, восхищаясь общиннымъ устройствомъ, которое однакожь, слѣдуетъ замѣтить, онъ рекомендуетъ, какъ дѣло совершенно свободное, могущее состояться только при добровольномъ соглашеніи на это членовъ общества, безъ всякаго вмѣшательства какой бы то ни было власти, самъ чувствовалъ, что это не болѣе, какъ *pium desiderium*, которымъ можно наслаждаться мысленно, но которое неудобовосовмѣстимо съ условіями дѣйствительной жизни. Однако высказанная имъ мысль объ общинномъ устройствѣ не осталась совершенно безъ примѣненія къ жизни. Его вѣкъ, отвергая то, что было

въ такомъ стремленіи неосуществимаго, организовалъ его въ формахъ: а) общаго сосредоточеннаго пособія всѣхъ нуждающимся того или другого рода вмѣстѣ б) добровольнаго соединенія нѣкоторыхъ избранныхъ, ищущихъ высшаго духовнаго совершенства, для жизни общинной — съ цѣлію удѣлять излишекъ средствъ, который, при трудолюбіи и воздержности этихъ лицъ, необходимо долженъ былъ у нихъ оставаться въ экономіи, въ пользу нуждающихся. Первое выразилось въ благотворительныхъ учрежденіяхъ христіанъ; слѣдствіемъ втораго было широкое развитіе благотворительнаго трудолюбія монастырскихъ общинъ.

III.

Благотворительныя учрежденія древнихъ христіанъ.

Св. Ефремъ Сиринъ и св. Василій Великій принадлежатъ къ числу первыхъ основателей благотворительныхъ учрежденій.

Около 375 г. въ Эдессѣ обнаружился страшный голодъ, за которымъ послѣдовала по обыкновенію болѣзнь, истреблявшая народонаселеніе. Богатые жители Эдессы не хотѣли не только помочь страждущимъ отъ голода, но не соглашались даже продавать по невысокой цѣнѣ хлѣбъ, лежавшій у нихъ въ избыткѣ. Услыхавъ объ этомъ, Св. Ефремъ изъ своего уединенія спѣшитъ въ столицу Месопотаміи и, утѣшая бѣдныхъ, умоляетъ богатыхъ быть къ нимъ милостивыми. Слово Ефрема смягчило жестокосердыхъ богачей, и они поручили ему ихъ средствами помогать несчастнымъ. Съ благодарностью принимая приношенія, онъ раздавалъ пособія бѣднымъ, отовсюду къ нему стекавшимся, а для больныхъ и совершенно безпріютныхъ устроилъ больницу на 300 кроватей и заботился такъ не только о жителяхъ Эдессы, но и о жителяхъ другихъ ближайшихъ и отдаленныхъ мѣстъ, которые въ надеждѣ на его помощь приходили въ Эдессу.

Св. Василій Великій около того же времени основалъ близъ Кесаріи, гдѣ онъ былъ епископомъ, больницу для больныхъ проказою, которая такъ свирѣпствовала въ древніе и средніе вѣка. Эти больные, тѣло которыхъ какъ будто опалено было огнемъ, походившіе болѣе на мертвецовъ, чѣмъ на живыхъ, покинутые своими, внушавшіе всѣмъ ужасъ, гонимые съ площадей, отъ фонтановъ, отъ всѣхъ жилыхъ мѣстъ, блуждали всюду, тщетно пытаясь слабымъ голосомъ возбудить къ себѣ состраданіе. На этихъ то несчастныхъ и обратилъ Св. Василій свое человѣколюбивое попеченіе. Собирая ихъ въ особый, устроенный для нихъ пріютъ, онъ въ одно и тоже время облегчалъ ихъ бѣдственное положеніе и предохранялъ народъ отъ заразы.

Вскорѣ поняли экономическое удобство помѣщать въ одно заведеніе страждущихъ какими бы то ни было физическими недугами, гдѣ бы они могли пользоваться общими для всѣхъ пособіями и уходомъ; по этому по всей имперіи заведено было множество больницъ, извѣстныхъ подъ именемъ *носокомій*. Въ эти больницы помѣщали теперь, между прочимъ, и душевно больныхъ—умалишенныхъ, которыхъ до этого времени обыкновенно содержали въ тюрьмахъ какъ преступниковъ. Сначала больницы возникли на востокѣ, а потомъ стали появляться и на западѣ, гдѣ долгое время удерживалось для нихъ и то же самое греческое названіе *nosocomium*. Здѣсь первой основательницей дома для больныхъ является знаменитая вдова Фабіола, происходившая, какъ самое имя ея показываетъ, изъ древняго рода Фабіевъ. Основавъ больницу въ Римѣ, она захотѣла первая же начать въ ней и служеніе болящимъ—быть для нихъ не только благотворительницей, но и сестрой милосердія. Она переносила больныхъ на своихъ рукахъ, обмывала и перевязывала ихъ раны, на которыя не рѣшились бы и взглянуть другія дамы. Ея вниманіе къ больнымъ отличалось такою материнскою нѣжностію и любовію, что, по замѣчанію блаженнаго Іеронима, бѣдные желали заболѣть, чтобы только поступить на ея попеченіе.

Одновременно съ больницами, возникали и другія благотворительныя учрежденія, въ которыхъ также соединялись нуждающіеся того или другого рода для совмѣстнаго попеченія о нихъ, каковы: богадельни, странно пріимницы, сиротскіе дома, вдовьи дома.. .. Въ законодательствѣ Юстиніана эти пріюты упоминаются уже, какъ существующія и установившіяся учрежденія.

Позднѣе возникаютъ дома для пріема бѣдныхъ роженицъ: въ 7 вѣкѣ патріархъ Александрійскій Іоаннъ Милостивый учредилъ въ разныхъ частяхъ города семь такихъ домовъ, въ которыхъ бѣдныя роженицы могли находить кровати и необходимое пропитаніе и уходъ.

Затѣмъ являются и воспитательные дома для дѣтей, оставляемыхъ родителями. На Востокѣ первый примѣръ устроенія такихъ домовъ дала Анфуса, дочь имп. Константина Копронима—въ 8 вѣкѣ. Въ устроенный ею воспитательный домъ она съ материнскою заботливостію принимала дѣтей, покинутыхъ родителями. Когда дѣти подростали, она ввѣряла мальчиковъ надзору старцевъ, которые пріучали бы ихъ къ какому нибудь ремесленному труду, а дѣвочекъ отдавала въ монастыри, гдѣ монахини заботились о наученіи ихъ рукодѣльямъ и потомъ о пристроеніи къ мѣсту.—На западѣ начало воспитательныхъ домовъ связывается съ именемъ Миланскаго епископа Даѳея —то же въ 8 вѣкѣ. Вотъ нѣсколько словъ акта объ основаніи этимъ епископомъ воспитательнаго дома: „Жизнь чувственная часто совращаетъ людей съ пути, послѣдствіемъ чего бываетъ умерщвленіе дѣтей. Эти ужасы

не имѣли бы мѣста, если бы существовалъ пріютъ, гдѣ несчастныя матери могли бы скрыть свой позоръ; а теперь бросаютъ дѣтей въ клоаки, въ навозныя кучи, и столько совершается убійствъ, сколько рожденныхъ въ незаконномъ сожитіи дѣтей. Вслѣдствіе этого я, Даніи, для спасенія моей души и моихъ согражданъ, постановляю, чтобы купленный мною домъ, сосѣдній съ церковію, служилъ пріютомъ для дѣтей, покинутыхъ родителями — чтобы дѣти, подкидываемыя къ церкви, тотчасъ же были принимаемы начальникомъ пріюта и отдавались бы, въ этомъ же пріютѣ, на попеченіе кормилицъ и потомъ, когда подростутъ, были научаемы разнымъ мастерствамъ, необходимымъ для нихъ, по выходѣ изъ пріюта". [1])

Исчисленныя нами благотворительныя заведенія существовали большею частію независимо одно отъ другого; но иногда нѣкоторыя по крайней мѣрѣ, изъ нихъ соединялись и составляли одно общее обширное учрежденіе съ нѣсколькими филіалами. Такъ, зданіе, построенное Василіемъ Великимъ для прокаженныхъ, вскорѣ осложнилось множествомъ пристроекъ, назначенныхъ для другихъ больныхъ, а также и вообще для всякаго рода нуждающихся (сирыхъ дѣтей, преклонныхъ стариковъ...) такъ, что Григорій Великій сравнивалъ этотъ пріютъ, по его обширности, съ цѣлымъ городомъ. „Пройдите — говоритъ онъ — нѣсколько шаговъ за городъ и посмотрите на этотъ новый городъ, на это святилище благотворительности, на эту сокровищницу, въ которую, по призыву Василія, какъ въ безопасное отъ воровъ и червей мѣсто, приносится избытокъ богатыхъ и необходимое бѣдныхъ". Этотъ обширный пріютъ съ многочисленнымъ населеніемъ, съ одной стороны — призрѣваемыхъ въ немъ, а съ другой — лицъ заботившихся о нихъ и служившихъ имъ: управителей, врачей, служителей, ремесленниковъ, возбуждалъ даже подозрѣніе въ правителѣ Каппадокіи, и Василій Великій долженъ былъ смиренно объяснять ему, что заботиться о бѣдствующихъ вовсе не значитъ наносить ущербъ общественнымъ интересамъ, а скорѣе — содѣйствовать благосостоянію и чести края.

Средства для содержанія благотворительныхъ учрежденій поступали изъ разныхъ источниковъ. Если учрежденіе было прямымъ установленіемъ церкви, то на его содержаніе употреблялись доходы церковные. Если же основывали учрежденіе частныя лица, они также и обезпечивали его денежными вкладами или земельною собственностію Но кѣмъ бы ни основывались эти учрежденія, управлялись они епископами и состояли въ вѣдомствѣ церковномъ, какъ учрежденія, возникшія подъ непосредственнымъ возбужденіемъ вѣры христіанской и служившія дѣлу христіанства.

Съ какою любовію были призрѣваемы въ благотворительныхъ учрежденіяхъ убогіе, какъ они были дороги для этихъ учрежденій, объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующій, содержащійся въ „Лавсаикѣ" Палладія

[1]) *De Gouroff*, Recherches sur les enfants trouvés, p. 138—139. Paris, 1839.

Елеонопольскаго, *) характерный для того времени разсказъ о пресвитерѣ Макаріи, надзирателѣ богадельни въ Александріи,—разсказъ о томъ, какъ онъ одну богатую и любостяжательную дѣвицу заставилъ пожертвовать значительную сумму денегъ въ пользу управляемой имъ богадельни. „Надобно замѣтить, что этотъ Макарій въ молодости своей занимался обдѣлываніемъ камней. Вотъ онъ приходитъ къ той дѣвицѣ и говоритъ: попались мнѣ дорогіе камни—яхонты и изумруды; краденые они или купленые, не умѣю сказать, только камни эти безцѣнные; хозяинъ продаетъ ихъ за 500 червонцевъ; если тебѣ угодно купить ихъ, дай мнѣ эти деньги; камни ты можешь употребить на наряды для своей племянницы.— Дѣвица, всей душой привязанная къ племянницѣ, обрадовалась случаю нарядить ее, усердно благодаритъ Макарія и говоритъ: сдѣлай милость не отдавай ихъ никому. Макарій приглашаетъ ее къ себѣ: дойди, говоритъ, до моего дома и посмотри камни—еще понравятся ли тебѣ. Но дѣвица не захотѣла этого и тутъ же отдала ему 500 червонцевъ, говоря: прошу тебя достань мнѣ, какъ хочешь, эти камни, а мнѣ нехочется видѣться съ человѣкомъ, который продаетъ ихъ. Макарій взялъ отъ нея 500 червонцевъ и употребилъ ихъ на нужды богадельни. Прошло много времени—отъ Макарія никакого отвѣта, а дѣвица стыдилась напомнить ему, потому что это было почтенный старецъ, пользовавшійся общимъ уваженіемъ Наконецъ, увидавъ его въ церкви, говоритъ ему: что же тѣ камни, за которые мы дали 500 червонцевъ? Макарій отвѣтилъ ей. въ тотъ же самый день, какъ ты дала мнѣ деньги, я и заплатилъ ихъ за камни, пойди въ мой богадельный домъ, гдѣ лежатъ у меня эти камни, посмотрѣть, понравятся ли они тебѣ; въ противномъ случаѣ возьми свои деньги назадъ. Дѣвица пошла съ радостію. Богадельный домъ имѣлъ два отдѣленія: въ одномъ помѣщались женщины, въ другомъ—мужчины. Когда пришли къ дому, Макарій спрашиваетъ ее: что угодно тебѣ сперва видѣть—яхонты или изумруды? Что хочешь, отвѣчала она. Тогда Макарій ведетъ ее въ одно отдѣленіе и, указывая на убогихъ женщинъ, говоритъ: это вотъ яхонты; за тѣмъ ведетъ въ другое отдѣленіе и, указывая на такихъ же мужчинъ, говоритъ: а это изумруды! И я полагаю, что драгоцѣннѣе этихъ камней нигдѣ и найти нельзя; если же они не нравятся тебѣ, возьми свои деньги назадъ. Дѣвица въ смущеніи вышла изъ богадельни о. Макарія и, придя домой, даже занемогла отъ великой печали; а яхонты

*) Палладій Елеонопольскій (368—430) в нѣсколько лѣтъ путешествовалъ по разнымъ странамъ Египта для собранія свѣдѣній о замѣчательныхъ подвижникахъ монашества, собранныя свѣдѣнія изложилъ онъ въ особой книгѣ, названной имъ по имени лица, которому онъ посвятилъ ее: *Лавсаикъ*

и изумруды все-таки оставила за собой, то есть денегъ, данныхъ отцу Макарію на покупку этихъ камней, не потребовала назадъ". (Лавс., 6.).

О широтѣ благотворенія, практиковавшагося въ христіанскихъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, свидѣтельствуетъ и ненавистникъ христіанства—императоръ Юліанъ Предписывая (въ письмѣ къ языческому жрецу Арзакію) устроять при языческихъ храмахъ благотворительныя учрежденія по образцу христіанскихъ, онъ замѣчалъ: "Если и нечестивые галилеяне (христіане), кромѣ своихъ, питаютъ и нашихъ, то стыдно, что наши не получаютъ отъ насъ помощи" (Созом. Церк. ист. стр. 350). Но Юліанъ заблуждался, полагая, что такія учрежденія могли возникнуть по одному указу императора. „Юліанъ, насмѣшливо замѣчаетъ по этому поводу Григорій Богословъ, столько же успѣлъ въ подражаніи христіанамъ, сколько обезьяна успѣваетъ въ подражаніи человѣку".

IV.

Древніе монастыри со стороны ихъ благотворительной дѣятельности.

Монастырская жизнь не была непосредственно учрежденіемъ благотворительнымъ, это просто была новая форма, въ которую облекся христіанскій аскетизмъ первыхъ вѣковъ. Но если благотворительность и не была прямою цѣлью монастырскаго общежитія, тѣмъ не менѣе послѣднее было вспомогательнымъ средствомъ благотворительности и во многихъ отношеніяхъ содѣйствовало облегченію народной бѣдности.

Благотворительность, по самому уставу монашеской жизни тѣхъ временъ, считалась обязательною для монастырей, причемъ источникомъ средствъ для нея долженъ служить—по этому же уставу—трудъ людей, отрекшихся отъ міра, но не отъ любви къ остающимся въ міру и заботливости о нихъ.

Св. Василій Великій, организаторъ иноческаго житія на востокѣ, на вопросъ: нужно ли монахамъ заниматься физическими работами, отвѣчаетъ (въ написанныхъ имъ монашескихъ правилахъ): „Посему Апостолъ повелѣваетъ трудиться и дѣлать своими руками благое *да имамы что подаяти требующимъ* (Еф. IV, 28), то изъ сего ясно слѣдуетъ, что монахи должны трудиться. Такой образъ жизни полезенъ намъ не однимъ изнуреніемъ тѣла, но и любовію къ ближнимъ, чтобы чрезъ насъ и немощнымъ братіямъ подалъ Богъ довольство" (Правила, пространно изложенныя въ вопросахъ и отвѣтахъ, вопросъ 31; также Подвижнич. уст. гл. 4 и 5). А вопросъ о родѣ физическихъ работъ, приличныхъ монашескому званію, Василій Великій рѣшаетъ—въ тѣхъ же

правилахъ—такъ: „Не легко опредѣлить для монаховъ особенный видъ работъ, потому что для однихъ требуются тѣ, а для другихъ другія, по мѣстнымъ особенностямъ и по удобности производства въ каждой странѣ. Но можно въ общихъ словахъ изобразить, каковъ долженъ быть выборъ: это—работы, которыя не нарушаютъ мира и безмолвія нашей жизни, не требуютъ многихъ хлопотъ при добываніи свойственнаго имъ матеріала, и большихъ хлопотъ при продажѣ издѣлій. Не надобно также терять изъ виду, что во всѣхъ работахъ у насъ есть своя особенная цѣль—простота и дешевизна издѣлій, такъ какъ избѣгаемъ случаевъ услуживать человѣческимъ похотямъ, работая что нибудь ими требуемое. Такъ. въ ткацкомъ дѣлѣ допускаются у насъ издѣлія, необходимыя въ обыкновенной жизни, а не придуманныя для уловленія и опутанія сѣтьми юныхъ. Подобнымъ образомъ въ сапожномъ дѣлѣ будемъ услуживать своей работою тѣмъ, которые ищутъ необходимаго къ удовлетворенію потребности. А искусства плотничное, столярное, кузнечное и земледѣліе, хотя сами по себѣ необходимы для жизни, доставляютъ много полезнаго и по собственному ихъ назначенію не отвергаются нами, однако же, когда или нарушаютъ по временамъ безмолвіе, или отвлекаютъ братію отъ единства жизни, тогда по необходимости отъ нихъ уклоняемся, предпочитая такія работы, при которыхъ соблюдается жизнь неразвлеченная и приверженная къ Господу... А когда отъ тѣхъ работъ нѣтъ никакого вреда избранной нами жизни, тогда онѣ для насъ предпочтительнѣе многихъ другихъ, особенно же таково земледѣліе“... (Правила простр. излож., вопросъ 38). И дѣйствительно, въ тѣхъ монастыряхъ, гдѣ только позволяла мѣстность, монахи съ особымъ усердіемъ занимались земледѣліемъ, при чемъ обработывали не только свою монастырскую землю, но трудились (какъ сейчасъ увидимъ), гдѣ и когда оказывалось удобнымъ и нужнымъ, въ качествѣ наемныхъ работниковъ, и на чужихъ поляхъ. И вотъ плодами такихъ разнообразныхъ занятій и работъ *) монахи и пользовались для благотворенія. Пріобрѣтая своимъ трудомъ многое и расходуя на собственныя нужды, при той умѣренности, какою отличались древніе иноки, очень немногое,—излишекъ средствъ, а иногда и необходимое для себя, они всецѣло отдавали нуждающимся.

Какъ производителенъ былъ этотъ монашескій трудъ и какъ широка была истекавшая изъ него благотворительность, выразительное свидѣтельст-

*) О Панопольскомъ (въ Египтѣ) монастырѣ Палладій свидѣтельствуетъ: „Въ этомъ монастырѣ я видѣлъ пятнадцать портныхъ, семь кузнецовъ, четыре плотника, двѣнадцать вербюжьихъ погонщиковъ, пятнадцать суконвальщиковъ *Здѣсь занимаются всякимъ ремесломъ*“ (Лавсаикъ, 35)

во объ этомъ даетъ намъ вышеупомянутый Палладій Еленопольскій, самолично видѣвшій тогдашній быть монастырей. „Видѣли мы, говоритъ онъ, въ предѣлахъ арсинойскихъ пресвитера, по имени Серапіона, настоятеля многихъ монастырей и игумена многаго братства, *числомъ до десяти тысячъ* (sic!). Онъ чрезъ братію собиралъ множество хозяйственныхъ припасовъ; во время жатвы всѣ они сносили къ нему плоды, которые получали вмѣсто платы за уборку полей, каждый ежегодно въ количествѣ сорока мѣръ, и все это употреблялъ авва на вспомоществованіе бѣднымъ, такъ что никто не терпѣлъ нужды въ окрестности: хлѣбъ отсылаемъ былъ бѣднымъ даже въ Александрію. Впрочемъ и другіе отцы, живущіе по всему Египту, не пренебрегаютъ такою же распорядительностію: отъ трудовъ братіи они посылаютъ бѣднымъ въ Александрію корабли, наполненные хлѣбомъ и одеждою, и у нихъ рѣдко кто терпитъ нужду" (Лавсаикъ, 67)

Въ какой степени древнее монашество, оказывая помощь нуждающимся, проникнуто было сознаніемъ, что благотворительность есть высшее требованіе христіанства, отъ исполненія котораго всего менѣе могутъ уклоняться монахи, какъ ищущіе высшаго духовнаго совершенства, показываетъ слѣдующій разсказъ объ аввѣ Виссаріонѣ у того же Палладія: „Былъ одинъ старецъ, не имѣвшій собственности и въ тоже время милостивый. Пришедъ въ одно селеніе, онъ увидѣлъ на рынкѣ мертваго нищаго безъ всякой одежды; а на немъ самомъ была только одна рубаха, да епанча и подъ мышкою евангеліе... Увидавъ мертвое тѣло, онъ тотчасъ же снялъ съ себя епанчу и покрылъ ею мертвеца. Отойдя не много, онъ встрѣтился съ нищимъ, совершенно голымъ, и недолго размышляя усердно и скоро позвалъ того нищаго въ сѣни одного дома, надѣлъ на него свою рубаху, и отпустилъ его, а самъ остался нагой, закрылъ себя руками и присѣлъ на колѣна, имѣя только подъ мышкой слово Божіе—евангеліе. Въ это время проходилъ одинъ блюститель городскаго порядка съ своимъ помощникомъ и говоритъ этому помощнику: „посмотри, этотъ старикъ не авва ли Виссаріонъ?" Помощникъ отвѣчалъ: „въ самомъ дѣлѣ онъ". Тогда блюститель порядка, подойдя къ Виссаріону, спросилъ: „Кто раздѣлъ тебя?" Виссаріонъ протянулъ руку съ евангеліемъ и сказалъ: „вотъ оно раздѣло меня". Блюститель порядка немедленно снялъ съ себя верхнюю одежду и сказалъ: „вотъ тебѣ, святой человѣкъ". Въ другой разъ этотъ же самый Виссаріонъ показалъ опытъ еще совершеннѣйшаго соблюденія божественной заповѣди. Увидавъ на дорогѣ одного жалкаго нищаго, которому ничѣмъ не могъ помочь, тотчасъ же побѣжалъ на рынокъ и продалъ свое евангеліе. И когда, чрезъ нѣсколько дней, ученикъ его, не видя при немъ обычной книги, спросилъ: „гдѣ же, авва,

твоя малая книжка?“. Виссаріонъ спокойно отвѣчалъ ему: „Не печалься, братъ. Чтобы показать, что имѣю вѣру и покорность слову Божію, я продалъ это самое слово, которое всегда говорило мнѣ: „иди, продай имѣніе свое и дай нищимъ,“ (Лавсаикъ, 102).

Подавая помощь нуждающимся на сторонѣ, монахи заботливо призрѣвали таковыхъ и въ монастыряхъ, или въ особыхъ пріютахъ, устрояемыхъ при монастыряхъ.

Палладій свидѣтельствуетъ, что монахи Нитрійской горы (въ Египтѣ) устроили у себя странноприимный домъ, въ которомъ странники во все время пребыванія ихъ здѣсь, какъ бы ни было оно продолжительно, могли имѣть безплатное содержаніе, но жить безъ дѣла могли однакоже одну только недѣлю, а затѣмъ, если хотѣли оставаться долѣе, должны были принимать участіе въ монастырскихъ работахъ—въ саду, въ пекарнѣ, на поварнѣ“... (Лавс. 7.). Подобные же дома для странниковъ были и при другихъ—почти всѣхъ монастыряхъ, былъ ли то монастырь пустынный или близъ городовъ и селеній.

Многіе монастыри, сверхъ того, имѣли больницы, въ которыхъ врачевали больныхъ и служили имъ обыкновенно сами же монахи. Многіе иноки, еще находясь въ мірѣ, были свѣдущи въ медицинѣ, а потому и въ монастыряхъ, могли, въ качествѣ врачей, служить болящимъ. Народонаселеніе тѣмъ охотнѣе обращалось въ монастыри за врачебною помощію, что леченіе здѣсь было безплатное, къ тому же сопровождалось заботливымъ уходомъ и духовнымъ утѣшеніемъ, вслѣдствіе чего часто случалось, что тамъ, гдѣ искусство мірскихъ врачей оказывалось безсильнымъ, врачеваніе монаховъ производило самое благотворное дѣйствіе.

При нѣкоторыхъ монастыряхъ были особыя зданія для помѣщенія и совершенно безпріютныхъ, престарѣлыхъ, увѣчныхъ и другихъ неизлечимо больныхъ, которые, благодаря монастырскому призрѣнію, до конца жизни имѣли себѣ здѣсь даровое содержаніе и покой. Устроеніемъ такихъ заведеній особенно прославился преподобный Ѳеодосій Великій, начальникъ общежитія въ Палестинѣ.

Наконецъ монастыри служили и учебно-воспитательными пріютами для дѣтей (преимущественно сиротъ). Св. Василій Великій въ означенныхъ монашескихъ правилахъ даетъ обстоятельныя наставленія относительно обученія и воспитанія этихъ дѣтей. Онъ требуетъ, чтобы учили и воспитывали ихъ въ духѣ благочестія, но чтобы въ тоже время не пренебрегали и житейскимъ обученіемъ—чтобы въ монастырскихъ мастерскихъ

пріучали ихъ къ тѣмъ или другимъ, по ихъ способности и склонности, ремесламъ. По окончаніи воспитанія, расположенные къ монашеству торжественно, въ собраніи монашествующихъ произносили обѣты монашества и навсегда уже, въ качествѣ монаховъ, оставались въ монастырѣ, а нерасположенные могли свободно выходить въ міръ, и выходили съ запасомъ полезныхъ свѣдѣній, съ привычкою къ труду и воздержанію, словомъ—съ хорошими задатками для того, чтобы быть полезными членами общества (Правила, простр. изложенныя, 15).

Мы видѣли на протяженіи нѣсколькихъ вѣковъ древне-христіанскую благотворительность въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ, сообразно съ измѣнявшимися условіями самой жизни тѣхъ временъ. Въ заключеніе можемъ спросить: какое значеніе этихъ разнообразныхъ формъ и способовъ древне-христіанской благотворительности для временъ настоящихъ?

Жизнь человѣческая есть нѣчто вѣчно движущееся, вѣчно мѣняющее свои формы. Нельзя возвратить и повторить строя жизни извѣстнаго времени во всей его полнотѣ; тѣмъ не менѣе однакоже въ прошломъ всегда можно находить болѣе или менѣе полезныя указанія для настоящаго. Такія своеобразныя, носящія на себѣ рѣзкую печать своего времени, проявленія благотворительности, какъ купля яхонтовъ и изумрудовъ о. Макаріемъ, или обнаженіе себя, ради оказанія милостыни, старцемъ Виссаріономъ, конечно, уже совсѣмъ не подходятъ къ нашему времени; но въ общемъ прошлое христіанской благотворительности представляетъ примѣры, на которые можно смотрѣть прямо, какъ на священные завѣты христіанской древности вѣкамъ послѣдующимъ. Первоначальная организація помощи нуждающимся—по принципу индивидуализаціи, при постоянномъ дружескомъ общеніи призрѣвающихъ съ призрѣваемыми и неослабномъ участливомъ наблюденіи за дѣйствіемъ подаваемой помощи, заботливое и цѣлесообразное, по требованію дальнѣйшаго времени, устройство благотворительныхъ заведеній, братолюбивая „отъ своего труда и пота“ помощь нуждающимся со стороны монастырей—все это такія дѣйствія древне христіанской благотворительности, которыя навсегда сохранятъ значеніе не просто только полезныхъ, но во многихъ отношеніяхъ даже и руководственныхъ указаній въ дѣлѣ христіанскаго благотворенія. И тамъ, гдѣ эти указанія имѣютъ надлежащее примѣненіе, дѣло благотво-

ренія стоитъ на вѣрномъ пути, живой примѣръ тому (къ сожалѣнію, не изъ многихъ) —протестантскій городъ Эльберфельдъ, гдѣ благодаря раціональной организаціи помощи нуждающимся, во многомъ напоминающей ту, какая была у первобытныхъ христіанъ, совершенно нѣтъ нищенства и нищихъ, не смотря на многочисленное населеніе города—свыше 150000 чел. (въ 1900 г. считалось уже 156927). *).

Амфіанъ Лебедевъ.

*) Объ Эльберфельдзовской системѣ призрѣнія бѣдныхъ см брошюру П В. Каменскаго. „Проблема борьбы съ бѣдностью посредствомъ общественной самодѣятельности“ - Екатеринославъ, 1904 г

Вступленіе проф. М. С. Дринова въ Императорскій Харьковскій Университетъ.

Профессоръ М. С. Дриновъ такъ много труда отдалъ харьковскому университету и всегда считался въ числѣ такихъ почтенныхъ его дѣятелей, что имя его должно занять видное мѣсто въ исторіи харьковскаго университета, и самое назначеніе его въ преподаватели харьковскаго университета должно считаться однимъ изъ отрадныхъ фактовъ его лѣтописи. Справки въ протоколахъ университета 1872, 1873, 1875 и 1876 даютъ по этому поводу такіе матеріалы:

6 сент. 1872 состоялось такое постановленіе историко филологическаго факультета: Историко-филологическій факультетъ, озабочиваясь скорѣйшимъ замѣщеніемъ каѳедры славянскихъ нарѣчій и, по причинѣ безуспѣшности объявленнаго конкурса, не предвидя никакого успѣха отъ этого способа замѣщенія означенной каѳедры, вошелъ въ сношеніе съ магистрантомъ московскаго университета Дриновымъ, занимавшимся въ это время приготовленіемъ магистерскій диссертаціи по славянскимъ нарѣчіямъ. На предложеніе факультета 19 мая 1871 г занять кафедру славянскихъ нарѣчій, по пріобрѣтеніи степени магистра, съ званіемъ доцента, г. Дриновъ отвѣчалъ выраженіемъ полной готовности и обѣщалъ выслать свою диссертацію для ея разсмотрѣнія въ факультетъ немедленно по ея отпечатаніи.

Между тѣмъ для г. Дринова возникли затрудненія относительно средствъ напечатанія диссертаціи, и онъ обратился къ факультету (въ письмѣ 28 августа 1872 года) съ просьбою ходатайствовать предъ совѣтомъ университета о назначеніи ему денежнаго пособія для напечатанія диссертаціи въ томъ размѣрѣ, какой признаетъ совѣтъ возможнымъ, присовокупляя къ тому, что, принявшись за напечатаніе и, одновременно, за приготовленіе лекцій, онъ будетъ принужденъ отказаться отъ нынѣшнихъ своихъ занятій, а слѣдовательно и доходовъ; поэтому, кромѣ средствъ, необходимыхъ для печатанія, онъ будетъ нуждаться и въ средствахъ для прожитія. Въ томъ случаѣ, когда совѣтъ университета признаетъ возможнымъ означенное пособіе, г. Дриновъ надѣется пріобрѣсти магистерскую степень въ концѣ декабря 1872 или въ началѣ января 1873 года и

начать лекціи въ харьковскомъ университетѣ со втораго полугодія 1872 учебнаго года. Историко-филологическій факультетъ, обсудивъ содержаніе послѣдняго письма г. Дринова, а равно и то, что ему извѣстно о прежнихъ трудахъ его по славянскимъ нарѣчіямъ, въ засѣданіи 4 сентября, опредѣлилъ ходатайствовать предъ совѣтомъ университета о назначеніи ему денежнаго пособія изъ спеціальныхъ средствъ университета въ размѣрѣ 350 рублей. Донося о результатахъ сношеній съ г. Дриновымъ по замѣщенію кафедры славянскихъ нарѣчій, а также о состоявшемся 4 сентября опредѣленіи, и считая излишнимъ распространяться о крайней необходимости скорѣйшаго замѣщенія означенной каѳедры, факультетъ представилъ при семъ извѣстныя ему краткія біографическія свѣдѣнія о г. Дриновѣ, а также свѣдѣнія о прежнихъ его трудахъ. Г. Дриновъ, родомъ болгаринъ, окончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету въ 1866 году со степенью кандидата и съ того времени, въ продолженіи пяти лѣтъ, путешествовалъ по славянскимъ землямъ въ Австріи и Турціи, и значительное время пробылъ въ Италіи, гдѣ занимался въ архивахъ, изучая памятники дипломатическихъ сношеній южныхъ славянъ съ Италіей. Отчеты о своихъ занятіяхъ во время этого путешествія онъ печаталъ въ журналѣ болгарскаго ученаго общества, въ которомъ онъ помѣстилъ также и нѣсколько статей по исторіи болгарскаго народа и его языку. Кромѣ того, во время своего путешествія, г. Дриновъ напечаталъ въ Вѣнѣ, въ 1869 году, на болгарскомъ языкѣ, слѣдующіе труды. 1) Исторію болгарскаго царства и 2) Взглядъ на происхожденіе болгарскаго народа. По возвращеніи въ Москву въ 1871 году, онъ немедленно приступилъ къ магистерскому экзамену, который окончилъ съ полнымъ успѣхомъ, а вслѣдъ затѣмъ и къ приготовленію магистерской диссертаціи подъ заглавіемъ: «О колонизаціи Балканскаго полуострова славянами». Въ томъ-же году онъ напечаталъ въ издаваемомъ въ Москвѣ журналѣ «Бесѣда» статью «Объ отношеніяхъ болгарской церкви къ византійской патріархіи». Признавая для настоящей цѣли эти свѣдѣнія достаточными, факультетъ, въ случаѣ разрѣшенія испрашиваемаго денежнаго пособія, по разсмотрѣніи означенныхъ трудовъ г. Дринова, предоставлялъ себѣ войти съ мнѣніемъ о нихъ, при представленіи г. Дринова въ доценты. Въ случаѣ же невозможности разрѣшить испрашиваемое денежное пособіе, факультетъ ходатайствовалъ предъ совѣтомъ университета объ опредѣленіи г. Дринова стипендіатомъ для приготовленія къ профессорскому званію, съ оставленіемъ его на полгода въ Москвѣ для занятій въ тамошнихъ архивахъ.

Члены совѣта, по надлежащемъ обсужденіи представленія историко-филологическаго факультета и имѣя въ виду недостаточность спеціальныхъ суммъ

университета, изъ которыхъ бы можно было удовлетворить первое предложеніе факультета, признали болѣе возможнымъ предложить Дринову поступить въ число стипендіатовъ для приготовленія къ профессорскому званію съ откомандированіемъ его для спеціальныхъ занятій въ московскій университетъ, или же, если-бы это оказалось для г. Дринова неудобнымъ, то напечатать его сочиненіе въ протоколахъ совѣтскихъ засѣданій; о чемъ предоставить декану историко-филологическаго факультета войдти въ сношеніе съ г. Дриновымъ.

Вскорѣ историко-филологическій факультетъ доложилъ совѣту университета, что стипендіатъ для приготовленія къ профессорскому званію по славянскимъ нарѣчіямъ, Дриновъ, пріобрѣлъ въ московскомъ университетѣ степень магистра славянской филологіи. По полученіи о томъ оффиціальнаго увѣдомленія, а также магистерской диссертаціи г. Дринова, подъ заглавіемъ—«Заселеніе Балканскаго полуострова славянами», факультетъ поручилъ доценту Потебнѣ представить о ней письменный отзывъ, прося его въ то-же время высказать свое мнѣніе и о двухъ, болѣе замѣчательныхъ и напечатанныхъ прежде на болгарскомъ языкѣ сочиненіяхъ г. Дринова, изъ которыхъ одно, подъ заглавіемъ—Взглядъ на происхожденіе болгарскаго народа и на начало болгарской исторіи, Вѣна, 1869 года, а другое, подъ заглавіемъ—Обзоръ исторіи болгарской церкви отъ ея начала и донынѣ, напечатано также въ Вѣнѣ въ 1869 г.

Въ засѣданіи 2 мая выслушанъ былъ письменный отзывъ Потебни о магистерской диссертаціи г. Дринова слѣдующаго содержанія: «Предъ нами три сочиненія г. Дринова: 1-е—Взглядъ на происхожденіе болгарскаго народа и на начало болгарской исторіи, Вѣна, 1869 г. 2-е—Обзоръ исторіи болгарской церкви отъ ея начала и до нынѣ, Вѣна, 1869 г., 3-е—«Заселеніе балканскаго полуострова славянами», Москва, 1873 г. (Въ чтеніяхъ Императорскаго общества исторіи и древностей при московскомъ университетѣ).

Первыя два сочиненія написаны по-болгарски и имѣютъ въ виду, по крайней мѣрѣ отчасти, цѣли практическія. Вслѣдствіе тяжелыхъ обстоятельствъ болгарскій народъ «увидѣлъ себя какъ-бы отрѣзаннымъ отъ свѣта, сиротою между другими народами, безъ прошедшаго, безъ исторіи, безъ предковъ. По этому одно чувство должно было обнять душу болгарина,—самоуничиженіе, рѣшительно препятствующее самостоятельному развитію болгаръ», и мѣшающее имъ пользоваться болѣе благопріятными условіями жизни. Этому чувству думалъ противодѣйствовать г. Дриновъ изданіемъ отъ времени до времени для своихъ соотечественниковъ сочиненій, относящихся до ихъ исторіи.

Третье сочиненіе г. Дринова есть его магистерская диссертація, одобренная историко-филологическимъ факультетомъ московскаго университета, написанная по-русски и показывающая въ авторѣ совершенное знакомство съ русскимъ литературнымъ языкомъ. Здѣсь г. Дриновъ не находитъ нужнымъ высказывать интимныя побужденія, заставившія его выбрать тотъ, а не другой предметъ, и—не безъ основанія, такъ-какъ для насъ вполнѣ достаточно того, что сочиненіе трактуетъ о весьма важныхъ вопросахъ первыхъ вѣковъ (до VII в. по Р. Х.) исторіи славянъ. Всѣ три сочиненія, особенно послѣднее, наиболѣе зрѣлое, обнаруживаютъ въ авторѣ основательное знакомство съ обширнымъ кругомъ источниковъ на греческомъ и латинскомъ языкахъ и съ ученою литературою предмета на немѣцкомъ, французскомъ, англійскомъ, итальянскомъ, не говоря уже о славянскихъ языкахъ. По характеру и содержанію, хотя не по объему, оно подходитъ къ славянскимъ древностямъ Шафарика, отъ взглядовъ коего авторъ впрочемъ во многомъ отклоняется. Не излагая послѣдовательно содержанія диссертаціи г. Дринова, что сдѣлано въ мнѣніи историко-филологическаго факультета московскаго университета, я укажу только на нѣкоторыя его положенія, заслуживающія полнаго вниманія. Въ отличіе отъ Шафарика и отчасти согласно съ Миклошичемъ (Die slavischen Elemente im Rumunischen) авторъ доказываетъ, что волохи Нестора были римляне, а не кельты. Онъ находитъ «явственные намеки на то, что нѣкоторыя славянскія вѣтви находились болѣе или менѣе продолжительное время подъ властью римлянъ въ пору покоренія Дакіи Траяномъ». Согласно съ этимъ, онъ объясняетъ память о Траянѣ въ народныхъ преданіяхъ и письменныхъ славянскихъ памятникахъ. Румуновъ онъ производитъ не отъ римскихъ поселенцевъ въ Дакіи, а отъ ороманенныхъ ѳракійцевъ Балканскаго полуострова. Онъ подвергаетъ сомнѣнію достовѣрность разсказа Константина Багрянороднаго о приходѣ хорватовъ и сербовъ на нынѣшнія ихъ мѣста при императорѣ Ираклія и полагаетъ, что «и Далматія въ обширномъ смыслѣ, какъ и прочія области Балканскаго полуострова, *постепенно* была занимаема славянами; что еще за долго до Ираклія тамъ были уже болѣе или менѣе значительныя славянскія населенія, которыя въ царствованіе этого императора увеличились приливомъ новыхъ переселенцевъ съ сѣвера, приходомъ двухъ воинственныхъ славянскихъ дружинъ подъ именемъ сербовъ и хорватовъ». Отклоняясь отъ изслѣдователей, назначавшихъ для переселенія славянъ на Балканскій полуостровъ время въ 50 или 100 лѣтъ, авторъ доказываетъ, что начало этого переселенія восходитъ къ концу II вѣка нашего лѣточисленія и что съ половины VII вѣка прекращаются вторженія славянъ изъ-за Дуная и Савы. Албанцы суть представители аборигеновъ полуострова. Другіе остат-

ки того-же ѳрако-иллирійскаго племени расплылись въ массѣ покорившихъ ихъ славянъ и оставили память по себѣ въ нѣкоторыхъ отчасти презрительныхъ названіяхъ, каковы: Неропхъ, Шопъ, Долопъ. Романское населеніе этого края, еще довольно многочисленное въ VI вѣкѣ, по успленіи славянъ на полуостровѣ тоже испытало переворотъ въ своемъ быту: «*Влахи*, если они не имѣли счастья жить въ уцѣлѣвшихъ отъ разоренія городахъ, частію порабощены, частію принуждены были промѣнять свои тучныя земли въ равнинахъ на горныя страны, гдѣ, разучившись земледѣлію, отдались исключительно пастушеской жизни». Отсюда имя влахъ у сербовъ получило значеніе между прочимъ пастуха и крѣпостного. Вліяніе влаховъ на славянскую народность очень сильно, какъ видно изъ значительнаго количества латинскихъ словъ въ языкѣ болгаръ и сербовъ. Сюда-же относятся и латинскія слова, вошедшія въ славянскій переводъ Священнаго Писанія. Не менѣе сильно, по крайней мѣрѣ на болгаръ, было вліяніе грековъ, тоже называвшихся романами и ромеями. Это вліяніе тоже подтверждается языкомъ. «Довольно значительныя нѣмецкія поселенія, частію предварившія славянское движеніе на югъ, частію сопровождавшія его, съ теченіемъ времени поглощены были сербскими и преимущественно болгарскими славянами. Ихъ вліянію (а не столковеніямъ славянъ съ готами и внѣ Балканскаго полуострова) обязаны своимъ происхожденіемъ всѣ нѣмецкія слова, вошедшія въ славянскій переводъ священнаго писанія, а также и готскія слова въ новоболгарскомъ». Напротивъ, изъ перваго сочиненія г. Дринова («Погледъ» и проч.) мы узнаемъ, что по его мнѣнію, основанному на весьма вѣроятныхъ соображеніяхъ, Аспарухова орда была слишкомъ малочисленна, чтобы оказать на славянъ, которымъ она дала свое имя, значительное этнографическое вліяніе. Вообще диссертація г. Дринова весьма содержательна. Мнѣ кажется, говоритъ далѣе Потебня, что менѣе сильная ея сторона—доказательства грамматическія. Такъ, г. Дриновъ заимствуетъ у Миклошича замѣчанія о сходствѣ румунскаго съ албанскимъ (12—14), не принимая на себя труда ихъ повѣрки, которая однакоже можетъ показать въ извѣстныхъ свойствахъ румунскаго языка, какъ въ постпозиціи члена, въ образованіи будущаго посредствомъ *хотѣть*, отнюдь не непремѣнно ѳрако-иллирійское вліяніе. Такъ, онъ объясняетъ имя *Beodizum, Beodizo,* сохранившееся въ памятникѣ половины IV вѣка, нынѣшнимъ стремленіемъ нарѣчія родопскихъ болгаръ и за[illegible]ныхъ словинцевъ измѣнять *о* въ *оа* и *ео* (стр. 45), даже не спр[illegible] себя, есть ли какія-либо основанія отнести эти дифтонги ко в[illegible] 1400 л. до насъ, и существовало ли тогда въ славянскомъ придавать значеніе написанію собственныхъ именъ, счит[illegible] скими, какъ Δαβραλέζας, что должно значить Доброгост[illegible]

Оногостъ, то можно бы подумать, что и самого славянскаго о въ тѣ отдаленныя времена вовсе не было. Г. Дриновъ полагаетъ, что «славяне, переселившіеся на Балканскій полуостровъ, вопреки мнѣніямъ Шафарика и Копитара (изъ коихъ первый считалъ ихъ родичами русскихъ славянъ, второй же выдавалъ ихъ за братьевъ словинцамъ), принадлежали къ разнымъ славянскимъ племенамъ какъ восточной, такъ и западной вѣтви, (стр. 148). Доказательство этому онъ видитъ въ томъ, что «самое поверхностное наблюденіе легко можетъ открыть въ болгарскомъ нарѣчіи точки соприкосновенія съ отличительными чертами самыхъ отдаленныхъ другъ отъ друга славянскихъ нарѣчій» (146) Но въ подобныхъ случаяхъ прежде всего слѣдуетъ спрашивать о времени возникновенія этихъ точекъ. Намъ, напримѣръ, сходство между болгарскимъ денев-день и чешскимъ звательнымъ Jene (отъ Jan), говоритъ только то, что эта, такъ называемая, регрессивная ассимиляція гласныхъ есть явленіе сравнительно позднее въ чешскомъ (что можно доказать) и въ болгарскомъ, и довольно распространенное между прочимъ въ русскихъ нарѣчіяхъ. О происхожденіи же болгарскихъ славянъ это и подобныя сходства — молчатъ. Замѣчаніями этими я однакоже не хочу умалить общаго достоинства сочиненія г. Дринова ».

По выслушаніи этого отзыва всѣ члены факультета единогласно выразили полное свое согласіе съ нимъ и постановили просить ходатайства совѣта университета объ опредѣленіи г. Дринова доцентомъ по каѳедрѣ славянской филологіи. Въ слѣдъ за-тѣмъ произведена была въ факультетѣ баллотировка, слѣдствіемъ которой оказалось: избирательныхъ балловъ 7 и неизбирательныхъ ни одного.

При избраніи М. С. Дринова въ званіе экстраординарнаго профессора въ 1873 г. выслушанъ былъ въ факультетѣ и совѣтѣ слѣдующій отзывъ профессора А. А. Потебни, оставшійся почему-то не напечатаннымъ въ протоколахъ:

„Въ дополненіе къ отзыву объ ученыхъ трудахъ М. С. Дринова, представленному мною до его избранія въ доценты, честь имѣю сообщить слѣдующее: Упомянутыя въ этомъ отзывѣ сочиненія, а главнымъ образомъ магистерская диссертація. „Заселеніе Балканскаго полуострова славянами“ Москва, 1873 г, доставили г. Дринову весьма почетную извѣстность. Благопріятные отзывы объ этихъ сочиненіяхъ встрѣчаются въ нѣсколькихъ изданіяхъ, пользующихся всеобщимъ уваженіемъ: въ „Радѣ“ и „Старинахъ“ Южно-славянской академіи, въ „Запискахъ академіи наукъ“, въ „Часописи чешскаго музея“, въ коей помѣщено нѣсколько довольно обстоятельныхъ рецензій сочиненій Е. Дринова. Въ обширномъ сочиненіи „Geschichte der Bulgaren“ von Konst *Jirecek* Prag 1876, ссылки на со-

чиненія М. Дринова встрѣчаются часто. Между прочимъ на стр. 566 и 571 здѣсь говорится о немъ, какъ о предсѣдателѣ ученаго общества „Болгарско Книжовно Дружество“ въ Болгаріи, одномъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ полезнаго изданія этого общества „Периодическо списание, авторѣ многихъ историческихъ и филологическихъ изслѣдованій: „Scharfsinnige quellenkritik und unbefangene auffassung verbunden mit grundlichkeit und klarheit kennzeichnen seine arbeiten“ Болѣе новые труды М. Дринова:а) Рецензія упомянутаго выше сочиненія Иречка, помѣщенная въ „Часописи чешскаго музея“ 1876, I 6) По вопросу о Болгарской фонетикѣ. 2) „Южные Славяне и Византія въ X вѣкѣ“ Москва 1876 г. Послѣднее изъ названныхъ сочиненій есть докторская диссертація М. Дринова, защищенная имъ въ Москвѣ. Печатныхъ отзывовъ объ этомъ сочиненіи я еще не знаю, но полагаю, что оно будетъ встрѣчено специалистами съ такимъ же лестнымъ для автора вниманіемъ, какъ и прежнія его сочиненія. Изъ отчета о заграничныхъ занятіяхъ М. Дринова, доставленнаго имъ въ факультетъ, я заключилъ, что занятія эти весьма плодотворны. Составляемое М. Дриновымъ собраніе образцовъ средне и новоболгарскаго языка обѣщаетъ дать разрѣшеніе нѣкоторымъ спорнымъ вопросамъ славянскаго языкознанія, важнымъ, между прочимъ, для исторіи церковно славянскаго языка вообще и въ частности на русской почвѣ. Вообще, я считаю себя въ правѣ думать, что въ лицѣ М. С. Дринова нашъ университетъ пріобрѣтъ весьма крупную ученую силу“.

Въ засѣданіи совѣта 8 мая 1873 было постановлено подвергнуть г. Дринова баллотированію въ ближайшемъ засѣданіи. Засѣданіе это состоялось черезъ два дня, 10 мая, причемъ, по баллотировкѣ, М. С. Дриновъ получилъ 22 избирательныхъ и 6 неизбирательныхъ.

Присутствіе неизбирательныхъ шаровъ, почти неизбѣжное въ большихъ коллегіяхъ, при полномъ единодушіи факультета, нужно объяснить обстоятельствами, ничего общаго ея личностью и трудами молодого ученаго не имѣвшими. Баллотировавшійся одновременно и также въ доценты А. И. Кирпичниковъ (по каѳедрѣ всеобщей литературы) получилъ 24 изб. и 4 неизб., такое же число было получено проф. Лагермаркомъ, баллотировавшимся въ экстр. орд. проф. по каѳедрѣ химіи, а также въ томъ же засѣданіи баллотировавшійся въ ординарные профессоры по кафедрѣ русской исторіи, не молодой уже, съ прочно сложившейся ученой репутаціей проф. Н. Я. Аристовъ получилъ 16 изб. и 12 неизб., и это при вакантной каѳедрѣ. Цифры эти указываютъ не столько на оцѣнку отдѣльныхъ лицъ, сколько на бывшее въ то время настроеніе членовъ совѣта и группировку ихъ по партіямъ.

Свои чтенія въ харьковскомъ университетѣ М. С. Дриновъ началъ 20 сентября того же 1873 г 1 мая 1875 г. онъ былъ командированъ съ ученой цѣлью за границу на одинъ годъ и четыре мѣсяца. Во время этой командировки имъ, между прочимъ, напечатана и защищена въ московскомъ университетѣ докторская диссертація—„Южные славяне и Византія въ X вѣкѣ."

Вскорѣ послѣ этого онъ избранъ въ званіе экстраординарнаго профессора факультетомъ 23 апрѣля 1876 г. (единогласно) и совѣтомъ 12 мая (26 избирательными противъ 2 неизбирательныхъ). Въ концѣ того же 1876 г, именно 20 декабря г. Дриновъ возведенъ совѣтомъ въ званіе ординарнаго профессора.

Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ.

Едно глаголическо заглавіе въ кирилски ръкописъ.

Южнословѣнскитѣ писмени паметници въ обширна часть отъ Балканския полуостровъ, особенно въ турскитѣ владѣния, още не сa събрани въ нарочни хранилища; друга часть ако и да са прибрани оставатъ не проучени отъ лица подготовени за подобна работа Тъи, не подлежи на никакво съмнѣние, че ще се появатъ редъ паметници, които досега оставаха непзвѣстни за учения свѣтъ. Къмъ този послѣденъ родъ паметници се отнася и ръкописната колекция на Народния Музеи въ София. Тя се числи къмъ Етнографическата Сбирка на Музея и брои около осемдесеть ръкописни паметници, събирани изъ България, Македония и Ромъния. Не ще и дума, че въ нѣкой отъ тѣзи новооткрити паметници ще се съдържатъ нѣкои извѣстия, които, може би, ще ни разяснятъ въпроси отъ първостепенна важность за южнословѣнското минало, а други пъкъ ще ни освѣтлятъ въпроси отъ второстепенно значение, както за черковнословѣнската писменность, тъй и за културно-битовата страна на мѣстностиѣ, кадѣто са се писвали тѣзи паметници. Между тѣхъ малобройни са онѣзи, въ които се е запазилъ споменъ за словѣнскитѣ равноапостоли.

Подъ № 1378 въ Етнографическата Сбирка на Народния Музей се числи крупенъ южнословѣнски ръкописъ на пергаментъ, който може да се отнесе къмъ втората половина отъ XIII вѣкъ. Той съдържа Тетраевангелие, Апостолски дѣяния, Ирмологъ и Сказаніе всѣхъ м^ч^дь. Редакцията на ръкописа е сърбска, а писмото му е красиво едро уставно съ незначителни примѣси на полуустав. Срѣщатъ се точки върху нѣкои гласни, особно върху такива, които са съ йотъ; тоже има титли, нъ отсътствуватъ ударения. Ръкописътъ е писанъ въ два стълбца, има начало и край и съдържа 429 листа, дълги 26.5 сант. и 18.5 сант. м. широки. На 1-й листъ се изброяватъ заглавията на евангелията отъ Матеея, върху които се намира малка четвъртита заставка, красиво орнаментирана. Тоже и на втория листъ отгорѣ има четвероъгълна заставка съ червена, златна, синя и бѣла краски, изработена доста вкусно по византийски манеръ, геометрически стилъ; върху заставката се е намирала покривка отъ бѣлъ копринен тънъкъ платъ за да запазва краскитѣ, нъ тя не е запазена. Заглавната буква е тоже орнаментирана и украсена съ сжщитѣ краски;

величината ѝ е значителна На листъ 59 започватъ евангелията отъ Марка Тукъ също се намира заставка съ червена, синя и златна краски, върху нея се запазила прилѣпената копринена покривка за съхранението на краскитѣ. Подирѣ иде самото заглавие, писано съ златно мастило и веднага слѣдва заглавната буква красиво орнаментирана На листъ 97 захващатъ евангелията отъ Лука и отворѣ на листа предшествува заставка, вътрѣ въ която въ кръгообразна форма се вижда заглавието, написано съ златно мастило Заглавната буква П е доста голѣма и прилича съвсѣмъ на черковна основа. Платнената покривка е съдрана, нъ слѣдитѣ личатъ си още Първото евангелие отъ Иоанна се намира на листъ 160. и тукъ прѣдшествува заставка, която прилича на буквата П, а подирѣ слѣдва заглавна орнаментирана буква. На листъ 206 почватъ Апостолскитѣ Дѣяния; заглавието се намира вътрѣ въ заставката, която е изящно изработена съ същитѣ краски, които се споменаха и погорѣ. Тоже и заглавната буква отъ Апостола е голѣма и вкусно орнаментирана. Подирѣ слѣдватъ посланията на Якова (на листъ 261), Петровата епистолия (на листъ 266), Юдовото послание (на листъ 272), Иоанновото (на листъ 275). посланието къмъ Римлянитѣ (на листъ 284), къмъ Коинтянитѣ и пр и пр. Всѣка заглавна буква въ тѣзи послания е орнаментирана. На листъ 397 се захващатъ Ирмоситѣ и отъ 399 писмото е ѳ дребно и посѣчено, както онова въ фотографическата снимка, нъ е рисано отъ същата ръка, види се за да се спечели матеріалъ. На листъ 409 слѣдва сказаніе кѣ[х]мцъ.

Приложената тукъ снимка представлява точно копие отъ оригинала. По нея, вѣрва ми се, всѣки ще може да си състави ясно понятие за амия ръкописъ; фотографическата пъкъ снимка прѣдава най точно писмото, като и *глаголическото заглавие*, което се види на листъ 37 и което е прѣдметъ на настоящитѣ ни кратки бѣлѣжки.

Прѣдметния паметникъ нѣма нито записка нито приписка, която би ни съобщила нѣщо за отечеството му или неговата съдба. Писвача, види се отъ скромность, не счелъ за нужно да обади за мѣстото и врѣмето, въ което е написалъ ръкописа. Доставенъ е на Музея отъ учителъ Радивоева, родомъ отъ Елена при Балкана Обаче се указа, че той билъ случайно прѣнесенъ тамъ. Dr Ст. Марковъ отъ Елена, като видѣ ръкописа, съ удивление ме запита, какъ попадналъ въ Музея, понеже по прѣди се намиралъ въ дома имъ Прѣди нѣколко десетки години тѣхенъ роднина, който живѣлъ въ Св. Гора (Атонъ) като монахъ, прѣнесълъ ръкописа отъ тамъ въ Елена. Върху първата му корица отвътрѣ е прилѣпенъ единъ видъ поменикъ, въ който се наброяватъ редъ женски имена: ангєлина, кожа, кида пахѵ̈на и пр. Притова на същия прилѣпенъ листъ се четатъ

и други мъжки собственни имена като: кнстро, грүіѡ, деспотъ, кондо, лєко, моісо, момчо, марко, перенчо, слка, секүла, стрєзо, іано и пр. Тѣ са приписани покъсно, къмъ XVII или XVIII столѣтие, и са достатъчни да ни укажатъ, че ръкопописътъ по онова врѣме е служилъ въ нѣкакъвъ храмъ въ западна Македония, именно: въ Прилѣпско-Охридско-Кичевско-Дебърско, понеже такива наименования на лица се срѣщатъ и до днесъ изключително тамъ. Но по това не може да се приеме, че тамъ нѣкадѣ трѣба да се търси и отечеството на нашия паметникъ. Отъ притурената въ края на статията ни снимка ясно се види, че тоя паметникъ е писанъ съ чисто сърбско правописание, а като е така, той по никои начинъ не е могълъ да се яви въ Западна Македония. Доста е да припомнимъ, че въ 10 и 11 вѣкове тамо е билъ единъ отъ главнитѣ центрове на българската писменность, която е господарувала тамъ още и въ 12, па и въ 13 вѣкове, както свидѣтелствоватъ за това нѣколко паметници писани прѣзъ тие вѣкове въ разни западномакедонски мѣста съ кириловски и съ глаголически букви. Нѣма съмнѣние, че отечеството на нашия ръкописъ е било въ Сърбия или въ нѣкой сърбски манастиръ. Но да прѣминемъ къмъ глаголическото заглавие, което транскрибирано гласи: ѡ дѣѳү слѣпьцю Въ самия кирилски текстъ е запазена и кирилската форма на това заглавие Тя се намира на първия листъ въ ръкописа, дѣто са изброени заглавията на евангелията отъ Маѳея. Тамъ подъ № 17 четемъ: о дѣою слѣпьцоү.. Прѣдъ самото заглавие глаголическо стои номерация м. г. съ кирилски букви и до тѣхъ първата буква отъ заглавието е пакъ кирилска, именно ѡ. Този фактъ изключва всѣкакво съмнѣние за покъсно приписване на глаголическия текстъ; а понеже и кирилскитѣ букви въ туй заглавие по формата си са еднакви съ текста, то безъ всѣкакво съмнѣние трѣба се счита глаголическото заглавие като написано отъ самия писецъ на кирилския текстъ, а не като прибавено отъ покъсна ръка. Както кирилското писмо въ нашия паметникъ се отличава въ калиграфическо отношение, тъй и глаголическото, сравнено въ тъй отношение съ извѣстнитѣ намъ глаголически паметници, държи почти първо мѣсто. И ако притежавахме цѣла книга, написана отъ същата ръка, щѣхме да има ме глаголически паметникъ, който нѣмаше да има конкурентъ по краснописа си.

Въ грамматическо отношение се забѣлѣзватъ въ нашето заглавие слѣдующитѣ особенности: замѣна оү и ю, вмѣсто дѣѳю имаме дѣѳоү и вмѣсто ѡслѣпьцоү срѣща се слѣпьцю. [1]) Замѣняването на простото оү съ

[1]) *Ю* въ глаголическомъ *слѣпьцю* (при кирилловскомъ *слѣпьцоу*) заслуживаетъ особ вниманія какъ архаизмъ, указывающій на первоначальную небность звука *ц*. Прим. редактора.

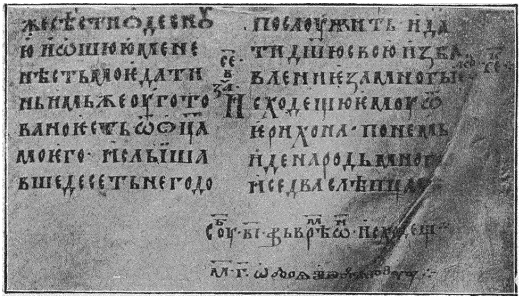
йотовано ѭ е ставало и въ найстаритѣ глаголически ръкописи, и на него се гледа като на всеизвѣстна фонетическа особенность, която се приложила и въ нашето глаголско заглавие. Друга особеность съставлява ѫ вмѣсто *о*, въ думата дѫѣоу вмѣсто дѣою. Това неправилно употрѣбление на ѣ се обяснава по аналогия на други падежи съ ѣ, напримѣръ ония отъ двойственото число на женския родъ, като дѣѣма и пр.

Въ палеографическо отношение нашето заглавие се явава поинтересно, че съдържа два рода букви, кръглести и жглести. жгловатостьта найясно се вижда въ буквата *укъ* и буквата *слово*, която получила съвсѣмъ жглесть видъ, та заприличала на гръцката заглавна буква *сигма* Σ обърната съ гърба хоризонтално; кръглата ѝ часть се уравнила на двѣ паралелни линии. Също и буква *ци* прилича на жглесто, нъ въ нея не може да се отбѣлѣжи особенна разлика поради голѣмото сходство въ едната и другата азбуки. Сходство съ жглеститѣ букви въ нашето заглавие се вижда въ Синайтския псалтиръ (листъ 31); то малко се поотдалечава въ Glagolita Clozianus, както и въ зографското евангелие (листъ 45) и то въ прибавенитѣ отъ покъсна ръка листове, които се относятъ отъ палеографитѣ къмъ покъсна дата. жгловатостьта на глаголическитѣ букви въ български паметници са отбѣлѣзали и Срезневски и Ягичъ още отдавна. Любопитна се явява за палеографа и лигатурата за глаголическитѣ съгласни *дв* която не се срѣща въ другитѣ паметници.

Глаголически записки се срѣщатъ и въ пергаментни ръкописи, които се съхраняватъ въ Народна Библиотека въ София и които още не са проучени Тѣ на вѣрно ще да опроввргнатъ разпространеното мнѣние, че ужъ глаголицата въ XII—XIII вѣкъ била окончателно замѣстена отъ кирилицата и че глаголицата се държела тукъ тамъ още нѣкое врѣме както редка старина.

Георги Баласчевъ.

София 29 мартъ 1904 г.



Гдѣ была переведена

Александрія первой редакціи?

Между памятниками старой славянской письменности есть такіе, которыхъ первоначальное происхожденіе не легко опредѣлить. Къ числу такихъ принадлежитъ и переводъ Александріи Псевдо-Каллисѳена первой редакціи. Этотъ переводъ извѣстенъ исключительно въ русскихъ спискахъ. Нисколько поэтому неудивительно, что въ немъ встрѣчаются въ обилии руссизмы. Поэтому изслѣдователи этого памятника, касаясь вопроса о его происхожденіи, высказываются нерѣшительно. „Вопросъ, гдѣ былъ сдѣланъ переводъ Александріи, у южныхъ славянъ или въ Россіи, не можетъ быть рѣшенъ съ достаточною точностью", говоритъ проф. В. М. Истринъ (Алек. рус. хроногр. стр. 136.) „Срезневскій уже замѣтилъ, что русскіе писцы вносили много руссизмовъ въ Александрію. Александрія въ половинѣ XIII в. была уже соединена съ Малалой и писцы, разумѣется, измѣняли языкъ ея вмѣстѣ съ языкомъ Малалы". (Тамъже.) Только одно лишь употребленіе ра вмѣсто ер на взглядъ проф. Истрина представляетъ отраженіе правописанія стараго оригинала и въ такомъ случаѣ южнославянскаго, болгарскаго (ib. стр. 138) А. И. Соболевскій въ статьѣ „О древнихъ русскихъ переводахъ въ до—монгольскій періодъ" считаетъ этотъ памятникъ русскимъ по происхожденію и въ доказательство этого приводитъ лексическія данныя (стр. 5.)

Не оспаривая, что большая часть указанныхъ словъ русскія, мы однако должны замѣтить, что ихъ присутствіе въ русскихъ спискахъ памятника еще не можетъ имѣть рѣшающее значеніе въ вопросѣ о его переводѣ.

Съ другой стороны находимъ не лишнимъ указать нѣкоторыя не русскія черты въ старшемъ архивскомъ спискѣ Александріи, которыя не были отмѣчены В. М. Истринымъ.

Кромѣ постановки ъ при плавныхъ вмѣсто е обращаютъ вниманіе случаи, когда вмѣсто ѣ стоитъ а послѣ р и л. Таковые слѣдующіе примѣры: пламенника 15, пламенница 73, пламни 47. Сюда же относится и

испорченное плантя 30, вмѣсто котораго въ варіантѣ: полонѧ. Такъ объясняется и посла же вмѣсто послѣ же 73, сравни а послѣ и: одѧ нина въ словарѣ Миклошича со ссылкой на глагольскій источникъ, въ апостолѣ Гришковича ина стр. 49 Star XXVI. Далѣе: кагранцоу, кагранцкомѣ 124 Синод спискѣ, гдѣ а изъ ѣ, такъ какъ мы встрѣчаемъ кагрѣнѧ рядомъ съ кагранѧ. Сравни: по раду вмѣсто по рѧду 100, Ѡрадилѧсѧ 119 Можно думать, этою особенностію оригинала объясняется одно странное искаженіе архивскаго списка нѣс ко мнѣ страха, причемъ непонятная русскому форма страха=стрѣха повела и къ искаженію: нѣс ко вмѣсто неко, въ Синод спискѣ: нѣко мнѣ страх 118, интересно, что а удержано и въ Синод. спискѣ. Къ той же категоріи примѣровъ относится и надра вмѣсто нѣдра 64. Отъ того же оригинала уцѣлѣлъ и такой примѣръ: къ египта 36. На основаніи приведенныхъ примѣровъ можно предполагать, что въ югослав. спискѣ, которымъ пользовался русскій переписчикъ, или лучше сказать изводчикъ вмѣсто ѣ часто стояло а, какъ напр съ Макед апостолѣ.

Весьма значительны въ архивскомъ спискѣ примѣры не русскаго, а болгарскаго ударенія

Въ сущест односложныхъ муж. рода чаще встрѣчаемъ ударѐніе на первомъ слогѣ косвенныхъ падежей. да́ры 26, ко́гомѣ 36, ско́та 36, ско́томѣ 66, ско́ти 60. ра́коу 43, ра́ка 45, ра́ки 78, тру́домѣ 50, ро́гомѣ 89, кра́га 62, пло́да 118, пло́домѣ ib. только гнѣко́мѣ 21. Во всѣхъ этихъ примѣрахъ ударѐніе не совпадаетъ съ русскимъ, что же касается, болгарскаго, то чаще наблюдается совпадѐніе съ удареніемъ рукописей на оборотъ гораздо рѣже можно отмѣтить совпадѐніе съ удареніемъ тѣхъ говоровъ, въ которыхъ ударѐніе колеблется при соединеніи съ членомъ. Сравни примѣры, приведенные въ Обзорѣ стр. 218—219.

Въ другихъ существительныхъ муж. рода отмѣтимъ слѣдующіе примѣры: и́зыкомѣ 5, 47, 99. Ср. Обз 220 и́зыкы 29, къздоу́хоу 111, ср. на воздух Софийско Сб. VII 132, къ оу́жасѣ 62, ср. въ Псалтири Тихонравова къ у́жасѣ 131 об. тко́рецъ 51 ср. Обз. 220 оумни́къ 19, 82, 94 ср. это слово съ тѣмъ же удареніемъ въ словарѣ Дювернуа: съ кои́ны 78 ср. Обз. 225. Сравни ударенія кои́нство Дюв. Доп. 10, пре́сѣнина 63. Такимъ примѣрамъ слѣдуетъ вопреки греческому ударѐнію и слово е́ллини 2, 67, 81, на е́ллинѣхъ 72, 80, а отсюда и прилагат. е́ллини́скы 6, 25, 44, 78. На этомъ слогѣ ударѐніе и въ новоболг. текстахъ, какъ видно изъ словаря къ Обзору стр. 86. Нужно прибавить, что въ этомъ словѣ въ рукописи, строго говоря, два ударѐнія, одно вмѣ-

стѣ съ придыханіемъ на ѥ, а другое на и. У Неофита Рыльскаго въ переводѣ евангелія и апостола: ѥ̀ллинъ стр. 432, ѥ̀ллинче стр. 193, ѥ̀ллинка стр. 81 и т. д. также и у Неофита Базвели. Но въ извѣстной группѣ македонскихъ говоровъ удареніе въ этихъ словахъ можетъ падать на ѥ и на и. Во 2 томѣ Сборника за народни умотворения находимъ сущ. *елин* и прилаг. *елински*: *елинската игрѣа* стр. 28 *елините* ib 29 Въ объясненіи форма безъ члена приведена съ удареніемъ на первомъ слогѣ: *е́линскы* 28.

Слѣдуетъ отмѣтить также: дѣла́телѧ 33 и дѣла́телїе Одес Ев. 51 об. дѣла́телѧ ib. 46 об.

Въ существительныхъ средняго рода: мѣ́ста 18. къ мѣ́стѣхъ 23, ста́да 7, кры́лы 84 ср Обз 224 кра́та 51, 52. копи́емъ 53, ко́пие ib. ср. Обз 224

Въ существит. женскаго рода. сра́дою 7, лу́ѵна 8, ну́ѵжею 26, ре́ка 63, кѣ́шехъ 19, 53, длъго́ту 32, ср. Обз. 222, сѫди́ноу 12 ср рус. посудина, ср Обзоръ 223, препа́стъ 75, ср. Обз. 224, отсюда и въ прилагат. препа́стна 79, кечѐрю 61, ср по кечѐри Одес. Еванг. 202 об Такъ и въ соврем болг. яз смотри списокъ словъ съ удареніемъ въ III вып. болг. слов. Дюв XXII, пѣха́ла 73, ср. Обз. 221, лю́бкѣ 13, ср. Обз. 224. Также и въ прилагат. лю́бкима 119, ср. словарь къ Обз. 112. Въ названіяхъ странъ съ окончаніемъ *ия* удареніе падаетъ на и: лсѝю 23, лоуси́ю 24 Въ Обзорѣ приведены многочисленные примѣры съ такимъ удареніемъ какъ изъ болгарскихъ рукописей, такъ и изъ современнаго языка.

Въ мѣстоименіяхъ и прилагательныхъ кромѣ нѣкоторыхъ выше отмѣченныхъ примѣровъ укажемъ еще: к нѐмоу 21, ктóраго 22, лю́дскоую 71 ср. къ юницахъ лю́дскыхъ Пс. Тих. 132, мажа лю́дскаа Ев. Одес. 118 об. Такъ и въ современномъ языкѣ *лу́цки* Цанк. Любопытно удареніе: въ окразѣ ермо́кѣ. 60.

Въ глаголахъ прежде всего отмѣтимъ въ неопредѣленномъ наклоненіи: радока́тисѧ 45, постоянно такъ ср. 50, 56, 57, 65, 73, 81, запокѣда́ти 52, раскопака́ти ib, а отсюда и въ причастіяхъ прош. времени сакѣтока́лъ 51, разгнѣка́сѧ 61, въ аористѣ. оуготока́сте 34, также пропокѣда́ша 64, покѣда́ша 26. Такія же ударенія находимъ въ рукописяхъ болг. редакціи: окѣдшка́ша Одес. Ев. 283, оуготока́но ib. 108, об. оуготока́лъ ib. 135 об. кѣрока́шіи ib. 131 шкрадока́нила ib 135, трекока́ніе ib. 84.

Слѣдуетъ отмѣтить: видѧхомъ 77. Срани въ Псалт. Тих. видѧти 105, не вѣдяхоу 102. И теперь тоже удареніе *видя* Прилож. къ Обз. стр. 58 не видяле ib. 60.

Постоянно находимъ рѣче 8, 9, 10, 14, 15. Ср. Обзоръ стр. 227, паде 14 ср. Обз.ib. сѣдѣ 63 (ср. въ отглагольномъ существительномъ: Ѿпадение 119 сѧглядакъ 15 ср. сѧглядакъ Одес· Ев. 110

Такія удренія, какъ нáчнеши 46. 53 начнетъ 11 сколькóднмъ 27 объясняются изъ современныхъ формъ *нáчнѫ* Дюв 1370, *освобóдѫ* ib.

Въ нарѣчіяхъ отмѣтимъ примѣры: кѣ́сма 32 рус. весьма; кѣ́лми 94 рус. вельми съ такимъ же удареніемъ и въ Новомъ Завѣтѣ; кóлми 73, тóлма 22, кóлми 72, акúе 63: мнóгажды 55, 101, это же удареніе находимъ и въ Новомъ Завѣтѣ. Въ болгар. рукописяхъ съ такимъ удареніемъ можемъ указать: тóлма Сб. 1348 г 170 об., ѣлма ib. 173 об. ib. 166, кóлми ib 106. Въ Одесскомъ Евангеліи: кѣ́сма 9 кóлми 13, мнѡгаціи 103.

И въ лексическомъ запасѣ памятника можно отмѣтить кое-какіе уцѣлѣвшіе слѣды его болгарскаго происхожденія. Таковые напр. слѣдующіе примѣры. простецъ стр. 66, нищій, вмѣсто котораго въ одномъ изъ варіантовъ простець. Очевидно оттого, что слово казалось странно русскому переписчику. Въ современномъ болгарскомъ языкѣ: *прóсякъ*, *прóся* — прошу милостыню.—рокнина стр. 43, въ значеніи ровесникъ, отсутствуетъ въ словаряхъ Миклошича и Срезневскаго. Слово по образованію напоминаетъ *роднина* въ значеніи родственникъ, русскій варіантъ: *ровнями* въ спискѣ Ундольскаго.—прѣсѣкшю стр. 64, въ значеніи высохшую, прѣсѣкнѫти встрѣчается въ югославянскихъ источникахъ, у Срезневскаго одинъ только примѣръ изъ Ефрема Сирина XIV в. Русскіе переписчики по недоразумѣнію измѣняли это слово на присягшоу.—прѣкладыкъ стр. 73, ни у Миклошича ни у Срезневскаго не находится, у послѣдняго глаголъ прѣкласти указанъ въ апостолѣ 1220 г. и пандектахъ Антіоха XI в. обычное болгарское образованіе съ предлогомъ прѣ, какъ напр. прѣдѣдъ, прѣбаба, прѣвнукъ смотри въ словаряхъ Дювернуа и Герова.—безмлѣстьни безжалостные, у Миклошича только одинъ примѣръ изъ пандектовъ Антіоха, у Срезневскаго изъ притчей Соломона, въ новоболгарскомъ слово занесено въ словарь Герова. Милостикно встрѣтилось въ сборникѣ XVII в. Н. С. Тихонравова, мльстикнѣ стр. 70 у Миклошича и Срезневскаго нѣтъ, въ современномъ болгарскомъ милостúкенъ въ словаряхъ Дювернуа, Герова.—неокоуздана стр. 17, 20 въ значеніи невзнузданный, въ современномъ

болгарскомъ обуздя. встрѣчается часто и въ болгарскихъ памятникахъ, сравни въ словарѣ къ Обзору 125, гдѣ приведены примѣры изъ грамотъ Венелина и изъ сборника Тихонравова XVII в. Къ этимъ примѣрамъ можно прибавить; приведоша мѣскѫ оседланѫ и обоуздана изъ рукописи Григоровича XVI в —Змиицѣ стр. 14 въ значеніи змѣенышъ не встрѣтилось ни у Миклошича, ни у Срезневскаго; въ современномъ болгарскомъ есть *змиче*, производное отъ него —заграда стр. 90, сравни въ словаряхъ Дювернуа и Герова.—прѣкыдение 24, прѣшкидени 117, встрѣчается въ старѣйшихъ болгарскихъ памятникахъ—Супрасльской рукописи, Сборникѣ Святослава и др., въ Новоболгарскомъ сборникѣ XVII в. Н. С. Тихонравова. ѕданіа, поѕда стр 20 формы, встрѣчающіяся въ югославянскихъ источникахъ, между ними и въ Манассіиномъ лѣтописи.—Выраженіе сѫ дскрѣ жетию встрѣчается точно также въ Манассіиномъ лѣтописи, и до сихъ въ болгарскомъ употребительны слова: *доброчестинй* счастіе, *доброчестъ* счастливый, а также и противоположное *злочестъ*.—На кѣзглавіи стр. 55, какъ видно изъ словаря Срезневскаго встрѣчается въ старыхъ югослав. памятникахъ; въ русскихъ источникахъ: зголовіе, въ современномъ болгарскомъ: *възглаве*, *възглавница* —Отмѣтимъ также нѣсколько глаголовъ, сложныхъ съ предлогомъ кѣзѫ которыхъ нѣтъ у Срезневскаго: кѣзгнати 33 (У Миклошича есть, но безъ ссылки), кѣстискати 49, кѣсписати 57 У Миклошича послѣдній глаголъ взятъ изъ югославянскихъ источниковъ. Въ современномъ болгарскомъ яз можно указать нѣсколько случаевъ, въ которыхъ предлогъ *въз* соединяется съ глаголами, въ сложеніи съ которыми его не находимъ въ русскомъ яз, напр. *въспяса* засну, *восърдяся* осержусь, *вспрягамъ* запрягу, сравни у Іоанна экзарха Болгарскаго: кѣспрѣзати, кѣспослоушати, кѣспоустити —Нѣрлкы стр. 37, вѣроятно не случайно съ глухимъ сравни нарлкѫ въ Макед. апостолѣ и др. Обзоръ стр. 43.—кадьа стр 116 напоминаетъ весьма обычныя болгарскія образованія: *людба*, *сѫдба*.—Влѣхка вм. клѣхкѫ стр. 18, въ современномъ болгар. по формѣ ж. р ср. словарь Герова.

Приведенныя нами особенности фонетики, въ частности ударенія и лексическаго запаса Александріи по нашему мнѣнію указываютъ на то, что этотъ памятникъ въ славянскомъ переводѣ возникъ въ Болгаріи, подтверждая заключенія, высказанныя въ литературѣ о томъ, что Александрія входила въ составъ переводовъ, исполненныхъ еще при Симеонѣ.

1 Марта 1905 г.

П. А. Лавровъ.

Фр. Миклошичъ и его ученые труды.

1813—1891.

Предпосылаемъ печатаемому ниже полному списку трудовъ и изданій Фр. Миклошича, съ указаніемъ рецензій на нихъ, [1]) эти нѣсколько словъ, что-бы, на основаніи отзывовъ лично знавшихъ его ученыхъ спеціалистовъ, дать нѣкоторыя свѣдѣнія о его жизни и о значеніи его ученой почти полувѣкой дѣятельности на пользу обще-славянской филологіи.

Считаемъ здѣсь же своимъ пріятнымъ долгомъ заявить искреннѣйшую признательность нашему университетскому наставнику профессору *И. В. Ягичу* за сообщеніе намъ прекрасной фотографіи Ангерера въ Вѣнѣ, съ коей въ натуральную величину подлинника прилагаемъ здѣсь снимокъ съ портрета Фр. Миклошича, изображающаго его въ послѣдніе годы жизни, и присоединяемъ портретъ И. В. Ягича, какъ преемника ученой извѣстности Миклошича и развивателя и продолжателя его филологическихъ трудовъ.

Въ исторіи славянской филологіи, въ числѣ извѣстныхъ иноземныхъ и русскихъ славистовъ, филологовъ по преимуществу, *Фр. Миклошичъ* занимаетъ весьма почетное мѣсто; достаточно привести здѣсь себѣ на память имена: аббата *Іосифа Добровскаго* (род. 17 августа 1753 г. †1829 г.), академика *А. Х. Востокова* (р. 16 марта 1781 г.†8 февраля 1864 г.), *В. Копитара* (р. 1780†1844 г.), *П. І. Шафарика* (р. 13 мая 1795 г.†26 іюня 1861 г.), акад. *И. И. Срезневскаго* (р. 1 іюня 1812 г.†9 февраля 1880 г.), проф. *В. И. Григоровича* (р. 1815†19 декабря 1876 г.), проф. *О. М. Бодянскаго* (р. 3 ноября

[1]) Рѣшаемся напечатать въ настоящемъ сборникѣ, какъ посвященномъ славянскимъ же интересамъ,—этотъ сухой библіографическій очеркъ жизни и ученой дѣятельности Миклошича, не смотря на появившійся до сихъ поръ рядъ всякаго рода статей о немъ въ русской ученой литературѣ, въ надеждѣ, что трудъ нашъ не будетъ безполезнымъ для справокъ и для начинающихъ филологовъ-студентовъ.

1808 г.+6 сентября 1877 г.), акад. *Ѳ. И. Буслаева* (р. 13 апрѣля 1818 г.+31 іюля 1897 г.), *А. Шлейхера* (р 1821—1868 г.), акад. *П. С. Билярскаго* (р. 1819 г.+2 января 1867 г.), проф *А. А. Потебни* (р. 1835+29 ноября 1891 г) [2]), проф. *М А. Максимовича* (3 сентября 1804+10 ноября 1873 г) и другихъ, чтобы увидѣть и предшественниковъ Миклошича, способствовавшихъ ему своими филологическими трудами, и его современниковъ и сверстниковъ по ученой работѣ.

Полувѣковая ученая дѣятельность Миклошича выразилась въ большомъ числѣ изслѣдованій, почти по всѣмъ отдѣламъ славянскихъ изученій, и потому уже одному имѣетъ она высокое историческое значеніе, хотя нельзя не оговориться, что интересъ къ славянству отлился у него въ совершенно особую форму. Изъ него выработался безстрастный, сухой, ученый славистъ филологъ. Болѣе всего объ этомъ, конечно, постарался въ свое время его покровитель и руководитель Копитаръ, какъ извѣстно относившійся скептически, несочувственно, къ національному и политическому возрожденію славянства и съумѣвшій привить тѣ же взгляды и своему талантливому ученику. Особенности характера Миклошича, всегда осторожнаго, спокойнаго, выдержаннаго, и раннее развитіе вкуса къ усидчивымъ, кропотливымъ занятіямъ также объясняютъ отчасти, почему Миклошичъ не увлекся національнымъ движеніемъ 1840-ыхъ годовъ въ такой мѣрѣ, какъ многіе его земляки и сверстники.

Подобно Копитару, Миклошичъ обладалъ критическимъ умомъ, широкимъ образованіемъ, богатствомъ и разнообразіемъ познаній, выдающимся трудолюбіемъ и необыкновенною настойчивостью въ исполненіи разъ намѣченныхъ научныхъ плановъ и предпріятій. Это былъ въ своемъ родѣ „болландистъ“, отдававшій все свое врямя, всѣ свои силы, всѣ привязанности одному дѣлу—наукѣ Только принимая во вниманіе эти качества Миклошича, можно объяснить себѣ, какъ могъ одинъ человѣкъ сдѣлать столько, сколько сдѣлалъ этотъ ученый. Прежде всего онъ былъ—лингвистъ всесторонній, глубокій, внесшій въ изученіе славянской филологіи научные методы, выработанные наукой о языкѣ на Западѣ. Слѣдуя примѣру своего учителя, онъ началъ съ изученія церковнославянскаго языка и не мало потрудился для уясненія судебъ нашего славянскаго „санскрита.“ Но затѣмъ онъ перешелъ къ сравнительному изу-

[1]) Стоитъ отмѣтить здѣсь не совсѣмъ ясную для насъ по вызвавшимъ ее причинамъ параллель между Миклошичемъ и Потебнею,—между ними есть кое что общее. предпочтеніе кабинетныхъ занятій и вмѣстѣ не любовь къ путешествіямъ съ ученою цѣлію и проч., какое-то необъяснимое воздержанія отъ непосредственнаго изученія рукописныхъ источниковъ; пристрастіе къ особымъ пріемамъ изданія памятниковъ письменности и проч., при томъ, однако, главномъ отличіи, что Потебня былъ даровитѣе Миклошича

енію нѣкоторыхъ живыхъ славянскихъ языковъ съ ихъ важнѣйшими нарѣчіями и говорами и въ своихъ сочиненіяхъ положилъ прочное основаніе сравнительной славянской грамматикѣ, такъ что можетъ быть названъ творцомъ этой новой и важной науки. Славянскіе языки Миклошичъ изучалъ не только по книгамъ, но и отчасти непосредственно на мѣстѣ, для чего предпринималъ изрѣдка спеціальныя путешествія по Славянскимъ землямъ. Только съ живою русскою рѣчью онъ не былъ знакомъ, о чемъ не мало, кажется, сожалѣлъ въ послѣдніе годы своей жизни. Согласно требованіямъ современной науки о языкѣ, онъ широко пользовался сравнительнымъ методомъ и для объясненія фактовъ и явленій славянскихъ языковъ обращался къ родственнымъ индоевропейскимъ языкамъ. Прекрасно зная важнѣйшіе европейскіе языки, онъ изучалъ сверхъ того языки: литовскій, албанскій, румынскій, новогреческій и мадьярскій съ цѣлью разысканія въ этихъ языкахъ славянскихъ элементовъ. Но лингвистическія занятія не поглощали всецѣло ни времени, ни симпатій Миклошича, хотя имъ по преимуществу онъ отдавалъ свою душу. Съ этими занятіями у него такъ же соединяются изученія историческія, этнографическія и историко-литературныя. Кромѣ цѣлаго ряда статей, монографій и замѣтокъ, относящихся къ этимъ областямъ, ему принадлежитъ заслуга изданія многихъ цѣнныхъ памятниковъ языка, исторіи и литературы.

Францъ Ксаверій *Миклошичъ* (Miklosic или, какъ онъ предпочиталъ всю свою жизнь писать свою фамилію, въ мадьярской орѳографіи „Miklosich")—родился 8 (по нов. стилю 20) ноября 1813 года въ Радмерштакѣ, что въ Лютомирскомъ округѣ юго-восточной Штиріи, населенномъ словинцами (правда, уже сильно онѣмеченными). Кромѣ него въ семьѣ было еще восьмеро дѣтей.

Въ 1819 году, когда ему минуло 6 лѣтъ, родители его переселились въ Лютомиръ (по-словински Ljutomer, по-нѣмецки Luttenberg, а по-мадьярски: Marbor). Здѣсь отецъ его купилъ домъ и сталъ заниматься торговлей. Франца отдали въ ученіе въ нѣмецкую школу, въ которой на родномъ его славянскомъ языкѣ шло преподаваніе одного лишь Закона Божія. Затѣмъ онъ посѣщалъ въ теченіе двухъ лѣтъ въ Вараждинѣ гимназію, а слѣдующіе четыре года учился въ Лютомирѣ, гдѣ и закончилъ свой гимназическій курсъ.

Еще въ гимназіи онъ выказывалъ любовь, и способность къ изученію греческаго языка, тѣмъ не менѣе въ университетѣ въ Градцѣ (Gratz) онъ не избралъ классической филологіи своею спеціальностію, а занимался сперва философіею, а затѣмъ увлекся правовѣдѣніемъ.

Товарищемъ его въ университетѣ (1830 г) былъ извѣстный „иллирскій" писатель, тоже словинецъ, Станко *Вразъ*, который и поддерживалъ въ немъ влеченіе къ родному языку.

Въ 1837 г. Миклошичъ пріобрѣлъ въ Градецкомъ же университетѣ степень доктора философіи и открылъ тамъ курсъ по предмету своей спеціальности, но не надолго: уже въ слѣдующемъ году онъ переселился въ Вѣну и, занявшись адвокатской практикой, получилъ отъ Вѣнскаго университета степень доктора правъ. Въ это же время онъ въ Вѣнѣ занялся усиленно изученіемъ языковъ французскаго, итальянскаго, и другихъ.

Но едвали бы Миклошичъ скоро нашелъ свое истинное призваніе, если бы не познакомился въ Вѣнѣ тоже съ земляком своимъ Варѳоломеемъ *Копитаромъ*,—извѣстнымъ другомъ еще болѣе извѣстнаго чешскаго слависта аббата Іосифа *Добровскаго* и служившимъ въ то время кустосомъ въ Вѣнской Придворной библіотекѣ, а сверхъ того и цензоромъ книгъ на славянскихъ, румынскомъ и валашскомъ языкахъ. Замѣтивъ въ Миклошичѣ серіозные задатки къ научному изученію языковъ, Копитаръ

уговорилъ его бросить правовѣдѣніе и поступить на службу въ Императорскую Вѣнскую придворную Библіотеку, столь богатую матеріалами и пособіями для изученія славянской филологіи. Это устроилось въ 1844 году, когда Миклошичъ заявилъ о себѣ въ Вѣнскомъ журналѣ напечатаніемъ перваго своего труда критическаго разбора „Сравнительной Грамматики языковъ: санскритскаго, зендскаго, греческаго, латинскаго, готскаго и нѣмецкаго“ *Франца Боппа*, (Берлинъ, 1833—40 г г.).

Въ дальнѣйшей своей дѣятельности Миклошичъ, является какъ бы ученикомъ и продолжателемъ ученой дѣятельности Копитара и развиваетъ его взгляды, обосновываетъ прочнѣе теорію о *паннонскомъ* происхожденіи церковно-славянскаго языка и о первенствѣ глаголицы передъ кириллицею.

Вообще филологическіе труды Миклошича, разсматриваемые въ ихъ совокупности и послѣдовательной преемственности, посвящены главнымъ образомъ *сравнительному славянскому языкознанію*; но при этомъ слѣдуетъ сдѣлать оговорку, что сравнительный методъ изученія имъ понятъ имъ совершенно *особо* Его „Vergleichende Grammatik der Slavischen Sprachen Bd. I—IV.“ (I Lautlehre—фонетика; II Stammbildungslehre—ученіе о корняхъ словъ: III Wortbildungslehre—ученіе объ образованіи словъ, въ 1-мъ изданіи было названо „Formenlehre“—морфологія)— и IV Syntax— синтаксисъ), расположена такъ, что въ каждомъ изъ четырехъ томовъ ея авторъ отдѣльно и послѣдовательно разсматриваетъ особенности старо-славянскаго, ново-славянскаго, (иначе слове(*и*)нскаго), болгарскаго, сербскаго, малорусскаго (какъ отдѣльнаго и самостоятельнаго *языка*), русскаго, чешскаго, польскаго, верхне-и нижне-лужицкаго. Это не сравнительная грамматика, даже въ томъ смыслѣ, въ какомъ издалъ свою грамматику Фр. Боппъ, а десятокъ *отдѣльныхъ* изслѣдованій каждаго изъ упомянутыхъ славянскихъ языковъ,— связанныхъ единствомъ цѣли и системы; тѣмъ не менѣе предметъ каждаго языка раздѣленъ у него на одинаковыя рубрики, что дѣлаетъ легкимъ сравненіе,—и всѣ законы и уклоненія сведены къ старославянскому, какъ „центру всего славянскаго языкоизслѣдованія“.

Почти всѣ томы этого монументальнаго труда чрезвычайно важны, хотя во многомъ также они значительно уже и устарѣли для настоящаго времени и требуютъ отчасти перестройки, а главное многихъ дополненій.

Умѣстнымъ считаемъ здѣсь сослаться на давнее мнѣніе нашего слависта, академика В. И. Ламанскаго, изложенное имъ въ газетѣ И. С. Аксакова „Русь“ 1880 г. (№ 3, стр. 20—1): „къ заслуженнѣйшимъ и знаменитѣйшимъ славистамъ принадлежатъ западно-славянскіе ученые: *Миклошичъ* и его ученикъ *Ягичъ*. Знаменитое имя Миклошича достойно

примыкаетъ къ славнымъ именамъ первыхъ западныхъ славистовъ Добровскаго, Копитара, Шафарика. Филологическіе труды Миклошича имѣютъ высоковажное значеніе въ наукѣ. Но моложе всѣхъ своихъ предшественниковъ, онъ моложе самаго младшаго изъ нихъ Шафарика лѣтъ на семнадцать,—Миклошичъ сталъ въ другія отношенія къ русскимъ славистамъ, чѣмъ стояли Добровскій, Копитаръ и Шафарикъ. Впрочемъ, не только Копитаръ и Шафарикъ, но и Добровскій въ послѣдніе годы своей жизни встрѣтилъ себѣ опасныхъ соперниковъ, которые далеко его превзошли въ знаніи древне-славянскаго языка, палеографіи и письменности, въ двухъ молодыхъ въ то время, но превосходныхъ русскихъ ученыхъ—Востоковѣ и Калайдовичѣ".

„Какъ ни почтенъ самый капитальный трудъ Миклошича его Сравнительная грамматика, однако съ перваго своего появленія въ свѣтъ (1852—56 г.г.) передъ судомъ русскихъ славистовъ, она обличалась въ немаловажныхъ пробѣлахъ и недостаткахъ. Наши слависты уже выработали и предъявляли высшія и болѣе многосторонніе требованія отъ сравнительной славянской грамматики, какъ въ своихъ печатныхъ трудахъ, такъ и въ университетскихъ курсахъ. Въ фонологической и морфологической части грамматики Миклошича, при всѣхъ ея достоинствахъ, усматривалось много внѣшняго, произвольнаго и случайнаго. *Ни на историческое развитіе славянскихъ нарѣчій, ни на разнообразіе живыхъ народныхъ говоровъ не было обращено должнаго вниманія.* Въ основаніе отдѣльныхъ грамматикъ, внѣшнимъ образомъ связанныхъ въ одно сочиненіе, положены были почти исключительно литературныя нарѣчія или, по понятію автора, долженствующія быть таковыми. Малорусское нарѣчіе отдѣлено отъ русскаго литературнаго языка, который вовсе не въ такой же степени народенъ, какъ письменное малорусское нарѣчіе. И грамматика русскаго литературнаго языка никого съ живымъ великорусскимъ нарѣчіемъ и его говорами не познакомитъ. Верхнелужицкое отдѣлено отъ нижне-лужицкаго, а нарѣчія чакавское, словенское (словацкое), кашебское не нашли себѣ мѣста въ грамматикѣ, хотя ихъ современныя отличія и разности отъ сербскаго, чешскаго и польскаго едва ли меньше и маловажнѣе, чѣмъ извѣстныя отличія и разности малорусскихъ и великорусскихъ говоровъ, нарѣчій верхне- и нижне-лужицкихъ. Даже остались вовсе неотмѣченными нѣкоторыя важнѣйшія звуковыя явленія разнообразныхъ говоровъ словинскаго нарѣчія" —....

Обратимся къ продолженію біографіи Миклошича. Въ 1848 г. земляки избрали его депутатомъ въ законодательный сеймъ, но онъ вскорѣ сложилъ съ себя это порученіе, чтобы всецѣло предаться научнымъ занятіямъ. Въ этомъ же году онъ былъ избранъ и утвержденъ экстраординар-

нымъ профессоромъ славянской филологіи въ Вѣнскомъ Университетѣ; въ 1850 году былъ онъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ того-же Университета, а въ 1851 году избранъ членомъ Вѣнской Академіи Наукъ въ деканы философскаго факультета. Нѣкоторое время Миклошичъ находился на службѣ у Австрійскаго правительства также въ качествѣ цензора славянскихъ, новогреческихъ и румынскихъ книгъ.

Предпочитая всегда кабинетныя занятія, Миклошичъ тѣмъ не мѣнѣе для научныхъ цѣлей предпринималъ отъ времени до времени путешествія: такъ въ 1836 и 1842 годахъ онъ ѣздилъ по Италіи для работъ въ тамошнихъ знаменитыхъ библіотекахъ; въ 1851 году былъ въ Константинополѣ, въ 1852 г. во Франціи и Германіи, и въ 1856 году въ Далмаціи и Черногоріи.

По странной случайности во всю долгую жизнь свою Миклошичъ не собрался ни разу въ Россію, хотя Іосифъ Добровскій еще въ 1792—3 годахъ нашелъ необходимымъ побывать въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ для изученія памятниковъ славянской письменности, литературы и т. д.

Въ 1861 году Миклошичъ былъ избранъ пожизненнымъ членомъ рейхстага, гдѣ принадлежалъ къ либеральной конституціонной партіи.

Въ 1862 г. онъ оставилъ управленіе Придворной Библіотекой, въ которой началъ службу еще въ 1844 году. Въ томъ же 1862 году Миклошичу было сдѣлано почетное предложеніе занять каѳедру филологіи въ Главной Варшавской Школѣ, (переименованной впослѣдствіи въ И. Варшавскій Университетъ); но, связанный матеріальными интересами съ Вѣною, онъ отказался отъ этого предложенія.

8(20) ноября 1883 года въ Вѣнѣ торжественно была отпразднована семидесятая годовщина рожденія Фр. Миклошича и сорокалѣтній юбилей его ученой дѣятельности представителями науки и литературы изъ всѣхъ земель обширнаго Славянскаго міра при участіи многочисленной славянской молодежи: юбиляру были поднесены изготовленныя по подпискѣ золотая въ честь его медаль и адресъ. Импер. Академія Наукъ въ Санктпетербургѣ, членомъ-корреспондентомъ коей онъ состоялъ съ 1856 года, почтила его посылкою адреса на латинскомъ языкѣ (см. „Юбилей Фр. Миклошича“ въ Запискахъ И. Академіи Наукъ, т. XLVIII, кн. 1 С.-пб. 1884 г. стран. 104—6; здѣсь на стран. 105 напечатанъ латинскій текстъ адреса Академіи, а на с. 106 отвѣтное письмо на томъ же языкѣ Миклошича съ датою: „Viennae 26 decembr 1883“).

Это чествованіе Миклошича, какъ оказавшаго услуги всему почти Славянству, кажется просто непонятнымъ, особенно, если принять во вниманіе, что, онъ, какъ женатый на нѣмкѣ, почиталъ нѣмецкій языкъ своимъ роднымъ и печаталъ свои труды исключительно на нѣмецкомъ и ла-

тинскомъ языкахъ, кромѣ весьма не многочисленныхъ статеекъ и то лишь въ выпискахъ.

Миклошичъ умеръ 7 марта 1891 г. въ Вѣнѣ послѣ тяжелой болѣзни въ преклонномъ возрастѣ, на семьдесять восьмомъ году свой жизни и до самаго послѣдняго времени сохранялъ и физическую бодрость и свѣжесть мысли и свойственныя ему постоянство и энергію въ работѣ.

Еще въ 1885 году Миклошичъ отказался отъ каѳедры въ Вѣнскомъ Университетѣ и указалъ себѣ въ преемники на достойнѣйшаго ученика своего Ватрослава-Игнатія Викентьевича *Ягича*, занимавшаго въ то время профессорскую каѳедру славянской филологіи въ Имп. Санктпетербургскомъ Университетѣ и кресло ординарнаго академика по Отдѣленію русскаго языка и словесности въ И. Академіи Наукъ. Съ этого времени, съ конца 1886 года и понынѣ эту каѳедру въ Вѣнскомъ университетѣ съ честью занимаетъ И. В. Ягичъ, издавая въ тоже время свой вступившій уже во второе двадцатипятилѣтіе „Архивъ по Славянской филологіи“, и приступая къ осуществленію грандіозной „Славянской Энциклопедіи“ на счетъ нашей И. Академіи Наукъ. Пожелаемъ Игнатію Викентьевичу пользоваться еще много лѣтъ добрымъ здоровьемъ, чтобы исполнить съ славою и хорошимъ успѣхомъ это общеславянское фундаментальное и столь давно ожидаемое всѣми ученое предпріятіе.

I. Списокъ статей и сочиненій о Ф. Миклошичѣ и его ученой дѣятельности.

1862—1901.

---

1 8 6 2.

1. „Краткія свѣдѣнія о литературной и ученой дѣятельности Славянскихъ писателей, удостоившихся получить Высочайшія награды 8 сентября 1862 года (т. е. къ празднованію 1000 лѣтія Россіи)".

(Санктпетербургскія Вѣдомости 1862 г. вторн. 9 октября № 219, стран. 934—5 о Миклошичѣ).

„ въ день празднованія тысячелѣтія Россіи Государь Императоръ соизволилъ 8 сентября почтить наградами главнѣйшихъ ученыхъ и литераторовъ между чехами, моравцами и словаками, лужичанами, хорватами, сербами, наконецъ, между русскими въ Венгріи и Галиціи".

Государь Императоръ, въ присутствіи своемъ въ Новгородѣ, 8-го сентября, въ ознаменованіе *Высочайшаго* благоволенія къ ученымъ трудамъ нижепоименованныхъ лицъ, *Всемилостивѣйше* соизволилъ пожаловать... Члену корреспонденту академіи наукъ доктору Францу *Миклошичу* (славянскому филологу въ Вѣнѣ) орденъ св. Анны 2-й степени съ *Императорскою* короною. (Ж. М. Н. Пр. 1862 г. октябрь, Часть CXVI. Ч. оффиц. III. Высоч. награды, стран. 8.)

1 8 6 4.

2. Настольный Словарь для справокъ по всѣмъ отраслямъ знаній, составл. подъ ред. *Ф. Толля*. Спб. т. II, 1864 г., стран. 863.

1 8 6 8.

3. Францъ Миклошичъ (Иллюстрированная газета, Спб. томъ XXI, ч. 11, № 12, четвергъ 21 марта 1868 г., стран. 177—8 съ портретомъ на стран. 177; № 13, 28 марта того же года, стран. 203—5).

1872.

4. Н. П. Задерацкаго. Дѣятели новаго періода Чешской литературы. (Изъ „Slovnik Naucny“). *Францъ Миклошичъ.* (Фил. Зап. годъ XI, 1872 г., в. V, „Славянск. Вѣстникъ“, стран. 1—14).

1873.

5. Письма Платона Атанацковича, Вука Караджича, *Миклошича* и Коллара къ *Н. П. Надеждину*, съ предисловіемъ и объясненіями проф. Н. А. Попова. (Рус. Архивъ 1873 г., № 7, Спб. 1131—1221).

1876.

6. F. (ranjo) P. (etracic): „*Franjo Miklosic.* (sa slikom)“. Vienac zabavi i pouci. Tecaj VIII. 1876. U Zagrebu. 4°. Br. 7. 12 veljace; стран. 106—7 съ портретомъ на стран. 105.

1881.

7. Древняя Русская Письменность.—Опытъ библіологическаго изложенія исторіи ея изученія. *Проф. А. Котляревскаго.*

I. Общее историческое обозрѣніе. Исторія изученія древне-славянскаго и древне-русскаго языковъ и письма. Воронежъ, 1881 г. 8° см. стран. 114—120, число *47* и примѣч. 116—121; стран. 204—205, ч. *82*, примѣч. 225.

Тоже см. въ IV т „Сочиненій А. А. Котляревскаго“ въ L томѣ „Сборника Отдѣленія русск. яз. и слов. И. Академіи Наукъ“, см. стран. 307, 308—9, 312—7, 327—8, 337—9, 344—5, 377—8, 384—5, 388—9.

—Орд. проф *А. А. Кочубинскаго*: „Итоги славянской и русской филологіи“ (Одесса, 1882 г. 8° passim) и въ Запискахъ И. Новорос. Университета т. XXIII, 1882 г.

1883.

8. Fr. Ks. vitez Miklosic. Spisal Anton *Trstenjak.* V Ljubljani 1883. 8°: 54 стран. (Letopis Matice Slovenske za l. 1882, стран. 1—54). (Cp. Arch. f. Sl. Ph. VII, 3 H. S.)

9. „*Stanko Vraz prama Franji Miklosicu*“. (Vienac zabavi i pouci. U Zagrebu. 1883, br. 37, стран. 606—7)—отъ prof. Markovic.

10. Miklosic in Hrvati. Poslanica hrvatskemu akademickemu drustvu „Zvonimir“ v Becu, napisal Matija *Murko*. V Ljubljani. 1883. 8°. 35 стран.

11. V. Dezelic: „Miklosic i Hrvati“. Zagreb, 1883. 8°. 28 стран.

12. Wagner „Miklosich und die magyarische Sprachwissenschaft. Festschrift zum Jubilaum des Herrn Universitats-professors *Dr Franz Xaver Ritter* von *Miklosich* in Wien. (Preszburg, & Lpz. 1883). 8°.

13. И. И. Срезневскій въ „Славяно-русской палеографіи XI—XIV вв.—Лекціяхъ, читан. въ И. Спб Университетѣ въ 1865—1880 гг.“ (Спб. 1885, стран 39—40), даетъ оцѣнку сдѣланныхъ Ф. Миклошичемъ изданій древнихъ памятниковъ слав. письма—со стороны пріемовъ палеографическаго ихъ изданія. (Ср. *Его же* „Древніе Памятники письма и языка Юго-западныхъ Славянъ IX—XII вв.“ (Спб. 1865 г. 4°), стран. 37 и passim.

1891.

14. Проф. *М. С. Дриновъ*, предсѣдатель Историко-филологическаго Общества при И. Харьковскомъ университетѣ въ засѣданіи 7 марта 1901 г. прочелъ *некрологъ Ф. Миклошича.* Сообщивъ главныя біографическія свѣдѣнія о М—чѣ, проф. Дриновъ остановился на главныхъ трудахъ М—ча: „Сравнит. грамматикѣ“, „Этимологич. Словарѣ“, „Словарѣ древне-славянскаго языка“ и на изданныхъ имъ памятникахъ языка и быта славянскихъ народовъ.

15. Проф. *Т. Д. Флоринскій* „Памяти Миклошича. 1813—1891“. (Кіевъ, 1891. 8°. 13 стран. Отдѣльный оттискъ изъ „Кіевскихъ Университетскихъ извѣстій“ 1891 г.).

16. А. И. Соболевскій: „Францъ Миклошичъ“. Некрологъ: I. (стран. 162—166. отд. „Соврем. лѣтопись“. Журн. М. Нар. Просв. ч. CCLXXIV 1891 апрѣль).

17. † Францъ Миклошичъ. (Этнографическое Обозрѣніе, г. 3, кн. IX. 1891 г. № 2, Москва, стран. 152—157. Некрологъ написанный проф. *Р. Ѳ. Брандтомъ*). Перечислены труды и изданія Миклошича по отдѣламъ.

18. Проф. *В. Ягичъ 11* марта 1891 г. признесъ рѣчь, посвященную памяти Миклошича при большомъ стеченіи публики въ Славянскомъ семинаріи при Вѣнскомъ университетѣ. Она напечатана въ чешскомъ еженедѣльномъ изданіи *Čas* 1891 г. № 13, стран. 202—3, od *I. K.* (arásek). —Ср. № 19.

19. Живая Старина 1891. (I г. изд.) в III стр. 251—256. 1) † „Францъ Миклошичъ, (род. въ ноябрѣ 1813 г.)“ (251—3) 25 марта. *В. Ламанскій.* 2) *Слово проф. И. В. Ягича о Миклошичѣ*, съ замѣчаніемъ проф В. Ламанскаго. (253—256)

20. Русскій Филологич. Вѣстникъ, т. XXV, 1891 г. № 1, стран. 159, некрологъ Миклошича (написанъ проф. *А. И. Смирновымъ*).

21. Францъ Миклошичъ (род. 1813 г. въ Штиріи † 7 марта —27 февр. 1891 г.) (Вѣстникъ славянства, г. изд. 4, 1891, кн. VI, Кіевъ. стр 160)., зам. проф. *В В. Качановскаго.*

22 Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русск. языка и словесности И. Акад. Наукъ за 1891 годъ, составленный акад *К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ* (см. Отчеты И. Ак. Н. по Отдѣленію р. яз. и слав. за 1866—1891 годы. С.-пб. 1903, стран. 742—5).

23. Истор. Вѣстникъ 1891 г. май, т. XLIV смѣсь, 532 стр. (некрологъ Ф. Миклошича).

24. Цариградскій вѣстникъ „*Новини*“ 1891. година, брой 92 (есть кое что и о Миклошичѣ).

25. Д-ръ Францъ Миклошичъ и славянската филология. Отъ „*Л. Милетичъ*“. (София, 1891 VI). (Сборникъ за народни умотворенія, наука и книжнина, издава министерството на народното просвѣщеніе. Книга V. София, държавна печатница 1891. Научен отдѣлъ, стран. 355—499) I. *Славистиката прѣди Миклошича.* (356—413). II. *Миклошичъ и съчиненията му.* (413). *А.* Съчинения по грамматиката на слав. езици. 430—463. *Б* Рѣчници. 463—467. *В.* Изслѣдвания по културно-историческитѣ сношения на славянитѣ съ други народы.—Изслѣдвания по езика на Ромънитѣ, Албанцитѣ и Цыганитѣ. 467—489. *Г.* Отдѣлни монографии по разни филологически въпроси. Издания на письмени паметници. Дребни съчинения (490—9). *Рецензія В. Облака* въ Archiv f. Slav. Phil XVI Bd., S. 494.

26. Jan *Bystroń* „*Franciszek Miklosich.* (180—185: I. Biograf. swiadectwa; 186—191. II. Ocenka ego sochinenij). Ateneum. Pismo naukowe i literackie. Rok XVI, ogólnego zbioru tom LXII; Tom II. zeszyt I. *Kwiecień* Warszawa, 1891, стран. 180—191.

27. † „*Franc Miklosich*“. Napisal dr. Matia *Murko* въ „*Letopis* Matice Slovenske za leto 1891. uredio Anton *Bartel.* Zalozila in izdala Matica Slovenska. V Ljubljani. 1891. 8°, стран. 251—269. См. списокъ трудовъ Миклошича съ 1883 года на стран. 264—268; стран. 268—269. Pripomba urednistva отъ Ivan *Navratil.*

28. „Politik“ (пражская газета) 1891, st. 112, 24 apr., фельетонъ: „Franz Miklosich“ (некрологъ) *B. Облака.*

29. Ljubljanski Zvon, Leposloven in znanstven list. XI leto. 1891. Ljubljani 1) † Fr. Miklosich (стран. 243—4). *Dr. V. Oblak.* 2) *Его же.* Miklosichev vecer v slovanskem seminaru na Dunaji (стр 244—5).

30. Vienac 1891, br. 11, стран. 176: „Svastice. *Miklosic*“.

31. M. Murko: „Franz Miklosich“—въ газетѣ „Presse, отъ 17 марта 1891 г. № 75 (?).

1892.

32. Miklosich' Briefe (1861—1886) *an den Herausgeber dieser Zeitschrift.* (Archiv fur Slav. Phil. Bd. XIV, 1892: Kleine Mittheilungen „Materialien zur Geschichte der Slavischen Philologie“ 10. (продолж. въ Archiv, B. XI, S. 313).—S 300 (предисловіе V. Jagic;—S. 301—320: *Переписка,* т. е. письма *одного Ф. Миклошича* съ № 1—45: 8 Iuni 1861—4/2 1880;—S. 452—462: № 46—69. 19 Juni 1886 (Schluss).

33. A. D. Gubernatis: „Dictionnaire International des écrivains du jour III Section. Additions et écrivains décédés“. Florence—Leipzig. 1891 p. 1484.

34. La Grande Encyclopédie par Larousse. T. XXIII, Paris, p.p. 965—6 (статья *L. Leger*).

35. Zivot i knizevni rad F. Miklosica Citao u sjednici filologicko-historickoga razreda jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti 5 Travna 1892. Pravi clan dr. *T. Maretic. Rad* jugoslav. Akad. znan. i umjetnosti, knj. CXII. razredi filologicko-historicki i filosoficko-juridicki. XXXVI. V Zagrebu, 1892, str. 41—153). 8°

I. **Ziovot**—(41 -50).

II. **Miklosicev knizevni rad pojedince**: *1.* Gramaticki rad. a) glasovi; b) osnove; c) oblici; d) sintaksa; *2.* Leksikograficki rad. a) tudje rijeci u slav. jezicima; b) pojedine kategorije rijeci; c) pravi rjecnici. *3.* Rad oko nar. pjesnistva. *4.* Istoricki clanci. 5. Rad oko neslavenskijeh jezika. *6.* Recensije. *7.* Izdana. *8.* Zbornici. *9.* Clanci razlicnoga sadrzaja.

III. **Miklosicev knizevni rad u opce.**—*Рецензіи:* 1) *V. Oblak* въ Archiv fur Slav. Philologie XVI Bd. S. 497; 2)—*a* въ „Atheneum, listy pro

literaturu a kritiku vedeckou. V Praze. Roč. X, ses. VI, 1893, стран 207—8 въ отдѣл. Zivotopis.

36. Миклошичъ, Францъ. Статья *С. Булича* (Энциклопедич. словарь Брокгауза и Ефрона. Томъ XIX, С.-п.б. 1896 г., стран. 250—1).

37. Dr. M. Murko: Miklosichs Jugend-und Lehrjahre. Výmar, 1898.

38. Encyklopedja Powszechna (S. Orgelbranda). Tom X. Warszawa, 1901 8°, стран. 175—6.

39. Ottův Slovník Naučný. Illustrovaná Encyklopædie obecných vědomostí. Sedmnáctý díl. Median-Navarrete. 1901 8°. Vydavatel a nakladatel J. Otto v Praze. Tiskem České grafické společnosti „Unie“ v Praze:— *статья проф. Пастрнека* (Pastrnek): „Miklosich (=sic) Frantisek...“ на стран. 290—295.

40. Slovenska bibliografija. I. del: Knjige. 1550—1900. Sestavil *dr. Fr. Simonič*, kustos c. kr. vseučiliske knjiznice na Dunaju. Izdala in založila „Slovenska Matica“. V Ljubljani, 1903. 8°. См. въ статьѣ: „*Miklošič* Franz vitez“ на стран. 307—316, *списокъ* трудовъ Ф. Миклошича.

II. Списокъ учено-литературныхъ трудовъ и изданій Фр. Миклошича съ указаніемъ отзывовъ и критическихъ разборовъ:

1839—1889 г.г.

1 8 3 9.

1. Въ журналѣ „*Danica Jlirska*“ г. 1840, v с. 30 и 42 помѣщены два стихотворенія. „*Ani P...iz Petrograda*“ (№ 30) и „*Slavuj*“ (№ 42).

1 8 4 4.

2. Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Zend, Griechischen, Lateinischen, Littauschen, Gothischen und Deutschen von Franz Bopp. Berlin 1833 (Jahrbucher der Literatur. Hundert funfter Band 1844. Ianuar. Februar. Marz. Wien. Gedruckt und verlegt bei Carl Gerold Art. II. S. 43—70. Подписано: Dr. Miklosich.

1 8 4 5.

3. *Radices linguae Slovenicae veteris dialecti*—Scripsit Franciscus Miklosich, phil. et. jur. doctor. Lipsiae, in libraria Weidmannia. MDCCCXLV. 8°. Стран. 147+4 (Предисловіе и Corrigenda). Въ концѣ книги отмѣчено: Vindobonae, Cal. Decemb. 1844. Typis Congregationis Mechitaristicae.

Рецензіи: 1) *П. І. Шафарика* въ Časopis v Česk. v Mus. 1845, стран. 505—8; 2) *П. С. Билярскаго* въ Журн. М. Н. Пр. 1845 г. № 8, стр. 140—5; 1846 г. № 10, с. 1—27; 1848 г. № 8, с. 159—165; 3) *И. И. Срезневскаго* въ Ж. М. Н. П., ч. LVIII, отдѣл. VI. (во 2-й статьѣ объ академ. слов. р. и цсл. язз.) стран. 237—8; 4) его же въ Русской Бесѣдѣ 1857 г. кн. 6 (въ разборѣ церк-слав. словаря Востокова), стран. 6;—5) тоже см. въ прилож. къ Отчету Отдѣл. руск.

яз. и слов. И. Ак. Н. за 1858 г. въ Учен. Запискахъ II Отдѣл. кн. IV, отд I, стр. XXIV—V; 6) Извѣстія Отдѣл. р. яз. и слов. т. I, стб. 19—20—См. ниже №№ *33 114*.

4. S. *Joannis Chrysostomi homilia in ramos palmarum* slovenice, latineet graece. Cum notis criticis et glossario. Vindobonae, 1845. 8°. Стр. VIII+72.—См №№ *5* и *16*.

Это поученіе—отрывокъ изъ извѣстной Супрасльской рукописи XI вѣка изданно по выпискѣ изъ нея, сдѣланной еще В. Копитаромъ.

Текстъ слав. напечатанъ на стран 2—24, съ Миклошичевымъ латинскимъ переводомъ, а на стр. 26—35 греческій подлинникъ. (См. въ изданіи Cod. Suprasl. Миклошича стран. 234—245). Въ приложеніяхъ помѣщены: 1) isprava кор. Стефана Уроша изъ первыхъ лѣтъ XIV вѣка и 2) записка калугера Исаіи о смерти кор. Вукашина.

1847.

5. *Vitae Sanctorum*. E codice antiquissimo palaeoslovenice cum notis criticis et glossario edidit Franciscus Miklosich, phil. et juris doctor. Accedunt epimetra grammatica quinque. Viennae, 1847 Apud Wenedikt viduam et filium. 8° Стран. 4 непомѣч +54+1 неп.

Praefatio подписано: „Editor Vindobonae cal octobr. 1846."—Издано по подлинной рукописи. См. №№ *4* и *16*.

Рецензія П. Б. (пятярскаго) въ Ж. М Н. П 1848 г, ч. LIX, отд. VI, новыя иностр. книги, августъ, стран. 159—165.

6. *Ostromir's Evangelium* Herausgegeben von *A Vostokov. Recension* von Franz Miklosich, der Philosophie und der Rechte Doktor. Aus dem CXIX Bande der Jahrbucher der Literatur besonders abgedruckt.—Wien. Gedruckt bei Carl Gerold. 1847. 8° 39 S

„Art. I. Остромирово евангеліе 1056—57 года. Съ приложеніемъ греческаго текста евангелій и съ грамматическими объясненіями, изданное А. Востоковымъ. (Ostromir's Evangelium aus den Jahren 1056—57. Mit dem griechischen Text der Evangelien und mit grammatikalischen Erläuterungen herausgegeben von A. Vostokov). Petersburg. In der Druckerei der kaiserlichen Akademie der wissenschaften. 1843 4. VIII S. 294 Bl. und 320 S. nebst zwei Facsimile". На стран 39 припечатано: „Wien, den 1 Februar 1847. Dr. Fr. Miklosich". Въ русскомъ переводѣ помѣщено въ книгѣ *Перевлъсскаго*—:„Памятники старославянскаго языка, С.-п.б. 1854, стран. 7—70.

7. *Vita S. Clementis*, Episcopi Bulgarorum. Vindobonae, 1847 8°. Стран. XXII+34. Посвященіе: „Manibus Kopitarii—gratus discipuli animus".

1848.

8 *Ueber den reflexiven Gebrauch des Pronomens oi* und der damit zusammenhangenden Formen fur alle Personen. (Sitzungsberichte der Philosophisch-historischen Classe der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. I Bd, 1848. S. 119—137).

9 Въ изданіи вѣнскаго типографщика A. *Auer'a „Sprachenhalle“* in f° max. въ отд „Das Vater Unser in mehr als 200 Sprachen und Mundarten mit Originaltypen“ въ „Europa, Slawischer Sprache & Volkerstamm *№ 157 Altslovenischer Dialect* напечатанъ церковно-славянскій текстъ молитвы „Отче Нашъ“ съ отмѣткою: „Nach den *ältesten Manuscripten* mitgetheilt von *Dr Miklosich*“

Ср Sitzungsberichte der Philosophisch Historischen Classe der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. I Bd. Wien. 1848.—Sitzung vom 3 Mai 1848, art. c) *„Bericht des Herrn Wuk-Stephanovich Karadschitsch“*. S. 164—168

10. *Lehre von der Conjugation im Altslovenischen.* (Sitzungsberichte I Bd. S. 171—175).—Ср. въ Denkschriften I Bd., S. 167—206.

1849.

11. См. *П. Драгановъ. „Забытая статья Ф. Миклошича„* Страница изъ исторіи *лексикографіи церковно-славянскаго языка* и *ново-болгарскаго правописанія*) (*Новый сборникъ статей по славяновѣдѣнію* Составленный и изданный учениками В. И. Ламанскаго при участіи ихъ учениковъ по случаю 50-лѣтія его учено-литературной дѣятельности С.-п б. 1905, стр. 297—303). Статья въ константинопольской газетѣ *„Цариградскій Вѣстникъ“ 19 ноемврія 1849 година.* В. теть 74. стран. 4. Издава си всяка сжбота. Издава И. Андреевъ въ своята книгопечятница (въ видѣ письма въ редакцію).

П. Андреевъ-Богоевъ-Богоровъ напечаталъ въ болг. пересказѣ нѣмецкую монографію М-ча о матеріалахъ по исторіи болг. яз. и письма: „Миклошичъ за гласны тѣ звукове, въ Болгарскын изыкъ. Вѣна, 1885.“

1850.

12. *Lautlehre der Altslovenischen Sprache von Fr. Miklosich.* Wien, Wilhelm Braumuller, 1850. 8°. S. 1—52. Подъ предисловіемъ отмѣчено: „Wien am 5 Februar 1850“.—*Ср. V. Hanka* въ „Abhandl. d. Konigl. Akad. d. Wiss.“ и въ „Casopis C. Museum 1850, r. XXIV. Sv

II. стр. 297—311. („Slovanská mluvoveda“, читанная въ засѣданіяхъ 26 апрѣля и 24 мая 1850 г. Чешскаго Королевскаго Общества Наукъ). Ганка коснулся слѣд. трудовъ. Миклошича: „Lautlehre“, „Radices“, „Homilia in ramos palmarum“ и „Vitae sanctorum“.—Миклошичъ отвѣчалъ въ Вѣнскомъ Дневникѣ, 20 іюля 1850 г. № 11.—См. на это статью, Ганки тамъ же отъ 29 іюля № 18. Послѣдній отвѣтъ Миклошича въ его изданіи „Slav. Bibliothek 1851 г. I, 267—321.

Рецензія А. Х. Востокова въ Извѣстіяхъ Отдѣл. русск. яз. и слов. И. Акад. Н. т. I, стб. 13—14.

13. *Formenlehre der Altslovenischen Sprache* von Fr. Miklosich. Wien, 1850. 8°. 73 S.

Рец. А. Х. Востокова въ Извѣстіяхъ Отдѣленія русск. яз. и слов. И. А. Н. т. I, стб. 14—8.

14. *Lexicon linguae slovenicae veteris dialecti.* Vindobonae, 1850. 4°. Стр. X+204. Посвящено Кн. Михаилу Обреновичу.—*Отзывы*: 1) *И. И. Срезневскаго* въ Русской Бесѣдѣ 1857 г. кн. 6 (въ разборѣ Церк.-слав. словаря Востокова), стран. 6—7. Тоже см. въ прилож. къ Отчету Отдѣл. русск. яз. и слов. И. Ак. Н. за 1858 г. въ IV кн. Учен. Зап. II Отдѣл. стран. XXV—XXVI. 2) *О.* въ Časopis Českého Museum 1852, R. XXVI, sv. 1, стран. 169 слѣд. 3) *А. Х. Востоковъ* въ Извѣстіяхъ Отдѣленія русск. яз. и слов. И. Акад. Н. т. I, спб. 22—3.—См. № 55.

1851.

15. *Lautlehre der Bulgarischen Sprache.* (Slavische Bibliothek, I Bd. 1851, s. 43—56).

Русск. переводъ: „Фонетика Болгарскаго нарѣчія. Статья Ф. Миклошича. Перевелъ съ нѣм. *К. Петковичъ*. Спб. 1852, отд. оттискъ. См. Ж. М Н. Пр. 1852 г. Ч. LXXVI, отд. II, с. 29—48, съ примѣчаніями переводчика.

Ср. Grammatik der bulgarischen Sprache. Wien, 1852, составленную братьями Цанковыми и изданную примѣнительно къ взглядамъ Миклошича.

16. *Monumenta linguae palaeoslovenicae e codice Suprasliensi*—edidit *F. Miklosich.* Sumtibus Caesareae scientiarum Academiae.—Vindobonae 1851 (Apud Guilelmum Braumuller). 8°. Pp. III—XII+1—452 (ц.-слав. текстъ)+453—6. (Index)+4 непомѣч. стран. (Corrigenda et Addenda)+1 литографическій снимокъ.

Въ концѣ отмѣчено: „Vindobonae, typis Leopoldi Sommer“.

Были отпечатаны экземпляры и на хорошей (веленевой) бумагѣ съ широкими полями для замѣчаній.—См. №№ *4* и *5*.

ПАМЯТИ

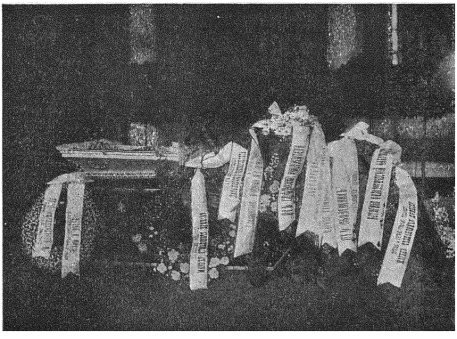
Марина Степановича

Дринова.

† *28-го февраля 1906 г.*

Настоящій Сборникъ былъ уже оконченъ печатаньемъ, оставалось его сброшюровать для поднесенія дорогому юбиляру, какъ неумолимая смерть сразила послѣдняго. Тяжелый недугъ покойнаго—туберкулезъ легкихъ—особенно обострился и принялъ крайне неблагопріятное теченіе послѣ инфлуэнцы, перенесенной М. С Дриновымъ во время пребыванія въ Петербургѣ на предварительномъ съѣздѣ славистовъ, въ апрѣлѣ 1903 года, и воспаленія легкихъ, полученнаго имъ уже въ Харьковѣ, въ маѣ того же 1903 года, вслѣдствіе неосторожности собственной. Пребываніе въ Ялтѣ зимою 1904—1905 года не вполнѣ поправило больного. Онъ возвратился въ Харьковъ со слабымъ голосомъ и похудѣвшимъ. Зиму 1905—1906 г. больной собирался провести снова въ болѣе благопріятномъ климатѣ, онъ мечталъ и о родной Болгаріи. Въ своей просьбѣ о заграничной командировкѣ на этотъ періодъ М. С упоминалъ и о своемъ желаніи заняться архивами въ славянскихъ земляхъ Но дума за горами, а смерть за плечами. Въ февралѣ 1906 г. ему сдѣлалось очень дурно. Припадки кровохарканія очень его ослабили. Врачи уложили его въ постель, съ которой ему уже не было суждено встать. 25 февраля онъ причастился Св. Тайнъ, а 28 февраля въ $3^1/_2$ ч. дня тихо почилъ съ той милой, очаровательной улыбкой на устахъ, которая такъ красила всегда въ жизни его лицо. Бальзамированіе тѣла, произведенное проф. Бѣлоусовымъ, очень удалось. Лицо усопшаго во все время похоронъ сохраняло милыя черты живого облика дорогого покойнаго.

Во время печальной церемоніи погребенія М С. возникла среди членовъ И. Ф. Общества мысль дополнить настоящій Сборникъ описаніемъ похоронъ и приложить къ нему рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ засѣданіи И. Ф. Общества, посвященномъ его памяти.



I.

Погребеніе профессора М. С. Дринова.

Въ среду 1 марта 1906 г. въ мѣстныхъ газетахъ появились слѣдующія объявленія:

„Жена, дочь и сынъ извѣщаютъ знакомыхъ о смерти дорогого мужа и отца, заслуженнаго профессора Марина Степановича Дринова, послѣдовавшей 28 февраля, въ 3½ ч. дня. О времени выноса и погребенія будетъ объявлено особо".

„Предсѣдатель Историко-филологическаго общества и педагогическаго отдѣла съ глубокимъ прискорбіемъ извѣщаетъ членовъ Общества, что 28 февраля, въ 3½ ч. дня, скончался незабвенный профессоръ Маринъ Степановичъ Дриновъ. О времени выноса и погребенія будутъ отъ университета и семьи объявленія".

Въ тотъ же день, въ газетѣ „Южный Край" (№ 8716) была напечатана слѣдующая статья профессора Н. Ф. Сумцова.

„Памяти Марина Степановича Дринова. 28 февраля, въ 3½ час. по полудни, скончался заслуженный профессоръ Харьковскаго университета Маринъ Степановичъ Дриновъ. Хрустально чистая и благородная личность, прекрасный человѣкъ и глубокій ученый, Маринъ Степановичъ пользовался большимъ уваженіемъ въ Россіи и во всѣхъ славянскихъ странахъ, въ особенности, на родинѣ—въ Болгаріи. Маринъ Степановичъ родился въ Панагюрищѣ въ 1838 г.: высшее образованіе получилъ въ московскомъ университетѣ, съ 1873 г. занималъ каѳедру славяновѣдѣнія въ харьковскомъ университетѣ съ небольшимъ перерывомъ въ 1877—1878 годахъ, когда онъ входитъ въ составъ временнаго русскаго правленія Болгарскаго княжества въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ. Въ 1881 г. М. С. Дриновъ получилъ приглашеніе занять постъ президента болгарскаго государственнаго совѣта; но онъ не принялъ этого званія и остался въ Харьковѣ профессоромъ, въ своемъ маленькомъ домикѣ на

Холодной горѣ, въ неразрывной связи съ харьковскимъ университетомъ и историко—филологическимъ обществомъ, въ которомъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ былъ предсѣдателемъ. М. С. Дриновъ былъ истиннымъ украшеніемъ университета, по научному авторитету и товарищески-нравственному благородству отношеній. Какъ высоко цѣнились въ ученомъ мірѣ его познанія въ области славяновѣдѣнія, видно изъ того, что онъ былъ членомъ всѣхъ славянскихъ академій: русской въ Петербургѣ, польской въ Краковѣ, чешской въ Прагѣ, хорватской въ Загребѣ, почетнымъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ и учрежденій.

Въ Болгаріи М. С Дринова высоко цѣнили, какъ перваго работника по конституціонному устройству страны, какъ перваго министра народнаго просвѣщенія, создавшаго въ два года рядъ среднихъ и низшихъ школъ, какъ лучшаго знатока болгарскаго языка, болгарской старины и болгарской литературы, вообще, какъ глубоко честнаго и въ высшей степени свѣдущаго дѣятеля государственнаго, общественнаго и научнаго. Есть одно политическое дѣяніе М. С. Дринова, въ Россіи, кажется, никому неизвѣстное, дѣяніе весьма важное. Въ то время, какъ хитроумная австрійская дипломатія въ 1878 г. настаивала, чтобы столицей Болгаріи избранъ былъ городъ Тырново, древняя столица Болгарскаго княжества, мѣсто коронованія болгарскихъ царей, Маринъ Степановичъ, пользовавшійся вліяніемъ на кн. Дондукова-Корсакова, выдвинулъ сравнительно небольшую Софію, присутствіе въ которой княжескои резиденціи важно въ цѣляхъ противодѣйствія австрійскимъ и сербскимъ вліяніямъ въ сѣверозападной Болгаріи. Понятно, почему болгары такъ всегда высоко цѣнили и гордились М. С. Дриновымъ. При посѣщеніи Болгаріи ему отводили министерскій вагонъ, митрополитъ софійскій встрѣчалъ его съ хлѣбомъ-солью на главной площади; имя Дринова носитъ одна изъ лучшихъ софійскихъ улицъ портреты его на школьныхъ тетрадяхъ. Изъ харьковской научно-общественной дѣятельности Марина Степановича выдаются его труды въ историко-филологическомъ обществѣ. М. С. Дриновъ участвовалъ въ его основаніи, какъ одинъ изъ его учредителей, и въ составленіи перваго устава, опредѣлившаго дѣятельность Общества на цѣлое двадцатипятилѣтіе. Онъ всегда былъ его гордостью, какъ дорогой сочленъ, неизмѣнно преданный его интересамъ и усердно работавшій для его преуспѣянія. Общество всегда дорожило глубоко интересными докладами М. С. Дринова, въ которыхъ онъ излагалъ результаты своихъ научныхъ изслѣдованій въ области славяновѣдѣнія; въ его бесѣдахъ по поводу докладовъ другихъ сочленовъ Общество находило цѣнныя разъясненія и въ области близкихъ къ славяновѣдѣнію научныхъ дисциплинъ. Общепризнанный научный авторитетъ М. С. Дринова и его неизмѣнно сердечное отношеніе ко всѣмъ мѣропріятіямъ Общества служили

для него важной нравственной опорой. Въ знакъ уваженія къ М С Дринову, какъ ученому, профессору и человѣку, Общество издало, съ посвященіемъ ему, сборникъ статей его учениковъ, друзей и почитателей. Всѣ ученыя и общественныя заслуги М. С Дринова были лишь отраженіемъ его любвеобильной и мягкой личности, его рѣдкой деликатности, сердечной доброты и кротости. Миръ праху твоему, достойнѣйшій человѣкъ, истинно гуманная и мягкая славянская натура, незабвенный товарищъ и незамѣнимый, многолѣтній другъ! Миръ тебѣ, доброе любящее сердце! Семья родина, славянство, наука, человѣчество находили въ этомъ широкомъ сердцѣ всегда теплый пріютъ, и да почіетъ оно въ неизмѣнной и вѣчной благодарности!

Закатъ померкъ, и умеръ свѣтлый день.

3-го марта въ мѣстныхъ газетахъ было напечатано слѣдующее объявленіе:

„Ректоръ Харьковскаго университета увѣдомляетъ, что погребеніе заслуженаго профессора Марина Степановича Дринова отлагается, въ виду ожидаемаго пріѣзда депутаціи отъ князя и правительства болгарскаго. О днѣ погребенія будетъ объявлено особо. Сегодня (пятница) въ 1 часъ дня, будетъ отслужена панихида въ Университетской церкви".

За тоже число въ газетѣ „Южный Край" проф. Кульбакинъ, замѣститель М. С по каѳедрѣ напечаталъ слѣдующій некрологъ его:

„**М С. Дриновъ.** 28 февраля, въ 3½ часа дня, скончался одинъ изъ старѣйшихъ и популярнѣйшихъ профессоровъ харьковскаго университета, Маринъ Степановичъ Дриновъ, съ 1873 года съ честью занимавшій каѳедру славянской филологіи въ нашемъ университетѣ. Слишкомъ недавній членъ университетской и въ частности факультетской семьи, пишущій эти строки, долженъ предоставить своимъ товарищамъ, ближе знавшимъ покойнаго,—опредѣлять всю тяжесть этой потери для университета и его факультета. Но какъ оффиціальный представитель каѳедры, долженъ отмѣтить глубоко-грустное значеніе этой потери для русской и шире—славянской науки. Еще въ 1879 году извѣстный историкъ славянскихъ литературъ, А. Н Пыпинъ, говоря о болгарской исторической наукѣ, назвалъ Марина Степановича „важнѣйшимъ и уже вполнѣ по европейски ученымъ историкомъ болгарскимъ". И дѣйствительно, уже въ то время Маринъ Степановичъ успѣлъ заявить себя крупными, отмѣченными самостоятельностью изслѣдованіями и разносторонней эрудиціей, трудами. Родившись въ 1838 году въ небольшомъ болгарскомъ городкѣ

Панагюриште, онъ въ 1865 году окончилъ московскій университетъ, гдѣ слушалъ лекціи извѣстныхъ славистовъ Бодянскаго и Буслаева, а въ 1866 году явилась первая его статья на болгарскомъ языкѣ о злоупотребленіяхъ фанаріотовъ („Іезуити и фанаріоти“). Затѣмъ въ 1869 г. вышли двѣ крупныхъ его работы на болгарскомъ же языкѣ: первая—О происхожденіи болгарскаго народа, вторая—Очеркъ исторіи болгарской церкви. Съ 1873 года началась преподавательская дѣятельность М. С. въ Харьковскомъ университетѣ, и въ этомъ же году явилась его диссертація „Заселеніе Балканскаго полуострова славянами“, а въ 1876 г.—другая крупная работа: „Южные славяне и Византія въ X вѣкѣ“. Эти—то труды въ соединеніи съ другими, меньшими работами послужили основаніемъ для вышеприведенной оцѣнки научнаго значенія М. С-ча Пыпинымъ. 77 и 78 годы, отдѣляющіе послѣдній изъ названныхъ трудовъ покойнаго отъ оцѣнки Пыпина, представляютъ перерывъ въ его научно-преподавательской дѣятельности: онъ оставляетъ Харьковскій университетъ, чтобы принять участіе въ дѣлѣ устроенія своей только что освобожденной родины въ качествѣ члена временнаго правительства, министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ. По возвращеніи въ Харьковъ М. С. всецѣло отдается научной работѣ и всей послѣдующей ученой дѣятельностью упрочиваетъ репутацію одного изъ крупнѣйшихъ представителей науки о славянствѣ. Центръ тяжести его интересовъ по прежнему и до конца жизни лежалъ въ области славянской исторіи; судьбы родины—Болгаріи были на первомъ планѣ. Но было бы ошибочно думать, что историческими вопросами кругъ интересовъ покойнаго ученаго и замыкался: исторія литературы, этнографія, языкъ въ его древнихъ памятникахъ и живыхъ говорахъ находили въ М. С-чѣ тонкаго и внимательнаго изслѣдователя. Уже въ 1869—71 г.г., когда только что появились два крупныхъ труда его—историческаго характера, покойный напечаталъ программу для собиранія матеріаловъ по болгарской діалектологіи. Позже, въ 1880 г. онъ помѣстилъ въ нѣмецкомъ „Архивѣ славянской филологіи“ свои „Матеріалы для изученія болгарскаго языка“, замѣчательные тонкостію фонетическихъ наблюденій и богатствомъ самостоятельно собраннаго діалектологическаго матеріала. Должно замѣтить, что и лингвистическія, и историческія работы покойнаго ученаго исходнымъ пунктомъ своимъ имѣли жизненныя потребности его родины: такъ, историческими изслѣдованіями М. С. старался доказать право на самостоятельность болгарской церкви; его изслѣдованія прошлыхъ судебъ болгарскаго народа создавали почву для національнаго самосознанія возродившагося къ новой жизни народа, а лингвистическія работы М. С-ча были научной основой его трудовъ по созданію болгарскаго литературнаго языка и правописанія. Въ этомъ отношеніи покойный

является типичнымъ дѣятелемъ національнаго возрожденія своего народа. Такое же жизненное значеніе для его родины представляли статьи покойнаго по македонскому вопросу, въ которыхъ къ рѣшенію вопросовъ жизни привлекаются съ тонкимъ знаніемъ и научной объективностью данныя этнографіи и лингвистики („Нѣсколько словъ объ языкѣ, народныхъ пѣсняхъ и обычаяхъ добрскихъ славянъ" 1888 года.) Изъ прочихъ трудовъ покойнаго отмѣтимъ: статью „О нѣкоторыхъ трудахъ Димитрія Хоматіана, какъ историческомъ матеріалѣ", разборъ сочиненія Ѳ. Успенскаго «Образованіе второго болгарскаго царства", разборъ сочиненія П. Сырку „Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV вѣкѣ". Общій перечень печатныхъ работъ покойнаго представляетъ 64 номера.

Не рѣшаясь характеризовать Марина Степановича, какъ человѣка самъ—въ виду недавности личныхъ къ нему отношеній,—заполню этотъ пробѣлъ своей замѣтки оцѣнкой одного изъ почитателей покойнаго, проф. Б. М. Ляпунова, данной по поводу ученаго юбилея М. С—ча: «Всегда скромный и строгій къ себѣ, несмотря на свою громадную эрудицію, но мягкій и снисходительный къ другимъ, М. С. и какъ товарищъ, и какъ профессоръ и наставникъ по отношенію къ своимъ ученикамъ и всѣмъ, обращавшимся къ нему за совѣтами при своихъ занятіяхъ, являлся образцомъ высоко просвѣщеннаго и гуманнаго человѣка». Не забудемъ, что горячая любовь къ своей родинѣ—Болгаріи красной нитью проходитъ чрезъ всю жизнь и научную дѣятельность покойнаго М. С—ча; чувствомъ глубокой горести и вмѣстѣ признательности помянетъ Болгарія одного изъ лучшихъ сыновъ своихъ. Но крупный слѣдъ оставила научная и преподавательская дѣятельность покойнаго и въ исторіи науки славянства, и въ исторіи русскаго просвѣщенія и русской науки, въ частности въ исторіи харьковскаго университета. Чувствомъ горести и вмѣстѣ признательности должны помянуть Марина Степановича всѣ тѣ, кому дороги интересы науки славянства, всѣ тѣ, кому дороги интересы русскаго просвѣщенія и русской науки. Миръ праху твоему, заслуженный и безкорыстный дѣятель на нивѣ научной!»

Пріѣздъ болгарской депутаціи состоялся 6-го марта: въ 5 час. 45 мин. утра въ Харьковъ прибыли: болгарскій министръ народнаго просвѣщенія И. Д. Шишмановъ и профессоры софійскаго университета—Агура, Милетичъ и Златарскій. На перронѣ центральнаго вокзала ихъ встрѣтилъ и. д. полиціймейстера К. И Безсоновъ. Въ парадныхъ комнатахъ депутацію ожидали: харьковскій городской голова А. К. Погорѣлко, ректоръ университета Л. В. Рейнгардъ, деканъ историко-филологическаго факультета профессоръ В. П. Бузескулъ, и. д. декана юридическаго факультета проф. В. Ф. Левитскій, предсѣдатель историко-филологическаго общества Н. Ѳ.

Сумцовъ и профессоры М Г. Халанскій, Г. Ѳ Шульцъ, Е. К Рѣдинъ и І А. Бродовичъ Ректоръ университета привѣтствовалъ прибывшихъ рѣчью, въ которой выразилъ благодарность за вниманіе, которое болгарскій князь, правительство и софійскій университетъ оказали усопшему профессору М. С Дринову, „равно дорогому, какъ намъ, такъ и болгарамъ“. Депутація, въ сопровожденіи ректора, отправилась въ гостиницу „Грандъ-Отель“, гдѣ городъ отвелъ для нея помѣщеніе, а часовъ въ одиннадцать утра члены депутаціи дѣлали визиты епископу Евгенію, губернатору г.-м. Н. Н. Пѣшкову, ректору университета и городскому головѣ. Около часу дня депутація прибыла въ университетъ и прошла въ совѣтскій залъ, гдѣ была встрѣчена ректоромъ и другими профессорами. Послѣ краткой бесѣды болгарскій министръ и члены депутаціи отправились на панихиду въ университетскую церковь, по окончаніи которой возвратились къ себѣ въ гостиницу Часа въ два дня ихъ посѣтили губернаторъ, ректоръ университета и городской голова.

7-го марта въ мѣстныхъ газетахъ было напечатано отъ ректора университета·

„Ректоръ Императорскаго Харьковскаго Университета доводитъ до свѣдѣнія г.г. профессоровъ и преподавателей Университета, что погребеніе заслуженнаго ординарнаго профессора Марина Степановича Дринова имѣетъ быть во вторникъ 7-го сего марта, послѣ литургіи въ Университетской церкви Литургія начнется въ 10 часовъ утра.“

Отдать послѣдній долгъ уважаемому профессору и рѣдкой души человѣку прибыли въ университетскую церковь родные, профессора и преподаватели харьковскаго университета всѣхъ факультетовъ, во главѣ съ ректоромъ Л. В. Рейгардомъ и деканами, студенты и много почитателей покойнаго. Въ десять часовъ утра началась заупокойная литургіи, которую совершалъ въ сослуженіи мѣстнаго духовенства епископъ Евгеній. Немного спустя прибыли въ церковь: болгарскій министръ народнаго просвѣщенія г. Шишмановъ, профессоры софійскаго университета г.г Агура, Милетичъ, и Златарскій (всѣ они были въ черныхъ фракахъ съ національными орденами), бывшій попечитель учебнаго округа М. М. Алексѣенко и городской голова А. К Погорѣлко. По окончаніи литургіи епископъ Евгеній сказалъ слѣдующее слово:

„Братія! То обстоятельство, что не смотря на будничный день, храмъ полонъ молящихся, не представляетъ для насъ явленія сколько-нибудь необычнаго. Благодареніе Господу Богу, на святой Руси искони крѣпокъ и при всякомъ случаѣ усердно и глубоко искренно проявляется союзъ

народа съ церковью Христовою, и этотъ союзъ служитъ источникомъ,— убѣждены мы,—несокрушимой силы и духовной мощи православнаго народа русскаго.

Настоящее собраніе примѣчательно въ иномъ отношеніи. Здѣсь мы видимъ дружную семью, состоящую, однако изъ людей весьма различныхъ по своему общественному положенію, видимъ и представителей далекой по мѣсту, но близкой по духу братской намъ Болгаріи, видимъ мужей, служащихъ высшему просвѣщенію и ищущихъ его свѣта юношей, видимъ и частныхъ лицъ, повидимому, чуждыхъ населяющей этотъ храмъ науки; всѣхъ ихъ объединили равно глубокія и искреннія чувства любви и уваженія къ почившему

Не такъ давно торжественно праздновалось тридцатилѣтіе его научно-педагогической дѣятельности. Ко дню празднованія со всѣхъ концовъ славянскаго міра было получено много привѣтствій, въ которыхъ старецъ-профессоръ обрисованъ самыми свѣтлыми чертами. Далекая родина почившаго „съ чувствомъ радости и народной гордости“ привѣтствовала его, какъ своего государственнаго и общественнаго дѣятеля, труды котораго составляютъ „лучшія страницы исторіи свободной Болгаріи“ Ученыя учрежденія славянскихъ странъ называли „его однимъ изъ лучшихъ работниковъ по исторіи славяновѣдѣнія, подъ руководствомъ котораго образовалось не мало полезныхъ даровитыхъ ученыхъ, русскихъ и болгарскихъ“; университетъ свидѣтельствовалъ, что онъ, считая юбиляра лучшимъ украшеніемъ своимъ, гордится его дѣятельностью на пользу науки и просвѣщенія. профессора, сослуживцы и ученики говорили о немъ какъ о человѣкѣ, обладающемъ высокими личными качествами, снискавшими ему со стороны всѣхъ знающихъ его глубокое уваженіе и любовь,—говорили о его чарующей ласкѣ, дивной простотѣ, теплой участливости и всегдашней готовности оказать помощь нуждающимся въ его совѣтахъ.

Поэтому, конечно съ такимъ единодушіемъ всѣ, кто могъ, и собрались нынѣ къ своему другу и учителю, чтобы еще разъ побыть съ нимъ. Но уже не бьется его сердце, обнимавшее всѣхъ своею любовью; молчатъ сомкнутыя уста, не услышатъ юные ученики привѣтствія трогательнымъ „другъ милый“; смежились очи, сіявшія лаской... Какая нынѣ здѣсь печальная аудиторія!

Но братія, мы—христіане Какъ у имущихъ упованіе воскресенія, мысленный взоръ нашъ обращается за предѣлы смерти и гроба; тамъ представляется вѣрѣ нашей утѣшительная картина Кто провелъ день въ полезномъ трудѣ, тотъ сладко и покойно засыпаетъ вечеромъ. Этотъ временный покой есть образъ покоя вѣчнаго, начинающагося для добрыхъ въ земной жизни труженниковъ съ ихъ смертію

Земная жизнь для каждаго изъ насъ есть срокъ дѣланія, или день труда. Конецъ настоящей жизни есть начало вѣчнаго покоя для тѣхъ, кто всѣми силами старался выполнить свою задачу и не переставалъ трудиться, пока не насталъ послѣдній срокъ его честной работы.

Сладокъ,—уповаемъ,—сонъ и тебѣ, почившій братъ нашъ, потому что и ты отъ утра и до вечера твоей жизни работалъ усердно и непрерывно, посвящая всѣ силы и дарованія свои исполненію долга... Раба, не скрывшаго ввѣренныхъ ему талантовъ, встрѣтитъ милосердіе Божіе. Блаженъ путь, въ онь же идеши! Молимся и вѣруемъ, яко уготовася тебѣ мѣсто свѣтлаго упокоенія въ обителяхъ Небеснаго Отца. Аминь ".

Затѣмъ началась панихида, во время которой между пѣснопѣніями были произнесены слѣдующія рѣчи. Ректоромъ университета Л. В. Рейнгардомъ приблизительно было сказано:

Только два мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы потеряли профессора Крылова, а теперь неумолимая смерть опять отнимаетъ новую жертву изъ семьи роднаго нашего университета. Въ настоящее время мы хоронимъ профессора и славнаго ученаго Марина Степановича Дринова. Предоставляю тѣмъ, кто ближе стоялъ къ нему по спеціальности и ближе зналъ его, выяснить душевныя качества и заслуги его, какъ ученаго. Мы хоронимъ, продолжалъ далѣе ректоръ, прахъ дорогого Марина Степановича, имя же его останется навсегда неизгладимымъ въ сердцахъ нашихъ, оно будетъ начертано на скрижаляхъ исторіи науки, послужитъ звеномъ, связующимъ два братскихъ народа Низко кланяюсь его праху и говорю: „Вотъ какъ надо жить и трудиться на пользу и славу науки, на пользу человѣчества".

Затѣмъ министръ народнаго просвѣщенія Болгаріи, г. Шишмановъ сказалъ:

„Дорогой покойникъ!

Отъ имени князя, государства, организованаго при прямомъ твоемъ участіи; отъ имени правительства и народа, который ты любилъ со всею силой твоей рѣдкой души; отъ имени министерства, которому ты положилъ прочныя основанія въ качествѣ перваго болгарскаго министра народнаго просвѣщенія; отъ имени города Софіи, выбраннаго столицей Болгарскаго княжества, благодаря единственно твоимъ настойчивымъ совѣтамъ, — приношу тебѣ послѣдній поклонъ.

Прости, прости, дорогой, что мы потревожили твои смертные останки! Но не могли же мы перенести мучительную мысль, что тебя похоронятъ далеко отъ насъ, что намъ не будетъ дана возможность поклониться передъ тѣмъ твоему праху.

Окружая тебя сегодня, намъ кажется, что мы предаемъ твое тѣло родной землѣ—представленіе, тѣмъ легче вызванное, что Россія сдѣлалась твоимъ вторымъ отчествомъ, что харьковская alma mater открыла широко свои объятія для тебя и что молились здѣсь милые и благородные люди, замѣнившіе тебѣ родныхъ друзей.

Скорбь о дорогомъ покойникѣ связывается такимъ образомъ совершенно естественно съ чувствомъ горячей благодарности къ великому народу, давшему тебѣ возможность развить рѣдко плодотворную дѣятельность, великая цѣль которой была всегда: сближеніе и единеніе всѣхъ славянъ на чисто культурной почвѣ, совершенно не зависимо отъ временныхъ недоразумѣній.

Не бывъ оставленнымъ на высотѣ стоть значительной университетской каѳедры, не могъ бы ты и въ другомъ отношеніи сыграть важной исторической роли: служить русскому обществу вѣстителемъ болгарскихъ страданій и мечтаній въ моментъ самаго опаснаго для насъ политическаго кризиса, когда неслыханные ужасы только что начинали волновать европейское общественное мнѣніе. Но русское гостепріимство имѣло и другое плодотворное вліяніе.

Съ допущеніемъ Дринова къ важной каѳедрѣ неминуемо долженъ былъ подняться и общій взглядъ на болгарскихъ братьевъ.

Дриновъ сдѣлался первымъ доказательствомъ того, что и современные болгары способны не только къ удовлетворенію примитивныхъ потребностей, но и къ работѣ для обще-славянскаго и обще-человѣческаго дѣла.

Особенно же цѣнно то, что ты, дорогой намъ покойникъ, сказался и въ нравственномъ отношеніи идеальнымъ человѣкомъ, соединяя въ себѣ качества строгой объективности съ полной просвѣщенностью и гуманностью. Если бы ты былъ инымъ, дорогой, несомнѣнно, ты не встрѣтилъ бы такъ много симпатій къ себѣ въ кругахъ всего Харькова, всего русскаго общества. Не удивительно же, что твой народъ, видя въ тебѣ олицетвореніе своихъ лучшихъ качествъ и цѣня твои великія заслуги, обожалъ тебя. Неудивительно, что и мы при первой вѣсти о твоей кончинѣ притекли лицезрѣть тебя въ послѣдній разъ, отдать тебѣ послѣднее цѣлованіе.

Миръ праху твоему, незабвенный! Да будетъ же благословенъ на вѣки народъ и городъ, давшіе тебѣ возможность поработать на пользу твоего глубоко-признательнаго народа!“

Профессоръ А. С. Лебедевъ произнесъ слѣдующее:

„Въ лицѣ почившаго мы, члены университета, теряемъ дорогого сочлена нашей университетской семьи, человѣка высокаго разума, глубокаго знанія, чистой, правдивой и любвеобильной души.

Такіе люди составляютъ душу живу, столпъ и утвержденіе того корпоративнаго общества, къ которому они принадлежатъ, какъ его члены, и потому смерть ихъ, естественно, поражаетъ глубокою скорбью весь составъ общества. Съ такою скорбью готовимся мы провожать усопшаго въ ту печальную въ землѣ обитель *аможе вси человѣцы пойдемъ*, но будемъ провожать туда только бренные останки дорогого намъ человѣка, а духъ его вѣчно будетъ съ нами; смерть не отниметъ его отъ любви нашей; ибо *крѣпка, какъ смерть, любовь* (Пѣсн. пѣсн VIII 6): смерть мощно сокрушаетъ то, что подлежитъ тлѣнію—это ея добыча, любовь съ такою же, или еще большею мощью хранитъ то, что недоступно тлѣнію, и составляетъ ея—любви неотъемлимое достояніе. Свѣтлый образъ Марина Степановича, явившаго въ своей жизни и дѣятельности образецъ истиннаго ученаго, соединявшаго въ себѣ глубину учености съ высокимъ благородствомъ духа и безупречно-гуманнымъ образомъ дѣйствій, славное имя и почетную извѣстность въ ученомъ мірѣ—съ необыкновенною скромностью и доброжелательною готовностью служить всѣмъ, по части научной, и своими обширными знаніями и цѣнными, собранными въ его библіотекѣ, научными матеріалами, этотъ свѣтлый образъ достойнѣйшаго члена нашей ученой семьи никогда не умретъ среди насъ, а вѣчно будетъ жить въ благоговѣйной памяти—и насъ живущихъ, пока еще живемъ, и грядущихъ поколѣній,—будетъ жить, какъ дорогое наслѣдіе, духовное достояніе университета

Окруженный въ харьковскомъ университетѣ всеобщимъ уваженіемъ и любовью, Маринъ Степановичъ, человѣкъ въ высокой степени отзывчивый, сердечный, внимательный ко всякому самомалѣйшему проявленію вниманія и доброжелательства по отношенію къ нему, въ свою очередь и самъ искренно полюбилъ этотъ университетъ и всей душою привязался къ нему. Въ восьмидесятыхъ годахъ историко филологическій факультетъ московскаго университета единогласно приглашалъ Марина Степановича на освободившуюся тамъ каѳедру славяновѣдѣнія, приглашалъ, какъ лучшаго, внѣ конкурса стоящаго слависта, но Маринъ Степановичъ не соблазнился этимъ приглашеніемъ и остался въ Харьковѣ, чтобы не разставаться съ дорогимъ ему университетомъ... И не разставался до послѣдняго вздоха.

Не разстаемся духовно и мы съ тобой, возлюбленный нашъ братъ, и до послѣдняго нашего вздоха будемъ имѣть съ тобою въ союзѣ любви общеніе духа! Вѣчная тебѣ отъ любящихъ тебя память!»

Профессоръ В. Ф. Левитскій сказалъ:

„М. С. Дриновъ съ первыхъ дней научнаго творчества и до могилы принадлежалъ къ сферѣ научной дѣятельности. Въ первые годы

своей молодости онъ отдалъ щедрую дань политической и общественной дѣятельности на службѣ своей странѣ.

Во всѣхъ націяхъ, которыя долго находились подъ политическимъ угнетеніемъ, чрезвычайно развито чувство патріотизма. Оно было высоко и у болгаръ. Типъ высокаго болгарскаго патріота запечатлѣнъ въ русской литературѣ перомъ нашего талантливаго писателя И. С. Тургенева.

М. С. Дриновъ въ періодъ освобожденія Болгаріи, въ тотъ моментъ, когда оружіе замолкло и началась сознательная работа политическаго быта страны, вооруженный духовнымъ оружіемъ, обширными познаніями въ наукахъ, выступилъ въ роли устроителя своего отечества, приложилъ свой трудъ въ сродной ему области народнаго правленія. Онъ былъ первымъ министромъ Болгаріи и его дѣятельность вызвала полное признаніе. Теперь свободная Болгарія призвала лучшихъ представителей своей интеллигенціи съ министромъ народнаго просвѣщенія во главѣ, почтить память умершаго патріота и политическаго дѣятеля.

Невольно возникаетъ вопросъ, почему М. С. Дриновъ, сдѣлавшій блестящіе успѣхи въ организаціи народнаго просвѣщенія, для политической карьеры котораго были открыты всѣ двери и дружественный пріемъ соотечественниковъ, оставляетъ Болгарію и уходитъ въ сферу научной дѣятельности?

Дѣло въ томъ, что въ свободной странѣ нужны политическія партіи, нужна политическая борьба. Она улаживаетъ общественный интересъ. Но въ сферѣ политической дѣятельности получаютъ осуществленіе тѣ идеи, которыя добыты въ лабораторіяхъ научнаго творчества.

Культурному обществу нужна творческая ученая дѣятельность, гдѣ возникаютъ, подосновываются тѣ идеи, которыя на другой день становятся реальной дѣйствительностью.

Сухая формула—математика въ рукахъ инженера даетъ готовый планъ для постройки желѣзнодорожнаго моста. Идеи, добытыя въ области сравнительной филологіи, ложатся въ основу національнаго воспитанія юношества и педагогики.

Если въ политической сферѣ призываются къ дѣятельности народныя массы, то въ сферѣ научной дѣятельности выступаетъ умственная аристократія, не наслѣдственная, а избранная. Та страна достойна удивленія, гдѣ всякое Божье дарованіе, въ какой бы средѣ и слоѣ общества оно не зародилось, имѣетъ открытый доступъ въ академію, гдѣ оно и приноситъ всю свою пользу странѣ.

Культъ науки, по моему мнѣнію, ближе всего стоитъ къ культу религіи. Какъ небо, по прекрасному выраженію Божественнаго Евангелія, посылаетъ дождь на праведныхъ и грѣшниковъ, такъ и результаты науч

ной дѣятельности ученаго дѣлаются достояніемъ всѣхъ элементовъ общества безъ различія состоянія и партій.

Ученому такого калибра, какъ М С. Дриновъ, нужно тихое убѣжище, много книгъ и небольшой кругъ близкихъ пріятелей, которые могли бы цѣнить и подбадривать тонкую работу мысли. Въ этихъ соображеніяхъ отчасти надо искать объясненія, что крупный ученый славянскаго міра и признанный политическій дѣятель, услугъ котораго искала его страна, жилъ и умеръ не на прекрасной виллѣ въ окрестностяхъ Софіи, а у насъ въ Харьковѣ на Холодной горѣ.

Поклонимся благоговѣйно праху Марина Степановича Дринова, который при жизни составлялъ славу харьковскаго университета, имя котораго вѣчно будетъ украшеніемъ университетской лѣтописи нашей alma mater!"

Послѣ этой рѣчи гробъ съ останками профессора взяли товарищи его на руки, вынесли изъ храма и поставили на траурный катафалкъ. Печальная процессія направилась къ городскому кладбищу. За гробомъ несли городское знамя, за которымъ шла семья покойнаго, болгарская депутація, ректоръ, профессоры университета и студенты.

Надъ могилою профессоръ Агура сказалъ слѣдующее:

„Печальное собраніе! Какъ соотечественникъ и близкій по каѳедрѣ дорогому покойнику, какъ предсѣдатель софійскаго историческаго Общества, съ чувствомъ глубокой скорби приношу поклонъ передъ вѣчнымъ жилищемъ достойнаго профессора и ученаго Марина Степановича Дринова, оставившаго столь заслуженное имя между славянскими учеными историками своими изслѣдованіями по славяновѣдѣнію, а особенно по изученію исторіи нашей родины, возрожденной и воскресшей передъ его глазами и отчасти благодаря его трудамъ и стараніямъ, положеннымъ имъ при первоначальной организаціи Болгарскаго княжества въ качествѣ перваго болгарскаго министра народнаго просвѣщенія.

Я не намѣренъ очерчивать ученыя заслуги милаго намъ покойника. Я хочу только отмѣтить одну симпатичную сторону, характеризующую дорогого покойника, которая заключается въ томъ, что въ основѣ всей его ученой дѣятельности, строго объективной, лежитъ горячее чувство любви къ его родинѣ, что его ученыя работы сочетались всегда съ его горячей преданностью дѣлу славянскаго возрожденія прошлаго вѣка, что онъ достойно занималъ мѣсто среди великихъ славистовъ того времени, преданныхъ радѣтелей славянской взаимности, результатомъ которой было сближеніе нашей родины съ великой и дорогой намъ Россіей и начало нашего освобожденія.

Въ собственной же родинѣ ученыя заслуги родолюбиваго покойника извѣстны всѣмъ и служатъ руководствомъ для нашихъ молодыхъ историковъ и филологовъ; вся Болгарія глубоко признательна его заслугамъ для возрожденія нашего отечества и его имя вѣчно будетъ живо въ сердцахъ любящихъ его сонародниковъ.

Дорогой Маринъ Дриновъ! Ты обѣщалъ намъ возвратиться въ свою родину и воспользоваться мягкимъ ея климатомъ и яркимъ ея солнцемъ для закрѣпленія твоего разстроеннаго здоровья, среди признательныхъ твоихъ соотечественниковъ. Вѣроятно, Богу было угодно иначе рѣшить кончить твою жизнь среди той же дорогой тебѣ семьи ученыхъ харьковскаго университета, въ которой ты развивалъ твою столь плодотворную, ученую дѣятельность. Для этого, какъ только мы узнали о твоей неожиданной кончинѣ, движимые чувствомъ любви, уваженія и признательности, поспѣшили отдать тебѣ должную честь, поклониться праху твоему и сказать послѣднее „сбогомъ“! „Миръ на праха ти и вѣчна ти память“.

Послѣднюю часть рѣчи со словъ: „Дорогой Маринъ“... профессоръ говорилъ по болгарски.

Далѣе деканъ историко-филологическаго факультета В. П. Бузескулъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Два года съ небольшимъ тому назадъ наша факультетская семья съ рѣдкимъ единодушіемъ привѣтствовала нашего дорогого сочлена, незабвеннаго М. С., по поводу исполнившаго 30-лѣтія его служебной дѣятельности, выражала ему свою любовь и пожеланіе еще долго видѣть его среди насъ. И вотъ теперь онъ въ могилѣ! Тяжкая, невознаградимая утрата, все значеніе которой теперь, быть можетъ, еще недостаточно сознается нами, харьковцами. О Маринѣ Степановичѣ нельзя быть двухъ мнѣній. Основныя черты его личности настолько рельефны, что всѣмъ бросаются въ глаза. Поэтому въ моемъ краткомъ словѣ я невольно повторю то, что уже сказано, но, какъ старѣйшій слушатель покойнаго—а мнѣ выпало на долю слушать М. С. еще тридцать лѣтъ тому назадъ, когда онъ былъ молодымъ, полнымъ силъ доцентомъ—и какъ представитель того факультета, къ которому принадлежалъ М. С., я считаю своимъ нравственнымъ долгомъ, хотя въ краткихъ, блѣдныхъ словахъ напомнить, чѣмъ онъ былъ для насъ, какое сокровище мы потеряли въ его лицѣ. Мы хоронимъ, прежде всего, выдающагося ученаго изслѣдователя, прекраснаго знатока славянства какъ въ его прошломъ, такъ и въ настоящемъ, одного изъ первыхъ современныхъ славистовъ, авторитетъ котораго стоялъ чрезвычайно высоко: недаромъ всѣ славянскія академіи избрали его своимъ членомъ-корреспондентомъ; недаромъ столько разъ наша петербургская академія

наукъ обращалась къ покойному за отзывами о представленныхъ въ нее трудахъ, съ различными запросами и т. д. Всѣ цѣнили въ покойномъ М. С. самостоятельнаго изслѣдователя, знатока источниковъ и въ особенности славянской письменности, даръ комбинаціи, тонкость наблюденій и въ то же время осторожность въ выводахъ. А что особенно должны были мы цѣнить въ М. С., какъ профессорѣ,—это то, что въ немъ рѣдкимъ образомъ сочетался *историкъ* и *филологъ*. Славяновѣденіе въ настоящую пору—такая широкая область, что одному лицу трудно быть полнымъ хозяиномъ въ ней: большею частью слависты спеціализируются или въ сферѣ языка, или въ сферѣ исторіи. Наиболѣе крупные труды М. С.—труды историческіе, но онъ былъ знатокомъ и языка, рукописей, палеографіи. Къ его указаніямъ, совѣтамъ, къ сокровищамъ его рукописныхъ собраній, прибѣгали многіе молодые слависты не только Россіи, но и за ея предѣлами. И никому М. С. не отказывалъ въ совѣтѣ и указаніяхъ; со всѣми дѣлился и своими знаніями, и своими рукописями.. И мы гордились тѣмъ, что профессоръ нашего университета является такимъ общепризнаннымъ авторитетомъ въ области славяновѣдѣнія. Но намъ дорога была и самая личность М. С. Это не былъ недоступный, гордый ученый, замкнутый и сухой: это былъ мягкій, добродушный, необыкновенно простой и скромный человѣкъ. Онъ вносилъ въ нашу среду какую-то патріархальность и непринужденность, и его милая безобидная шутка, добродушный юморъ не разъ разсѣевали тяжелое, напряженное настроеніе. Онъ олицетворялъ собою умиротворяющее начало. Въ то же время это былъ „мудрецъ“, совѣты котораго мы высоко цѣнили, особенно въ затруднительныхъ случаяхъ; мягкій, миролюбивый и добродушный М. С. умѣлъ горячо и твердо отстаивать достоинство университета. Этотъ простой и скромный человѣкъ былъ не только извѣстнымъ, выдающимся ученымъ: это былъ историческій дѣятель, имя котораго неразрывно связано съ важнымъ моментомъ въ исторіи Россіи и славянскаго міра – съ освобожденіемъ и организаціей Болгаріи. На время онъ покинулъ Харьковъ. Предъ нимъ, казалось, открывалось широкое и блестящее поприще государственнаго дѣятеля. Но онъ возвращается въ харьковскій университетъ, снова на каѳедру, въ тишину ученаго кабинета, къ своимъ любимымъ занятіямъ, къ скромной роли провинціальнаго профессора. Горячо любя свою родную Болгарію, столько сдѣлавъ для нея, высоко цѣнимый соотечественниками, М. С. привязывается къ Харькову, къ харьковскому университету, ставшему для него роднымъ. Онъ любилъ харьковскій университетъ и близко принималъ къ сердцу его интересы, его радости и горе. Еще за нѣсколько дней до смерти, уже тяжко больной, когда ему запрещено было говорить и когда онъ могъ лишь писать дрожащею рукою, онъ живо интересуется судьбою университета, и когда

я сообщилъ ему вѣсть о возможномъ расширеніи помѣщеній нашихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій—его глаза засвѣтились радостью.

Прощай, незабвенный учитель и товарищъ! Мы болѣе не увидимъ тебя въ нашей средѣ, не услышимъ твоего мудраго и ласковаго слова, но твой дорогой образъ будетъ храниться въ нашей памяти. Такими дѣятелями, какъ ты, живутъ и процвѣтаютъ университеты. Покойся же мирно въ могилѣ!".

Потомъ говорилъ проф Кадлубовскій и студентъ Тилій. Послѣдній отмѣтилъ ту черту въ характерѣ покойнаго, которая дороже всего въ человѣкѣ: покойный никогда не былъ «человѣкомъ въ футлярѣ», онъ былъ живой человѣкъ. И самое дорогое въ немъ то, что великій болгаринъ былъ честнымъ гражданиномъ русской земли

По окончаніи этихъ рѣчей, гробъ съ тѣломъ почившаго профессора былъ опущенъ въ могилу. Съ кладбища, около 4 часовъ, болгарскіе гости, бывшій попечитель учебнаго округа М. М. Алексѣенко, городской голова А. К. Погорѣлко, профессора, товарищи усопшаго и друзья его были приглашены въ домъ покойнаго его семьей для поминовенія.

II.

Чествованіе памяти проф. М. С. Дринова

Историко-филологическимъ Обществомъ, состоящимъ при Харьковскомъ Университетѣ.

9 марта въ актовомъ залѣ университета, въ 2 часа дня, состоялось соединенное засѣданіе совѣта профессоровъ университета и историко-филологическаго общества, посвященное памяти М. С. Дринова. Залъ былъ убранъ тропическими растеніями. На особомъ столѣ, подлѣ каѳедры, стоялъ большой портретъ Марина Степановича, фотографіи, снятыя съ покойнаго въ разные періоды его жизни; здѣсь же находились и адресы, поднесенные проф Дринову въ день его тридцатилѣтняго юбилея, въ 1903 году. У стола были помѣщены два великолѣпныхъ вѣнка—одинъ, возложенный на гробъ покойнаго отъ имени князя болгарскаго и другой-отъ болгарскаго „Книжевнаго Дружества",—основателемъ котораго былъ Маринъ Степановичъ. Къ началу засѣданія въ залъ прибыли преосвященный Евгеній, епископъ сумскій, министръ народнаго просвѣщенія Болгаріи И. Д. Шишмановъ, профессоры софійскаго университета Милетичъ, Златарскій и Агура, б. попечитель учебнаго округа М. М. Алексѣенко, ректоръ университета Л. В.

Рейнгардъ, профессоры, члены историко-филологическаго о-ва, студенты и много публики.

Засѣданіе было открыто слѣдующею рѣчью предсѣдателя, проф. Н. Ѳ. Сумцова: „Ваше Преосвященство, М. Г. и М. Г-ни! Устраивая настоящее собраніе, въ присутствіи почтенныхъ членовъ болгарской депутаціи, харьковское историко-филологическое Общество руководилось желаніемъ почтить память дорогого и незабвеннаго Марина Степановича Дринова, имя котораго драгоцѣнно для Общества по тому глубокому доброжелательству, съ какимъ покойный всегда относился ко всѣмъ начинаніямъ и трудамъ Общества. Маринъ Степановичъ былъ однимъ изъ учредителей Общества. Онъ принималъ живое участіе въ составленіи его перваго устава и впослѣдствіи въ его разработкѣ и расширеніи новыми параграфами.—Въ положеніи предсѣдателя Общества М. С. пробылъ пять лѣтъ, съ 1890 по 1895 годъ, въ положеніи его члена около 25 лѣтъ и одинаково, съ равной любовью и съ равнымъ интересомъ онъ слѣдилъ за дѣятельностью Общества. При сочувствіи и содѣйствіи Марина Степановича возникли Историческій Архивъ и Педагогическій Отдѣлъ, при его сочувствіи и участіи проходили археологическіе съѣзды. Маринъ Степановичъ былъ и на предварительномъ съѣздѣ славистовъ въ Петербургѣ, исполнялъ обязанности предсѣдателя славянскихъ секцій, посѣщалъ всѣ засѣданія, а между тѣмъ въ это время онъ былъ серьезно боленъ, такъ что послѣ съѣзда не могъ выѣхать изъ Петербурга и слегъ въ постель недѣли на двѣ. Служитель научной истины, при всѣхъ физическихъ недугахъ, онъ стоялъ на своемъ посту, съ душевной кротостью, съ общей ко всѣмъ лаской и привѣтливостью. Вспомнимъ засѣданія Общества, засѣданія предварительныхъ комитетовъ XII и XIII археологическихъ съѣздовъ. Больной Маринъ Степановичъ былъ частымъ ихъ посѣтителемъ, не смотря на слабость здоровья, на постоянный кашель. По кашлю всякій сразу узнавалъ, что идетъ Маринъ Степановичъ и такъ всѣ привыкли къ этому зловѣщему кашлю, что никто не придавалъ ему рокового значенія. Мы не будемъ здѣсь перечислять докладовъ М. С. Отмѣтимъ только, что онъ всегда обнаруживалъ наклонность къ изученію культурныхъ и историческихъ явленій старой славянской жизни. Въ особенности его привлекали факты взаимнаго общенія славянскихъ народовъ, какъ показываетъ его докладъ объ участіи казаковъ въ набѣгахъ на балканскихъ славянъ въ XVI в. Но не въ докладахъ была главная сила Марина Степановича, при всей ихъ научной цѣнности, а въ высокихъ его достоинствахъ, какъ личности, въ той мягкости, чистотѣ и благородствѣ характера, которая составляетъ общую прелесть внутренняго нравственнаго достоинства, того достоинства, которое, не поддаваясь внѣшней оцѣнкѣ, дастъ себя чувствовать, носится въ общественной средѣ

какъ ароматъ, и составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній жизни.“ Въ заключеніе Н. Ф. Сумцовъ предложилъ избрать почетнымъ предсѣдателемъ засѣданія—м. н. п. Болгаріи И. Д. Шишманова. Предложеніе это было встрѣчено рукоплесканіями присутствующихъ. Затѣмъ слѣдовало чтеніе рефератовъ профессорами Милетичемъ, Златарскимъ, С. М. Кульбакинымъ, М. Г. Халанскимъ и Е. К. Рѣдинымъ. Профессоръ софійскаго университета *Милетичъ* говорилъ о заслугахъ покойнаго, какъ ученаго, и въ особенности подчеркнулъ значеніе Марина Степановича какъ филолога. Проф. соф. универ. *Златарскій* указалъ на то важное мѣсто, которое занимаетъ Маринъ Степановичъ въ дѣлѣ развитія Болгарской исторіографіи. Покойный стоялъ во главѣ научно-критическаго направленія, въ своихъ историческихъ работахъ былъ строго объективенъ и правдивъ. Проф. *М. С. Кульбакинъ* говорилъ о научныхъ трудахъ Дринова, указалъ на богатый матеріалъ его наблюденій. Онъ вкратцѣ разобралъ нѣсколько трудовъ покойнаго. Корень всей научной дѣятельности Марина Степановича, по словамъ оратора, кроется въ потребностяхъ болгарской жизни, въ ея историческихъ нуждахъ. Проф. *М. Г. Халанскій* изложилъ очеркъ исторіи каѳедры славяновѣдѣнія при Харьковскомъ университетѣ. Затѣмъ охарактеризовалъ Дринова, какъ скромнаго человѣка, съ широкимъ полетомъ мысли, всѣми любимаго товарища, прекраснаго профессора, очень тепло дружески относившагося къ студентамъ. Судьба Россіи глубоко и горячо его волновала. . Проф. *Е. К. Рѣдинъ* провелъ параллель между идеями, жившими въ душѣ Инсарова и въ молодомъ Дриновѣ, пріѣхавшемъ въ Москву для того, чтобы вооружившись знаніями, помочь освобожденію своей родины. „Рабство, невѣжество—спутникъ деспотіи; оковы прогресса были на его глазахъ и возбуждали спасти родину“... Маринъ Степановичъ увидѣлъ свое отечество свободнымъ... Онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ свободы и обновленія Россіи... „Свободное просвѣщеніе“—было его девизомъ. „Да наступитъ же скорѣе это время, и пусть вмѣстѣ съ нимъ явится побольше такихъ культурныхъ дѣятелей, какъ М. С. Дриновъ, гордость и слава націи, залогъ ея прогресса, совмѣстной въ будущемъ работы славянскихъ братьевъ на нивѣ культуры“... По выслушаніи всѣхъ этихъ рефератовъ ректоръ университета *Л. В. Рейнгардъ* просилъ болгарскую депутацію принять глубокую признательность за присутствіе на похоронахъ Дринова. Кромѣ того, отъ имени университета онъ приносилъ глубокую благодарность Болгаріи за присылку депутаціи. Онъ просилъ принять во вниманіе, что университетъ находится подъ гнетомъ печальныхъ событій, а потому, б. м., не сдѣлалъ всего того, что долженъ бы сдѣлать для чествованія гостей, но онъ думаетъ, что именно Болгарія лучше другихъ поймётъ это... Въ концѣ засѣданія проф. Сумцовъ сообщилъ о двухъ за-

бытыхъ интересныхъ статьяхъ М. С. Дринова. Въ библіографическихъ указателяхъ его статей, въ томъ числѣ и въ лучшемъ, наиболѣе полномъ указателѣ проф. Б. М. Ляпунова, недостаетъ двухъ политическихъ статей, напечатанныхъ имъ въ „Южномъ Краѣ“ 1882 г. по болгарскимъ вопросамъ. Статьи эти для біографіи М. С. интересны, потому что близко касаются его пребыванія въ Болгаріи въ освободительную войну. Бывшій проф. харьк. универс. В. К. Надлеръ въ статьѣ „Послѣдняя фаза восточнаго вопроса“ высказалъ мнѣніе, что Берлинскій трактатъ наложилъ на Турцію тяжелыя условія,которыя она въ большинствѣ и выполнила. Между тѣмъ Европа равнодушно отнеслась къ тѣмъ условіямъ, которыя клонились къ выгодѣ Турціи. О болгарахъ Надлеръ отозвался, какъ о народѣ невѣжественномъ и полудикомъ. По мнѣнію Надлера, Болгарія не была подготовлена къ парламентаризму и не заслуживала конституціи. Этому народу, доведенному многовѣковымъ турецкимъ рабствомъ до невѣжества и грубости, непригодна была либеральная конституція. М. С. Дриновъ, какъ болгаринъ и одинъ изъ главныхъ дѣятелей въ выработкѣ болгарской конституціи, былъ задѣтъ этой статьей. Въ своемъ возраженіи Надлеру, написанномъ вполнѣ корректно и мягко, онъ указалъ на рядъ допущенныхъ имъ неточностей и ошибокъ. Болгарія была разорвана не на двѣ части, какъ утверждалъ Надлеръ, а на пять частей, и Надлеръ упустилъ изъ виду тѣ ея части, которыя отошли къ Турціи, Сербіи и Румыніи. Представленіе о болгарахъ, какъ народѣ грубомъ и невѣжественномъ, также вполнѣ неосновательно, такъ какъ въ Болгаріи уже въ 1881 г. почти не было ни одного села безъ школы, и много школъ существовало уже до войны. Статья эта вызвала со стороны Надлера рѣзкій, но столь же плохо обоснованный отвѣтъ, съ насмѣшкой по адресу Дринова. Дриновъ отвѣтилъ въ прежнемъ сдержанномъ тонѣ, съ добавкой новыхъ фактическихъ данныхъ. На этомъ и закончилась эта полемика, любопытная для того момента болгарской исторіи и для характеристики ея участниковъ .Одинъ изъ нихъ Надлеръ руководился враждебной славянству нѣмецкой печатью, другой—Дриновъ —всѣми данными славяновѣдѣнія и своимъ личнымъ богатымъ опытомъ. Послѣ проф. Н. Ѳ. Сумцова профессоръ Шульцъ сказалъ слѣдующее: „М. Г.! Позвольте присоединить ко всему тому, что было высказано о нашемъ незабвенномъ товарищѣ и другѣ, краткое сообщеніе о послѣдней его бесѣдѣ со мною. Рѣшаюсь выступить съ этимъ сообщеніемъ потому, что вижу въ послѣднихъ словахъ, обращенныхъ ко мнѣ усопшимъ, какъ-бы наслѣдство, которое онъ отказалъ мнѣ и всѣмъ намъ по духовному завѣщанію. Бесѣда наша происходила 19-го февраля въ его пріемной. Маринъ Степановичъ завелъ разговоръ о той газетной полемикѣ, которую мнѣ пришлось вести съ церковнымъ совѣтомъ здѣшняго лютеран-

скаго прихода, по поводу отношенія этого совѣта къ С.-Петербургской лютеранской генеральной консисторіи къ попечительному совѣту женской гимназіи, извѣстной у насъ подъ названіемъ „нѣмецкой“. Получивъ отъ меня отвѣты на поставленные имъ вопросы о нѣкоторыхъ подробностяхъ дѣла, Маринъ Степановичъ сказалъ приблизительно слѣдующее. „Вотъ видите, я слѣдилъ съ большимъ интересомъ за вашей полемикой, такъ какъ мнѣ, въ бытность мою министромъ народнаго просвѣщенія въ Болгаріи, пришлось разрѣшить совершенно аналогичный конфликтъ. Дѣло въ томъ, что въ Софіи американская колонія имѣла свою церковь и свое училище. И вотъ церковное управленіе возымѣло намѣреніе перевести въ свое вѣденіе довольно крупное имущество училища. Американская колонія, состоявшая изъ лицъ, не принадлежавшихъ къ числу болгарскихъ подданныхъ, распоряжалась, правда, совершенно самостоятельно своимъ имуществомъ, какъ церковнымъ, такъ и училищнымъ, но контингентъ учащихся въ ихъ школѣ составляли дѣти болгаръ. И вотъ возникшій между церковнымъ и училищнымъ управленіемъ конфликтъ поступилъ на мое разрѣшеніе. Конечно, продолжалъ онъ, мои симпатіи склонялись всецѣло на сторону полной независимости училищнаго управленія отъ церковнаго, но представители духовенства оказывали мнѣ сильное сопротивленіе. Возникла упорная борьба, благодаря которой я нажилъ себѣ много враговъ. Но, твердо убѣжденный въ томъ, что освобожденіемъ училища отъ всякаго посторонняго вмѣшательства я могу оказать только услугу дѣлу просвѣщенія я остался непоколебимъ и рѣшилъ дѣло въ пользу училищнаго управленія“. Такъ говорилъ мнѣ Маринъ Степановичъ. Если представить себѣ этого добраго, мягкаго человѣка, этого истиннаго gentleman'а въ упорной борьбѣ отстаивающимъ свое убѣжденіе, то само собою дѣлаются яснымъ, какъ высоко онъ держалъ знамя съ начертаннымъ на немъ девизомъ: полная свобода и независимость просвѣщенія! Я увѣренъ, что всѣ мы будемъ продолжать нести съ неустанной энергіей это знамя и никогда не забудемъ, что знаменосцемъ при немъ былъ ушедшій отъ насъ на покой Маринъ Степановичъ Дриновъ.

Затѣмъ имъ были прочитаны многія телеграммы, полученныя по поводу кончины М. С. Дринова“.

Министръ нар. пр. Болгаріи *И. Д. Шишмановъ*, закрывая собраніе, благодарилъ Ист. фил. О-во за организацію засѣданія и всѣхъ принявшихъ участіе въ немъ. Весь почетъ, который былъ оказанъ депутаціи, онъ относитъ къ покойному. „Да процвѣтаетъ идея славянства, да крѣпнетъ новый союзъ болгарской и русской науки“. Послѣ этого онъ поцѣловалъ ректора университета со словами: „въ лицѣ вашемъ я привѣтствую весь народъ вашъ“.

III.

Чествованіе болгарской депутаціи.

Въ 6 ч. вечера 8 марта состоялся обѣдъ въ честь болгарской депутаціи въ гостинницѣ „Грандъ-Отель". Присутствовало 38 человѣкъ, кромѣ почетныхъ гостей, которыхъ чествовали Обѣдъ носилъ чрезвычайно простой, непринужденный характеръ. Было произнесено не мало рѣчей и провозглашено тостовъ. Ректоръ университета Л. В. Рейнгардъ провозгласилъ здравицы за Государя Императора, а городской голова А. К. Погорѣлко— за болгарскаго князя, профессоръ Н. Ф. Сумцовъ—за почетныхъ гостей. Говорили проф. М. Г. Халанскій, М. М Алексѣенко, Милетичъ, Златарскій, Д. И. Багалѣй, Ф. А. Павловскій и др. Послѣдній въ своей рѣчи сдѣлалъ слѣдующее предложеніе „Позвольте мнѣ, какъ старѣйшему изъ присутствующихъ представителей города, принести искреннюю признательность министру просвѣщенія родственнаго намъ болгарскаго народа за то теплое слово, съ какимъ онъ обратился къ нашему неблагоустроенному, но все же дорогому намъ Харькову. Сегодняшняя рѣчь одного изъ нашихъ милыхъ болгарскихъ гостей закончена была дорогими всѣмъ намъ и нашему родному университету именами: Потебни и Дринова. Тѣсная дружба соединяла этихъ выдающихся представителей университета и я не могу не вспомнить того трогательнаго участія, какое Дриновъ принималъ въ сохраненіи дорогой памяти Потебни, то обстоятельство, что предложеніе объ увѣковѣченіи памяти Потебни учрежденіемъ преміи его имени исходило отъ меня, по своей спеціальности не совсѣмъ полноправнаго члена историко-филологическаго Общества, не помѣшало чуждому всякой кастовой исключительности, М. С. Дринову горячо заботиться объ осуществленіи этого предложенія; а впослѣдствіи каждый разъ, когда мы присуждали, подъ его предсѣдательствомъ, Потебнинскую премію за студенческія сочиненія, онъ обращался ко мнѣ со словами преувеличенной благодарности: „Вамъ мы обязаны, что сегодня можемъ достойно помянуть нашего дорогого, незабвеннаго Александра Афанасьевича". И еще недавно, въ десятилѣтнюю годовщину смерти Потебни, когда я сидѣлъ гдѣ то въ снѣгахъ Самарской губерніи, я получилъ тамъ сердечное письмо М. С. Дринова съ описаніемъ торжественнаго засѣданія по этому поводу нашего Общества и съ изложеніемъ рѣчей. произнесенныхъ въ память общаго друга. Этимъ способомъ слѣдовало бы напоминать и объ имени Дринова послѣдующимъ студенческимъ поколѣніямъ, не забывая притомъ, что его имя одинаково дорого въ Софіи, какъ въ Харьковѣ. Благодаря Дринову и Вашему, дорогіе гости, присутствію здѣсь, эти два города и эти два университета теперь соединены тѣсными узами Позвольте же

предложить закрѣпить эти узы учрежденіемъ премии за сочиненія харьковскихъ и софійскихъ студентовъ съ тѣмъ, чтобы премія по очередно присуждалась одинъ годъ въ Харьковѣ за сочиненіе на русскомъ языкѣ, а на слѣдующій годъ въ Софіи за сочиненіе на языкѣ болгарскомъ по той области, какой посвящена была жизнь Дринова". Проф. Н Ѳ Сумцовъ сказалъ слѣдующее привѣтствіе на малороссійскомъ языкѣ. „Высокоповажни делегаты дуже намъ близького и рідного болгарського народа! Въ оци два дни вы чулы вже багато выразныхъ промовъ про згоду славянъ, найбильше про культурны зносины Россіи и Болгарін. На цій самій обосновы пріймыть, будьте ласкавы, ще одно привитанье видъ народа украинскаго, якъ славянського, бо, якъ вы уси добре знаете, украинцы мають свою особыстую мову, свои окремни звычаи, свою славну культурную исторію. Все иде, мынае, перелицуется, але исторія живе, але те, що було въ духовнимъ житти народа, николы не може загынуты, а колы бува забуте, то це далеко не означа, що воно вмерло, а частійшъ означа, що схована духовна сыла прокынетця при першихъ промняхъ науки, воли и просвиты. Згадаемо тутъ про Тараса Шевченка. Его вильне слово, якъ и мова украинського народа, жылы, жывуть и жытымуть до вику. Це вильне слово намъ теперъ голосно спивае, що дiялось, де правда и де кривда. Шевченко добре бачивъ, що округы текуть рикы —кривавыя рикы и все жъ таки винъ благавъ милосердного Господа, щобъ свята правда прылетила зъ высокаго неба на нашу скривджену и обшарпану землю, бо тоди и

Незрячи прозрять, и крывіи,
Мовъ сарна зъ гаю, помайнують.
Нимыхъ отверзнуться уста,
Прорветця слово, якъ вода,
И дебрь, пустыня неполыта,
Сцилющею водою вмыта,
Прокынетця. . . . . .

А далп Шевченко ось о чимъ прохавъ Господа:

. . а я нышкомъ
Богу помолюся,
Щобъ уси славяне сталы
Добрымы братамы
И сынамы сонця правды...

Народы, поки воны истнують съ своими звычаями, своей мовой и культурно-исторической спадчиной, не вмирають; въ тяжки годыны воны

живуть якъ бджолы въ омшаныку въ зимову холоднечу; въ темноти и въ мовчаньи, та ждуть своеи яснои весны, горячого сонячного литячка, солодкои утреннеи росы и пахучихъ полевыхъ квитокъ, ждутъ, щобъ знову воскреснуть для шума и блеску весняного життя. Такъ ждали и диждали свого часу чехи, сербы, болгаре; теперъ пидійшовъ такій часъ и для другихъ славянъ. Усимъ однаково хочется жыть, и на Божій миръ дывытця. и своихъ ридныхъ бративъ любыть.

Украинци и болгары не сусидуютъ и не сусидувалы зъ собою, хиба въ якыхъ малыхъ частынахъ. А про те зносылы ся воны дуже довго, зъ давнихъ часивъ. Заховани згадки про ти зносыны йдутъ видъ XI столитья. Колысь, въ старовыну, ихъ злучали спильна православна вира и спильна церковно-славянська мова. Видъ болгаръ стари русины, украинцы, достали соби переклады книгъ, иконы, поважни церковни спивы, багато житій святыхъ и легендъ. Коли болгаре булы покорены турками, то украинцы зъ усихъ сторонъ, зъ поля и зъ моря, стали нападать на цихъ ворогивъ. Славный памяти небижчикъ Маринъ Степановичъ Дриновъ въ 1884 р., чытавъ въ харькивськимъ историко-филологичномъ товаристви про те, якъ въ XVI ст. украинськи козаки лижими орлами напитали на турокъ за Дунаемъ Въ 1605 роци запорозци досталы зъ моря Варну, зруйновали городъ и потопылы въ мори десять турецкихъ галеръ. Дуже славне це було дило, и довго народъ спивавъ писню—думу про те, якъ козаки

А въ недилейку, поранейку
Бигнуть, плынуть човеньцями,
Поблыскують весельцями,
Вдарылы разомъ зъ самопаловъ,
Сталы Варны доставаты,
Сталы турки утикаты...
Була Варна здавна славна,
Славнійши козаки,
Що той Варны миста досталы,
И въ ней туркивъ забралы.

Промынулы вика, и въ 1887 роци попередъ всего русского війска за Дунай и Балканы пишовъ десятый армейскій корпусъ, наибильше изъ украинцивъ, харькивцивъ и полтавцивъ. Це воны клали на самъ передъ свои головы за болгарську народню волю; воны наибильше рятували болгаръ видъ наруги турецкои, неволи бусурманьскои, вызволяли ихъ

Зъ тяжкои неволи
На ясни зори,
На тихи воды,
У край веселый,
У миръ хрещеный....

Вертаючись до культурныхъ зносинъ Болгаріи и Руси-Украины, скажемо трохи про те, що дѣялось у насъ поблизу, въ харьковскимъ университети. Своимъ заснованьемъ винъ обязанъ чоловикови болгарського рода В. Н. Каразину. Багато болгаръ вчились въ харьковскимъ университети, помижъ ними талановытый филологъ Матовъ. Найбильшу вагу мае болгаринъ М. С. Дриновъ; винъ зъединавъ и сьонцентрувавъ живи моральни связки болгарськи и руськи. Винъ працювавъ для славянской историко-литературной суспильности, для национально-политичного возрожденя Болгаріи и научно-культурного освидомлення Украины. Людына добра и мягка, Дриновъ злучавъ до купи народни бажання и народни серця: винъ розбуджувавъ надію кращои славянськои будущности. Въ ясній постати щирого и прихильного болгарина Дринова руcько-болгарська згода нашла соби гарный выразъ и добру память. Вона, ця добра память про доброго Дринова, на вики вични злучатыме Софію и Харьковъ, найбильше ихъ съ цего часу однаково любезни и братськи университеты. Нехай же буде перомъ земля надъ славнымъ небижчикомъ Дриновымъ, и поздоровъ Боже, всихъ васъ, нашихъ шановныхъ болгарськихъ гостей, поздоровъ васъ, Боже, для щирыхъ славянськихъ зносинъ, для гарній науковой праци, для загального добра и щастя, та

Поздоровъ, Боже,
Нашъ народъ забутый,
Нуждамы прибитый,
Тьмою обгорнутый,
Та поздоровъ, Боже,
Всихъ, хто свого часу
Даромъ не марнуе,
На народне щасте,
Скилько силъ працюе.... [1])

По окончаніи обѣда, депутаты отправились къ себѣ и затѣмъ на вокзалъ. Провожали отъѣзжающихъ многіе изъ профессоровъ. Депутаты уѣхали изъ Харькова въ 7 час. 32 мин. заграницу.

IV.

ТЕЛЕГРАММЫ и ПИСЬМА.

Отъ Его Высочества Болгарскаго князя Фердинанда Семейству профессора Дринова:

[1]) Рѣчь эта была сказана послѣ многихъ рѣчей другихъ участниковъ обѣда 8 Марта, сказанныхъ на тему о славянской взаимности. Вспомнилъ я тогда о томъ, что извѣстный ученый славистъ Гильфердингъ называлъ Украину мостомъ въ сношеніяхъ южныхъ и западныхъ

Вѣстьта за незамѣнимата загуба, която претерпява заедно съ мене цѣлия ми народъ дълбоко ме опечали. Съ Дринова изчезва единъ отъ найвидниѣ дѣятели на современна България, единъ горещъ любитель на общото отечество за което той работи не уморно, като блещящъ представитель на науката до последно дихание. Миръ на праха на великия българинъ. Князьтъ.

Отъ экзарха болгарскаго Іосифа изъ Царьграда отъ 10 марта 1906 г.

на имя Маргариты Ивановны Дриновой.

Многоуважаема Госпожо!

Имахме злочестината да бъдемъ изненадани отъ кончината на многообичния Вашъ съпругъ и многочтимъ нашъ ученъ сънародникъ М. С. Дриновъ. Загубата е велика и незамѣнима, скръбьта всенародна Тя е турила въ жалейка заедно съ Вашето благородно сѣмейство цѣлия български народъ, както и ученитѣ въ мира общества, на които бѣ членъ и въ които работи до послѣдна минута въ полза на истината и на човѣчеството

Многоученъ мъжъ, покойнятъ остави име въ науката, великъ български патриотъ, той свърза името си съ възраждането, книжнината и политическото устройство на България. Неговиятъ починъ личи въ просвѣтата и възпитанието у България. Върху неговитѣ учени трудове ненадминати по обработка, стилъ и сладость на езика, се е възпитало днешното българско поколѣние. Неговиятъ животъ е най-свѣтлиятъ примѣръ, който остава въ назидание на потомството.

Българска цръква има въ лицето на покойния своя пръвъ многоученъ ненадминатъ историограф. Опечалена отъ великата загуба, тя отправя горещи молитви къмъ Господа Бога да благоупокои душата на нейния всепреданъ синъ Марина Степанича и смѣсва своитѣ признателни сълзи за него съ тия на своето паство въ Княжеството и въ виляети на европейска Турция.

славянъ съ Москвою То живое сочувствіе, съ которымъ была встрѣчена эта рѣчь, внушило мнѣ передать ее въ печати. Въ отвѣтъ на эту рѣчь болгарскій министръ народнаго просвѣщенія И Д Шишмановъ сказалъ на русскомъ языкѣ, что онъ съ большимъ удовольствіемъ выслушалъ украинское слово, ему, какъ славянину, понятное и близкое. Вслѣдъ за т. Шишмановымъ профессоръ софійскаго университета Д. Д. Агура на болгарскомъ языкѣ сказалъ рѣчь о пользѣ и значеніи научнаго общенія и подробно остановился на тѣхъ ученыхъ услугахъ, которыя оказалъ Болгаріи малороссъ Драгомановъ въ положеніи профессора софійскаго университета, соединявшій въ своемъ лицѣ широкое пониманіе національныхъ задачъ съ общеевропейскимъ глубокимъ научнымъ образованіемъ. Примѣч Н. С

Като изказваме нашитѣ най-сърдечни съболезнувания Вамъ и на цѣлото Вы сѣмейство, молимъ Всевишняго да Ви дарува сили и крѣпость да прѣнесете великата скрѣбь. Нека въ безутѣшната печаль се утѣшавате съ това, че заедно съ Васъ тужи цѣлъ български народъ и оплаква своя най-ученъ, най-заслужилъ и най-достоенъ синъ. Малко са гробоветѣ, оросявани съ признателни сълзи при всенародна жалейка, и още по-малко сѣмейства-та, въ скрѣбьта на които участвува цѣлъ народъ.

Призоваме, многоуважаема госпожо, върху Васъ и чедата Ви Божието благословение и оставаме Вашъ во Христѣ молитвователь.

Екзархъ Български *Іосифъ*.

Семейству проф. Дринова *отъ председателя Совѣта Министровъ генерала Петрова.*

Правителъство Болгарии, организованной при прямомъ участии незабвеннаго покойника, выражаетъ его семейству искреннѣйшія соболѣзнованія. Болгарскій народъ въ лицѣ покойнаго потерялъ своего самаго знаменитаго сына.

Ректору университета *отъ министра народнаго просвѣщенія Шишманова*:

Приношу мои искреннія соболѣзнованія по случаю кончины незабвеннаго Марина Степановича, основателя родной научной исторіи и маститаго славяновѣда, бывшаго министра народнаго просвѣщенія молодого болгарскаго княжества. Прошу отъ имени Министерства положить вѣнокъ на гробъ славнаго соотечественника.

Отъ него же семейству проф. Дринова: Глубоко огорченъ кончиною нашего славнаго соотечественника, незабвеннаго Марина Степанича. Приношу Вамъ мои искреннія соболѣзнованія.

Отъ него же ректору университета:

Прошу отложить похороны до пріѣзда депутаціи; ѣду самъ съ нею, какъ представитель князя и правительства. Министръ Шишмановъ.

Семейству проф. М. С. Дринова *отъ Городского Головы г. Софіи Теодорова*: Вѣсть о кончинѣ незабвеннаго труженика на полѣ литературнаго и политическаго возрожденія Болгарии, почетнаго софійскаго гражданина, инициатора основанія нынѣшней Болгарской столицы, Марина Дринова, глубоко опечалила всѣхъ гражданъ Софіи, отъ имени которыхъ и отъ своего имени прошу семейство великаго покойника принять наши искреннія соболѣзнованія. Кончина высокопросвѣщеннаго и заслужившаго болгарскаго патріота составляетъ великую потерю для всѣхъ болгаръ, глубокое сочувствіе которыхъ пусть послужитъ вамъ утѣшеніемъ въ постигшей Васъ скорби.

Отъ ректора Софійскаго Университета.

I) на имя ректора харьковскаго университета:

1) Софійскій университетъ выражаетъ ректору Императорскаго Харьковскаго университета свое глубокое соболѣзнованіе по случаю тяжелой утраты, постигшей Харьковскій университетъ ранней смертію заслуженнаго его профессора и отличнаго славянскаго ученаго Марина Степановича Дринова. Ректоръ университета Георговъ. 2) Прошу отъ имени Софійскаго университета положить вѣнокъ на гробъ профессора Дринова. Выслано телеграммой 200 фрк на расходы. Ректоръ Георговъ.

II) На имя М. И. Дриновой. Неожиданная вѣсть о понесенной Вами потерѣ въ лицѣ Марина Степановича поразила профессоровъ Софійскаго университета. Съ чувствомъ глубокаго уваженія къ памяти выдающагося славянскаго ученаго выражаемъ Вамъ сердечное соболѣзнованіе. Ректоръ Софійскаго университета Георговъ.

Отъ деканa Цонева: 1) Историко-филологическому факультету. Историко-филологическій факультетъ Софійскаго университета присоединяетъ свою глубокую печаль по случаю ранней смерти заслуженнаго профессора Марина Степановича Дринова, въ лицѣ котораго русская и болгарская наука теряютъ выдающагося представителя.

2) На имя М. И. Дриновой.

Историко-филологическій факультетъ Софійскаго университета, глубоко опечаленный потерей Марина Степановича, шлетъ Вамъ искреннія соболѣзнованія. Деканъ Цоневъ

Отъ Историческаго общества при Софійскомъ университетѣ на имя М. И Дриновой:

Историческое Общество глубоко чувствуетъ потерю достойнаго историка и патріота Марина Дринова и шлетъ Вамъ свое глубокое соболѣзнованіе. Предсѣдатель Агура.

Отъ предсѣдателя Болгарскаго Книжевнаго Дружества д-ра Моллова на имя М. И. Дриновой. Извѣстието за смърть-та на вашъ супругъ и многозаслужилъ сынъ на Болгария глубоко опечалила членоветѣ на Болгарското Книжевно Дружество, незаборавенитѣ заслуги на покойна къмъ Дружество като неговъ основатель и членъ правятъ. За насъ двоина приемете госпожо моите и на Дружеството соболѣзнованія.

Отъ Славянской Бесѣды на имя М. И. Дриновой: Отъ страна на Дружеството Славянска Бесѣда спѣша да израза вамъ и на домочадѣто ви сердечни соболѣзнования по случаю смерть на достойна вашъ супругъ български патріотъ и ученъ, почетния членъ на нашето дружество. Предсѣдатель Гостовъ.

Отъ Общества болгарскихъ публицистовъ на имя ректора университета. Общество болгарскихъ публицистовъ приноситъ искреннія

соболѣзнованія по кончинѣ дорогого для нашей книги Марина Степановича. Предсѣдатель Бобчевъ.

Отъ проф. В. Н. Златарскаго на имя М. И. Дриновой.

Невыразимо глубока моя печаль по добромъ, миломъ Маринѣ Степановичѣ, моемъ учителѣ. Подношу Вамъ мои искреннія соболѣзнованія Отъ *студентовъ-историковъ софійскаго университета*: 1 на имя М. И. Дриновой: Раздѣляя утрату понесенную Вами со смертію уважаемаго Марина Степановича Дринова скорбимъ вмѣстѣ съ Вами о своемъ учителѣ. 2, на имя Университета: Далеко отъ цѣнныхъ остатковъ на родинѣ его, для возрожденіи и славы которой онъ такъ долго и упорно работалъ, на родинѣ, прошедшее которой онъ озарилъ свѣтомъ своего разума, мы студенты историки, учившіеся на его трудахъ, воодушевляемые его завѣтами, глубоко скорбимъ о тяжелой и незамѣнимой утратѣ. Поклонъ предъ прахомъ дорогого учителя. Студенты исторіи Софійскаго Университета.

Отъ Болгарскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества на имя ректора университета.

Славянское Благотворительное Общество выражаетъ глубочайшія соболѣзнованія по случаю кончины ученаго слависта и хорошаго славянина, основателя научной исторіи отечества, Марина Дринова. Предсѣдатель Бобчевъ.

Отъ него же на имя М. И. Дриновой.

Славянское общество выражаетъ Вамъ сердечныя соболѣзнованія по случаю кончины незабвеннаго Вашего супруга и знаменитаго славянина. Предсѣдитель Бобчевъ.

Отъ Природоиспытательнаго Общества на имя М. И. Дриновой.

Вѣсть о кончинѣ нашего почетнаго сочлена глубоко опечалила насъ; просимъ принять сердечныя наши соболѣзнованія. Профессоръ Златарскій, президентъ Природоиспытательнаго Общества.

Отъ общества гимназическихъ учителей на имя М. И. Дриновой. Дружество на гимназиалните учителие испраща Вамъ своите соболѣзнованія и моли Всевышния да ви укрѣпне да понесете тежката скърбь отъ загубата на еденъ великъ достоенъ български синъ. Предсѣдатель Нодиевъ.

Отъ учителей и учениковъ города Софіи на имя М. И. Дриновой. Учителе и ученици города Софіи подносятъ Вамъ свои сердечныя соболѣзнованія по случаю великой утраты, которую Вы перенесли въ лицѣ любимаго Вашего супруга. великаго болгарскаго историка и неутомимаго ревнителя народнаго нашего просвѣщенія. Главенъ учитель Светко Стояновъ.

Отъ директора первой Софійской мужской гимназіи на имя М. И. Дриновой. Первая мужская гимназія выражаетъ Вамъ свои чувства сердечнаго соболѣзнованія по случаю кончины славнаго ученаго соотечественника Марина Степановича Дринова. Директоръ Станимировъ.

Отъ Софійской второй мужской гимназіи на имя М. И. Дриновой. Отъ имени учителей, учащихся, отъ моего имени приношу искреннѣйшія соболѣзнованія по случаю кончины нашего славнаго ученаго соотечественника Марина Степановича Дринова. Директоръ второй мужской гимназіи Діаковичъ.

Отъ союза гимназическихъ учителей семейству М. С. Дринова.

Дълбоко опечалени по случаю кончината многозаслужилъ народенъ дѣятель. Предсѣдатель гимназиални учители Паунчевъ.

Отъ педагогическаго совѣта первой софійской женской гимназіи.

Учителското тѣло первой женской гимназіи, глубоко опечаленное ненадѣянной кончиной нашего славнаго многоуважаемаго соотечественника Марина Степановича, подноситъ Вамъ наши сердечныя соболѣзнованія. За всѣхъ директоръ Кунищевъ.

Отъ группы учителей женской софійской гимназіи.

Учителитѣ отъ клона на Софийската дѣвическа гимназія исказватъ своитѣ дълбоки соболѣзнованія по случаю загубата, която вие и българския народъ претърпѣе съсъ смъртьта на заслужилия народу си съсъ своята просвѣтителна научна дѣятелностъ Вашъ супругъ Глава за учителитѣ директоръ Ангеловъ.

Отъ учителей второй софійской прогимназіи семейству М. С. Дринова.

Учителитѣ при втората прогимназія чуствуяки великата загуба за България и науката въ лицето на покойния ви съпругъ и башта ви пращата своите сърдечни соболѣзнованія; нека неговите велика дѣла ви служатъ за утѣха въ тия скорбни минути. За учителитѣ Данчевъ.

Отъ учителей и учительницъ 3-й прогимназіи. Учители и учительници отъ третята прогимназія изказватъ Вамъ и на дѣцата Ви соболѣзнованія си за загубането на Маринъ Дриновъ. Директоръ Кертевъ.

Отъ женскаго педагогическаго училища. Со стороны учителей и учительницъ женскаго педагогическаго училища Маріи Луизы, прошу принять наши искреннія соболѣзнованія по случаю смерти перваго нашего историографа и отличнаго патріота Марина Дринова. Директоръ Пундевъ.

Отъ корпораціи учителей педагогическаго женскаго училища. Учительского тело при педагогическото дѣвическо училище ви исказ-

ва дълбоките си соболезнования по случаю кончината на високопочитания нашъ историкъ и народенъ дѣлатель. Директоръ Паунчевъ.

Отъ семейства генерала Сарафова.

Глубоко потрясены извѣстіемъ о величайшей потерѣ славнаго ученаго и добрѣйшаго Марина Степановича. Да поможетъ Вамъ Господь перенести посланное Провидѣніемъ горе.

Отъ г. Киселева изъ г. Софіи: Отъ сердца выражаю Вамъ искренія соболѣзнованія.

Панагюрище М. И. Дриновой.

Отслужена панахида. Духовенство, учители, ученици, почитатели образова шествіе, рѣчь трогательна, цѣлото населеніе скърби. Найденъ.

Панагюрище М. И. Дриновой.

Отъ имени на вшистки панагюрищки граждани и мое име полносямъ Вамъ и настѣдниците на покоиния нашъ согражданинъ Маринъ Дриновъ нашите соболѣзнованія. Кметъ Г. Дедевъ.

Панагюрище М. И. Дриновой отъ *председателя настоятельства церкви Георгія.*

Панагюрско настоятельство церкви св. Георгія, цѣня заслуги великаго покойника на полѣ нашего церковнаго и политическаго возрожденія, присоединяется къ скорби всего болгарскаго народа и высказываетъ Вамъ свои сердечныя соболѣзнованія. Предсѣдатель священникъ Павелъ.

Панагюрище отъ преподавателей прогимназіи имени Дринова.

Agrees et nos condoléances pour le chere perte.

Панагюрище. Отъ союза учителей.

Agrees nos condoleances de la grande perde que vous a artiens avec la mort de votre cher epoux et pére le premier ministre Bulgaria de l'instruction publique l'unique Bulgare celebre historique notre De la societédesinstiteurs.

Тырново, мужская гимназія, М. И. Дриновой. Преподаватели и воспитанники тырновской мужской гимназіи шлютъ свое сердечное соболѣзнованіе по поводу кончины Вашего супруга. Постигшее Васъ несчастіе живо чувствуется всей Болгаріей, утратившей въ лицѣ покойнаго профессора выдающагося представителя науки; память о заслугахъ его предъ отечествомъ вѣчно будетъ жить въ благодарномъ потомствѣ. Директоръ и преподаватели гимназіи.

Тырново. Отъ Директора женской гимназіи Маркова семейству М. С. Дринова. Вѣсть о смерти Марина Степановича Дринова, извѣстнаго нашего родолюбца, историографа, глубоко опечалила учительницъ, учителей и меня. По случаю постигшаго несчастья Вашего семейства прошу примите наши сердечныя соболѣзнованія Директоръ дѣвической гимназіи Марковъ.

Пловдивъ. Отъ учительскаго персонала гимназіи. Семейству Дринова.

Учительскій персоналъ Пловдивской гимназіи шлетъ свой душевный поклонъ памяти великаго покойника Марина Дринова четвертьвѣковаго представителя молодой болгарской науки и Вамъ глубокія соболѣзнованія. Директоръ Мавровъ.

Пловдивъ. Отъ женской гимназіи семейству Дринова Миръ праху великаго покойника Марина Дринова гордости нашей болгарской науки. Директоръ Филиппопольской женской гимназіи Беневъ.

Пловдивъ. Отъ Христо Г. Канова семейству Дринова.

Поклонъ при памяти покойника Марину Дринову незабвенному другу и отличному сыну Болгаріи. Христо Т Кановъ.

Варна. Женская гимназія. Семейству Дринова.

По случаю скапата загуба която нашъ народъ и ви претърпевате смертьта на любима ви съпругъ нашъ соотечественникъ Дриновъ учительско то тело отъ Варненската държавна дѣвическата гимназія исказва своето глубоко соболѣзнование-Богъ да ви утѣши и даде сила да понесете големий ударь Директоръ Гунмаговъ.

Варна. Отъ корпорации учителей Варненской гимназіи семейству Дринова. Дълбоко трогнати отъ печалната вѣсть за незамѣнимата загуба, която сте претърпѣли съсъ смъртьта на вашъ съпругъ и башта и нашъ високоуважаемъ соотечественикъ като цѣненъ високо за залугите на първиа български министръ на просвѣщеннето какъто и тия въвъ областьта на науката исказваме нашите най искренния соболѣзнованія като молимъ всевишня да ви подкрѣпа търпѣливо да понесете скъпата загуба. За учителитѣ при варненската гимназія директоръ Гавровски

Варна. Отъ др. Плакидова М. И. Дриновой Отъ всей души присоединяюсь къ великой печали. Царство небесное покойнику.

Рущукъ. Отъ преподавателей гимназіи кн. Болгарскаго семейству Дринова. Глубоко опечаленные вѣстью о кончинѣ достойнаго Марина Степановича преподаватели гимназіи кн. Болгарскаго свидѣтельствуютъ Вамъ свое соболѣзнованіе о тяжкой и незамѣнимой потерѣ. Благоговѣйно поклоняемся праху славнаго нашего соотечественника —учителя, положившаго прочныя основы болгарскому учебному дѣлу и исторической мысли и успѣшно работавшаго полъвѣка на пользу науки и просвѣщенія. Директоръ Колевъ.

Рущукъ. Отъ женск. гимназіи.

Le gymnase des jeunes filles vous exprime ses plus profondes condoléances pour sa mort de votre excellent Mari notre historiographe avec la perte du quel notre peuple perd un des les plus remarquables hommes sauvants et notre histoire nationale un de ser plur grands ouvriers. Dieu ui passe la paix Dierecteur Ognianoff.

Кюстендиль. Отъ кмета города семейству Дринова. Днесь кюстендилските граждане бидоха изненадани съ многоскорбната вѣсть ште вашъ любимъ супругъ, башта и нашия многоуважаемъ почетенъ гражданинъ предалъ Богу духъ на 28 февруаря. Отъ името на кюстендилекитѣ граждани, които возносятъ топли молитви на всевышняго Бога за успокоеніе душата на велики за България поборникъ, ви изказвама сердечните наши соболѣзнования Градски кметъ Давидовъ.

Кюстендиль. Отъ педагогическаго и 3-хъ класснаго училища семейству проф Дринова. Скоростижната смерть на Дриновъ Вашъ супругъ български историографъ и министръ неуморенъ Харковски професоръ, и литераторъ дълбоко покрити наскарби Присоединяемъ се къмъ вашата скорбь трасете молимъ туга и вие както наши учителе при кюстендилското педагогическо и трикласно училище ва неоцѣнимитѣ заслуги на великъ покойникъ. Директоръ Миневъ

Тринъ. Семейству Дринова отъ кмета Загубата на ученія болгаринъ и дѣятель за присоединяваннето на нашия край отъ Сърбия къмъ отечеството ни дъмъ далбоко ни опечали отколе нанхубавата улица въвъ града ни е Дриновска днеска стана. Пачахида приста чувана вшистки граждани. Приемете дълбоките ни соболѣзнованія Кметъ Рангель Р. Димитровъ.

Тринъ. Семейству Дринова. Нашите соболѣзнованія за незамѣнимата загуба Тагопевъ, Иванъ Васильевъ, *Внт.* Васильевъ, Ив. Гранчаровъ, Георги Шонлевъ, Николай Гранчаровъ.

Тринъ Семейству Дринова. Скорбьта и загубата всенародна туга главната улица Дриновъ напомнува нашето особое освобожденіе отъ турско иго Вагоровъ Магеровъ Григоровъ Пешевъ.

Ломпаланка. Отъ учителей и учениковъ педагогическаго училища. Семейству Дринова. Отъ името на вшистки учителе и ученици поднашемъ нашего далбоко саболѣзнование за незамѣнимата за васъ науката и отечеството загуба на заслужилия първи български професоръ и книжовникъ. Директоръ на педагогическото училище Нитевъ.

Габрово. Отъ педагогич. корпорации гимназии семейству М. С. Дринова. Скорбната вѣсть изпълни съсъ горесть нашите сърдца като благовеимъ предъ неоцѣнимия заслугитѣ на великія покойникъ за нашата млада наука Молимъ всевишния да ва прати утѣшеніе въвъ тия тежки за васъ минути. За учителитѣ при Габровската гимназія Директоръ Калчевъ.

Загора. Отъ преподавателей женскаго педагогическаго училища. Семейству Дринова. Съ сердечною болью присоединяемся къ Вашей скорби по поводу смерти вашего незабвеннаго супруга а нашего дорогог осоотечественника перваго нашего высшаго начальника Министра и истиннаго

патріота Преподаватели дѣвическаго педагогическаго училища. Директоръ Куюнджіевъ.

Сливенъ. Отъ учительскаго персонала частнаго женскаго училища семейству Дринова. По случаю смерти съпруга ви конто винаги е милѣ за своита татковина и ратувалъ за нейнъ прогрессъ учительското тело при Славенското шестокласно частно дѣвическо училище ви исказва своите сердечни соболѣзнования. Директоръ Вичевъ.

Сливенъ. Отъ учителей гимназіи семейству Дринова. Учителитѣ при гимназията исказватъ сердечное си соболѣзнованіе съ постигнолото ви несчастіе; съсъ вас тужи и цѣлия български народъ за своя знаменитъ историкъ и будитель; нека всенародната скърбъ ви послужа за утѣха. Директоръ Диметровъ.

Шуменъ. Отъ учителей и ученицъ гимназіи семейству Дринова. Смерть заслуженнаго нашего соотечественника Марина Степановича глубоко тронула насъ: примите искреннее соболѣзнованіе. Учители и ученици Шуменской гимназіи. Директоръ Дедевъ.

Шуменъ. Отъ педагогическаго и образцоваго училища семейству Дринова. Учительского тело при Шуменското педагогическото и образцовото училище *сподележа* големата загуба която понесете с смертьта на любимия ви супругъ и башта достоенъ и многозаслужилъ на отечеството ни нашъ соотечественникъ и историографъ. Поклонъ предъ неговите останки. За учителитѣ директоръ Смраковъ.

Виддинъ. Отъ Педагогической корпораціи мужской гимназіи М. П. Дриновой. Учительского тело при Виддинската държавна мужска гимназія дълбоко тронуто отъ смертьта на вашия благороденъ и любимъ супругъ българския родолюбецъ и историографъ поднася ви своите сердечни соболѣзнования. Директоръ Дм. Шишковъ.

Разградъ. Отъ педагогич. корпораціи гимназіи. Семейству Дринова. Учительско-то тело Разградската мужска гимназия дълбоко потресено отъ печалната вѣсть са смертьта на великия българинъ Дриновъ изказва своите соболѣзнования на опечаленото семейство; смирено се покланяме предъ смертьтана български историкъ. Директоръ Петровъ.

Казанлыкъ. Семейству Дринова. Отъ учителей городскихъ педагогическаго, мужскаго и женскаго училищъ. Многоуважаемая госпожа Дринова! Пораженные печальнымъ извѣстіемъ о смерти горячо любимаго Вами мужа, имя котораго нераздѣльно связано съ исторіей болгарскаго народа и для котораго не было ничего дороже культа науки, мы нижеподписавшіеся спѣшимъ выразить вамъ свою глубочайшую печаль о тяжелой потерѣ, постигшей въ лицѣ вашего мужа. Учителя училищъ мужскаго педагогическаго, городскаго дѣвическаго и городскаго женскаго.

Попово. Село Дриново. Отъ общества села Дринова и училища имени Дринова Семейству Дринова. Населението и ученицитѣ отъ училището Маринъ Дриновъ въ село Дриново днесь отслужи панахида и изказва своитѣ соболѣзнованія по случаю смъртьта на много заслужилия намъ и народу Маринъ Дриновъ Миръ на праха ему. За населението кметъ Бояновскій.

Силистрія Отъ учителей и учительницъ города семейству Дринова. Учителя и учительницы города Силистрии позволяютъ себѣ поднести Вамъ искреннія соболѣзнованія по случаю смерти великаго покойника, профессора Дринова: его научный авторитетъ и его незамѣнимыя заслуга культурному развитію его родины Болгаріи пусть подкрѣпитъ Васъ для того, чтобы поднести не замѣнимую для васъ потерю. Примите увѣреніе, что Ваше горе одновременно есть горе всего болгарскаго народа. За всѣхъ Стефановъ, Балевъ, Бахневъ, Башеваровъ.

Силистрія. Селистрійското настоятелъство покартево отъ загубата на незаборавимия труженикъ вашъ любимъ родитель поднося ви най дълбоките си саболѣзнованія по случаю. Предсѣдатель Рисановъ.

Салоники. Отъ групны почитателеи семейству Дринова. Глубоко опечалены извѣстіемъ о смерти высокозаслуженнаго сына болгарскаго народа и вашего супруга Марина Дринова Имя покойнаго на вѣчныя времена связано со стихіей и страной, для которой онъ такъ много трудился. Прошу семейство великаго покойника и заслуженнаго патріота принять искренніе соболѣзнованіе отъ его подчиненныхъ здѣшнихъ почитателей. Агевтъ Шоповъ.

Отъ Солунскихъ гимназій письмо на имя М. П. Дриновой.

Многоуважаема Госпожо!

Смъртьта на достопочитаемия Вашъ съпругъ и ученъ български мъжъ, г. Маринъ Дриновъ. възбуди голѣма сърдечна печаль и въ душитѣ на всички интелигентни българи въ многообичната отъ него страна Македония. Ние, българитѣ отъ тоя край, Македония, подобно на своитѣ събратия отъ свободното княжество България, не можемъ да не скърбимъ за Марина Дринова, който първъ измежду насъ написа цѣнни трудове по българската и южно-славянска история, които трудове и до день-днешенъ не са надминати отъ ученитѣ слависти. Името Маринъ Дриновъ произнасяме съ почетъ и благоговѣние, защото той е наша народна гордость. Тъй въоруженъ съ широки познания отъ область-та на историята и славистиката, надиренъ съ здравъ критически разсудъкъ, доказа съ необорими аргументы прѣдъ учения свѣтъ, че славянитѣ въ Македония са също такива българи, каквито са и славянитѣ въ Мизия и Тракия. Въ чисто научната борба по тоя въпросъ съ разни лъженсторици и съ за-

интересовани—учени Маринъ Дриновъ излѣзе побѣдитель. Тая негова енергична борба и побѣда ще остане неизгладима въ паметьта на всѣки българинъ и много справедливо ще се счита той, както отъ насъ—негови съврѣменници и ученици—, така и отъ бъдущитѣ наши поколѣния, за единъ отъ найвеликитѣ български патриоти и поборници.

Прѣдъ видъ на горнето, двѣтѣ български гимназии въ Солунъ, мъжка и дѣвическа, счетоха за свой свещенъ дльгъ да разпоредятъ, щото днесъ, 9-ий априлий 1906 година, да се отслужа панахида по случай четиредесетий день отъ кончината на незаборавимия Маринъ Дриновъ. Панахидата се отслужи много тържественно отъ цѣлото православно българско духовенство въ Солунъ въ черквата „Свв. Кирилъ и Методий“ въ присутствието на многоброенъ народъ и като се държаха подобающитѣ та случая рѣчи, въ които се описаха биографията и дѣятелностьта на покойния и се указаха достоинствата на скъпитѣ му за насъ литературни трудове.

Като изразяваме прѣдъ Васъ, достоуважаемо госпожо, нашата голѣма горесть за тежката и мъчнозамѣнима загуба, като Ви поднасяме нашитѣ и на цѣлия учителски персоналъ найсърдечни съболѣзнования по тоя случай, като правимъ поклонъ прѣзъ праха на великия българинъ и на любимия Вашъ съпругъ—Маринъ Дриновъ,—остаяме съ най-дълбоко почитание къмъ Васъ и къмъ цѣлото Ви семейство. Солунъ 9-ій априлия

Директори: *Тканевъ.*
А. Д. Чекилевъ.

Вѣна. Отъ болгарскаго консула.

Veuilles agreé occasion perdre cruelle que vous et patrie Bulgarie eprourez mes condoleances sincerement affingees. Sarafoff.

Вѣна. М. И. Дриновой. Примите мои сердечныя соболѣзнованія Гудшовъ, Лезбаръ.

Вѣна. Семейству Дринова. Отъ общества „Балканъ“. Болгарското академическо дружество „Балканъ“ исказва ви наискреннія соболѣзнованія по случай смерти великия болгарския историкъ.

Петербургъ. М. И. Дриновой отъ Болгарской дипломатической миссіи. Болгарская дипломатическая миссія въ Россіи выражаетъ Вамъ, Вашимъ дѣтямъ, сердечное глубокочувствуемое соболѣзнованіе по поводу большой тяжелой утраты, понесенной Вами со смертью любимаго мужа и отца. Мы болгаре оплакиваемъ въ лицѣ нашего знаменитаго историка и профессора Марина Дринова благороднаго и истиннаго патріота. Болгарскій полномочный министръ Станчовъ.

Батумъ. Прошу принять глубокое соболѣзнованіе по случаю смерти господина Марина Дринова „Богъ да прости“ Гурія Кавказъ Македонія почетный гражданинъ города Кюстендиля есаулъ Иліодоръ Гороновичъ.

С.-П.-Бургъ. Ректору университета отъ Академіи Наукъ. Академія наукъ шлетъ университету выраженіе глубокаго соболѣзнованія по случаю кончины своего славнаго члена корреспондента Марина Степановича Дринова. Непремѣнный секретарь Ольденбургъ.

С.-П.-Бургъ. Отъ отдѣленія русскаго языка и словесности И. А. Н. [на имя проф. Сумцова]. Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ проситъ Васъ выразить вдовѣ и семьѣ Марина Степановича Дринова глубокое сожалѣніе о кончинѣ своего сочлена. Предсѣдательствующій А. Веселовскій.

С.-П.-Бургъ. Отъ С.-П.-Бургскаго Славянскаго благотворительнаго общества. Ректору университета.

Петербургское Славянское Общество выражаетъ живѣйшее сожалѣніе поводомъ незамѣнимой утраты славянской науки въ лицѣ скончавшагося профессора Дринова, выдающагося ученаго и дѣятеля. Отъ имени Совѣта прошу Васъ передать семьѣ покойнаго наше общее искреннее сочувствіе. Предсѣдатель гр. Игнатьевъ.

С.-П.-Бургъ. Отъ проф. Кулаковскаго М. И. Дриновой. Глубоко скорблю о потерѣ понесенной Вами и русской наукой о славянахъ въ лицѣ глубокоуважаемаго Марина Степановича. Да утѣшитъ Васъ Господь въ Вашей скорби.

С.-П.-Бургъ. На имя проф. Бузескула отъ К. Я. Гротъ. Примите и передайте товарищамъ мою глубокую скорбь и горячее сочувствіе о потерѣ незабвеннаго Дринова Спасибо за память. Гротъ.

С.-П.-Бургъ. М. И. Дриновой отъ К. Я. Гротъ. Глубоко опечаленные кончиной дорого незабвеннаго Марина Степановича шлемъ Вамъ сердечное сочувствіе Константинъ Гротъ.

С.-П.-Бургъ. Ректору университета отъ бывшаго попечителя Х. у. округа М. М. Алексѣенко. Прошу выразить мое глубокое сочувствіе совѣту университета, потерявшему въ лицѣ Марина Степановича достойнѣйшаго члена и передать соболѣзнованіе семьѣ усопшаго. Алексѣенко.

С.-П.-Бургъ. Ректору университета отъ проф. Куплеваскаго. Глубоко скорблю объ утратѣ понесенной наукой и университетомъ въ лицѣ достойнѣйшаго Марина Степановича. Прошу передать университету и семьѣ покойнаго.

Москва. Ректору университета отъ проф. Ключевскаго. Прошу передать досточтимой вдовѣ профессора Дринова выраженіе глубокаго собо-

лѣзнованія о постигшей ее утратѣ отъ Ключевскаго, стараго университетскаго товарища покойнаго.

Москва. Семейству М. С. Дринова отъ акад. Корша. Горячо раздѣляемъ Ваше горе. Коршъ.

Москва. Отъ К. А. Андреева М. И. Дриновой. Шлемъ горячее соболѣзнованіе и сочувствіе Вашей тяжелой утратѣ душевно скорбимъ вмѣстѣ съ вами. Андреевы.

Москва. М. И. Дриновой отъ кн. В. Голицына. Всѣмъ сердцемъ раздѣляю Ваше горе. Душой чувствую Вашу утрату. Да пошлетъ Вамъ Господь съ твердостью перенести тяжелое испытаніе. Владимиръ Голицинъ.

Одесса. Отъ историко-филологическаго факультета Новороссійскаго университета [на имя В. П. Бузескула]. Историко-филологическій факультетъ новороссійскаго университета, высоко цѣня ученыя заслуги скончавшагося профессора Марина Дринова, шлетъ свое глубокое соболѣзнованіе. Деканъ Фонъ Штернъ.

Одесса. Отъ историко-филологическаго общества [на имя проф. Халанскаго]. Историко-филологическое общество при Новороссійскомъ университетѣ выражаетъ глубокое сожалѣніе по поводу кончины Марина Степановича Дринова, выдающагося ученаго, посвятившаго свою дѣятельность разработкѣ исторіи славянскихъ народовъ, воспитавшаго нѣсколько поколѣній русскихъ ученыхъ. Предсѣдатель Истринъ.

Одесса. Отъ болгарскаго настоятельства М. И. Дриновой. Члены Одесскаго болгарскаго настоятельства глубоко скорбя о великой утратѣ понесенной славянскимъ ученымъ міромъ въ лицѣ почившаго Марина Степановича просятъ Васъ принять увѣренія въ искреннѣйшемъ соболѣзнованіи. Члены: Василій Рашеевъ, Владиміръ Палаузовъ, Феодоръ Увалиевъ, Иванъ Рашеевъ, Михаилъ Попруженко.

Одесса. Отъ проф. Кочубинскаго М. И. Дриновой. Ваше горе утратѣ наше общее. Кочубинскій.

Одесса. Отъ проф. Мочульскаго (М. Г. Халанскому). Передайте семьѣ Марина Степановича мое сочувствіе и соболѣзнованіе по случаю его кончины. Мочульскій.

Одесса. Отъ М. Г. Попруженко. (Е Н. Рѣдину). Передайте факультету семьѣ незабвеннаго Марина Степановича Дринова мое сердечное сожалѣніе по поводу понесенной утраты Наука лишилась благороднѣйшаго представителя. Вѣчная ему память. Попруженко.

Одесса. Отъ проф. Б. М. Ляпунова (М. Г. Халанскому). Глубоко скорблю о кончинѣ дорогого Марина Степановича; прошу передать вдовѣ соболѣзнованіе отъ меня и жены. Борисъ Ляпуновъ.

Кіевъ. Отъ В. С. Иконникова (проф. Саввѣ). Благоволите засвидѣтельствовать мое глубокое соболѣзнованіе семьѣ скончавшагося Марина Степановича. Иконниковъ.

Нѣжинъ. Отъ проф. Сперанскаго (ректору университета) Позвольте и мнѣ присоединить свое искренное соболѣзнованіе о кончинѣ дорогого Марина Степановича Дринова. Профессоръ Нѣжинскаго института Сперанскій

Варшава (проф Бузескулу) отъ г. Стефани. Прошу передать Филологическому факультету соболѣзнованіе по поводу кончины маститаго профессора Марина Степановича Дринова отъ его слушателя Стефани.

V. Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ соединенномъ засѣданіи университета и историко-филологическаго общества, посвященномъ памяти М. С. Дринова 8-го марта 1906 года.

1. Рѣчь профессора Софійскаго университета Л. Г. Милетича.

Ученая дѣятельность Марина Степанича Дринова уже настолько оцѣнена преимущественно здѣсь въ Харьковѣ, что по видимому не остается ничего существенно важнаго, истронутаго предшествовавшими цѣнителями Марина Степанича, какъ историка и филолога. Все же таки мнѣ хочется въ этомъ торжественномъ собраніи, посвященномъ скупой намъ памяти Марина Степанича принять маленькое участіе, чтобы такимъ образомъ и лично со своей стороны отдать должную дань почитанія и признательности къ дорогому покойнику.

Какъ филологъ и предсѣдатель историко-филологическаго отдѣленія Болгарскаго ученаго общества („Бѣлгарско Книжовно Дружество"), основателемъ и долговѣчнымъ предсѣдателемъ коего былъ Маринъ Степаничъ, я постараюсь выдвинуть нѣсколько ярче значеніе Марина Степанича, какъ филолога.

Маринъ Степаничъ, правда, былъ и остался до конца преимущественно славянскимъ историкомъ, а славянскимъ языкознаніемъ занимался повидимому насколько оно ему помогало строить болѣе обоснованные выводы по своей главной спеціальности. Но въ сущности мы видимъ, что Маринъ Степаничъ и въ своихъ лекціяхъ и въ своихъ научныхъ работахъ показалъ болѣе спеціальныя лингвистическія познанія, чѣмъ вообще преобладающимъ нынѣ взглядомъ нужно славянскому историку въ смыслѣ вспомогательной роли языкознанія по отношенію къ исторіи. Вспомяну здѣсь изслѣдованіе Дринова по новоболгарской фонетикѣ въ Archiw für slaiwicbe Philologie т. V. „Zur Kunde des Neubol garischen". Высказано мнѣніе, что это тѣсное соединеніе двухъ упомянутыхъ дисциплинъ у Марина Степанича надо объяснить послѣдованіемъ традиціи славистовъ стараго поколѣнія, находящей теперь, благодаря новымъ условіямъ научныхъ изслѣдованій, требующихъ большей спеціализаціи, подражаніе лишь у немногихъ (см. Б. М. Ляпуновъ, „Краткій очеркъ научной дѣятельности Марина Степанича Дринова"). Не отрицая вліянія традиціи по занимаемому нас

вопросу, слѣдуетъ отвѣтить и на вопросъ, могъ ли Маринъ Степаничъ поступить иначе, могло ли его глубокое пониманіе задачъ слависта-историка пренебречь столь цѣнною помощью славянскаго языкознанія при разрѣшеніи историческихъ и спеціально этнографическихъ проблемъ давней славянской прошлости? И дѣйствительно, если мы видимъ Марина Степанича въ его изслѣдованіи „О заселеніи Балканскаго полуострова славянами“, слѣдуя по стопамъ Шафарика, объясняя этнографическіе вопросы съ помощью этимологіи разныхъ личныхъ и мѣстныхъ названій, это доказываетъ прежде всего солидность научнаго метода и высоту научнаго взгляда Марина Степанича на славянскую исторію, какъ на неотъемленную часть славистики. Понимая какъ связь славянской исторіи со славянскимъ языкознаніемъ, Маринъ Степаничъ вѣрилъ въ возможность обладать отдѣльнымъ личностямъ вмѣстѣ обѣими научными дисциплинами въ извѣстномъ размѣрѣ. По нашему мнѣнію, этотъ взглядъ Марина Степанича и въ настоящихъ условіяхъ славистики, при болѣе развитой спеціализаціи ея отдѣльныхъ отраслей, совершенно правъ, только что для этого нуженъ широкій умъ, какой былъ у Марина Степанича. И въ будущемъ для процвѣтанія славистики необходимы такіе же рѣдкіе ея представители, которые обладая болѣе спеціальными познаніями и по вспомогательнымъ наукамъ, способны дать полную оцѣнку наличныхъ данныхъ по всѣмъ ея отраслямъ и выводить изъ нихъ прочныя общія заключенія.

То, что сказано объ отношеніи славянской исторіи и этнографіи къ славянскому языкознанію, должны повторить и наоборотъ по отношенію славянскаго языкознанія и его связей со славянской этнографіею и исторіею. Ибо языкознаніе есть и останется единственной болѣе положительной основой этнографической науки и мнѣ кажется, что пора признать безъ колебанія и то, что суть славистики есть и будетъ *славянская этнографія.*

Считаю излишнимъ ближе опредѣлять сферу славистики, какъ науки, стремящейся обнять цѣлокупное славянство, объясняя его культурное настоящее черезъ его прошлое. Хочу только особенно подчеркнуть, что и то и другое возможно какъ слѣдуетъ изучать только на почвѣ славянской исторической этнографіи. Въ этой-то научной области, которую я считаю главнымъ характеристичнымъ признакомъ славистики, неминуемо встрѣчаются и славянскіе историки со славянскими языками, если они хотятъ быть и славистами. Языкъ, самый важный продуктъ человѣческой культуры, какъ уже сказалъ, представляетъ самъ собой основный объектъ этнографіи. Изучать языкъ только въ его настоящемъ состояніи, это настолько наука, какъ если бы изучить настоящее политическое состояніе народовъ не зная и не понимая ихъ прошлаго. И потому, чисто описательная

работа лингвиста, которой констатируется состояніе языка только въ данный моментъ его исторической жизни, это смѣю сказать, еще не настоящая наука: въ объясненіи исторической эволюціи языка вся сущность и значеніе лингвистики, а такъ какъ это изученіе не только не полно, но часто и невозможно, если не принимать во вниманіе и историческія судьбы народа, матеріальныя и нематеріальныя части которыхъ всего лучше можно открыть въ его этнографическихъ особенностяхъ, вотъ почему и нельзя высшимъ представителямъ славистики отрасли языкознанія не быть одновременно до извѣстной степени и славянскими этнографами. Достаточно для подкрѣпленія этого взгляда упомянуть практически проведенное такое соединеніе языкознанія и этнографіи въ сочиненіи Марина Степановича „Нѣсколько словъ объ языкѣ, народныхъ пѣсняхъ и обычаяхъ Дебрскихъ славянъ“.

Что такое болѣе широкое обладаніе славянской исторіей и этнографіей въ неразрывной связи со славянскимъ языкознаніемъ и наоборотъ фактически возможно и у одиночныхъ, конечно рѣдкихъ по своимъ дарованіямъ, ученыхъ, это намъ доказываетъ не только прошлое, но и настоящее славистики, которая гордится еще живыми такими же своими представителями. Спеціально Харьковскій университетъ можетъ изъ своей близкой прошлости указать на двѣ свои такія звѣзды славистики, которыя именно такъ широко понимали задачу славянскаго филолога и славянскаго историка, что взявъ ихъ вмѣстѣ въ ихъ научной и педагогической дѣятельности выходитъ полная цѣлостная славистика. Кто не догадывается что это Потебня и Дриновъ?.

Л. Г. Милетичъ.

II. Рѣчь профессора Софійскаго университета В. Н. Златарскаго.

Почитаемое собраніе! Въ сегоднешнемъ собраніи Историко-филологическаго общества, посвященномъ памяти моего наставника и руководителя, дорогого и незамѣнимаго Марина Степановича, я позволю себѣ вкратцѣ указать на мѣсто, какое занимаетъ онъ въ болгарской отечественной историографіи.

Наша, болгарская, отечественная историография въ своемъ развитіи распадается на три главныхъ періода. *Первый періодъ*—это періодъ ознакомленія съ прошлымъ болгарскаго народа и разглашенія того, что болгары имѣютъ, какъ и всѣ другіе народы, свою исторію. Это было время, когда каждый болгаринъ, кто имѣлъ возможность читать исторію вообще каждый, кто по своей начитанности и своему маломальски интелектуальному развитію искалъ подробнѣе познакомиться и съ прошлымъ своего народа, считалъ своимъ священнымъ долгомъ собрать все, что встрѣчается въ существовавшихъ въ то время исторіяхъ о болгарахъ, и оповѣстить его на народномъ болгарскомъ языкѣ для пробужденія національнаго чувства и самосознанія въ своихъ соотечественникахъ. Такого компилятивнаго характера всѣ извѣстныя до сихъ поръ рукописныя и печатанныя болгарскія исторіи второй половины XVIII и первой четверти XIX столѣтія. Во главѣ этого періода стоитъ великій нашъ возродитель и отецъ нашей исторіи о. Паисій Хилендарскій, а представителями его должны считать продолжателя о. Паисія, о. Спиридона іеросхимонаха съ конца XVIII столѣтія, Анастаса Нешкова (Московича) и всѣхъ такъ называемыхъ учениковъ-переписчиковъ и предѣлателей „Исторіи славяно-болгарской“ о Паисія начала XIX столѣтія.

Второй періодъ есть періодъ собиранія матеріала и разработки болгарской исторіи по первоисточникамъ. Это было время, когда каждый, кто имѣлъ извѣстную историческую подготовку и любознательность, а главное вѣру въ славное прошлое болгарскаго народа, считалъ себя подготовленнымъ собирать извѣстный въ то время суровый историческій матеріалъ и способнымъ изложить подробнѣе и серьезнѣе фактическую сторону болгарской исторіи. Такого характера почти всѣ историческіе труды, появившіеся въ промежуткѣ времени съ начала 20-хъ до конца 60-хъ

годовъ прошлаго столѣтія; говорю почти всѣ потому, что были и въ этомъ періодѣ попытки научной разработки болгарской исторіи, однако онѣ оказались не совсѣмъ удачными, а главное въ нихъ недоставало нужной исторической критики. Во главѣ этого періода стоитъ весьма рано почившій карпатороссъ Юрій Ивановичъ Венелинъ, какъ первый болгарскій историкъ въ настоящемъ смыслѣ слова, а представителями этого періода являются В. Априловъ, Георгій С. Раковскій, Спиридонъ Палаузовъ, Гавріилъ Кръстевичъ и другія молодыя въ то время болгарскія просвѣщенныя силы, которыя въ теченіи 50-хъ и 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія приняли прямое или косвенное участіе въ разработкѣ отечественной исторіи. Отличительными чертами трудовъ этого періода суть: слѣпая вѣра въ историческіе источники, отсутствіе всякой критики къ этимъ послѣднимъ и ограниченіе изученіемъ только фактической стороны болгарской политической исторіи.

Третій періодъ въ болгарской отечественной историографіи начинается съ конца 60-хъ годовъ XIX столѣтія. Это было время, когда изученія болгарской исторіи перешло въ руки спеціально подготовленныхъ лицъ, которыя обладали уже необходимымъ багажомъ, усвоили уже нужный историческій методъ и критику и принадлежали къ извѣстной исторической школѣ. Къ началу этого періода собственно относится настоящая всесторонняя научно-критическая разработка и культурно-историческое изложеніе болгарской исторіи. Основу этого новаго направленія въ нашей отечественной историографіи, нѣтъ сомнѣнія, положили молодыя, полныя самоотверженной энергіи ученыя силы, группировавшіяся въ началѣ 60-хъ годовъ около того ученаго центра, который сталъ для того времени разсадникомъ просвѣщенія болгарскаго народа и разработки отечественной исторіи и литературы—именно около основаннаго въ Браилѣ въ 1869 г. Болгарскаго Книжевнаго Дружества, создателемъ, душею и сердцемъ котораго былъ именно тотъ, память котораго мы сегодня здѣсь совершаемъ.

М. С. былъ именно тотъ, кто своими цѣнными истинно научными трудами и своимъ умѣлымъ и плодотворнымъ руководствомъ сталъ во главѣ новаго научно-критическаго направленія въ изученіи и изслѣдованіи нашей отечественной исторіи согласно требованіямъ современной исторической науки. Я не буду здѣсь перечислять его ученые труды въ области болгарской и южно-славянской исторіи, потому что они извѣстны всѣмъ здѣсь присутствующимъ; укажу только на то, что уже своимъ первымъ ученымъ трудомъ „Погледъ върхъ происхождань ето на българскій народъ и началато на българската исторія“ (Вѣна 1869) М. С. положилъ конецъ фантастическимъ объясненіямъ событій болгарской исторіи, такъ изобильно высказаннымъ представителями предшествовавшаго періода.

Ставши такимъ образомъ родоначальникомъ новаго направленія, новой школы въ нашей исторіографіи, М. С вмѣстѣ съ тѣмъ положилъ и твердую основу этой школы, выдвинувъ на первый планъ объективность и правдивость—выдающіяся качества всѣхъ его ученыхъ историческихъ трудовъ. Несмотря на то, что онъ выступилъ на ученое поприще въ эпоху, когда болгарскій народъ отстаивалъ свои историческія права какъ отдѣльная національность въ тогдашней Европейской Турціи. М. С. остается всетаки вѣрнымъ своимъ ученымъ качествамъ и былъ чуждымъ мелочному національному шовинизму, которому въ подобные моменты отчаянной борьбы обыкновенно подаются даже самыя сильныя натуры. Въ то время, когда его соотечественники ратовали на практическомъ поприщѣ, борясь съ дѣйствительностью для того, чтобы свергнуть духовное иго и добиться церковной самостоятельности и признанія болгарской національной обособленности, М. С. хотя и вдали отъ родины, теоретически и съ необходимыми историческими данными доказывалъ и доказалъ всѣ права болгаръ на церковную независимость и самобытное духовное развитіе, чѣмъ оказалъ нравственную поддержку своимъ соотечественникамъ и весьма много помогъ быстрому и правильному разрѣшенію такъ называемаго „болгарскаго церковнаго вопроса“. Въ этомъ случаѣ, нужно признать, М. С. направлялъ свою дѣятельность одновременно въ три различныхъ направленія, съ одной стороны онъ долженъ былъ удерживать своихъ соотечественниковъ отъ крайнихъ увлеченій въ великой борьбѣ съ константинопольской патріархіей, на что прямо указываетъ его прекрасная статья: „Страшни ли са за народностьта ни фанаріотитѣ и іезуитите“, написанная въ Женевѣ—1866 г., съ другой—учеными изслѣдованіями доказывать справедливость желаній и стремленій болгарскаго народа, выпустивъ на свѣтъ въ 1869 г. извѣстные его труды „Погледъ врхъ произхожденьето на болгарскій народъ и началото на блъгарската исторія“ и „Исторически прегледъ на блъгарската цьрква отъ самото и начало и до днесъ“, и съ третьей стороны освѣтлять русское общество и даже убѣждать нѣкоторыхъ русскихъ государственныхъ мужей въ правоту болгарской каузы въ ст. „Болгаре и константинопольская патріархія“ (жур. „Бесѣда“, за 1871 г.). Вотъ-тутъто еще показался великій умъ М. С....

Такими же качествами—объективностью и правдивостью отличаются и всѣ труды М. С., направленные въ защиту болгарской правды по македонскому вопросу, которымъ онъ чрезвычайно много интересовался и и слѣдилъ съ большимъ вниманіемъ за его развитіемъ. Но М. С. не могъ видѣть зажившею этой глубокой раны болгарскаго народа; однако и на нее онъ положилъ первыя радикальныя лѣкарства, указавъ на то, что и этотъ вопросъ, какъ и болгарскій церковный вопросъ, будетъ справедливо

разрѣшенъ не европейскими политиками, а самимъ македонскимъ населеніемъ, поддержаннымъ объективными и правдивыми изслѣдованіями исторической науки въ томъ широкомъ смыслѣ, какъ ее понималъ самъ М. С., т. е. въ связи съ филологіей и этнографіей..

Наконецъ укажу еще на одну основную черту, введенную М. С. въ болгарскую отечественную историографію. Обладая обширными познаніями по исторіи, этнографіи и этнологіи южныхъ славянъ и ихъ взаимнымъ отношеніямъ, М С. своими трудами показалъ, что исторія болгарскаго народа можетъ быть правильно понятою и вѣрно объясненною только тогда, когда будутъ изучать ее и изслѣдовать въ связи съ исторіей другихъ южныхъ славянъ; только при такой постановкѣ отечественной исторіи можно будетъ опредѣлить и обосновать тѣ внутреннія, органическія культурно-историческія связи между южными славянами, на которыхъ бы могло возникнуть то желанное общеніе и единеніе между ними, на культурной и экономической почвѣ, въ которомъ и заключается сила южныхъ славянъ, и поклонникомъ и ратникомъ котораго былъ самъ М. С.

Такъ вотъ, почитаемое собраніе, какой незыблемый памятникъ воздвигъ, не подозрѣвая того, самъ себѣ М. С. въ болгарской отечественной историографіи Этотъ памятникъ тѣмъ еще дороже для насъ, что онъ восполняетъ въ извѣстной степени ту глубоко чувствуемую потерю, которую потерпѣли въ лицѣ дорогого М. С. болгарская исторія и всѣ работающіе въ ея области. Такъ пусть этотъ же самый памятникъ будетъ залогомъ той родственной связи между русской и болгарской наукой вообще и въ частности между Харьковскимъ и Софійскимъ университетами, которая представлялась до сихъ поръ нашимъ всѣми любимымъ и незабвеннымъ покойнымъ Мариномъ Степановичемъ Дриновымъ.

В. Н Златарскій.

III.

Рѣчь профессора М. Г. Халанскаго.

Маринъ Степановичъ Дриновъ,

какъ представитель каѳедры славяновѣдѣнія въ Харьковскомъ Императорскомъ Университетѣ.

Мм. Гг!

Славянскія изученія были организованы частично, правда, не въ полномъ своемъ объемѣ, въ Харьковскомъ университетѣ уже во второе десятилѣтіе его существованія, причемъ совершилось это motu proprio Историко-Филологическаго или по тогдашней терминологіи Словеснаго факультета, въ дополненіе къ оффиціально-утвержденной программѣ университетскихъ курсовъ. Университетъ нашъ въ этомъ случаѣ сдѣлалъ удачную попытку отвѣтить запросамъ и культурнымъ потребностямъ того огромнаго района, просвѣтительнымъ центромъ котораго онъ сталъ со времени открытія своей дѣятельности. Въ первую четверть своего существованія Харьковскій университетъ былъ просвѣтительнымъ центромъ всего юга Россіи, включая Нѣжинъ, Кіевъ, Екатеринославъ, Одессу, Ростовъ и сѣверный Кавказъ. Южно-славянская и польская стихіи, весьма замѣтныя въ этнографическомъ составѣ населенія Харьковскаго округа того времени, не замедлили отразиться на составѣ слушателей и преподавателей Харьковскаго университета. Самъ основатель или, говоря его собственными словами, главный виновникъ основанія Харьковскаго университета—Каразинъ, по весьма достовѣрному преданію, происходилъ изъ южно-славянскаго, болгарскаго рода. Среди первыхъ профессоровъ Харьковскаго университета было нѣсколько,—именно **семь**,—южныхъ славянъ—сербовъ (Стойковичъ, Дудровичъ, Филипповичъ, Терлаичъ, Павловичъ, Коритари, Милиновичъ). Позже въ 20-хъ 30-хъ годахъ въ Харьковѣ была представлена и польская стихія нѣсколькими профессорами, перешедшими сюда изъ Виленскаго университета (Данловичъ, Криницкій и Мицкевичъ). Неудивительно поэтому, что въ Харьковѣ возникъ и получилъ скорое осуществленіе планъ организаціи при университетѣ спеціальнаго курса по славяновѣдѣнію, именно курса польскаго языка и литературы. Иниціатива этого курса принадлежала извѣстному впослѣдствіи университетскому

и харьковскому общественному дѣятелю, профессору и малорусскому поэту Гулаку Артемовскому, бывшему тогда вольнослушателемъ нашего университета. Въ 1818 г. Гулакъ Артемовскій вошелъ въ Словесный факультетъ съ прошеніемъ о дозволеніи ему открыть въ университетѣ чтеніе по польскому языку. Мысль его была въ ф—тѣ и совѣтѣ сочувственно принята и въ слѣд. году была въ Харьк. университетѣ учреждена лектура польскаго—языка первая лектура въ программахъ курсовъ славяновѣдѣнія въ русскихъ университетахъ. Самъ Гулакъ-Артемовскій былъ утвержденъ и лекторомъ польскаго языка. Гулакъ-Артемовскій былъ популярнымъ профессоромъ и талантливымъ лекторомъ. Лекціи его по польскому языку, читавшіяся имъ въ теченіи десятилѣтія, пользовались успѣхомъ среди студентовъ. Онъ же преподавалъ и „Славянскій языкъ“ въ 1820 г Въ 1831-мъ году попечитель уч. округа Филатьевъ закрылъ эту лектуру своей властью. Въ уставъ русскихъ университетовъ 1835 года была оффиціально введена особая каѳедра „Исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій“. Вслѣдствіе насильственнаго перерыва занятій славяновѣдѣніемъ въ Словесномъ ф-тѣ Харьк. университета послѣдній оказался не въ состояніи тотъ часъ по введеніи новаго устава замѣстить каѳедру славяновѣдѣнія подходящимъ своимъ кандидатомъ. Пришлось исподоволь подготовлять такового. Только къ 1839-му году отыскался подходящій кандидатъ способный занять каѳедру славяновѣдѣнія,—это именно извѣстный столь впослѣдствіи И. И Срезневскій, и факультетъ возбудилъ ходатайство объ отправленіи Срезневскаго въ славянскія земли для практическаго знакомства съ славянскими языками. Послѣ двухлѣтняго пребыванія въ слав. земляхъ Срезневскій возвратился въ Харьковъ и съ осени 1842 г. началъ въ Х. университетѣ свои чтенія по славянской каѳедрѣ. Къ сожалѣнію Срезневскій недолго оставался въ Х. въ своей должности. Черезъ 5 лѣтъ, въ 1847 году, состоялся переводъ его на ту же каѳедру въ С-Петербур. Университетъ и Х. Унив. остался безъ преподавателя въ теченіи почти 5 лѣтъ. Осенью 1851 года былъ назначенъ на эту каѳедру окончивш. курсъ въ С-Петерб. Педагогич. институтѣ П. А. Лавровскій, занимавшій эту каѳедру въ теченіи 18-ти лѣтъ до 1869 г., т. е. до назначенія своего въ Варшаву на должность ректора университета

Послѣ отъѣзда Лавровскаго въ Варшаву каѳедра славяновѣдѣнія въ нашемъ университетѣ оставалась вакантной лѣтъ 5 или 4. Временное преподаваніе по вакантной каѳедрѣ было поручено проф. В. И. Шерцлю. Между тѣмъ ф-ть употреблялъ усилія для привлеченія въ Харьковъ спеціалиста по славяновѣдѣнію. Усилія пришлось ф-ту дѣлать значительныя, долго остававшіяся безплодными. Условія для замѣщенія каѳедры тогда—60-ые, 70-ые годы—были очень тяжелыя. Реакція предыдущаго періода

подорвала притокъ свѣжихъ научныхъ силъ въ университетъ и правильную научную работу. Кандидатовъ на профессорскія должности было въ университетахъ мало, ихъ приходилось розыскивать, привлекать выгодными для нихъ обѣщаніями и т. д. и т. п.: но и въ случаѣ нахожденія кандидата и полученія отъ него предварительнаго согласія на переходъ въ Харьк. слѣдовали мытарства съ выборами и утвержденіями, въ которыхъ иногда невѣдомыя силы брали перевѣсъ надъ прямыми выгодами и существенными потребностями факультетскаго преподаванія. Все это особенно ярко высказалось въ теченіе времени, послѣдовавшемъ за отъѣздомъ И. Лавровскаго въ Варшаву и переходомъ въ Харьковъ М. С. Дринова. 11-го августа 1869 г. ф-тъ объявилъ конкурсъ на вакантную каѳедру славяновѣдѣнія; но вмѣстѣ съ тѣмъ, не ожидая успѣха отъ объявленнаго конкурса, предвидя его неуспѣхъ, ф-тъ поручилъ декану войти въ предварительныя сношенія съ Макушевымъ, жившимъ тогда въ Неаполѣ, по вопросу о возможности предоставленія ему вакантной каѳедры, при чемъ ф-тъ выражалъ желаніе ждать почти $1^1/_2$ года окончанія его ученыхъ разысканій и работъ въ итальянскихъ архивахъ. Возникшіе переговоры, ведшіеся съ Макушевымъ черезъ декана ф-та Н. А. Лавровскаго, привели къ соглашенію. Макушевъ согласился на переходъ въ Харьковъ, и 2-го мая 1871 года состоялось единогласное избраніе Макушева въ факультетѣ на должность штатнаго доцента по славянскимъ нарѣчіямъ. Но въ совѣтѣ это избраніе встрѣтило протестъ со стороны проф. Шимкова, указавшаго на нарушеніе одной формальности въ этомъ дѣлѣ, именно той, что Макушевъ еще не прочелъ ни одной пробной лекціи въ университетѣ, тогда какъ по буквѣ устава непремѣнно требовалось прочтеніе двухъ пробныхъ лекцій. Протестъ Шимкова, поддержанный въ совѣтѣ, затормозилъ дѣло Макушева въ Харьковѣ. Между тѣмъ Макушевъ получилъ болѣе выгодное для него аналогичное приглашеніе въ Варшавскій университетъ, принялъ это послѣднее и прислалъ въ Харьковскій университетъ отказъ отъ прежняго своего намѣренія „по причинамъ чисто личнымъ“. Въ засѣданіи ф-та 6 сентября 1871 г. были заслушаны два письма приватъ-доцента С.-Петербургскаго университета, магистра сравнительного языкознанія Бодуэна де Куртенэ, въ которыхъ онъ выражалъ желаніе занять въ Харьковѣ мѣсто доцента или по сравнительному языкознанію или *по славянскимъ нарѣчіямъ*. Ф-тъ по выслушаніи доклада проф. Шерцля о научныхъ трудахъ Бодуэна избралъ его въ доценты по сравнительному языкознанію, повидимому, имѣя намѣреніе раздѣлить преподаваніе славянскихъ нарѣчій между Бодуэномъ и Шерцлемъ, который по порученію факультета уже велъ преподаваніе по вакантной каѳедрѣ. Но въ совѣтѣ, по неизвѣстнымъ мо-

тивамъ, Бодуэнъ не получилъ нужнаго большинства (голосовъ при балло-тировкѣ 22 неизбират. при 10 избират.) и такимъ образомъ кандидатура извѣстнаго теперь въ ученомъ мірѣ лингвиста, основателя т. н. казанской школы русскихъ филологовъ у насъ не осуществилась. Въ томъ же 1871 г. факультетъ при посредствѣ одного изъ своихъ членовъ, именно А. С. Лебедева, завелъ сношенія съ кандидатомъ Московскаго университета М. С. Дриновымъ, поселившимся тогда въ Москвѣ, послѣ заграничнаго путешествія съ ученой цѣлью, и готовившимъ свою магистерскую диссертацію. Въ засѣданіи 19 мая 1871 г. было доложено письмо М. С. Дринова, въ которомъ онъ выражалъ полную готовность принять предложеніе ф-та относительно занятія каѳедры славянскихъ нарѣчій, если бы таковое состоялось, при чемъ Дриновъ увѣдомлялъ, что его магистерская диссертація будетъ напечатана въ теченіе будущей зимы. Ф-тъ постановилъ „имѣть въ виду кандидата Дринова при имѣющемъ быть въ будущемъ учебномъ году обсужденіи вопроса о замѣщеніи каѳедры славянскихъ нарѣчій". Въ засѣданіи ф-та 10 сентября 1871 г. было доложено новое письмо кандидата Дринова, въ которомъ онъ выражалъ надежду занять каѳедру славянскихъ нарѣчій въ Харьковскомъ университетѣ и раньше весны 1872 г. Однако это намѣреніе М. С. Дринова не осуществилось, и ф-тъ на $18\frac{72}{73}$ годъ опять поручилъ преподавать по славянскимъ нарѣчіямъ проф. Шерцлю. Въ засѣданіи 4 сентября 1872 г. ф-тъ постановилъ ходатайствовать о назначеніи Дринову денежнаго пособія въ размѣрѣ 350 р. для напечатанія имъ магистерской диссертаціи, такъ какъ Дриновъ, принявшись за печатаніе диссертаціи, вынужденъ отказаться отъ своихъ занятій, дающихъ ему доходы и средства для жизни въ Москвѣ. (М. С. въ то время состоялъ домашнимъ учителемъ въ семействѣ кн. Голицына). Въ случаѣ отклоненія этого ходатайства ф-тъ просилъ объ опредѣленіи Дринова штатнымъ стипендіатомъ для приготовленія къ профессорскому званію съ оставленіемъ на полгода въ Москвѣ для занятій въ тамошнихъ архивахъ. Совѣтъ университета принялъ послѣднее предложеніе. Ф-тъ въ засѣданіи 28 сентября 1872 г. на основаніи § 10 правилъ о стипендіатахъ поручилъ стипендіата Дринова, наблюденію историко-филологическаго ф-та Московскаго университета и особому руководству проф. Буслаева. Къ веснѣ 1873 г. М. С. Дриновъ закончилъ свои срочныя занятія въ Москвѣ и приготовился къ занятію преподавательскаго мѣста въ Харьк. университетѣ. Въ засѣд. 2 мая 1873 г. ф-тъ, выслушавъ докладъ Потебни объ ученыхъ трудахъ Дринова, единогласно избралъ его въ штатные доценты по каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій. „Передъ нами три сочиненія г. Дринова, докладывалъ ф—ту Потебня": 1-е. Взглядъ на происхожденіе болгарскаго народа и на начало Болгарской исторіи. Вѣна 1869

VIII. 100. 2-е. Обзоръ исторіи Болгарской церкви отъ ея начала до нынѣ. Вѣна 1869. VIII 186. 3-ье. Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами М. 1873. 174. (Въ чтеніяхъ Императорск. Общ. Исторіи и древности при Моск. У-тѣ). Первыя два сочиненія написаны по болгарски и имѣютъ въ виду, по крайней мѣрѣ отчасти, цѣли практическія. Вслѣдствіе тяжелыхъ обстоятельствъ Болгарскій народъ „увидѣлъ себя какъ бы отрѣзаннымъ отъ свѣта, сиротою между другими народами, безъ прошедшаго, безъ исторіи, безъ предковъ, По этому одно чувство должно было обнять душу болгарина „самоуничтоженіе, рѣшительно препятствующее самостоятельному развитію болгаръ“ и мѣшающее имъ пользоваться болѣе благопріятными условіями жизни Этому чувству думалъ противодѣйствовать г. Дриновъ изданіемъ время отъ времени для своихъ соотечественниковъ сочиненій, относящихся до ихъ исторіи. Третье сочиненіе г. Дринова есть его магистерская диссертація, одобреная И.-ф-мъ ф—мъ Моск университета, написанная по русски и показывающая въ авторѣ совершенное знакомство съ русскимъ литературнымъ языкомъ. Здѣсь г Дриновъ не находитъ нужнымъ высказывать истинныя побужденія, заставившія его выбрать тотъ, а не другой предметъ, и не безъ основанія, такъ какъ для него вполнѣ достаточно того, что сочиненіе его трактуетъ о весьма важныхъ вопросахъ первыхъ вѣковъ (до VII в. по Р Хр) исторіи Славянъ. Всѣ три сочиненія особенно послѣднее наиболѣе зрѣлое обнаруживаютъ въ авторѣ основательное знакомство съ обширнымъ кругомъ источниковъ на греческомъ и латинскомъ и съ ученою литературою предмета на нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ, итальянскомъ, не говоря уже о славянскихъ языкахъ. По характеру содержанія, хотя не по объему, оно подходитъ къ Славянскимъ древностямъ Шафарина, отъ взглядовъ его авторъ впрочемъ во многомъ отклоняется. „Находя диссертацію г. Дринова —весьма содержательной, присоединяясь къ той оцѣнкѣ этого послѣдняго труда, какая сдѣлана И.-ф-мъ ф-мъ Московскаго Университета Потебня присоединивъ только со своей стороны нѣсколько возраженій по поводу нѣкоторыхъ этимологическихъ сближеній Дринова въ области собственныхъ именъ, оговорившись, однако, что сдѣланными замѣчаніями онъ не хотѣлъ умалить общаго достоинства сочиненій г. Дринова Въ засѣд. ф-та 25 Мая 1873 года М. С. Дриновъ, одновременно съ А. И. Кирпичниковымъ, прочелъ свою первую пробную лекцію на тему, избранную имъ самимъ -„Критическій разборъ сказанія Константина Багрянороднаго о водвореніи Славянъ на Балканскомъ полуостровѣ“. 26-го Мая имъ была прочитана вторая лекція на тему предложенную ф-мъ „О родинѣ древне-славянскаго языка“. Обѣ лекціи были признаны удовлетворительными какъ по содержанію, такъ и по изложенію, и такимъ образомъ

Маринъ Степановичъ Дриновъ одновременно съ А. И. Кирпичниковымъ вступилъ въ число преподавателей Х. университета. На 1873-74 г М. С. Дриновъ объявилъ для чтенія своего „Общій курсъ славяновѣдѣнія".

Въ слѣдующемъ году М. С. Дриновъ съ разрѣшенія ф-та получилъ заграничную командировку на одинъ годъ и лѣтнее каникулярное время, съ 1-го Мая 1874 г. по 1-ое Сент. 1875 г. Отчетъ Дринова о занятіяхъ его въ заграничной командировкѣ былъ занесенъ въ ф-тъ въ Мартѣ 1876 г Въ 1876-мъ году проф. М С. Дриновъ былъ командированъ по Высочайшему повелѣнію въ Болгарію, гдѣ принялъ дѣятельнѣйшее участіе въ устройствѣ дѣла просвѣщенія въ княжествѣ, упорядоченіи церковныхъ дѣлъ и организаціи конституціи. Выполнивъ съ честью свою высокую миссію, М. С. Дриновъ возвратился въ Харьк университетъ, и съ 1879-80 г. приступилъ къ исполненію своихъ прерванныхъ событіями занятій по преподаванію слав. литературъ, нарѣчій и слав. исторіи на историко-филолог. факульт. Съ этого времени и до своей смерти М. С. прожилъ въ Харьковѣ, рѣдко оставляя его и то лишь на короткое время. Обширныя связи и личныя знакомства съ выдающимися дѣятелями славянскаго міра, живое общеніе съ многими учеными обществами и академіями славянскими и собственная богатая библіотека дали возможность М. С Дринову обставить болѣе удобно, чѣмъ это можно было сдѣлать его предшественникамъ, свою преподавательскую и ученую дѣятельность въ Харьковѣ. Курсы М. С относились къ исторіи славянъ отдѣльнымъ славянскимъ нарѣчіямъ и церковно-славянскому языку. Отношенія его къ студентамъ отличались удивительной простотой, естественностью и искренностью. Лекціи его носили характеръ простой, непринужденной бесѣды о серьезныхъ и иногда случайныхъ темахъ. Къ предмету лекціи М. С. подходилъ прямо, вводя сразу слушателей in medias res; изложеніе М. С. отличались краткостью, простотой и ясностью. При этомъ никакой позировки, ссылки на собственный авторитетъ, никакой маніи величія: одно добросовѣстное и открытое изслѣдованіе истины, строгій анализъ факта, разборъ и критика чужого мнѣнія при полномъ уваженіи къ личности критикуемаго автора. Часто у Дринова изложеніе лекцій получало сократическій характеръ: профессоръ спрашивалъ, студенты отвѣчали; въ томъ случаѣ если слушатели оказывались не въ состояніи дать прямой отвѣтъ на вопросъ, проф. наводящими вопросами подводилъ ихъ къ рѣшенію; неудачные или наивные студенческіе отвѣты вызывали только добродушный смѣхъ профессора, оживляя аудиторію; это добродушіе въ отношеніяхъ къ студенческому малознанію сглаживало всяческія возможныя шероховатости, не оставляя чувства обиды въ душахъ слушателей. Врожденная деликатность, тонкій психологическій и педагогическій тактъ

и снаровка жизненная, сказывавшіеся въ умѣньи цѣнить лучшія стремленія въ молодежи, при глубокихъ познаніяхъ, очаровывали студентовъ. Но доброта и снисхожденіе къ человѣческимъ и студенческимъ слабостямъ не заставляли М. С-ча отступать передъ тѣмъ, что онъ считалъ существеннымъ для университетскаго слушателя, передъ идеаломъ достиженія извѣстной степени познанія. М. С. умѣлъ быть требовательнымъ, незнаніе, а пуще невѣжество онъ нестѣснялся называть своимъ именемъ прямо въ глаза; но онъ дѣлать это въ формѣ, не раздражавшей самолюбія. Кромѣ того, онъ зналъ и чутьемъ знатока угадывалъ, гдѣ и когда нужно и можно быть снисходительнымъ и студенты не злоупотребляли его добротой, привязывались сердцемъ и всей душой къ профессору, питая чувства благоговѣнія къ его личности.

Съ прогрессивнымъ ростомъ ученаго и нравственнаго авторитета М. С-ча скромный домикъ его на Холодной горѣ становится центромъ, откуда свѣтъ знанія распространяется на весь славянскій міръ. За совѣтомъ, указаніями и руководствомъ къ холодногорскому слависту обращаются не только студенты, но и зрѣлые ученые. Его руководству поручаютъ университеты готовящихся къ ученой дѣятельности молодыхъ людей. На судъ его академія наукъ передаетъ ученые труды, представляемые для полученія премій. Его небольшія журнальныя статьи историческаго или этнографическаго содержанія вызываютъ не только вниманіе, но волненіе и даже бурю среди его соотечественниковъ и ихъ сосѣдей. Оставаясь вѣрнымъ идеаламъ своей молодости, Дриновъ упорно работаетъ въ научной сферѣ надъ коренными вопросами исторіи, языка и этнографіи Болгаръ, отъ рѣшенія которыхъ зависѣлъ какъ ростъ ихъ общественнаго самосознанія, такъ и направленіе цѣлой государственной жизни.

Таже деликатность характера, доброта и мягкость натуры въ соединеніи съ глубокими научными познаніями и воспитаннымъ уваженіемъ къ человѣческой личности отличали М. С-ча въ его отношеніяхъ къ его товарищамъ—профессорамъ и снискали ему среди нихъ глубочайшее уваженіе. Его знаніе жизни и людей, его тактъ, пріобрѣтенный въ годы борьбы, героической борьбы за права Болгаріи занять равное мѣсто среди духовно-свободныхъ славянскихъ народовъ и политически свободныхъ народовъ Европы, его умѣнье разобраться въ сложныхъ жизненныхъ столкновеніяхъ обезпечивали ему успѣхъ роли миротворца. Умѣло и кстати сказанное слово, правдивое указаніе на аналогичный случай изъ прошлаго, простой и ясный взглядъ на настоящее помогали М. С. разрѣшить къ общему удовольствію такія столкновенія и недоразумѣнія, которыя грозили большими осложненіями и непріятностями въ будущемъ. Ко всѣмъ указаннымъ достоинствамъ ума и сердца М. С., обезпечившимъ ему право на глубо-

чайшее уваженіе лицъ съ нимъ соприкасавшихся нужно присоединить то, что онъ былъ совершенно чуждъ искательства, тщеславія и честолюбія. Ученая дѣятельность, кабинетная дѣятельность профессора были и остались его единственнымъ идеаломъ жизни. Все его честолюбіе заключалось въ стремленіи къ истинѣ, добросовѣстномъ исканіи ея и въ счастіи достиженія новаго знанія. Можетъ быть въ этомъ складѣ его личныхъ стремленій и жизненныхъ идеаловъ сказалось и вліяніе его учителя Буслаева, тоже полагавшаго званіе и положеніе профессора самымъ для себя высшимъ и почетнымъ и упорно отказывавшагося отъ всякихъ предложеній на административныя должности. Сближаетъ М. С. съ Буслаевымъ и одинаковой способъ сообщенія знаній и характеръ обладанія познаніями. Знаніе М. С., какъ и знаніе Буслаева, было привлекающимъ, радушнымъ.

Цѣня выше всего научные интересы, а главное вслѣдствіе своей скромности, М. С о своемъ блестящемъ участіи въ политической жизни родины своей говорилъ только съ близкими друзьями, оттого для многихъ его коллегъ существенные факты его практической дѣятельности въ Болгаріи, стяжавшіе ему славу народнаго героя въ родной странѣ, являлись какой то загадочной сказкой и даже курьезомъ изъ жизни русскаго профессора „Наукой въ случаѣ“ назвалъ Безсоновъ командировку Дринова въ Болгарію въ своей вступительной рѣчи, произнесенной въ харьковскомъ университетѣ при вступленіи на должность профессора. Не скрытность характера и не космополитизмъ убѣжденій руководили Дриновымъ въ этомъ т. е. замалчиваніи своихъ работъ на благо родины, а величайшая скромность, покоющаяся на инстинктивномъ подчиненіи народной славянской этикѣ, предписывающей таить въ себѣ свои лучшія чувства и не выставлять ихъ на показъ. На самомъ дѣлѣ Дриновъ жилъ умственными, моральными и эмоціонными интересами своей родины. Это былъ несомнѣнно великій дѣятель въ исторіи болгарскаго освободительнаго движенія, до конца жизни, до послѣдняго издыханія оставшійся вѣрнымъ завѣту своихъ молодыхъ дней—разъяснить болгарамъ ихъ родство съ другими народами, раскрыть имъ ихъ историческія судьбы, просвѣтить народъ и поднять ихъ самосознаніе. И онъ былъ счастливъ видѣть въ жизни осуществленіе этихъ идеаловъ. Совершившееся освобожденіе Болгаріи и могучій ростъ культуры ея наполняли его душу чувствомъ удовлетворенія и сознанія исполненнаго долга Трогательное признаніе его заслугъ его соотечественниками до глубины души потрясало и умоляло его. И вотъ что замѣчательно для психологіи этого человѣка! Всѣ выраженія восторженной благодарности его соотечественниковъ только увеличивали его скромность и дѣлали его какъ будто болѣе робкимъ и застѣн-

чивымъ Но съ другой стороны они вызывали въ его душѣ отвѣтныя взаимныя эмоціи. стремившіяся обнаружиться въ обязательныхъ формахъ и вылившіяся въ послѣдніе часы его жизни въ трогательный, трагическій по невозможности осуществить его, порывъ на родину, въ Болгарію. Умирающій, въ полубреду М С-чъ произносилъ незабвенное имя родины, чертилъ слабой рукой направленія дороги въ родную страну и отлетающимъ духомъ стремился туда.

Будучи патріотомъ своего отечества М. С. любилъ и Россію М С сохранилъ то чувство любви и вѣры въ Русь и русскій народъ съ которыми онъ юношей 50 лѣтъ назадъ ѣхалъ на Русь, оставивъ свое родное Панагюрище Онъ радовался радостями русскаго народа и глубоко скорбѣлъ о несчастьяхъ его. Печальныя событія послѣднихъ лѣтъ, въ особенности дальне-восточная война вызывала въ немъ глубокія скорбныя чувства. М С негодовалъ на самомнѣніе и самодовольное невѣжество дипломатіи нашей, навязывающей народу совершенно чуждыя его интересамъ проблемы и уклоняющей его жизнь отъ рѣшенія болѣе близкихъ, надежныхъ и болѣе легкихъ для исполненія задачъ Онъ раздѣлялъ мнѣнія тѣхъ, которыя видятъ въ дальне-восточной политикѣ Россіи результатъ вліянія и совѣтовъ нѣмецкаго нашего сосѣда.

Не могу не прибавить къ указаннымъ мной чертамъ душевнаго склада М. С-ча его глубокой религіозности. Вмѣстѣ со своими сосѣдями холодногорскими обывателями М. С-чъ встрѣчалъ и провожалъ переносимый образъ Куряжской иконы Божіей Матери и при видѣ образа съ трогательно глубокимъ чувствомъ обнажалъ голову, крестился и произносилъ: „Матушка Царица небесная!“

Прости, дорогой учитель и другъ, если я погрѣшилъ въ чемъ либо въ своей попыткѣ начертать твой образъ. Прошу извиненія и у Васъ, уважаемые слушатели, за мой блѣдный очеркъ. Слишкомъ сложна и содержательна личность почившаго для того, чтобы можно было за то краткое время, которымъ я располагалъ, удовлетворительно ее обрисовать. Портреты такихъ дѣятелей, какимъ былъ М. С., пишутся годами и рисуются на скрижаляхъ исторіи. Если согласиться съ граф. Л. Н. Толстымъ что „гдѣ нѣтъ простоты, добра и правды, тамъ нѣтъ величія“, то присутствіе этихъ чертъ въ личности незабвеннаго М. С-ча приближаетъ его къ начертанному у великимъ писателемъ земли русской идеалу истиннаго величія.

М. Г. Халанскій.

IV

Рѣчь профессора С. М. Кульбакина.

Памяти

Марина Степановича Дринова,

какъ ученаго.

Мм. Гг. и Мм. Гг!

Передъ свѣжей могилой, объединившей въ общемъ чувствѣ горести представителей двухъ братскихъ народовъ, трудно дать сколько-нибудь обстоятельную и вдумчивую характеристику научной дѣятельности, обнимающей четыре десятилѣтія.

Трудно въ нѣсколько дней разобраться въ научномъ наслѣдіи, которое намъ оставилъ М. С., сгруппировать всѣ тѣ результаты, которые добыты его изслѣдованіями, опредѣлить характерныя черты его научной дѣятельности и его таланта, выяснить всѣ его заслуги предъ словянской наукой и словянскимъ просвѣщеніемъ.

Выполненіе этой сложной задачи представляется намъ дѣломъ будущаго, дѣломъ—въ одинаковой мѣрѣ болгарской и русской науки.

Мы же, желая почтить память покойнаго ученаго настоящимъ словомъ, попытаемся лишь бросить общій историческій взглядъ на его 40-лѣтнюю научную дѣятельность; въ предѣлахъ времени, находящагося въ нашемъ распоряженіи, въ общихъ чертахъ познакомить съ его идеями, съ содержаніемъ нѣкоторыхъ его научныхъ работъ и ихъ значеніемъ.

Корни всей научной дѣятельности покойнаго М. С. кроются въ потребностяхъ болгарской жизни, въ ея историческихъ нуждахъ; предъ нами не только ученый, всю жизнь посвятившій изслѣдованію отвлеченныхъ вопросовъ науки, —предъ нами заслуженный дѣятель національнаго возрожденія своего народа.

---

*) Составленная въ теченіе нѣсколькихъ дней рѣчь эта, естественно, не можетъ претендовать на значеніе полнаго очерка и обдуманной оцѣнки научной дѣятельности покойнаго М. С. Тѣмъ не менѣе оставляемъ ее безъ измѣненій, какъ одинъ изъ моментовъ засѣданія, историческаго для Харьковскаго университета и для русско-болгарскихъ культурныхъ связей.

Бываютъ въ исторіи народовъ такіе моменты, когда кропотливое изученіе филологическихъ вопросовъ становится настоятельной потребностью живой дѣйствительности, получаетъ значеніе крупной заслуги предъ родиной.

Такой моментъ пережили чехи въ к. XVIII и началѣ XIX вѣка; такой моментъ наступилъ для Болгаріи во 2-й половинѣ прошлаго столѣтія, когда Маринъ Степановичъ выступалъ на поприще общественной и научно-литературной дѣятельности

Тяжкое турецкое иго, соединенное съ не менѣе тяжкимъ духовнымъ гнетомъ фанаріотскаго духовенства, еще висѣло надъ Болгаріей въ то время, когда М. С. начиналъ жить сознательной жизнью.

Тяжелый вопросъ объ освобожденіи отъ турецкаго ига, о политической независимости стоялъ рядомъ съ неменѣе тяжелымъ вопросомъ объ освобожденіи болгаръ отъ церковнаго и умственнаго ига византійскаго духовенства, которое все еще старалось убѣдить болгаръ, что болгарскаго народа нѣтъ, что есть греки говорящіе по какому-то прискорбному недоразумѣнію не на греческомъ, а на варварскомъ языкѣ.

Но заря возрожденія уже горѣла, національное самосознаніе пробуждалось; уже дѣйствовали десятки болгарскихъ школъ, работало нѣсколько болгарскихъ типографій, печатались и читались болгарскія книги; многіе молодые болгаре въ Парижѣ, Вѣнѣ, Прагѣ, Москвѣ заканчивали свое образованіе и изъ этихъ послѣднихъ славянскихъ культурныхъ центровъ изъ Праги, Москвы приносили домой идеи о славянствѣ и его культурныхъ и политическихъ задачахъ.

Въ числѣ такихъ молодыхъ людей былъ и М. С., слушавшій лекціи у профессоровъ Бодянскаго и Буслаева въ Москвѣ

Здѣсь, на лекціяхъ и въ частныхъ бесѣдахъ со старикомъ Бодянскимъ, горячимъ почитателемъ и другомъ знаменитаго автора „Словянскихъ Древностей“—чешскаго слависта Шафарика, подъ сильнымъ вліяніемъ идей и научныхъ трудовъ послѣдняго, складывались научные интересы и планы самостоятельной научной дѣятельности молодого болгарскаго студента.

Боевые вопросы болгарской жизни не могли не волновать талантливаго ученика Бодянскаго.

Вопросъ объ освобожденіи Болгаріи отъ духовнаго ига греческаго патріарха, вопросъ о созданіи національной болгарской церкви, какъ оплота національной культуры,—былъ жгучій вопросъ, котораго не могъ обойти ни одинъ сознательный болгаринъ. И мы видимъ, что статьей о злоупотребленіяхъ фанаріотскаго духовенства начинается въ 1866 г. литературная дѣятельность Марина Степановича.

Церковный вопросъ былъ рѣшенъ въ 1870 г фирманомъ султана въ благопріятномъ для болгаръ смыслѣ, а черезъ семь лѣтъ былъ рѣшенъ и другой вопросъ національной жизни Болгаръ—вопросъ о политической независимости.

Передъ освобожденной Болгаріей вставала задача ея политически—общественнаго устроенія на новыхъ счастливыхъ началахъ—свободы и законности,и М. С. не могъ не принять участія въ этомъ великомъ дѣлѣ устроенія освобожденной родины.

Въ это время онъ покидаетъ Харьковскую каѳедру и, въ качествѣ члена временнаго правительства и министра народнаго просвѣщенія, принимаетъ дѣятельное участіе въ выработкѣ болгарской конституціи, въ организаціи дѣла народнаго просвѣщенія своей родины. Но и литературная борьба по вопросу о независимой церкви, и организаторская дѣятельность не были главной задачей, задачей жизни покойнаго Предъ нимъ вставала иная и, мы можемъ сказать,—великая задача—хотя то: е задача жизни:—задача національнаго болгарскаго возрожденія; это—великая задача заложить основы отечественной науки, *той науки* на которой основывается *національное* самосознаніе, науки о тѣхъ явленіяхъ, которыя въ своей совокупности образуютъ главнымъ образомъ понятіе *народности*,—науки о языкѣ, обычаяхъ, твореніяхъ духа народнаго и прошлыхъ судьбахъ народа.

Этой грандіозной задачѣ, невыполнимой во всемъ ея объемѣ для одного лица, посвятилъ покойный всю свою жизнь, и вся его научная дѣятельность была *въ прямой органической связи* съ жизненными нуждами народа, съ важнѣйшими задачами болгарской жизни. Это-та великая роль, которую у чеховъ сыгралъ духовный учитель Марина Степановича, великій учитель всего словянства—Шафарикъ.

Вопросы историческіе, задача воскрешенія прошлаго своего народа занимали первое мѣсто въ научныхъ интересахъ покойнаго ученаго.

Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что и покойнаго Марина Степановича, какъ и родоначальника болгарскаго возрожденія, отца Паисія „снѣдала ревность и жалость къ своему болгарскому роду, что нѣтъ у него никакой исторіи о преславныхъ дѣяніяхъ древнихъ святыхъ и царей,“—ибо и послѣ паисіевской исторіи,—перваго толчка къ національному самосознанію болгаръ,—этой исторіи не было.

Уже въ 1869 одновременно появляются двѣ крупныхъ историческихъ работы Марина Степановича на болгарскомъ языкѣ: „О происхожденіи болгарскаго народа“ и „Обзоръ исторіи болгарской церкви“, въ которомъ

компетентная критика тогда же отмѣтила „основательность, безпристрастіе и добросовѣстное использованіе источниковъ и новѣйшихъ сочиненій“. (Период. Сп. 1872 кн 5 и 6, 253 с). Этотъ очеркъ исторіи болгарской церкви былъ первой попыткой, охватывавшей весь предметъ въ полномъ его объемѣ. Вслѣдъ за этими двумя крупными работами начинающаго историка появляется рядъ статей меньшаго объема на болгарскомъ же языкѣ по тѣмъ же вопросамъ древней исторіи болгаръ и исторіи болгарской церкви: въ 1870 г. въ „Периодич Спис.“ является рядъ писемъ о новыхъ источникахъ для болгарской исторіи, среди которыхъ наиболѣе интересно посвященное ватиканскому списку извѣстной Манассиной лѣтописи. Въ 1872 г въ томъ же болгарскомъ журналѣ напечатана была критическая статья по поводу болгарской исторіи Крьстьовича подъ заглавіемъ „Гунны-ли мы“. Въ 1873 г. М. С. издаетъ три грамоты императора Василія II, данныя болгарскому архіепископу Іоанну, сопровождая ихъ указаніями на ихъ историческое значеніе Къ тому же году относится статья: „Вопросъ о болгарской и сербской церкви предъ судомъ Лионскаго собора въ 1274 г “. Такимъ образомъ, къ 1873 году, когда М. С. занялъ словянскую каѳедру въ Харьковѣ, онъ уже успѣлъ заявить себя серьезнымъ ученымъ изслѣдователемъ Однако приведенныя работы меньшаго размѣра, явившіяся послѣ 1869 года, нисколько не исчерпываютъ ученой энергіи нашего историка: въ томъ же 1873 году, которымъ началась преподавательская дѣятельность въ Харьковскомъ университетѣ, явилась въ свѣтъ его довольно обширная магистерская диссертація. „Заселеніе Балканскаго полуострова словянами“, а чрезъ три года и докторская „Южные словяне и Византія въ X вѣкѣ“: обѣ книги были связаны по содержанію, и вторая была какъ бы продолженіемъ первой.

Къ этимъ годамъ научный талантъ Марк.а Степановича можетъ считаться уже вполнѣ сформировавшимся, и потому мы позволимъ себѣ нѣсколько остановиться на двухъ указанныхъ изслѣдованіяхъ.

Мы не знаемъ въ точности, въ какихъ именно рамкахъ рисовалась тогда М. С-чу его программа разработки болгарской исторіи; но мы видимъ, что онъ началъ осуществлять эту программу съ освѣщенія древнѣйшей исторіи Балканскаго полуострова, съ вопросовъ, которыми неизбѣжно должны быть заняты *начальныя* страницы болгарской исторіи, съ изысканій, которыя должны были бросить лучи свѣта на *колыбель* болгарскаго народа.

Темой первой своей диссертаціи М. С. примкнулъ непосредственно къ „Словянскимъ Древностямъ“ Шафарика; изъ взглядовъ знаменитаго чешскаго слависта долженъ былъ исходить авторъ въ основныхъ вопросахъ, разбиравшихся въ его книгѣ. Прибавимъ къ этому, что обаяніе геніаль-

наго чеха, его огромная эрудиція, его рѣдкій ученый тактъ дѣлали труднымъ путь, которымъ шелъ въ своихъ изслѣдованіяхъ М. С-чь.

И тѣмъ не менѣе на каждой страницѣ его книги видно самостоятельное научное изслѣдованіе, свободное отъ вліянія какихъ-бы то ни было авторитетовъ, основанное на кропотливомъ анализѣ источниковъ: съ каждой страницы смотритъ на насъ острый критическій умъ, для котораго анализъ привычная, излюбленная сфера.

Послѣдовательно, ясно излагается картина постепеннаго заселенія славянами Балканскаго полуострова. Первая глава ставитъ вопросъ: были ли тамъ славяне до Р. Х.—Устанавливается положеніе, что съ незапамятныхъ временъ Балканскій полуостровъ обитали 3 племенныхъ группы оракійская, иллирійская и македонско-эпиротская, разсматриваются колѣна, принадлежавшія этимъ группамъ, затѣмъ подвергаются критическому разбору мнѣнія Шафарика и нѣкоторыхъ другихъ изслѣдователей, что кромѣ указанныхъ трехъ племенныхъ группъ на Балканскомъ полуостровѣ въ древнѣйшую пору обитали и другія племена; устанавливаются древнѣйшіе факты въ исторіи полуострова—вторженіе кельтовъ, завоеваніе его римлянами, и это освѣщеніе древнѣйшей исторіи полуострова подготавливаетъ выводъ, что славяне *не были исконными* жителями на немъ.

Не довольствуясь этимъ, авторъ подвергаетъ критикѣ доказательства тѣхъ, кто считаетъ славянъ исконными жителями Балканскаго полуострова. Доказательства эти заключаются въ племенныхъ и мѣстныхъ названіяхъ, относящихся къ *древнѣйшей* географіи и этнографіи страны.

Авторъ соглашается, что нѣкоторыя изъ племенъ—славянскія, но указываетъ, что они упоминаются впервые у Прокопія, писателя VI вѣка, слѣдовательно не могутъ доказывать присутствія славянъ на полуостровѣ съ незапамятныхъ временъ. Но вотъ другая группа именъ, дѣйствительно древнихъ; однако имена эти могутъ быть пріурочены къ славянскому только съ большими натяжками; и если поражаетъ на первый взглядъ совпаденіе славянскихъ Струма, Места, Дебра съ древними Стримонъ, Нестосъ, Доберъ, то авторъ охлаждаетъ готовое возникнуть у изслѣдователя увлеченіе остроумнымъ указаніемъ, что „совпаденіе это весьма естественно объясняется простымъ осмысленіемъ славянами этихъ послѣднихъ, непонятныхъ для нихъ названій, осмысленіемъ, примѣры котораго весьма неватки въ славянскойгеографіи и этнографіи“....

Мы перестаемъ шагъ за шагомъ слѣдить за нитью разсужденій автора. Въ послѣднихъ главахъ авторъ доказываетъ, что славяне начали поселяться на Балканахъ въ концѣ II вѣка, что славянскіе поселенцы полуострова принадлежали къ разнымъ славянскимъ племенамъ, какъ восточной, такъ и западной вѣтви, причемъ отвергается извѣстное свидѣтель-

ство Константина Багрянороднаго о мирномъ пришествіи на полуостровъ сербо-хорватъ при императорѣ Ираклія.

Широкая и разносторонняя эрудиція отражается въ разсмотрѣнномъ изслѣдованіи нашего историка: онъ не только пользуется показаніями древнѣйшихъ источниковъ для своихъ историческихъ построеній, но онъ строитъ ихъ въ виду лингвистическихъ данныхъ,—въ виду цѣлой фонетической и морфологической системы болгарскаго, словинскаго и различныхъ нарѣчій сербскаго языка; онъ ссылается, наконецъ, на древнѣйшіе памятники болгарскаго языка, стремясь доказать, что разнообразіе звуковыхъ особенностей болгарскаго языка относится уже къ древнѣйшему времени, откуда и дѣлаетъ выводъ, что словянскіе переселенцы прибывали сюда не только съ сѣверо-востока, но и съ сѣверо-запада, изъ странъ, доставшихся въ удѣлъ паннонскимъ словянамъ, предкамъ *словинцевъ*. Со времени появленія только что охарактеризованной книги прошло 30 слишкомъ лѣтъ; и мы сейчасъ, быть можетъ, не со всѣмъ согласимся съ ней

Мы можемъ найти, напримѣръ, что нѣкоторые изъ лингвистическихъ признаковъ болгарскаго языка, на которые опирался въ своихъ выводахъ нашъ историкъ, являются спорадическими фактами, не имѣющими общаго значенія, что въ нѣкоторыхъ фактахъ, отмѣченныхъ имъ (какъ чеш. и болг. *небе* вм. *небо*)—мы имѣемъ дѣло со случайными, поздними морфологическими совпаденіями.

Намъ можетъ показаться сомнительнымъ отрицательное отношеніе автора ко взгляду на чакавское нарѣчіе, какъ на древнѣйшую ступень штокавскаго, неубѣдительнымъ стараніе его въ самомъ сербскомъ языкѣ найти діалектическіе элементы, чуждые ему и необъяснимые его историческимъ развитіемъ; мы лично не склонны въ нѣкоторыхъ звуковыхъ совпаденіяхъ болгарскаго съ польскимъ (ѣ-я) видѣть доказательство тѣхъ положеній, которыя строитъ на этомъ фактѣ нашъ авторъ; но должны отмѣтить, что въ самое послѣднее время одинъ изъ выдающихся болгарскихъ славистовъ обнаружилъ такую же склонность придавать реальное значеніе болгаро-польскому звуковому согласію (проф. Цоневъ).

Но все это—частности, съ которыми быть можетъ иногда согласился бы и авторъ.—Основное положеніе книги Марина Степановича о поселеніи на Балканскомъ полуостровѣ словянъ не ранѣе II вѣка, разрушеніе стараго взгляда объ исконности здѣсь словянъ—было во всякомъ случаѣ цѣннымъ результатомъ его изслѣдованія. И если въ послѣднее время наша наука въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ представителей обнаруживаетъ склонность пойти въ этомъ направленіи нѣсколько дальше, относитъ появленіе словянъ на Дунаѣ и за Дунаемъ къ болѣе позднему времени, то

это не значитъ еще, что взглядъ покойнаго Марина Степановича можетъ считаться устраненнымъ и тѣ, кто отдаетъ полную вѣру свидѣтельству Константина Багрянороднаго о мирномъ переселеніи сербо-хорватъ при Иракліи, не *рѣшаются отрицать* болѣе ранняго существованія словянъ на Балканскомъ полуостровѣ II если у Константина, подвергнутаго безпощадной критикѣ нашимъ авторомъ, нашлись защитники (проф. Флоринскій, проф. Гротъ), то защита эта убѣдила далеко не многихъ, и на той же скептической точкѣ зрѣнія въ отношеніи извѣстій Константина стоятъ многіе выдающіеся историки послѣдняго времени (напр. Пречекъ).

Докторская диссертація Марина Степановича, какъ мы замѣтили уже выше, является какъ-бы продолженіемъ магистерской исходя изъ тѣхъ же взглядовъ на постепенное заселеніе въ теченіе вѣковъ Балканскаго полуострова, изъ того же рѣшительно-отрицательнаго отношенія къ показаніямъ Константина Багрянороднаго, онъ даетъ здѣсь общій взглядъ на древнѣйшую исторію хорватъ, сербовъ и южно-далматинскихъ словянъ, и пользуясь неизслѣдованными еще письмами патріарха Николая Мистика, рисуетъ отношенія Болгаріи въ X вѣкѣ къ Византіи и инымъ ея сосѣдямъ. Здѣсь характеризуется положеніе Болгаріи въ первой четверти X вѣка, положеніе въ ту же пору иныхъ словянскихъ народностей Балканскаго полуострова, обрисовывается царствованіе Петра Симеоновича и богомильство, разсказывается о раздѣленіи болгарскаго царства, русско-византійской войнѣ и началѣ Самуиловой державы.

Мы бы хотѣли дольше остановиться и на этой работѣ, какъ и на нѣкоторыхъ иныхъ, болѣе позднихъ историческихъ работахъ покойнаго. Мы бы хотѣли отмѣтить цѣнныя указанія по цѣлому ряду вопросовъ, связанныхъ съ образованіемъ второго болгарскаго царства, указанія, сдѣланныя покойнымъ ученымъ въ его мастерскомъ разборѣ посвященной этому вопросу книги Успенскаго.

Мы бы хотѣли сказать нѣсколько словъ и объ его цѣнной статьѣ болѣе поздняго времени, посвященной анализу трудовъ—болгарскаго архіепископа Димитрія Хоматіана первой половины XIII вѣка, статьѣ, опредѣляющей значеніе этихъ трудовъ, какъ историческаго матеріала для исторіи Сербіи, Эпира и средней Албаніи. Но ограниченность времени, находящаяся въ нашемъ распоряженіи, заставляетъ насъ прервать нашу характеристику историческихъ работъ покойнаго слависта и обратиться къ другимъ областямъ его научныхъ интересовъ,—къ вопросамъ языкознанія, этнографіи, исторіи литературы.

Мы уже сказали, что задачи національной жизни болгаръ были исходнымъ пунктомъ научныхъ розысканій Марина Степановича, что стремленіе положить основу національному самосознанію заставило его взяться за перо уче-

наго—историка. Точно тѣ же мотивы лежали и въ основѣ его лингвистическихъ историко-литературныхъ и этнографическихъ работъ.

Къ 1870 году относится небольшая сравнительно статья Марина Степановича въ основанномъ имъ журналѣ болгарскаго литературнаго общества „Периодическо Списание“ подъ заглавіемъ „За новобългарската азбука“.

„Одною изъ главныхъ задачъ болгарскаго литературнаго Общества“, говоритъ въ началѣ ея авторъ, и должно быть изученіе болгарскаго языка, *самой главной нашей національной опоры*. Эту задачу возлагаетъ на общество, какъ важность этого предмета и его научный интересъ, такъ и желаніе этими трудами *помочь выработкѣ одного общаго литературнаго языка*, опирающагося на основы нашей народной рѣчи. Нѣтъ сомнѣнія, что отъ выработки единаго литературнаго языка—для всѣхъ болгарскихъ областей въ большой мѣрѣ *зависитъ утвержденіе нашей народности и успѣхъ нашего національнаго развитія.*“

Пока разныя болгарскія области не будутъ имѣть одного общаго органа, помощью котораго бы они могли воплощать высшую дѣятельность своего духа и обмѣниваться своими идеями, до тѣхъ поръ значеніе болгарской литературы будетъ ничтожно, до тѣхъ поръ и болгарскій міръ будетъ слабо сознавать свое національное единство, каковы бы ни были иныя основы для этого самосознанія. Каковы же должны быть средства для выработки общаго для всѣхъ болгарскихъ областей литературнаго языка? На этотъ вопросъ авторъ отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ:

„Для выработки единаго литературнаго языка не должно принимать искусственныхъ мѣръ, вродѣ ковки новыхъ словъ, новыхъ грамматическихъ формъ или синтаксическихъ оборотовъ. Нужно только откапывать и собирать богатства народнаго болгарскаго языка, въ лексическомъ или синтаксическомъ отношеніи, и выставлять ихъ на свѣтъ, чтобы каждый могъ ими воспользоваться. Другими словами, нужно издавать *какъ можно больше* народныхъ пѣсенъ, сказокъ, пословицъ, загадокъ, разумно собранныхъ и *правильно записанныхъ* по всѣмъ болгарскимъ областямъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нужно издавать и памятники *по исторіи болгарскаго* языка. Нужно дать въ своихъ изданіяхъ широкое мѣсто научнымъ изслѣдованіямъ *по болгарскому языку*, имѣющимъ цѣлью установить общіе законы, которыми руководится геній нашего языка.

Вотъ тѣ средства, которыя очистятъ широкій путь выработкѣ нашего литературнаго языка, который долженъ быть основанъ на народной рѣчи, проникнутъ и оживленъ ея духомъ.

Для образованія общаго литературнаго языка необходимо во 1-хъ, чтобы было принято одинаковое правописаніе, согласное съ духомъ и свой-

ствами языка, и во 2-хъ, чтобы были приняты одинакія слова, одинъ строй рѣчи. Послѣднее, т. е. принятіе однихъ словъ и одного строя рѣчи не представляетъ особенной трудности и должно совершиться само собою: несомнѣнно у насъ явятся писатели, которые при широтѣ и богатствѣ мысли, при великихъ творческихъ дарованіяхъ, будутъ обладать и тонкимъ вкусомъ. Эти писатели изъ богатствъ народнаго языка, *который мы соберемъ*, возьмутъ наилучшій матеріалъ для воплощенія своихъ идеи, создадутъ примѣры красоты, примѣры для подражанія, чѣмъ и водворятъ само собой одинаковыя, общія формы для одного, общаго письменнаго языка".

Что касается общаго литературнаго правописанія, то въ этомъ отношеніи авторъ предлагаетъ руководствоваться двумя принципами. 1) Если слово выговаривается одинаково во всѣхъ областяхъ болгарскихъ, то и писать его такъ, какъ выговаривается (напр „время"); 2) если же слово въ разныхъ нарѣчіяхъ выговаривается разно, то для установленія его правописанія должно обратиться къ древнимъ памятникамъ болгарскаго языка Руководясь этими двумя принципами, авторъ и даетъ въ разсматриваемой статьѣ систему болгарскаго литературнаго правописанія...

Таковы исходные пункты лингвистическихъ и этнографическихъ работъ покойнаго, такова широкая программа, начертанная имъ не только для себя, но и для всѣхъ послѣдующихъ дѣятелей на нивѣ болгарской филологической науки, въ силу историческихъ условій становившихся и дѣятелями національнаго возрожденія своего народа. Чтобы оцѣнить эту программу и то, что сдѣлалъ по выполненію ея самъ ея авторъ, должно принять во вниманіе общее состояніе въ то время, какъ словянскаго языкознанія, такъ въ частности и изученія болгарскаго языка.

Слависты, занимавшіеся языкомъ, интересовались главнымъ образомъ церковно-словянскими памятниками; древніе памятники живыхъ словянскихъ языковъ были еще мало изучены, а изслѣдованіе живыхъ говоровъ находилось въ зачаточномъ состояніи. Въ частности, по изслѣдованію болгарскаго языка было сдѣлано очень немного; кромѣ краткой грамматики Вука 1821 года, существовалъ рядъ школьныхъ, практическаго характера, грамматикъ болгарскаго языка, „ученіе о звукахъ болгарскаго языка" Миклошича, статья „о главныхъ вопросахъ языка новоболгарскаго" Безсонова, да рядъ отрывочныхъ среднеболгарскихъ текстовъ и замѣтокъ о нихъ Григоровича и Срезневскаго; что же касается болгарской діалектологіи, изученія фактовъ живыхъ говоровъ, то въ этой области *не было сдѣлано буквально ничего.*

При такомъ положеніи дѣла, получаетъ особенное значеніе появившаяся въ 1880 году небольшая статья Марина Степановича подъ заглавіемъ „Матеріалы для изученія новоболгарскаго языка": статья эта посвя-

щена вопросу о произношеніи праславянскихъ *о* носового и *ъ* въ новоболгарскихъ говорахъ и, несмотря на свой незначительный объемъ, обращаетъ на себя вниманіе тонкой наблюдательностью. Вся языковая область Болгаріи, всѣ болгарскіе говоры раздѣляются здѣсь по произношенію означенныхъ звуковъ на 4 большихъ группы, причемъ авторъ стремится возможно точнѣе опредѣлить и характеръ произношенія данныхъ звуковъ, и тѣ условія, благодаря которымъ это произношеніе измѣняется. Общая картина, набросанная здѣсь въ немногихъ, но вѣрныхъ штрихахъ, была позже дополнена со стороны нѣкоторыхъ деталей даровитымъ словинскимъ ученымъ Облакомъ, но значеніе статьи М. С-ча нисколько отъ этого не умалилось, и его работа послужила образцомъ для изслѣдователей болгарскихъ діалектовъ.

Далѣе изъ лингвистическихъ работъ покойнаго можемъ указать обширный разборъ болгарскаго Словаря Дювернуа, критическій отзывъ о болгарско-русскомъ словарѣ Герова и небольшую, но цѣнную рецензію на исторію болгарскаго языка львовскаго профессора Калины

Разборъ словаря Дювернуа начинается главой библіографическаго характера, трактующей объ изученіи болгарскаго языка главнымъ образомъ въ словарномъ отношеніи: здѣсь критикъ поражаетъ богатствомъ и точностью своихъ библіографическихъ свѣдѣній, далѣе, переходя къ самому словарю, онъ оцѣниваетъ выборъ авторомъ источниковъ, указываетъ неиспользованные имъ матеріалы, отмѣчаетъ рядъ общихъ недостатковъ словаря и длинный рядъ ошибокъ. Всѣ эти замѣчанія критика, какъ напр. замѣчанія объ удареніи, показываютъ, какъ внимательно слѣдилъ М. С. за выполненіемъ начертанной имъ въ 1870 г. программы по собиранію богатствъ народнаго болгарскаго языка, какимъ богатствомъ и точностью отличались его свѣдѣнія въ этой области.

Тѣми же достоинствами отличается и разборъ словаря Герова, и рецензія на трудъ Калины, гдѣ между прочимъ историкъ соединяется съ лингвистомъ въ рѣшеніи такихъ вопросовъ, какъ общій вопросъ о зависимомъ или независимомъ историческомъ развитіи болгарскаго языка; здѣсь М. С. указываетъ Калинѣ на романизацію Балканскаго полуострова въ моментъ переселенія на него словянъ и на романскіе элементы въ болгарской лексикѣ и болгарскомъ синтаксисѣ. Всюду—свѣжесть мысли, всюду факты, почерпнутые изъ самостоятельнаго наблюденія, изъ непосредственнаго знакомства съ живымъ болгарскимъ языкомъ и его памятниками.... И еще одна черта невольно бросается въ глаза при чтеніи этихъ критическихъ разборовъ: строгое безпристрастіе, отсутствіе мелочности, снисходительное отношеніе къ такимъ порою недосмотрамъ, которые въ иномъ критикѣ вызвали бы, пожалуй, ѣдкую насмѣшку или рѣзкій укоръ.. .

Мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ объ этнографическихъ и историко-литературныхъ работахъ М. С-ча. Еще въ 1876 г. М. С. во исполненіе программы, начертанной имъ въ 1870 г., издалъ рядъ болгарскихъ народныхъ пѣсенъ въ произношеніи нѣсколькихъ говоровъ: говора Панагюрища, дебрскаго, костурскаго и мало-терновскаго.

Къ 1888 году относится его обстоятельная статья, посвященная языку, народнымъ пѣснямъ и обычаямъ дебрскихъ славянъ, вызванная сборникомъ пѣсенъ Ястребова и его стремленіями доказать, что дебряне, равно какъ и жители всей остальной Македоніи,—сербы.

Это, несомнѣнно тенденціозное и неосновательное утвержденіе Ястребова, поддержанное нѣкоторыми благожелательными рецензентами его сборника, какъ Никольскій, нашло въ М. С-чѣ серьезнаго, но вмѣстѣ и спокойнаго критика, который безъ всякаго труда доказалъ, что ни въ языкѣ дебрянъ, ни въ ихъ обычаяхъ, ни въ ихъ пѣсняхъ нѣтъ ничего специфически сербскаго..

Уже типично-болгарскія черты фонетики дебрскаго говора, равно какъ и типично-болгарская утрата склоненія не оставляютъ сомнѣнія, что мы имѣемъ дѣло съ болгарскимъ, по своему происхожденію, населеніемъ. При этомъ М. С-чъ отмѣчаетъ мимоходомъ тѣ оттѣнки мѣстнаго говора, которые остались необозначенными въ пѣсняхъ, изданныхъ Ястребовымъ.

Затѣмъ авторъ статьи обращается къ обычаямъ дебрянъ, какъ обычай—праздникъ такъ называемой «славы», святочные и свадебные обряды, которые по мнѣнію Ястребова доказывали сербскую національность дебрянъ, и показываетъ, что всѣ эти обычаи и обряды столь-же хорошо извѣстны жителямъ разныхъ мѣстностей Болгаріи, какъ и сербамъ. Точно также рядъ дебрскихъ пѣсенъ, которыя нѣкоторые рецензенты сборника Ястребова объявили за новыя, дотолѣ неизвѣстныя, какъ показываетъ М. С., всѣ до одной извѣстны въ болгарскихъ варіантахъ. Очень часто при этомъ М. С. пользуется собственными наблюденіями этнографическаго характера и собственными записями пѣсеннаго матеріала.....

Къ тому же македонскому вопросу, имѣющему столь жизненное значеніе для Болгаріи, относится статья покойнаго въ извѣстномъ сборникѣ Офейкова «La Macédoine», разсматривающая вопросъ, были-ли сербы *до XIII в.* колонистами или туземцами въ Македоніи, и какъ назывались жившіе въ Македоніи словяне до этого времени. Нельзя обойти молчаніемъ и живой, съ большой эрудиціей написанный этюдъ, посвященный сказанію о мѣдномъ токѣ или гумнѣ, сказанію, слѣды котораго авторъ находитъ въ греческихъ, словянскихъ, русскихъ и сербскихъ преданіяхъ, а также въ апокрифической литературѣ болгаръ.

Должно упомянуть, наконецъ, и о работахъ М. С-ча историко-литературнаго характера. Таковъ его ранній этюдъ, посвященный родоначальнику болгарскаго возрожденія Паисію (1871) Такова его статья о другомъ дѣятелѣ болгарскаго возрожденія—Софроніи Врачанскомъ (1884), его этюдъ, посвященный первой болгарской типографіи въ Солунѣ и напечатаннымъ въ ней книгамъ: нельзя пройти молчаніемъ и его статью, вышедшую подъ заглавіемъ «Новый церк.-сл. памятникъ съ упоминаніемъ о славянскихъ первоучителяхъ», которая знакомитъ читателя съ литературной исторіей болгарскаго синодика, освѣщаетъ вопросъ объ извѣстной Солунской легендѣ и пространномъ житіи Климента, даетъ цѣнные матеріалы для Кирилло-Меѳодіевскаго вопроса вообще.

Нельзя не назвать и его обстоятельный разборъ книги Сырку, посвященной литературной дѣятельности Евѳимія Терновскаго.

Такова въ общихъ чертахъ научная дѣятельность М. С-ча. Говоря объ отдѣльныхъ ея пунктахъ, мы не успѣли отмѣтить и половины общаго числа работъ, вышедшихъ изъ подъ пера покойнаго.

Но общій характеръ этой научной дѣятельности, ея общее содержаніе, отличительныя черты личности покойнаго какъ ученаго, и его значеніе въ исторіи славянской науки и въ исторіи болгарской жизни, намъ кажется, болѣе или менѣе выяснено: выдающаяся дѣятельность на полѣ національнаго возрожденія Болгаріи и крупныя ученыя заслуги, горячая любовь къ родинѣ и строгая научная объективность, острый критическій умъ и гуманное сердце—такимъ рисуется намъ М. С-чъ по его ученымъ работамъ.

Такимъ знали его всѣ, кто находился съ нимъ въ непосредственномъ общеніи; неизгладимый слѣдъ оставилъ М. С. въ ихъ сердцѣ; неизгладимый слѣдъ оставила его дѣятельность въ историческихъ судьбахъ его роднаго народа; неизгладимый слѣдъ оставила она въ судьбахъ русскаго просвѣщенія.

Не можетъ она, наконецъ, пройти безслѣдно въ исторіи культурной взаимности двухъ родственныхъ, братскихъ народовъ, болгарскаго и русскаго.

На зарѣ своей исторіи, только что принявшая христіанство Русь получила отъ болгаръ книги, положившія основу ея христіанской культурѣ и ея письменности

Нѣсколько столѣтій позже, когда совмѣстное преслѣдованіе турокъ и греческаго духовенства уничтожило совершенно богатую нѣкогда болгарскую литературу, Русь послала болгарамъ обратно ихъ книги въ новыхъ спискахъ, сдѣланныхъ братской рукой.

Такъ въ теченіи вѣковъ поддерживалась тѣсная культурная связь между Болгаріей и Русью, и послѣднимъ звеномъ этой связи, и вмѣстѣ

живымъ образомъ ея является покойный Мар. С-чъ. Мы получили его отъ тебя, братскій болгарскій народъ, и возвращаемъ его тебѣ.*) *Твой и нашъ!* „Не умре—но успе“, его труды, написанные яснымъ, легкимъ, какъ бы роднымъ ему русскимъ языкомъ и вмѣстѣ посвященные его родинѣ, Болгаріи, будутъ изучаться одинаково болгарами и русскими: намъ родной-русскій языкъ сдѣлаетъ дорогимъ намъ ихъ болгарское содержаніе, и ихъ болгарское содержаніе сдѣлаетъ близкимъ и дорогимъ болгарамъ ихъ русскій языкъ. На изученіи этихъ трудовъ будутъ всегда сближаться болгарская и русская наука, болгарскій и русскій народъ—на пользу и счастье словянства, для котораго жилъ Маринъ Степановичъ.

С. Кульбинскій

*) Предполагалось перенесеніе праха покойнаго въ Болгарію.

Памяти М. С. Дринова [1].

(† 28 февраля 1906 г.).

Нѣтъ его болѣе среди насъ—дорогого, высокочтимаго товарища Марина Степановича... Смерть жестокая, неумолимая, похитила его отъ насъ, и онъ ушелъ туда, откуда нѣтъ возврата, ушелъ, оставивъ осиротѣлой семью, покинувъ то любимое дѣло, для котораго работалъ всю свою жизнь, не увидавъ еще въ послѣдній разъ своей дорогой родины, къ которой такъ рвался, особенно въ послѣднее время, о которой всегда думалъ, мечталъ и которой посвятилъ всѣ свои силы, всю свою энергію, весь пылъ любви своей вѣчно юной, прекрасной души...

Да, его болѣе нѣтъ среди насъ. Вчера мы опустили его въ могилу, сказавъ ему послѣднее «прости».

Съ душевной болью мы стояли у его могилы, печально сознавая, что не увидимъ уже болѣе его, не услышимъ его умной, всегда интересной рѣчи, не увидимъ его привѣтливаго, кроткаго лица, озареннаго ясной улыбкой, не получимъ отъ него добраго совѣта, руководства... Мы потеряли навсегда его, высокочтимаго, дорогого, добрѣйшаго товарища, съ его чистой, трогательно-нѣжной, отзывчивой на все доброе, прекрасное, душой, съ его обширными научными познаніями, которыми онъ такъ щедро дѣлился съ нами и которыми служилъ наукѣ, родинѣ... Мы скорбимъ о великой утратѣ въ его лицѣ для науки, для нашего родного университета, для нашей родины. И вмѣстѣ съ нами скорбитъ его первая родина, Болгарія, почти изъ всѣхъ городовъ своихъ шлющая намъ соболѣзнованія, слова сочувствія, сожалѣнія въ великой утратѣ, прославшая къ намъ, наконецъ, высшихъ представителей своего народа, дѣятелей въ области просвѣщенія, культуры. Мы глубоко цѣнимъ эту дань почтенія къ М. С., насъ до глубины души трогаетъ этотъ послѣдній привѣтъ, привезенный изъ Болгаріи ея сыну—нашему любимому товарищу, славѣ и гордости

---

[1]) Рѣчь, сказанная въ засѣданіи Харьковскаго историко-филологическаго общества 8 марта 1906 г., посвященномъ памяти покойнаго ученаго, въ присутствіи болгарской депутаціи прибывшей изъ Софіи на погребеніе своего славнаго соотечественника.

нашего университита, какъ одному изъ лучшихъ славистовъ въ широкомъ смыслѣ этого слова. И наша скорбь смягчается этимъ сочуствіемъ, идущимъ отовсюду отъ научныхъ дѣятелей университетовъ, отъ историко-филологическихъ факультетовъ, отъ ученыхъ обществъ: эти сочувствія— лучшій показатель, что жизнь М. С. многоцѣнна, дорога, что своею дѣятельностью онъ принесъ большую пользу наукѣ, просвѣщенію...

Какова эта дѣятельность, чего она касалась, насколько она была высокоплодотворна, какой глубокій слѣдъ она оставила въ наукѣ славяновѣдѣнія, мы знаемъ изъ рѣчей моихъ высокоуважаемыхъ товарищеи. Задача моей небольшой рѣчи, служащей слабымъ выраженіемъ моего глубокого уваженія и любви къ старшему товарищу, выраженіемъ чувства искренней и глубокой благодарности за все то доброе и прекрасное, что я получилъ отъ него,—подѣлиться съ вами немногими воспоминаніями о немъ, указать на нѣкоторые эпизоды изъ его жизни, характеризующіе его, какъ человѣка, отмѣчающіе его глубокую любовь къ наукѣ, къ родинѣ.

М. С родился въ небольшомъ городкѣ Болгарии—Панагюрище (въ сѣверной Ѳракіи). Происходя изъ небогатой семьи, онъ все же, благодаря вниманію родителей и благодаря своимъ выдающимся способностямъ, получилъ прекрасное среднее образованіе Жизнь въ семьѣ, близость къ народу, къ народной жизни, оставили глубокій слѣдъ въ душѣ юноши. Онъ видѣлъ угнетенное положеніе народа, его рабскую зависимость, видѣлъ, какъ подавляются его духовныя силы, какъ онѣ пропадаютъ, какъ, благодаря отсутствію просвѣщенія, бѣдная его родина опускается все ниже и ниже въ своемъ значеніи... Рабство, невѣжество—спутники деспотіи, оковы прогресса.

И въ головѣ юноши, какъ и у многихъ другихъ, лучшихъ сознательныхъ сыновъ родины, конечно работала мысль о томъ, какъ разбить эти оковы, какъ помочь бѣдной родинѣ возстановить ея былую самостоятельность, дать развитіе духовнымъ силамъ народа, нѣкогда создавшимъ замѣчательные памятники культуры, оказывавшіе вліяніе на культуру другихъ народовъ.. У этихъ лучшихъ сыновъ бѣдной родины создавались планы, идеалы—поработать для возрожденія родины. Но для работы, особенно культурно-политической необходимо собственное развитіе, обогащеніе научными познаніями. Гдѣ же можно было ихъ получить? Конечно, прежде всего въ западныхъ государствахъ, гдѣ наука стоитъ высоко. Но славяне вообще и болгаре въ частности не забывали уже въ то время о родственномъ для нихъ народѣ—русскихъ, у которыхъ въ ихъ университетѣ можно было почерпнуть эти знанія, особенно въ области историко-филологическихъ наукъ, касающихся, между прочимъ, и культурно-

историческихъ вопросовъ дорогихъ всѣмъ славянамъ.

И М С. отправляется въ Москву и поступаетъ въ славившійся уже тогда лучшими научными силами университетъ.

М С. при своей скромности, деликатности, рѣдко дѣлился своими воспоминаніями юности. Но что онъ переживалъ, что волновало его юную душу, что побудило его покинуть родину, мы можемъ живо себѣ представить, нарисовать, зная его послѣдующую дѣятельность.

Говоря о юношѣ болгаринѣ Дриновѣ, воспитанникѣ Московскаго университета, мы невольно вспоминаемъ художественный образъ, возсозданный нашимъ великимъ писателемъ Тургеневымъ въ его романѣ „Наканунѣ“, написанномъ въ 1859 г., т. е. приблизительно въ то время, когда М. С поступилъ въ Московскій университетъ. Мы разумѣемъ юношу Инсарова, также болгарина Сопоставляя его съ М. С., мы не хотимъ тѣмъ сказать, что находимъ въ нихъ сходныя черты характера. Нѣтъ, эти черты во многомъ разнятся. Но для насъ несомнѣнно, что то, что воодушевляло юношу Инсарова, воодушевляло и М. С., у обоихъ были однѣ цѣли, одни планы. Очевидно также, что въ Инсаровыхъ нарождалась уже новая общественная сила, и Тургеневъ своимъ художественнымъ чувствомъ уловилъ ея присутствіе.

Что же воодушевляетъ Инсарова, что служитъ предметомъ его занятій? Обратимся для отвѣта на эти вопросы къ самому роману. Въ бесѣдѣ Елены съ Берсеневымъ объ Инсаровѣ выясняется цѣль его пребыванія въ Москвѣ, его надежды, мечты; на вопросъ Елены, зачѣмъ Инсаровъ живетъ въ Москвѣ,—Берсеневъ отвѣчаетъ: «Онъ пріѣхалъ сюда учиться И знаете ли, съ какой цѣлью онъ учится? У него одна мысль: освобожденіе его родины».

Въ описаніи посѣщенія Берсеневымъ Инсарова писатель подробно останавливается на занятіяхъ послѣдняго и пользуется случаемъ для характеристики его. „Онъ учился и русской исторіи, и праву, и политической экономіи, переводилъ болгарскія пѣсни и лѣтописи, собиралъ матеріалы о восточномъ вопросѣ, составлялъ русскую грамматику для болгаръ, болгарскую для русскихъ“ (изд. Маркса, 1898, II, 68).

„Отъ пѣсенъ,—говоритъ Тургеневъ,—Берсеневъ перешелъ къ современному положенію Болгаріи, и тутъ онъ впервые замѣтилъ, какая совершалась перемѣна въ Инсаровѣ при одномъ упоминаніи его родины: не то, чтобы лицо его разгоралось, или голосъ возвышался—нѣтъ! но все существо его какъ будто крѣпло и стремилось впередъ, очертаніе губъ обозначалось рѣзче и неумолимѣе, а въ глубинѣ глазъ зажигался какой-то глухой, неугасимый огонь. Инсаровъ не любилъ распространяться о собственной своей поѣздкѣ на родину, но о Болгаріи вообще говорилъ охотно со всякимъ.

Онъ говорилъ, не спѣша, о туркахъ, о ихъ притѣсненіяхъ, о горѣ и бѣдствіяхъ своихъ согражданъ, объ ихъ надеждахъ; сосредоточенная обдуманность единой и давней страсти слышалась въ каждомъ его словѣ» (ib.) Инсаровъ такимъ образомъ истинный сынъ своей родины, страдающій, что она несчастна, болѣющій о ней, мечтающій помочь ей, ея освобожденію. «Я увѣренъ,—говоритъ онъ Еленѣ,—вы полюбите насъ: вы всѣхъ притѣсненныхъ любите Если бы вы знали, какой нашъ край благодатный А, между тѣмъ, его топчутъ, его терзаютъ,—подхватилъ онъ съ невольнымъ движеніемъ руки, и лицо его потемнѣло:—у насъ все отняли, все: наши церкви, наши права, наши земли; какъ стадо, гоняютъ насъ поганые турки, насъ рѣжутъ... Вы сейчасъ спрашивали меня, люблю ли я свою родину Что же другое можно любить на землѣ? Что одно неизмѣнно, что выше всѣхъ сомнѣній, чему нельзя не вѣрить, послѣ Бога? И когда эта родина нуждается въ тебѣ... Замѣтьте: послѣдній мужикъ, послѣдній нищій въ Болгаріи и я,—мы желаемъ одного и того же У всѣхъ у насъ одна цѣль" . (281—282).

Такія же мечты летѣли и М. С., такія же чувства любви къ родинѣ воодушевляли и его. Помочь родинѣ, дѣлу освобожденія ея, онъ надѣялся культурной работой, изученіемъ прошлаго ея, языка его народа его исторіи; въ этомъ прошломъ онъ находилъ права народа на его настоящее, на возстановленіе этихъ правъ, на политическо-культурное возрожденіе его въ настоящемъ Наука, научныя цѣли и задачи, оставаясь у него вѣрны сами по себѣ въ своей истинѣ, объективности, служили въ то же время политикѣ. И М. С научной дѣятельностью принесъ великую пользу своей родинѣ въ политическомъ отношеніи. Чтобы быть наиболѣе полезнымъ родинѣ—въ защитѣ ея, ея правъ, тѣмъ орудіемъ, которое онъ избралъ—наукой, М. С. и посвятилъ послѣдней всѣ свои силы, всѣ дарованія.

Окончивъ въ 1866 г. Московскій университетъ, гдѣ онъ имѣлъ въ лицѣ Бодянскаго, Буслаева выдающихся учителей-славистовъ, М. С. въ теченіе пяти лѣтъ путешествовалъ по славянскимъ землямъ въ Австріи и Турціи и значительное время пробылъ въ Италіи, гдѣ занимался въ архивахъ, изучая памятники дипломатическихъ сношеній южныхъ славянъ съ Италіей и другіе памятники, имѣющіе отношеніе къ литературѣ и исторіи славянъ.

Съ какой любовью относился молодой ученый къ своему дѣлу, какъ онъ тщательно подбиралъ источники для культурной исторіи болгаръ, не говоря о множествѣ фактовъ, о которыхъ можно судить по самимъ печатнымъ его сочиненіямъ, укажу на одинъ, которымъ подѣлился со мной покойный въ бесѣдахъ по поводу иллюстрированныхъ болгарскихъ рукописей. Занимаясь въ Ватиканской библіотекѣ рукописями, М. С., конечно, обратилъ спеціальное вниманіе на выдающійся болгарскій памятникъ XIV вѣ-

ка „Манасиину лѣтопись“, имѣющій важное значеніе не только для политической исторіи болгаръ, исторіи литературы, языкознанія, но и для искусства, благодаря тѣмъ многочисленнымъ миніатюрамъ, которыми рукопись украшена. М. С. обратилъ должное вниманіе и на эти миніатюры, и въ сознаніи большого ихъ значенія для исторіи болгарскаго искусства XIV вѣка, для разрѣшенія различныхъ научныхъ вопросовъ, напримѣръ, вліянія на это искусство византійскаго и вліянія въ свою очередь болгарскаго искусства на искусство другихъ славянскихъ народовъ.—задумалъ изданіе ихъ. Онъ не пожалѣлъ своихъ небольшихъ средствъ на заказъ художнику копій съ большей части ихъ въ краскахъ Къ сожалѣнію, издать самому эти копіи не пришлось, такъ какъ у него на это совершенно не было средствъ, найти же издателя также не удалось, и эти копіи теперь одно изъ драгоцѣнныхъ наслѣдій покойнаго на ряду съ его библіотекой и собраніемъ рукописей. Въ то же заграничное путешествіе напечатаны М. С первые два его труда на болгарскомъ языкѣ: „Взглядъ на происхожденіе болгарскаго народа и на начало болгарской исторіи“ и „Обзоръ исторіи болгарской церкви отъ ея начала и донынѣ“ (Вѣна 1869)

Весьма знаменательно предисловіе покойнаго къ одному изъ этихъ трудовъ, ясно указывающее на его сильное чувство патріотизма, руководившее имъ, въ его научной дѣятельности, на осуществленіе имъ, наконецъ, тѣхъ плановъ, идеаловъ, которыми была преисполнена въ годы ученія душа юноши, лучшаго сына своей родины. Онъ говоритъ здѣсь, что вслѣдствіе тяжелыхъ обстоятельствъ болгарскій народъ „увидѣлъ себя какъ бы отрѣзаннымъ отъ свѣта, сиротою между другими народами, безъ прошедшаго, безъ исторіи, безъ предковъ. Поэтому одно чувство должно было обнять душу болгарина—самоуничиженіе, рѣшительно препятствующее самостоятельному развитію болгаръ“ и мѣшающее имъ пользоваться болѣе благопріятными условіями жизни. Этому чувству и противодѣйствовалъ М. С. послѣдующими своими многочисленными научными трудами, создавая въ то же время богатство не только для болгарской науки, но и для европейской, а въ частности русской, помогая своей родинѣ, ея возрожденію, поднятію ея національнаго самосознанія, осуществленію различныхъ культурно политическихъ начинаній, распространенію просвѣщенія

Съ 1873 г М. С. переѣхалъ въ Харьковъ, избранный совѣтомъ университета на каѳедру славяновѣдѣнія, и съ того времени болѣе тридцати лѣтъ онъ занималъ ее, съ честью и славой работая на пользу науки. просвѣщенія, составляя гордость и славу нашего университета, служа лучшимъ его украшеніемъ, являясь однимъ изъ лучшихъ славистовъ, работающихъ въ Россіи

Работая въ Россіи, въ скромномъ, провинціальномъ городѣ, М. С.

преслѣдовалъ всегда лишь однѣ чисто научныя цѣли, онъ чуждъ и далекъ былъ карьеризма, погони за наживой, почестью, славой. Онъ зналъ лишь одно свое святое дѣло, которому неизмѣнно прослужилъ всю жизнь,—науку, онъ помнилъ и никогда не забывалъ о своей родинѣ, и, работая въ научной области здѣсь въ Россіи, ставшей для него второй родиной, работалъ въ то же время и для Болгаріи, посвящая ей свои изслѣдованія въ области исторіи, литературы, языка, этнографіи Лишь на небольшое время М. С. покинулъ Харьковъ, оставивъ свою чисто научную дѣятельность. Это было въ 1877—1878 г.г.—періодъ освободительной войны. Сердце вѣрнаго сына своей родины сказалось и въ этомъ отъѣздѣ: родина переживала критическій моментъ, и онъ поспѣшилъ на ея призывъ... Нѣкоторое время М. С. былъ при отрядѣ войскъ, велъ бивуачную жизнь во время осады Плевны, а послѣ окончанія войны, когда Болгарія получила права на жизнь свободную, права свободнаго государства, онъ принимаетъ участіе въ устроеніи освобожденной родины, какъ министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ; и на этомъ посту, даже за небольшое время онъ успѣваетъ принести много пользы дѣлу просвѣщенія Административная дѣятельность тяготила М. С. Родина его уже вступила на свободный путь развитія; свобода дала ей залогъ этого развитія, и М. С. спокойно могъ удалиться вновь въ Харьковъ, гдѣ попрежнему всецѣло посвящаетъ свои силы научнымъ трудамъ, попрежнему, никогда не забывая своей родины, всегда принимая близко къ сердцу ея интересы. Въ 1881 г. М. С. получилъ приглашеніе занять еще болѣе высокій постъ: президента болгарскаго государственнаго совѣта. Но онъ не принялъ этого званія, оставшись вѣренъ своимъ симпатіямъ и влеченіямъ къ скромной, ученой работѣ.

Насколько высокополезна была научная дѣятельность М. С. для Болгаріи, настолько же она была полезна и для Россіи, для нашего университета, для русской науки... И память о немъ будетъ дорога, какъ тамъ въ Болгаріи, такъ и здѣсь, такъ какъ онъ намъ столь же близокъ и дорогъ, какъ и Болгаріи. Онъ прожилъ среди насъ болѣе тридцати лѣтъ, поработавъ на нивѣ распространенія высшаго образованія, подготовивъ не одно поколѣніе научныхъ и педагогическихъ дѣятелей. М С., придя оттуда изъ братской для насъ земли, братски внесъ крупный вкладъ въ сокровищницу русскаго просвѣщенія, возблагодаривъ сторицею за то, что онъ получилъ у насъ, въ старѣйшемъ русскомъ университетѣ... И оттого съ именемъ М. С. намъ будетъ дорого воспоминаніе о немъ, о его дѣятельности, о томъ скромномъ домикѣ на Холодной горѣ, гдѣ имъ прожито не мало лѣтъ, гдѣ написано немало трудовъ, но намъ будетъ дорого и воспоминаніе о его милой родинѣ, гдѣ онъ родился и провелъ лучшіе

годы своей жизни, жизни въ родной семьѣ, среди родного народа, заложившей въ его душѣ лучшія чувства...

Но М. С. дорогъ намъ не только, какъ научный дѣятель, онъ дорогъ намъ, какъ человѣкъ, какъ товарищъ. Трудно передать все обаяніе личности М. С. Это былъ человѣкъ въ лучшемъ, благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова. Онъ отличался необыкновенной добротой, привѣтливостью, чистой, ясной, открытой душой, преисполненной любви ко всему доброму, прекрасному. Ко всѣмъ людямъ, товарищамъ онъ относился доброжелательно, готовъ всегда былъ услужить, помочь всѣмъ, чѣмъ могъ. Тамъ, гдѣ онъ былъ, не было мѣста враждѣ, раздору, не было мѣста и лжи, лукавству. Умъ ясный, здравый, смотрящій всегда въ глубину дѣла, онъ любилъ также во всемъ ясность, справедливость, соединенную съ гуманностью, съ сочувствіемъ положенію человѣка, къ тѣмъ или инымъ обстоятельствамъ въ его жизни, дѣлахъ... Трудно сказать, были ли враги у М. С., но смѣло можно сказать: онъ имѣлъ по преимуществу друзей, искренно уважающихъ, почитающихъ его и любящихъ.

Особенно трогательно было его доброжелательное отношеніе къ младшимъ товарищамъ, которымъ онъ помогалъ своими обширными свѣдѣніями и научными совѣтами. Сколько ученыхъ, работающихъ въ различныхъ университетахъ, съ чувствомъ искренняго сожалѣнія и съ душевной болью узнавъ о его смерти, помянутъ добрымъ словомъ!

Я не имѣю возможности указывать здѣсь на примѣры. Одинъ изъ нихъ указанъ Н. Ѳ. Сумцовымъ въ его статьѣ „Выступленіе А. А. Потебни на ученое поприще и участіе въ этомъ дѣлѣ М. С. Дринова“[1]). Я лично не могу не вспомнить съ чувствомъ искренней благодарности и признательности доброжелательныя отношенія М. С. ко мнѣ, его готовность прійти на помощь во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда я обращался къ нему, напримѣръ, по поводу вопросовъ о времени и мѣстѣ перевода на славянскій языкъ сочиненія Козьмы Индикоплова на основаніи извѣстныхъ списковъ его, бывшихъ столь распространенными на Руси. М. С. былъ такъ добръ—сдѣлалъ для меня множество выписокъ изъ нѣкоторыхъ списковъ и собирался сдѣлать сводку имъ; но болѣзнь помѣшала привести ему это въ исполненіе Весьма близко къ сердцу принялъ М. С. вопросъ о полученіи фотографій и подробныхъ свѣдѣній о единственной пока извѣстной славянской рукописи Козьмы Индикоплова и, повидимому, иллюстрированной, находящейся въ монастырѣ св. Троицы близъ Плевля...

---

[1]) Сборникъ статей въ честь М. С. Дринова (Сборникъ Харьковскаго историко-филологическаго общества, т. XV, стр. 111)
„Истор. вѣстн.“, іюнь, 1906 г., т. CV.

Какъ онъ жалѣлъ, что уже не молодъ, и не можетъ совершить поѣздокъ по славянскимъ землямъ и поработать въ монастырскихъ и другихъ библіотекахъ въ поискахъ матеріаловъ для нѣкоторыхъ трудовъ, начатыхъ имъ и не оконченныхъ... „Вотъ,—говорилъ онъ,—тогда я нашелъ бы вамъ, можетъ быть, и болгарскую лицевую рукопись сочиненія Козьмы Индикоплова“... Переписка, веденная мною подъ руководствомъ М. С., къ сожалѣнію, не дала положительныхъ результатовъ въ виду запрета высшей духовной власти. Съ какимъ трогательнымъ вниманіемъ М. С. отозвался на мою просьбу совмѣстно разсмотрѣть нѣкоторые рукописные списки Шестоднева Іоанна, экзарха болгарскаго! Мы подробно разсматривали ихъ, и М. С. охотно дѣлился при этомъ своими важными замѣчаніями по поводу текста, источниковъ его и т. п. Въ результатѣ этихъ занятій были рефераты, прочитанные нами въ Харьковскомъ историко-филологическомъ обществѣ; весьма цѣнный рефератъ М. С. остался ненапечатаннымъ...

М. С до послѣднихъ дней своей жизни не терялъ интереса ни къ наукѣ, ни къ совершающемуся освободительному движенію въ Россіи. Онъ живо и горячо относился ко всему, и притомъ настолько, что, видя въ совершающемся движеніи наступленіе важныхъ историческихъ событій, уже лежа въ постели, перечитывалъ капитальные труды по исторіи освободительныхъ движеній въ другихъ государствахъ... Онъ болѣлъ душой о закрытіи университетовъ, объ остановкѣ научной въ нихъ работы...

Закрывая глаза навѣки, онъ могъ быть спокоенъ за свою дорогую для него родину, Болгарію, которая, получивъ свободу, вступила на путь прогресса и пользуется широко и плодами трудовъ его. Въ этомъ отношеніи онъ былъ счастливъ, что еще при жизни увидѣлъ благіе результаты своихъ трудовъ, получилъ оцѣнку ихъ. И благодарная Болгарія и нынѣ несетъ ему дань признательности въ лицѣ своихъ представителей, сказавшихъ ему послѣднее „прости“, увѣнчавшихъ его могилу цвѣтами, выразившихъ ему свою любовь, высокое почитаніе. Закрывая глаза, онъ, однако, могъ быть менѣе покоенъ за свою также для него дорогую вторую родину—Россію. Онъ прожилъ въ ней большую часть своей жизни, отдавъ ей лучшія свои силы, желая ей добра, блага. Онъ, какъ и всѣ мы, ожидалъ и для Россіи наступленія свободы, обновленія, когда культура, наука, просвѣщеніе должны будутъ получить широкій просторъ, широкое развитіе, коснувшись и бѣднаго, приниженнаго, забитаго, голоднаго полураба-крестьянина.

Да наступитъ же скорѣе это время, и пусть вмѣстѣ съ нимъ у насъ явится побольше такихъ культурныхъ дѣятелей, какъ М. С. Дри-

новъ, гордость и слава націи, залогъ ея прогресса, залогъ совмѣстной въ будущемъ работы славянскихъ народовъ-братьевъ на нивѣ культуры, просвѣщенія.

Е. К. Рѣдинъ.

ДОПОЛНЕНІЯ

Дополненія къ ст. проф. Б. М. Ляпунова, сдѣланныя самимъ М. С. Дриновымъ.

Къ стр. 1, стр. 11.

„Вопросъ былъ поднятъ раньше. Статья Дринова имѣла цѣлью поддержать энергію болгарскихъ патріотовъ, начавшихъ было отчаяваться въ успѣхѣ своей борьбы съ фанаріотами и іезуитствомъ".

Къ списку ученыхъ трудовъ М. С. Дринова.

Стр. 11

О парижской выставкѣ 1867 г. въ газетѣ Славейкова „Македонія".

Что нужно дѣлать болгарамъ? Въ букурещенск. „Независимости" письмо изъ Пеща.

О празднованіи юбилея Іоанна Гуса въ „Дунавск. Зорѣ".

О Книжовномъ Дружествѣ въ „Дунавск. Зорѣ".

Къ стр. 12.

Двѣ статьи полемики съ проф. Надлеромъ по Восточному вопросу въ „Южномъ Краѣ" 1881 г.

Письмо въ „Маріцѣ" по вопросу объ отказѣ М. С. Дринова отъ вступленія въ „Държавенъ Съвѣтъ".

По вопросу о правописаніи въ „Маріцѣ". Замѣтки на статью Панаретова, Нѣколько съвѣти на „единъ отъ мои тѣ послѣдователи".

Къ стр. 13.

Три български грамоти въ единъ български огговоръ Миклошичу (Богорова).

Отвѣтъ Средневскому въ „Извѣстіяхъ Спб. Об.“ 1887—88 г.

Къ 14 стр.

Предисловіе ко второму изданію соч. А. А. Потебни „Мысль и языки“.

Къ 15 стр.

Разборъ соч. Сырку: Очерки изъ исторіи взаимныхъ отношеній болгаръ и сербовъ въ XIV—XVII в. Житіе св. Николая Софійскаго по рукописи XVI в.

Къ 380 стр.

Статья П. К. Симони не окончена печатаньемъ по типографскимъ затрудненіямъ. Окончаніе ея и м. быть перепечатка переносится въ одинъ изъ слѣдующихъ томовъ Сборника.